

Е. Я. ГАБОВИЧ

ИСТОРИЯ ПОД ЗНАКОМ ВОПРОСА

ЕВГЕНИЙ ГАБОВИЧ
ИСТОРИЯ ПОД ЗНАКОМ ВОПРОСА

Авторизованный перевод с немецкого:

Леонид Ратнер

Электронное издание Сергей Нечаев

EuroPharmProject 2012

Аннотация

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИКИ – ОСНОВНЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ НАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ!

Такое громкое заявление делает один из ведущих авторов современной немецкой исторической и хронологической критики Евгений Габович. Академик Фоменко не одинок! Многие западные исследователи также уверены в том, что традиционная версия мировой истории неверна, а ее хронология не выдерживает никакой критики.

Автор убедительно доказывает участие историков в фальсификации наших представлений о прошлом, демонстрирует их неосведомленность в вопросах хронологии, их служение политике, литературной моде, идеологиям, в том числе и современным националистическим.

Е. Габович дает нам возможность проследить за тем, как шел процесс выдумывания хронологии ее классиками Скалигером и Петавиусом, Кальвизием и Казобоном. Биографии этих видных генераторов наших неверных хронологических представлений впервые даны столь подробно. «История принадлежит народу, а не академической элите жрецов религии прошлого, – считает автор, – и народ должен знать апостолов последней».

ПРЕДИСЛОВИЕ Г.В.НОСОВСКОГО И А.Т.ФОМЕНКО

Книга Е.Я.Габовича, лежащая перед читателем, содержит много интересного материала, касающегося критики хронологии истории на Западе. Многие, что написано в книге, является новым для российского читателя, поскольку ранее на русском языке вообще не публиковалось. Не со всем в книге мы согласны и в особенности не приветствуем местами подчеркнуто шутливый тон автора (поскольку речь идет о достаточно серьезных вещах), но в целом книга представляется нам интересной и познавательной.

Скажем несколько слов об авторе настоящей книги. Профессор Евгений Яковлевич Габович – разносторонне образованный человек, имеет высшее физико-математическое образование. Работал в области математики (чистой и прикладной), естественных наук, экономики, современной техники и защиты окружающей среды, параллельно стал известен также как писатель, журналист и переводчик. Его отличает широта взглядов, свобода мышления, способность к глубокому критическому анализу. Е.Я.Габович родился в 1938 г. и вырос в Эстонии, где и закончил Тартуский университет. О своей юности в Эстонии он пишет в первой главе книги. Учился в аспирантуре МГУ. Жил и работал в России в 70х годах XX в.. В настоящее время живет в Германии, куда переселился более 25 лет тому назад. В течение 22 лет заведовал отделом математического обеспечения в крупнейшем немецком Исследовательском центре в г. Карлсруэ. Очень много сделал для распространения в Германии идей Новой Хронологии и вообще критических взглядов на скалигеровскую версию истории. Путешествуя по миру, обнаружил много интересных и важных фактов, связанных с историей и хронологией. Является автором нескольких прекрасно написанных работ, посвященных анализу истории. В свое время был участником исторического салона в Берлине и конференций Г. Иллига (Германия). Затем им был создан новый исторический салон в Германии, который работает вот уже скоро десять лет и который по своей популярности уже значительно превзошел салон в Берлине. В значительной мере благодаря его усилиям работает Интернет-сайт на немецком языке по Новой Хронологии и критике истории. Ему принадлежит ряд ценных соображений и идей, относящихся к реконструкции подлинной истории.

Мы рады, что книга Евгения Яковлевича Габовича появляется теперь на русском языке.

Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко.

Июнь 2005 года. Москва.

Предисловие переводчика

Об авторе книги — Евгении Яковлевиче Габовиче — имеется достаточно много материалов в интернете, в том числе в Википедии и на созданном Габовичем сайте "<http://geschichte-chronologie.de/>". Отмечу лишь, что Евгений Яковлевич до сосредоточения на исторической аналитике не только успешно работал в области математики и экологии, но и глубоко интересовался историей (которую впоследствии называл только «традиционной»), о чем любопытно рассказал в автобиографических записках «Путешествие из немцев в викинги ...».

Леонид Ратнер

Книга «История под знаком вопроса» выросла из многочисленных публикаций Е.Габовича — разного объема, разных степеней глубины, полемичности, целевой аудитории.

Одна из главных моих задач как «переводчика» состояла в придании предложенному материалу однородности и целостности. Конечно, Евгений Яковлевич мог бы и сам проделать эту работу, но он предпочел активно работать над собственно научными вопросами, в том числе, писать главы книги или их фрагменты по темам, которые считал недостаточно раскрытыми в его прошлых публикациях. Я взял слово «переводчик» в кавычки также и потому, что некоторая часть материалов изначально была написана по-русски. Перевод с немецкого и, изредка, английского языков был непростой задачей — кроме чисто лингвистических проблем были сложности из-за неустоявшейся лексики, труднодоступности цитируемых материалов (а их следовало проверять), да и просто перевода (а перед этим — тщательного поиска уже принятых в русской историографии написаний) сотен имен. Однако, и русские тексты приходилось «переводить». Конечно, не потому, что Габович недостаточно владел русским языком. Как раз наоборот — он владел им блестяще (хотя «родными» для него были и немецкий, и эстонский — семья родителей жила в Тарту). И всю жизнь пользовался этим: наряду с серьезными по стилю материалами много было текстов, переполненных юмором, переходящим в сарказм, а порой — даже в ерничество.

Основная часть сарказма была адресована «традиционным» историкам. Но иногда доставалось и читателям. А часто — и коллегам, работающим в области исторической аналитики: ведь — это и хорошо и плохо — в той науке, которая широко называется «новая хронология» (хотя основная концепция и копирайт «новой хронологии» принадлежат А.Фоменко и Г.Носовскому) существует огромное разнообразие течений.

Разумеется, большая часть самобытного юмора автора сохранилась в книге и порадует читателей.

Почти до конца работы над книгой мы общались по интернету. Я получал главу или материалы к ней, переводил или редактировал, исправлял мелкие неточности и опечатки, проверял цитаты и ссылки, порой позволял себе поспорить по-крупному, отсылал свой вариант, получал его снова с замечаниями, исправлениями, добавлениями, насмешками и пр., дорабатывал — и так по много раз. К огромному сожалению, в печатавшейся книге, когда она уже вышла из под нашего контроля, типография допустила грубую оплошность: вместо второй части таблицы была повторно напечатана первая часть (стр. 352). В настоящем (электронном издании) этот огрех исправлен. Последнюю перед сдачей книги в издательство неделю мы работали вместе буквально. Я приехал в гостеприимный дом Евгения Яковлевича и его жены Екатерины в Потсдам, и мы заново проработали всю книгу, сняли нерешенные вопросы. Остались, впрочем, и мелкие разногласия. Например, мне казались избыточными некоторые рисунки. Одно дело, считал я, дать фото «Великой китайской стены», а другое — абстрактный рисунок на тему индийской мифологии. Однако, когда готовая книга попала мне в руки, я понял, что Евгений Яковлевич смотрел на этот вопрос глубже меня: его подход способствовал созданию необходимой для погружения в текст атмосферы и уравнивал книгу с

художественной точки зрения.

Почти год совместной работы с Е. Габовичем были для меня не только временем напряженного труда. Я увидел замечательный пример самоотдачи любимому делу, глубокого мышления, блестящего преодоления догм и бесстрашного отношения к авторитетам.

Я надеюсь, читатели книги не только узнают много новой, интересной, необычно скомпонованной, убедительной информации, но и почувствуют ту атмосферу, о которой я сказал предложением выше.

Леонид Ратнер

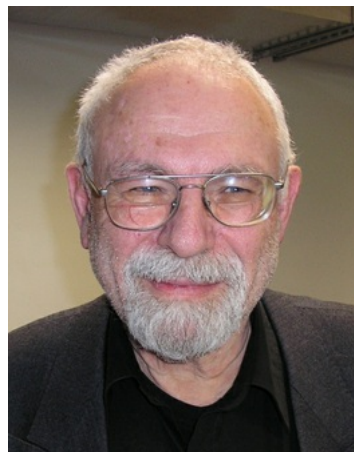
Авторское предупреждение читателям

Когда Ромул основал Рим, по городу бегали сплошные волки.

*Из книги Хельмута Минковского
«Самое крупное насекомое это слон.
Перлы профессора Галлеттуса»*

Если бы я взялся писать о самых первых действиях по основанию Рима, то не смог бы ограничиться описанием возведения первых зданий и укреплений. Ведь Ромулу, скорее всего, пришлось сначала изгонять волков из будущего Рима, а они уже привыкли считать эту территорию своей и больно кусались! Отгонять волков нелегко, убивать их жалко, но мифических доблестных римлян было мало, а реальных волков – мириады. Вот и решай, о чем писать ...

К тому же я намерен написать книгу, в которой что ни слово, то абсурдное утверждение, в которой черное называется белым, а белое фиолетовым, в которой опровергается то, что мы знаем с детства, и утверждается то, чего быть не может, потому что этого не может быть никогда.

Евгений Габович

Салман Рушди всего-то покусился на святость одного пророка одной религии и за это был осужден на смертную казнь ее духовными руководителями. В этой же книге будет рассказано о фактах, которые ставят под вопрос основу мировидения людей всех религий и всех мировоззрений, основу основ всей человеческой культуры, главную религию человечества – его историю.

Поэтому не должны ее читать те, кто не выносит ниспровергательства, любит душевный покой и привычный понятийный мир, для кого свято то, что он знает, и мерзко все то, что не соответствует этому его знанию. Не только детям нельзя давать ее читать, но и воспитанным на традиционной истории пенсионерам, а особенно школьным учителям истории, которые насилуют этим религиозным воспитанием все новые и новые поколения детей. И, вообще, всем тем, кто склонен верить, а не копаться в разных там истинах и неистинах.

И еще эта книга не показана тем, кто привык читать про прошлое строки, написанные с академическим спокойствием и гранитной уверенностью в своей правоте, кто ожидает от автора позиции великана на высоком цоколе, с которого он вещает прижавшимся к мостовой карликам-читателям. Эта же книга – по крайней мере в некоторых своих пассажах – опускается до уровня полемики и высмеивания устоявшихся воззрений, она обращается к здравому смыслу читателей и просит их быть судьей в споре. И, главное, в ней задается слишком много вопросов, на которые у меня не всегда есть ответы. А это все недостойно серьезного автора!

Фантастические сказки бабушки Истории.

Книга эта – не по истории. Она – об истории, а это не совсем одно и то же. Точнее, она о тех разделах истории человечества, которые составляют древнюю историю и историю средних веков (я могу для краткости говорить об истории старины). Вернее, она о тех фальсификациях, фантазиях, недоразумениях, ошибках, повторах и заблуждениях, которыми эта история старины в такой мере напичкана, что я считаю себя вправе говорить здесь не об исторической науке, как это принято еще и в наши дни, а о фантастической сказке по имени История.

Книга эта в какой-то мере и о конкретных людях, которые придумали или скомпоновали эту сказку, возвели ее в разряд канонизированных истин. Но и о тех людях, которые в эту сказку не поверили и постепенно вскрыли механизм возникновения и канонизации этого крупнейшего в истории человечества заблуждения, этого гигантского сборника фантастических сказок, которыми и по сей день морочат головы как детям, так и взрослым.

Оговорюсь сразу, что я ничего не имею против сказок. Я их сам охотно придумываю, рассказываю детям, а также читаю и другим настоятельно рекомендую. Но я убежден, что сказки следует читать и даже изучать именно как сказки, а не как науку о прошлом человечества. Даже сказки, записанные несколько сот лет тому назад, продолжают оставаться сказками по сей день.

Человечество знало много сказок, которые воспринимались в свое время всерьез. О плоской Земле, которая покинута на трех китах. О вращении планет и звезд вокруг нашей планеты. О флогистоне и о философском камне. Многие из них воспринимаются сегодня уже не как научные истины, а всего лишь как заблуждения, как боковые тупики того лабиринта познания мира, по которому наука, спотыкаясь и топчась на месте, ведет человечество.

В какой-то мере их разоблачили естественные наука и математика. Вернемся, например, к бывшему когда-то традиционным представлению об ежесуточном вращении звезд и планет вокруг Земли и рассмотрим их на фоне современной оценки расстояний между небесными телами, подтверждаемой всей практикой полетов автоматических космических станций по Солнечной Системе. Ведь если от Земли до Солнца приблизительно 150.000.000 км, то Солнцу, вращаясь вместе со звездами вокруг Земли, пришлось бы ежедневно пробегать весь круг вокруг Земли или около миллиарда километров. А это как-никак около 40 миллионов километров в час или 11000 км в секунду. Сатурн отстоит от Земли почти в 10 раз дальше, чем Солнце, так что его скорость вращения вокруг Земли составляла бы уже треть скорости света. Нептун еще в три раза дальше: ему пришлось бы вращаться вокруг Земли приблизительно со скоростью света. А уж Плутон мчался бы по космосу быстрее света. О звездах и говорить не приходится! Знающий физику может воспринимать такую картину только как сказку.

Алхимия уступила место химии, а астрология астрономии и астрофизике. Но возникшие несколько позже этих – начинающих на «а» и крайне уважаемых еще не так давно – областей знания историческая «наука» и ее младшая сестра историческая хронология пережили своих методологически родственных им сестер в своем почти первозданном позднесредневековом виде. История разрасталась вширь, но сохраняла свой костяк хронологии и свою базисную номенклатуру выдуманных исторических персонажей и событий в течение последних 400 с малым лет. В отличие, например, от своей сестры географии (еще в канун Великой Французской Революции книги по истории носили сильно выраженный географический характер), которая за те же четыре века претерпела сильнейшую модернизацию и сегодня действительно является серьезной наукой.

Никто сегодня не пользуется средневековыми картами при подготовке очередного автомобильного путешествия (правда, их модно вешать на стены для украшения и для придания интерьеру интеллектуального привкуса, правда, их собирают музеи и коллекционеры, правда, их изучают историки науки), но почему-то до сих пор принято пользоваться составленной в эпоху возрождения и лишь незначительно подправленной в новое время исторической хронологией. Представьте себе богато инкрустированную карету, запряженную четверкой лошадей, на современной автострате, карету, которую раздраженно сигнали обгоняют тысячи автомобилей, грузовиков и автобусов, и вы получите образ истории на фоне современных наук.

Человечество всегда воспринимает с недоверием любую новую картину мира. Вспомните, какие насмешки вызывал Пастер с его микробами у коллег-врачей или великий Лобачевский с его пересекающимися "вторично" параллельными прямыми линиями у коллег-математиков (считалось, что две прямые, параллельные третьей, не могут пересекаться). Лобачевского – ныне общепризнанно крупнейшего русского математика своего времени – всячески поносили его знаменитые современники (профессора-математики с не потерявшими и по сей день значение заслугами перед своей наукой), которые не поняли революционных идей геометра, проложивших путь к современной математике. И, к сожалению, человеческая психика в этом смысле не изменилась и по сей день. В 20-м веке наука десятилетиями высмеивала идею Артура Вегенера о дрейфе материков, а история с Пастером повторилась, когда два молодых медика начали утверждать, что болезни желудка (гастрит, язва и рак) вызываются микробами.

Многие великие ученые так боялись консерватизма современников, что не решались публиковать свои научные изыскания. Так, великий немецкий математик Гаусс много раньше Лобачевского пришел к выводу о существовании новой геометрии, сегодня носящей имя Лобачевского, геометрии, в которой две прямые, параллельные третьей, могут иметь точку пересечения. Но он предвидел отрицательную реакцию коллег, побоялся потерять свой научный авторитет и не решился ничего опубликовать на эту тему.

Даже великий физик Исаак Ньютон, бывший одним из первых критиков традиционной хронологии, не был лишен этой научной трусости, причина которой кроется в хорошо известной резкой нетерпимости официальной науки к новым идеям, противоречащим научным догмам. Он не решался публиковать свою работу, демонстрирующую необоснованность общепринятой хронологии, и только настойчивость одной из его почитательниц (по совместительству – члена королевской семьи) привела к неавторизированной публикации его революционной хронологической работы (кстати, замалчиваемой историками по сей день). Не сумел великий физик отказать принцессе в ее просьбе дать ей почитать его труд по хронологии, как и не смог он помешать ей после этого отдать трактат в руки издателя.

Современная наука это не только (или не столько) инструмент познания мира, но и (сколько) способ обеспечения материальных выгод косной касте элиты от науки и удовлетворения болезненного самолюбия отдельных ученых. Наука, у истоков которой стояла религия, потеснила в последние пару веков позицию последней и частично заняла ее место в общественном сознании как почетный и полезный вид деятельности. Но она же переняла у религии и многие ее атрибуты – от сложной иерархии до веры в авторитеты и догмы (на сей раз – научные). И если наука все же полезна человечеству, то в первую очередь благодаря бесчисленным бунтарям, которые постоянно сражаются с косной научной иерархией.

Возвращаясь к истории, отмечу, что и здесь налицо бунт, который уже меняет наши представления о прошлом и изменит их еще больше в ближайшем будущем. Правда, еще и сегодня многие боятся

отказаться от красивого сказочного ковра, который раскатывает у нас под ногами написанная многими талантливыми писателями мировая история. История, которая напоминает сборник арабских сказок «Тысяча и не один год». История, которая подобно ромуловским волкам рычит и больно кусается: историки знают, на каком шатком основании стоит их здание мировой истории и боятся, что оно рухнет от малейшего прикосновения очередного бунтаря. Но деваться некуда: сказки нужно оставить сказочникам, а прошлое человечества пора начинать исследовать на уровне современной науки.

Введение

Буква Г с легкостью переходит в физиологически ей близкую букву Ж: Бог – божок. Рог – рожок. Вот и слово хронология напоминает хроноложие. Не связано ли это с тем, что хронология – одна из наложниц истории?

Ссылку на автора этого замечания я найти не смог.

О чем эта книга? Ниже я кратко описываю две ее основные части: историческую и хронологическую. Этим двум частям предшествуют две главы вводного характера. В главе 1 я пытаюсь показать, как возникло мое скептическое отношение к историческим побасенкам. В главе 2 приводятся несколько примеров из художественной литературы, демонстрирующие, что некоторые выдающиеся писатели в полной мере осознавали фальшивый характер традиционной историографии.

Для обозначения критического направления в исследовании историографии и хронологии я использую термин «историческая аналитика».

О чем эта книга: часть историческая

Начиная с третьей главы, книга состоит из двух частей, первая из которых посвящена преимущественно истории, а вторая – хронологии. Такое их описание верно лишь в той мере, в которой можно разнести по разным главам две столь связанные друг с другом вещи. Но ведь и анатомы описывают скелет человеческого тела и его мускулатуру и разные органы в разных главах своих увлекательнейших книг. Историческая часть книги показывает придуманность истории в разных ее «древних» разделах, а хронологическая пытается довольно подробно осветить начальный этап становления хронологии как придуманного костяка выдуманной истории.

В первой главе исторической части настоящей книги (глава 3) я рассматриваю давно занимающий меня вопрос о том, что такое история и как и где возникла современная историческая идея. Впрочем, идея эта возникла вовсе не в том виде, в котором она нам знакома сегодня благодаря массовому гипнозу на основе традиционной истории (которую я обычно именую в этой книге коротко ТИ). Сегодняшнее религиозное историческое сознание прошло через несколько революционных этапов. От чудес и выдуманных «деяний» святых путь писателей, интересующихся прошлым, шел к истории отдельного города, а от нее к истории некой местности или отдельно взятой страны. Возникновение мировой истории было очередным революционным этапом историографии. Параллельно с эволюцией историографии шла и революция, приведшая к возникновению сначала относительной, а потом и сконструированной по принципам позднесредневекового мышления абсолютной хронологии. 19-й век проложил историку путь к архивам, а в 20 в. французская Школа Анналов переориентировала внимание историка с исторических событий на исторические процессы в обществе. Каждый из этих этапов был настоящей революцией исторического мышления.

Имея в виду эту революционную динамику процесса моделирования прошлого и считая историческую аналитику и НХ современными проявлениями очередного этапа этой динамики, этапа, который можно назвать хронологической революцией, я рассматриваю процесс возникновения истории с точки зрения западной исторической аналитики. Основные характеристики этого процесса: сравнительное позднее возникновение истории, ее преимущественно европейский (а не восточный) характер, ее ускоренное развитие как следствие игнорируемой ТИ катастрофы 14-го века, ее надуманность и выдуманность, ее виртуальный характер («как могло бы выглядеть прошлое» вместо «каким оно было на самом деле»). С точки зрения исторической части книги эта глава имеет вводный характер и может рассматриваться как сборник эссе на тему о нетрадиционном взгляде на историю.

В главе 4 я становлюсь конкретнее и привожу примеры схваченных за руку фальсификаторов истории. Для меня эти примеры – только малая «надводная» часть айсберга исторических подделок и я уверен, что большая часть таковых уже прочно обосновалась на страницах ТИ в качестве одобренных «исторической наукой» исторических догм. Фантастический характер древней истории вытекает из всего многообразия историко-критических исследований в разных странах и никоим образом не является следствием одних лишь разоблачительных исследований российской НХ. При всем моем уважении к последней и восхищении глубиной новаторской критики российских авторов, я исхожу в своих оценках и в своем восприятии наших знаний о прошлом в основном из моего опыта, приобретенного внутри немецкой историко-критической школы, в частности, в основанных мной Исторических Салонах в городах Карлсруэ и Потсдаме.

Многие критические авторы поднимали вопрос о продажности истории, о готовности последней состоять на службе политики и идеологии. История слишком часто презентует себя как миф. Не только в смысле правдоподобности на уровне мифа или сказки, но и в плане оперативной

готовности творить новые мифы на потребу любой политике, любой государственной задаче, любой идеологии. Особенно для российского читателя с его опытом тоталитарного и авторитарного насилования истории тезис о том, что история – продажная девка политики, представляется чуть ли не самоочевидным. Тем не менее, мало кто представляет себе истинный масштаб продажности истории. Я посвящаю этой теме несколько глав.

Тезисы типа «Историю всегда пишут победители» упрощают и искажают сложный симбиоз истории и идеологии. И хотя в рамках книги о критическом взгляде на традиционную историографию тема взаимоотношения истории, политики и идеологии может быть затронута лишь вскользь, я попытался дать представление о ней. В главе 5 на примере исторических мифов народов Кавказа и других мифов советской и постсоветской историографии я показываю, что ТИ без особого смущения терпит взаимоисключающие версии истории, не впадая в истерику, которой характеризуется ее реакция на критику фантомных образов и фантомных времен, осуществляемую в России в рамках НХ. Удалось также кратко затронуть историческое мифотворчество в Африке и современные исторические мифы некоторых регионов Азии. Мифотворчество и придумывание истории остаются основным занятием историков и в наши дни.

Особенно преступным является активное участие историков в снабжении идеологической базой различных современных националистических течений. Большая часть гражданских войн и международных конфликтов современности основана на придуманной историками национальной мифологии. Руки историков не обгажены непосредственно кровью жертв этнических чисток и массовых уничтожений, жертв войн и терроризма, но именно они поставляют идеологическое оружие преступникам, отдающим приказы и организующим убийства представителей других наций. Я посвящаю главу 6 роли историков в разжигании некоторых из национальных конфликтов.

Очень сложен вопрос о роли фальсификации в истории. Во все времена историки были уверены в том, что они имеют право додумывать прошлое. Более того, на первоначальном этапе возникновения интереса к прошлому у них и не было никакого другого способа рассказать о своем видении прошедших веков, так как реальной информации об этом времени у них практически не было. Коллективная человеческая память не способна сохранять детальную информацию на протяжении веков. Лишь когда история древности была придумана, началось на основе созданного так фундамента домысливание образа прошлого, его доконструирование. На этой стадии еще не было понятия фальсификации прошлого или оно только-только зарождалось, применяясь лишь в отдельных редких случаях.

Но и после завершения строительства фундамента виртуального прошлого, у многих историков сохранилась вера в то, что они способны силой своего воображения, на основе своих эзотерических способностей, своей вжитости в образ, продолжать заполнять своими фантазиями те периоды внутри выдуманной ими временной канвы, до которых не дошли руки у предшественников. Я расскажу о некоторых таких случаях, имевших место вплоть до 19-го и 20-го веков. Фальшивкой оказываются и практически все наши представления о предыстории, фальсификации которой посвящена последняя глава первой части книги, ее глава 7.

О чем эта книга: часть хронологическая

В этой части книги речь идет не о хронологии прошлого, а о хронологии собственно традиционной истории, о том, как она возникла и как ее следует воспринимать: что она отражает, а что ей просто приписывается. Анализируя традиционные представления о хронологии, я пытаюсь вскрыть ту растерянность, которая господствует в ТИ в связи с хронологией. Вернее, в исторической хронологии, про возникновение и динамику которой историки в своей массе просто ничего не знают. Именно поэтому они пытаются в редких книгах по хронологии (я не имею в виду хронологические таблицы, а именно книги, посвященные хронологии, ее истории и ее построению) отвлечь читателя массивным изложением астрономической хронологии и рассказом о том, какими именно календарями якобы пользовались наши далекие предки.

В главе 8 я показываю, что эти представления историков носят характер мифа. Особенно подробно разбираются в этом плане два календаря: юлианский и григорианский, но не в аспекте их строения и ежегодных небольших различий между ними, а таких принципиальных вопросов, как введение и распространение календаря. Как следует из только что вышедшей в начале 2005-го года книги Христофа Дэппена (Цюрих) «Нострадамус и загадка мировых эпох», Нострадамус еще не был в состоянии пользоваться годами от Рождества Христова (как, впрочем, не делал этого и основатель современной хронологии Йозеф Юст Скалигер), а его современники в середине 16-го века распадались на секты, имевшие разное мнение на тему о том, когда именно родился Христос. Более того, многие, как предполагает Дэппен, пользовались «христианской» эрой в варианте «после Христа», т.е. «после гибели Христа» или «после воскресения Христа», что все-таки означает разницу в приблизительно 30 лет между двумя вариантами этой эры.

На антифоменковском интернет-форуме М. Городецкого, для позиции которого типичен именно упор на анти, на «разоблачения», на упреки, а не на позитивную исследовательскую работу – прочитал как-то такое его утверждение, что новохронологов не интересуют, мол, древние календари. Не буду говорить от имени Новой Хронологии, в которой представлены не только критика ТИ и традиционной хронологии, но и попытка реконструкции прошлого. Зато с точки зрения исторической аналитики я бы прореагировал на это заявление следующим образом. Утверждать, что нас не интересуют календари – это приблизительно то же самое, как упрекать автомобилиста или представителя технического контроля в том, что их не интересует мотор автомобиля. Конечно, нас интересует мотор, но в первую очередь с точки зрения потребителя: работает ли он, хорошо ли он работает, какие он дает нам возможности. Соответствуют ли таковые описанным в рекламном проспекте? Конструкция мотора интересует только некоторых из потребителей, большинство же не в состоянии понять технических деталей, но вполне в состоянии оценить качество работы мотора.

Конечно, историческую аналитику интересуют календари. Но, в первую очередь, с точки зрения техконтроля работы историков: откуда они взяли всю эту информацию? (анализ показывает, что она часто бессмысленна или доказывает противоположное тому, что пытаются утверждать историки). Правильно ли они определили хронологию всех этапов, которые связываются с календарем: его изобретение, его введение, его распространение, его использование? Действительно ли описываемый календарь имел описанное или подозреваемое широкое распространение, не является ли он выдумкой поздних авторов? и т.п. Представьте себе, что нам пытаются продать автомобиль, в котором вместо действующего нового мотора помещен ржавый старый мотор, собранный из частей разных сломавшихся моторов. Или, еще хуже, на место мотора вставлен его картонный макет или просто кусок полена. Конечно, во всех этих случаях мы продемонстрируем свой интерес к мотору, но он будет отличаться от того, который историки от нас ожидают: вместо восторгов и умиления (ах, какой миленький макетик!) мы потребуем, чтобы на место подложного

мотора был встроен действующий.

В одной из следующих глав я разбираю довольно подробно одну из самых древних «мировых хроник», а именно, знаменитую «Хронику» Шеделя якобы 1493-го года издания (глава 9). Я привожу аргументы в пользу более позднего написания и издания этой хроники, а также показываю, что для нее «наша эра» еще не была чем-то привычным: за исключением одной иллюстрации, которая вполне могла попасть в книгу при одном из ее многочисленных переизданий, в этой толстой книге нет христианского летоисчисления.

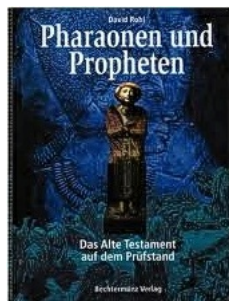
Одна из выдающихся заслуг А.Т. Фоменко (АТФ) заключается, как мне кажется, в том, что ему удалось развеять миф о долгой, тысячелетиями длившейся истории развития хронологии, и сконцентрировать наше внимание на деятельности основного создателя традиционной хронологии Скалигера. Интерес к его фигуре и к всему процессу исторического развития хронологии, возбужденный АТФ, побудил меня включить в книгу соответствующие главы о ранних хронологах, которые содержат в особенности подробное жизнеописание и анализ творчества не только Скалигера, но и нескольких других хронологов первой волны и в первую очередь видного деятеля хронологического упорядочения истории Дени Пето (Петавиуса). Скалигеру и его соратнику и соучастнику придумывания хронологии Исааку Казобону посвящена глава 10.

В последней главе рассмотрена хронотворческая деятельность Петавиуса и стоявшего между ним и Скалигером почти забытого немецкого систематизатора хронологии Сета Кальвизия (глава 11). Интересно отметить, что ни один из этих четырех хронологических корифеев не был ни историком, ни хронологом: Скалигер и Казобон были филологами, Кальвизий – музыкантом, а Петавиус – теологом. Читатель поймет, почему я позволяю себе отметить этот факт, меня лично не смущающей: очень уж любят историки обвинить современных критиков хронологии в историческом невежестве, которое, как им кажется, коренится в отсутствии у многих из критиков ТИ диплома о четырехлетнем изучении исторического материализма и других крайне важных наук под пристальным взглядом профессоров-историков, вовремя отсеивающих всех колеблющихся и сомневающих кандидатов на профессию священнослужителя исторической религии.

Хронологию связывают с историей не только тесные узы, но и обилие неверных толкований роли хронологии для истории. Разобраться в этом клубке противоречий нелегко и я не претендую на окончательное прояснение драматических отношений этих двух якобы наук. Тем не менее, мной предпринята попытка описания соответствующей проблематики, в большой мере навеянная знакомством с книгами как российских хронологов, так и новохронологических авторов. Я рассматриваю новую хронологию и историческую аналитику как две опоры современного движения за пересмотр наших представлений о прошлом, и считаю, что совместно они осуществляют хронологическую революцию в познании прошлого, которая венчает собой череду более ранних историографических революций последних 4–5 веков.

Новая хронология (НХ) как термин

Российский термин НХ не получил на Западе большого распространения. В первую очередь это связано с тем, что он закрепился здесь за весьма частным феноменом сокращения египетской и ближневосточной древней истории на приблизительно триста лет, предлагаемой английским автором Давидом Ролем в его книге «Проверка времени: От мифа к истории» («Test of time: The Bible:– From Myth to History'», London, 1995.).

По-немецки эта книга вышла в 1999 г. под заголовком «Фараоны и пророки. Ветхий Завет на испытательном стенде». В последующие годы ее автор издал еще несколько книг, развивающих и популяризирующих его теорию. Названной выше первой его книге, его теории и ее развитию на Западе посвящены многочисленные интернетовские сайты. Назовем здесь сайт <http://www.oldtestamentstudies.net/ncresource/default.asp> с изображением обложек его пяти книг и сайт New Chronology Studies (ее адрес в Интернете <http://home.clara.net/abbottfamily/ncstudies.htm>). Тем самым термин «новая хронология» был на Западе «за столблен» Давидом Ролем.

Основная идея названной книги Роля в корне противоречит российскому новохронологическому подходу и всему, что было выяснено в ходе историко-аналитических исследований. Автор пытается спасти библию как исторический источник, ограничившись лишь небольшими корректурами библейской хронологии. Именно, вся новизна его подхода по сравнению с традиционной библейской хронологией, искусственно растянутой на многие тысячелетия, сводится к утверждению, что 21-я и 22-я египетские династии (якобы 1069–945 и 945–715 гг. до н.э.) были единовременными (поэтому фараон из одной династии мог женить своего сына на дочери фараона второй из них). Впрочем, даже этот небольшой удар по традиционной египетской хронологии ставит под вопрос ее достоверность в целом.

В основном, дискуссия о новой хронологии в версии Роля, которая в периоде до 664 г. до н.э. производит целый ряд сокращений на 250–350 лет, идет в англоязычной среде. При этом даже в среде критиков историографии хронология Роля подвергается серьезной критике (см. например <http://www.bga.nl/en/discussion/>). Многие считают названные сокращения египетской хронологии недостаточными. Наиболее радикального сокращения древней египетской хронологии требует при этом немецкий ученый Гуннар Хайнсон, профессор социологии Бременского университета и один из главных авторов западной исторической аналитики.

Рис 1.2. Единственный в мире "толстый" журнал по исторической аналитике "Временные прыжки" ("Zeitensprünge"), издаваемый ежеквартально Герибертом Иллигом при сотрудничестве Гуннара Хайнсона.

С другой стороны НХ российских основоположников современной историко-хронологической критики Анатолия Тимофеевича Фоменко и его основного соавтора Глеба Владимировича Носовского (далее кратко НФ) к сожалению все еще недостаточно известна на Западе. В частности, ни одна из их книг не была до сих пор переведена на немецкий язык. О причинах и формах проявления этого феномена, а также о не совсем безуспешных попытках распространять идеи НХ в западных странах я планирую подробно рассказать в следующей книге.

Настоящая же книга, изданная в «досье Новая реальность», не только и не столько об этом новом революционном направлении в исследовании прошлого человечества, сколько о характере современной «исторической науки» с точки зрения исторической аналитики и о возникновении традиционной хронологии. Я анализирую здесь природу истории, рассказываю о роли историков в искажении нашей картины прошлого, о разбросанных по векам исторических и археологических фальсификациях, о продажности историков и их верном служении любым политическим режимам и идеологиям, о их работе по заказу националистических течений, о выдумывании ими предыстории.

О том, что предшествовало на европейском полуострове евразийского континента возникновению в России НХ, я пишу в уже упомянутой второй книге. В ней также рассказывается о том, какое продолжение имели разрозненные западноевропейские критические исследования 17-19 веков в 20-м веке в разных странах. Особенно подробно будет в ней описано развитие, начиная с конца семидесятых годов прошлого века, историко-критических исследований и критики хронологии в Германии, в которой я с 1980-го года живу и работаю.

Новая хронология и историческая аналитика.

Некоторые из историко-аналитических исследований концентрируются именно на «чистой» исторической критике, не уделяя особого внимания рассмотрению хронологии. Традиция таких критических рассмотрений возникла на дальней границе терпимого в исторической «науке» и была связана с тем, что некоторые критические авторы просто не решались подступаться к такой хаотической глыбе как традиционная хронология. Никто из историков не имеет ясного представления о возникновении хронологии и каждый из них боится сломать себе шею на подступах к ней.

Для историков хронология – это мертвый язык, латынь, которую перестали изучать в школах и на которой никто не говорит, но которая зафиксирована во множестве словарей. Вставив в текст несколько крылатых изречений на мертвом латинском языке и у твоего текста появится приятный привкус интеллектуальности. Правда, большинство таких «интеллектуалов» латыни не знает, но в их распоряжении немало сборников крылатых слов и выражений на этом языке. Так и в исторических работах употребление хронологических дат считается признаком хорошего тона. И у историков тоже есть свои словари и сборники (называемые хронологическими таблицами), порывшись в которых, можно найти кем-то когда-то соотнесенный некоему историческому событию год.

Как именно это было сделано, не стоит в большинстве случаев даже и спрашивать: никто этого уже не помнит. Наоборот, если задать дату, то по ней можно порой найти соотнесенное кем-то когда-то этой дате событие. А то и все два. Ну, а если не этой дате (не каждый же день что-то должно происходить!), так некой другой, более или менее близкой. Или не очень близкой, если ни в этом, ни в соседних годах с точки зрения историков ничего достойного их внимания не происходило. И опять-таки, мало кого интересует, как возникла традиция такого датирования.

Хронологией историки пользуются как компьютером: никто не понимает, как эта сложная машина устроена, никто не в состоянии сам ее сконструировать заново, но каждый знает, что если нажать на кнопку, она заработает. Не известно как, но работает. Журчит, бурчит, мигает и работает. И что-то делает. Иногда даже нечто весьма полезное. Нужно только научиться ею пользоваться. Вот и пользуются люди хронологией как полезной машиной для написания диссертаций по истории и киносценариев, исторических романов и речей для политиков.

Все беды историков-традиционалистов начинаются с наивной веры в байку о том, что все на свете языки, мертвые и еще пока не совсем мертвые, возникли из некоего праязыка, уже включавшего в себя все даже самые сложные понятия, в том числе и такие, которые пока еще не возникли ни в одном из реально существовавших языков. В проекции на таинственную электронную технику их суеверие сводится к тому, что все ныне существующие компьютеры в точности повторяют строение отдельных частей некоего древнего великого компьютера, который никогда не ошибался и все мог. Конечно, я утрирую, но именно такая ассоциация возникает у меня, когда я анализирую, как именно историки пользуются хронологией. Ведь они явно путают хронологию реально когда-то имевшего место прошлого, которую уже трудно восстановить, ибо она есть вещь в себе, с грубо сколоченной людьми условной хронологией их исторических фантазий. Последняя существует в печатном виде, от нее ломаются книжные полки, ее зубрят наизусть в школе, но это существование вторичное, идеальное, творческое, если хотите: представленная в виде печатной продукции хронология не является хронологией прошлого, которое нам чаще всего просто не известно, а всего лишь сконструированной историками хронологией некоего выдуманного, виртуального, литературного прошлого.

Кстати, мертвый язык латынь – не единственный в мире. Есть еще не менее мертвый греческий, не говоря уже об арамейском и прочих древних и не очень древних, но вышедших из употребления языках. Да и компьютеры разные бывают: и конструкцией отличаются, и памятью, и программным обеспечением. Одни побыстрее, другие чаще ломаются, третьи показывают красивые картинки. И, главное, все они время от времени ошибаются, сбиваются со счета, заражаются вирусами, «сходят с ума» и начинают нести несусветную чушь. Также и с хронологиями: возможны разные хронологии разной степени достоверности.

Существуют хронологии последних нескольких веков, на которые в основном можно полагаться. Но для более ранних времен распространены совсем фантастические хронологии, в том числе и такие, которые вообще ни к черту не годятся. Возьмешь другую «память» (т.н. источники), изменишь принцип конструкции (например, точку отсчета дат), включишь иную логику (не все историки одинаково гениальны) и получишь совсем другую хронологию. Но историки даже этого не понимают. Как и не понимают того, что хронология, зафиксированная в их таблицах – это некое следствие их допущений и их выбора источников. Это один из возможных мертвых языков, одна из конструкций компьютера. И ничего общего с действительным прошлым человечества эта конструкция не обязана иметь.

Авторы большинства историко-аналитических исследований не ограничиваются «чисто исторической» критикой, а приходят к выводу о необходимости радикального сокращения традиционной хронологии в том или ином разделе науки о прошлом. Для совместного обозначения как историко-критических, так и связанных с критикой хронологии работ в Германии все шире распространяется термин «историческая аналитика», введенный швейцарским исследователем и одним из первых последователей НХ в немецкоязычном пространстве историком и латинистом Христофом Пфистером. В первом из своих «Ста тезисов по исторической аналитике» на сайте, адрес которого см. на стр. 451, он отождествляет анализ истории с критикой оной.

Западная историческая аналитика в действии

Как и в НХ историко-аналитические исследования отличаются от исследований историков гораздо большей междисциплинарностью. При этом историческая аналитика доверяет всему комплексу применяемых наук и областей знаний, поставляющих информацию о прошлом, стараясь использовать сведения из разных источников для независимой проверки своих выводов. Это не исключает скептического отношения к некоторым модным «точным» методам датировки, которые историки и археологи выборочно то признают и применяют, когда эти методы подтверждают их хронологические представления, то отвергают и поругивают.

В традиционных исторических исследованиях наблюдается авторитарный диктат исторических догм, который приводит к тому, что все т.н. вспомогательные исторические науки вынуждены постоянно оглядываться на саму историю и больше всего стараться избегать каких-либо противоречий с устоявшимися историческими нормами. Конечно, при этом не может быть и речи о независимой от традиционной истории проверке хронологии или историографии. Так и напрашивается сравнение с СССР и его сателлитами, коих именovali странами социализма или Социалистического лагеря, но которые в своем сотрудничестве с СССР всегда должны были знать своё место: кто босс, а кто вспомогатель он его. Босс – он же Старший брат – один в состоянии владеть истинной в конечной инстанции!

Настоящая книга может рассматриваться как теоретическое или философское введение в историческую аналитику. Систематическое изложение основных результатов исторической аналитики я планирую представить в следующей книге, о которой расскажу несколько подробнее в заключении. А сейчас ограничусь только следующими замечаниями общего порядка об исторической аналитике в действии.

В работах современных историко-аналитиков рассматриваются разные исторические эпохи и разные страны, для которых в традиционной истории имеется пусть и критикуемая нами, но широко известная читателям традиционная хронологизация старины. Все эти традиционные исторические эпохи оказываются фантомными отражениями позднего средневековья и еще более поздних эпох и поэтому подвергаются самым разным сокращениям в исторической аналитике. Кроме того, существуют самые разные схемы и масштабы сокращения хронологии: немецкие авторы сокращают каменный век в десяток раз и омолаживают историю шумеров на 2000 лет, а историю Египта и того больше, российские же авторы переносят античность в средневековье.

Подчеркну гипотетичность некоторых из этих хронологических новшеств и наличие разных точек зрения на объем необходимых сокращений, на изъятие из рассмотрений целых фантомных эпох старины. Историческая аналитика пока еще сосредоточена на критике традиционных представлений и на формулировке наших вопросов к ней. Вопросы, к разрешению которых хотелось бы привлечь и будущие поколения историков. В этом желании нет ничего фантастического: уже сейчас отдельные историки начинают менять свою форму изложения материала о прошлом, делая вид, что наша критика их не ошарашивает и что они всегда все знали про недостатки своих моделей прошлого. Самые молодые из моих читателей еще доживут до времени, когда историки будут утверждать, что это именно они разрушили построенное на фантазиях здание ТИ, а критики к ним только примкнули со стороны.

Но это – дело будущего. Сегодня же остается высказать следующее пожелание: может быть, осознав широту названной критики и ее многообразие как по методике, так и по спектру затронутых исторических тем, поняв, как много самых разных авторов – в том числе и их коллег по профессии – с

увлечением работает в этой области, хотя бы малая часть историков и археологов задумается над тем, какие замечательные возможности интереснейшего научного творчества открывает историческая реформация и связанная с ней хронологическая революция. Я надеюсь при этом в первую очередь на научную молодежь и на недогматически мыслящее меньшинство широко образованных – и не только гуманитарно – профессионалов, а не на ремесленно-трудящееся большинство армии «исторических работников».

Для кого эта книга? Интересна ли эта она для историков?

Для кого эта книга? Интересна ли эта она для историков?

В первую очередь, книга должна быть интересна для всех тех, кто знает о новой хронологии академика А.Т.Фоменко и хотел бы узнать о наличии в мире других критически относящихся (или относившихся) к официальной исторической науке авторов. А такие авторы были и есть, и писали они на латыни, по-английски, испански, французски и – так уж получилось – больше всего по-немецки.

К сожалению жизнь у многих читателей, особенно у получивших образование еще в советское время, сложилась так, что у них имеются определенные трудности с языками. Особенно с иностранными. Даже с перечисленными выше. Конечно, мы все учились понемногу ... читать и переводить со словарем. Но до словарей ли в сегодняшнее трудной время. Да и учили нас этому половому извращению (каждый должен сам с невероятными неудобствами удовлетворять свои интеллектуальные потребности) плохо, так что в сегодняшней России мало кто в состоянии читать книги, изданные в других странах (даже если они каким-то чудом и попадают ему в руки).

С другой стороны многое из того, о чем будет рассказано ниже, вышло из под пера немецких критиков истории. А с немецким в России сегодня лишь ненамного лучше, чем с английским в Китае, где, правда, все учат английский и каждый может начать с тобой беседу на оном языке. Но последняя ограничивается произнесением одного единственного слова, которым владеет почти каждый: «хэлло!». На слух же не воспринимается практически ни одно слово (я не смог довести до сознания водителя пекинского такси семантически крайне трудное значение слова «стоп», пока не вырвал у него из рук руль и не выскочил из машины на ходу через багажник).

Мне хотелось бы также надеяться, что эту книгу возьмут в руки и профессиональные историки тоже, а также другие имеющие к истории отношение профессионалы. Как правило, они не в состоянии понять суть открытого Н.А.Морозовым и скрупулезно исследованного А.Т.Фоменко широко распространенного в исторической практике (и абсолютно невозможного с точки зрения теории вероятности) феномена повторяемости в истории. Непреодолимым, как им кажется, препятствием, является использование названными учеными математических методов. На самом-то деле математики в соответствующих исследованиях совсем не много и каждый (повторяю: каждый) читатель в состоянии понять, что именно было сделано. Тем более, что результаты проверки исторической информации компьютерами опубликованы в виде списков практически совпадающих длительностей правления и могут быть любым человеком проверены по хронологическим таблицам.

Конечно, у профессиональных историков с языками должно бы быть получше, чем у рядовых читателей книг по новой хронологии. Зато у них и шоры на глазах посолиднее. И профессиональное «знание» истины не позволяет им опускаться до попыток серьезного чтения книг по новой хронологии, вышедших из под пера каких-то там непрофессионалов. Не мог же рядовой советский человек позволить себе читать «антисоветские» факты, изложенные в книгах Солженицына. Вот и приходилось начинать их публичное осуждение со слов «Книг врага советского народа и наймита американского империализма Солженицына я не читал и читать не намерен, но вместе со всем советским народом гневно их осуждаю».

Господа историки! Особенно самые смелые из вас. Я вам искренне советую преодолеть свой страх перед математикой, коей доля на самом деле в новой хронологии не так уж и страшно велика, и

осилить первые книги А.Т.Фоменко. Те его книги, в которых он рассказывает о найденных компьютерами случаях неестественно сильной близости наборов числа лет, в течение которых один за другим сидели на престолах правители разных стран в разные исторические эпохи. Первые три таких набора обнаружил Н.А.Морозов задолго до появления первых «пожирателей чисел». И за прошедшие сто лет историки не удосужились его опровергнуть.

Столь же искренне я советую Вам прочитать данное введение в западноевропейскую критику истории. Особенно, если вас смущает то позорное обстоятельство, что названные выше российские авторы успели добиться серьезных успехов в естественных науках или в математике перед тем, как занялись всерьез историей. В Германии – очень почтительное отношение к бумажке. Поэтому еще в недалеком прошлом достаточно было написать про ученого, высказывающего крамольные мысли, что у него нет университетского диплома историка, и всем становилось ясно, что ни одной разумной мысли о прошлом человечества ему в голову прийти не может. Надеюсь, что в России бюрократизация мысли еще не достигла этого абсурдного предела, при котором и каждый недипломированный читатель рассматривается как примитивный примат, не способный самостоятельно разобраться в степени обмана в текстах авторов, пишущих о прошлом человечества.

Конечно, я – гораздо больший дилетант в исторической науке, чем любой прилежный студент-историк. Но зато я способен взглянуть на написанное историками трезвым взглядом человека, склонного к духовному диссидентству. Я не уличаю историков в том, что они неверно интерпретировали одно-два слова в одном из многочисленных «источников», а стараюсь взглянуть критически на все то громадное здание, которое они на основании своего прочтения всех этих текстов построили. И мне это здание не нравится.

Я чувствую себя в роли покупателя и потребителя. Когда я сажусь в новый автомобиль, меня не интересует, как именно добывали руду и другие материалы, использованные высококвалифицированными рабочими и инженерами при изготовлении моих «четырёх колес». Я не хочу изучать электрику и электронику, встроенные в автомобиль. Я не хочу изучать химию лаков и красок. Я хочу, чтобы он ехал. И ездил хорошо, быстро, юрко, чтобы я чувствовал себя в нем комфортно и безопасно. И если автомобиль не отвечает этим моим требованиям, я его забраковываю.

Сколько бы не убеждали меня продавцы и создатели такого автомобиля в том, что он – лучший в мире по таким-то и таким-то параметрам, что над ним трудились самые гениальные в мире умы в течение такого-то длительного времени, для меня он – неудачное изделие. Так вот, автомобиль по имени традиционная история был мной давно забракован и за последующие годы никому из историков-традиционалистов не удалось меня убедить в том, что их детище – лучшее из возможных. Мне в нем неудобно. Он не соответствует моим представлениям, сложившимся в ходе моей длительной и довольно бурной жизни.

В большей части этой книги я буду информировать читателя о том, что писали на тему о моделировании прошлого различные западноевропейские авторы, в первую очередь немецкоязычные. Как сторонники традиционной истории, так и ее критики. А там уж никто не мешает историкам-полиглотам взять в руки названные здесь труды и почитать их в оригинале (и, быть может, уличить меня в не совсем правильном изложении мыслей и мнений цитированных авторов) и раскритиковать мои выводы. Которые я делаю на основании прочитанного. И ответить на многочисленные скептические вопросы, которые у меня возникли в связи с традиционной историей.

Литература

[Дэппен] Däppen, Christoph: Nostradamus und das Rätsel der Weltzeitalter, BoD, Norderstedt, 2004.

[Рол] Rohl, David: Test of time: The Bible: From Myth to History, London, 1995.

"<http://www.oldtestamentstudies.net/ncresource/default.asp>"

New Chronology Studies ("<http://home.clara.net/abbottfamily/ncstudies.htm>")

"<http://www.bga.nl/en/discussion>"

Список сокращений

АТФ = Анатолий Тимофеевич Фоменко

ГВН = Глеб Владимирович Носовский

ИА = историческая аналитика

ПВП – Последнее великое потрясение (катастрофа 14-го века)

НФ = Носовский и Фоменко

НХ = Новая Хронология в смысле НФ

ТИ = Традиционная История

Глава 1. Мое открытие новой хронологии

Эта маленькая ода очень проста, но она содержит очень много труднейших мест.

Апостолы говорили о моногамии как о чем-то столь очевидном, что они ее даже не упоминали.

Первым, кто установил у дергающейся лягушки гальванизм, был не без основания называемый так Гальвани.

Римские часы были крайне своеобразны. Они начинали ходить при восходе солнца и прекращали при закате.

С создания мира прошло более 6000 лет, поэтому числа до Рождения Христа должны увеличиваться, а после него – уменьшаться.

День состоит из 365 часов, час – из 24 минут, а занятия школе длятся всего шесть часов из всего этого количества.

Из книги Хельмута Минковского «Самое крупное насекомое это слон. Перлы профессора Галлеттуса»

Практически каждого из нас интересует прошлое. Но еще больше нас интересуют истории. Самые разные. Любовные и трагические, криминалистические и про путешествия. Мы охотно читаем или слушаем рассказы и повести, новеллы и романы. В том числе нравятся нам и занимательно изложенные истории про прошлое: мифы и легенды, сказки и саги, исторические повести и романы. Несколько менее популярны книги, которые пытаются сделать вид, что они рассказывают научно установленную правду о прошлом: учебники и монографии по истории. За редким исключением их читают лишь тогда, когда этого требуют обстоятельства, учеба или работа.

Тем не менее сегодня довольно широко распространено мнение, что прошлое тесно связано с его презентацией в многочисленных книгах, а в последние десятилетия еще и в экранизациях для кино и телевидения. С кино и телевидением все ясно: если это и портреты прошлых эпох, то отретушированные на уровне новейших современных технологий. И не только технологий макияжа, но и подмены примитивных технологий прошлого сверхсовременными технологиями камуфляжа. Вряд ли на много лучше обстоит дело и с книгами по истории. Впрочем, именно этим вопросом я собираюсь заняться вплотную в этой книге.

Отмечу однако сразу, что на более ранней стадии развития человечества интерес к прошлому был иным и по форме, и по содержанию. Прошлое было прошлым семьи, позднее – племени. Оно инициировало культ предков и первичные формы культуры. Конечно, на какой-то довольно ранней стадии появились истории о прошлом, началась его мифологизация. Последняя могла служить самым разным целям: обучению, созданию моральных норм, правил поведения, развлечению, удовлетворению потребности в художественном самовыражении.

Однако среди целей озвучивания прошлого не было (причем не было в течение очень и очень долгого времени) цели адекватного изображения ононого. Не было ее в Средние Века, на было – как сейчас выясняется – даже в эпоху возрождения. Эта цель начала появляться в конце этой эпохи и стала более ни менее официальной в эпоху просвещения. Что, конечно, вовсе не значит, что все, кто писали о прошлом в последние несколько веков, на самом деле придерживались этой цели. Этого, к

сожалению, нельзя утверждать даже о сегодняшних писателях, специализирующихся на поприще описания прошлого, причем даже в том случае, когда они действуют под прикрытием высоких академических степеней, званий и должностей.

Советское видение истории

Пути господни неисповедимы. Но и тропинки человеческие определяются многими обстоятельствами и носят ярко выраженный индивидуальный характер. Вспоминая о своем долгом жизненном путешествии от детского увлечения естественными науками в научно-популярном изложении и более позднего восторженного почитания науки к весьма критическому отношению к ее современному состоянию, не могу решить, чего в нем больше: стечения обстоятельств или врожденного скептицизма и диссидентства, которые со временем и начали играть столь большую роль в моей жизни. Нежелание быть, чего бы это тебе ни стоило, «как все», и постоянный поиск доказательного объяснения в ситуациях, которые у других не провоцировали никаких сомнений, не раз приводили меня к конфликтам с начальством, политической системой и устоявшимися мнениями.

Испытывая с детства интерес к истории, я довольно рано обнаружил, что не все, о чем пишут (по крайней мере в газетах), соответствует действительности. Помню свою детскую – лояльного советского пионера – реакцию на первое сообщение летом 1950 г. о начале войны в Корее. В свои 11 лет я уже был в то время начинающим газетоманом – болезнь, от которой и в старости не могу излечиться. Так вот, смысл напечатанного в «Советской Эстонии» заявления ТАСС был таков (за дословность, конечно, не ручаюсь):

"Вчера рано утром войска Южной Кореивероломно, без объявления войны напали на миролюбивую Корейскую Народно-Демократическую Республику. Армия КНДР отразила это нападение, разгромила империалистические войска Южной Кореи, перешла сама в наступление и к вечеру захватила столицу Южной Кореигород Сеул."

Здорово, подумал я, так и нужно врагам социализма. Ясно, что на самом деле это мы («наши» корейцы и с нашей помощью) начали войну, никогда не поверю, что хорошо подготовленное и неожиданное наступление можно отбить за несколько часов, а уж перейти сразу в наступление и захватить столицу – это совсем не реально, но именно так нужно «сваливать все на врага». Я не знал тогда того, что КНДР не признавала образования Республики Корея на юге Корейского полуострова и что по конституции КНДР, принятой в 1948 г., ее столицей считался Сеул, расположенный на территории Южной Кореи. Но и без этой информации мне было тогда ясно, что войну начали «мы», а не «они», и что моральное право на нашей стороне. Советское воспитание действовало в те далекие времена еще без более поздних ограничений.

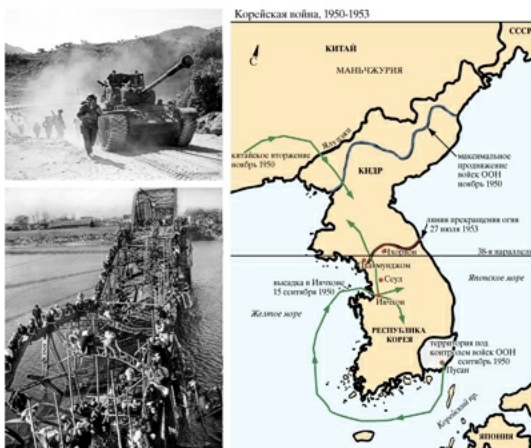

Рисунок 1.3. Война в Корее 1950 – 1953 годов.

За ходом этой трехлетней войны я следил с огромным увлечением и с недетскими эмоциями политизированного советского гражданина, отмечая на карте Кореи изменения линий фронтов. Одновременно учился эзоповскому языку советских газет. Может быть, это искусство дешифровки и превращало ежедневное чтение оных в нечто весьма увлекательное. И создавало чувство посвященности, приобщенности к общественно-политической системе: да, мы врем, но так, что умные люди (кто из нас не тешил себя в детстве уверенностью в том, что уж он-то к этой интеллектуальной элите относится!) нас понимают. Мы лопочим дураков, но ведь ты не таков!

Тогда же началось и отрезвление, которому только способствовала жизнь в Эстонии. Общение с эстонскими детьми, даже если они и принадлежали к «советским» семьям, удлиняло список осознанных и не всегда принимаемых с радостью табу. А эстонская, еще довоенная, моя няня, ставшая после войны нашей домработницей и тайно водившая меня в лютеранские церкви, не знавшая ни русского языка, ни советского языкового нововдела в его эстонском варианте, произносила слова и фразы, заставлявшие задумываться. О том, как «дружественные» советские танки катили целый день в 1939 г. через родной Тарту и разрушили всю мостовую на своем пути – рассказала мне именно она.

Отрезвлению же от пьянящего советского «общественного заговора» (не от договора же!) способствовали и старые эстонские и немецкие книги. Из городской библиотеки, в которой я просиживал ежедневно многие часы, все, что могло наводить на неправильные мысли, было изъято. Но отец, к счастью, был завсегдатаем антикварного магазина и постепенно восстанавливал утраченную в годы войны библиотеку. В Краткой Эстонской Энциклопедии я нашел нелестную статью о Сталине, увидел портрет Троцкого и прочитал, что он руководил советскими войсками в годы гражданской войны. Вроде бы мы «проходили» в школьном классе гражданскую войну, но как-то совсем не так, в совсем ином тоне и другими словами писала об этом довоенная – пусть и краткая – эстонская энциклопедия.

Страдали от этого отрезвления наши школьные учителя, которых мы доводили до слез «неправильными» вопросами, особенно учителя истории. Так как там обстояло дело с «добровольным вступлением» Эстонии в СССР? Правда ли, что в Эстонии до войны был более высокий уровень жизни? Такой, как в Дании? Моя роль зачинщика в подобных истязаниях работавших в школе учителями офицерских жен (в основном жен летчиков дивизии стратегических бомбардировщиков, последним командиром которой уже в значительно более позднее время, оказался небезызвестный генерал Дудаев) привела к лестной характеристике из уст одной из «учительок»: «рыба гниет с головы!»

Учителя в нашей 4-ой русской школе рекрутировались из двух крайне непохожих друг на друга групп населения:

- Малообразованные в массе своей жёны советских офицеров, коих огромное число обслуживало стратегически важный тартуский аэродром, и
- «Недобитая» бело-эмигрантская интеллигенция: неглупые и образованные люди, выросшие и сформировавшиеся в ходе 20-летней эстонской демократии, пережившие подъем эстонского национализма в конце 30-х, гитлеровскую оккупацию и советский террор 40-х.

Первые искренне пытались сделать из нас «нормальных советских людей» и искренне же переживали из-за своей неспособности добиться поставленной цели. Вторые ужасно боялись нашей историко-политической смелости и, хотя в душе и сочувствовали нашим взглядам, ужасно пугались каждый раз, когда очередной «грязный комок снега» летел в сторону непререкаемых советских догм. Они, если могли, делали вид, что нас не поняли, но в серьезных случаях бежали за помощью в дирекцию.

В дирекции школы у меня все равно с четвертого класса была нехорошая репутация. Неловко брошенная в одноклассника полумокрая тряпка, которой полагалось спокойно лежать на нижнем горизонтальном выступе классной доски, а не летать по воздуху, устремилась к висящему очень высоко портрету Ленина и повисла над ним на длинном гвозде, удерживавшем раму. Все попытки

снять ее оказались безуспешными и, начиная с этого инцидента, мою школьную жизнь украшали четверки и даже тройки по поведению в табелях за четверти и неоднократные исключения из школы на срок от одной до нескольких недель.

Смерть Вождя Всех Народов в марте 1953 г. застала меня на стадии перехода от одобрения основ советскости к ироническому юношескому цинизму. Слезы учителей в связи с событием, обернувшимся государственным трауром, казались мне неискренними (хотя и были, вероятно, вполне искренним следствием внушенной газетами виртуальной картины мира) и, стоя с красным галстуком на шее (или был я уже недавно испеченным комсомольцем?) в почетном карауле у портрета покойного вождя и самого большого друга советских детей, я с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться из-за комичности ситуации: злостный нарушитель спокойствия в несвойственной ему роли.

Последовавшее той же осенью разоблачение «шпиона» Берии положило конец положительному отношению к ежедневной советской лжи. Умение ее интерпретировать, читать между строк, реконструировать действительный ход событий от противного остались до самого отъезда из СССР в январе 1980 г. и находили себе ежедневное применение, но восторги в этой связи решительно уступили место все более сильному раздражению по поводу глупой пропагандистской лжи.

Фальшивые карты и «плохая» профессия

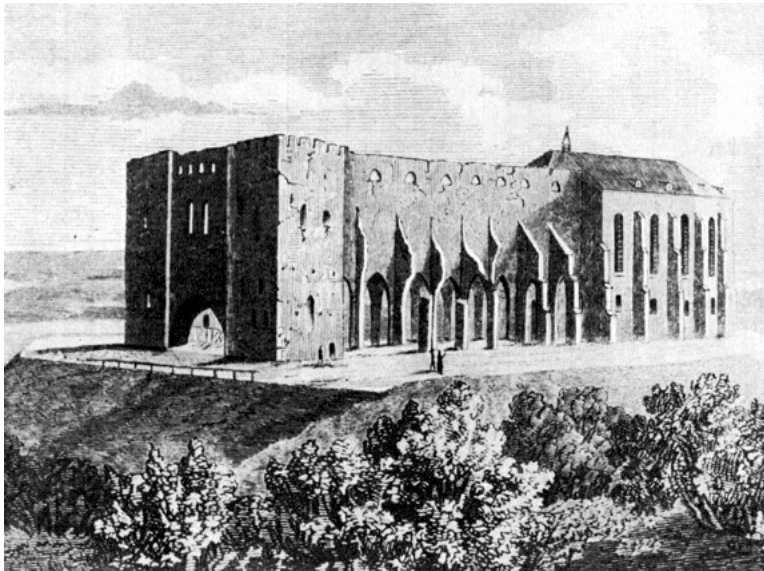

Рис. 1.4. Развалины епископского собора в Тарту до его частичного восстановления.

Чем, как не фальсификацией современной нам действительности была эта ежедневная кропотливая работа массы пишущей публики?! Не все стороны выдумывания виртуальной картины недавнего прошлого были на виду. Мое увлечение туризмом привело к столкновению с одним из них: фальсификацией географической информации. Практически все издаваемые в СССР карты были специально искажены, чтобы мифический обобщенный враг «не смог найти советского завода план» не говоря уже о самом этом заводе. Карты, которые должны снабжать – желательно достоверной – информацией, снабжали в СССР в основном примерами бдительности по отношению к шпионам и диверсантам, которые толпами шли взрывать наши Карпаты или отравлять цианистым калием (не путать с полезными для экологии отходами деревообрабатывающего комбината) самое чистое в мире озеро Байкал.

Не беда, что немало доверчивых туристов гибло в горах или в тайге из-за недостоверной географической информации, зато самые современные американские ракетные системы с компьютерной наводкой были беспомощны против советского тайного оружия: фальшивых географических карт советской территории. Привязка стратегических целей на советской территории превращалась якобы в результате этого в головоломку для тупых американских ковбоев в военной форме. И если это тайное советское оружие ни разу не сработало по отношению к внешнему врагу (свои граждане не в счет!), то лишь потому, что уже упомянутые погонщики коров по врожденной глупости больше доверяли собственной картографии на основе снимков, сделанных американскими спутниками-шпионами, чем продукции Главного Управления Геодезии и Картографии при Совете Министров СССР.

Рис 1.5. Университетская больница в Тарту. Литография 1837 года.

Рис. 1.6. Главное здание Тартусского университета.

Прекращения фальсификации географической информации мне до переселения в Германию дождаться не удалось. Лишь в 1988 г. советское ведомство по производству фальшивых карт было упразднено. Первая не фальсифицированная специально карта Москвы была издана в 1990 г. Постепенно бывшие советские граждане обрели возможность покупать карты, которые не были в десятки раз хуже продаваемых в любом иностранном магазине. Но для этого сначала должен был распасться на национальные государства навеки скрепленный вечной дружбой народов Советский Союз. Какие потрясения нужны т.н. «исторической науке», чтобы перестать держаться мертвой хваткой за фальшивые нарративные «карты», повествовательные путеводители по прошедшим векам и десятилетиям?!

Эти «нарративные исторические карты» (не путать с их географическими отражениями из исторических атласов) были составлены в четыре-пять прошлых столетий и лишь немного подправлялись со временем. В этой связи возникает и следующее сравнение географии с историей. Мы с изумлением любим сегодня старинными географическими картами, украшаем ими стены наших жилищ или рабочих кабинетов. Но никому из нас не пришло бы в голову поехать в отпуск, пользуясь такой старинной картой. Для любого автомобильного путешествия каждый пытается

приобрести современный атлас автомобильных дорог. И атласы эти ежегодно выверяются, дополняются и корректируются. И никого не пугает, что выглядят современные карты в таком атласе совсем не так, как карты в старинных географических атласах. И никто не называет сумасшедшими, шарлатанами, проходимцами от науки, невеждами и т.п. тех, кто эти географические карты выверяет, т.е. приводит в соответствие с действительным положением дел. Так не пора ли нам перестать путешествовать в прошлое по «нарративным историческим картам» вековой давности.

Не стоит думать, что подобные мысли приходят в голову только сторонникам критического отношения к традиционной версии истории. В книге известного советского историка, исследователя давнишнего российского прошлого (т.н. Древней Руси) Якова Соломоновича Лурье «Россия древняя и Россия новая» ((С.-Петербург, 1997) я натолкнулся на такое сравнение географии и истории

«...бельгийский исследователь Ж.Стенжер утверждал, что «наилучшая манера писать историю заключается в том, чтобы подчеркнуть пробелы в наших знаниях, и подчеркнуть решительно ... Это приведет, конечно, к «созданию пустоты», которой так боится историк. Но существует поразительный прецедент: уже в XVIII в. ученые стали оставлять белые пятна на географических картах – в этих прекрасных произведениях искусства, которые картографы прежде так стремились украсить, считая делом чести заполнить их от края до края. Из картографии убрали не только все воображаемое, но и все сомнительное. И это было огромным прогрессом. Я верю в такой же прогресс в исторической науке»

Боюсь, что и сегодня еще подавляющее большинство историков и думать не решается о таком радикальном преобразовании своей, как считает уважаемый автор, науки, все еще боится пустоты и честного признания своего незнания истины о прошлом.

Интерес к истории у меня был всегда. И никаких сомнений в том, что взрослые образованные дяди и тети-историки не станут обманывать невинных детей, когда речь идет о давнем прошлом, вроде бы никакой роли в актуальном воспевании советского образа жизни не играющего, тоже долго не было. Но вот с хронологическими таблицами возникали трудности. Смущало полное отсутствие какой-либо логики в них, каких-либо обоснований, способных играть роль мнемонических опорных колонн. В любом математическом доказательстве, пусть даже и сравнительно сложном, которое «проходят» студенты-математики, никому и в голову не придет выучивать наизусть весь ход доказательства. В лучшем случае стараешься запомнить некую идею, а уж дальнейшие детали рождаются из логики и стандартных рассуждений. И в любом случае любое утверждение, любая лемма, любое предложение, любая теорема обязательно доказываются. В них не нужно верить, они проверяемы (или опровергаемы). Так почему же никогда не приводятся простые по сути дела – предположительно чисто арифметические – обоснования хронологических лемм, предложений, теорем? Почему не рассказывается, где исторические даты берутся или как они определяются?

Рис. 1.7. Ратуша в центре Тарту. Середина XIX века.

Математика – плохая специальность: она прививает образ мышления, который не нравится ни власть имущим, ни отцам церкви, ни светилам догматических наук типа истории, религиозный характер которой становится ясным каждому, кто пытается спорить с носителями исторических догм (а таких – 99% населения). Недаром среди диссидентов в Советском Союзе было такое огромное число математиков и представителей естественных и технических наук, которым в свое время пришлось усвоить законы математического мышления. Не точка зрения сиюминутных правителей или научных «авторитетов» претендует в глазах людей с математическим мышлением на достоверность, а непротиворечивые и обоснованные позиции в политике и науке. Гимны в адрес авторитарной советской системы и уничижительные оценки демократических форм организации общества не носили в наших глазах ни доказательного, ни убедительного характера. Основанная на статистике и точных числовых данных т.н. антисоветская пропаганда разных радиоголосов или сухо – без пропагандистского пафоса – излагающие факты иностранные газеты воспринимались как в большей мере заслуживающие доверия, чем советские средства массовой (дез)информации.

Повторение ситуации мы наблюдаем сегодня в случае критического восприятия традиционной истории: и здесь необычно высок процент людей, представляющих математику, естественные науки и технические области деятельности. Жаль, что сравнительно недавние диссиденты Советского Союза, не воспринимавшие в свое время тотальной лжи мафиозной советской политической системы, оказались в основном в числе противников тех, кто не воспринимает тотальную ложь мафиозной братии историков-традиционалистов. Неверно понятая задача сохранения исторической культуры, неумение отделить культурный аспект истории от научного, идеологизация чисто научного спора привели к тому, что немало бывших диссидентов и многие представители либерально настроенной интеллигенции воспринимает критику в адрес традиционной историографии и хронологии, на которой она основана, как враждебные действия, идущие из лагеря чужих. Но в поиске истины – будь это даже или всего лишь истина о нашем давнем прошлом – нет своих и чужих. И даже, если истин много, если она не одна, как это почти всегда бывает в гуманитарных науках, то незачем создавать себе образ врага из ищущих истину иначе, на другом языке, с другой степенью придирчивости и тщательности.

В годы моей аспирантуры на мехмате МГУ (1963–1965) я упустил шанс познакомиться с работами Н.А.Морозова. Хотя один из ближайших друзей и рассказал мне о «Христе» и о том, что он есть в библиотеке мехмата, я ограничился тем, что расспросил его о содержании семитомника, а затем

прореагировал так, как еще и сегодня реагируют почти все «нормальные люди»: Никакой Античности?! Сокращение хронологии на сотни и даже тысячи лет?! Нет, для такой муры нет у меня времени. Голова, забитая внушенной с детства «правильной» исторической информацией» была не в состоянии уловить в кратком мимолетном рассказе гигантский интеллектуально-диссидентский потенциал.

В 90-е годы, мотаясь от библиотеки к библиотеке по Германии и Эстонии с целью разыскать все тома именно этого семитомника, я с сожалением вспоминал свою тогдашнюю глупость. Тем не менее, мне удалось со временем скопировать всего «Христа» и рассказать в 1998-2002 гг. о многих идеях его автора в Историческом Салоне города Карлсруэ, в котором – в городе, а не в салоне – с 1981 г. по 2003 г. я работал в крупнейшем в Германии (Ядерном) Исследовательском Центре.

Фальшивые колбасы, фальшивые отчеты.

После переезда в 1970 г. из Эстонии в Москву я волей судеб оказался в исследовательском институте с кратким названием ВНИРО, что означало всего лишь Всесоюзный Научно-исследовательский институт Морского Рыбного Хозяйства и Океанографии. Этот институт считался древнейшим научно-исследовательским заведением всего Советского Союза, декрет об основании которого был подписан лично великим Лениным. В этом центре исследовательской мысли в области промышленной эксплуатации мирового океана наряду с солидными учеными – ихтиологами, популяционными биологами и другим узко специализированными специалистами, в начале 70х годов появились математики и программисты: во ВНИРО, следуя общесоюзной моде, создавался отдел автоматизированных систем управления.

Вся эта грандиозная общесоветская затея была в духе лживого советского общества. На «автоматизацию беспорядка» (по образному выражения академика Глушкова) были брошены огромные людские и финансовые средства. Автоматизировать в Морском Рыбном Хозяйстве было практически нечего, разве что алгоритмы фальсификации истинной информации. Зато формы фальсификации, входившие в род деятельности этого института, были многообразны: от выдумывания рецептов пищевых продуктов, в которых до 90% содержимого не соответствовало названию продукта, до искажения международной отчетности об улове советского рыболовного флота.

Как заведующий сектором математического обеспечения АСУ (для подзабывших это советское ругательство: именно так величали автоматизированные системы управления) я изредка оказывался приглашенным на дегустации новых пищевых продуктов, разработанных коллегами по институту. В этой связи запомнилось хвастливое заявление одного из пищевиков о том, что мы, мол, научились утилизировать всю тушу кита, за исключением только яичников китовых самок. И вся эта утилизованная дрянь вместе с китовым мясом перерабатывалась в «мясные» колбасы и «рыбные» продукты. В случае первых десятипроцентное содержание говяжьего мяса в колбасах якобы из говядины считалось предельно допустимой роскошью. Сегодня мне это напоминает традиционную модель прошлого, созданную многими поколениями историков: десятипроцентное содержание истинной информации о прошлом часто является недопустимой роскошью для исторических моделей.

Вторая область деятельности нашего института по искажению истины была связана с международными соглашениями по рыболовству, которые ставили себе целью защиту поголовья рыбных популяций от уничтожения рыболовными флотами. Особенно сильной опасности подвергались популяции долгоживущих рыб: после вылова существенной части оной экологическую нишу этой популяции занимали другие, часто менее ценные с пищевой точки зрения рыбы, и Советский Союз имел выдающиеся «заслуги» в области такого полного уничтожения рыбных популяций в отдаленных областях мирового океана. По этим соглашениям полагалось проводить замер размера выловленных рыб и сообщать в международный надзор параметры представительной выборки каждого улова и размеры ячейки применявшихся при этом сетей.

Следуя общей политике обмана международной общественности во всех возможных областях, Советский Союз пытался при помощи сфальсифицированных данных скрыть факт использования сетей с запрещенной малого размера ячейкой. Но в международных контрольных комиссиях сидели эксперты, которые знали статистические характеристики каждой крупной рыбной популяции, могли сравнивать данные, полученные флотами разных стран. Чтобы их обмануть, в нашем институте была создана научно-исследовательская группа, которая разрабатывала принципы подмены

реальной информации о популяциях такой фальшивой, которая не бросалась бы в глаза этим международным экспертам. Были разработаны соответствующие компьютерные программы, которые каждый правдивый отчет о вылове преобразовывали в лживую форму, соответствующую международным соглашениям.

Международный надзор пытался производить неожиданные инспекции советских траулеров и замечал несоответствие наблюдаемого улова с уловами, полученными в отсутствие наблюдателей. Во втором случае данные об улове пропускались через упомянутые выше программы. Конечно, сильно занижались и размеры уловов, чтобы обойти международные квоты вылова. Но подозрения в фальсификации – это всего лишь подозрения и советским представителям удавалось «отбрехаться» и обеспечить СССР практическую возможность продолжать грабить рыбные богатства мирового океана, не думая о завтрашнем дне.

К счастью для меня, к этой важной, с государственной точки зрения, деятельности находившихся под наблюдением органов безопасности отщепенцев, подобных автору этих строк, не допускали и этой ответственной работой занимались только проверенные органами ученые. Более того, она была так сильно засекречена внутри самого института, что, кроме слухов, ничего не вовлеченным в обманную деятельность не было известно. Зато после развала СССР мой бывший заведующий отделом Эрнст Черный рассказал об этой фальсификационной акции в средствах массовой информации.

В институте существовал и засекреченная исследовательская группа, которая пыталась исказить данные картографии, произведенной при помощи советских спутников. Идею этой деятельности я так и не смог разузнать. Мне казалось абсолютным идиотизмом фальсифицировать географическую информацию, которой американцы располагали независимо от нас и на уровне гораздо более высокого качества. Но из того, что логика фальсификаторов не понятна непосвященным, еще не следует, что у фальсификаторов нет своей, извращенной логики. Так и с историей: нам не всегда понятна или известна логика, побуждавшая многие поколения талантливейших людей сочинять виртуальную картину прошлого. Но из этого не следует, что сочинители истории не имели побудительных причин заменять неизвестное им прошлое его выдуманными дубликатами.

От евреев и славян к викингам в Америке

Мое увлечение историей оставалось до выезда из СССР, последовавшего 30 января 1980 г., ограниченным традиционными рамками, хотя и содержало критическую компоненту. В 1979 г. я активно участвовал в работе московского общественно-политического семинара, в котором желающие покинуть СССР ученые искали возможность нецензурированного общения на исторические, правовые и политические темы. Семинар собирался у нас дома на ул. Гиляровского в Москве и привлекал повышенное внимание органов и милиции, которая переписывала всех идущих в нашу квартиру и даже пыталась врываться в оную во время семинара.

Еврейская тематика занимала важное место в работе семинара, и я произнес на двух его заседаниях доклады по истории евреев:

- о ранней истории евреев на территории СССР и их правовом положении в разные периоды истории, и
- о законодательстве времен императора Николая I по еврейскому вопросу

Впрочем, история не была моей основной страстью в советские годы. С юности я писал стихи, которые, правда, из-за абсолютного несоответствия каким-либо советским тематикам не пытался публиковать. За одним исключением: в середине 70-х годов я принял активное участие в издании спецномера журнала «Пионер», посвященного Эстонии, как переводчик стихов и автор текстов, в том числе и на исторические темы.

Основным моим увлечением в СССР была так сказать научно-популяризаторская деятельность:

1960–1969 Статьи в эстонском научно-популярном журнале

1963–1965 Работа во Всесоюзной Матшколе в МГУ

1965–1969 Брошюры для Эстонского филиала Всесоюзной Матшколы

1960–1982 Работа в реферативных журналах в Москве, Германии и США

1969 Научно-популярная книга «Математика без чисел», Таллинн, изд-во Валгус. (на эстонском языке), получила диплом на всесоюзном конкурсе научно-популярных книг (положительная рецензия была напечатана журналом «Природа»)

70-е годы Сотрудничество с журналом «Квант»

70-е годы Публикация н.-п. статей в «Детской энциклопедии»

70-е годы Референт журнала «Книжное обозрение», многочисленные рецензии на научные монографии

1976 Договор об издании брошюры «Академик Отто Юльевич Шмидт» с издательством «Знание», брошюра была представлена издательству, оплачена им, но не напечатана из-за «не той национальности» О.Ю. Шмидта: он был немцем.

1978 Договор с издательством «Валгус» о втором издании книги «Математика без чисел», дополненной и улучшенной (не был реализован из политических мотивов ввиду моей эмиграции,

хотя первая половина гонорара и была выплачена после получения издательством рукописи книги)

1978 Перевод с немецкого двух книг венгерского автора Т. Варга для математически одаренных школьников: «Блок-схемы, перфокарты, вероятности» и «Плоскость и пространство, деревья и графы, комбинаторика и вероятность». Обе книги вышли в издательстве «Педагогика»

1978-1979 Переговоры об издании русского перевода этой книги с издательством «Советское Радио», прерваны по политическим мотивам ввиду моей эмиграции из СССР

После эмиграции в Германию мне удалось восстановить текст первого из двух названных выше докладов на еврейскую тему, и он был напечатан в эмигрантском журнале «Форум», который издавал член Украинской Хельсинской группы Владимир Малинкович. Интересно, что когда я попытался рассказать ему о своем увлечении исторической аналитикой в Киеве, куда он вернулся в начале 90-х годов, то встретил гневную реакцию и обвинения в намерении уничтожить «нашу культуру», нашу духовную культуру. Реакция, к сожалению, крайне типичная для многих моих бывших друзей из диссидентских кругов.

Опыт моей журналистской деятельности не ограничился в годы жизни на Западе этой одной публикацией. Скорее, она стала любимым хобби, на которое, правда, из-за научной работы и научно-организаторской деятельности оставалось мало времени. Вот выписка из «табличной автобиографии»:

1980-1990 Свободный радиожурналист, сотрудничество с Радио «Свобода», Радиостанцией «Немецкая Волна», Би-Би-Си и «Радио Америки»

1980-1995 Статьи в эмигрантской и западной прессе: газеты «Русская мысль», «Новая Американская Газета», «Американец» и др., в журналах «Форум», «Страна и мир», «Kontinent»

1992 Передача об эстонском писателе Яне Кроссе на немецкой радиостанции «Südwestfunk»

1994-2000 Статьи в русской и эстонской прессе в Эстонии

1996-2004 Член Союза Журналистов Эстонии

Впрочем, и в эмиграции приходилось порой писать «в письменный стол», в котором и накопилось несколько не опубликованных рукописей:

- сборника юмористических рассказов о генеральных секретарях,
- сборника писем эмигранта о жизни в Германии 80-х годов,
- сборника общественно-политических статей.

В Германии я увлекся ранее недоступной исторической информацией о ранней истории западных славян, в основном на территории Германии, не только Восточной, но, как оказалось, и Западной. Узнал, что сохранились ранние карты, на которых расположенный западнее Бремена, недалеко от голландской границы, город Олденбург именовался Староградом (Олденбург в переводе значит Старый Замок). А славянское население немецкого острова Рюген одним из последних в Европе сопротивлялось до 14 в. принятию христианства. Об этих и других касающихся древних славян сведениях я рассказал в своей книге «Путешествие из немцев в викинги или трое в «Гольфе», к счастью, без собаки». Ее жанр с трудом поддается определению, ибо в ней есть и чисто историко-

аналитические главы (еще без сомнений в верности традиционной хронологии), и повествование о нашем реальном путешествии по скандинавским странам, и рассуждения на темы, связанные с культурой Скандинавии, и даже мои рассказы.

В связи с темой книги (викинги и славяне) я заинтересовался в те отдаленные восьмидесятые годы книгами бразильского археолога и историка Жака Майё, который обнаружил в Южной Америке следы раннего пребывания скандинавов в тех краях. Его теория полностью отвергается европейской «исторической наукой», но встретила положительный отклик у южноамериканских историков. В последней части книги я рассказал об этой теории и о других свидетельствах доколумбовских плаваний в Америку, Северную, Центральную и Южную, свидетельствах картографических, нарративных, археологических и лингвистических.

Интересно, что об этих альтернативных исторических сведениях про Южную Америку в свое время сообщала на стр. 42 (Молодая гвардия, Москва, 1988) книга Игоря Скарбека «За тридцать земель», вообще-то посвященная российскому изучению и освоению американских территорий. Быть может из-за своей патриотической направленности или из-за недостаточной бдительности, советские историки последних мгновений советской «весны» не подхватили осудительного тона западноевропейских коллег. Во всяком случае книгу сопровождает послесловие доктора исторических и кандидата географических наук, действительного члена Географического общества СССР, заслуженного деятеля науки А.И.Алексеева, который оставил без комментариев эту историческую крамолу:

«...удивительные сообщения поступают из Южной Америки. Аргентинские археологи обнаружили следы викингов в Парагвае! В горах Сьерра-ди-Амамбаи неподалеку от развалин небольшой крепости они наткнулись на остатки каменной стены с «автографами» викингов – руническими надписями. Близ города Такуати, на местедревненорманнского поселения, также обнаружены руны и изображение верховного божества викингов – Одина.

В девственной сельве, населенной индейцами гуарани, французская экспедиция нашла 40 больших пещер, где на стенах сохранились надписи викингов, явившихся, как полагают ученые, из Мексики. По мнению специалистов, расшифровавших руны, гипотеза подтверждается еще и древнемексиканским источником, гласящим, что прибывшие с Севера, из страны Хвиттерманланд «высокорослые блондины помогали индейцам сооружать их город». Время появления в Мексиканском заливе, подле селения Пануко, драккар конунга по прозвищу Бог Охотников, датчанина Ульмана из Шлезвига, датируется 967 годом. Экспедиция профессора Жака Майё отыскала в Бразилии наскальные рисунки с изображением трех драккар на фоне креста, а в Перу – наскальное изображение якоря, неизвестного индейцам. Близ Вильярика (Парагвай –Бразилия) у индейцев племени гуяков нашли керамическую посуду с руническими письменами, начертанными в «обратном порядке», как это делалось во времена викингов»

И хотя сегодня есть основания усомниться в традиционной хронологии, которой пользовались Майё и другие исследователи этого вопроса и которая отражена в приведенной цитате, сама эта альтернативная историческая теория достойна дальнейшего рассмотрения в рамках исторической аналитики.

От Иммануила Великовского к исторической аналитике и новой хронологии

Хронологическое «прозрение» произошло у меня традиционным для немецких аналитиков прошлого образом: через чтение книг универсально образованного психоаналитика Иммануила Великовского. Этот выходец из России, о котором я подробнее расскажу в следующей книге, усомнился в верности хронологии Древнего Египта и Ближнего Востока. Он обосновал искусственную вставку периода длительностью около 550 лет в египетскую историю, сославшись – в качестве причины такого искажения хронологии – на происшедшее из-за незнания языков повторное использование описаний одних и тех же древних исторических периодов, царствований и правлений в египетской истории, написанных на разных языках для характеристики якобы различных исторических периодов.

Его анализ, как он считал, продемонстрировал, что события, описанные один раз в египетских источниках, а другой раз по-сирийски или на других языках азиатской части Ближнего Востока, были использованы компиляторами египетской древней истории не для описания одной эпохи, а по меньшей мере дважды. Из-за разницы в звучании имен одних и тех же людей и местностей в разных языках, из-за резкого изменения взгляда на ход событий в зависимости от принадлежности хронистов к победителям или к побежденным, считал Великовский, компиляторы были не в состоянии распознать идентичность описываемых дважды эпох. В результате, из одной эпохи были сделаны две более или менее одинаковой длины. Эти две эпохи были расположены одна за другой, а систематическое ошибочное видение такого рода привело к «раздуванию» суммарного периода длиной в 550 лет в два раза.

Рис. 1.8. Иммануил Великовский.

В то время мне еще не приходило в голову, что Великовский очень уж доверчиво относится ко всей остальной хронологии древнего Ближнего Востока (к т.н. библейской истории). Меня восхитило само вскрытие механизма возможных исторических и хронологических ошибок тысячелетнего масштаба. «Если такие жуткие ошибки могли совершать историки высокоразвитой античности (Великовский считал повинными в описанной фальсификации прошлого античных

александрийских ученых), то где гарантия, что в мрачные века Средневековья не были совершены еще более крупные ошибки?» подумал я и решил про себя, что раз такой механизм искажения истории существует, то он наверняка неоднократно срабатывал в прошлом. Доверие к хронологии мировой истории было в принципе подорвано.

Тем временем в одном из немецких журналов я натолкнулся на рекламу книги немецкого писателя Гериберта Иллига «Выдуманное Средневековье» и заказал ее. А затем вступил с ним в контакт и выяснил, что в Германии существует довольно интенсивное движение последователей Великовского, которое, вдохновленное идеями последнего о происшедших в историческое время страшных катастрофах космического происхождения, широко применяет эти идеи в критических исследованиях по истории и хронологии. Я приобрел все изданные Иллигом в его издательстве «Мантисс» книги и все тетрадки издававшегося им в течение ряда лет специализированного журнала „Zeitensprünge“ («Временные прыжки»).

Потом начал охотиться за книгами немецких историко-критических авторов, изданными в конце 80-х годов крупным немецким издательством Эйхборн во Франкфурте на Майне. К сожалению, к этому времени издательство уже столкнулось с гневной оппозицией историков и решило прекратить дальнейшее издание таких критических книг. Поэтому книги Иллига, Хайнзона и Блесса

оказались распроданными и не переизданными, так что сначала пришлось их копировать в библиотеках, а потом искать у букинистов. Так началось мое знакомство с немецкими критиками истории и хронологии, о котором я подробнее расскажу в следующей книге. Знакомство, без которого я вряд ли решился бы написать эту книгу.

Увлечение Великовским длилось несколько лет, в течение которых я собрал постепенно все его книги в английском оригинале или в немецких переводах. Многочисленным посетителям нашего дома пришлось страдать от этой моей страсти, ибо я не мог остановиться, не пересказав каждому всю аргументацию книг Великовского. Один из моих юных слушателей поехал вскоре после моей частной лекции на эту тему в Москву и, вернувшись, позвонил и рассказал о том, что в Москве он видел брошюру известного мне как математика и художника А.Т. Фоменко на похожую тему: об ошибках в хронологии мировой истории. В следующий свой приезд в Москву он разузнал, что брошюру продают в МГУ, и привез мне в подарок ее экземпляр. Так состоялось мое первое знакомство с новой хронологией. Интерес к ней уже не утихал, и сегодня я располагаю солидной библиотечкой книг российских авторов, пишущих на историко-критические темы, с большинством из которых удалось за прошедшие годы познакомиться лично.

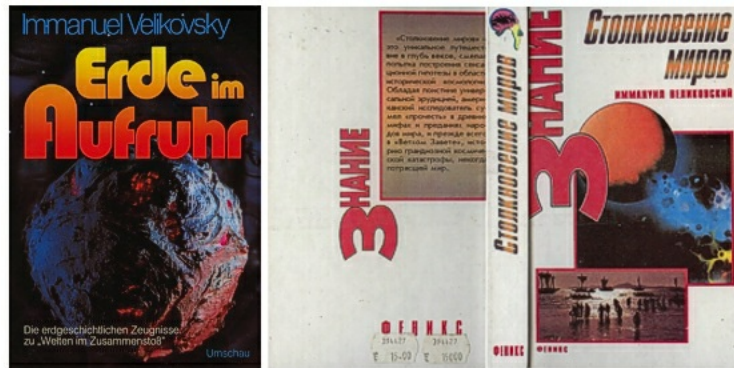

Рис. 1.9. Третья книга Великовского.

Литература (Список моих публикаций на историко-аналитические темы)

Рис. 110. Моя книга, вышедшая в 1987 году.

О ранней истории евреев на территории советской империи, Форум, 1983, 5, 114-126

Путешествие из немцев в викинги или трое в «Гольфе», к счастью, без собаки. Дорпат. 1989. 400 стр.

1997

Von Morozow bis zum jüngsten Fomenko. Zwei neue russische Bücher von Chronologierevisionisten. (От Морозова к недавнему Фоменко. Две новые книги обновителей истории), Zeiteinsparungen, 1997, Heft 2, 293-304

Naturwissenschaftler schreiben Geschichte neu (Представители естественных наук пишут историю по-новому), Berliner Geschichtssalon, Mitteilungen für Chronologen, Sept. 1977, 8-15. (

Nikolaj Aleksandrowitsch Morozow. Enzyklopädist und Wegweiser der Chronologierevision (Николай Александрович Морозов. Энциклопедист и указатель пути ревизии хронологии), Zeiteinsparungen, 1997, Heft 4, 670-685.

1999

China: wie entstand und wie richtig ist die Chronologie des Altertums? (Китай: как возникла хронология и насколько верна хронология древности?), Zeiteinsparungen, 1999, Heft 1, 118-129.

Überzeugen oder informieren? Noch einmal zu Morozows HYPO-Thesen (Убеждать или информировать: еще раз о тезисах гипотез Морозова), Zeiteinsparungen, 1999, Heft 1, 130-137.

Mit Christoph Marx, Uwe Topper, Beginnt die zuverlässige Geschichte zwischen 1575 und 1582? (В соавторстве с Христофом Марксом и Уве Топпером, Начинается ли достоверная история между 1575 и 1582 г. ?) EFODON Synthesis, Nr. 32, 1999, Heft 2 (März/April), 28-31

Kommentar zur 16. Sitzung des Berliner Geschichtssalons am 1. März 1999 in Berlin (Комментарий к 16-му заседанию Берлинского Исторического Салона 1-го марта 1999 г.), EFODON Synesis, Nr. 32, 1999, Heft 3 (Mai/Juni), 41-43.

Eine elektronische Zeitschrift zur Geschichtsrekonstruktion (Электронный журнал по реконструкции истории), EFODON Synesis, Nr. 34, 1999, Heft 4 (Juli/August), 29-32.

Eroberer oder Pazifisten? Zwei interessante Konzepte zur Geschichte der europäischen Juden (Завоеватели или пацифисты. Две интересные концепции по истории европейских евреев), Nr. 35, 1999, Heft 5 (September/Okttober), 11-14.

Berliner Geschichtssalon, Fomenko und die Dinos: 18 Sitzungen und kein Ende in Sicht (Gott sei Dank) (Берлинский Исторический Салон, Фоменко и динозавры. 18 заседаний и, слава богу, ни малейшего намека на конец), EFODON Synesis, Nr. 5, 1999, Heft 35 (September/Okttober), 28-31.

Mit Walter Haug, Karlsruher Geschichtssalon: Geschichte mal ganz anders (В соавторстве с Вальтером Хаугом. Исторический Салон Карлсруэ. История в совсем другом ракурсе), EFODON Synesis, Nr. 35, 1999, Heft 5 (September/Okttober), 31-38.

Die Große Mauer als ein Mythos: Errichtungsgeschichte der Chinesischen Mauer und deren Mythologisierung (Великая Китайская Стена как миф. История ее сооружения и создание мифа вокруг нее), EFODON Synesis, Nr. 6, 1999, Heft 6 (November/Dezember), 11-21.

Newton als geistiger Vater der Chronologiekritik und Geschichtsrekonstruktion (neben Hardouin). Bemerkungen zum Artikel von Uwe Topper aus dem Synesis Nr. 36 (Ньютон, как духовный отец, наряду с Ардуэном, хронологической критики и реконструкции истории. Заметки к статье Уве Топпера из тетради № 36 журнала «Синезис»), 1999, Heft 6 (November/Dezember), 29-33.

2000

Фоменко не одинок. Критика хронологии и ревизия истории в Западной Европе. Приложение У1 к книге Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко, Реконструкция всеобщей истории. Исследования 1999-2000 годов. Новая хронология, Деловой экспресс, Москва, 2000, стр. 573-600.

Betonbauten der Römer, Kelten und Ägypter (Сооружения из бетона римлян, египтян и кельтов), EFODON Synesis, Nr. 37, 2000, Heft 1 (Januar/Februar), 11-20.

Zu den Leserbriefen von Angelika Müller, H.-U. Niemitz und C. Blöss (Synesis 6/1999) (Заметки по поводу читательских писем Ангелики Миллер, Ганса-Ульриха Нимица и Христиана Блёсса из тетради №6 журнала «Синезис» за 1999 г.), EFODON Synesis, Nr. 37, 2000, Heft 1 (Januar/Februar), 54-55.

Die Geschichte der Alchimie aus chronologiekritischer Sicht (История алхимии с точки зрения хронологической критики), EFODON Synesis, Nr. 38, 2000, Heft 2 (März/April), 12-15.

Die chronologiekritische elektronische Zeitschrift macht erste Schritte (Электронный журнал по хронологической критике делает первые шаги), EFODON Synesis, Nr. 38, 2000, Heft 2 (März/April), 18-22.

Karlsruher Geschichtssalon: Die erste Sitzung des Jahres 2000 (Исторический Салон Карлсруэ, первое

заседание 2000 г.), EFODON Synesis, Nr. 38, 2000, Heft 2 (März/April), 44–45.

Auch Karlsruher wollen bei Kürzung der Chronologie dabei sein (Жители Карлсруэ хотят принимать участие в сокращении хронологии), EFODON Synesis, Nr. 39, 2000, Heft 3 (Mai/Juni), 32.

Sensation: Megalithen des russischen Südens (Сенсация. Мегалиты русского юга), EFODON Synesis, Nr. 42, 2000, Heft 6 (November/Dezember), 27–32.

Scaliger, Newton und Hardouin: Wer hatte Recht? (Скалигер, Ньютон и Ардуэн: кто был прав?), EFODON Synesis, Nr. 42, 2000, Heft 6 (November/Dezember), 45–46.

Alternative Geschichte und Chronologiekritik. Internationale Tagung im Karlsruher Geschichtssalon (Альтернативная версия истории и критика хронологии. Международная конференция в Историческом Салоне г. Карлсруэ).

2001

Eine Balkanreise, Teil 1 (Путешествие на Балканы, Часть 1), EFODON Synesis, Nr. 43, 2001, Heft 1 (Januar/Februar), 4–8

Veraltete Vorgeschichtsforschung unter dem Datierungszwang (Устаревшая наука о предыстории под дамокловым мечом необходимости датировать), EFODON Synesis, Nr. 43, 2001, Heft 1 (Januar/Februar), 26–35

Noch einmal über die Große Chinesische Mauer (Еще раз о Великой Китайской Стене), EFODON Synesis, Nr. 43, 2001, Heft 1 (Januar/Februar), S. 57

Eine Balkanreise, Teil 2 (Путешествие на Балканы, Часть 2), EFODON Synesis, Nr. 44, 2001, Heft 2 (März/April), 14–20

Zwei Jahre Geschichtssalon Karlsruhe (1. Teil) (Два года существования Исторического Салона Карлсруэ, 1-я часть), EFODON Synesis, Nr. 44, 2001, Heft 2 (März/April), 29–32.

Chinesische Astronomie contra chinesische Geschichtsschreibung (Китайская астрономия в противоречии с китайской историографией), EFODON Synesis, Nr. 45, 2001, Heft 3 (Mai/Juni), 10–16

Zwei Jahre Geschichtssalon Karlsruhe (2. Teil) (Два года существования Исторического Салона Карлсруэ, 2-я часть), EFODON Synesis, Nr. 45, 2001, Heft 3 (Mai/Juni), 30–35.

Kamen die Mongolen aus dem Westen nach Russland? (Пришли ли монголы с запада в Россию?), EFODON Synesis, Nr. 46, 2001, Heft 4 (Juli/August), 4–11

Anatolij Fomenko – führender russischer Chronologiekritiker (Анатолий Фоменко – ведущий русских критик хронологии), EFODON Synesis, Nr. 46, 2001, Heft 4 (Juli/August), 13–16

Die Misere der indischen Chronologie (Бедственное положение индийской хронологии), EFODON Synesis, Nr. 48, 2001, Heft 6 (November/Dezember), 18–26

Phantastische „historische“ Zeiten. Wir brauchen die Außerirdischen, um unsere Geschichte zu korrigieren

(Фантастические «исторические» эпохи. Мы нуждаемся в помощи пришельцев из космоса, чтобы исправить нашу историю), Jenseits des Irdischen, Heft 4, 2001, 3-6

Aus der Vorgeschichte Osteuropas. Sprachen, Megalithen, Mythen und Völker (Из предыстории Восточной Европы. Языки мегалиты, мифы и народы). In: Ur-Europa der Regionen, Ur-Europa Jahrbuch 2001, Kolbenmoor, 135-154.

2002

Indien, Geschichte und Stratigraphie (Индия. История и стратиграфия), EFODON Synesis, Nr. 50, 2002, Heft 2 (März/April), 16-23

О великой Китайской стене, Литовский курьер, Русская газета Литвы, № 14 (370) 2002.04.04, <http://www.kurier.lt/default.asp?TopicID=48&PressArticleID=406115>

Kamen die Mongolen aus dem Westen nach Russland? (Synesis Nr. 4/2001) (Пришли ли монголы с запада в Россию? Дополнительные замечания в связи со статьей из тетради №4 журнала «Синезис» за 2001 г.), EFODON Synesis, Nr. 50, 2002, Heft 2 (März/April), 56-57.

Veraltete Vorgeschichtsforschung unter dem Datierungszwang (Устаревшая наука о предыстории под дамокловым мечом необходимости датировать), Magazin 2000 plus, Nr. 172, Heft 6, 2002 (Mai/Juni), 74-80

2003

Катастрофа середины 14-го века и европейская историческая идея, Проект Цивилизация. Материалы третьей и пятой Конференций по проблемам цивилизации, Москва, 2003, 8-12.

Цивилизации Восточной и Южной Азии и их конфронтация с европейской исторической идеей, Проект Цивилизация. Материалы третьей и пятой Конференций по проблемам цивилизации, Москва, 2003, 13-17.

Ivars Peterson, Was Newton nicht wusste. Chaos im Sonnensystem. Eine Buchbesprechung. (Иварс Петерсон, О чем не знал Ньютон. Хаос в Солнечной системе. Рецензия на книгу), EFODON Synesis, Nr. 52, 2002, Heft 4 (Juli/August), 36-38

Schach, frühgeschichtliche Technologien und die russische Gruppe „Zivilisation“ (Шахматы, раннеисторические технологии и русская группа «Цивилизация»), EFODON Synesis, Nr. 53, 2002, Heft 5 (September/Okttober), 35-40

Technologiegeschichte gegen die traditionelle Geschichtsschreibung (История технологий в противоречии с традиционной версией истории), EFODON Synesis, Nr. 53, 2002, Heft 5 (September/Okttober), 52-55

Катастрофа середины XI века и европейская историческая идея, „Таллинн“, 26-27, 2002, стр. 11-21.

Китайская цивилизация и европейская историческая идея, Таллинн, 28, 2002, стр. 44-48.

Хронология Бирмы как пример удаления династических параллелей в рамках традиционной

историографии, Запорожский ун-т, Труды исторического ф-та, 2003.

История мертва, да здравствует история. В «ХОЖЕНИЕ В ОЙКУМЕНУ. Альманах цивилизационных исследований. Новая парадигма.», выпуск 1 (09.2003 г.), Москва. 2003, 7-17.

AD Ages in Chaos: a Russian Point of View. Dr Eugen Gabowitsch presents the case for major revisions of AD history. (Хаос в хронологии от рождения Христа. Обзор позиций основных реконструкторов хронологии). In: C&C Review 2003 (Nov 2003) 62pp Proceedings of the SIS Conference: 'Ages Still in Chaos' Progress in revising ancient history since 1952 and possible ways forward. Royal National Hotel, London, 14th & 15th September 2002

Введение. В книге Уве Топпера «Великий обман. Выдуманная история Европы», СПб. Нева, 2003, 3-10

Примечания редактора. В книге Уве Топпера «Великий обман. Выдуманная история Европы», СПб. Нева, 2003, 246-280.

Комментарии редактора перевода к послесловию. В книге Уве Топпера «Великий обман. Выдуманная история Европы», СПб. Нева, 2003, 292-295.

Великой Китайской стены никогда не было, интервью, газета «Комсомольская правда» от 18 августа 2003 г. (см. также <http://www.kp.ru/daily/22509/15959/>)

Erfundene Weltgeschichte. Teil 1. Die virtuelle Vergangenheit der Menschheit (Выдуманная всемирная история. Часть 1. Виртуальное прошлое человечества. Звукозапись лекции), CD, Stuttgart, Verlag Mathias Patscheck, 2003

Erfundene Weltgeschichte. Teil 2. Die erfundene Geschichte Asiens (Выдуманная всемирная история. Часть 2. Виртуальное прошлое человечества. Звукозапись лекции), CD, Stuttgart, Verlag Mathias Patscheck, 2003

2004

Die Große Mauer als Mythos. Die Entstehungsgeschichte der Chinesischen Mauer und ihre Mythologisierung (Великая Китайская Стена как миф. История ее сооружения и создание мифа вокруг нее), in Magazin2000plus/Nr. 193 (Alte Kulturen Spezial, 2000 Kosmos. Erde. Mensch, 17/193), 6-16.

Wie Geschichte gemacht wird. Das Altertum – eine Erfindung der Renaissance? (Как делается история. Древность – выдумка эпохи Возрождения?), ZeitGeist 1/2004, 20-24.

Катастрофы прошлого и ...будущего? Неизвестная планета, 13.06.2004, <http://www.radiorus.ru/news.html?rid=458&id=69514>

Mongolen (Монголы. Ответ читателю.), EFODON Synesis, Nr. 6/2004, 46-47.

2005

История мертва, да здравствует история, http://www.newchrono.ru/prcv/publ_index.htm

Что там еще за римляне, http://www.univer.omsk.su/foreign/fom/roma_gab.htm

Критика хронологии и ревизия истории в Западной Европе,
<http://www.univer.omsk.su/foreign/fom/zapor.htm>

Интервью Радио России на тему о понятии истории, http://www.unknownplanet.ru/radio_129.shtml

Интервью Радио России на тему о катастрофизме, http://www.unknownplanet.ru/radio_128.shtml

Глава 2. Как мы моделируем прошлое. Литературные отступления.

То есть вымысел в истории, конечно, имеется. Процентом эдак 80–90... А всё остальное чистая правда

Из Интернета

Партия утверждала, что Океания никогда не была союзницей Евразии. Он, Уинстон Смит, знал, что Океания была в союзе с Евразией всего четыре года тому назад. Но где существовало это знание? Лишь в его сознании, которое, несомненно, скоро будет уничтожено. И если все другие принимали ложь, которую навязывала Партия, если все источники повторяли эту ложь, — значит, ложь входила в историю и становилась правдой. «Кто управляет прошлым, — гласил партийный лозунг, — тот управляет будущим, а кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». И все же, прошлое, столь переменчивое по своей природе, никогда не изменялось. То, что правда сейчас, было правдой вовеки. Это совершенно просто. Поэтому, все, что от вас требуется — это побеждать и побеждать без конца собственную память. Это называется «управляемой реальностью» или, на Новоречи, — «двоемыслием».

Джорж Орвелл, «1984»

Об искажениях истории нужно говорить очень осторожно. Лучше всего вообще не затрагивать эту тему. Но уж если совсем неймется, ограничиваться рассмотрением совсем небольших искажений, не имеющих принципиального значения. Можно, например говорить о том, что Лютер на самом деле не прибавал своих тезисов на дверь местного собора в Виттенберге: эту впечатляющую простой народ картину придумал много позже не имевшего место события друг и соратник Лютера, его правая рука, его серый кардинал Меланхтон. И хорошо сделал, что придумал: картина эта так крепка закрепилась в массовом сознании, что никакие разоблачения не могут ее поколебать.

Это – малое искажение прошлого, малая ложь, которая не исказила – как считают многие – самой сути лютеровской духовной революции. Не прибил, но ведь мог и прибить. Может, гвоздя под рукой не оказалось, может быть, дверь была металлом обита, может быть, сама эта идея ему в голову не пришла. Но могла и прийти, мог и гвоздь найти, могла и медная обшивка в некоторых местах прохудиться. И вообще, мы ведь не прошлое пишем, а только некую его модель. И достоверность оной является вовсе не единственным к ней требованием: писательское мастерство во все века ценилось выше достоверности. История должна с интересом читаться, должна быть на порядок интереснее, чем телефонная книга или даже инструкция по пользованию пылесосом.

Итак, дорогие аналитики истории, пишите себе о небольших искажениях прошлого, но ни в коем случае не пытайтесь увидеть в оном некий размах, некую широту, некий общий принцип или злой умысел. И не дай боже говорить о целых эпохах искажения прошлого! Стоит только заговорить о широкомасштабном выдумывании истории, как тебя начинают подозревать в склонности к теории о заговорах, в душевном нездоровье, в преследовании корыстных целей и во многих других грехах, которые даже и не выдумаешь, пока не прочтешь опусы своих общественных обвинителей..

Организованная акция или дух времени?

Любимая реакция верующих – речь идет о членах массовой церкви ТИ – на нашу критику: а как вы себе это представляете?! Кому же это было нужно? И кому было по силам координировать все постулируемые вами – критиканами выдумки на темы прошлого?! И тут уж не помогают пояснения такого рода, что, мол, координация была такой приблизительно, как в Советском Союзе: каждый пишущий сам себя нужным образом координировал. И не должно была координация быть слишком тотальной, ибо именно наличие некоторых противоречий усложняло и запутывало картину настолько, что уже и мужества лезть в эти дебри почти ни у кого не оставалось. А нужно было придуманное определенным образом прошлое многим и всяким и разным: и церкви, и феодальным властителям, и церковным и рыцарским орденам, и отдельным дворянам. И вообще каждому, кого жизнь заставляла обманывать окружающих и самого себя, а уж этого было в конце средневековья не меньше, чем сегодня, когда поддельные дипломы, справки, свидетельства и прочие документы можно заказать чуть ли не на каждой станции метро.

Рис. 2.1. Лейви Шер преодолевает трудности, связанные с отсутствием сервировочной посуды.

Лично я считаю, что в ходе придумывания прошлого, как древности, так и античности и средневековья, никакой единой акции выявить не удастся. Как всегда, был хаос, в который многие пытались внести некое подобие порядка. Происходило коллективное творчество, участвующие в котором писатели следили, по мере сил, за работами своих коллег и старались им не противоречить, по крайней мере, слишком уж явно. Конечно, были заинтересованные силы и группы, были идейные вдохновители и лидеры, были организаторы массовой продукции, было движение финансовых средств, но в еще большей мере, чем звон презренного металла, чем алчность и законный поиск материального успеха, сочинителями прошлого двигали желание славы, да и иные мотивы. По меньшей мере, в последние века религиозные, идеологические, в частности, националистические или неверно понятые патриотические чувства играли не меньшую роль, чем надежда на получение хоть какого-то гонорара.

Правда, в исторической аналитике имеется сильное течение авторов, уверенных в том, что выдумывание виртуального прошлого было организовано как некая «Большая акция», как планомерное изготовление вводящих в заблуждение апокрифов на исторические темы. Эта позиция восходит к немецкому классику исторической аналитики Вильгельму Каммайеру, который и ввел термин «Большая акция» в обиход. Сначала Каммейер считал организатором «большой акции» католичество с его монашеством и возглавляемой папами церковной иерархией, но со временем был вынужден расширить ее базу и рассмотреть также феодалов разного уровня и вообще алчное до титулов и земельных владений дворянство. Уве Топпер назвал «Большой акцией» свою первую историко-аналитическую книгу, которую мы при переводе на русский окрестили «Великим обманом». Мне казалось, что «Большая акция» звучит по-русски как-то не так. Тем более, что текст его книги не дает однозначной возможности вскрыть те силы, которые могли стоять за организованной на целом континенте акцией по придумыванию виртуального прошлого. Впрочем, Топпер уверен, что организаторы такой акции достаточно четко названы в отдельных главах его книги, а именно: католическая церковь, папы римские, иезуиты и другие церковные писатели, хотя он пишет и о писателях-гуманистах, и о гугеноте Скалигере, и о современных историках, продолжающих все ту же «Большую акцию».

Так как в этой главе меня будут интересовать отражение идеи о выдумывании истории и возможные механизмы оного в художественной литературе, я приведу сначала **отрывок из романа Орвелла**

«1984», навеянный его наблюдениями за советскими и испанскими коммунистами, с которыми ему – анархисту пришлось сотрудничать в ходе гражданской войны в Испании (см. текст, выделенный в рамке). За это сотрудничество он чуть было не поплатился жизнью, когда коммунисты в очередной раз решили переписать некую главу современной истории путем физического уничтожения своих союзников с не совсем правильной – с их точки зрения – идеологией. Спасло его ранение и возвращение в Англию до начала «чистки» анархистов коммунистами. В этом отрывке Орвелл рассказывает о том, как могла бы функционировать «Большая акция» в конце 20 века в условиях тоталитарной диктатуры.

Исчез из жизни – исчез из прошлого. Нарратив определяет роль личности в истории.

Как мы уже видели в приведенном отрывке, ушедшие – не совсем добровольно – из жизни навсегда вычеркивались из списков когда-либо живших. Как нам это хорошо известно по доброй памяти советским временам! И как нам это напоминает индекс запрещенных книг. Сколько выдающихся имен ушло из памяти человечества только из-за того, что их произведения были уничтожены инквизицией, китайскими императорами, НКВД, гестапо и иными подобными организациями хранителей общественного спокойствия.

Чуть было не ушла в небытие и сама книга Орвелла, в которой содержится столько откровений на тему о логике и внутреннем функционировании «Больших акций». В своем письме Г.П.Струве от 17 февраля 1944 г. Орвелл сообщал, что делает заметки для будущего сатирико-фантастического романа «1984» и работает над «Скотским двором»: «Я пишу небольшую сатирическую штучку, которая может позабавить Вас, когда она выйдет, но она настолько неблагонадежна политически, что я не могу быть уверен наперед, что кто-либо напечатает ее. Может быть, это даст Вам некоторый намек на ее сюжет».

Не знаю, понял ли Струве намек на то, что «Скотский двор» является сатирой на советскую тоталитарную систему, но в комментарии к этому письму Струве поясняет, что опасения Орвелла не были совсем беспочвенны: в другом своем письме он описывал трудности в связи с поисками издателя для «1984». И хотя к этому времени Орвелл был уже писателем с именем, у которого был договор на два следующих романа с известным издателем Виктором Голланцом, придерживавшимся, как и Орвелл, левых настроений, издание «1984» оказалось делом нетривиальным. Голанц отверг эту книгу, а среди других издателей, по крайней мере, так называемых прогрессивных, оказалось нелегко найти ему замену. Их всех волновал вопрос о том, не нарушат ли они господствующую в Англии общую просоветскую атмосферу такой сатирой.

«Работа была самым большим удовольствием в жизни Уинстона. Конечно, в большинстве она представляла собой надоедливую рутину, но среди этой рутины попадались иногда настолько трудные и запутанные дела, что в них можно было заблудиться, словно в глубине математической задачи – случаи тончайшего подлога, совершая который невозможно было руководствоваться ничем иным, кроме знания принципов Ангсоца и понимания того, что хочет сказать Партия. Уинстон обладал тем и другим. Поэтому ему временами доверялась переделка даже передовых статей Таймса, написанных целиком на Новоречи. Он развернул сообщение, отложенное раньше в сторону. Там стояло:

**таймс 3.12.83. сообщение дневприказе сб двуплюснехорошо ссылки нелюдей
полнопереписать и верхпред до архивации.**

На староречи (или на литературном английском) это значило:

**Сообщение о Дневном Приказе Старшего Брата в Т а й м с е от 3-го декабря 1983-го года
крайне неудовлетворительно и содержит ссылки на несуществующие лица. Переписать
полностью и представить корректуру на высшее утверждение до отправки в архив.**

Уинстон прочитал преступную статью. Было такое впечатление, что Дневной Приказ Старшего Брата посвящался, главным образом, восхвалению организации, известной под именем ПСПК. Она занималась тем, что снабжала моряков Плавающих Крепостей папирусами и некоторыми

другими вещами, не входившими в число предметов первой необходимости. В приказе особенно выделялся некий товарищ Уитерс, видный член Внутренней Партии, и говорилось о награждении его орденом «За выдающиеся заслуги» 2-ой степени.

Три месяца спустя ПСПК было внезапно распущено без объяснения причин. Можно было предполагать, что Уитерс и его сотрудники находились теперь в опале, хотя ни в прессе, ни по телескрину на этот счет не говорилось ничего. Но этого и следовало ожидать, потому что политических преступников чрезвычайно редко отдавали под суд или обвиняли гласно. Большие чистки, захватывавшие тысячи людей и сопровождавшиеся показательными процессами изменников и преступников мысли, которые угодливо признавались в своих преступлениях и осуждались на смерть, — представляли собой особые зрелища; они устраивались не чаще, чем один раз в два-три года. Обычно люди, навлекавшие на себя недовольство Партии, попросту исчезали — так, что о них нельзя было услышать ничего. Никто не имел ни малейшего понятия о том, что с ними происходило. Возможно, что в отдельных случаях они даже оставались в живых. Не считая собственных родителей, Уинстон лично знал человек тридцать, пропавших в то или иное время таким образом.

Уинстон легонько провел по носу скрепой для бумаг. [...] Скорее всего, не меньше дюжины человек соревновались в этот миг в сочинении различных вариантов того, что было сказано на самом деле Старшим Братом. А затем кто-то из руководителей во Внутренней Партии должен будет выбрать ту или иную версию, отредактировать ее и пустить в ход всю сложную машину подбора необходимых справок, после чего выбранная этим руководителем ложь превратится в постоянный документ и станет правдой.

Уинстон не знал, что навлекло немилость на Уитерса. Быть может, продажность или неспособность к делу. Быть может, Старший Брат просто решил избавиться от слишком популярного подчиненного. Возможно и то, что Уитерс или кто-нибудь из близких к нему людей были заподозрены в еретических наклонностях. Или, наконец, — и это вероятнее всего, — причина состояла просто в том, что чистки, распыление людей являются необходимым элементом механизма управления. Единственным ключом к делу были слова — «ссылки на нелюдей», указывавшие на то, что Уитерс уже мертв. Арест не означает обязательно немедленную смерть. Иногда арестованных выпускают и позволяют оставаться на свободе год или два, прежде чем казнить. Очень часто человек, которого уже считают мертвым, много времени спустя, как призрак появляется на каком-нибудь показательном процессе и своими признаниями запутывает сотни других, прежде чем снова исчезнуть — на этот раз уже навсегда. Но Уитерс уже «нечеловек». Он не существовал, не существовал никогда.»

Создадим-ка Карла, не Марла, а великого Карла. Нарратив создает историческую личность.

История населена фантомными фигурами, героями исторических романов, раздвоившимися и утроившимися правителями. Ее последовательное очищение от этого беллетристического украшения, от этой занимательной компоненты ТИ, от этого заполнителя исторических пустот представляет собой столь сложную задачу, что перед ней пасует не один критический писатель. Что же говорить об историках-традиционалистах, которым даже и воображения недостает по поводу того, какими различными путями фантомные исторические деятели могли заполнить страницы книг по истории.

О том, как могут создаваться новые исторические персонажи, как одно внедрение некоего ранее никому не известного имени становится первым шагом к «оживлению» фантома, как его образ обрастает мускулами занимательного информационного мусора, Орвелл показывает на примере выдуманного его героем товарища Огилви:

«Уинстон решил, что недостаточно просто видоизменить речь Старшего Брата. Лучше будет посвятить её совершенно новой теме, никак не связанной с её подлинным содержанием.

Можно было бы посвятить ее обычному обличению предателей и преступников мысли, но в этом случае подлог станет слишком очевидным, тогда как изобретение какой-нибудь победы на фронте или в борьбе за перевыполнение плана Девятой Трехлетки может чересчур усложнить документ. Нужна какая-то чистая выдумка. И вдруг ему явился, уже как бы в готовом виде, образ некоего товарища Огилви, погибшего недавно в битве при героических обстоятельствах. Случалось, что Старший Брат посвящал Дневной Приказ памяти какого-нибудь скромного рядового члена Партии, чья жизнь и смерть могли служить предметом подражания. Сегодня он должен посвятить ее памяти товарища Огилви. Не беда, что никакого товарища Огилви никогда в природе не существовало – несколько печатных строк и поддельных фотографий скоро вызовут его к жизни.

Уинстон подумал с минуту, потом потянул к себе диктограф и начал диктовать в привычном стиле Старшего Брата. Это был одновременно стиль военного и педанта, легко поддающийся имитации благодаря манере оратора задавать вопросы и тут же отвечать на них. («Какие уроки мы можем извлечь из этого факта, товарищи? Уроки эти суть – и это есть одновременно один из основных принципов Ангсоца»... и т. д. и т. п.)

Трех лет отроду товарищ Огилви отказался от всяких игрушек, кроме барабана, пулемета и модели вертолета. Шести лет – годом раньше срока и по специальному исключению из правила – он вступил в организацию Юных Шпионов, а в Девять – командовал отрядом. В одиннадцать лет, подслушав разговор, в котором, как ему казалось, были преступные высказывания, он донес на своего дядю в Полицию Мысли. В семнадцатилетнем возрасте он стал районным организатором Антиполовой Лиги Молодежи. В девятнадцать он сконструировал гранату, принятую Министерством Мира; при первом опытном испытании одним взрывом этой гранаты был убит тридцать один евразийский пленный. Двадцати трех лет он погиб в бою. Летя над Индийским океаном с важным донесением и преследуемый вражескими истребителями, он привязал к телу пулемет и, вместе с донесением, бросился с вертолета в пучину, – конец, о котором, сказал Старший Брат, нельзя думать без зависти. В заключение Старший Брат добавлял несколько штрихов, говорящих о чистоте жизни товарища Огилви и его преданности делу. Он был абсолютным трезвенником, не курил, не позволял себе никаких развлечений, если не считать часа, который он ежедневно проводил в гимнастическом зале, и жил в обете безбрачия, полагая, что брак и заботы о семье несовместимы с

постоянной преданностью долгу. У него не было других тем разговора, кроме принципов Ангсоца, и другой цели в жизни, кроме уничтожения евразийского врага и охоты на шпионов, саботажников, преступников мысли и всяких изменников вообще.

Уинстон немного поколебался, — не наградить ли товарища Огилви орденом «За выдающиеся заслуги», но в конце концов оставил эту мысль, решив, что это повлечет излишние справки.

Он снова взглянул на своего соперника в кабине напротив. Что-то определенно говорило ему, что Тиллотсон занят той же самой работой. Невозможно знать, чей вариант будет одобрен, но Уинстон почему-то был уверен, что примут его вариант. Товарищ Огилви, которого нельзя было бы представить час тому назад, стал теперь фактом. Его поразила своей странностью мысль, что можно выдумать мертвого человека, но нельзя сделать того же с живым. Огилви, который никогда не существовал в настоящем, теперь существовал в прошлом, а когда о подделке забудут, он будет существовать так же достоверно и с такой же определенностью, как Карл Великий или Юлий Цезарь.»

Не знаю, понимал ли Дж. Орвелл, что и Карл Великий, и Юлий Цезарь – такие же выдуманные фигуры, как и его Огилви, им же и изобретенный. Но сам этот пассаж о придумывании никогда не существовавших исторических персонажей просто гениален и может считаться предвосхищением писателем-фантастом основной идеи исторической аналитики о том, что прежде, чем говорить о качестве моделей прошлого, нужно проверить всю номенклатуру исторических персонажей и удалить из нее фигуры, созданные воображением авторов написанных в прошлом исторических романов.

Зияющие высоты ибанской ТИ

Рис. 2.2. Русское тамиздатское издание гениальной сатиры Зиновьева "Зияющие высоты".

Традиционная история Ибанска, как всем хорошо известно, складывалась из событий, которые «чуть было не произошли; почти что произошли, но в последний момент все-таки не состоялись; ожидалось, но так и не наступили; не ожидалось, но несмотря на это случились; произошли не так, как следовало, не тогда, когда следовало, не там, где следовало; произошли, но признаны не имевшими места; не произошли, но стали общеизвестными». С некоторыми особенностями Ибанской истории читатель может познакомиться по сатирическому роману «Зияющие высоты» бывшего профессора философии и логики МГУ, бывшего заведующего кафедрой логики в этом университете, бывшего эмигранта и известного писателя Александра Зиновьева (не путать с Григорием Евсеевичем Зиновьевым, урожденным Радомыльским, который предпочитал делать историю, а не издеваться над ее модельерами). Анализ всей этой книги, как и других сатир знаменитого писателя, не входит в мою задачу, но отказать себе в удовольствии привести нескольких зияющих цитат на тему об истории не могу

«Член сказал, что эта теория не объясняет искажений истории. Наоборот, сказал Сотрудник. Людям надо внушать, что раньше всегда и везде было еще хуже. Потому какой-нибудь правдивый пустячок может обнаружить более высокий уровень жизни. Член сказал, что правду о прошлом скрыть нельзя. Есть же неоспоримые материальные свидетельства. Болтун сказал, что это утешение для идиотов. Люди сначала усиленно скрывают правду, а потом не могут узнать ее даже при желании. Единственной опорой памяти о прошлом становятся битые черепки и объедки от мамонтов. А разве это история! История не оставляет следов. Она оставляет лишь последствия, которые не похожи на породившие их обстоятельства.»

Сколько десятилетий советский режим скрывал правду о Катыни! И что-то не известны мне массовые протесты советских историков во все эти долгие годы против сознательного искажения недавней и легко проверяемой истории, точнее даже исторического факта. Не известна мне в связи с трагической Катынью даже верноподданческая ситуация, описанная по другому поводу в «Зияющих высотах»: «Ибанские историки обратились в высшие инстанции за инструкцией. Не ваше собачье дело, ответили сверху.» Конечно, Катынь – это тебе не фантастическое избиение сарацин или саксов

фантомным Карлом Превеликим, которое – несмотря на всю нелепость этих «сообщений» – историки готовы защищать до последней капли крови. Сатирический ответ Зиновьева на героическое молчаливое поведение историков-традиционалистов хорошо известен:

«Вот тебе примерная информация, допустим из 8974 года. При раскопках пустыря на окраине Ибанска геологи ошибочно обнаружили более десяти миллионов кубометров человеческих костей. По современным масштабам эта цифра незначительна. Но поскольку население Ибанска в ту эпоху было в несколько раз меньше, такое массовое захоронение, естественно, не вызвало никакого интереса в кругах специалистов. Благодаря усилиям большого коллектива исследователей и общественности удалось не найти объяснения тому факту, что во многих черепках в затылочной части имеется круглое отверстие, а лобные доли забиты трухой оптимизма и иллюзий. Были предприняты попытки возродить реакционную теорию реального существования Хозяина-Хряка. Но они были заблаговременно пресечены. Методом меченых атомов было установлено, что если бы такое захоронение и было на самом деле, то оно относилось бы к более позднему, постхряковскому периоду. С помощью первоисточников ученые доказали, что такого захоронения на территории Ибанска вообще быть не могло. Осуществленные затем новейшими методами заковки пустыря лишний раз подтвердили правильность нашей теории. Ну как? Рассчитывать на потомков просто глупо. Правда о прошлом возможна только тогда, когда она не вызывает эмоций. Если прошлое вызывает эмоции, оно непознаваемо.»

Хронология в Ибанске играла достойную этой преточной науки заурядную роль. Отношение к ней было почти средневековое, пренебрежительное, подсобно-прагматическое. Ну, прямо как в «Хронике» Шеделя. С делением всего прошлого на периоды (эры, века), без особого интереса к точным датам. Конечно, историческая периодизация – вещь субъективная, как мы видим на примере сверхточной дефиниции периода средневековья в ТИ. Для одних Средние века кончились с завоеванием Константинополя «турками», для других продлились еще пару лет до изобретения книгопечатания, для третьих средневековье длится до начала Реформации, а о четвертых и говорить не будем. Не было полной четкости с периодами истории и в ибанском ее варианте:

«Западные историки периодом Растерянности называют промежуток в истории Ибанска, расположенный в промежутке между промежутком, когда заведующим был Хозяин, и промежутком, когда хозяином стал Заведующий. Но у западных историков неправильный метафизический метод и ошибочная идеалистическая теория. Потому они не поняли главного, а остальное запутали. Ибанские историки единодушно отвергают существование периода Растерянности на том бесспорном основании, что в истории Ибанска был, есть и будет только один период, -- период Процветания. В Ибанске различают две ступени -- низшую и высшую. Но это -- ступени, а не периоды. Ступени характеризуются понятиями "ниже" и "выше", а периоды -- понятиями "раньше" и "позже". Поскольку высшая ступень еще не наступила и все время откладывается по уважительным причинам, низшая ступень временно исполняет обязанности высшей. Так что она, по приказу, выше всего того, что было и есть там у них на Западе. И никакого деления на периоды уже не требуется. Западные историки ничего этого, конечно, не знают и умышленно замалчивают в угоду капиталу. Одним словом, периоды Хозяина и Заведующего принципиально не различаются и имеют одну и ту же генеральную линию.»

Впрочем долго на одних только периодах, эрах и прочих неточностях не просидишь. Пришлось со временем и влюбленным в традиционную историю ибанцам заняться датировкой если не всех событий своей истории, то, по крайней мере, самых важных, связанных с жизнью любимых вождей:

«На чрезвычайных съездах стали устанавливать даты жизни и правления очередного Заведуна и

осуществленные под его мудрым руководством мероприятия. Это было огромное достижение. До этого каждый новый заведующий поносил предшественника, присваивал себе все то, что было сделано хорошего при нем, и сваливал на него все плохое, что натворил сам новый заведующий. Убедившись в том, что судьба предшественника есть твоя судьба, заведующие решили начать отдавать должное предшественникам и, тем самым, себе. Поскольку каждый последующий заведующий был на голову выше предшественника и делал шаг вперед, благодаря этому нововведению начался неукротимый прогресс. Ибанцы при этом настолько разогнались, что даже не заметили, как перегнали Америку и оставили ее где-то далеко позади. Пришлось вернуться обратно, так как за Америкой надо было глазеть в оба.»

Не пора ли и традиционной истории вернуться назад и начать глазеть в оба на подозрительно длинный список исторической номенклатуры. А не то перегонит ее историческая аналитика и побегут сарацины-традиционалисты присваивать себе ее научные достижения ни в чем выверки моделей прошлого.

Блистательные темные века. От истории к прошловедению

Не следует думать, что одна только советская историческая наука и одно только публичное изнасилование прошлого тоталитарными режимами 20 века вдохновляет писателей на художественные произведения про исторические фантазии. Средние века в этом смысле тоже весьма привлекательны, тем более, что и сами эти века во многом выдуманы, фантомны и потому инспирируют писателя, даже если он и усвоил религиозную веру в действительность этих веков...

Александрия – «почти священное место, юдоль земного рая, пристанище Грааля» расположена ... в Пьемонте, пишет переводчица четвертого из написанных историком **Умберто Эко** исторических романов «Баудолино» (Эко У. Баудолино, Симпозиум, М., 2003) Елена Костюкович в своем послесловии к русскому изданию книги. И дело даже не в том, что Александрия есть не только в Египте, но и в Бразилии, в Румынии, и в ЮАР, и на Украине, и в России (в Кировской области и в Ставропольском крае. Географическое название Александрия встречается и в Австралии, и в США, по крайней мере, в двух федеральных штатах (кроме того, в США есть еще и Александрия-Бей), так что никаких Александров Великих не хватило бы, чтобы поосновывать все эти города его имени. Дело в том, что как раз Александрия в Пьемонте должна озадачить современных географов, которые о таковой скорее всего никогда ничего не слышали. Городишко сей не прорвался на страницы Атласа Мира и только подробные итальянские карты отмечают его мельчайшим шрифтом.

Главный герой писателя, давший свое имя названию романа, сравнивается многими критиками с самим Умберто Эко и еще с Пинокио, который в итальянской традиции близок к немецкому Мюнхгаузену. Пинокио всегда лгал, лжет Умберто Эко, оживляя легендарного Фридриха Второго и крестовые походы, которые просто не могли иметь место в отводимое им ТИ время, лжет про едва ли уже выдуманного к 12 веку пророка мусульман, лжет, когда говорит об останках Карла Великого, якобы погребенного в Аахене. Лжет и Баудолино, но все его выдумки, вся его лживая информация принимается всеми вокруг него за чистую монету, становится частью истории. Баудолино – осознанно или только подспудно осознанно – образ лживого историка средневековья, которому не о чем писать правдиво за полным отсутствие реальной информации и который поэтому лжет, лжет и лжет, превращая ложь в свое основное занятие, в источник существования и в важную компоненту мировой культуры.

Рис. 2.3. Умберто Эко.

Обычно я предпочитаю говорить о выдумывании истории, о ее творческом созидании, даже о ее стихосложении, но Костюкович употребляет слова ложь и лжец. и мне остается только склонить голову перед авторитетом глубоко проникшего в сложный стилистический космос Умберто Эко знатока итальянского. «Крестянский мальчик Баудолино – уроженец тех же мест, что и сам Эко, – волей случая становится приемным сыном Фридриха Барбароссы. Это кладет начало самым неожиданным происшествиям, тем более, что Баудолино обладает одним загадочным свойством: любая его выдумка воспринимается людьми как чистейшая правда...»

Что же это за Баудолино, которому посвящены 500 с лишним страниц текста? Это засланный машиной времени из 20 века в век 12-й прохвост, Князь Лукавства, который наслаждается тем, что изменяет будущее, меняя некоторые атрибуты 12-го века. К его проделкам относятся и сочинение любовных писем от имени императрицы Беатрисы, и снабжение некоего провансальского поэта

обильным запасом написанных за него стихов, которыми тот сможет в течение многих лет все снова и снова поражать публику. Вряд ли стоит при этом отмечать такой пустячок, как выученный Баудолино для последней акции сторопровансальский язык.

В одной из своих шуток он составляет список выдуманных, никогда не существовавших произведений и закручивает интригу, в конце которой, как считает Эко, «какой-нибудь каноник, желая привести дела в порядок, взял да и написал эти произведения» (именно так в эпоху ренессанса и создавалась античная классика: кто-то упоминал несуществующее произведение в некоем тексте, а один из его читателей, прекрасно зная, что такого произведения нет на свете, садился за сочинение оно).

Приведем несколько цитат из разных отзывов на книгу:

«Баудолино, по имени которого названа книга, творит мир, в котором мы, возможно, живем. В XII веке он неприметной тенью стоит за важнейшими политическими, военными, религиозными и литературными событиями и свершениями. [...] Баудолино, никогда не существовавший на самом деле, принял участие в постройке родного города Умберто Эко и подтолкнул императора Фридриха Барбароссу открыть университет в Болонье, в котором автор преподает. [...] В тех же отношениях в книге находятся реальность и вымысел: фантазер Баудолино создает фальшивые исторические документы, но затем сам становится героем средневековой сказки.»

«Баудолино – имя, по которому тосковали тягостными северными ночами все российские поклонники Умберто Эко, не владеющие языками Европы, на которые за эти три года был переведен роман. Баудолино, мальчик из деревни, что станет городом Александрией, где родится через много веков сам Умберто Эко.»

Сергей Бунтман в своей рецензии на книгу в журнале Эхо Москвы писал:

«Баудолино, выдумщик и толкователь чудес, создатель реликвий и основатель европейской поэзии. Таков герой романа. Умберто Эко прошел от "Имени Розы" [...] вроде бы снова к Средневековью, к "Фридриху Барбароссе, третьему и четвертому Крестовым походам, но.... Как всегда попал в нашу кровную проблему. Правда и вымысел, документ и свидетельство. Кому верить, кому доверять? Всю историю Баудолино мы узнаем со слов самого Баудолино.»

Хорошо, что хотя бы в этом случае нам известно, с чьих слов. А с чьих слов мы «знаем» историю средневековья? И знаем ли мы ее? Или только тешим себя иллюзией, что знаем? Переводчица так оценила героя романа Эко, о котором епископ Оттон вскоре после знакомства с героем замечает «парень лжив с колыбели»:

«Грандиозной ложью всей своей жизни Баудолино доказал, что лжи исторической на свете в принципе не существует, потому что история — это не то, что было, а то, что рассказывается и тем самым создает для развития человеческого общества опору и прецедент.»

Это, конечно, правильно, если об этом сказано честно и открыто. Ложь историческая именно в том и заключается, что ложь многочисленных баудолино выдается за адекватное отражение прошлого. Да и сама Елена Костюкович демонстрирует, что она живет по этой лжи, когда обрушивается в своем послесловии на авторов новой хронологии, на их «самые «убойные» и в то же время наиболее растиражированные высказывания», их «безумные толкования». Гораздо честнее она выглядит, когда утверждает, что в фокусе внимания Умберто Эко как раз и находится множественность интерпретаций истории, включающая в себя даже и новую хронологию, или просто рассказывает о

том, что Умберто Эко в интервью журналу «Панорама» в день появления романа в книжных магазинах (23 ноября 2000 г.) сказал следующее:

«Баудолино — один из великих лгунов истории, из тех, которые потом становятся утопистами, потому что они, подобно поэтам, возвещают ту ложь, которая необходима для всех. Это второй роман, в котором я вывел героев, изобретающих некую грандиозную околесицу. В „Маятнике Фуко“ мировая история представала как конструкт, спроектированный нездоровым воображением. В „Баудолино“ история предстает как продукт здорового и востребованного вымысла. Обнаруживается, что Баудолино практически фальсифицировал половину книжного наследия Запада и что это он — истинный автор переписки Абеяра и Элоизы и он — создатель библиотеки Св. Виктора в романе Франсуа Рабле. Мир приспособился к фантазиям Баудолино...»

Костюкович приводит и еще одну цитату из пояснений Умберто Эко одному интервьюеру:

«... половина прогрессивных новаторств случилась по ошибке или по чьему-то вранью: искали философский камень, выдумали порох. Пытались попасть в царство пресвитера Иоанна, а освоили неизведанную Африку. Не будем уж говорить о мифах, связанных с основанием государств. В романе присутствует и такой миф: канонизация Карла Великого усилиями Фридриха Барбароссы по подсказке Баудолино. Мой Баудолино — мифопорождающая машина».»

Множественность интерпретаций истории или, вернее, множественность допустимых моделей прошлого является одним из нововведений нашей хронологической революции, которую с ужасным скрипом воспринимают воспитанные на единственно правильном учении поколения историков и их учеников. Историческая аналитика, в отличие от всего остального мира, не хочет приспособливаться к фантазиям многочисленных баудолино, ни позднесредневековых, ни эпохи возрождения, ни новейшего времени. Она не согласна быть простым смазчиком и наладчиком мифопорождающих автоматов. Историческая аналитика предлагает поставить все эти выдумки и фантазии на полку художественной литературы, снабдить их яркими обложками, коих и достойно массовое чтение, и начать постепенно и осторожно заполнять проверенной информацией о прошлом новую полку, полку прошловедения.

Детали «большой акции» или «широкомасштабной операции» у Орвелла

Фальшивомонетчикам грозят большие тюремные сроки. Тем не менее, тайные службы разных стран, в том числе и гестапо, во вторую мировую войну, широко использовали поддельные деньги, чтобы нанести ущерб экономике вражеских стран. Как в этих службах, так и в уголовном мире, широко используется, например, подделка документов. Да что уж там тайные службы! Сегодня и в России, и на Украине изготовители фальшивых дипломов и документов почти открыто вербуют клиентов в органах печати. Летом 2004 г. в Москве газеты сообщили о задержании участников одной такой преступной группы, открыто дававшей рекламу в тех же самых газетах. Если гражданину Украины требуется поехать в Германию на заработки, а его имя занесено в компьютер, так как его уже раз поймали на пребывании здесь в течение многих лет с просроченной визой, то он спокойно купит себе на Украине новый паспорт и запросит новую визу, имея снова безупречную личную историю без какого-либо криминального прошлого.

Моделью прошлого может быть не только текст на исторические темы. Моделью прошлого является и любое изображение, касающееся прошлого. О фальшивом моделировании прошлого путем использовании бесчисленных картин, написанных через столетия или тысячелетия после свершения событий, которые они якобы изображают, известно каждому: вряд ли кто-либо верит тому, что картины 19 века адекватно отображают события глубокой древности, которые служат для них сюжетом. То же самое со скульптурами, якобы изображающими знаменитых людей прошлого: даже само существование последних не становится более достоверным из-за того, что современный скульптор изобразил их в соответствии с его сегодняшними представлениями.

А как обстоит дело с фотографиями? Уж они-то документируют прошлое совершенно точно!?! Как бы не так! Знаменитая фотография, изображающая момент провозглашения Веймарской республики в Германии, была, оказывается, снята вовсе не в день этого провозглашения, а лишь когда была осознана важность этой декларации. Тогда были собраны участники того акта и рассажены и расставлены таким образом, как это казалось наиболее импозантным фотографу.

О ретушировании фотографий в сталинском СССР была издана отдельная книга «Сталинское ретуширование» (David King, *Stalins Retuschen*, Hamburg, 1997). С уже всем известных фотографий удалялись не только впащие в немилость Троцкий и другие вожди оппозиции первоначальному сталинизму, но и любые жертвы сталинских репрессий. **Ни одной фотографии, опубликованной в советское время, верить нельзя: она может оказаться или ретушированной, или фотомонтажом.**

Советскую традицию переняли и китайские коммунисты. В 1944 году великий Мао был снят вместе с главой штаба красной армии, когда они – командир и комиссар – обходили свои войска на одном из фронтов. Через 20 лет, когда Мао стал великим, эта фотография подверглась обработке. Новый исторический фотодокумент показал главу штаба красной армии, обходящего подчиненные ему войска ... на почтительном расстоянии от якобы идущего впереди него Мао. Гениальность Мао после этого ни в каких доказательствах не нуждалась! Интересно, что в прессе недавно появился заголовок: «В Китае продолжают ретушировать»: от хорошо выученного трудно отучиться.

Иногда в связи с этим случаются и забавные истории. В период «пражской весны» ее вождь Дубчек был сфотографирован вместе с соратниками, позже его предавшими. Для ретушеров – не проблема. Они уничтожили изображение Дубчека и ретушированная фотография и впредь использовалась, так как на ней был изображен и президент Свобода. Однако у наблюдательного зрителя она вызывала улыбку: ретушеры забыли удалить ... носок туфли Дубчека и в результате на фотографии один из

друзей Советского Союза выглядел трехногим. О постоянной переделке фотографий рассказывает и **Джордж Орвелл** в романе «1984».

«Служащие Отдела Документации не любили говорить о своей работе. В длинном, без окон, коридоре с двумя рядами кабинок, с нескончаемым шелестом бумаг и гудением голосов, бормочущих что-то в диктографы, было, по крайней мере, человек двенадцать, не известных Уинстону даже по именам, хотя он и видел каждый день, как они пробежали по коридору или жестикулировали во время Двух Минут Ненависти. Он знал, что в соседней кабинке маленькая рыжеволосая женщина целыми днями занимается тем, что вылавливает в прессе и вычеркивает имена людей, которые были распылены и поэтому рассматривались, как никогда не существовавшие. Занятие такого рода определенно подходило ей — муж этой женщины был распылен примерно года два тому назад. А еще несколькими кабинками дальше кроткое, мечтательное и инертное создание по имени Амплефорс, с очень волосатыми ушами и с поразительным талантом жонглировать рифмами и размерами, было занято изготовлением подтасованных вариантов или так называемых сверенных текстов стихов, которые стали неприемлемыми идеологически, но по тем или иным соображениям сохранялись в антологиях. И этот коридор с его, приблизительно, пятьюдесятью служащими был лишь одной подсекцией, одной ячейкой гигантского и сложного аппарата Отдела Документации. Внизу, вверху, по сторонам — всюду роились служащие, занятые такой разнообразной работой, какую трудно даже и вообразить. Тут были громадные типографии со своими редакторами, типографскими специалистами и со сложно-оборудованными ателье для подделки фотографий. Тут был сектор телепрограмм со своими инженерами и постановщиками и с целыми труппами актеров, специально подобранных за умение имитировать голоса. Была армия клерков, занятых только тем, что они составляли списки книг и журналов, подлежащих изъятию. Были громадные склады для хранения исправленных документов и тайные печи для уничтожения оригиналов. И, конечно, хотя и совершенно анонимный, был направляющий разум, координировавший все эти усилия и определявший генеральную линию, от которой зависело, что такие-то и такие-то фрагменты прошлого сохранялись, другие фальсифицировались, а третьи совершенно переставали существовать.»

Историко-литературное творчество в 18 в. (на примере Англии)

Несколько штрихов, характеризующих процесс возникновения исторических документов в 18 в., можно найти в статье Ю. Д. Левина „Россия в английской эссеистике 18 века“, напечатанной в книге «Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока», Пушкинский дом, Санкт-Петербург, 1998, стр. 5–28.

Начнем с приведенного Левиным свидетельства английского просветителя Джозефа Аддисона (1672–1719) который в своем очерке от 21 мая 1709 г. так высмеивал пристрастие английских журналистов к выдумке сенсационных политических новостей:

«...все помнят уловки, к каким прибегали в царствование короля Карла Второго, когда они не могли выпустить ни одного газетного листа без того, чтобы не зажечь комету в Германии или пожар в Москве»

Какие у нас есть основания считать, что историки предыдущего 17 в. и еще более ранних эпох были свободны от пристрастия к выдумыванию сенсационных политических страстей? Почему мы должны доверять авторам исторических сочинений средневековья и выдуманной античности?

Рассказывая о своеобразном отклике на полтавскую битву. в журнале «Зритель» № 136 (6 августа 1711 г.) в форме саморазоблачительной исповеди человека, объявлявшего себя «одним из величайших лжецов, каких производил этот остров», Левин приводит цитату из книги «Русско-английские литературные связи» (стр. 80–81) академика М. П. Алексеев:

«указанное „Письмо к Зрителю“ не осталось без подражаний; идея создания фиктивных мемуаров от имени британского офицера, находившегося в войсках Петра I, вдохновила Д. Дефо, автора „Робинзона Крузо“, издать целое произведение на эту тему, которое впоследствии пользовалось известностью не только среди любителей художественных вымыслов, но и среди историков, увидевших в нем правдивый и достоверный рассказ о России и деяниях царя Петра».

Речь идет о псевдоисторическом сочинении Дефо, изданном в Лондоне в 1722 г. Если в начале 18 в. в эпоху, когда каждое политическое событие освещалось в многочисленных газетах и журналах на разных языках, историки могли принимать литературный вымысел за «правдивый и достоверный рассказ», то почему мы должны считать, что в более ранние века художественные произведения четко отличались от исторических документов, что историки не принимали художественный вымысел за историческую правду?

Большую часть статьи Левин посвятил редкому журналу «Московит», некоторое время (май–июнь 1714 г.) издававшемуся неизвестным публицистом. Повествование в посвященных России материалах журнала шло от имени вымышленного персонажа, молодого русского, носящего выдуманное имя Плеско. Левин подчеркивает распространенность такого приема в историко-политической литературе 18 в.

Критическая оценка своей страны устами вымышленного иностранца, выходца из далеких, предпочтительно экзотических земель, – прием, довольно распространенный в мировой литературе. (...) Так, например, написаны известные «Персидские письма» Монтескье (1721) и «Гражданин мира» Голдсмита (1762), т.е. произведения, созданные после «Московита», но прием этот использовался задолго до них, чуть ли не со времен античности.

Как видно из статьи Левина, практически вся историко-политическая информация о России облекалась в Англии 18 в. в форму чисто литературную. Скорее всего это является отражением стиля исторических произведений более раннего времени. Известным примером смешения исторического повествования с литературным произведением в предыдущем веке служила практически вся литературная деятельность коллектива авторов, известным под псевдонимом Вильяма Шекспира. Мы можем себе представить, как широко пользовались этим приемом писатели более ранних эпох, произведения которых сегодня принимаются историками за идентичные исторические произведения.

Литература

[**Зиновьев**] Зиновьев, А.А.: Зияющие высоты, L'age d'homme

[**Кинг**] King, David: Stalins Retuschen, Hamburg, 1997

[**Левин**] Левин Ю. Д.: Россия в английской эссеистике 18 века", в книге «Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока», Пушкинский дом, Санкт-Петербург, 1998

[**Эко**] Эко, Умберто: Баудолино, Симпозиум, М., 2003

Глава 3. Что такое история? Как она создавалась?

Подход Ломоносова к его историческому труду был ... литературный и патриотический

*Георгий Вернадский,
Русская историография,
АГРАФ, М., 1998, стр. 54*

Настоящая глава возникла как разработка доклада, прочитанного 1-го декабря 2001 г. в Москве на Третьей Международной Конференции по Проблемам Цивилизации. В разных вариантах этот доклад был опубликован в России и Эстонии. Однако по мере работы над текстом, мне приходилось все больше и больше расширять угол критического взгляда.

Я рассмотрю здесь разные стороны процесса придумывания истории человечества, так, как он мне видится, не претендуя на академическую систематичность изложения всех аспектов этого нелегкого вопроса. М.А. Барг в своей книге «Эпохи и идеи. Становление историзма» (Мысль, Москва. 1987) считает формирование исторического сознания процессом менее всего изученным в научной литературе, с чем я готов согласиться. В то же время с его традиционалистским представлением о том, что общество весьма рано ощутило острую нужду в людях, исполняющих функцию историков, я намерен поспорить.

В основе моих рассматриваний лежит понятие европейской исторической идеи: моделирования прошлого на основе хронологической костяка истории. В ТИ считается, что история возникла на «древнем» Востоке и достигла своего расцвета в эпоху «античности» (Геродот – как отец истории). В исторической аналитике эти представления подвергаются сомнению и преобладает взгляд на историю, как на сравнительно недавнее изобретение человечества. В первую очередь такая оценка относится к европейской исторической идее и ее распространению во всем мире. Излагаемая мной гипотеза возникновения истории основана на распространенной в западной исторической аналитике катастрофистской модели прошлого.

Согласно этой гипотезе письменность возникла не тысячи лет тому назад, а в начале недавно закончившегося тысячелетия нашей эры и применялась первоначально в довольно ограниченном объеме. Ни о какой истории на этой стадии не может быть и речи: бесписьменные общества историю не пишут. Взрывообразное возрастание значимости письменности и появление истории связано не столько с рождением известной нам европейской или средиземноморской цивилизации в начале этого тысячелетия, сколько с интенсивным ее развитием, начиная с конца 14 в.

Что такое история?

Этот "простой" вопрос ставится, к сожалению, слишком редко и на него почти никогда ясно не отвечают. Из-за этого возникают проблемы взаимопонимания даже среди скептически настроенных по отношению к ТИ исследователей. Это не значит, что на тему о том, что такое история не были написаны и сказаны многие более или менее умные слова. Существует философия истории (таковая якобы существовала уже в сказочное «античное» время: см. книгу А.Ф. Лосева «Античная философия истории» (Наука, Москва, 1977)) и хорошо – в рамках традиционных представлений – разработанная история историографии. На книгу Осипа Львовича Вайнштейна «Западноевропейская средневековая историография» (Наука, М.-Л., 1964) и некоторые другие традиционные исследования по истории создания истории я буду ниже ссылаться. Если читать их с точки зрения исторической аналитики, то вырисовывается интересная картина создания исторической модели прошлого в сравнительно позднее – по традиционным представлениям – время: начиная с середины 14 в..

Но сначала хочу пояснить, что в гуманитарных науках практически невозможно создавать модели при помощи некоторого числа уравнений, неравенств или других математических объектов, как это принято в технике, астрофизике, физике и других естественных и прикладных науках. Слишком уж сложный объект – человеческое общество, да еще и прослеживаемое на протяжении длительного времени и во всем многообразии пространств и цивилизаций – подлежит рассмотрению и описанию. Даже современное нам общество, вроде бы непосредственно наблюдаемое учеными, является весьма сложной системой, хотя отдельные аспекты и параметры его деятельности (демографию, например, или экономику) и пытаются моделировать математически. Но чаще всего модели сложных систем возникают у каждого из нас в голове – конечно, в размытом виде – и потом мы пытаемся выразить их словами, описать, понимая, что любое наше описание конечно и не способно абсолютно адекватно передать наши представления о едва ли не бесконечно сложном объекте исследования.

Для меня история является в первую очередь тем, что о прошлом знают, а не само историческое прошлое. История – это все то, что мы знаем или думаем, что знаем, о прошлом. Это четкое разграничение прошлого и истории не наблюдается у большинства историков и я хочу его здесь подчеркнуть и поставить во главу рассмотрения. Так, немецкий историк Голо Манн в своей статье «Исторические науки вчера и сегодня», включенной в 10-й том Энциклопедии Майера (1972 г.) прямо говорит

«Понятие «история» имеет двойной смысл: оно подразумевает то, что произошло в прошлом, но также и деятельность историка, познание, представление, обучение.»

Я бы добавил в это описание традиционного применения слова «история» самими историками еще и форму организации работы историков со всей системой кафедр, институтов, советов, редакций и т.п., а также академическую иерархию с ее институтами академических званий и почетных должностей от ассистента и учителя истории, музейных работников и простых археологов до профессоров и академиков, директоров исследовательских институтов и заведующих кафедрами истории. Все это тоже воспринимается как история самими историками.

С точки зрения исторической аналитики и вообще проверяемости истории и хронологии важно иметь такое понятие истории, когда не было бы абсурдным утверждение «история не верна». Но прошлое в принципе не может быть неверным. Все, что произошло в прошлом нас интересует в первую

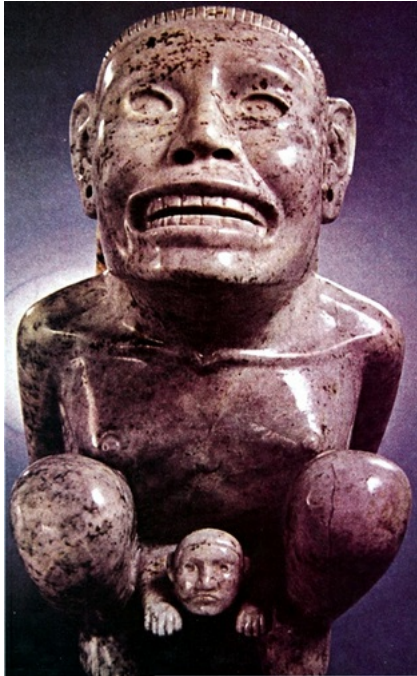

Рис. 3.1. Божественное прошлое в муках рождает малое свое подобие – историю. Хитрое выражение лица не по-младенчески взрослого дитяти ничего хорошего прошлому не предвещает. Дочурка подрастет, захватит должность главы отдела коммуникации и такого понараскажет о давшем ей жизнь прошлом ...

очередь не с позиции оценки происшедшего на шкале хорошо/плохо, прогрессивно/реакционно или какой-либо еще (такая оценка возможна лишь вне истории в рамках этических и моральных систем, идеологий и т.п.), а знания или незнания о происшедшем. Мы ведь не считаем, что быть или не быть академиком-историком или директором Института Истории РАН может быть верным или нет. Неверным может быть только наше представление о прошлом.

Иными словами, для меня история – это модель прошлого (но никак не само прошлое), модель, возникающая у каждого думающего о прошлом человека, в том числе и у историков, и чаще всего описанная последними при помощи текстов различной длины и различной формы: книг и статей, диаграмм и хронологических таблиц, статистики и фотографий, картин художников и кинофильмов. Прошлое было и наше знание о нем весьма ограничено. История есть, и мы в принципе можем ее довольно хорошо знать (если только хотим этого и согласны тратить на ее познание свое время).

У историков с четким разграничением истории и прошлого – большие проблемы. Их демонстрирует, например, позиция Бенедетто Кроче (1866–1952), итальянского историка и философа истории, автора книги «История Европы в 19-м столетии». В своей книге «Теория и практика историографии» (Языки русской культуры, Москва, 1998) он, говоря об установлении грани между историей и хроникой, пишет на стр.

14, что оно

«дает возможность пересмотреть банальнейший тезис о первичности хроники по отношению к истории. «*Prius annales (хроника) fieri, post Historiae factae sunt*», согласно затверженному, как прописи, высказыванию древнего ученого (грамматика Мария Викторина). (В книге эта латинская фраза переведена как «Сперва появились хроники, затем были созданы истории» – Е.Г.) Но из исследования природы, а также генезиса двух различных подходов следует прямо противоположное: сначала История, потом Хроника. Сначала живое, потом мертвое. А утверждать, будто хроника породила историю, все равно что вести происхождение живого человека от трупа, который в той же мере является останками жизни, в какой хроника является останками истории.»

Итак, Кроче оспаривает верный с моей точки зрения тезис о том, что сперва появились анналы, а потом были созданы истории. Таким образом, четко видно, что для Кроче история здесь – синоним прошлого. Конечно, прошлое не труп (в этом я согласен с Кроче), а неимоверно сложное и мало доступное человеческому наблюдению существование человечества в прошедшие временные эпохи. Но и история в моем понимании не мертва, хотя и живет по совсем другим законам, чем прошлое, в то время как хроника полумертва (и здесь Кроче близок к истине) и вдохнуть в нее жизнь может только наш процесс моделирования прошлого. Человек рождается не от трупа, а в результате бесконечно сложного биологического процесса, так что сравнение Кроче неприемлемо. Весь же спор исчезает, стоит только перестать отождествлять историю с прошлым и начать рассматривать вместо этого процесс моделирования прошлого во всей его полноте.

В главе «Определение истории» книги Бернара Гене «История и историческая культура средневекового Запада» (Языки славянской культуры, Москва, 2002) автор под заголовком „Простой и правдивый рассказ“ на стр. 21-22. пишет:

«С течением времени значение слова «история» отклонилось от первоначального. У некоторых авторов проявилась вполне понятная тенденция подразумевать под историей не рассказ о событиях, а сами события. Столь же естественно другие стали подразумевать под историей не рассказ о событиях, но труд, книгу, содержащую этот рассказ. Начиная с IX века специалисты по литургике превращают слово «история» в чисто технический термин: *historia* у них — это рассказ, который описывает главным образом жизнь какого-нибудь святого и служит основой при составлении проповедей, которые будут произнесены во время богослужения, посвященного этому святому. Но какие бы смещения в смысловых оттенках этого слова ни происходили, в общем и целом история для всего Средневековья представляет собой то, что Исидор Севильский в VII веке определил как «*narratio rei gestae*» или, как скажет в XVI веке Лапоплиньер, «повествование о свершившихся делах». Лапоплиньер говорит даже: «правдивое и подробное повествование о свершившихся делах». Этими словами он подчеркивает, вслед за множеством авторов предшествовавших столетий, первейшее качество, которого всегда требовали от исторического рассказа: он должен быть правдивым.»

Позволю себе сильно усомниться в последнем утверждении: и жития святых были крайне далеки от правдивости, и вся средневековая историография, как в общем-то и признает сам автор в других частях этой книги, была очень далека от этого требования. Впрочем на настоящий момент для меня важнее другое: сами историки признают, что интерпретация истории как синонима слова «прошлое» является отклонением от первоначального и естественного смысла слова «история».

Конечно, история – это коллективная модель, причем модель размытая в том смысле, что у каждого из нас есть свое представление о прошлом, свой срез коллективной исторической модели. В зависимости от степени заинтересованности, уровня образования, степени критичности, знакомства с т.н. «источниками» и т.д. мы можем нести в себе разные срезы этой коллективной модели прошлого. На самом деле это даже некая совокупность разных коллективных моделей, ибо в зависимости от языка, на котором мы читаем, страны проживания, культурной или религиозной принадлежности, мы оказываемся в рамках разных исторических моделей прошлого.

Можно было бы еще рассмотреть роль более ранних моделей прошлого в создании современной его модели, ибо история это всегда еще и именно сегодняшняя модель прошлого, вообще сосредоточиться на динамике таких моделей. Но это выходит за рамки моей первичной цели четкого разграничения прошлого как генератора исторической информации и истории как способа обработки этой информации. О таких способах и идет речь в данной книге.

Как будет показано в этой книге, та модель прошлого, которую я буду часто упоминать как традиционную (ТИ = традиционная история) имеет множество национальных вариантов, не говоря уже о разных моделях прошлого в разные века, а также о религиозных вариантах истории. К сожалению многие носители традиционной модели прошлого совсем или крайне мало задумываются о том, как возникла и как живет их модель прошлого – эта самая ТИ.

ТИ знает каждый. В той или иной мере, но знает. Она представлена несметным количеством книг, фильмов, телевизионных передач, статей. Всего не перечислишь. Она превратилась в важную составную часть нашей культуры. Она вездесуща. От нее труднее укрыться, чем от самой

распространенной религии. Она сама превратилась в своего рода религию. Она занимает в нашем обществе столь доминирующее положение, что любая ее критика, любое сомнение в ее верности, воспринимаются как жуткий афронт, как антиобщественное явление, как проявление бескультурья, чуть ли не духовного нездоровья. И тем не менее есть горстка мужественных людей, которые решаются эту нашу модель прошлого анализировать, критиковать и даже подвергать ее очень сильной, я бы сказал, уничижительной, критике.

Моя модель прошлого, мое видение прошлого, в корне отличается от ТИ. Я знаю, что ТИ в разных – часто противоречащих друг другу содержательно и хронологически – вариантах имеет гораздо больше число последователей, чем представляющаяся мне более близкой к реальному прошлому альтернативная модель исторической аналитики. Но научные истины не определяются путем голосования. Моя модель тоже, наверняка, несовершенна, однако она возникла на основе моего жизненного опыта, моих раздумий о прошлом, моего знакомства и с ТИ, и с многочисленными работами западных и российских ее критиков по анализу ТИ. Поэтому ни один традиционалистский «эксперт по прошлому» не сможет мне доказать, что мое видение прошлого не является неплохой его моделью. Я в достаточной мере доверяю своему скептическому видению прошлого, чтобы считать, что я смоделировал для себя прошлое – не без помощи многочисленных критических исследователей – лучше, чем это смогли сделать армады «экспертов», связанных по ногам и рукам традицией, академической или иной корпоративной зависимостью, собственной умственной ленцой, карьерными и финансовыми соображениями и другими общественными и индивидуальными ограничениями.

Историография – не история

Где-то между прошлым и историей (как моделью прошлого) лежит, как мне кажется, историография. Впрочем и на тему о последней у историков нет единства даже на уровне определения этого понятия. Энциклопедия Майера определяет историографию, как представление истории, имея в виду под последней прошлое. Но за представлением прошлого я предпочитаю закрепить термин «история». Таким образом, меня можно было бы обвинить в попытке изменить произвольно устоявшуюся терминологию, если бы у историков было единство по этому вопросу. Но такого единства нет и БСЭЗ, в отличие от Майера, определяет историографию многозначно, как:

1. Историю исторической науки в целом, а также как
2. совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе или
3. совокупность исторических работ, обладающих внутренним единством в социально-классовом или национальном отношении (например, марксистская или французская историография), наконец, как
4. научную дисциплину, изучающую историю исторической науки.

Обратим внимание на то, что варианты 2 и 3 близки по смыслу к определению [Майера]: если за тему взять мировую историю, а за эпоху время от создания мира до наших дней или до вчерашнего дня, то никакой разницы между историей и историографией не будет. В то же время варианты 2 и 3 покрывают пункты 1 и 4. Действительно, последние отождествляют историографию с историей моделирования прошлого и являются частным случаем определения Майера, ибо прошлая историческая наука является частью прошлого и изучая ее историю, мы моделируем часть прошлого. В малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (1907 г., С.-Петербург) историография определена как

5. Изучение исторической литературы какого-либо предмета и
6. Историческая литература вообще

Т.е. около ста лет тому назад в русской исторической традиции историография была четко отделена от прошлого и занималась только написанным о нем. А история (согласно соседней статье той же энциклопедии) понималась как

а) совокупность фактов прошлого (но факт нам известен только благодаря его описанию или связанной с ним археологической находке и совокупность фактов прошлого не есть прошлое) и

б) наука о прошлом человечества (что вполне можно понимать как моделирование прошлого, правда, возмнившее себя наукой).

Иными словами, история тогда более ни менее четко отличалась от прошлого. Еще четче это разделение у Карамзина [Предисловие, стр. IX], для которого история была (священной!) книгой народов и должна была писаться. И хотя здесь под историей может вполне проходить и миф, смешения с прошлым здесь нет: книга есть книга, а прошлое есть прошлое.

Я буду рассматривать здесь историографию именно в привязке к написанному. Это много уже, чем моделирование, которое связано с отражением написанного – но не только написанного, а как-либо вообще представленного, например в виде памятников или спектаклей – в головах и в коллективах голов. Причем я буду понимать историографию в двух смыслах

- В узком смысле этого слова, как набор текстов, по возможности не ссылающихся на другие тексты о прошлом, а только на собственные наблюдения, услышанных у других или доносящих

до нас фантазии авторов.

- В широком смысле слова, как все написанное о прошлом, в том числе и исторические романы, фальшивки, подделки, выдуманные описания прошлого и т.п..

Иными словами историография является аналогом литературы в то время как история включает в себя и филологию, и массовое восприятие литературы. Граница между названными двумя группами текстов условна и не принципиальна (она аналогична различию между «высокохудожественной» литературой и всей массой писанины, как хорошей, так и не слишком). Принципиальное отличие от традиционного подхода именно в последнем из отмеченного в обоих случаях, т.е. в фантазиях и иных писательских вольностях: в традиционном рассмотрении историографии охотно рассказывают о разоблачении авторов исторических подделок и фальшивок, но стараются закрыть глаза на то, что большая масса еще не раскрытых подделок продолжает рассматриваться историками как «источники». Однако вспомним Карамзина [Предисловие, стр. XI]:

«Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, то что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь ...»

Я бы охотно ограничился, цитируя, именно первой фразой. Она мне кажется сегодня особенно важной, ибо и в том, что останется после удаления известного нам как вымышленное, я подозреваю слишком большую долю тоже вымышленного или отнесенного не к тому времени, но еще не идентифицированного в этом качестве (или даже идентифицированного, но не признаваемого историками в качестве такового). Многие разоблаченные фальшивки – за исключением нескольких потерявших актуальность парадных примеров – продолжают во всю использоваться историками: как правило, историки просто игнорируют разоблачения или делают вид, что ничего о них не знают (часто, действительно, не знают), успокаивая себя тем, что мол разоблачения были их коллегами уже опровергнуты (и в эти «опровержения» они тоже, конечно, не вчитываются, ибо незачем тратить время на всякие там сомнения и их «опровержения»). Расхождения по вопросу о границе между первичной исторической литературой (якобы, источники) и вторичной (якобы их анализ, обобщение, а чаще всего пересказ на уровне собственного ограниченного понимания) менее принципиальны, ибо граница между первичной и вторичной исторической литературой крайне условна: редкий источник не ссылается на другие, чаще всего на многие.

Хронология – не прошлое

Важным является вопрос о роли хронологии в моделировании прошлого. Можно, конечно, договориться, что любая модель прошлого, в том числе и миф или, скажем, эпическая ода, начисто лишенные хронологии, тоже являются вариантами истории. В какой-то мере такой подход реализуется, когда мы говорим о мифологизации истории (хотя здесь и может присутствовать элемент определенной ориентации во времени) или об историчности мифа. Первоначально у меня было ощущение, что история является в первую очередь хронологизированной историей, т.е. моделью, снабженной (желательно – достоверной) хронологией. Эта хронологизация может быть, вероятно, несколько менее однозначной для более ранних времен, но попытка такой хронологизации должна быть по меньшей мере предпринята. Истории без хронологии, пусть даже самые занимательные, – это мифы, легенды, сказки на исторические темы, в лучшем случае – предыстория, так что даже самые честные сообщения об археологических находках – никакая не история. Вот что пишет об этом Бикерман на стр. 7:

«Факт может считаться историческим, если он может быть определен не только в пространстве, но и во времени.»

Сегодня я вижу это несколько более дифференцированно и не настаиваю на создании хронологии любой ценой, ибо в самом этом требовании таится опасность взятой с потолка хронологии. Скорее я за максимально возможную непротиворечивую хронологию. Но если анализ некоторого набора источников не позволяет создать никакой хронологии, то я готов принять такую «нулевую» хронологию за единственно правильную. Во второй части книги будет показано, что разным наборам источников в принципе соответствуют разные хронологии (как показал в свое время Исаак Ньютон единая непротиворечивая хронология мировой истории невозможна). Если же хронология вообще возможна для некоторого набора источников, то она не обязана иметь форму хронологической таблицы с датами для всех использованных в модели прошлого событиях. Хронология может оказаться комбинацией каких-то дат, информации о том, что какие-то события были раньше, позже или одновременно с другими событиями, а также списка событий без какой-либо хронологической привязки к другим событиям (а только к рассматриваемому периоду).

Ограничение истории хронологизированными моделями прошлого не устраивает даже некоторых авторов исторической аналитики. Они хотят видеть все раскопанное или выкопанное археологами как часть истории (а не как материальные свидетельства прошлого, как посылаемые прошлым нам зашифрованные телеграммы, которые еще предстоит расшифровать: и мы делаем это не всегда верно). И недаром же многие археологи не просто описывают результаты своих находок, а тут же дают им историческую интерпретацию и снабжают ее к тому же хронологическими оценками: как правило, к сожалению, в основном недостоверными. Они находятся в плену распространенных неверных представлений о том, что раз предмет когда-то в прошлом был создан, использовался и, наконец, разрушился или был изъят из пользования другим путем, т.е. он функционировал в некоторый отрезок времени, то его обязательно нужно и можно вставить в нашу привязанную к временной оси модель прошлого. Это неверно и потому, что наши представления о прошлом в лучшем случае только частично правильны, и потому, что мы пользуемся стоящей на шатком основании хронологией.

Иными словами они пытаются домоделировать прошлое на основе уже существующих моделей и войти в число историописателей. Впрочем критики моего определения истории (и моего видения прошлого, т.е. моей исторической модели) идут дальше. Часто они задают мне вопрос: «А что было раньше? Что вы скажете про археологические горизонты, в которых археологи уже не в состоянии

найти какие-либо артефакты». Как мне ни неловко, я должен сказать уважаемым коллегам, что они совершают при этом одну из самых банальных ошибок, которая напоминает мне о реакции людей, впервые в жизни слышащих, что вся история человечества происходила во втором тысячелетии нашей эры. „Но что же было перед этим?!” – спрашивают они с напором, отождествляя мысленно историю с прошлым, большую часть которого мы просто не в состоянии научно смоделировать. Как будто бы этот вопрос не имел права возникнуть, если бы история как смоделированный отрезок прошлого была в 10 раз более длинной!

Ответ на этот вопрос на засыпку крайне прост: перед этим (т.е. перед смоделированным отрезком прошлого) была доисторическая жизнь, которую мы едва ли сможем регистрировать в рамках истории (т.е. нашей модели прошлого). Вероятно, мы узнаем со временем несколько больше об этой доисторической жизни с помощью археологии, но только в действительно очень редких случаях мы найдем при будущих раскопках исторические записи. В частности, вряд ли нам удастся найти такие записи в Индии, где они и не составлялись. И индийская высокая культура (при всей зависимости от соответствующей дефиниции) началась гораздо позже, чем притворяются сегодня историки.

К приведенной выше цитате из Бикермана я бы добавил требование о том, что для рассматриваемого факта должно быть достоверно установлено, что это действительно нечто, происшедшее в прошлом, а не поэтический вымысел. Актуальность этого требования можно подтвердить следующей цитатой из Барга (стр. 281-282):

«...риторическая школа историографии утверждает: цель истории – указать человеку посредством конкретных примеров путь к счастью. Но в таком случае зачем истории правда, если Гомер и Вергилий достигли ту же цель при помощи сказок.»

Но историки и по сей день продолжают рассказывать сказки. Действительно, ведь история это комплекс наших представлений о прошлом, а наши представления могут быть основаны и на продуктах человеческой фантазии. Субъективный характер истории следует из этого определения непосредственно, хотя роль объективного возрастает по мере совершенствования методов фиксации информации о прошлом. История в век газет в принципе отличается от таковой в век первых книг, а таковая от истории в эпоху начального распространения письменности.

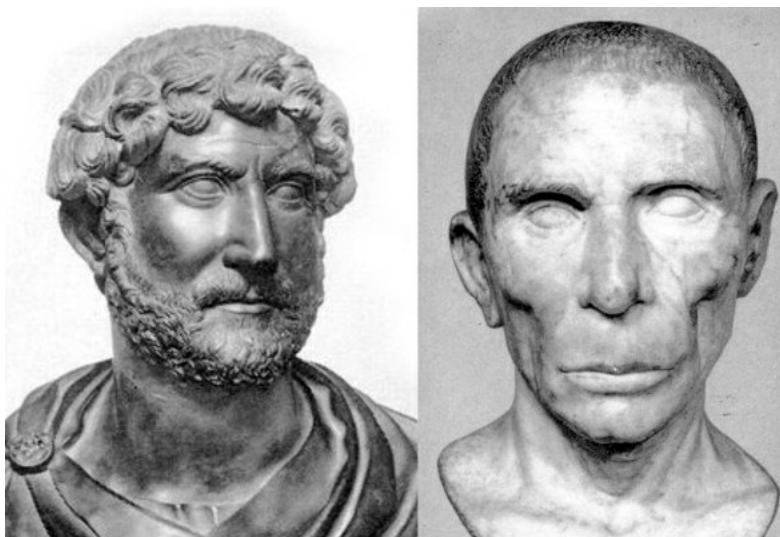

Рис. 3.2. Два "античных" скульптурных портрета. Обратите внимание на ухоженность бороды на левой скульптуре. А у правого солидного возраста мужчины еще и гладко выбритые щеки, не говоря уже о подбородке. Интересно, какими

стальными бритвами пользовались античные брадобреи, особенно в случае столь впалых щек?

Возвращаясь к моему четкому разграничению понятий «история» и «прошлое», должен признать, что даже некоторые другие критики хронологии видят ситуацию иначе и продолжают смешивать эти два понятия. Например, для Кристофа Маркса история есть «сингулярная цепь сингулярных событий», т.е. как раз само прошлое, а не наши знания о нем. При таком определении многие вопросы исторических аналитиков будут излишними, как, например,

- История – это наука? (Прошлое не является наукой, а моделирование может, в принципе, со временем подняться до уровня науки)
- Или, быть может, история – это псевдонаука? (Прошлое не может быть и псевдонаукой тоже, как оно не может быть ни литературой, ни мифом, но ТИ как неверная модель прошлого вполне может рассматриваться как псевдонаука, как своего рода религия)
- Является ли история ветвью филологии? (Прошлое не тянет и на ветвь филологии тоже, но история очень тесно связана с филологией и долго была ее составной частью)
- Сочинялась ли история в эпоху Возрождения? (Прошлое нельзя сочинять, сочинять можно только модель прошлого, можно выдумывать его описание, что и делалось весьма активно в указанную эпоху)
- Можно ли разрабатывать новую историю? (Конечно, ибо одно и то же прошлое можно пытаться все лучше и лучше моделировать, однако прошлое нельзя разрабатывать, только его модели)

На все эти вопросы, кроме первого, историческая аналитика дает положительный ответ. Но к чему все эти вопросы, если история – это сингулярная цепь сингулярных событий?

Рассмотренная дефиниция Маркса как и традиционное смешение понятий в определении истории содержит также другие слабые места: она ориентируется на уже преодоленное представление об истории, как о цепи событий или об адекватном описании таких цепей. История в сегодняшнем смысле – после достойной признания работы французской «школы анналов» – является в первую очередь по возможности наиболее близкое к историческому прошлому описание исторических процессов и соотношений, не только того, что происходило с людьми, но и того, что происходило в их голове. Здесь события играют только подчиненную роль. Впрочем, для нас в первую очередь важны именно события и их комплексы как ориентиры для хронологии и как элементы модели прошлого.

Когда историки говорят об истории, то часто подразумевают прошлое, а не наше знание о нем. Иногда они делают это сознательно, действительно считая прошлое и историю синонимами, но часто это происходит на уровне оговорки, в основе которой, конечно, лежит отсутствие четкости в терминологии. Оговорки такого рода известны из многочисленных анекдотов на разные другие темы.

Так, в 19 в. рижский пастор Беркгольц славился живостью своих проповедей. При этом, однако, он нередко так увлекался, что оговаривался и попадал в неловкое положение. Однажды он намеревался рассказать пастве о пришествии воинства божьего (Herrscharen), но вместо этого заговорил с увлечением о пришествии ножниц для стрижки волос (Haarscheren).

В другой раз, обращаясь к пастве, он назвал собравшихся в церкви не «дорогие верующие» или «дорогие братья во Христе» (liebe Mitchristen), как это принято в лютеранской церкви, а «дорогие навозные христиане» (Mistchristen). Узнав об этом, один его коллега ехидно заметил: "Пастор Беркгольц просто хотел подчеркнуть, что его община состоит в основном из крестьян или, в крайнем случае, из бывших крестьян."

Когда историки путают вроде бы основные для их профессии понятия, так и хочется воскликнуть: «Они напоминают нам о своем политкомиссарском прошлом». Перефразируя старый советский анекдот:

- Мы говорим история, а подразумеваем прошлое.
- Мы говорим прошлое, а подразумеваем история.
- И так все время: говорим одно, а подразумеваем нечто иное!

Историки об истории

Конечно, дав четкое разделение понятий «история» и «прошлое», я не смогу изменить укоренившееся в нашей речи смешение понятий. Выражение «ну, это уже история» многие будут и впредь понимать как «это уже отошло в прошлое», а не «это теперь можно встретить в модели прошлого». Но изменение языка и не входит в мою задачу: четкое разделение названных двух понятий мне необходимо для уточнения проблем с хронологией, для того, чтобы объяснить читателю, почему в принципе не может существовать единая непротиворечивая историческая хронология.

Смутив читателя непривычным для него пока разделением истории и прошлого, я хочу дать ему возможность отвлечься перед следующим шоком на тему о том, что европейская историческая идея вовсе не столь древнее изобретение человечества, как ему внушали с детства. Поэтому в данном разделе я хочу вернуться к рассмотрению представлений об истории, возникших в рамках традиции. И если даже кому-то покажется, что при этом я могу скорее запутать читателя, чем углубить вроде бы только созданную ясность, то признаюсь, что хотел в первую очередь развлечь, не забывая совсем о цели разделения в головах двух понятий: прошлого и истории.

Начну со все той же энциклопедии Майера.

«История (латинское *historia*) – первоначально: случайное событие, происходящее в данный момент. С 15-го века развивалась в плане отхода и в конечном счете отрицания понимания как священная история („*historia divina*“), которая признавала только истории („*historiae*“) в рамках „*historia humana*“, что являлось термином для обозначения сегодняшнего секуляризированного понятия »

Далее в этой энциклопедической статье рассказывается о сегодняшнем использовании термина *historia* в его немецком варианте *Historie*. Нужно сказать, что в немецком, в отличие от русского, произошло разделение терминологии: вместо слова «история» в его латинском варианте начали говорить *Geschichte*, что тоже переводится на русский как история, но восходит к глаголу *geschehen* (произошло). Здесь я вижу результат смешения понятий и шаг от событий как зафиксированных человеческим сознанием моментов (что является в известном смысле моделированием прошлого) к идентификации с прошлым, со всем тем, что произошло. И хотя исторически речь шла об отделении истории от библейских сказаний, как мы только что видели, лежащая в основе такого подхода вера в то, что история человечества фиксируется абсолютно правильно, привело к подмене понятия «история» понятием «прошлое».

Рис. 3.3. "Античные портреты" хорошо выбритых великого Августа и не менее великого Цезаря. Однажды я задал в одном семинаре историков вопрос о том, что им известно о брадобрее Цезаря. Ответа я не получил, но с тех пор меня перестали приглашать на этот семинар. Сам виноват: нужно уметь держать язык за зубами и не задавать неправильные вопросы.

Интересно, что в обозначении профессии историка было сохранено слово *Historiker*. Я давно подметил это несоответствие и в своих немецких статьях использую для обозначения профессии историка немецкое слово *Geschichtler*, которое хотя и встречается в словарях, практически крайне редко используется. Причина, скорее всего, в том, что слово *Geschichte* обозначает не только историю как то, чем занимаются историки, но еще и «рассказ», «повесть», «история» как повествование, а также – в просторечье – слова «вымысел», «ложь», «небылица».

В качестве краткого обзора динамики представлений об истории **приведу отрывок из введения к книге С.Ф. Платонова «Полный курс лекций по русской истории»**, которая выдержала 10 изданий в дореволюционной России. Очень полезно вчитаться в это изложение (цитируется по переизданию 1995 г., Фолиум, Петрозаводск), содержащего многое из того, о чем каждый когда-либо читал, но потом успешно позабыл. Позабыл, потому что подавляющее большинство книг по истории, которые он держал в руках, пытаются представить историю как безошибочное знание о прошлом. В том числе и о хронологии зафиксированных событий прошлого. И то, и другое на самом деле не выдерживает никакой критики.

Отвлечемся от того, что греки у Платонова традиционно древние: скорее всего и во время турецкого завоевания Греции якобы около 1470 г. их историки пытались «передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий» и ничего более. Во всяком случае именно такое понимание истории нашли в конце 16-го века иезуиты в Китае. Стремление «к правде и точности» я отношу на счет проекции историками 19-го и 20-го веков своих представлений на прошедшие времена и на появление упомянутых Платоновым положительно Фукидида и Геродота (по крайней мере их известных нам сегодня версий) в эпоху Ренессанса.

В связи с Гегелем Платонов говорит о том, что история «должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.» Но все факты прошлого в принципе не могут быть описаны, как бы мы ни понимали, что это такое – «факт прошлого». Отмечу лишь, что выбирая факты, достойные описания, мы делаем именно то, что всегда входит в процесс

моделирования: отход от невыносимо сложного объекта моделирования и его мысленная замена некоторым приближением, которое в конечном счете и кладется в основу строящейся модели.

Интересно мнение Платонова об отходе истории от рационализма и ее развитии в объятьях национализма. Вряд ли это подкрепляет мнение Платонова о том, что история уже в начале 19-го века стала наукой. Ее нельзя считать наукой даже и сегодня, через два века после этого срока. И только сейчас становится видна вся глубина ненаучности этой «науки». Дело не только в том, что она продолжает нежиться в объятьях разных национализмов, но и в том, что она не была пока в состоянии очистить свою информационную базу, свои источники, от фантастических и чисто литературных произведений и даже не в состоянии осознать всю глубину вопроса о верности или неверности используемой ею хронологии.

Но, хватит говорить на серьезные темы! Я предлагаю теперь читателю небольшую прогулку по прокомментированной мной (в скобках) коллекции мудрых мыслей об истории, собранных эстонским историком Томасом Карьяхярмом в его интересной – хотя и вполне традиционной – книге «Справочник историка» (Арго, Таллинн, 2004). Книге, которую было бы крайне полезно перевести на некоторые из чуть более распространенных языков, чем мой родной великий и могучий эстонский.

- Цицерон: **первый закон истории: не допускать неверного** (одно это выражение переносит Цицерона из античности в Ренессанс!)
- Маркс: **История это не что иное, как деятельность человека, преследующего свои собственные цели** (Вряд ли при этом он боится допускать неверное)
- Гегель: **Нельзя всерьез рассуждать об истории, не имея эстетической позиции** (Вот и попробуй склотить хронологию без эстетического масштаба в кармане брюк. Мне бы больше подошла этическая позиция: не врать)
- Блох, Марк: **О человеке во времени есть одна единственная наука, в которой от начала и до бесконечности следует объединять исследование отошедших в мир иной с исследованием ныне живущих.** (Возразить трудно, но полезно принять к сведению, что этого со-основателя «Школы Анналов» мало волновали вопросы правильности или фантастичности хронологии.)
- Кроче, Бенедетто: **Любая история есть история современности** (Как увидит читатель, я использую ниже сию мудрость видного итальянского теоретика истории 20-го века в перефразировке «История начинается сегодня». В имеющемся у меня переводе его «Теории и истории историографии» та же мысль выражена таким образом: Историческое мышление всегда адекватно своему времени и никогда – другому.)
- Карп, Е.Х.: **История это бесконечный, никогда не кончающийся диалог современности с прошлым** (По крайней мере, этот английский историк и политолог не отождествляет историю с прошлым)
- Хобсбоум, Е.: **Работа историка сводится к тому, чтобы помнить о том, что забыто другими** (О, если бы все сводилось к этому, каким безобидным ремеслом было бы таковое историка! Однако этот наивный представитель данного ремесленного цеха из Великобритании забывает о функции слежения за идеологической чистотой нашей памяти о прошлом, которая превращает историков по совместительству еще и в церберов современной духовной инквизиции.)
- Минк, Л.О.: **Истории не переживают, их рассказывают** (Правильно, американские философы истории уже подошли к видению истории как модели прошлого).
- Лотман, Юрий Михайлович: **История это взгляд в прошлое из будущего, взгляд, который сопровождается неким представлением о «норме», «законе», «коде», о том, что поднимает свершившееся на пьедестал исторического факта и заставляет считать события значимыми.** (Юрий Михайлович, которого я знал с детства и которого считал своим духовным наставником в юности, наверняка принял бы мое понимание истории как модели прошлого. Кстати, этот выдающийся историк культуры и семиотик был первым из гуманитариев, опубликовавшим в

редактировавшихся им Трудах Тартуского Университета по семиотике статью М.М. Постникова и А.Т. Фоменко по новой хронологии: научный подвиг, значимость которого только усиливается смакуемыми антифоменкистами естественными для воспитанного на традиционной историографии и хронологии ученого сомнениями).

- Шлегель, Ф.: *Историк – это пророк, обращенный к прошлому* (Немецкий историк характеризует обращение собратьев по профессии с отсутствием точной информации о прошлом как предсказания. Это вежливее, чем обвинять их в вымысле, вранье и подлоге.)
- Руутсоо, Р.: *В не слишком религиозной Эстонии история стала одной из самых влиятельных форм «гражданской религии»*. (Эстонский социолог мог бы взглянуть и за пределы нашей небольшой страны и констатировать, что история стала не просто одной из доминирующих религий во всем мире, но даже самой распространенной из всех.)

Европейская историческая идея

Европейская историческая идея (идея истории как описания последовательности событий с их соотношением точкам на временной оси) значительно моложе, чем это утверждает традиционная история. Еще и в эпоху ренессанса датировка исторических событий осуществляется редко и обычно в форме относительной датировки, а не абсолютной, как это принято сегодня. На самом деле данное обстоятельство не должно никого удивлять, ведь данная эпоха – это и есть самое начало истории.

Даже самая примитивная историческая идея на самом деле настолько нетривиальна и уникальна, что приступая к рассмотрению истории какой-либо страны, какого-либо региона или части света, историки обязаны первым делом выяснить, когда там возник интерес к прошлому и в какой форме, а уж потом и каким образом в эту страну, регион или часть света была занесена идея истории в ее привычном нам европейском варианте, сегодня занявшем доминирующую позицию во всем мире. Ее независимое возникновение в хотя бы двух разных регионах столь мало вероятно, что должно быть строго доказано, а не принято за – к тому же даже не формулируемую – аксиому: предположение по умолчанию тут не проходит и должно решительно отметаться.

Возможность существования истории как набора моделей прошлого в бесписьменном обществе крайне сомнительна. Максимум того, на что способно такое общество, это на создание меняющейся от поколения к поколению мифологии. Существование истории в какой-либо систематической форме в допечатный период также крайне мало вероятно, тем более, что между возникновением письменности и книгопечатания на самом деле лежали не тысячелетия, а немногие столетия.

Это сегодня идею истории внушают каждому человеку в школе с раннего возраста, пользуясь при этом абсолютной шкалой измерения исторического времени. Еще несколько поколений тому назад эта идея была мало известна в странах, не затронутых глубоко процессом глобализации (не правильнее ли будет сказать, псевдоевропеизации), но сегодня ее вбивают в головы школьников Африки, Южной Америки и Азии, как это уже давно принято в Европе.

А как обстояло дело до изобретения временной оси с фиксированной на ней точке отсчета исторического времени? Т.е. в сравнительно недавнюю эпоху до 1582 г. – года григорианской реформы и введения календаря, привязанного к временной оси? Тогда использовались такие, например, датировочные приемы как

- Раньше, чем ... или позже, чем ... или одновременно с таким-то событием
- За столько-то поколений до чего-то еще
- В начале жизни такого-то исторического лица
- Через столько-то лет после избрания некоего лица бургомистром (скажем, города Нюрнберга)
- За столько-то лет до начала такой-то войны или через указанное количество лет и месяцев после ее окончания
- Через три года и два месяца после пожара в такой-то церкви
- За два месяца до избрания, скажем, Пшемисла Второго королем Швабрии и т.п.

Если при этом после смерти Пшемисла Первого до указанного последним событием ничего интересного с точки зрения историописцев не произошло, то почти весь период междувластия (а он мог длиться и месяцы, и годы) как бы исчезал из истории. Да и само использование относительных датировок приводит к трудной проблеме увязки относительных датировок и редких дат, получаемых

по разным таким системам, друг с другом. Э. Биркеман в своей книге «Хронология Древнего Мира» приводит следующий пример таких трудностей:

Рис. 3.4. «История больна» утверждает историческая аналитика.

«Пример с архонтом Полиэвктом, дата правления которого является решающей для хронологии Дельф, наглядно показывает сложность датирования афинских архонтов эллинистической эпохи. Два синхронизма говорят о том, что Полиэвкт исполнял свои обязанности во время правления царя Македонии Антигона Гоната (263–240) и Селевка II (246–223) (...). Таким образом, год его правления должен приходиться между 246 и 240 г. до н. э. Тем не менее более точно определить время его правления на протяжении этого короткого периода оказывается невозможным (...).

Таким образом, все предложенные списки афинских архонтов эллинистической эпохи отличаются друг от друга и все они в одинаковой степени недостоверны»

В рамках ТИ возникновению исторической идеи уделяется крайне мало внимания, как будто нет ничего более простого, чем современное историческое мышление. Однако примеры больших азиатских регионов, не знавших идеи истории в ее европейском варианте (Индия и Китай, например) показывают, что ситуация значительно более сложна. Насколько трудно было додуматься до абсолютных датировок в эпоху отсутствия единой и общепризнанной временной шкалы, даже и представить себе трудно. Именно поэтому историки и пытаются выдать эту грандиозную проблему за нечто совсем несущественное, о чем и думать-то не надо (пустая, мол, трата времени). Именно поэтому они нафантазировали сотни различных древних систем счета исторического времени (не без умысла отбить у каждого из нас желание лезть в эти непролазные дебри).

Тут тебе и годы от основания города Рима (*ab urbe condita*), и годы античных греческих олимпиад, и египетские подвижные годы, и датировка по римским консулам или афинским архонтам, и эра Диоклетиана, и испанская эра, и мусульманская эра и сотни разных эр «от сотворения мира». А как потом во всех этих запутанно выдуманных системах счета разобраться, об этом даже редкие представители практически вымершего в 20 веке племени хронологов не в состоянии нам рассказать:

«Установление относительной хронологии эпонимов удастся редко, если нет древнего списка эпонимов, ибо тогда имена «плавают» во времени. Список афинских архонтов от войны с персами и до 302 г. до н. э. сохранился в XI–XX книгах труда Диодора, который в своем историческом повествовании упоминает афинского архонта каждого года начиная с 480 г. до н. э. Дионисий Галикарнасский (...) также перечисляет архонтов вплоть до 293/2 г. до н. э. (...). Для более позднего периода в нашем распоряжении имеются только отрывочные и бессвязные списки на камне. Начиная с 356/5 г. до н. э. (с некоторыми перерывами, например при олигархическом режиме с 321/0 по 308/7 г. до н. э.) ежегодные писцы-секретари (*grammateis*) сменяли друг друга в определенной последовательности, согласно филам, из которых они происходили; за писцами из филы Эгиды следовали писцы из филы Эрехтея и т. д. Таким образом, фила писца может указывать на место соответствующего архонта в цикле смены фил (...). В этом цикле случались,

однако, нарушения (...). В целом, число афинских архонтов, для которых определены юлианские даты, после 290 г. до н. э. остается пока крайне незначительным. Даты правления только четырех архонтов III в. до н. э. (после 290 г.) определены достоверно, поскольку для них известны синхронизмы с олимпиадами» (Бикерман, стр. 63)

В наивной сказке о разбросанных по векам единичных «античных» историках представители традиционной истории не удосужились придумать какой-либо мало-мальски действующий на практике механизм для передачи от лица к лицу исторических знаний через гигантские пространства в географических и временных мирах. Даже если мы сегодня и знаем о «существовании» всех этих ранних авторов хроник и иных исторических произведений, где доказательство тому, что они не просто знали о существовании друг друга, но и имели возможность читать произведения своих предшественников. О работе межбиблиотечного абонемена в те далекие времена нам ничего не известно, да и существование античных библиотек, скорее всего, одна из выдумок историков, очередная проекция наблюдаемого ими современного им мира в отдаленное прошлое.

Накопленный в рамках исторической аналитики массивный заряд скептицизма по отношению к сказкам о ранних историографах, о функционировании выдуманных систем датировки, о достоверности наших знаний о прошлом вообще не позволяют нам пользоваться излюбленным приемом историков по усыплению внимания читателей исторических произведений: они начинают свой рассказ с древнейших времен, к которым трудно предъявлять строгие требования относительно достоверности сообщаемой информации. Потом постепенно начинают с уверенной миной вводить все больше и больше информации о прошлом. Затем как из шкатулки волшебника историки начинают извлекать все более и более детальную хронологическую информацию, долженствующую убедить нас в том, что теперь-то уж повествование о временах давно прошедших носит совершенно надежный характер.

Но мы уже достаточно часто хватали историков за руку и убеждались в том, что их информация как общеисторического, так и хронологического характера является информацией мошеннической, выдуманной, в лучшем случае подогнанной к такой же мало обоснованной, сочиненной другими писателями. Поэтому только критический взгляд из сегодня в прошлое может дать нам реалистичную картину возникновения исторической идеи.

История начинается сегодня.

По крайней мере для нас – критиков историографии и сторонников радикально сокращенной хронологии. И начинается не только в том смысле, что наш взгляд на прошлое во многом определяется нашим сегодняшним историческим мировоззрением, нашей актуальной моделью прошлого. Историческая аналитика пытается осознать важность наших сегодняшних представлений для формирования образа прошлого и освободить процесс создания исторической картины от диктата сегодняшней картины мира, от сегодняшней идеологии. Особую трудность при этом представляет рабская зависимость историка от материальных системощрения и от политического диктата.

Для нас история начинается сегодня еще и в том смысле, что мы только начинаем применять к истории междисциплинарный подход и выработанные наукой – в первую очередь естественными науками – критерии академичности. Историки тоже порой делают вид, что работают междисциплинарно. Однако анализ их отношения к датировке на основе естественно-научных методик, к исторической географии, к исторической метеорологии и климатологии, вообще к обращенным в прошлое областям естественных наук, показывает, что ни о какой настоящей междисциплинарности речь в случае ТИ идти не может. ТИ просто пытается утилизировать все то, что не противоречит ее догматизированным схемам и решительно отвергает все, что не укладывается в привычную историческую парадигму.

Нам кажется, что историки еще даже не договорились о том, что история собой представляет, каковы ее цели и задачи. Ибо адекватное описание прошлого невозможно без выработки критериев критического отношения к собственным писаниям историков. И, что весьма и весьма существенно, очень многие историки даже не осознали всей важности вопроса о том, строят ли они свои схемы на действительном историческом материале или на фантазиях писателей – авторов исторических романов прошлого. А те немногие историки, которые якобы осознали, делают вид, что ненастоящие источники – это скорее исключение из правила, не влияющее на общую благополучную картину с историческими источниками.

Историк должен усвоить презумпцию виновности и считать априори, что ему в качестве источников подсовываются литературные произведения разных эпох. Без убедительного доказательства того, что ему посчастливилось и он набрел на источник, имеющий хоть какое-то отношение к реальному историческому прошлому, вся его работа с самого начала должна относиться к разряду филологических, а не исторических изысканий.

Йохан Хейзинга в лекции «Задача истории культуры» (см «Об исторических жизненных идеалах и другие лекции», Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1992) пишет

«В средневековой школьной системе, родившейся из школьной системы поздней античности (этот экивок в сторону «античности» – обычная жертва неверным представлениям ТИ о прошлом – Е.Г.), для истории вообще не нашлось места» (ну, не было еще такой «науки» – Е. Г.).

И далее:

«историческая наука даже и в новое время была представлена в университетах крайне слабо. ... Затруднительно указать хотя бы одно значительное историческое сочинение этого периода (до начала 19-го в. – Е.Г.), созданное в стенах университета.»

Все ясно: история рассматривалась как раздел литературы, а историки – как писатели. В лучшем случае как анонимные филологи. Как мы видели из эпиграфа к настоящей главе, как патриотическую и филологическую воспринимал великий Ломоносов и задачу, стоящую перед российской историографией. И это положение сохранялось до начала 20-го в., когда Теодору Моммзену присудили нобелевскую премию за многотомную «Историю Рима» именно по разряду литературы. Да и сам великий Моммзен считал себя филологом, а не историком.

Сравним историю с описанием немецкой филологии, данным видным советским филологом германистом В.М. Жирмунским в его статье «Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии (В сборнике его статей «Из истории западно-европейских литератур», Наука, Ленинград, 1981):

«Германская филология возникла в начале XIX в., по образцу классической филологии, прежде всего как наука о древностях, о литературных памятниках германского средневековья»,

которые, добавим, в основном рассматриваются сегодня историками как источники для моделирования прошлого.

Как мы видели из эпиграфа к настоящей главе, как патриотическую и филологическую воспринимал великий Ломоносов и задачу, стоящую перед российской историографией. И это положение сохранялось до начала 20-го в., когда Теодору Моммзену присудили нобелевскую премию за многотомную «Историю Рима» именно по разряду литературы. Да и сам великий Моммзен считал себя филологом, а не историком.

Рис. 3.5. История облачилась в монашеские одежды и удивляется своему нагому прошлому.

Профессор Киевского университета Юлиан Кулаковский в статье «Памяти Моммзена», Журнал министерства народного просвещения, 1904, № 1, стр. 39–61, вспоминал следующие слова Моммзена:

«Да здравствует наша немецкая филология ... не история, нет ...филология должна здравствовать! История, как частное, входит в обширное понятие филологии ...».

С нашей точки зрения история в форме ТИ не преодолела подхода к источникам как к литературному произведению (хотя и делает вид, что этой проблемы нет в природе). Ясно, что любой апокриф, любой принимаемый сегодня за исторический источник исторический роман были когда-то кем-то написаны и их филологический анализ правомочен. Но созданная на их основе историческая картина мира не имеет ничего общего с реальным историческим прошлым, с исторической реальностью человечества.

Катастрофа середины 14-го века и начало истории.

Итак, европейская историческая идея, сформировавшая со временем исторические школы в разных странах и осуществившая затем постепенный переход от локальных и избранных национальных историй к всемирной истории, возникла сравнительно недавно, не более, чем тысячу лет тому назад. Скорее всего, ей – максимально – лишь немногим больше, чем 500 лет. Таким образом и вся наша история не может насчитывать больше тысячи лет: пока нет идеи описания событий прошлого, нет и истории. Эта точка зрения разделяется сегодня большинством немецких аналитиков истории. И главным при этом, как мне кажется, является вопрос о том, возникла ли эта идея «из воздуха», из ничего, сама собой, из якобы естественного интереса к прошлому и не менее естественного желания повыпендриваться перед потомками или у ее колыбели стояло некое потрясение основ цивилизации, побудившее людей взяться за перо и обратить свой взор к прошлому.

Моя гипотеза такова: История как описание (моделирование) прошлого начинается с катастрофы. Не с памяти о далеких предках, не с культа таковых, не с устных пересказов легенд и мифов, а с последней крупной катастрофы, которая, как утверждает Христоф Маркс, имела место в середине 14-го века в основном в Европе. Традиционная история не знает этой катастрофы, а только одно ее проявление под названием «черная смерть», но зато ей хорошо известен глубокий кризис середины 14-го века, охвативший большинства стран Европы. В книге «История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы» ее автор Ласло Контлер (Весь мир, Москва, 2002) утверждает, что в 14-м веке «все развитые европейские страны переживали глубокий кризис», но что, мол, этот кризис не охватил Венгрию, что на самом деле может означать отсутствие достоверной исторической информации для этого периода венгерской истории.

Положение о влиянии крупных катастроф на историческое развитие в российской критике хронологии многие годы не рассматривалось. В свое время Н.А.Морозов под влиянием современного ему состояния представлений об эволюции жизни на Земле дистанцировался от теории катастроф в форме теории о мировых катастрофах космического происхождения, хотя и придавал огромное значение катастрофам «домашнего изготовления», например извержениям вулканов, и метеоритам. Однако сегодня естествознание вернулось к осознанию судьбоносной роли катастроф в истории Земли, а западная историческая аналитика уделяет мировым катастрофам важную роль в предысторическом и историческом развитии человечества.

Лишь в последние годы российские авторы начинают связывать начало нашей цивилизации с вспышкой сверхновой звезды в 1054 г. (или позже, как показывают новейшие астрофизические исследования) и с ее мощнейшим излучением, которое на несколько порядков превосходило по интенсивности нормальное солнечное излучение. Они считают, что это облучение вполне могло привести к генетическому перерождению населения северного полушария и дать толчок к мощному скачку в развитии человечества. Наконец, наши с Марксом выступления на конференции в Москве в 2001 г. привели к появлению ряда публикаций о сравнительно недавней катастрофе на российской территории, основанных на материалах, уже десятки лет известных в естественно-научных кругах, но не попадавших до недавнего времени в сектор обзора российских историко-критических авторов.

В западной литературе уделяется большое внимание катастрофе, длившейся порядка трех лет и приведшей к возникновению Черного моря. Эта катастрофа датируется ТИ первым христианским тысячелетием и считается сегодня одной из главных причин Великого Переселения народов. Подводные археологические экспедиции пытаются восстановить облик поселений, существовавших на нынешнем дне Черного моря. Общее сокращение хронологии, приводящее в частности к

осознанию Великого Переселения народов как славянского заселения Центральной и Западной Европы, переводит и эту крупную региональную катастрофу в рассматриваемое здесь время. Не исключено, что она была одним из проявлений катастрофы 14-го века.

В то же время центральная роль, отводимая библией всемирному потопу в истории человечества, должна заставить задуматься над тем, какое влияние катастрофы сравнимого с всемирным потопом масштаба должны были оказать на самосознание человечества, на его реальное историческое развитие. Как повлияла глобальная катастрофа на потребность выжившей части человечества в сохранении (или подавлении) воспоминания о столь грандиозном событии, а также о том, как люди жили до этой катастрофы?

В свое время в статье «Фоменко не одинок» (см. Приложение 6 в книге Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко «Реконструкция всеобщей истории, Работы 1999-2000 годов. Новая хронология», 573-600) я писал:

«Современный катастрофизм придерживается мнения о том, что повторяющиеся катастрофы в разной мере, но в отдельных случаях почти полностью, уничтожают на Земле все живое (во всяком случае наиболее высоко развитые формы жизни) и что после каждой такой особо губительной катастрофы общепланетарного масштаба жизнь на нашей планете начинается в каком-то смысле сначала на случайно сохранившихся обломках предыдущего состояния биоты. Уже в этом огромная новизна представляемой катастрофизмом исторической картины мира нашей планеты. Но главное новое утверждение с точки зрения истории человечества заключается в том, что в сравнительно недавнем историческом прошлом такие катастрофы неоднократно имели место и, следовательно, оказывали сильнейшее влияние на историческое развитие. Иными словами: с точки зрения новой исторической науки историческое прошлое человечества формировалось под влиянием грандиозных природных катастроф планетарного или квази-планетарного масштаба.»

Рис. 3.8. Даже видный теоретик истории Бенедетто Кроче (1866 – 1952), итальянский историк и философ истории, автор книг "История Европы в XIX столетии" и "Теория и практика историографии", не был в состоянии различать понятия "история" и "прошлое".

В зависимости от масштаба последней большой катастрофы (ПБК), возникает вопрос о том, как она способствовала возникновению в Европе исторической идеи, были ли уже до нее попытки проектировать исторические события на временную ось, да и существовало ли само понятие временной оси. Рассмотрение этого вопроса привело меня к сильным сомнениям относительно существования какой-либо хронологии до катастрофы середины 14-го века. Эта катастрофа мало известна широкому кругу читателей и поэтому я подробно рассказал о ней на нашем сайте в Интернете (см. также www.paf.li по поводу деталей ПБТ). Она представляется мне отправной точкой нашей цивилизации, не столько в технологическом (зачатки ремесел и технологий возникли несколько раньше), сколько в духовном смысле. Вряд ли существовала до этой катастрофы и сама идея истории.

ПБК и катастрофическая посткатастрофическая ситуация.

Попробуем выявить в некотором отношении непосредственную связь между последней большой катастрофой середины 14 века и возникновением европейской исторической идеи. Исхожу из предположения, что в начале 14 в. уже существовали первые – относительно маленькие – города, которые в основном концентрировались вокруг рыночной площади, и что в этих городах уже имели место ясные представления о владении недвижимостью и правах наследства. Традиционная статистика даже утверждает, что количество новых городов в немецкоязычном центре Европы возростал до 1350 г. в среднем на 50 с лишним в десятилетие.

Практически все европейские города лежали после ПБК в руинах. Многие жители погибли в ходе сопровождавших катастрофу сильных землетрясений. Черная смерть, которую историки считают чумой, смела дополнительно с лица земли дальнейшие полчища домо- и землевладельцев. Оставшиеся в живых немногие соседи, подрядчики, слуги и т.п. пытались установить контакт с наследниками или хотя бы просто родственниками умерших владельцев недвижимости. Это было нелегко: почта тогда еще не существовала, гонцов ожидали многие бедствия от опасности заражения до угрозы жизни со стороны разбойников. Но, тем не менее, естественно предположить, что описания последствий катастрофы пытались достичь тех из адресатов, которые ее пережили.

При этом послания описывали, насколько хорошо они это могли, локальные события во время и после ПБК, перечисляли разрушения и приводили имена погибших. Кроме личных писем определенно писались в то время также письма владельцам более крупной недвижимости, латифундий, замков и так далее, которые в результате ПБК были разрушены или сильно повреждены. Такое сообщение должно было содержать много отдельных деталей, называть какие-то имена и вообще содержать достаточно много деловой информации, способной помочь далеко живущим владельцам или наследникам принять правильное решение: стоит ли пускаться в опасное путешествие, заявлять свои права на наследство, искать средства и рабочих для проведения ремонтных работ и т.п..

После 10–20 и более лет эти письма потеряли актуальность. Кроме того, многие из этих писем исчезли со временем (крысы часто демонстрировали еще более крупный – не интеллектуальный, но зато гастрономический – интерес к этим сообщениям, чем наследники и другие адресаты), но немногие еще остававшиеся могли читаться следующими поколениями уже как разновидность хроник.

После ПБК, вероятно, также впервые в прошлом стали необходимы другие разновидности записей:

- Кадастр недвижимости, позволявший содействовать установлению прав позднее появляющихся наследников (перед ПБК и эпидемией оспы доставало памяти соседей, чтобы решать эту задачу, теперь большинство свидетели были мертвы)
- Списки актов состояния населения, которые вводились для записи родства, бракосочетаний, рождений, смерти и прочих отношений (например, приемного родства), чтобы дать возможность устранять будущие споры в этих областях
- Записи по ремесленному мастерству: если в городе только лишь один старый ремесленник переживал ПБК, он должен был записать свои знания (например, для еще не совершеннолетнего внука), так как иначе они могли бы умереть с ним, и так далее

Первые две группы отношений начали записывать после ПБК и продолжали позже регулярно вести. Не известно никаких записей этого типа, более ранних чем середина 14 века. На самом деле сохранившиеся записи такого рода относятся к еще более позднему времени. Я не имею в виду сделанные задним числом фиктивные записи более позднего времени, наличие которых хорошо известно исследователям дворянской генеалогии. На Исторических Салонах в Карлсруэ и Потсдаме о своем исследовании генеалогии гугенотов, переселившихся в Германию, рассказывала историк Катрин Вагнер из Этлингена. Она работала в архивах Германии и Франции, Швейцарии и Италии в течение 20 с лишним лет и везде наблюдала массовые приписки фантастического характера, сделанные по заказу заинтересованных в происхождении от знаменитых людей и дворян благороднейшей крови клиентов.

Как возникли письменная культура и историческая идея? Не хочу утверждать, что никакой письменности до 14-го в. нигде не существовало (хотя и не очень удивился бы, если бы мне представили соответствующие доказательства для отдельных стран Европы). Но уверен, что характер письменности, области ее приложения должны были претерпеть сильную модификацию после ПБК. Представление о том, в каком масштабе использовалась письменность до распространения книжной культуры, дают берестяные грамоты: они применялись в основном для кратких сообщений частного характера. После ПБК ситуация должна была качественно измениться. Постараемся развить высказанные выше соображения на сей счет.

В первую очередь потребовалось в массовом порядке зафиксировать, кому из погибших какая недвижимость до катастрофы принадлежала. Как я уже отмечал, раньше в случае естественной или даже – в единичных случаях – насильственной смерти владельца оставались в большом числе современники, знавшие как умершего владельца, так и его потенциальных наследников, так что право наследника на вступление во владение имуществом умершего могло быть обосновано свидетельскими показаниями.

Теперь же, после землетрясений и черной смерти, часто не оставалось никого или почти никого, кто мог бы быть свидетелем. В результате потребовалось ввести названные выше реестровые книги, кадастры недвижимости и книги записи актов гражданского состояния. Кто на ком и когда женился, у кого, когда и какие дети родились, все это крайне существенно для решения вопроса о наследстве. Со временем ведение таких книг превратилось в традицию и мы знаем, что нигде в Европе эта традиция не возникла до середины 14-го века.

До ПБК ремесленничество должно было находиться в крайне примитивном, зачаточном состоянии. Знания, умения и навыки передавались в основном от отца к сыну, иногда от ремесленника к его подмастерьям и помощникам. После ПБК из-за смерти многих ремесленников появилась опасность утраты знаний и умения. Нужно было срочно преодолеть привычку к хранению тайны профессии и записать основные сведения о ходе исполнения профессии. Эти записи, какими бы примитивными они ни были, означали качественный скачок в развитии европейской письменной культуры. Впоследствии они послужили базисной информацией для целых ремесленных сословий (цехов, гильдий), возникших в ходе восстановления городов после ПБК и их последующего роста.

Можно представить себе и другие области, в которых потребность в подробном описании прошлого могла быть спровоцирована катастрофой. В частности, катастрофа должна была дать толчок развитию эпистолярного жанра. У человека, которому раньше было достаточно послать с неграмотным мальчишкой нацарапанное на клочке приглашение на свидание, появилась траурная потребность перечислить в детализованном письме погибших родственников, урон, нанесенный

имуществу и многое другое. Вполне естественно было и описать страшные природные явления, сопровождавшие трагедию. Но, главное, из-за возникшего разрежения населения многие ранее тесно связанные друг с другом личным общением люди были вынуждены впредь прибегать к написанию писем.

Почему и с какой целью вообще возникает историческое летописание?

В ответ на одну из моих статей, напечатанных в немецком журнале «Синезис» (в статье речь шла о том, что в индийской культуре не было идеи истории и что эта страна в течение веков спокойно обходилась без хронологии) уважаемая в историко-аналитических кругах госпожа Ангелика Мюллер задала в своей рецензии вопрос, который вынесен в заголовок данного раздела. Этот вопрос госпожи Мюллер можно рассматривать как второй по важности в ее статье (после вопроса, была ли в Индия история: мои аргументы ее не до конца убедили). Ссылаясь на классика немецкой исторической аналитики Гуннара Хайнсона, она подчеркнула заслуги библейских иудеев: евреи, мол, изобрели историю (а не "античные" греки, которые "подарили" нам много имен собственных историков).

При этом госпожа Мюллер не предложила для обоснования еврейского приоритета в моделировании прошлого никаких конкретных механизмов. Предположительное еврейское изобретение истории выглядит скорее как продукт творчества, как акт мышления, а не как шаг за шагом понятный механизм. И в любом случае, от этого религиозного исторического летописания без хронологии не перекидывается никакого моста к рассмотренной мной европейской, основанной на датах исторической идее.

Ввиду больших сомнений в существовании евреев в Палестине в древние времена, я не буду здесь подробнее останавливаться на этой классической версии. Согласно исторической аналитике, нельзя исключить, что еврейство и иудаизм были чисто европейским явлением. И что библейская история была написанная в Европе в согласовании со сконструированной ранее европейской историей. Однако эта библейская история ставших после укрепления в Европе католичества излишними евреев была «сослана» в древнюю Палестину (это произошло в конце эпохи Возрождения или еще позже), также как ранняя история мусульман (по крайней мере частично, а скорее всего стопроцентно, европейская) была сослана в пустынную Аравию.

Почему именно в Палестину? Во первых туда в 16-17 веках «крестовые походы» венецианцев, генуэзцев и других государственных образований христиан Средиземноморья, а также оттоманская экспансия, забросили некоторое количество евреев. Во вторых, в этих османских провинциях, за которые еще только шла борьба христиан с османами, не было никаких самостоятельных властителей, способных гласно противостоять этой вымышленной ссылке. И, в третьих, эта территория, с которой европейцы только что поближе познакомились, оказалась волей судеб до того не вовлеченной в массовое историческое творчество.

Впрочем, речь вовсе не идет о религии людей, которые первыми начали писать хроники. Важнее понять, как и когда действительно предпринимались первые действия по моделированию прошлого, которые еще не воспринимались как таковые (т.е. как исторические), и как и когда события стали описывать и начали датировать. Иными словами, когда произошла естественная профанация исторической идеи и возникновение исторического жанра литературы.

Если описание последствий катастроф адресовалось не частному лицу, а чиновнику, управляющему целой областью, владельцу крупного имения и т.п., то объем соответствующего описания еще более возрастал. Пожалуй, именно так и возникли первые хроники. Не исключено, что их читало несколько человек. Если они хорошо хранились и пережили десятилетия, то следующее поколение читало их уже с иной позиции: не как призыв к немедленному действию, к адекватной реакции на катастрофические события, а впервые – как исторический документ, как описание прошлого.

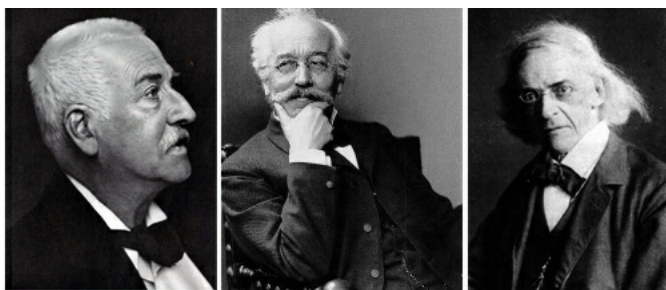

Рис. 3.9. Три знаменитых историка XIX века – Густав Дройзен, Якоб Букхардт, Теодор Момзен.

Именно так, мне кажется, и начала формироваться историческая идея. Однако ей не суждено было в этот начальный период оформиться в идею точного соотнесения событий точкам на временной оси, ибо понятие последней еще не оформилось. А уже через поколение – два такая привязка описанных в письме событий к какому-либо хоть как-то датируемому моменту прошлого представляла собой нелегкую задачу. Кроме того, из-за возникновения новых городов и естественной в эпоху ненормированного письма динамики их имен, возникали и трудности идентификации рассказов о прошлом с именно той местностью, где они на самом деле произошли. В результате, могло начаться разнесение катастрофических (и не только катастрофических) событий по – сперва соседним – векам и по регионам.

Эпоха после ПВП характеризовалась также и возникновением различных мистических и религиозных течений, а также появлением записанных историй о жизни видных деятелей этих религиозных течений. Так началось появление жанра жития, в котором фантастические компоненты преобладали над документальным повествованием.

«Составители первых исторических записей не отбрасывают народных преданий, но подвергают их переработке соответственно своим интересам, усложняют и расцвечивают их плодами своей фантазии.» (Вайнштейн, стр. 6)

Лишь на столетия позже, чем эпоха ПВП, когда начало развиваться книгопечатание (изобретение книгопечатания в 1440 или даже в 1455 г. подвергается в исторической аналитике сильному сомнению), некоторые из этих хроник стали доступны определенному более широкому кругу читателей (это не значит, что подобные описания сохранились до наших дней). И оказалось, что такого рода исторические повествования представляют собой материал, который люди охотно читают. Появилась потребность в новых подобных повествованиях. Но реальных хроник было мало, некоторые были съедены красами, погибли в пожарах, были выброшены на свалку за ненужностью, другие находились в частном владении и были мало доступны. Да и очень уж они походили друг на друга, а читателя нужно было развлекать таким чтивом, которое не казалось бы ему скучным.

Лучше всего перечисленным требованиям удовлетворяли литературные произведения, которые по форме (по жанру) сохраняли характер хроник, а содержательно предлагали бы читателю новый материал. Так историю начали даже не фальсифицировать (для фальсификации истории нужно знать, каким наше прошлое было на самом деле), а придумывать, конструировать, сочинять. Со временем, как теперь принято говорить, процесс пошел. Он начал развиваться по собственным законам, приобрел собственную динамику.

Зачем писать все время о катастрофах, про них лучше забыть. Давайте будем писать о войнах, о

славных победах наших над не нашими, о битвах и событиях вокруг них. Не важно, что никаких битв, войн и побед на самом деле не было. Или речь шла о войнах, которые были, но о которых у пишущего сохранилось так мало надежных сведений, что он просто обязан был прибегнуть к собственной фантазии, к собственным представлениям о том, что может привлечь читателей. Есть читательский спрос, значит нужно создавать адекватное ему предложение. А вокруг столько больших полей, на которых могли бы происходить самые что ни на есть драматические сражения огромных армий никогда на самом деле не существовавших противников.

ТИ видит все это иначе и растягивает процесс возникновения историической идеи на тысячелетия. Но и она вынуждена признавать, что прогресс в плане правдивости описания прошлого в ходе выдуманных ею тысячелетий был минимальным. Тот же Вайнштейн пишет на тему о «древнеегипетской» историографии:

«Любопытно, что уже в этом древнейшем историческом произведении история фальсифицируется как путем раздувания размеров добычи, так и путем умолчания о потерях и поражениях» (стр. 6)

А, может быть, и не было «умолчания о потерях и поражениях» именно потому, что на самом деле никаких войн и сражений не было, а рассказ о богатствах и могуществе фараона в Палермском камне с указанием размеров построенных фараоном городов, храмов, дворцов, кораблей, объемов добычи и т.п. был просто литературным произведением, написанным по законам начинавшего зарождаться жанра. В любом случае, согласно тому же автору

«ни подлинного исторического повествования, выявляющего связь причин и следствий, ни представления об истории как изменении во времени древние египтяне так и не создали до конца существования их государства» (стр. 7)

И не одни только «древние египтяне» были крайне слабы в понимании идеи истории как отражения реального прошлого:

«В ассирийской историографии даже чаще, чем в египетской, практиковалось сознательное искажение фактов. Ярким примером служит сообщение Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) о завоевании им Египта, совершенном в действительности его отцом Асархадонем. Подобные фальсификации соответствуют египетской практике выкабливания в надписях имени одного царя и замены его другим. Очевидно, восточные цари, пытаясь такими грубыми приемами обмануть потомков и самих богов, отказывали и тем и другим в способности отличать истину от лжи или узнать правду из других источников. (Вряд ли это свидетельствует о развитой историографии – Е.Г.) О распространенности таких приемов фальсификации свидетельствует то, что многие надписи заканчиваются угрозой божеской кары и проклятием по адресу тех, которые осмелятся их уничтожить, исказить или изменить в них хотя бы одно слово (например, в надписях царей Лагаша, в Бехистунской надписи персидского царя Дария и др.).» (стр. 8).

Не сразу после катастрофы, но через какое-то время началась и «Великая акция» (как ее назвал Вильгельм Каммайер). Несколько позже, когда идея истории, славного прошлого (на бумаге, конечно и только на бумаге), родства с уже поселившимися в массовом воображении историческими героями и т.п. охватила умы, появились богатые заказчики на собственную историю. А где спрос, там и предложение (извините за повтор). Целые артели грамотеев (католических монахов и итальянских и немецких гуманистов – гуманистов не потому, что они как-то особенно гуманны, а из-за своего активного участия в создании гуманитарных наук, в том числе и истории) начинают трудиться над

решением поставленных задач. Заказанные «исторические» книги сундуками поступают в распоряжение римских пап, королей и наиболее прытких феодалов местного значения.

Итак, история была придумана.

Предлагаю обдумать еще раз и несколько более подробно ситуацию вокруг первых книг на исторические темы. Не вдаваясь сейчас в споры о том, на сколько поколений позже официальных дат из ТИ (1440-1455 гг.) на самом деле было изобретено книгопечатание, перенесемся мысленно в эпоху, когда появились первые печатные книги. Некоторые из них содержали в обработанной в духе нового времени форме письма-отчеты о той страшной поре, которую я сокращенно обозначил как ПВП. И как только некоторые из сохранившихся сообщений из 14 в. были напечатаны (это не должно значить, что соответствующие книги существуют еще сегодня: крысы! сжигание книг! сырые книгохранилища! И так далее), быстро выяснилось, что как раз такие публикации охотно покупаются и читаются: на ужасные истории имелся и тогда высокий спрос.

Но запасы подлинных первых хроник был быстро исчерпан. Тогда писатели начали подражать им. Хотя прошли уже 100-150-200 или более лет, еще можно было с затруднениями и ошибками вспомнить время ПВП, последствия этой катастрофы и перипетии последующего времени восстановления разрушенного. А что исчезло из памяти, авторы заменяли фантазиями на заданную тему. Скоро они открыли, что и другие увлекательные истории (о войнах, битвах, королях и так далее находят оживленный отклик). Начали писать также об этом, «как бы» хроники или исторические романы.

Таким образом только-только возникшая историческая идея быстро смещалась в направлении чистой литературы. Ведь написанное должно было быть в первую очередь увлекательным. Должно было убедительно действовать на потенциального издателя: не в историческом, а в "капиталистическом" смысле (Да, такую книгу я смогу хорошо продавать). Содержание романов вовсе не должно было безусловно соответствовать реальному прошлому, да и не могло ему соответствовать в деталях, ибо оные в большинстве случаев не дошли до писавших.

Разновидностью жанра историй ужасов стали жития святых великомучеников. Не без привкуса садистского наслаждения читались повествования о пытках и мучительных казнях, тоже в основном выдуманные. Современная писателю действительность поставляла для таких историй достаточно сюжетов и деталей, которые и переносились в далекое прошлое (так было безопаснее, так можно было избежать обвинения в ереси инакомыслия и критицизма). Чисто христианский характер этим фантазиям стали придавать несколько позже, по мере усиления влияния церкви на общество.

В это же несколько более позднее время – уже под влиянием успеха первых историй ужасов – историю открыли для себя господствующие или влиятельные круги, в том числе и церковные руководители и т. п. Они быстро сообразили, как можно инструментализировать жанр исторического повествования для собственных целей. В сфабрикованных церковниками или выполненных по их заданию сочинениях было еще меньше достоверного описания прошлого, чем в исторических романах. Они знали, что не имелось никакого длительного исторического прошлого. Именно поэтому предметом заказа стало: создать относительно достоверно звучащее виртуальное прошлое. Новая «хроника» только не должна была противоречить уже наличествующим историческим романам, ставшим относительно широко известными.

И, впрочем, не возникло ли слово «роман» оттого, что истории сочинялись о "римлянах", Риме (Rom)? Или потому, что наименование «роман» для произведений эпического литературного жанра эпохи Возрождения происходило от используемых языков: романские языки, а не латинский использовались как языки написания романов. Уве Топпер полагает, что «роман» происходит от

«романса». Я убежден, что заимствование наименования происходило в противоположном направлении: романс был чем-то, что уже описали в романах.

Таким образом церковь и государство начали заказывать исторические романы (выдаваемые за собственную историю) и оплатили за них также золотом и серебром. Также и "исторические" труды, созданные талантливейшими писателями-гуманистами не по непосредственному заказу, а в надежде на писательскую известность и гонорар, находили все больший сбыт. Тогда-то и начался золотой век исторического творчества. А там, где текут большие деньги, можно без психоаналитических конструкций (типа встречающейся у Великовского и пропагандируемой Марксом попытки посткатастрофального общества вытеснить из сознания страшные воспоминания о катастрофе) хорошо заработать на истории фантастических земель. Другой вопрос, когда в этом процессе массового выдумывания истории возникает вопрос о достоверности знаний о прошлом.

Это сегодня считается, что предметом исследования историка является прошлое и его задача состоит в создании правдоподобных моделей прошлого. При этом считается самым собой разумеющимся, что историки моделируют прошлое с намерением, получить по возможности более полную и адекватную картину прошедших эпох. В этом смысле мы можем говорить о том, что историки реконструируют прошлое или, по крайней мере, они должны этим заниматься. Но так ли это было в эпоху Возрождения? Чтение книг по историографии позднего средневековья и Возрождения показывает, что названная Вайнштейном «проблема происхождения исторической науки (как мы видели выше, возникшей только в 19-м веке – Е.Г.) как системы достоверных знаний о фактах, относящихся к развитию человеческого общества» не так проста, как это внушается массовому читателю книг по истории.

Другой вопрос: насколько качественно историки эту задачу выполняли до сих пор и выполняют сегодня? Действительно ли мы можем считать созданные ими модели прошлого реконструкциями оногo? Не заменяют ли они отсутствие информации о прошлом, о чем историки должны бы правдиво нам сообщать, выдумками, фантазиями, сказками, мифами, которые они пытаются выдать за свое знание о прошлом? Лучшие из них знают о том, что их собратья по профессии грешны в этом плане. Яков Соломонович Лурье в книге «История России в летописании и восприятии нового времени» рассказывает о том, что выяснение того, «как это было на самом деле» (по знаменитому высказыванию реформатора историографии 19-го века фон Ранке), во многом разрушает сложившееся представление об истории и продолжает

«Непривычно представлять себе историю Древней Руси без красочных описаний походов на Царьград, без рассказа о хитроумном отмщении Ольги жителям Искоростеня, о подвигах шести «храбров» в Невской битве и засадного полка на Куликовом поле. Так же болезненно ощущается разрушение традиционных взглядов на всемирную историю. Тартарен из Тараскона в романе А. Доде был глубоко возмущен, когда ему сказали, что его любимый герой Вильгельм Телль – легендарная личность, что он никогда не существовал.» (стр. 170-171 в книге «Россия древняя и Россия новая»)

Не нужно считать нас, исторических аналитиков, которые ставят сформулированные выше вопросы, излишне подозрительными людьми. Сами историки неоднократно вскрывали подобные грехи своих собратьев по цеху исторического ремесла (правда, сколько бы конкретных случаев фальсификаций, подделок, выдумок и т.п. честные историки ни вскрывали, цех в целом продолжает делать вид, что случаи эти единичны, принципиальной роли не играют и на общую модель прошлого, историками созданную, никакого воздействия не оказывают).

Историческая аналитика «коллекционирует» все такие случаи, выявленные историками, и пытается оценить масштаб данного явления. Забегая вперед, скажем, что явление сие, к сожалению, оказывается столь крупномасштабным, что у любого логически и непредвзято мыслящего человека возникает картина абсолютной недостоверности созданной историками модели нашего прошлого.

Для кого пишется история? Порой создается впечатление, что историки моделируют прошлое не для нас с вами, а для себя, для своих чисто профессиональных целей. А нам (так называемым массовым читателям) отводится роль потребителя исторических романов, «исторических» кинофильмов и телепередач, в лучшем случае, еще и популярных изложений моделей историков. Почему возникает такое подозрение, даже уверенность, в том, что дела обстоят именно таким образом? Потому что историки практически всегда представляют нам свои модели, свои – в лучшем случае – гипотезы так, как будто никакого или почти никакого сомнения у них в правильности оных нет. Весь стиль изложения истории должен внушить нам, читателям, что все в порядке, историки владеют своим ремеслом и никаких оснований для сомнений нет и быть не может.

На самом же деле в своих «внутренних» или «научных» публикациях, они только и делают, что спорят о неясных местах в своих моделях, о вариантах своих интерпретаций, выдвигают взаимоисключающие версии истории (см. об этом подробнее в следующих главах). Так почему проявляется такая нечестность при общественной презентации? Не потому ли, что за частными спорами скрывается общая неуверенность в верности всех основ традиционных представлений об отдаленном прошлом?

Когда начинается более или менее достоверная история: в 1582 г. или в 1648 г.?

Каждый раз, когда вопрос такого рода формулируется очередным критиком хронологии, он вызывает бурю эмоций. Представители ТИ рассматривают его как очередную провокацию (для них и китайские хроники, «написанные» за тысячи лет до реального изобретения китайской грамоты, – поставщики достоверной исторической информации). Не слишком радикальные критики ТИ ежатся и задумываются: а не слишком ли далеко докладчик или автор хватил, не помешает ли его радикализм восприятию нашей критики историками.

Не помешает, господа, не помешает: историки не воспримут нашу критику никогда, ни в какой самой умеренной ее форме. Им гораздо проще зарабатывать на жизнь, крутясь в необозримом хаосе «исторических источников» (про их создание после ПВП см. выше), чем начать вникать в малые и средние противоречия, коими пестрят эти самые «исторические источники». А вступать в конфликт с собственной академической мафией и участвовать в трудной борьбе с устоявшимися мифологизированным общественными представлениями, бороться за реформу исторического образования – кому из них эта головная боль нужна?!

Но все-таки вернемся к поставленному вопросу. Разные критики хронологии формулировали его и для года 1000 н. э., и для года 1350. И каждый раз оказывалось, что названная дата слишком оптимистична. Такова же ситуация с годом 1582: в этом году была вроде бы проведена григорианская реформа календаря, в этом году Иисусу Христу (историческому или мифическому) был отведен срок древности в 1582 года, а уже якобы в следующем году Иозеф Юстус Скалигер (о нем я расскажу ниже, во второй части книги) опубликовал величайший исторический бред всех времен и народов, лежащий и сегодня еще в основе общепринятого мифа о прошлом: хронологию мировой истории.

Некоторые из радикальных критиков историографии (например, Пфистер) считали окончание тридцатилетней войны и заключение после нее Вестфальского мира в 1648 г. важной вехой в создании ТИ. В ходе войны уничтожались в массовом порядке исторические документы и целые их архивы, история де активно переписывалась в угоду одной из религиозных сторон конфликта. А середина 17-го века вроде бы так близка к современности, что по крайней мере то, что происходило после 1648 г., не должно подвергаться сомнению.

В последнее время в обиход входит все больше свидетельств о том, что историческое творчество продолжалось и после 1648 г. Много таких фактов описано у Н.А.Морозова и в книгах Г.В.Носовского и А.Т. Фоменко. Так, вся древняя китайская история была сочинена в конце 18-го века. Я.В. Кеслер в своей книге «Русская цивилизация (Ненаписанная история)», Москва, Русский Двор, 2001 приводит многочисленные примеры переписывания российской истории в царствование Екатерины Великой и в 19-м в. Древняя история Месопотамии и Египта была придумана в 19-м веке. Тогда же начали придумывать древнюю историю Индии и Бирмы. А уж о попытках переписывания истории в 20-м веке большинство читателей должны быть не просто наслышаны, а довольно хорошо информированы. Можно с полной уверенностью утверждать, что выдумывание древней истории продолжается и сегодня и не закончится в начавшемся 21 веке.

Менее известно то обстоятельство, что, начиная с конца 19-го века, филологической отрасли под названием история почти удалось проникнуть в сообщество академических научных дисциплин. Для этого хронологию объявили де-факто завершенной. Более того, после первой мировой войны ее «понижили в должности», назначили во вспомогательные науки по отношению к псевдонауке истории, перестали ее преподавать в университетах и фактически устранили как самостоятельную научную дисциплину. Некоторые проблемы, связанные с хронологией, будут подняты во второй части книги.

Заключение: Цели исторической аналитики.

В настоящей главе я постарался наметить некоторые пути к пониманию того, как европейская идея истории возникла после последней большой катастрофы, имевшей место в середине 14-го в. К сожалению моделирование прошлого с самого начала развивалось не так, как нам в 21-м веке с позиции науки 20-го века хотелось бы. История провела первые шесть веков своего земного существования не как служанка «исторической истины», не как леди с академическими замашками, а как дама легкого поведения, удовлетворявшая потребности любой группы населения, любых правителей и идеологов, любой церкви и любой национальной идеи, способных оплатить ее литературные услуги (подробнее об этом в следующих главах).

Как бы прекрасна ни была куртизанка, ей не место в обществе мудрецов. Ни в каком качестве, кроме как в исходном качестве куртизанки. И задача заключается не в том, чтобы замаскировать даму легкого поведения под еще одного мудреца (только женского рода и очаровательной внешности), а в том, чтобы оставить мудрецам научное поприще, а куртизанке – любовное.

Мы не историки, историки не мы. Наш предмет – критика хронологии и историографии. Мы хотим убедить будущие поколения историков в необходимости создать новую, более строгую и более критическую науку о прошлом человеческой цивилизации (прошловедение) и – за неимением альтернативы – вынуждены критически анализировать материал, предоставленный нам историей. Медленно пробиваясь через дебри исторической литературы, мы хотим попытаться выделить в огромном континууме квази-исторического шума небольшое подмножество истинного знания о прошлом. Или по крайней мере показать историкам, что такой путь возможен.

Но мы должны делать это с максимальной осторожностью, в условиях презумпции виновности истории в преднамеренном и/или непреднамеренном искажении нашей картины прошлого, увода ее в миры фантазий и растянутой (порой аж в десятку раз) хронологии. Мы должны при этом проявлять искусство криминалиста, ищущего разгадки в «закрученных» ситуациях. И мы должны стараться освоить ремесло хирурга, отделяющего больную ткань от здоровой. Если нам повезет, и мы справимся с этими трудными задачами, нам, быть может, со временем удастся отделить слой исторического знания от всех слоев исторического мусора, заслоняющих нам взгляд на наше действительное прошлое.

Мы и не хотим состязаться с историками, знающими с точностью до часа и минуты все о каждом цихе каждого из никогда не существовавших правителей, мудрецов и героев. Мы будем вполне удовлетворены пусть хотя бы приблизительным списком надежных, менее надежных и недостоверных исторических событий, исторических персонажей и исторических процессов. Мы готовы ограничиться малой частью необозримого хронологического материала, придуманного десятками поколений историков, но зато частью достоверной и обоснованной, проверенной и выверенной неподвзятыми учеными.

И хотя приятно читать у Лурье приводимые ниже строки:

«Предания о вещем Олеге, Игоре, Ольге, Алеше Поповиче не были описанием действительных фактов IX и X вв., но они отражали эпическую традицию, которой предстояло жить на Руси еще много столетий. Поздние сочинения о Куликовской битве не были «газетной» хроникой этого сражения, но они отражали постепенное осознание победы над Мамаем на протяжении столетия после битвы. Мы имеем серьезные основания сомневаться в том, что составитель Никоновской

летописи имел в своем распоряжении древнерусский «лист», затерянный в древние времена и внезапно всплывший из недр московских архивов в XVI в. Но история составления этого летописного свода требует изучения.» (стр.171),

пока нет свидетельств тому, что среди историков велика готовность пойти по этому трудному пути. Основанием для скептической оценки позиции даже самых умных из историков может служить другая цитата из той же книги (стр. 26), которая воспринимается как негативный аналог обязательной в советское время ссылки на классиков марксизма-ленинизма:

«То, что именуют «скептическим направлением» в исторической науке, вытекает обычно не из излишне осторожного отношения к показаниям источников, а из полного пренебрежения ими — из общих внеисточниковых соображений. Таковы, например, теория Н. А. Морозова о легендарности античной истории и утверждение его последователей — Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко о недостоверности всех источников «до-печатной эпохи» и всей русской истории до Романовых. Эти авторы не анализируют источники, а заявляют, что все памятники (в том числе и вещественные и добытые археологами при раскопках) — плод фальсификации более позднего времени.»

Это упрощенное до примитивизма изложение позиции новохронологических критиков (никто, например, не утверждает, что ВСЕ археологические артефакты являются плодами фальсификации) ставит под сомнение способность уважаемого автора воспринимать серьезную критику и его готовность вести диалог с серьезными учеными, обладающими нетрадиционным взглядом на предыдущий опыт моделирования прошлого. Такого рода заверения в верности ТИ и традиционной растянутой хронологии стали в последние 10-15 лет обязательными для историков и ничего, кроме действующего в ТИ запрета на диалог с исторической аналитикой, не отражают. С той же убедительностью Лурье мог бы обвинить Морозова и его последователей в том, что в их книгах используется не тот типографский шрифт, что и делает, мол, все критические наблюдения абсолютно бездоказательными.

Возвращаясь к вопросу о прошловедении, отмечу, что мы хотим увидеть в рамках одного такую детально обоснованную хронологию, которую каждый заинтересованный человек мог бы проверять и перепроверять, не останавливаясь перед искусственно созданными историками бесчисленными трудностями. Каждая дата в рамках такой хронологии должна снабжаться подробным перепроверяемым обоснованием. В век электронных средств информации мы не только смеем надеяться на достижение такого состояния, но можем даже быть уверенными в том, что сопротивление историков превращению хронологии в общенародное достояние исчезнет через поколение-другое и их сегодняшнее элитарное отсиживание в башне не из слоновой кости, а из грубо подогнанных гранитных блоков, сменится на истинное служение народу. История принадлежит оному, а не клике академиков и функционеров цеха исторического ремесла, зарабатывающих ею свой хлеб с маслом и презиравшей каждого, кто осмеливается задавать неприятные вопросы.

Литература

[Барг] Барг, М.А.: Эпохи и идеи. Становление историзма, Мысль, Москва, 1987.

[Бикерман] Бикерман, Э.: Хронология древнего мира, Наука, Москва, 1976.

[БСЭЗ] Большая Советская Энциклопедия, третье издание

[Вайнштейн] Вайнштейн Вайнштейн, Осип Львович: Западноевропейская средневековая историография, Наука, М.-Л., 1964.

[Вернадский] Вернадский, Георгий: Русская историография, АГРАФ, М., 1998

[Габович] Габович, Евгений: Фоменко не одинок. Критика хронологии и ревизия истории в Западной Европе. Приложение У1 к книге Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко, Реконструкция всеобщей истории. Исследования 1999–2000 годов. Новая хронология, Деловой экспресс, Москва, 2000, стр. 573–600.

[Гене] Гене, Бернар: История и историческая культура средневекового Запада, Языки славянской культуры, Москва, 2002.

[Жирмунский] Жирмунский, В.М.: Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии. В сборнике «Из истории западно-европейских литератур», Наука, Ленинград, 1981.

[Карамзин] Карамзин, Н.М.: История Государства Российского, Книга I, Санктпетербургъ, 1842.

[Карьяхярм] Карьяхярм, Томас: Справочник историка, Арго, Таллинн, 2004.

[Кесслер] Кесслер, Я.В.: Русская цивилизация (Ненаписанная история), Москва, Русский Двор, 2001.

[Контлер] Контлер, Ласло: История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы, Весь мир, Москва, 2002.

[Кроче] Кроче, Бенедетто: Теория и практика историографии, Языки русской культуры, Москва, 1998.

[Кулаковский] Кулаковский, Юлиан: Памяти Моммзена, Журнал министерства народного просвещения, 1904, № 1, стр. 39–61.

[Лурье] Лурье, Яков Соломонович: История России в летописании и восприятии нового времени. В книге «Россия древняя и Россия новая», С.-Петербург. 1997.

[Малый Эфрон] Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, С.-Петербургъ, 1907.

[Майер] Meyers Enzyklopädisches Lexikon in 25 Bänden, Lexikonverlag, Mannheim/Wien/Zürich, 1971–

[Манн] Манн, Голо: Исторические науки вчера и сегодня, том 10, Энциклопедия Майера, 1972.

[Маркс] Маркс, Христоф: Интернет-сайт www.paf.li

[Моммзен] Моммзен, Теодор: История Рима, в 4-х томах, Феникс, Ростов-на-Дону, 1997.

[НФ] Носовский, Г.В.; Фоменко, А.Т.: Реконструкция всеобщей истории, Работы 1999–2000 годов. Новая хронология, Деловой экспресс, Москва, 2000.

[Платонов] Платонов, С.Ф.: Полный курс лекций по русской истории, Фолиум, Петрозаводск, 1995

[Хейзинга] Хейзинга, Йохан: Задача истории культуры. В книге «Об исторических жизненных идеалах и другие лекции», Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1992.

Глава 4. Фальсификаторы за работой

Язык дан историку для того, чтобы скрыть отсутствие знаний о реальном прошлом.

Почему не существует музыки фальсификации? Потому, что все девять муз активно занимаются подделками.

«Сестра Мельпомены», Славомир Чивобаг, черногорский просветитель конца 18 века.

Музы воодушевляют людей к занятиям искусствами, одаряют их талантами к поэтическому и иному вымыслу. Сначала были три музы: Мелета – муза размышления, Мнема – муза памяти и Айода – муза песни. Жили они в дописьменный век и как ни старались помогать людям, много не добились. Не было в то время ни поэзии, ни прозы, ни комедии, ни трагедии, ни живописи, ни скульптуры. Никакой, можно сказать, цивилизацией в те времена еще не пахло. И хотя память порой и подводила, мистификации и подлог, обман и фальсификация еще не были особо популярны среди муз. Но обманывать люди уже научились на уровне прозы жизни: и зверей на охоте, и соседнее племя в ходе войны, и соплеменников – при разделе добычи. Но на фоне кровавых драк, убийств и каннибальства обман выглядел тогда невинным развлечением.

Потом у Зевса от музыки памяти, которая к тому времени стала именоваться Мнемосиной, родились девять неглупых дочерей и все они оказались склонными к розыгрышам и выдумкам. к обману и надувательству. Они подросли и поделили между собой те немногие виды искусств и наук, которые к тому времени начали зарождаться. Вообще-то им полагалась поощрять возвышенные занятия, но жизнь у подножья Олимпа была скучноватой, талантливых людей было мало, а вот склонных к обману – хоть пруд пруди. Поэтому у некоторых из сестер, и в особенности у Клио – музы истории, которую еще только предстояло создать, оказалась сильно развитой врожденная склонность к мистификациям и обману, выдумкам и подделкам. Ей усиленно помогали в ее проделках сестры, покровительствовавшие нарождающейся литературе и единственной из доступных наук – астрономии, которой заправляла сестра Клио по имени Урания.

Клио изображали скромно одетой юной женщиной, не расстающейся со свитком папируса, что свидетельствует не о длительности египетской истории, а только о существовании торговых связей между дельтой Нила и созданными романскими феодалами герцогствами на юге Балкан. Не способная прельстить никого своей женской красотой, Клио баловалась розыгрышами и изобретениями, фантазиями и играми на тему «что было бы, если бы». Ей усиленно помогали сестры ее Каллиопа – муза эпоса, которую принято изображать в мечтательной позе с восковой дощечкой и стилем – острой палочкой для письма в руках, а также Полигимния – муза красноречия и сочинителей гимнов, Мельпомена – муза трагедии и Талия – муза комедии. Даже Евтерпа – муза лирической поэзии и музыки не гнушалась участия в проделках Клио. Только Эрато – муза любовного стихоплетства и мимики и Терпсихора – муза танца держались как правило в стороне от баловниц.

Мистификации – проделки муз?

Зевс был, как известно, мужик любвеобильный, и хотя с Ганимедом у него детей не было, как он ни старался, но со временем и Мелета тоже нарожала ему немало дочерей, ставших покровительницами отдельных наук. Мнемосина ревновала Зевса к своей старшей сестре и поэтому распорядилась так, чтобы имена этих муз остались навеки людям неизвестными. Поэтому мы не знаем, как, например, звали музу сравнительной германистики или музу статики, музу квантовой механики или музу онкологии. Но известно, что и эти кузины девяти знаменитых муз не гнушались фальсификации. И хотя рассмотрение проблематики фальсификации в современной науке и выходит за пределы этой книги, я коротко коснусь и этого вопроса ниже.

Дочерей Айоды от Зевса (неужели вы решили, что он оставил одну из трех сестер без своего интимного внимания?!) постигла та же участь, что и Мелеты: они тоже стали безымянными музами, покровительницами книгопечати и электронных средств коммуникации и хранения информации, живописи и скульптуры, архитектуры и иных прикладных искусств. И они тоже оказались талантливыми ученицами мистификаторши Клио. В этой главе я хочу рассказать о проделках Каллиопы и Клио в союзе с некоторыми сестрами и кузинами.

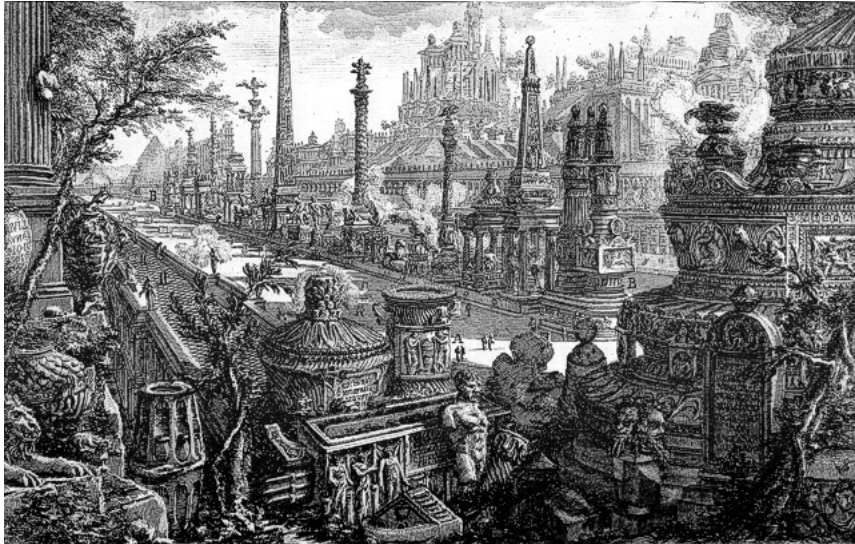

Рис.4.1. Узнаете? Это Рим. Не похоже? Это вы зря. Ведь читая книги по истории никто не позволяет себе таких восклицаний как "маловероятно!", "слишком фантастично!" и т.п. Это же не современный Рим, а античный, а там все что угодно можно себе представить. Так изобразил Рим известный художник Пиранезе (1720 – 1778) в середине XVIII века, каким он ему представился на основе фантазий историков.

Использование термина «фальсификация» по отношению к описанию прошлого является спорным. Фальсифицировать можно лишь то, что существовало или известно: банкноты, монеты, картины художников и произведения писателей, стиль которых можно имитировать. По этой причине фальсификация имела и имеет место в новой и новейшей истории (см. главу 1 выше). В случае «античной» и вообще «древней» истории правильнее говорить об ее придумывании. Наше отдаленное прошлое не только и не столько описывалось неверно, сколько талантливо создавалось на виртуальном уровне, выдумывалось историческими фантастами.

Так как история – это модель прошлого, а выдумки, не основывающиеся ни на какой аутентичной информации, трудно считать моделью (фантастика – она и есть фантастика, даже если маскируется под научную), то мы можем с определенной натяжкой говорить о фальсификации истории, когда вместо модели прошлого нам пытаются подsunуть исторический роман, никак с реальным прошлым

не связанный. Однако нужно учесть, что использование слов «фальшивка», «фальсификация» и «фальсификатор» широко распространены и поэтому во многих цитатах они встречаются, хотя и не выражают суть дела с полной адекватностью.

Рис. 4.2. Сам папский дворец в Авиньоне фальшивкой не назовешь: дворец он и есть дворец. Его конечно достраивали и перестраивали, так что сегодня он ни в коем образе не идентичен тому, который в XIV веке впервые предстал миру.

Важный вопрос: с какого времени можно быть уверенным в том, что выдумывание прошлого, его виртуальной картины закончилось и больше не будет иметь места? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в некотором приближении: приблизительно с 2200-го г. н.э.. Во всяком случае приблизительно к этому времени никого из ныне живущих эта проблема не будет больше волновать. Пока же, нужно признать, никакого более скорого конца творчества создателей виртуальной истории ожидать не приходится. Продолжается изготовление фальшивых картин старых мастеров и фальшивых изображений (чаще всего, выдуманных) исторических деятелей, фальшивых рукописей и фальшивых «античных скульптур». Продолжается переписывание истории в угоду идеологиям и политике. Продолжается фабрикация и текстов, и артефактов (например, фиктивных археологических находок).

Рис. 4.3. Церкви возникали как пристройки к оборонительным башням. Сначала жители собирались для обсуждения совместных проблем в самой башне. Потом, по мере роста населения и повышения безопасности, к башням пристраивали здания для проведения собраний, судебных заседаний и т.п. со временем башни утратили свои оборонительные функции.

Начну с недавнего примера. Солидная консервативная немецкая газета «Ди Вельт». Канун Нового Года. В разделе «Мир компактно» на стр. 32 в номере от 30-го декабря размещена краткая заметка «Подорвано кольцо изготовителей фальшивок». Речь идет о разоблачении израильской полицией банды изготовителей подделок, которые в течение последних 20 лет водила за нос лучших экспертов мира. Преступники продавали в Израиле и во всем мире свои изделия, которые умело выдавали за археологические находки из раннего библейского периода. А так как именно этот период никак не подтверждается археологически, то эксперты по этому периоду старины писали в штанишки от восторга и платили солидных суммы за подделки. Они характеризовали фальшивки как важнейшие находки за всю историю археологии в Палестине.

Наверняка в ближайшее время в печати появятся подробности об этой некрасивой истории. Пока известно только, что банда состояла из четырех искусных специалистов своего дела. К числу их поделок относился изготовленный из слоновой кости фрукт граната, который ученые зачислили в разряд единственной аутентичной находки из числа реликвий Храма Соломона. Дальнейшие детали будут с интересом восприниматься широкой публикой. Но уже сейчас ясно, что мошенники искусно эксплуатировали слепую, религиозную веру экспертов в виртуальное прошлое, в выдуманную традиционными историками длинную историю, которую даже находящаяся у них под пятой

археология не в состоянии подтвердить.

Но, чтобы залатать рваные дыры в теле истории, чтобы дать им обрасти историческим мясом, все методы хороши. И изготовители фальшивок во все времена паразитировали на непролазной глупости историков-фанатиков и бросали им куски желанного исторического мяса, которые те жадно пожирали. И сколько бы разоблачений ни проходило у нас перед глазами, можно быть уверенным, что еще большее их количество давно уже записано в разряд подлинных свидетельств верности традиционной истории и заполняет витрины музеев во всем мире, красуется в качестве иллюстраций в бесчисленных книгах и помогает традиционным историкам спать спокойно и убеждать самих себя в том, что мол их исторические модели подтверждены археологией.

Фальсификатор 19-го века

Здесь я хочу рассказать об одной из известных акций по фальсификации истории, которая обошлась ее главному действующему лицу всего в два года тюремного заключения. Дело в том, что он подделывал не банкноты и не государственные документы, а «всего лишь» письма великих персонажей прошлого. Мой рассказ о мошеннике от истории не является назидательным или укоряющим. Его главная цель –заставить читателя задаться вопросом о том, а сколько менее наглых подделывателей исторических документов или выдумщиков якобы исторических реалий остались не разоблаченными и поставляют и по сей день материал для учебников, по которым учат историю наши с вами дети и внуки.

Речь идет о французе Врен-Дени Лука, выходец из крестьянской семьи (год рождения 1818). Поступив на работу в генеалогический институт, он научился там изобретать лстящие самолюбию клиентов генеалогические деревья. По свидетельству историка Карин Вагнер, которая вот уже три года активно участвует в работе наших Исторических Салонов, и которая более 20 лет посвятила работе в архивах Франции, Германии и Италии и исследованию генеалогических деревьев и генеалогической истории живущих в Германии потомков гугенотов, практически все генеалогические книги полны таких сочиненных на потребу клиентам историй, порой настолько неправдоподобных, что трудно понять, как потомки французских дворян были согласны платить деньги за соответствующие этим сделанным задним числом записям «выписки» из генеалогических книг или за такие генеалогические деревья.

Но вернемся к герою этого раздела. Работая в генеалогическом институте, Лука много читал и нахватался исторических знаний, необходимых для такой работы. Только набравшись основательно опыта в этой области он постепенно занялся изготовлением поддельных писем великих исторических личностей. Так как силен был Лука только в родном французском языке (вот оно следствие трудностей в получении образования низшими слоями общества), то первоначально специализировался на письмах, якобы принадлежащих знаменитым французам Блезу Паскалю и Франсуа Рабле. Написав несколько сот таковых, он изрядно набил руку и выработал собственную технику перекрестной ссылки на более ранние письма.

Когда же в 1861 г. он нашел покупателя для этой продукции в лице известного тогда французского математика и астронома Мишеля Часлэ, пользовавшегося всеобщим уважением члена Французской Академии, он начал расширять список «авторов» своих писем и включил в них постепенно и итальянца Галилея, и англичан Ньютона и Шекспира. Когда же он убедился в том, что покупателя не смущает ни то обстоятельство, что все эти «авторы» якобы прекрасно владели французским, ни хорошая сохранность написанных на бумаге писем, он обратился к «древности» и продал наивному члену Академии 10 писем Платона, 28 Плиниуса, а также письма, библейского Лазаря Петру, Марии Магдалены Лазарю, Клеопатры Цезарю и Александра Македонского Аристотелю. И эти письма тоже были написаны на бумаге и на чистейшем французском языке. К концу 60-х годов 19 в., потратив всего лишь 140.000 франков, его покупатель стал обладателем огромной коллекции из 27 с лишним тысяч писем, включавшей, кроме названных выше, например три тысячи писем Галилея, 1745 писем Паскаля, 622 письма Ньютона и даже некое письмо, якобы адресованное лично Христу.

Если бы Лука происходил из богатой дворянской семьи, окончил бы исторический факультет университета и выучил латынь и греческий, а, может быть, даже и арамейский, насколько полнее были бы сегодня наши представления об античности и истории возникновения христианства якобы в Палестине. Ведь латинские и прочие мало понятные письма покупали бы многие лица, а не только один интересующийся историей математик и астроном.

Лука искусно эксплуатировал французский патриотизм своего покупателя и начинал свои опусы разного рода белибердой, призванной задевать струны патриотизма в его душе. Так его Клеопатра в письме Цезарю хвалила климат Марселя и качество образования в галльских школах и сообщала о намерении послать своего сына учиться в марсельский лицей. Из писем Паскаля, якобы написанных им 11-летнему Ньютону, становилось ясно, что Паскаль уже тогда разобрался в природе гравитации и пытался пояснить ее суть юному Исааку. Тем самым приоритет в этой области вернулся во Францию, а Ньютон оказался тугодумом, которому понадобились 35 лет для того, чтобы осознать изложенное ему в детстве Паскалем. Лука знал, что маститый академик немного рехнулся на славе Франции и охотно скупал каждое новое подтверждение ее превосходства над всеми остальными странами.

Однако французский патриотизм покупателя и оказался роковым для фальсификатора. Если Мишель Часлэ еще и был в состоянии довольствоваться распространением информации о франкофильстве Клеопатры в кругу семьи и друзей, то о французском приоритете в области гравитации он не мог не рассказать в Академии. Однако не все его коллеги оказались столь доверчивыми, как он сам, и ему пришлось вести длительные дискуссии с другими академиками, в попытках доказать подлинность содержащейся в письмах информации. Так как сверхприлежный Лука из письма в письмо развивал и расширял выдуманные им темы и приводил все новые и новые детали, то академики в конце-концов сдались и, рассмотрев около 400 «документов», так устали от дискуссий, что признали невозможность фальсификации такого огромного количества новой информации и подписали вердикт об истинности французского приоритета в области силы тяжести.

Большое впечатление на них произвели свидетельские показания автора некоего философского словаря, который использовал коллекцию писем Галилея, Паскаля и античных философов из собрания Часлэ для своего труда и неоднократно писал владельцу ценной коллекции письма благодарности.

Впрочем этот временный успех не надолго помог Луке. Отдельные коллеги продолжали формулировать свои возражения против истинности купленных Часлэ писем и в конце концов им удалось доказать коллекционеру, что его обманули и что вся его коллекция не имеет никакой ценности. После этого разгневанный академик подал в суд, что и кончилось для Луки двухлетним тюремным заключением. Об этой забавной (или типичной?) истории рассказал литературный критик Вернер Фулд в своей книге «Справочник фальсификаций. Подделки, ложь и заговоры в искусстве, истории, науке и литературе» [Фулд] на стр. 160–162. Рассказал как о забавном единичном явлении, не задавая того вопроса, который интересует меня: не образуют ли разоблаченные фальсификаторы на историческом поприще ту самую палубную надстройку легендарного крейсера «Аврора», у которого весь корпус давно проржавел и был полностью и в тайне от публики заменен на новый. Впрочем здесь подошло бы и сравнение с относительно небольшой надводной частью айсберга, большая часть которого остается скрытой от наших глаз ниже уровня океана. По крайней мере, до фальсификации айсбергов пока никто не додумался.

Апокрифы в 18 в.

Традиция приписывать свои произведения вымышленным авторам отдаленного прошлого не умерла с окончанием эпохи ренессанса. Мистификаторы продолжали приписывать свои сочинения писателям прошлых эпох, иногда называя оных неким вымышленным или уже известным именем, иногда же оставляя их безымянными. Фульд описывает два таких случая из истории английской литературы 18 в.

В 1764 г. некто Гораций Валполь написал исторический роман «Замок Отранто» и сопроводил его таким предисловием с фиктивными данными о происхождении своего произведения:

«Это произведение было найдено в библиотеке одной католической семьи на Севере Англии. Оно было напечатано в 1529 г. в Неаполе готическим шрифтом. Не ясно, когда оно было написано. Стиль повествования можно назвать чисто итальянским. Если эта история была написана в то время, о котором она скорее всего повествует, то это должно было произойти между 1095 г., временем первого крестового похода, и 1243 г.»

Роман имел успех и автору было предложено его переиздать. Скорее всего эта мистификация осталась бы нераскрытой и по сегодняшний день (как сотни и тысячи других), ибо ни у кого она никаких сомнений не вызвала: очень уж привычной была такая форма презентации своих произведений в течение столетий. Однако Валполь зачем-то признал свое авторство в повторном издании 1766 г. и лишил нас навсегда еще одного средневекового исторического романа, а современных нам историков – возможности писать диссертации на тему о достоверности описанных в оном исторических событий.

Не исключено, что история с романом Валполя вдохновила на аналогичные исторические фальсификации молодого провинциального английского поэта и писателя Томаса Чаттертона. Сразу после школы он поступил на работу в Бристоль в качестве помощника адвоката, задачей которого было переписывать старые дела в архиве. Не исключено, что эта деятельность пробудила в нем интерес к прошлому. В свободное от работы время Томас начал писать стихи в подражание средневековым поэтам. Некоторые из них были опубликованы в местных газетах. В апреле 1770 г. он в возрасте 17 лет приехал в Лондон с большим количеством рукописей, многие из которых были написаны от имени выдуманного им средневекового тезки монаха Томаса Роули. Этот монах был якобы поэтом и драматургом, жившим в эпоху королей Генриха 4-го и Эдуарда 4-го.

Еще за два года до переезда в Лондон удивительно рано созревший (в литературном, не в моральном отношении) юноша послал некому издателю предложение прислать стихотворные произведения своего тезки, якобы тоже жившего в Бристолье, и драматическое произведение, которое, быть может, является одним из древнейших в жанре средневековой драматургии. Издатель не ответил ни на это, ни на следующее письмо. Тогда в 1769 г. Томас послал пробы своей (пардон, монаха Роули) «средневековой» поэзии непосредственно брату по перу Валполю. Кроме того, он вложил в свой пакет и некое «историческое сочинение» монаха Роули, в котором доказывалось, что живопись маслом была изобретена в Бристолье неким аббатом Джоном. Дело в том, что Валполь занимался в свое время историей живописи и сформулировал в одной из публикаций неясные вопросы из этой тематики. С юношеской наивностью провинциальный мошенник дал в «труде» своего монашеского тезки прямые ответы на все поставленные Валполем вопросы.

Рис. 4.4. Со временем в церквях появились лепные и скульптурные украшения. Так как до XIV века никакого христианства и в помине не было, то эти украшения и не могли носить христианского характера. Поэтому символика старинных изображений в церквях сегодня нам, "испорченным" христианской традицией, мало понятна. Приведенное на фотографии изображение напоминает мне многоликих деревянных идолов древних славян, но его истинная символика навряд ли уже будет известна. Историки пытаются скрыть свое незнание за выдумками типа "демоны", "волхвы", "божества" и т.п.

Однако писатель оказался достаточно внимательным, чтобы распознать явную подделку, и по-отечески посоветовал юноше продолжить обучение у адвоката и писать собственные стихи. Все, имевшие дело с Чаттертоном, признавали его литературный талант, но он уже был полностью в плену своей идеи прославиться за счет якобы найденных им средневековых произведений. Под своим именем он ничего публиковать не хотел. Дело кончилось трагически и юный поэт еще до достижения 18-летнего возраста покончил с собой из-за бедности и отчаяния. Его история была положена в основу многочисленных биографических романов, посвященных его трагической жизни и опубликованных в разных странах. Интерес к его личности продолжал существовать и в 20 в. Интересно, что никто из пишущих о нем, не возмущался тем, что он пытался представить прошлое в искаженном виде.

Рис. 4.5. Еще один пример внутреннего украшения ранней романской церкви: собор Святого Петра в Шавиньи. Мы с женой посетили эту церковь во время путешествия по западной Франции. Ее наружные скульптурные украшения носят в основном нехристианский характер. Только скульптура самого Петра – скорее всего, много позже изготовленная – находится в диссонансе с этим первичным языческим характером всего ансамбля. Фотография взята из посвященного церкви проспекта. Насколько мало историки понимают символику таких фигур демонстрируют подписи под соответствующими фотографиями: "монстр, поедающий людей" и "гримасничающая голова".

Может быть, и на самом деле, это нечто само собой разумеющееся, что каждый может спокойно создавать некое виртуальное прошлое, и носителями зла являются не населяющие разные века поэтические «творцы» истории, а те, кто объявляет их подделки подделками и, как это делают авторы исторической аналитики, пытается восстановить соответствие наших моделей прошлого ... этому прошлому, а не выдуманному бесчисленными фальсификаторами виртуальному эрзацу.

Рис. 4.6. Вместо Святой девы Марии, изображение которой было бы естественно ожидать в христианской церкви, в Соборе Святого Петра в Шавиньи, изображена Вавилония - Великая Проститутка, символ разврата. Случайно ли созвучие этого имени словам "бабье лоно"? Не указывает ли это на славянский характер слова "Вавилон"?

Поддельные дарственные средневековых императоров и королей

Более двух десятков лет публикует свои книги, написанные на основе многочисленных критических работ, исследователь правовых документов средневековья австрийский профессор-историк Ганс Константин Фаусснер. Теперь ему удалось опубликовать свои выводы в четырех томах, которые по замыслу автора должны составить вместе первую книгу серии его критических книг. Основной свой вывод он формулирует и обосновывает в первом из четырех томов (остальные три тома содержат многочисленные копии дарственных грамот и лаконичные комментарии к ним). Этот вывод гласит: практически все средневековые императорские и королевские дарственные грамоты являются фальшивками, ибо они недействительны с точки зрения правил нотариального оформления и правовых норм того времени, к которому их относят.

Всего им были рассмотрены 6087 таких грамот и только в случае 183 оказалось, что грамоты были составлены грамотно с точки зрения нотариального искусства (что, конечно, не значит, что эти грамоты не являются подделками: Каммейер в свое время пришел к выводу, что все вообще средневековые документы были созданы позже и датированы – если они вообще имеют дату изготовления – задним числом) и, главное, не противоречили правовым нормам, которые ТИ приписывает соответствующим эпохам. Хотя именно анализ средневекового церковного и феодального права и составляет основу критического анализа Фаусснера, я не смогу излагать здесь его аргументацию. Ограничусь общей формой доверия к эксперту в этом вопросе и замечанием о том, что слово «дарственная» вызывает у Фаусснера колики, ибо речь шла в анализируемом им праве не о дарении, а о даче в пользование на определенных условиях и за определенные ответные услуги. Впрочем, он, постанывая, продолжает – за неимением лучшего – использовать этот широко распространенный неточный термин. Но просит помнить, что в случае дарственных происходило не дарение, а определенный обмен или даже покупка/продажа.

Нужно сразу подчеркнуть, что Фаусснер не является критиком хронологии. Он – историк средневекового права в его традиционном варианте. Фаусснер полностью признает все выдуманные историками века и тысячелетия и верит почти всему тому, что пишут его коллеги о номенклатуре якобы исторических личностей и событий. Поэтому его объяснение феномена массовой подделки дарственных, на котором мы остановимся ниже, едва ли верно. Для нас однако важен тот факт, что даже при попытке историка честно рассматривать традиционную версию модели прошлого возникают столь крупные противоречия, что появляется необходимость радикального пересмотра большей части исторических представлений.

Выводы Фаусснера перекликаются во многом с таковыми критических авторов, работающими в рамках исторической аналитики. Так, он приходит к выводу о том, что фальшивками являются следующие классические источники по средневековью:

- Биография Карла Великого, написанная Эйнгардом
- Труды «средневековой немецкой поэтессы» Хротсвитц фон Гандерсгейм
- «История саксов» Видукинда

и многие другие.

В своей попытке объяснения феномена массовой фабрикации средневековых королевских и императорских дарственных Фаусснер следует примеру Ардуэна, который приписывал все выдуманные источники о старине одному монастырю и работавшей в ней под руководством одного лидера монашеской писчей палате. Так и Фаусснер считает, что все неправильные дарственные созданы в мастерской или по заказу одного единственного человека – аббата Вибальда монастырей

Стабло и Корвей во второй четверти 12 века на основе истинных грамот, которые он велел уничтожить (не ясно, правда, как мог монах, пусть и главный монах известного монастыря, собрать тысячи дарственных и решиться их уничтожить). По версии Фаусснера видные деятели церкви (например, епископы) хранили коллекции дарственных, полученных ими или их предшественниками и после их смерти бывало, что такие коллекции переходили не к наследнику на епископской кафедре, а к другому видному церковному деятелю.

Вибальд из Стабло или Ставелота в Бельгии (якобы 1098 – 19 июля 1158) считается заметным средневековым деятелем, известным членом ордена бенедиктинцев. Происходил он из не особо знатной семьи крупного придворного чиновника, но полученное им блестящее образование, черты характера и прирожденная склонность к дипломатической деятельности якобы способствовали его головокружительной карьере. Он мол был в 1130–37 гг. аббатом монастыря Ставелота, который считается одним из древнейших в Европе бенедиктинских монастырей (якобы основан в 650 г. Святым Ремаккусом), сыгравшим важную роль в ранней экспансии христианства на территории Голландии, Бельгии, Франции и Германии. Затем он якобы занял в 1137 году почетный пост аббата в Монтеказино – сегодняшней летней папской резиденции в Италии. Наконец, с 1147 г. до самой смерти он еще по совместительству и аббат монастыря Корвей в северо-западной Германии, который при нем пережил фазу культурного расцвета. Ему приписываются важные дипломатические миссии и контакты с императорами Конрадом 3-м и Фридрихом 1-м Барбароссой. Ему приписываются многочисленные письма.

И вот этот светоч христианской культуры 12-го века был, оказывается, гениальным мошенником, который переписал на свой лад большой кусок европейской истории. А для того, чтобы его выдумки имели под собой солидную базу, он еще, оказывается, сочинял самые разные «исторические» и литературные произведения. При этом Фаусснер описывает сложные отношения Вибальда с другими деятелями церкви, из которых должно следовать объяснение причин, по которым они получали противоречащие друг другу документам дарственные (мол, с кем в ссоре был, тому и подкладывал свинью).

На самом деле вся эпоха Вибальда, Фридриха Барбароссы относится к числу сказочных периодов истории и сам Вибальд, скорее всего, проекция в прошлое какого-нибудь церковного деятеля эпохи возрождения (быть может, 15 или даже конца 16 века). Никаких оригиналов дарственных он скорее всего не имел и потому не уничтожал, а просто сочинял оные по заказу и за хорошую оплату. Это, скорее всего, относится и к епископу Отто 1-му, который занимал по рекомендации Вибальда кафедру во Фриизинге (сегодня на границе Баварии и Австрии) якобы в 1138–1158 гг. Отто (якобы 1112–1158) был сыном австрийского маркграфа Леопольда 3-го и внуком императора Генриха 4-го и обладал вследствие этого прямым контактом с окружением императора. Это превращало провинциального епископа Отто в важнейшего союзника Вибальда. Отто и Вибальд были участниками одной акции и Фаусснер подробно описывает, какие изменения в законодательстве подвигли их на грандиозную акцию по подделке дарственных грамот с целью добиться важных материальных выгод для своих монастырей, а в случае Отто и для своей епархии.

Книга [Фаусснер1] целиком концентрируется на роли Отто в этой акции. Ему кстати приписывается мировая хроника чисто компилятивного характера. Вскоре после возведении его в епископский сан в 1139 г. Отто и Вибальд запустили акцию по изготовлению фальшивых старых королевских грамот касательно епископства Фриизинга, числом 43. В книге [Фаусснер2] подчеркиваются посредственные исторические знания епископа Отто и приводятся соответствующие цитаты, из которых видно, что Отто всю жизнь пользовался годами от Воплощения Господа, что служит для меня

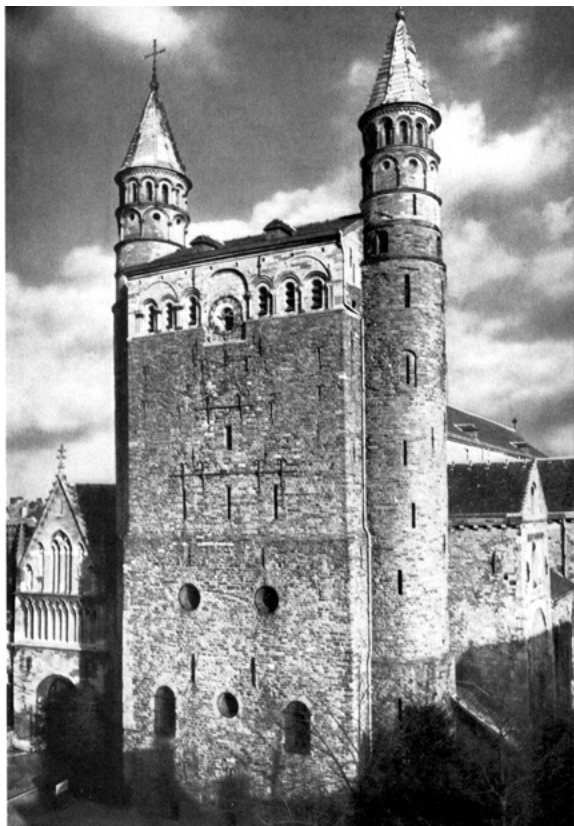

Рис. 4.7. Традиция оборонительных башен не ограничивалась небольшими поселениями или сельской местностью. При строительстве первых монастырей тоже первым делом возводили мощную оборонительную башню. Потом к ней часто пристраивали другие монастырские здания или даже церкви, как на данной фотографии. Видно, что первоначально башня имела только узкие бойницы наверху. С развитием артиллерии пробивались круглые пушечные отверстия в стене башни. Окна и двери нижнего яруса были пробиты много позже.

указанием на позднее происхождение хроники. Да иначе и не объяснить, почему Отто не мог про сравнительно недавнее время, например, про начало 11 века, сообщить практически никаких исторических подробностей. К тому же анализ допущенных фальсификаторами правовых ошибок показывают, что у них не было точных представления о правовой ситуации в эпоху, к которой они относили поддельные грамоты.

До Фульда история с Вибальдом не дошла, но зато есть немало откликов на книги Фаусснера. Среди них особенно выделяется агрессивно-ругательный отзыв некоего церковного деятеля лютеранского толка, напомнившего мне ругань российских традиционалистов в адрес новой хронологии и ностальгически-привычные советские поношения. Да, люди везде устроены одинаково. Я поместил его в свое время на нашем форуме в Интернете, но для разбора одного здесь мне не хватает ни места в книге, ни сил. Зато со стороны исторической аналитики последовали весьма детальные представления результатов критической работы, из которых нужно выделить статью Герхарда Анвандера из Мюнхена «Вибальд из Стабло – Ханс Константин Фаусснер: Мужественный исследователь разоблачает гениального фальсификатора.». Статья эта была в сокращенном виде напечатана во «Временных прыжках» и ее можно прочитать в полном варианте в Интернете.

Рис. 4.8. Великая империя великого Карла и его наследников не имела столицы (и до и после него императоры якобы кочевали от одной резиденции к другой и собирали налоги то в одной, то в другой местности): здесь изображена одна из таких императорских резиденций в провинциальном Госларе, якобы воздвигнутая в XI веке. Скорее всего и сама империя и Карл Великий являются фантазией историков. Обоснованию этого тезиса посвящены несколько книг Герберта Иллига, одна из которых так и называлась "Карл Фиктивный".

«Античные» китайские рукописи

Весной 1997 г. Британская национальная библиотека сообщила удивленному миру, что в ее собрании китайских рукописей, которые проходили по разряду античных, около шести сотен таковых (повторяю: не одна, не две, а около 600) являются подделками. В каталогах Национальной Библиотеки они занимали почетные места рукописей 4–11 веков, которые выдаются на руки только в читальном зале редких рукописей и только весьма доверенным (проверенным и перепроверенным) читателям с академическими специальностями.

Китайские «античные» рукописи, о которых здесь идет речь, были приобретены за немалые деньги налогоплательщиков у китайца Ченгдуо Линг, считавшегося весьма серьезным коллекционером, и у его наследников. Выяснилось однако, что все эти манускрипты изготавливались в семейной фирме Линг, начиная с 1911 г. После смерти в 1935 г. знаменитого «коллекционера», изготовившего собственноручно большую часть поддельных китайских античных рукописей, его дело продолжали аж восемь сыновей, своевременно обученных отцом «античному» ремеслу. Процесс изготовления «античных» рукописей продолжался вплоть до 60х годов 20 в.

Конечно, традиционного историка это сообщение не очень сильно взволновало. Подумаешь, какие-то шестьсот рукописей. Да у нас на полке стоят 200 томов других древних китайских рукописей. И каждый, кто посмеет усомниться в их достоверности, будет нами объявлен психически больным и привлечен к суду за злостную клевету на славную братию синологов. Мне очень хочется усомниться в подлинности всех этих 200 томов и многого другого, в оные не вошедшего. Но мне не хочется на старости лет прослыть психом или начать шататься по судам.

Поэтому я обращаюсь к книге [Фульд], в которой на стр. 53–54 описана эта история, и процитирую из его раздела «Китай» следующий заключительный пассаж:

«Попечительница (куратор) Британской Национальной Библиотеки (British-Library) дает следующую оценку: по ее мнению большую, подавляющую часть античных китайских рукописей, предлагаемых сегодня для продажи, составляют фальшивки.»

Возникает вопрос: а раньше продавались не фальшивки? А привозившиеся из Китая в течение четырех столетий старинные рукописи не были подделаны? Откуда это известно? Что служит доказательством подлинности многочисленных китайских «древних» рукописей, купленных в прошлые века десятками других знаменитых библиотек, музеев и университетов, сотнями коллекционеров? Ведь и ежу ясно, что в прошлом провести квалифицированную экспертизу предлагаемой музеем или библиотеке рукописи было еще сложнее, чем в сегодняшний век электронных средств информации. Никакой уверенности в подлинности хотя бы одной «древней» китайской рукописи нет и быть не может.

В 1998 г., безуспешно путешествуя в течение трех недель по Китаю в поисках реальных, а не выдуманных следов великого китайского флотоводца начала 15-го века (скорее всего выдуманного от начала до конца – и это касается не только его биографии, но и всех его великих деяний, о которых я надеюсь рассказать в отдельной посвященной выдуманной истории Азии книге), я провел много часов в магазинах антикварной книги. Под стеклянными витринами там лежат десятки рукописей и мало от них отличающихся внешне «старинных» книг, относимых на написанных от руки ценниках к разным прошедшим векам. При сравнительно скромных ценах, рассчитанных на доверчивых западных туристах, все эти «сокровища» китайской словесности должны были давно быть куплены

китайскими библиотеками или тайваньскими миллионерами. Но дело изготовления подделок под старину, очевидно, так хорошо поставлено, что витринам не грозит опасность опустошения и в далеком будущем.

Кстати Фульд в своей книге считает именно экспертов основными жертвами фальсификаторов. Последние внимательно изучают все написанное и опубликованное экспертами и мастерски вырабатывают в свои подделки именно эту «научную» информацию, так что эксперты часто с гораздо большей легкостью попадаются на удочку авторов фальшивок, чем непрофессионалы. Именно с легкой руки «экспертов» все библиотеки мира и полны фальшивых старинных рукописей, не только китайских. Так что жертвы авторов подделок являются их основными – пусть тайными – союзниками и основными же виновниками наших абсолютно неверных представлений о китайском (и общечеловеческом) прошлом.

Историки-империалисты

Образы великих империй давнего прошлого сформировались в эпоху существования огромных колониальных империй типа Британской. Относительная легкость, с которой сравнительно небольшим государствам типа Великобритании и Голландии, Португалии и Бельгии удалось, используя колоссальное превосходство в технологии (например в технологии корабельного дела) и в вооружении, создать огромные колониальные империи с населением, в десятки раз превосходившим таковое колониальных стран-захватчиков, привели историков к иллюзии о возможности столь же или даже более обширных империй в древности. В фальсификации древней истории, в ее выдумывании на ровном месте, мифические древние империи занимают доминирующее положение.

Историки-традиционалисты упустили такие немаловажные детали, как демографическую ситуацию отдаленного прошлого, отсутствие военных и коммуникативных технологий, непреодолимость тысячекилометровых расстояний по суше за короткие промежутки времени, отводимые полководцам древности далекими от практики историками, и невозможность захвата огромных защищаемых их жителями территорий в исторически незначительные времена.

Создание первых крупных империй типа османской, послужившей историкам образцом для фантазий о древних империях Востока, а затем и колониальных империй в Америке, Азии и Африке совпало с началом историографии. По традиционной версии истории колониальные захваты начались в конце 15 в., когда португальские мореплаватели под идейным руководством Генриха Мореплавателя начали осваивать западное побережье Африки. В самом конце века с ними стали конкурировать испанцы, стремительно расширявшие свои колонии в бассейне Карибского моря, а вслед затем и в разных частях американского континента.

Англичане вступили в конкуренцию за колониальное могущество с опозданием на 100–200 лет. Динамика возникновения гигантской колониальной Британской Империи подробно описана в книге Найала Фергуссона «Империя. Как Британия создавала современный мир.» (Penguin, London, 2004). Ее автор, будучи специалистом по финансовой и экономической истории, подчеркивает, что залогом невиданного успеха именно Британской колониальной Империи стала комбинация перечисленных выше технологических и военных факторов с искусным владением международной торговлей и финансовыми механизмами. Закрепиться на африканском побережье британцы смогли после 1562 г., занявшись сразу работорговлей на побережье Сьера-Леоне.

В Северную Америку англичане пытались проникнуть еще в 1584 г. В 1607 г. была основана колония Джеймстаун в североамериканской Вирджинии, а в 1620 г. корабль Мэйфлауер высадил большую группу английских колонистов в Массачусетской бухте. Они создали здесь порт Плимут. Через шесть лет последовало основание Нового Амстердама (сегодня Нью-Йорк). С 1612 г. Британии принадлежали имеющие важное стратегическое значение Бермудские острова, расположенные на подступах к Северной Америке.

В Центральной Америке Великобритания начала с того, что основала свои колонии на островах: на Барбадосе, Барбуде и Антильских островах (1627–1632). В 1655 г. англичане приобрели Ямайку и положили начало своим приобретениям и завоеваниям на материковой Центральной Америке. В 1662 г. британцы основали колонию в Белизе. В декабре 1663 г. английский капитан Генри Морган – многие считают его обыкновенным пиратом – совершил на небольших суденышках нападение на испанский форпост Гран Гренада, расположенный севернее Никарагуанского залива (??? Лаго де Н.), захватил его, разграбил и потопил все испанские суда. В последующие 7 лет он совершил

большое число успешных нападений на другие испанские форпосты и суда в открытом море. Далее он захватывает острова и участки суши, основывает первые плантации сахарного тростника. С 1687 г. восточное побережье Гондураса и Никарагуа вошло в английскую колонию Берег Москитов. Так, скромно и почти незаметно, началось создание Британской империи во второй половине 16-го и в 17-м веке.

Несмотря на болезненность потери североамериканских колоний, Британская империя достигла апогея своего размаха не до этого события, а после него: в начале 20 в. Тогда ее суммарная территория достигла почти 13 млн. кв. км. И если по территории она уступала и Российской империи, и Советскому Союзу, то по количеству населения существенно превосходила их. Еще в 1939 г. она насчитывала около полумиллиарда жителей в метрополии и колониях.

Географическая протяженность не имела себе подобной в истории. От Ирака, Трансиордании и Палестины через Египет и Судан в Северной Африке, Уганду, Кению и Танганьiku в Экваториальной и до Северной и Южной Родезии, и всех Южноафриканских колоний она непрерывным поясом шла с Севера на Юг. В Африке она также включала Нигерию и Сьера-Леоне. Гамбию и Сомали, а на Аравийском полуострове почти все приморские эмираты.. Если к этому добавить в Азии Малайзию, Бирму и Индию, стратегически важные порты Сингапур и Гонконг, многочисленные острова по всем океанам, Австралию и колонии в Южной Америке, то мы получим картину мировой империи, единственной в своем роде.

Однако не следует забывать, что процесс создания империи длился более трех столетий: хотя британцы и переняли Бомбей от португальцев в 1661 г. и обосновались в Мадрасе в 1639 г. и в Калькутте в 1698 г., покорение Индии длилось еще и во второй половине 19-го столетия, а война за южную часть Африки велась еще и в 20-м веке. Историки же создают мировые империи на бумаге, отводя на их сколачивание немногие годы в условиях практического отсутствия морских коммуникаций и при приблизительном равенстве в прокламируемом уровне вооружения у покоряемых и покорителей. Преимущество даваемое артиллерией и флотом не идут ни в какое сравнение с преимуществом, основанном на владении железом или бронзой. Успех Великобритании базировался на доминирующем положении британского флота во всем мире и военном превосходстве, которое невозможно представить себе для виртуального Древнего Мира.

Впрочем история реальных империй учит еще одному обстоятельству: сохранение империи в течение многих столетий – нелегкая задача, требующая постоянного развития технологий (в том числе и технологии управления), так что, например, длительное существование сначала Римской, а затем Византийской империй уже с этой точки зрения представляется фантастическим.

В книге Андрей Шарый «После дождя. Югославские мифы старого и нового века», НЛО, Москва, 2002 следующее место (см. стр. 50) достойно, как мне кажется, комментария:

«В Австро-Венгрии, великой по прежним временам стране, многое было противоречивым и неестественным, и развалилась страна, как кажется, в первую очередь от собственной тяжести, под грузом внутренних проблем. В конечном счете – от дряхлости династий. История, похоже, не любит многонациональные федерации. Но веками выстраиваемая схема сосуществования под одним скипетром десятка разных народов была не лишена достоинства. Товарищ Тито, например, так сказал однажды об Австро-Венгрии: «Хорошо налаженное было государство!»»

Зато в выдуманных историками великих империях прошлого ничего противоречивого и неестественного оные не замечают. В той же, хотя бы, древнеиндийской империи Мауриев (явной

кальки с империи Великих Моголов, мусульман и, следовательно, «мавров»), объединившей под своей властью якобы почти весь Индийский полуостров. Да в ней не только постулируется сосуществование «под одним скипетром десятка разных народов» и «различных по языку, государственному строю и уровню общественного развития племен и народностей».

Речь идет даже о включение в эту империю многочисленных республиканских государственных образований (см. стр. 98–99 в книге «Индия и античный мир»), мощь объединений которых Мауриям и их предводителю Чандрагупте так и не удалось сломить, и о сохранении ими довольно значительной автономии. Так зачем же «неодолимым в своем сплочении» республиканским объединениям древней Индии было лезть в мифическую империю Мауриев, всем своим духом несовместимую с республиканской идеологией и практикой?!

Замечание о дряхлости династии оставим на совести автора: куда как дряхлее представляются многочисленные выдуманные династии древности, населяющие мириады книг с милостивой руки историописцев. А уж многонациональности во всех выдуманных империях прошлого хоть отбавляй. Что же до цитаты из одного из коммунистических диктаторов. то как раз с нею–то все ясно: любая некоммунистическая империя существовала более осмысленным образом, чем так называемые социалистические. И налажены они были на порядок лучше, чем даже самая успешная из авторитарных социмперий, коей и была в свое время небольшая по размеру титовская Югославия.

Фальшивая история преследования ведьм.

Каждый хороший историк должен был бы быть критиком истории, ее критическим аналитиком. И многие хорошие историки именно в таком амплуа и проводят свои исследования. Их отличие от работающих в рамках исторической аналитики – если отвлечься от произносимых ими время от времени идеологических заклинаний в верности истории как религиозной системе – сводится практически только к нежеланию заниматься сложными хронологическими вопросами. Устоялась как-то традиционная хронология и пусть себе будет такой, какая есть: лезть в нее может только сумасшедший. Ведь в ней и ноги поломаешь, и без головы останешься. А когда отдельные смельчаки все-таки лезут в эти непролазные дебри, то срабатывает инстинкт «бей чужих», о котором Блез Паскаль хорошо написал в своих «Мыслях»:

– «За что ты меня убиваешь?»

– «Как за что? Друг, да ведь ты живёшь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь был бы злодеем, совершил бы неправо дело, если бы убил тебя, но ты живёшь по ту сторону, значит, дело моё правое, и я совершаю подвиг».

Сами же историки и докопались до того, что еще одна глава истории оказалась полной фальшивок: массовое преследование ведьм в средние века. Историкам казалось естественным представлять массовое преследование т.н. «ведьм» в эпоху возрождения и в последующие «просвещенные» века в качестве пережитка средневекового мракобесия, ими же в свое время и выдуманного (не то что не было мракобесия, но оно в свое время столь плавно перешло в таковое эпохи Возрождения, нового времени и затем 20-го века, что прилагательное «средневековый» выглядит анахронизмом). В статье «Ведьма в деревне и перед судом (народная и ученая традиция в понимании магии)» известный советский историк А.Я. Гуревич пишет:

«Сравнительно недавно было показано, что использованные в свое время Ганzenом и Зольданом (см. [Ганzen1 и 2], [Зольдан]) свидетельства о массовых расправах над ведьмами, якобы имевших место в конце XIII и середине XIV в., не что иное, как фальшивки, сфабрикованные в XV, XVI и в начале XIX в.»

Здесь слово «якобы», которым мы вынуждены так часто пользоваться в историко-аналитических разоблачениях, применено Гуревичем в точности в том контексте, в котором оно все время встречается в исторической аналитике!

В результате существования этих фальшивок, фабриковавшихся с завидным постоянством как-никак в течение половины тысячелетия, полностью, как подчеркивает Гуревич, была искажена картина преследования «ведьм». Массовая охота на ведьм, развернувшаяся с конца XVI в., т.е. с конца Ренессанса, была представлена как явление, восходящее к совсем другой исторической эпохе. Это – излюбленный прием историков: отправлять в запредельно дальнее прошлое все те явления недавнего времени, которые или могут опорочить репутацию верхних слоев общества, или не в состоянии оправдать действия оных без искусственного создания тысячелетней или вековой квази-традиции.

Таким образом, созданные в конце 19 и начале 20 теории о том, что преследование ведьм – это пережиток мрачного Средневековья, а Возрождение – это светлая эпоха развития наук и культуры, возникновение и развитие нового прогрессивного духа, оказалось, согласно Гуревичу, несостоятельными. Оценивая в этой связи творчество своих коллег по цеху исторической болтовни,

Гуревич использует для них крайне нелестные оценки:

- Принятие желаемого за действительное
- Режут по живому, игнорируя очевидные связи
- Применяют произвольный. механический подход.

Согласно Гуревичу на период позднего Возрождения, барокко и даже начало Просвещения приходится подъем демонологии и демономании, трудно согласуемый с традиционными представлениями о двух тысячелетиях существования христианства, о том, что оно с середины первого «христианского» тысячелетия массово распространялось в Европе, а к началу второго такого тысячелетия практически победило на всем континенте за исключением редких очагов языческого упрямства типа острова Рюген на севере Германии.

Среди демонологов мы находим немало гуманистически образованных людей, писателей и философов. Для тех, кто интересуется творчеством Жана Бодена – одного из первых теоретиков историографии – будет особенно интересно узнать, что он не только верил в могущество и злокозненность ведьм, но и с воинствующим радикализмом, достойным лучшего приложения, требовал не только жесточайших наказаний для самих ведьм, но и для всех тех, кто сомневался в справедливости их преследования. О нем, как об авторе книги, которую Гуревич называет «Демонomanия», переводчица и редактор книги Бодена «Метод легкого познания истории» на русский М.С. Бобкова пишет в приложении к этой книге:

Рис. 4.9. Жан Боден

«он с 1575 по 1580 г. присутствовал более чем на 150 заседаниях судов по обвинению в колдовстве и внимательно изучал материалы судебных разбирательств по этой категории дел, хотя сам он не раз обвинялся в приверженности и распространении еретических учений и в занятиях магией. Этот опыт Боден использовал при написании своего трактата "Демонomanия колдунов" (1580), который считается самым темным местом, "позорным пятном" в творческом наследии Бодена. Это сочинение пришло на смену печально известному "Молоту ведьм". Отметим, что именно поэтому в сознании многих современных историков имя Бодена ассоциируется с мракобесием средневековья»

Конец 16-го века и средневековье!? Да ведь это уже конечная фаза Возрождения – эпохи гуманизма! Как мы видим, Бобкова полностью находится в плену неверных представлений о времени, когда началось и набрало силу преследование ведьм, фальшивый характер которых отмечает Гуревич. А что до современных историков, то им хорошо бы перестать применять к прошлому современную мораль и современные и не совсем уже современные представления. В свое время на подобного рода осуждения строилась советская идеология. Сегодня типологически эквивалентный советскому образ мышления бросает историков в бессмысленные вербальные атаки против историко-хронологического инакомыслия.

Гуревич отмечает, что преследование ведьм в эпоху гуманизма было делом «широких кругов общественности». Впрочем, ни Гуревич, ни западные исследователи проблематики массового жестокого преследования ведьм, так и не докопались до истинных причин этого общественного явления, вскрытого в рамках исторической аналитики немецким профессором Гуннаром Хайнзоном. Согласно Хайнзону, написавшему в 1885 г. с соавтором Отто Штейгером крайне интересную книгу «Уничтожение мудрых женщин», катастрофа середины 14 века и связанная с ней черная смерть (считается эпидемией чумы) существенно сократили население Европы и сместили на 1000 км на юг границу прорастания злаковых и винограда. В результате возникла нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве и во многих других областях (армия, ремесленничество и т.д.) и церковь вместе

с феодалами начала проводить в принудительном порядке новую экспансионистскую демографическую политику.

Свободная женщина языческого общества сама решала, сколько детей ее семья может прокормить (и в скольких наследниках она нуждается) и обладала правом предохраняться от нежелательных беременностей, делать аборты и даже умерщвлять излишних детей, если они все-таки появлялись на свет. Мораль дохристианского свободного общества не видела во всем этом никакого преступления. И в предохранении, и при прерываниях беременности важную роль играли т.н. ведьмы – мудрые женщины, селившиеся на окраинах деревень или на лесных полянах, где они выращивали, собирали и обрабатывали лечебные травы. Накопленные знания о травах передавались из поколения в поколение. Новая христианская мораль объявила все это преступлением, начала охоту на ведьм, старалась низвести женщину до положения родильной машины.

Элементом сельской жизни средневековья был также черт. Так называли получавших незначительную поддержку общины мужчин, чаще всего инвалидов, не способных заниматься сельскохозяйственными работами, которые до распространения колоколов исполняли функцию передачи и приема сигналов. Разжигая костры на холмах или специально построенных сигнальных башнях, они передавали при помощи дымовых и световых сигналов важные сообщения соседним поселениям. Жили они чаще всего в лесу, где душа не было, так что выглядели так, как мы себе и сегодня представляем черта. Так как многие из них прирабатывали производством древесного угля, то вымазанность сажей была профессиональной особенностью чертей.

У живших часто по соседству ведьм (мудрых женщины) и чертей (сигнальщиков и сторожей) часто возникали разного рода контакты, от «выпить по поводу» или просто повеселиться и потанцевать (шабаш ведьм с участием чертей) до сексуальных контактов. Особенно в последних преследовавшие ведьм трибуналы охотно обвиняли хранительниц тайн народной медицины, связывая образ черта с образом дьявола (традиционные контакты с чертом возводятся в ранг пакта с дьяволом), который проник в народное сознание вместе с распространением на самом деле чуждого средневековью христианства. Гуревич пишет о том, что и в конце эпохи Ренессанса, и в новое время западноевропейское духовенство неоднократно констатировало отсутствие самого элементарного представления о христианском учении у простого люда. Бесчисленное множество детей и взрослых не знали ничего о единобожии, святой Троице, даже о Христе. Он говорит о религиозном невежестве и плохо скрытом язычестве многих номинальных христиан. И это после выдуманной ТИ тысячелетней христианской жизни в Западной Европе!

Гуревич приводит разные относящиеся к XVI и XVII вв. случаи неразвитости христианского самосознания, отмечая, что аналогичные примеры легко можно найти и для средних веков. Все это хорошо укладывается в представления исторической аналитики о позднем возникновении христианства и о его первичном состоянии (без Библии и реальной власти церкви) в начале 16-го века. Гуревич описывает в качестве особенно поразительного случая культ святого Гинефора, борзой собаки, некогда по ошибке убитой ее хозяином – владельцем замка, с которым столкнулся якобы около 1260 г. инквизитор-доминиканец Этьен де Бурбон в сельской местности неподалеку от Лиона. Инквизиция в 13-м веке – явное следствие хронологической неразберихи в ТИ: никакой католической церкви тогда еще не существовало. Суть культа была в том, что крестьянки приносили на могилу славившегося как исцелителя святого Гинефора больных детей в надежде на их выздоровление. Известно, что слюна собак обладает бактерицидными свойствами, а общение с ласковой собакой оказывает исцеляющее воздействие на психику. Доминиканец, якобы, запретил воспринятый им как нечестивый культ, но тем не менее, «шесть веков спустя, в 1879 г., лионским

любителем старины было обнаружено, что крестьяне из той же местности все еще поклоняются святому Гинефору, зная, что это – борзая.» (стр. 28-29).

«Христианские проповедники и моралисты во все времена были склонны жаловаться на упадок или недостаток веры прихожан, на их суеверия и несправедливое поведение. Однако данные о состоянии религиозности масс Западной Европы в XV–XVIII вв. говорят о большем, нежели об отсутствии у них благочестия и знания слова божьего. Самое содержание их представлений о сакральном было в высшей степени противоречивым, если применять к нему евангельские стандарты. Крестьяне и горожане действительно подчас не знали элементарных основ христианской религии и воспринимали учение церкви, вернее, обрывки его в интерпретации малограмотных в своей массе духовных наставников, в контексте мифомагической, хтонической (хтонические божества – это обитающие в глубине Земли божества в противоположность небесным, ураническим божествам; хтонические божества дарят жизнь и плодородие, но они же олицетворяют темные силы подземного мира и мира мертвых – Е.Г.) анимистической картины мира, традиционно присущей аграрному обществу.»

Вслед за этим Гуревич задает вопрос «Было ли вызвано это состояние умов деградацией христианства, наблюдаемой в конце средневековья, как полагают некоторые историки?», на который отвечает отрицательно даже в рамках традиционных исторических представлений. Историческая аналитика тоже дает отрицательный ответ на этот вопрос, но исходит при этом из возникновения известной нам формы христианства после 1500-го г. Гуревич косвенно подтверждает эту позицию критических исследователей, когда рассказывает о том, что ряд исследователей в 20-м веке подчеркивал, что и Мартин Лютер, и Игнатий Лойола (вожди реформации и контрреформации) исходили из представлений о народных массах как о нехристианизированных людях, которых еще предстоит превратить в христиан. Согласно этим исследователям, в мнении которых Гуревич усматривает долю истины, «подлинная христианизация западноевропейского христианства» произошла только в конце 16-го века и в 17-м веке, а Реформация и Контрреформация энергично боролись с языческими представлениями, которые якобы была вынуждена терпеть выдуманная средневековая христианская церковь.

Я вынужден отложить более подробный анализ названной выше теории Гуннара Хайнзона о ведьмах как мудрых женщинах, стоявших на пути у бесчеловечного прогресса, несущего миру уничтожительную демографическую динамику, до следующей книги. Пока же отмечу, что Бобкова, скорее всего права, когда пишет далее о трактате "Демономания колдунов" Бодена:

«Очевидно, это произведение объясняется особенностями самой эпохи. "Вера, замкнувшаяся в догме, таит в себе понятие невозможного". Натурфилософия в том виде, в каком она существовала в XVI в., включая в себя и добытые опытом истины, открытые, например, Парацельсом, и сведения о столовращениях и порче, считала все возможным. Нельзя отрицать истинность факта, по мнению Бодена, если он очевиден, хотя не поддается объяснению. И если явление колдовства невозможно понять, то факт его существования установлен уже три тысячи лет назад (вот она выдуманная хронология! – Е.Г.). Боден при объяснении колдовства часто использует свои знания по метафизике, алхимии, медицине, физике. Рационалистический подход к миру создал основу для возникновения предрассудков и суеверий на основе реальных фактов. Отсюда происходила строго регламентированная, подобно точным наукам, магическая практика, которую можно было изучить для того, чтобы управлять сверхъестественным. Это Боден и попытался проделать в своем трактате о демономании. (стр. 346)

С другой стороны, объяснять можно все на свете. И по-разному. Например боязнью собственного

преследования по обвинению в магии или в приверженстве к тайному иудейству, о котором тоже как об установленном факте пишет Бобкова. Но фактом остается участие Бодена и более поздних историков, придумывавших преследование ведьм в средние века, в фальсификации истории. И тесно связанное с этим фактом искусственное удлинение истории христианства на лишнее тысячелетие «с хвостиком».

Историки – фальсификаторы с точки зрения современного историка.

Многие книги по истории историографии читаются как черные списки исторических фальсификаторов. Интересно, что большинство историков не хочет ничего знать о подобных черных списках, внушив себе спасительную идею о том, что фальсификация в истории – явление частное, интересное только для специалистов в этой узкой области. У нас, мол, как и в полиции есть небольшой криминологический отдел, но большинство историков (как и полицейских) занято рутинной работой и о работе коллег-криминологов узнают только изредка из передач по телевидению.

В книге Бернара Гене «История и историческая культура средневекового Запада» (Языки славянской культуры, Москва, 2002) автор неоднократно вынужден признавать распространенность исторических подделок в средние века. Особой пикантностью отличается его признание в том, что авторами многих подделок были ... сами историки, причем это были не единичные случаи, а общий результат своеобразного понимания историками своего призвания вещать истину о прошедшем:

«Основная проблема состоит в том, что культурная элита, к которой принадлежат историки, в принципе всегда отличала правду от лжи, настоящее от поддельного и осуждала ложь и подделку. (Блажен, кто верует – Е.Г.) И даже если столь многочисленные подделки – дело рук ничтожных бессовестных клириков, то очевидно тем не менее, что бесчисленные документы, которые мы считаем поддельными, были изготовлены в превосходных исторических мастерских. (В которых и работали ничтожные бессовестные клирики? Выделение мое – Е.Г.)»

Энеа Сильвио Пикколомини (якобы 1405–1464), будущий папа Пий 2-й, сам разоблаченный западной исторической аналитикой как активнейший фальсификатор, автор историко-географических книг «Европа» и «Азия», тоже считается выдающимся историком. Он же автор культурно-исторического описания Базеля и описания Базельского Вселенского Собора. Свои ценящиеся как историческое произведение мемуары он озаглавил как «Комментарии». Если об его «Истории Австрии» Вайнштейн и не делает никаких критических замечаний, то про «Историю Чехии» прямо заявляет, что большую часть этой книги составляют «фальсифицированные сведения о гуситском движении».

Так вот, Пикколомини утверждал якобы в 1453 г.: «Не следует непременно верить всему написанному». Исходил ли он из знания о своем собственном историческом творчестве (Топпер упоминает осуществленную Энеа Сильвио – он же Пий 2-й – фальсификацию писем своего якобы предшественника в списке Пиев: выдуманного им самим папу Пия 1-го, а также о подделке им многих документов, связанных с собственной биографией)? Или он, как и многие современные ему гуманисты, имел в виду средневековые якобы авторитеты, писания которых отвергались или признавались фальшивками в рамках общего скептического отношения гуманистов ко всей средневековой письменной традиции, о которой рассказывает Вайнштейн на стр. 244?

Гене называет в разделе «Подлинное и поддельное» поименно отдельных историков, активно участвовавших в выдумывании, сочинении и фальсификации истории. Вот некоторые из его примеров:

1. «Альдрик, исповедник Людовика Благочестивого, с 832 по 857 год был епископом в Ле-Ман. Он организовал группу клириков, которые создали два превосходно написанных исторических сочинения: *Gesta Aldrici* и *Actus pontificum Cenomanis in urbe degentium*. В обоих сочинениях цитируются тексты многочисленных документов, которые, очевидно, тоже были составлены

эрудитами города Ле-Ман и которые, как нам давно известно, являются подделкой. Впрочем, уже в 863 году королевский двор объявил поддельными документы, которые Альдрик составил во время одного судебного процесса.»

2. «Адам Бременский был крупнейшим историком второй половины XI века, известным своей безупречной эрудицией. Но Бремен в его время был огромной мастерской! фальшивок, и, как показывает текстуальный критический анализ, Адам не остался в стороне и принимал активное участие в изготовлении этих фальшивок.»
3. «Церковь Христа в Кентербери в начале XII века изготовила множество фальшивок, о которых нам теперь известно, что они делались под руководством выдающегося историка Эадмера.» (А его «История новых времен» использует в качестве источников 10 фальшивых документов, якобы найденных автором – Е.Г.)
4. «Немного позже жил великолепный историк Уильям из Мальмсбери. В пятой книге своего труда *Gesta Pontificum Anglorum* он дословно приводит хартии, находившиеся во владении аббатства Мальмсбери, которые эрудиты Нового времени признали поддельными, во всяком случае, в той форме, в которой мы их знаем.»

Даже, если отвлечься от подозрения исторической аналитики о выдуманности всех этих историков, о создании приписываемых этим фиктивным лицам произведений в эпоху ренессанса, или, в крайнем случае, о перенесении некоторых из творивших в эпоху гуманизма историков на многие века ближе к основанию мира (в наказание за какие грехи? За отдельные еретические высказывания?), возникает вопрос о том, а может ли Гене с уверенностью назвать хотя бы одного историка, не занимавшегося писательскими фантазиями на ниве моделирования прошлого?

Список Гене можно продолжать до бесконечности. Например Леонардо Бруни (якобы 1369–1444), написавший «Комментарии к событиям своего времени» и «12 книг Флорентийских историй», которого Вайнштейн считает первым подлинным историком среди гуманистов, без зазрения совести кроил и перекраивал историческое произведение, которое сегодня проходит по разряду книги Прокопия «Готские войны», которое и опубликовал под своим именем. Скорее всего его «переводы с греческого (например биографии Цицерона, якобы написанной Плутархом), были сочинены им самим и представляют собой выдумки на тему «как могло бы быть то, о чем мы даже не знаем, было ли оно». Вайнштейн называет в числе фальсификаторов, старавшихся внедрить в сознание современников фальшивые документы и факты, призванные подтвердить права церкви и ее привилегии, наряду с Адамом Бременским,

- Ламперта Герсфельдского, автора «Анналов»
- Льва Марсиканского, автора Монтекассинской Хроники, и
- Петра Диакона, продолжателя этой хроники, которого Цезарь Бароний еще в 17-м веке назвал наилживейшим автором-историком.

Во всяком случае, Гене, понимая трудность составления полного списка историков-фальсификаторов, делает большой скачок в своем перечислении и решает обратиться к самому концу описываемого им периода средневековья, конец которого по его представлениям охватывает и большую часть эпохи гуманизма. Из этого конца средневековья он приводит еще два примера:

5. «Джованни Нанни славится тем, что в 1498 году сформулировал несколько критических правил, о которых я говорил выше. Но мы обязаны ему также и многими поддельными текстами и подписями, которые изготовил он сам.»
6. «В самом начале XVI века, наконец, Иоанн Тритемиус упоминает труд историка Мегинфрида, чтобы доказать, каким важным очагом культуры был в Средние века город Хиршау, и труд Хунибальда — чтобы доказать императору Максимилиану, что его род происходит из Трои. Но

сами имена Мегинфрида и Хунибальда родились в воображении Иоанна Тритемиуса.»

Свой список он заключает заявлением, которое вполне мог бы сделать самый что ни на есть радикальный представитель исторической аналитики:

«Короче, приходится признать, что на протяжении всего Средневековья сами же ученые часто изготовляли то, что мы называем фальшивками, и это было обычным явлением.» (стр. 169–170)

Впрочем, если верить ТИ, традиция сия возникла задолго до средневековья: римские писатели ругали греческих. Например, согласно Вайнштейну, Цицерон, а позже Сенека, Ювенал и многие другие римские авторы, критикуя греческих историков, «преувеличивают их недостатки, обвиняют их в лживости и злоупотреблении «поэтическими вольностями».» Так, Ювенал ничего не усмотрел в греческих трудах по истории, кроме лжи и обрушивался на тех, кто «... верят всем басням Греции лживой» (Ювенал. Сатиры. Пер. Г. С. Недовича и Ф. А. Петровского. М.—Л., 1937, стр. 79). Иосиф Флавий в речи «Против Аниона» пишет, что греческие историки «просто выдают за факты свои собственные вымыслы» и больше всего стремятся не к истине, а к художественности изложения (стр. 34)

Между тем такой суровой критики в не меньшей степени заслуживают и римские историки, включая и наиболее выдающихся — Саллюстия, Тита Ливия, Тацита и Светония.

«Для них характерно прежде всего то, что они считают для себя необязательным обращаться к первоисточникам (библиотеки очень часто закрывали на ремонт из-за выхода из строя сантехники! — Е.Г.), а очень часто берут материал из вторых и третьих рук и притом без всякой критики. К тому же они пренебрегают точным воспроизведением документальных источников (архивные работники, подстрекаемые профсоюзами, все время бастовали! — Е.Г.), переделывая их в интересах стилистического единства своих произведений, либо, если эти источники изданы (массовым тиражом, конечно — Е.Г.), совсем их не приводят. Так, Саллюстий не дает ни одной из речей Цицерона, опубликованных (в каком издательстве !!! — Е.Г.) к его времени, а Тацит весьма неточно, с существенными пропусками, цитирует речь императора Клавдия в сенате, в чем его уличает обнаруженный только в XIX в. текст этой речи, вырезанный на бронзовой доске (алмазным, резцом или при помощи иной изобретенной в 19-м веке техники? — Е.Г.)» (стр. 34–35).

А историографию последних веков Римской империи характеризует унылая пустыня компиляций, фальсификаций и плагиатов (стр. 38)

Вся средневековая историография выдумана как утверждал еще Ардуэн и убедительно показал Топпер в своей «Выдуманной истории Европы» Сфальсифицированной является и документальная основа средневековья. Доказательству этого утверждения посвящены работы Вильгельма Каммейера, которые мы ниже коротко рассмотрим.

Вайнштейн (стр. 88 и далее) признает, что специфические якобы условия работы средневекового историка содействовали безнаказанному искажению одних фактов, вольному обращению с другими, проникновению в исторические труды фантастических измышлений, подложных документов и т.п. Немецкий историк Эллингер собрал образцы лжи в анналах и хрониках 10-го, 11-го и 12-го веков. Правда, фальсификация истории и ее источников производилась не менее часто и до, и после 10–12 веков.

Я не хочу здесь останавливаться на самом распространенном вранье средних историков: их

рассказах о чудесах, знамениях, вещих снах или о фальсификациях реликвий (аналог сегодняшней фальсификации музейных экспонатов), но подчеркну, что Топпер в своей книге «Исследование развития исторической науки» (1911), обобщая сказанное о средневековой историографии, приходит к выводу, что «не видно конца фальсификациям истории!». Широко была распространена фальсификация по умолчанию, используемая историками и по сей день. Чем, как не фальсификацией истории историографии является замалчивание многовековой истории исторической критики подавляющим большинством историков?!

Рис. 4.11. С точки зрения исторической аналитики наибольший интерес представляет книга испанского историка Хулио Каро Бароха, посвященная фальсификации истории в Испании. Если еще сравнительно недавно историческая аналитика была в Западной Европе представлена в основном немецкими и английскими авторами, то в последнее десятилетие наметился интерес к этой новой теме в романских странах, в том числе в Италии, Испании, Португалии и Франции.

«Что касается фальсификации истории при помощи различных легенд и измышлений самих авторов», то при подборе примеров голова начинает кружиться из-за обилия материала. Вайнштейн приводит примеры из Павла Диакона и добавляет, что «самым разительным примером превращения истории в сплошное собрание вымыслов является «История британских королей» Джоффри Монмаутского», написанная якобы около 1377 г. и пользовавшаяся огромным успехом. Ее много цитировали, добавляя каждый раз новые байки в зависимости от цели очередной фальшивки: в основном для обеспечения притязаний церкви на земли и иные владения. Именно «Историю британских королей» Вайнштейн считает «грандиозной исторической фальсификацией», перед которой бледнеют все другие вымыслы историков. Подобные вымыслам:

- Матвея Парижского (умер около 1259), который приводит вымышленные факты, продиктованные его политическими взглядами и религиозными предрассудками, например об истории ислама, в том числе и байку о том, что Магомет однажды так напился, что упал без сознания на навозную кучу и свиньи его разорвали на части (этим мол объясняется мусульманский запрет на свинину и (?) вино)
- Роберта Лондонского, который был по мнению Клода Дженкинса, согласно заявлению, сделанному в его книге 1922 г., ужаснейшим лгуном.
- Названного выше Ламперта Герсфельдского, который фальсифицировал рассказ о свидании в Каноссе

«Тенденциозные измышления и искажения исторической действительности нетрудно обнаружить и во многих других хрониках,

пользующихся репутацией правдивых». А, может быть, они правдивы только в том смысле, что вписались в неверную модель прошлого под названием ТИ? Чтобы сделать исторические произведения более занимательными, их снабжали баснями и анекдотами о придворных, рыцарях и других действующих лицах повествования. Эти, порой весьма фривольного свойства, выдумки фальсифицировали историю не менее сильно, чем выдумки на основании желания прослыть патриотом, добиться расположения светского или церковного феодала, угодить некой группе или представить в унижительном виде противников. В общем, средневековый историк не видел разницы между подлинным фактом и стопроцентным вымыслом.

О мотивах авторов подделок

Даже в естествознании, где разоблачение подделок упрощается экспериментальным характером соответствующих наук, мы все время наблюдаем появление фальшивок разного рода.

Разоблачению этих подделок и причин, по которым наука в некоторых случаях цепляется за подделки, посвящена обширная литература. Так, сравнительно недавно с большим успехом продавалась книга Фредерико Ди Трочхио «Большое мошенничество. Обман и фальсификация в науке.» (Милан, 1993). Автор ее – итальянский профессор по истории техники и главный редактор итальянской энциклопедии, – видит элементы мошенничества и у составителей каталога звезд, известного как «Альмагест» Птолемея, и в работе великих физиков Галилея и Ньютона, и у некоторых нобелевских лауреатов 20-го века.

Многочисленные скандалы с разоблачением мошенничества связываются с медицинской наукой. В течение десятилетий печатаются сообщения о сенсационных успехах в борьбе с раком, а воз и ныне там. Ди Трочхио видит одну из причин такого положения в том, что современная наука требует от исследователей демонстрации успехов, а обильно представленные в ней посредственности в состоянии придумывать успехи, но не добиваться их. Вот они и идут по пути мошенничества в надежде на то, что никто не будет перепроверять их «успешных» якобы опытов.

Конечно, и конкуренция за исследовательские средства тоже побуждает ученых сочинять фантастические результаты, чтобы получить финансирование на дальнейшее содержание штата сотрудников. Да и простое честолюбие толкает ученых часто на этот вроде бы более легкий путь, чем кропотливая исследовательская работа.

Часто в основе обмана лежит шутка. Некто хочет разоблачить невежество и легкоеверие своих коллег и подбрасывает им высохший труп на край ледника. Но ученые с такой звериной серьезностью набрасываются на приманку, так массивно начинают ее прославлять как сенсацию в науке, что у автора розыгрыша не хватает мужества публично признаться в своем первоначальном замысле.

Разоблачители подлогов в науке нередко используют свое знание материи для того, чтобы обманывать научный мир еще более изощренными подделками. Вот и книга современного американского историка эпохи Возрождения Энтони Грэфтона на тему о фальсификации истории носит весьма широко звучащий заголовок «Фальсификаторы и критики. Обман в науке». Его основной тезис сводится к тому, что мошенничество в науке во все времена было тесно связано с критикой научного обмана и фальсификаций. Вроде бы в науке происходит постоянная борьба между критиками и фальсификаторами. На самом деле же борьба идет за право быть нераскрытым автором подделок. Критики пытаются найти признаки, по которым подделки раскрываются, часто не для того, чтобы восторжествовала истина, а для того, чтобы научиться избегать провалов в собственных акциях по фальсификации. И чтобы завоевать признание как авторитеты в вопросе о том, что верно, а что фальшиво, которых все боятся и с которыми никто не решается тягаться на данную тему.

Да и куда деваться историкам? Что им делать, как не придумывать виртуальное прошлое? Где нет никакой достоверной информации, там есть только один путь: выдумывать ее. И историки шли по этому пути столетиями, пока не сфабриковали необычайно запутанного монстра, который и выдается ими по сей день за модель нашего прошлого. Монстра, повивальными бабками которого были фальсификация, ее критика и успешное ее преодоление путем замалчивания большей части критики.

Литература

[**Анвандер**] Anwander, Gerhard: Wibald von Stablo – Hans Konstantin Faußner: Mutiger Forscher entlarvt genialen Fälscher, Zeiteinsprüche, 3/2003.

[**Гуревич**] Гуревич, А.Я.: Ведьма в деревне и перед судом (народная и ученая традиция в понимании магии), в сб. «Языки, культуры и проблемы переводимости, Наука, Москва, 1987, стр. 12–46.

[**Ганзен1**] Hansen J., Zaubervahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter und die Entstehung der großen Hexenverfolgung. Mü./Lpz., 1990

[**Ганзен2**] Hansen J., Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter, Bonn, 1901

[**Гене**] Гене, Бернард: История и историческая культура средневекового Запада, Языки славянской культуры, Москва, 2002.

[**Зольдан**] Soldan-Heppe, Geschichte der Hexenprozesse, 3. Aufl. von M. Bauer. Mü, 1911, Bd. 1–2.

[**Кон**] Cohn N. Europe's Inner Demons, London, 1975, p. 164.

[**Риттер**] Ritter, Moritz: Studien über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. HZ, Bd. 107, 1911.

[**Ди Троцchio**] Di Trocchio, Federico: Der große Schwindel. Betrug und Fälschung in der Wissenschaft, Rohwolt, Hamburg, 1999 (Le bugie scienza, Perché e come gli scienziati imbrogliano, Arnoldo Mondadori, Milano, 1993.)

[**Фаусснер1**] Faussner, Hans Constantin: Die Königsurkundenfälschungen Ottos von Freising aus rechtshistorischer Sicht., Sigmaringen, Thorbecke, 1993.

[**Фаусснер2**] Faussner, Hans Constantin: Königsurkundenfälschungen Wibalds von Stablo im bayerisch-österreichischen Rechtsgebiet. Sigmaringen, Thorbecke, 1997.

[**Фаусснер3**] Faussner, Hans Constantin: Wibald von Stablo. Hildesheim, 1997. Erster Teil: Einführung in die Problematik

[**Фульд**] Fuld, Werner, Das Lexikon der Fälschungen. Fälschungen, Lügen und Verschwörungen aus Kunst, Historie, Wissenschaft und Literatur. Eichhorn.Frankfurt am Main, 1999.

[**Фергусон**] Ferguson, Niall: Empire. How Britain Made the Modern World, Penguin, London, 2004

[**Эллингер**] Ellinger, G.: Das Verhältnis der öffentlichen Meinung zur Wahrheit und Lüge, 1884, S. 78f.

Глава 5. История – куртизанка политики и идеологии.

Когда-то еще Э. Ренан отмечал, что геройское прошлое и слава предков играют первостепенное значение в построении национальной идеи

Виктор Александрович Шнирельман о книге

Ренана «Что такое нация.»

(Qu'est-ce que la nation ?), Спб.: 1886.

В конце 17 века автор знаменитого в то время «Историко-критического словаря» Пьер Бейль (1647–1707) вынес суровый приговор истории. Он не находил в ней ничего, кроме личных интересов и партийности, перемешанных с большой порцией предрассудков. В своей «Диссертации о поносительных писаниях» он писал: «Некоторые говорят, что музы проституировали себя даже рабам; особенно это относится к музе истории». Об этом рассказывает Вайнштейн на стр. 461.

В разных языках существуют разные выразительные возможности. Когда я объявил доклад на тему, соответствующую заголовку настоящей главы, в Историческом Салоне г. Карлсруэ, то мне пришлось выбирать между немецкими словами, которые могут сойти за синоним слова «куртизанка», и выражениями типа «служанка политики», «на службе у политики», «в услужении у политики», «домработница политики» и т.п.

Думал я и над вариантом «гувернантка политики», но в этом выражении содержится несколько иной – тоже достойный анализа – смысл, который помогает нам понять всю сложность симбиоза истории и политики, а также – почему история столь презрительно относится к известной в течение столетий критике многих ее основных положений. Понахватавшиеся у истории квази-культурного лоска (квази, ибо настоящая культура не должна быть бездумна и не критична) политики не дадут в обиду свою бывшую гувернантку и верную служанку, поставщицу «умных» цитат, звонких имен и занимательных анекдотов.

Я остановился тогда на немецком слове „Hure“, которое считается довольно грубым и переводится как «проститутка, продажная девка, уличная девка, потаскуха, распутница». В ненормативной русской лексике есть и еще более короткий перевод, который принято передавать – по крайней мере в его междометийной форме – невинно звучащим словом «блин». Но не могу же я называть главу книги «История – проститутка политики» или «История – продажная девка политики». Не говоря уже об «История – блин! – бля политики». Сожрут, убьют, разнесут в щепки, объявят сумасшедшим, отдадут под суд за развращение малолетних, отравят диоксином, объявят негром. Да мало ли до чего додумаются!

Рис. 5.1. Так с каких же пор история верна? Где кончаются фантазии и начинается адекватное описание прошлого? К сожалению, однозначного ответа здесь нет: искажение прошлого и выдумывание истории никогда не прекращалось и по сей день остается основным занятием историков. Тем не менее, можно отметить несколько исторических вех, связанных с изменением качества исторической информации. Например, Вестфальский мир 1648 года, ознаменовавший окончание тридцатилетней войны, в ходе которой планомерно уничтожались старые документы и целые архивы. На изготовленной после этого мира листовке изображен гонец, несущий весть о долгожданном мире во все земли между Парижем, Венной и Стокгольмом. Обратите внимание на солнечные часы и герб с двуглавым орлом на здании почтовой станции слева.

История на службе политики

Нет уж, будем лучше говорить о куртизанке, которая хотя и продается, но не за гроши и только богатым и влиятельным. Которая хотя и связывается в нашем подсознании с выражением «Блеск и нищета», но все же больше склоняется к блеску, а нищете имеет преимущественно в области нематериальной: духовная нищета на фоне материального благополучия. Тем не менее, меня будет интересовать именно отмеченный здесь аспект продажности, на коем я в этой главе и остановился. Без дальнейшего полемиического задора и журналистского пафоса посмотрим, как история состояла на службе политики, идеологии, национализма, церкви и прочих изобретений человечества, полезных отдельным любящим власть над другими людьми особам.

История никогда не была чистой наукой, а историкам крайне редко удавалось работать в тиши кабинета, не подвергаясь прессингу со стороны, оставаясь вне поля интересов различных идеологических и политических групп. Они всегда подвергались давлению и принуждению со стороны властей и чиновничества, финансовых групп и академической иерархии, общественности и толпы, средств массовой информации и системы народного образования (или, скорее, системы массового промывания юных мозгов).

Академическая среда лишь время от времени прикрывала свой идеологизированный квази-исторический стыд фиговым листком объективности и научной добропорядочности. Чаще же всего в самой академической среде делали карьеру и начинали диктовать свою волю более честным или более наивным ученым карьеристы от науки, с легкостью идущие на то, чтобы продать свою совесть тому, кто больше «платит», для кого превращение науки в послушную игрушку в руках извращенцев от политики является единственным возможным видом сотрудничества власти с наукой.

Инструментализация истории политиками в эпоху колониальных завоеваний хорошо известна. Мифы о превосходстве европейских народов над народами Азии и Африки, оголтелый евроцентризм (он же европоцентризм), едва скрываемые колониальные интересы и презрение к носителям самобытных культур гипнотизировали европейское общество и европейскую науку на протяжении нескольких столетий. Возник миф об ориентализме как более низкой по уровню общественной формации по сравнению с европейскими. Сегодня в исторической критике это слово произносится на одном дыхании с родственными ему словами «колониализм» и «империализм».

Если в Германии, долгое время не имевшей своих колоний, под ориентализмом скорее понимали филологическую и языковедческую дисциплину (науку о Востоке), то в Англии и во Франции с их обширными колониальными империями слову «ориентализм» отводилась роль своего рода исторической политологии, поставляющей политические инструменты для реализации колониальной власти в покоренных странах. На самом деле, немецкий ориентализм так же стоял на страже колониальных интересов и сыграл свою роль в формировании империалистической картины восточных цивилизаций. Даже картина ислама была в немецкой и вообще центрально-европейской исторической науке фальсифицирована, например, за счет практического исключения из рассмотрения ислама в Африке и в юго-восточной Азии. Доминировала картина османского, т.е. арабо-персидско-турецкого ислама. В статье Романа Лоймайера «Эдвард Саид и немецкоязычный ориентализм» (Журнал критического изучения Африки, 2/2001, стр. 63-85) показано, что это направление в ориенталистике стояло на службе актуальной политики стран центрально-европейского альянса (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) периода до и после первой мировой войны.

Эдвард Саид в своей получившей широкую известность и неоднократно переиздававшейся книге

«Ориентализм» пытался показать, что в основе прагматической политизации взгляда на Восток лежит глубоко укоренившаяся в европейском сознании враждебность по отношению к исламу, в первую очередь турецкому. Эта враждебность прослеживается во всей истории западной мысли, начиная со средних веков. В основе мифа ориентализма по Саиду лежит западный миф о Западе, который несет просвещение мистическому и враждебному Востоку, руководить которым сама судьба призвала именно «паиньку» Запад. Чувство превосходства Запада над Востоком, считает Саид, продолжает и в наше время оставаться доминантой историко-политического взгляда в восточном и южном направлении. Не потому ли многие на Западе с такой легкостью сбиваются на упрощенный образ ислама как врага западной цивилизации, ставшего даже врагом №1 после распада социалистической системы.

Впрочем, в распространенном на Западе ориентализме существует и компонента восторженной мифологизации, при которой все реальные проблемы Востока отодвигаются на задний план, а на передний выдвигаются красивые картины жизни отдельных богатых вельмож и властителей с романтикой гаремов, архитектурных и природных красот, приключений и прочей масс-медия белиберды. Эта компонента не ограничилась своим воздействием на художественную литературу, где ее оправданием служили своеобразно понятые потребности читателей и покупателей книг, но и оставила свой след в исторических исследованиях.

После второй мировой войны молодая интеллектуальная элита Африки и Востока попыталась взять идеологический реванш, сформулировав свое отрицательное видение западной цивилизации под аналогичным ориентализму названием окцидентализм. Этот негативный стереотип взят на вооружение многочисленными националистическими течениями в т.н. третьем мире, но также и в таких развитых азиатских странах, как Япония. Как в свое время колониалисты выдумали некий обобщенный единый Восток, так теперь в рамках окцидентализма конструируется некий единый хищный и агрессивный Запад. При этом нивелируются различия и абсолютизируются элементы сходства.

В 1942 г. вскоре после японской атаки на американский флот на базе Пирл-Харбор и начала войны с США, группа японских философов собралась в Киото для обсуждения роли Японии в современном мире и ее отношений с западной цивилизацией. Это крайне националистическое предприятие ставило себе целью найти путь для «преодоления» западной цивилизации, что формулировалось как освобождение Востока от господства Запада. Рожденный в конце 19-го века лозунг «Покинуть Азию и присоединиться к Западу» превращался в дискуссиях в свою противоположность «Освободим Восток от идущих с Запада идей». Свой вклад в дело победы в «священной войне» японские философы-националисты видели в «преодолении Запада», в победе над западной цивилизацией.

Не все современные окциденталисты настроены столь воинственно. Тем не менее, научной дисциплиной окцидентализм назвать трудно, ибо это скорее машина для производства упрощенных враждебных лозунгов и политических легенд. Их возникновению и распространению способствует то обстоятельство, что на Западе немало критических авторов сами пытаются вскрыть отрицательные тенденции в развитии западных обществ. Кажущаяся порой авторам таких исследователей необходимой потребность максимального обобщения служит на руку идеологам от истории. Как окцидентализм, так и более ранний ориентализм всей своей историей развития демонстрируют, что история готова поставлять материал любым парам враждебных друг к другу или друг друга исключаящим политическим течениям и идеологиям.

Критики Саида и его книги упрекают его в том, что он не учитывает участия некоторых индийских и вообще азиатских историков в разработке концепции Востока. Если сначала эти работы служили

подспорьем классическому западному взгляду на Восток, то со временем они вылились в отдельные историко-идеологические системы со своими различными наборами аксиом, отрицательных мифов и догм. В результате современный ориентализм следовало бы рассматривать как набор разных «ориентализмов», частично стыкующихся с окцидентализмом.

Историки послушно поставляли политикам новые мифы и в 20 в., в эпоху развала колониальных империй и возникновения сотен новых после-колониальных государств. Так как в этих государствах к власти пришли или малообразованные марксисты, или не нуждающиеся в специальном образовании новоиспеченные националисты (часто в странах, где еще только начиналось формирование новых наций!), то историки начали поставлять им требуемые для соответствующей идеологической работы исторические мифы, ничуть не смущаясь противоречиями с мифами, которые фабриковали их коллеги в соседних странах или даже на соседней кафедре. Некоторые из этих новых исторических мифов я отмечу ниже.

Тоталитарные государства, включая Советский Союз, подвергали историков сильнейшему давлению как через послушную академическую элиту, так и через другие общественные и социальные институты. До чего довели советскую историческую «науку» хорошо демонстрирует тот факт, что летом 1998 г. выпускников советских школ освободили от экзамена по истории в конце учебного года, ибо засоренность истории советскими историческими мифами оказалась настолько очевидной, что историки были просто не в состоянии договориться между собой, а какой же набор этих мифов следует продолжать считать правильным, а от каких пора в срочном порядке отмежеваться. И, главное, какими новыми мифами их следует в авральном порядке заменить.

И даже в условиях западной «свободной» прессы и других средств массовой информации на смену отмирающим мифам идут их модернизированные версии типа «желтой угрозы», «золотого миллиарда», третьей (холодной, закончившейся распадом СССР) и четвертой (якобы идущей сейчас в форме террористической атаки на западную цивилизацию) мировых войн. И западные общества пытаются регламентировать историю, формулировать каноны, выделять запретные темы и даже укоренять некоторые запреты в уголовном кодексе. Так, например, во многих странах существуют законы разной степени строгости, запрещающие т.н. богохульство, причем ясно, что интерпретация этого понятия может быть весьма растяжимой.

Борьба с историческими еретиками идет под видом защиты правильной истории от шарлатанов, врагов общества, мало образованных людей, сторонников теории заговоров и т.п. Подняться до серьезного обсуждения критики в их адрес историки не в состоянии. Даже, если бы во всей критике исторических мифов было бы только 10% критики обоснованной, то и тогда история, коль скоро она претендует на звание науки, должна была бы серьезно рассмотреть ее, а не ограничиваться заклинаниями типа «Чур, чур, изыди, нечистая сила!». А в то, что в исторической критике явно присутствует гораздо более существенный элемент обоснованности, чем названная «десятина», демонстрирует успех книг по Новой хронологии и критике историографии в России и в первую очередь книг классиков этого направления Фоменко и Носовского. Новая хронология явно воспринимается все более широкими кругами образованных российских читателей как более убедительная модель прошлого, чем ТИ.

Вечный сын вечного солнца.

К сожалению, стоящее на службе политики мифотворчество историков – это не явление далекого прошлого, когда отсутствие объективной информации о прошлом или ее минимальность «вынуждали» домысливать прошедшие эпохи. В ходе этого домысливания редкие тогда историки и несколько шире представленные интересующиеся историей писатели, воодушевлялись тем, что они видели в современном им мире, и начинали по образцу империи Карла У, колониальной империи испанцев или позднее голландцев и британцев, придумывать империи и правителей, битвы и завоевания, никогда не имевшие место в действительности. Даже сегодня историки верой и правдой служат тем, кто «заказывает музыку» о прошедшем времени.

Люди старшего поколения с легкостью вспомнят мифотворчество позднего советского времени, превращавшего партийных функционеров разного уровня (например Хрущева или Брежнева) в полководцев, от «действий» которых чуть ли не зависел исход Второй Мировой войны. За примерами, которые были хорошо известны несколько более юным современникам, тоже далеко ходить не надо. Например о том, как история обслуживала волны национализма в постсоветском пространстве и вообще на развалинах «социалистического концлагеря», должны быть осведомлены многие читатели. Я приведу их ниже в достаточном количестве. А в этом разделе ограничусь только одним примером КНДР, Северной Кореи, последнего по-настоящему сталинистского режима современности.

Режим этот, доживший до 21 в., реально «славен» только тем, что не способен обеспечить население Северной Кореи продуктами питания, так что массовый голод, вызванный и полным развалом хозяйства, и природными катастрофами типа засухи и наводнений, и боязнью правящих сталинистов продовольственной помощи иностранных государств как несущей в себе заряд наглядной антикоммунистической пропаганды, стал доминирующей компонентой жизни северокаорейского простого населения. По самым скромным подсчетам от голода уже в 21 в. умерли 2.000.000 жителей Северной Кореи. Такова официальная статистика демографии. В то же время международные организации, осуществляющие гуманитарную помощь, исходят из того, что число жертв массового голода составило около трех миллионов человек в течение нескольких последних лет.

Спокойствие в стране обеспечивается системой массовых концлагерей, о которых северокаорейские историки, конечно, никогда не упоминают, тотальной слежкой за редчайшими иностранцами и за своими же гражданами и, в большой мере, принципом «сонгун», введенным еще отцом диктатора Ким Йонг Ила (в русской транскрипции его еще называют Ким Чениром). Принцип этот переводится как «армия прежде всего!». Ужасающая нищета населения не мешает вкладывать почти все бюджетные средства в содержание колоссальной армии, насчитывающей более миллиона военнослужащих при населении чуть более 20 млн. человек, разрабатывать атомное оружие (и грозить им другим странам) и производить ракеты и другие виды вооружения, которые стали чуть ли не единственным символом международного признания северокаорейской промышленности. Как такой режим обращается со своим же собственным прошлым? Оказывается, по еще одному мудрому принципу: «бумага все стерпит». Отец диктатора Ким Ил Сунг (Ким Ирсен), основатель кровавого сталинистского режима и первой коммунистической династии правителей, который умер в 1994 г. в возрасте 82 лет, объявлен Вечным Солнцем Кореи. Дело в том, что взятый им в 1930 г. псевдоним Ирсен переводится как «становление Солнца». Все его кровавое правление превозносится как абсолютное счастье для каждого и для всех. Его день рождения стал датой, от которой ведется счет в новом каорейском календаре (эра Кима). Кстати, знают ли представители почти вымершего среди историков биологического вида хронологов о том, что им скоро придется пересчитывать все даты в таковые эры Кима. Учитывая их уровень осведомленности о реальном

прошлом и о реальных проблемах хронологии, боюсь, что не знают.

Реальное правление Вечного Солнца Кореи включало и физическое уничтожение коммунистических функционеров (сначала пострадали коммунисты – выходцы из Южной Кореи, потом очередь дошла до выходцев из СССР – т.н. советской «группировки» – и до коммунистов из Китая – яньаньской «группировки»), и массовые репрессии недовольных или подозреваемых в недовольстве. С.О.Курбанов в «Курсе лекций по истории Кореи», С-Петербург, 2002 вынужден, говоря о Ким Ирсене, различать северокорейскую мифологию о диктаторе, полностью перенимавшуюся и советскими историками до 1990 г., и гораздо более скептические по отношению к «становлению Солнца» версии современных историков Южной Кореи, России и Запада. Вообще, книга эта – в посвященной истории КНДР части – читается как учебник мифотворчества, как список созданных вокруг Ким Ирсена легенд и чистого вранья.

А новый диктатор уже объявлен вечным сыном покойного вечного солнца. В оборот пущена легенда о рождении Ким Йонг Ила (Ким Ченира) на священной горе Пазкду, в горной хижине (на самом деле в 1942 г. Ким Ирсен находился в Советском Союзе и был офицером особой 88-й отдельной стрелковой бригады Красной Армии, а его русская жена вряд ли согласилась бы нелегально перебираться через границу и карабкаться в последние дни беременности на священную корейскую вершину, чтобы рожать своего первенца в горной хижине). Сама природа, согласно новым коммунистическим мифам, восприняла это рождение как счастливое событие и прореагировала двойной радугой над хижинкой днем и падающими звездами ночью.

Рис. 5.2. Скульптура Великого Кима в Пхеньяне.

Советские историки: западные коллеги на службе у идеологии

Прекрасными объектами для историко-аналитических исследований служат всемирные истории. Советская «Всемирная история» сама называет некоторые из них, например, таковые 19 века, написанные известными немецкими историками Шлоссером и Вебером, англичанином Боклем и американцем Дреппером. Далее она приводит целый список коллективных исторических энциклопедий конца 19 и начала 20 вв.:

1. Изданная В. Онкеном «Всеобщая история в монографиях»
2. Всеобщая история под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо (русский перевод в 16 т.):
 - а. Всеобщая история с 1У столетия до нашего времени, 8 т., 1897–1903
 - б. История XIX века, 8 т., 1938–1939
3. Всемирная история в 3 т., изданная И. Пфлугк-Гартунгом, 1910–1911
4. Народы и цивилизация под ред. Л. Альфана и Ф. Саньяка
5. Народы и цивилизация под ред. Г. Глотца
6. Всемирная история под ред. В. Гётца
7. Кембриджская история, состоящая из самостоятельных серий, посвященной древней, средневековой и новейшей истории в отдельности

Названы также некоторые всемирные истории, выходившие в середине 20 в.

8. Десятитомная «Всемирная история», изданная в Швейцарии
9. Всеобщая история цивилизаций

Приведенная советскими авторами идеологическая критика этих энциклопедий представляет для нас лишь ограниченный интерес. Ведь сами они были «солдатами» идеологического фронта, так что ругать западных коллег им полагалось в рамках защиты собственного права выкручивать руки представлениям о прошлом в пользу советской идеологии. Тем не менее, приведу следующую цитату из предисловия названной выше советской «Всемирной истории»:

«Среди многих «Всемирных историй», появившихся в последние годы на книжных рынках США и Западной Европы, есть и такие, которые стоят за гранью науки, представляя собой едва прикрытую, а подчас откровенно грубую фальсификацию фактов в угоду наиболее реакционным кругам и во вред жизненным интересам народов.»

Итак, сами историки (пусть отягощенные традицией недавней сталинской эпохи) говорят об «откровенно грубой фальсификации фактов в угоду» политике и идеологии. И не так уж и важно, что на самом деле именно советские историки более всего грешили в этом плане. Важен сам факт нечистоты «исторической науки», ее готовности идти на поводу у идеологических концепций и требований политической стратегии или тактики. Осуждая такие тенденции в западных мировых

историях, советские коллеги этих западных историков, конечно, пытались скрыть еще более очевидную политическую и идеологическую зависимость собственной модели прошлого.

Зато каждая из этих энциклопедий, как впрочем и более ранние труды такого рода, советскими авторами не названные, а также энциклопедии, появившиеся после 1955 г., представляют для исторической аналитики интерес, как разные модели прошлого, созданные в рамках традиционной истории. Нас интересует, хорошо ли функционируют эти «большие холодильники», можно ли – и в какой именно мере – ими пользоваться, не превращаются ли они время от времени в морозильники или – того хуже – в нагревательные приборы.

Я посвящу анализу одной из старых всемирных историй – «Всемирной хронике» Шеделя – отдельную главу во второй части книги. Для большего, к сожалению, в этой книге места не нашлось. Поэтому остается только сформулировать здесь общую историко-аналитическую задачу сравнительного анализа всемирных историй на предмет их службы определенным политическим и идеологическим задачам и темам. Зависимость истории от религиозной, национальной или политической идеологии отмечается на всем протяжении существования историографии.

Отметим для начала пример с одной из первых немецких всемирных историй, в которой автор, как фанатичный патриот, пытался все «хорошее» приписать немецкой нации (в те отдаленные времена еще не существовавшей де факто, представленной только в форме соответствующей идеи), а все плохое – иным. Речь идет о пасторе из Эльзаса Якове Вимфелинге (якобы 1450–1528) и его изданной вроде бы в 1505 г. истории. Так как, в результате, его изложение концентрируется в основном вокруг немецкой истории, его книгу авторы 12-томной «Немецкой истории» (1981–82) под редакцией Хайнриха Плетихи приводят в качестве первого примера общенемецкой истории.

Но вернемся к разбираемому введению к советской «Всемирной истории»:

Наличие в науке различных точек зрения по отдельным еще спорным вопросам в наиболее важных случаях специально оговаривается в тексте (стр. XXII, посл. абзац)

А почему только в наиболее важных случаях? Т.е., в виде исключения? А не должно ли это быть правилом в истории? Не совершают ли историки подлог, не обманывают ли они читательскую аудиторию каждый раз, когда скрывают от оной наличие различных точек зрения по отдельным еще спорным вопросам? Мы не дети, которых нужно гладить по головке и успокаивать: тебе, глупенькому, еще рано знать всю сложную правду о несовершенстве наших моделей прошлого! Мы не начнем страдать бессонницей и попадать толпами в психушки из-за того, что историки не в состоянии однозначно в своих моделях «реконструировать» прошлое.

Если историки будут чаще искренне признаваться в своем бессилии преодолеть многовариантность истории, то мы не будем утверждать, что они страдают шизофренией. Но когда они не решаются признать реальную ситуацию с моделированием прошлого, то невольно вспоминается утверждение психиатров о том, что психически больные люди не в состоянии признать себя нездоровыми!

А что говорит рассматриваемая всемирная история о зарождении моделирования прошлого? Помнит ли она популярную байку о зарождении истории на Ближнем Востоке в незапамятные времена?

Начало изучению древней истории человечества было положено еще в эпоху Возрождения, на заре капиталистического развития Европы. Передовые мыслители того времени, борясь с

мертвой схоластикой и религиозной идеологией средневековья, противопоставляли им культурное наследие античности, забытое и искаженное в средние века. Появился живой интерес к памятникам древности: разыскивались рукописи древних авторов, заступ археолога стал добывать из-под земли древние статуи, откапывать остатки зданий, памятники различных видов искусства (стр. 3, т.1)

Вот как! В эпоху Возрождения! А вовсе не в благородную античную эпоху было положено начало изучению древней истории человечества. Другими словами, все «древнегреческие» историки, именами и биографиями которых забиты энциклопедические статьи, еще и не начинали изучения древней истории человечества. И «отец истории» Геродот и все прочие т.н. «древнеримские» историки занимались черт те знает чем, но только не изучением древней истории человечества. Может быть, они изучали историю средневековья или Французской Революции в классе прогнозирования будущего? Не знаю, но могу зато констатировать, что читать советские всемирные истории крайне полезно. Ну, прямо-таки пособия по исторической аналитике!

Ведь один из ее постулатов как раз и сводится к утверждению о том, что историю начали выдумывать именно в эпоху Возрождения! И не «разыскивались рукописи древних авторов», ибо ничего написанного через 1000 с лишним лет все равно никто бы найти не смог, а выдумывались, придумывались, сочинялись, писались, выводились трудолюбиво пером на пергаменте и бумаге.

Как можно было искажать в средние века забытое «культурное наследие античности»? И как можно было противопоставлять забытое чему-либо? Если я что-то забыл, то я это забыл, перестал помнить и никак уже не могу искажать, а потом вдруг – по прошествии дополнительного времени на забывание – еще и противопоставлять. Не искажалось в средние века культурное наследие не существовавшей в незапамятные времена античности, а реализовалась в эпоху Возрождения шизофреническая идея раздвоения собственной культуры на две: современную и древнюю, якобы античную, якобы подзабытую, якобы нуждающуюся в восстановлении.

Что до заступа археолога, то как-то не очень ясно, кому и зачем нужно было закапывать в землю античные статуи в «античность» и в средние века». Хорошо, Микеланджело делал это по указанию своего заказчика Медичи, а другие-то зачем их закапывали? И, главное, когда? Скорее всего потребность в этом своеобразном действии появилась только после того, как в Греции восторжествовал ислам и началась борьба с человеческими изображениями, реальное арианско-мусульманское – а не выдуманное раннее христианское – иконоборчество.

А это произошло не сразу после завоевания (около 1430–70 гг. по ТИ) Греции «турками», а много позже, когда ислам стал в Османской империи государственной религией (после 1603 г.). Но тогда не были ли сами «античные» статуи изготовлены в 15-м и 16-м веках или частично чуть раньше? Вряд ли они простояли бы на своих пьедесталах одну или даже две тысячи лет в ожидании закапывания местными христианами или язычниками!

Вот у меня на столе лежит книга средней толщины, посвященная изготовлению античных статуй в ... 16-м, 17-м, 18-м, 19-м и – правильно, угадали – 20-м веках. И если о фабрикациях оных в 21-м веке не рассказано, то только по одной причине: книга была издана задолго до наступления текущего века. Но, поверьте мне, читатель, античные скульптуры продолжают оставаться любимым родом продукции и скульпторов 21-го века. Всегда, когда есть спрос на что-то, возникает и потребность удовлетворения этого спроса. И никакой заступ археолога тут не нужен: у нас всегда было достаточно талантливых скульпторов, которым нужно заработать. И жадных до заработков владельцев художественных галерей, которые и урывают львиную долю того, что платит

коллекционер за «настоящую античную скульптуру» недавнего изготовления.

В книге Эберхарда Пауля «Фальшивая богиня», на которую я только что сослался, 73 иллюстрации: скульптуры, мозаики, картины (например, настенная живопись или живопись на вазах), другие различные артефакты. Все они входили в состав известных коллекций, были музейными экспонатами или находились в собственности богатых людей. Здесь и этруское искусство, и греческое (естественно, древнегреческое), и римское. И все они – археологические фальшивки. Изготовленные в полном соответствии с моделью прошлого, представленной ТИ.

Семью десятками и многочисленными другими, названными в книге, но не представленными на изображениях фальшивками ни коим образом не ограничивается все изобилие археологических фальшивок. В книге Адольфа Риита «Подделанная предыстория» (1967) одно только перечисление глав показывает размах изготовления археологических подделок. Я ограничусь здесь выборкой из оглавления, охватывающей около половины всей книги:

- Палеонтологические фальшивки
- Фальшивые «находки» из жизни древнего человека
- Фальшивые артефакты раннего каменного века
- Фальсифицированный поздний каменный век
- Фальшивая керамика
- Фальсификация находок в Глозеле
- Фальшивые изделия из бронзы
- Фальшивая древняя утварь
- Фальшивые украшения
- Подделка под римские древности
- Подделка средневековых артефактов
- Фальшивые рунические надписи

Заголовки остальных глав, тоже повествующих о фальшивках, в том числе и о подделке старинных рукописей (тема моей следующей главы), нуждаются в разъяснении и потому здесь не приводятся. Ограничусь я пока и упоминанием об этих двух книгах, хотя список таковых, посвященных разоблачению разных подделок, в том числе, например, и изготовленному по заказу Шлимана «сокровищу царя Приама», можно продолжать и продолжать.

Вернемся лучше к ругани советских историков по адресу менее обремененных идеологией, но вовсе не свободных от идеологических задач, западных коллег:

... крупнейшим пороком буржуазной историографии являлся присущий ей европоцентризм, при котором история древнего мира сводилась преимущественно к «классической древности». История Греции и Рима рассматривалась при этом как некий эталон, а в истории других стран отмечались лишь отклонения или приближения к этому эталону. Если буржуазные ученые и обращались к памятникам истории древнего Китая, Индии и других стран Востока, то они изучали их преимущественно с филологической точки зрения, вне связи со всем процессом всемирной истории, проходя по сути дела мимо того неопределимого вклада, который внесли народы Востока в сокровищницу общечеловеческой цивилизации. (т. 2, стр. 14-15)

Что правда – то правда: европоцентризмом ТИ страдала и в западных странах продолжает страдать,

хотя на смену ему сегодня идут самые разнообразные центризмы: от афроцентризма и описанного выше окцидентализма как особой формы восточного центризма, до концентрации на истории отдельных наций, как бы малы и малозначительны в общем мировом историческом процессе они ни были бы. Но и советский подход к истории иначе как советоцентристским назвать трудно. И хотя любой региональный центризм свидетельствует по крайней мере о недостаточно широком взгляде на прошлое, а чаще всего отражает одну из идеологических установок, советский центризм шел много дальше обычно широко используемых идеологами от истории умолчаний. Он был в еще большей мере основан на лжи во имя политической цели, чем это могли себе позволить западные историки в 20-м веке.

Что до Азии, то и советская версия азиатской истории столь же искусственна, мало обоснована и просто лжива, как и западная. Обе они построены на выдуманной в колониальную эпоху истории стран Азии. Выдуманную по разным схемам в разных случаях, но всегда придуманную на основе уже устоявшегося неверного исторического и хронологического мышления в рамках ТИ. Ввиду обширности этой темы, я хочу посвятить истории Азии, включая таковую Месопотамии и вообще Ближнего Востока, Китая, Индии и других азиатских стран, отдельную книгу.

В средние века история обслуживала потребности городов-государств, монастырей, развивающейся прослойки феодалов разного уровня, становящейся на ноги церкви. Потом пришла очередь обслуживать католическую иерархию, евангелическую и т.п. церкви и крепнувший абсолютизм. В 19 в. история верно служила европейскому национализму, а в 20-м – тоталитаризму и национализмам малых или колониальных народов, бросившихся наверстывать упущенное.

В следующей главе я рассмотрю именно последний аспект: обслуживание историками национальных движений и националистических политиков в разных частях мира. Не претендуя на полноту обзора, постараюсь на трех примерах (бывший «социалистический лагерь», Ближний Восток и Африка) показать, как историки продавались националистам всех мастей в самых разных странах и частях света. Но сначала обращусь к еще одной теме, тесно связанной с работой историков на идеологию.

Многовариантность истории как следствие продажности историков

В историческую аналитику термин «многовариантность» внес математик Александр Гуц, профессор Омского университета, заведующий одной из математических кафедр. Его исследовательская работа связана с современнейшими физическими теориями времени, согласно которым действительное пространство-время многовариантно и каждый раз, когда в нем нечто случается, происходит раздвоение этого пространства-времени на новые его варианты, т.е. возникновение новых пространственно-временных реальностей.

Соответственно этим физическим представлениям «вселенная имеет много ответвлений, лишь одно из которых дано познать какому-либо определенному наблюдателю, и при этом все прочие ответвления в равной степени «реальны»» [Гуц2, стр. 32]. Таким образом, сама реальность многообразна, так что и история, которая описывает прошлые состояния пространства-времени, невольно становится многовариантной. Впрочем, эти сверхмодерные физические представления пока еще не играют почти никакой практической роли в воззрениях человечества на свое прошлое. Поэтому я предпочитаю искать объяснение многовариантности истории на пути рассмотрения характерных особенностей процесса моделирования прошлого, применение которого к нашему прошлому и составляет единственную известную нам суть исторического исследования.

История – это модель прошлого и моделей таких много, чтобы не сказать неисчислимо много. Каждый раз, когда историк начинает описывать прошлое, он создает новую модель прошлого (за исключением разве только случая абсолютного отсутствия творческого элемента у историков, просто списывающих с работ предшественников; впрочем и такую подмодель или компилятивную модель можно считать новой, хотя и не слишком творческой, моделью прошлого). При этом историк сам, в соответствии с исторической традицией или реже как новатор, определяет набор элементов моделируемого прошлого: задает географические и хронологические рамки своей модели, а также палитру исторических образов, процессов, явлений, из которых будет конструироваться его модель.

Это напоминает процесс выделения образов в науке, известной как распознавание образов. Ученый ихтиолог, задавая разные критерии, может локализовать в популяции сельди или салаки Балтийского моря, например, три локальные популяции, если определит критерий близости более строго, или семь таких подпопуляций при иных критериях близости. Так и историк сам очерчивает свои исторические образы, из которых он будет строить свою модель прошлого.

В трактовке близких образов могут быть существенные различия. Так советский историк середины 20-го в. говорил о Великой Отечественной Войне, в то время как его западный коллега описывал Вторую Мировую Войну. В СССР не было принято артикулировать захват части Финляндии, всей Прибалтики, восточных областей Румынии и Чехословакии как действия в ходе Второй Мировой Войны, А уж аннексию Тувы и попытку присоединения иранского Южного Азербайджана предпочитали вообще не упоминать. Самый честный и объективный историк объективен лишь в пределах, заданных политикой и идеологией.

Из субъективного характера моделирования прошлого вытекает и субъективность истории, и ее многовариантность. Даже для наиболее объективных – как им кажется – модельеров прошлого, даже для самых честных историков взгляд на прошлое возможен только через призму его личной модели мира, сформировавшейся под воздействием представлений его современников и одного-двух предыдущих поколений. Мы всегда смотрим на прошлое с сегодняшней позиции.

Впрочем, многовариантность истории не отрицается и исследователями, работающими в рамках традиционных представлений о прошлом. Особенно, если речь идет не о самих историках, а, так сказать, о метаисториках (теоретиках или историках историографии), изучающих методологию

работы историков. Уже упомянутый выше (см. эпиграф) Шнирельман говорит в своей книге «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. (Москва, 2003) об альтернативных версиях историков, часто в корне исключающих модели прошлого их коллег.

Говоря о советских историках, он подчеркивает, что те из них, которые считали себя национальными историками, считали своим долгом «создавать версии истории, способствовавшие повышению престижа их республик или этнических групп.» (стр. 17). И далее там же: «Я хорошо понимаю, что изучение соперничающих версий истории является трудным и ответственным занятием.» Соперничающие версии истории! Что это, как не многовариантность?! Многовариантность на службе у национализма коренных наций союзных республик и иных этнических образований?

Большинство вариантов является следствием фальсификации истории. Имея две противоречащих друг другу, взаимоисключающих версии истории, можно с большой степенью достоверности утверждать, что на вопрос «Какая из версий правильна» нужно давать стандартный ответ: обе версии ... неверны. Именно выдумывание истории и приводит в первую очередь к ее многовариантности.

Рис. 5.3. Не правы отдельные исторически малообразованные скептики, которые не верят в сказки про античных амазонок. специально для таких скептиков недавно по телевизору глубокой ночью показывали американскую архелогиню, которой удалось на основе генного анализа найти прямых наследников амазонского генофонда ... в степях Монголии. Но зачем лезть в такую глушь, когда в центре всего современного мира городе Пхеньяне из сказки об амазонках сделали современную бль?

Из-за зависимости моделей прошлого от современных воззрений ее автора-историка, современная версия истории как современная модель прошлого отличается от таковых более ранних поколений и способствует увеличению многовариантности истории. Современная версия истории всегда начинается сегодня и все попытки историков скрыть это и идти в моделировании прошлого от седой древности к более близким нам временам, выливаются в искажение прошлого, в замалчивание фактора незнания, ограниченности наших знаний о прошлом, нашей беспомощности в попытках смоделировать далеко по времени отстоящее от нас прошлое.

На фоне необозримой многовариантности ТИ, ее терпимого отношения к существованию противоположных друг другу пар моделей прошлого у соседних и конкурирующих за территорию или право считаться коренной нацией народов, к взаимоисключающим версиям прошлого, абсолютная

нетерпимость ТИ по отношению к исторической аналитике становится особенно предательским обстоятельством, вскрывающим религиозно-догматический характер традиционной модели прошлого. Историческая аналитика вызывает у историков чувство смертельной опасности, тревоги высшей категории, ощущение надвигающегося конца света.

А отношение к националистическим выдумкам – более отрешенное, менее напряженное. Порите какую хотите чушь, но только не трогайте наших основных историко-хронологических мифов, и вам обеспечено спокойное существование. Ну, пожурят вас там немного за слишком уж явное передергивание фактов, за слишком фантастическую их интерпретацию, но будут воспринимать любые националистические идиотизмы как имеющую право на существование академическую дискуссию, как реализацию права на свободу мнений, как привычную деятельность по обслуживанию идеологии и политики. А в конечном счете и просто деньгодателей.

Но стоит только усомниться в реальном существовании выдуманной античности или в верности взятой в свое время с потолка хронологии, и все – каюк! Выжившие с ума шарлатаны! Никакая это уже не многовариантность, а подрыв основы основ, злобная деятельность, желание обмануть наивную общественность, нажиться на гонорах, уничтожить нашу культуру – всего и не упомнишь. А на самом деле вся историческая аналитика пытается путем отсекаания явно неправдоподобных разделов традиционной модели прошлого, создать вариант истории, в большей мере, чем ТИ, отражающий реальное прошлое человечества, и тем самым вывести историю из исторического тупика, куда она неумело сманивировала в тумане идеологических установок и социального заказа.

Так и российская новая хронология, в которой элемент реконструкции ярче выражен чем в западной исторической аналитике, занята созданием нового варианта истории, который тоже должен увеличить долю проверяемого и надежного в нашей модели прошлого. Можно критиковать эти новые варианты, можно принять участие в уточнении этих новых вариантов, МОЖНО ОБСУЖДАТЬ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ НОВЫЕ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ, следующие из этих новых парадигм, но нужно понимать обоснованность права на поиск у новохронологических авторов, как и вообще у исследователей, работающих в рамках исторической аналитики.

Чему историки детей наших учат

Французский историк и социолог Марк Ферро, специалист по истории России, провел сравнение школьных учебников истории, изданные в 20-м веке. Его ставшая знаменитой книга "Как рассказывают историю детям в разных странах мира" была впервые издана в Париже в 1981 году и вскоре переведена на многие языки, в том числе и на русский (см [Ферро]). Книга эта читается как пособие по многовариантности истории, но в то же время и показывает, что в разных странах историки холят и пропагандируют разные исторические мифы. Стоящие за выбором материала для изложения в школах идеологические парадигмы чаще всего проявляются в выпячивании одних исторических аспектов и в замалчивании других.

Правда, Марк Ферро отметил, что к концу 20-го столетия "национал-патриотический" пафос по крайней мере у некоторых европейских народов начал сменяться менее эмоциональным подходом с упором на наднациональные человеческие ценности. Я вижу в этом следствие политического развития в Европе после второй мировой войны. В английских школьных учебниках сожжение Жанны Д'Арк, "самой храброй женщины всех времен", представлено сегодня как позорная историческая ошибка. Не без ехидства англичане пишут о том, что Жанну первоначально подвергли жестокой порке на ее французской родине, а французские учебники истории об этом и по сей день стыдливо умалчивают. "Со стыдом вспоминают сегодня англичане своих предков", – написано в английском школьном учебнике, что опять же демонстрирует многовариантность истории: старые версии заменяются новыми с позиции современной морали, о которой в описываемом прошлом не было еще ни слуху, ни духу. В придуманное историками средневековье ничего постыдного в поджаривании на костре политических противников или инакомыслящих никто не усматривал!

В [Ферро] автор рассказывает о разных взглядах на прошлое и роль соответствующих стран в мировой культуре, принятых в Китае, Японии, Индии, мусульманских странах (в персидском, турецком и арабском вариантах), Африке (в двух противоречащих друг другу главных вариантах: белых колонизаторов и новых независимых государств, освободившихся от колониального статуса), Австралии, Европе, США, России, Польше. Ферро показывает, что эти взгляды часто столь разительно непохожи, что может показаться, будто эти разные страны и регионы расположены на разных планетах. Тем не менее, конечно, для традиционных историков в каждой из названных стран или стран перечисленных регионов ТИ в принципе верна и в никакой исторической аналитике не нуждается

Как говорилось в старом анекдоте, на вопрос к Армянскому радио «Правда ли, что Исаак Карапетян выиграл в лотерее автомобиль?» был дан следующий ответ: «В принципе правильно, но не Исаак Карапетян, а Лейла Петросян, и не автомобиль, а велосипед, и не выиграла, а у нее украли...»

Ферро подробно разбирает хорошо им исследованную советскую фальсификацию истории. В новом, переработанном издании своей книги он отмечает, что крушение советской системы резко изменило содержание учебников истории в разных странах бывшего Советского Союза и в бывших «социалистических» странах Восточной Европы. И везде здесь исторические мифы играют роль катализаторов националистических настроений. Я рассмотрю ниже, как этот тезис видят другие современные исследователи.

В Индии, в которой традиционно вообще не существовало никакой истории (литература – да, философия – да, мифология – да, религия – да, но не история и не хронология!), последняя лишена сегодня реального знания о прошлом, она мифична в своей основе, ибо основана не на исторических источниках, а на литературно-мифологических произведениях и выдумках последнего

века-двух. Об отсутствии в Индии исторической традиции я планирую рассказать подробнее в книге об истории Азии. Пока же могу порекомендовать читателю, для которого отсутствие исторической традиции в Индии является откровением (не мудрено: ТИ в состоянии внушить каждому, что и на Марсе с незапамятных времен существовали и историки, и хронологи) на замечательную главу «Египет, Индия» в книге А.Т.Фоменко «Методы математического анализа исторических текстов. Приложения к хронологии» Наука, Москва, 1996, стр. 281-282) и посвященные Индии разделы книг Носовского и Фоменко.

История арабов возведена в ранг божественной истины и играет огромную идеологическую роль в современных арабских странах, хотя еще лет сто тому назад она прозябала в тени теологии. В Иране пытаются представить древнюю Персию центром всей человеческой цивилизации. "Крошечная Армения, вся история которой полна национальных неудач и трагедий, поражений и прозябания в нищете и отсталости», тем интенсивнее возвеличивает свою историю, «придает ей светлый образ мученичества".

Как быстро великодержавные настроения подминают под себя не только исторические модели, но и общечеловеческие лозунги, показывает пример узурпации Наполеоном идеалов Великой Французской революции. Как отмечает Нольте в предисловии к книге «Нациестроительство восточнее Буга», из «равенства, свободы и братства» в следующее историческое мгновение возник лозунг «великой нации» от Атлантики на западе до Адриатики и Эльбы на востоке. Аналогично этому из – во многом фальшивых, ибо реально в них не очень то и верила сама советская пропаганда – лозунгов типа «социализм» и «интернационализм», долго определявших и историческое видение в «странах социализма», быстро возникли националистические лозунги и этноцентристские модели прошлого.

Хотя придумывание национальных версий истории и воспринимается многими как необходимый шаг на пути к созданию нации (парадоксально, но многие националистические течения стоят в лучшем случае перед задачей нациестроительства, а не защиты собственной нации от других), сама эта задача в большинстве случаев представляется устаревшей и невыполнимой. Восходящая к 19-му веку идея нации вступила в наше время в противоречие с реальной динамикой мирового разделения труда, глобализации, добровольных экономических союзов и все нарастающей мобильности. Пока националисты пытаются захватывать власть во имя торжества собственной нации, нация эта – еще не оформившись – расползается по свету, а ее многочисленные аспиранты спокойно интегрируются в другие национальные, наднациональные или квази-национальные образования. Но политиков это не волнует: эмигранты даже полезны как финансирующая и морально поддерживающая националистических политиков диаспора. Полаивающие на историческую аналитику и честно исполняющие свою роль прилипалы, помахивающие хвостиком перед политикой историки получают свою сочную косточку академических почестей, а их хозяева – посты в новых «национальных» парламентах и правительствах.

Впрочем задолго до возникновения первых наций: французской и английской, голландской и португальской, испанской и польской, в сознании европейцев возобладали начальные разделительные исторические мифы. Миф о цивилизованной античности и варварском Севере Европы, а вскоре еще и миф о западной и восточных цивилизациях внутри Европы. Вернее о цивилизации на западе Европы и об отсутствии таковой на ее востоке. Возникновению и развитию мифа о Восточной Европе посвящена книга американского историка Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.» (НЛО, Москва, 2003).

В середине 20-го века в сознании европейцев с легкой руки Черчилля возник миф о железном

занавесе, почти полвека доминировавший в общеевропейском сознании и позволявший стричь под одну гребенку всех, волей судеб попавших за оный, не теряя время на копание в деталях, на тонкости и различия. В свое время я сравнивал миф о железном занавесе с таковым о Великой Китайской Стене и позволил себе футурологическое предсказание о том, что в будущем этот миф будет воплощен материально, когда правительство вновь воссозданной на месте «лагеря социализма» новой мощной империи прикажет обнести свою территорию высокой стеной из титановой стали. О мифе Великой Стены я расскажу в книге по истории Азии, а про свое футурологическое предсказание хотелось бы высказать пожелание, чтобы оно не сбылось: очень уж не хочется, чтобы будущие поколения снова разделяли бы разные стены, великие и железные.

С падением «железного занавеса» началось или интенсифицировалось мелкомасштабное историческое мифотворчество в каждом отдельно взятом «национальном дворе». О том, как придумывались и развивались национальные истории в Советском Союзе и в возникших на его развалинах государствах рассказывается в сборнике «Национальные истории в советском и постсоветских государствах», изданном под редакцией К. Аймермахера и К. и Г. Бордюгова (АИРО-XX, Москва, 1999).

В статье Сергея Константинова и Александра Ушакова «Восприятие истории народов СССР» этого сборника речь идет об идеологии, основанной «на новом прочтении прежней истории» и служащей основанием для взаимной враждебности, которая, в своем корне, является враждебностью к советскому прошлому и к имперскому наследию. В качестве примеров «исторических представлений о позитивных моментах многовекового проживания в едином государстве», которые якобы выдержали испытание временем, авторы называют

- четыре бывшие союзные республики: Украину, Беларусь, Армению и Киргизию
- одну автономную республику: Абхазию, и
- один регион, не обладавший в советское время статусом автономного: Приднестровье

Даже отвлекаясь от того, что с оценкой авторов относительно Украины и Киргизии можно согласиться лишь частично, так и хочется воскликнуть: маловато! Практически на всей территории бывшего Советского Союза после его развала «новое прочтение прежней истории», понимаемой здесь как прошлое, привело к созданию новых моделей прошлого, радикально отличающихся от признанных официальными еще в конце 80-х годов 20-го века.

Оценка прошлого на протяжении двух последних столетий во враждующих друг с другом Армении и Азербайджане определяется простой формулой из арсенала сиюминутной политики «друг-враг».

В Казахстане новая модель прошлого носит ярко выраженный этноцентристский характер: «не учитывается, что некоторые крупные субэтнические общины Казахстана – алтайские старообрядцы, уральские и сибирские казаки, семиреченские уйгуры и дунгане, немецкие» переселенцы – имеют «сложившиеся за последние два-три века свои локальные истории». И это в стране, где и после сильной спровоцированной всплеском локального национализма волны эмиграции людей, не относящихся к титульной нации, и сегодня «коренное» казахское население не составляет и 55% общей численности населения. «Казахская модель прошлого» куется – согласно авторам – на основе прагматических политических представлений президента Назарбаева, которому при этом ничуть не мешает «отсутствие серьезного анализа исторических фактов». Это сближает ее методологически с советской версией казахской истории, в которой великий русский народ освобождает эксплуатируемых ханами казахских тружеников и одаривает их великой культурой (под воздействием которой казахи почти забыли свой язык, а память народа уничтожалась разными

способами, в том числе и путем смены алфавита). Говоря о ставших вновь независимыми бывших прибалтийских республиках СССР, авторы подчеркивают, что отличия в трактовке прошлого в Эстонии, Латвии и Литве от таковой в советской историографии и частично и в современной российской касаются как 20-го века, так и более ранних периодов прошлого вплоть до начала 13-го века. В 20-м веке различия в трактовке не ограничиваются спором о том, были ли события 40-го года оккупацией и аннексией или «принудительно-добровольным присоединением». Как и в случае участия жителей прибалтийских стран во второй мировой войне на стороне сталинского Советского Союза и гитлеровской Германии, так и при трактовке массовых депортаций в Сибирь, принудительной коллективизации и политики русской колонизации речь идет не столько о самих этих фактах, сколько об их оценке. А последняя сильно зависит от политического климата и идеологического настроения.

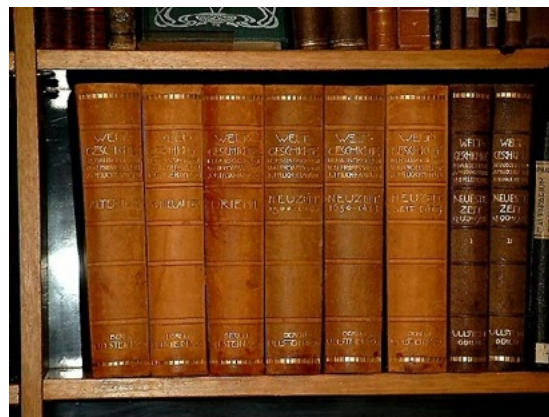

Рис. 5.4. ценность мировых историй определяется, в основном, стоимостью кожаных переплетов, золотого тиснения и меловой бумаги. Содержимое этих богато изданных книг обладает скорее литературной чем научной ценностью. Через сто лет их будут ценить как ценят сегодня почтовые марки, в которые вкрались ошибки – они не пригодны для выполнения своей основной цели.

Впрочем весь тон этого раздела статьи далек от академической отвлеченности и пронизан неприязнью к современным политическим элитам этих стран. При чтении статьи может сложиться представление о том, что эти три страны смогли в кратчайший срок удовлетворить строгим требованиям к законодательству, организации общества и экономики, к правам человека и другим либеральным ценностям, предъявляемым к будущим членам Европейского Союза, только за счет того, что носили на руках горстку бывших эсесовцев.

Во второй части книги, посвященной новым моделям прошлого в новых независимых государствах на развалинах СССР, рассматриваются новые модели прошлого, создаваемые в Армении и Грузии, в Грузии и Таджикистане, в Молдове и Приднестровье, в Беларуси и на Украине. В случае Армении авторы посвященной армянской историографии статьи Александр Искандерян и Бабкен Арутюнян говорят о «карабахизации» армянской национальной истории, о местной историографии на службе этнополитического конфликта, о смещении акцентов в исторических исследованиях, в общем, о том, как здесь история прислуживает политике. Впрочем и о советской версии армянской истории они ничего хорошего написать не в состоянии. Она характеризовалась системой запрета на определенные исторические сюжеты и малоубедительных негативных штампов типа «дашнаки – национал-предатели».

Кто уничтожает культуру: проститутка ТИ или мифическая фольк-истори?

Другая бывшая советская республика, оказавшаяся после распада СССР в состоянии ожесточенной внутренней конфронтации (гражданской войны 1992–96 гг.) – это Таджикистан. Конфронтации, бывшей следствием ломки в советский период традиций и устоев в некогда исламской стране с богатой иранско-таджикской культурной традицией. Здесь переход в 1929 г. от арабского алфавита к латинскому, а в 1940 г. к кириллице, сопровождался запретом книг на «арабице», их изъятием и уничтожением. Рустам Шукуров в статье «Таджикистан: муки воспоминания» пишет, что история таджиков и Таджикистана создавались в советское время заново «как модификация русской научной школы», на фоне советизации и русификации. Последняя привела к тому, что таджикский язык был загнан в две резервации: бытовой язык и гуманитарная наука (тоже сильно советизированная). Таджики из «книжного» народа с такими городскими и культурными центрами как Бухара и Самарканд превратились в сельский народ без литературы и даже без письменности. Большевики передали обе культурные столицы таджиков Узбекистану, заселили их узбеками и уничтожили физически интеллектуальную элиту таджиков: за одно владение арабской грамотой людей гноили в концлагерях.

Начавшийся после 1989 г. возврат к арабице, к истокам местной и вообще ираноязычной культуры, означал и резкий отход от советских моделей прошлого, новое открытие мусульманской компоненты культуры и раскол общества, приведший к гражданской войне. Произошел также всплеск интереса к зороастрийскому прошлому и к иранскому арийству, к родственным группам населения Афганистана и Ирана. Отличительную черту современного таджикского исторического самоощущения автор видит в максимальной опоре новых моделей прошлого на академические представления востоковедов. Если у большинства других народов бывшего СССР активное историческое мифотворчество не гнушается самобытной и нетрадиционной интерпретацией фактов из арсенала ТИ, селекцией одних и замалчиванием других аспектов традиционного моделирования прошлого, то в Таджикистане происходит восстановление максимально традиционной исторической картины, освобождаемой от идеологических наслоений последнего века. При всей моей симпатии к такому подходу, не могу не усомниться в том, что на этом пути удастся избежать догматизации и искусственности, присущей всей ТИ. На смену политико-идеологическим химерам могут прийти таковые религиозные и культурно-исторические.

Третья часть книги посвящена метаморфозам исторического самоощущения на территории Российской Федерации в послесоветское время. Много внимания уделено народам Северного Кавказа и Поволжья с Уралом, но не обойдены вниманием и «русская идея», и русская национальная история. Не останавливаясь на этой обширной тематике, отмечу только, что в третьей статье этой части книги затрагивается и тематика новой хронологии, которая представлена здесь как непрофессиональная, ориентированная на сенсацию, на занимательность сюжета «фольк-истори», т.е. как история для народа, для широкой аудитории. Термин сей был введен в обиход в 1998 г. и воспринимается авторами Еленой Зубковой и Александром Куприяновым как удачная клетка для размещения в ней того хищного зверя, которого они называют «ревизионистским направлением в исторической литературе».

Это еще одно проявление становящегося все популярнее в ТИ обругивания новой хронологии является пропагандистским приемом, позволяющим избежать содержательной конфронтации с серьезной критикой историографии и хронологии (чего с ними спорить, у них же нет диплома историка в портфеле! И, вообще, они фольк-историки). Однако ругань именно такого фасона крайне мало эффективна, ибо она игнорирует многие обстоятельства, сегодня хорошо известные так

презираемому традиционалистами «фольку»:

- Писать для народа не только не зазорно, но очень даже почетно, и должно было бы стать одной из основных задач историков
- Тот факт, что авторы «ревизионистского направления в исторической литературе» вынуждены обращаться напрямую к широкой аудитории заставляет их быть более строгими по отношению к логике и доказательности, чем это принято в основанной на вере в «научные авторитеты» ТИ
- Именно презрение традиционных историков к читателям, не относящимся к идеологически обработанной догматическим «историческим образованием» части населения, и является одной из причин кризиса современной «исторической науки»
- «ревизионистское направление в исторической литературе» возникло не после развала СССР, а задолго до него
- это направление не является сугубо российским явлением, а имеет широкую международную базу
- в течение столетий «ревизионистское направление в исторической литературе» было частью академической науки, замалчиваемой официальной историографией.

Впрочем, Зубкова и Куприянов не столь примитивны, как подавляющее большинство не знающих и не понимающих новую хронологию историков. Они не считают удачной господствующую в ТИ позицию полного закрывания глаз на критику и на вскрытие критиками «слабых мест» и «нестыкочек профессиональной историографии». «Авторы-непрофессионалы в отличие от замкнутых на своих узкопрофессиональных интересах историков иногда предлагают свежий взгляд на события и исторические персонажи», а нейтралитет историков (хорош нейтралитет! Раз не расстреливают, а только ругают, значит нейтралитет!?) по отношению к фольк-хистори «вряд ли заслуживает понимания»! Для начала – неплохо! Еще немного и появятся историки, утверждающие, что это именно они, а не проклинаемые ими критики, изобрели и новую хронологию, и западную историческую аналитику.

Роли мифов власти и мифов о власти в общественной жизни современной России посвящена книга [Аймермахер2] «Мифы и мифология в современной России», изданная Фондом Фридриха Науманна (Москва. 2003), в которой показано, что на смену отмирающим мифам советского времени идут новые исторические мифы. Ничего не поделаешь, народное восприятие склонно к упрощению, а историки не обладают иммунитетом по отношению к эпидемии массового упрощительства. Детям (населению) нужны сказки и добрые дяди и тети – историки охотно сочиняют таковые на любой лад.

С упомянутым выше исследованием Марка Ферро учебников истории перекликается книга «Россия и страны Балтии, Центральной и восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории», изданная Фондом Фридриха Науманна, (Москва. 2003) под редакцией Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова. Написанное этими редакторами введение озаглавлено «Учебники истории: носители стереотипов, памяти о конфликтах или источник для взаимопонимания?» Здесь утверждается, что проблемы взаимоотношений между Россией и странами перечисленных в заголовке книги регионов «крайне болезненно и медленно» осваиваются в исторических исследованиях, которые при этом сильно отстают от современной политической мысли.. С чего бы это? По мнению авторов, виноваты прежние стереотипы друг о друге, т.е. создававшиеся в рамках протестующей перед политикой ТИ (или нужно сказать «под политикой»?) на протяжении десятилетий и столетий исторические мифы. Постсоветская ТИ как родина новой хронологии?

В первой части книги, посвященной странам центральной и восточной Европы, рассказывается о том, как представлены сегодня Россия, СССР и ее наследница РФ в учебниках истории Польши,

Венгрии, Сербии и Украины. Подчеркивается этноцентристский подход к изложению истории и недостаточно подробное и не всегда верное изложение истории России. К сожалению, авторы в гораздо большей степени концентрируются на демонстрации антирусской (в основе своей националистической) направленности учебников (русофильские сербские составляют здесь исключение), чем на причинах такого настроя. В последней статье этой части книги речь идет об отражении истории Центральной и Восточной Европы в российских учебниках истории, в которых «едва просматривается уход от привычки к сотворению чисто мифологических представлений о прошлом».

Общая характеристика этой картины: «Процесс перестраивания истории из политико-идеологической дисциплины в гуманитарную все еще продолжается и идет крайне медленной». За деталями я, к сожалению, вынужден отослать читателей к самой книге. Отмечу только, что приведенные цитаты делают ясным, по каким причинам историческая аналитика, борющаяся с «чисто мифологическими представлениями о прошлом», так активно отвергается традиционными сторонниками политико-идеологического мышления, которое и выдается ими за единственно возможное видение прошлого. Жаль что немногие честные историки не видят своих союзников в исторической аналитике, а продолжают солидаризироваться с давно потерявшей остатки репутации куртизанкой от политики.

- Вторая часть книги посвящена трем прибалтийским странам, причем в первых трех статьях анализируется современный образ России в них, в то время как в четвертой – образ стран Балтии в современных российских учебниках истории. Из последней приведу заключительные выводы автора Бориса Соколова:
- Полное отсутствие интереса к налаживанию диалога с эстонцами, латышами и литовцами
- «Консерватизм большей части историков»
- Боязнь «слишком резкого разрыва с укоренившимися представлениями советского прошлого»
- Данные разделы российских учебников демонстрируют кризис российской исторической науки
- «Историки не произвели полного расчета с тоталитарным прошлым и не отказались от многих имперских стереотипов.»

Что до видения России в трех малых ее соседях, то общим для всех является отрицательное отношение к СССР и пережиткам имперского сознания в современной России. В остальном изложение прошлого достаточно взвешенное и «в большинстве случаев нейтральное, иногда критическое, местами дружеское и толь ко изредка враждебное» (Андрес Адамсон об Эстонии).

В третьей части книги речь идет о странах Закавказья. И здесь тоже три статьи об образе России в трех местных государствах: Грузии, Армении и Азербайджане и четвертая о представлении стран Южного Кавказа в российских учебниках истории. Авторы последней Сергей Антоненко и Андрей Петров менее решительны в своем осуждении российской «исторической науки», чем цитировавшийся выше Соколов, но и они оценивают крайне отрицательно работу российских историков, которые не в состоянии разобраться в сложной ситуации региона и не решаются информировать школьников и студентов о сложном прошлом и не менее сложном настоящем Закавказья. Традиционное для ТИ замалчивание демонстрирует, как мне кажется, и в этом случае, головную боль, которую вызывает у российских историков крушение привычных штампов и мифов.

В последней части книги (о Средней Азии) ее составители ограничились только двумя статьями об образе России, на сей раз в Казахстане и Узбекистане. Нурбулат Масанов и Игорь Савин подчеркивают роль выборочного освещения в Казахстане исторических фактов, «недомолвок и умолчаний». По словам Шухрата Ганиева, общий анализ узбекских учебников истории показывает,

что «история все еще представляет собой симбиоз идеологии и мифотворчества, облеченного в научную оболочку.» Что до отражения региона в российских учебниках, то «получить целостное представление о Средней Азии по современным учебным пособиям не представляется возможным» (Людмила Гатагова и Татьяна Филиппова). Причина лежит в утере Россией имперской идентичности, иррациональном по сути «чувстве вселенской российской обиды» как на «неумеренную критику советского режима» и современный этноцентризм народов Средней Азии, так и на этнофобии, возникшие якобы в регионе «в пылу увлечения собственным нацистроительством». Да и новые версии национальных историй в регионе «неизбежно несли на себе печать политических и психоментальных коллизий последнего десятилетия». В общем, что ни говори, историки в первую очередь – люди, во вторую – прислужники политики и лишь в самую что ни на есть последнюю – академически мыслящие личности.

С книгой Ферро перекликается и статья Виктора Шнирельмана «Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных школьных учебниках», опубликованная в журнале «Неприкосновенный запас». Он анализирует школьные учебники истории разных народов Северного Кавказа и Татарстана и описывает исторические мифы осетин, адыгейцев, кабардинцев и черкесов, балкарцев, карачаевцев и других народов Кавказа. Все они «делают акцент на своем собственном статусе коренных народов и рисуют для своих предков еще более древнюю непрерывную историю», чем у соседних народов. О ситуации в Татарстане автор пишет следующее:

«Если на Северном Кавказе наблюдается борьба между версиями древней истории, выдвигаемыми соседними народами, то в Республике Татарстан борьба за "истинную историю" ведется между двумя группами внутри самих татар. Обе эти версии имеют свои особые задачи. Цель "татаристского подхода", делающего акцент на золотоордынских корнях современных татар, состоит в культурной и языковой консолидации всех татар России под эгидой казанских татар. Татаристы мечтают и о символическом главенстве над русскими, что им якобы позволяет их славная история – ведь ранние тюркские кочевые империи процветали задолго до появления Киевской Руси, а могущественная Золотая Орда держала русские княжества в подчинении. В основе "булгаристского подхода", выводящего предков татар из Волжской Булгарии домонгольского времени, лежит забота о территориальной целостности и суверенитете современного Татарстана. Кроме того, он стремится очистить татар от того негативного образа, который столетиями навязывался им русской литературой, обвинявшей их в разгроме Киевской Руси.»

В заключительной части своей статьи, озаглавленной «Чему же учат современные школьные учебники?», автор характеризует националистические мифы как этноисторические. Он признает, что такие мифы значительно упрощают сложную историческую картину и влияют не только на массы, для которых и предназначаются, но и на историков. Оказавшись в плену собственной исторической лжи, они продолжают работать под нее все дальше и дальше:

«Вряд ли может вызвать удивление тот факт, что этноцентризм существенно влияет на саму методику исследования и ориентирует специалиста на поиски в строго заданном направлении. Вовсе не случайно упоминавшаяся выше Зеленчукская надпись, выполненная греческим письмом, была найдена в 1888 году, когда специалисты искали на Северном Кавказе, главным образом, христианские древности. Зато тюркские рунические надписи Северного Кавказа начали входить в научный обиход только с 1960-х годов, когда после возвращения балкарцев и карачаевцев из депортации проблема местных тюркских древностей стала более чем актуальной. Следовательно, этноцентристский подход существенно влияет на критерии отбора фактов.

Поэтому, восстанавливая историю Алании, осетины всегда обращаются к ираноязычной Зеленчукской надписи и игнорируют найденные в том же районе тюркские руны, а балкарцы и карачаевцы испытывают интерес именно к последним. Соответственно рисуется и миф о предках, заставляющий осетин делать акцент на ираноязычии алан, а балкарцев и карачаевцев – изображать их тюркоязычными. Если же подходящих письменных документов не обнаруживается, то для построения Великого Мифа о предках приходится прибегать к фальшивкам и на поверхность всплывают такие "исторические документы", как "Велесова книга" у русских националистов или "Джагфар тарихы" у болгаристов.»

На фоне этой неразберихи, этого кавардака противоречий, становится абсолютно невозможным хотя бы попытаться всерьез обсуждать вопрос о том, является ли история наукой. Даже при отнесении ее к разряду псевдонаук хочется воскликнуть: «Трудно придумать худший вариант псевдонауки!». Другие эзотерические псевдонауки по крайней мере стараются построить более или менее стройное эзотерическое здание, а здесь каждый может пороть любую отсебятину, отвечая за нее не перед Богом или людьми, а только перед своей извращенной идеологией или перед своими политическими, религиозными, идеологическими заказчиками. Большого хаоса, чем в истории, нет, пожалуй, ни в одной области гуманитарных занятий.

История, это религиозная система с бесчисленными религиями и сектами, многовариантность которой сравнима с таковой мировой религии, определенной как совокупность всех когда-либо и где-либо существовавших религий и ересей. Различия между национальными и региональными версиями истории вполне сравнимы с таковыми между мировыми религиями и их сектами. И все эти многочисленные варианты моделей прошлого основаны на вере и только на вере. О какой науке может здесь идти речь?!

Заключение: История не ценит оценок.

Снабженная оценками, она превращается в идеологию. Став идеологией, она перестает быть даже жалким подобием науки. ТИ была и остается куртизанкой политики, верной слугой господствующей или рвущейся к власти идеологии.

В отличие от нее историческая аналитика в принципе отвергает использование исторических моделей в политике и идеологии, в религии или в моральных системах. Так как история это лишь совокупность моделей прошлого, а модели в принципе никогда не идентичны оригиналу, никогда не верны в абсолютной степени, их догматизация является чистейшим идиотизмом

Мы стремимся к превращению истории из разрываемой политическими противоречиями болтовни в угоду тому, кто лучше заплатит, в науку прошловедения, науку строгого моделирования прошлого, в которой не будет места никаким политическим соображениям, никакой религиозной или иной идеологии, никакой религиозной по сути веры в мнение авторитетов. Мы стремимся к проверяемой модели прошлого, построенной на доказательствах, а не на силе традиции и на разукрашивании исторических догм.

Литература

[**Аймермахер1**] Аймермахер, К. и Бордюгов, Г. (редакторы): Национальные истории в советском и постсоветских государствах, АИРО-XX, Москва, 1999

[**Аймермахер2**] Аймермахер, Карл и др. (редакторы): Мифы и мифология в современной России, Фонд Фридриха Науманна, Москва. 2003.

[**Бомсдорф**] Бомсдорф, Фальк и Бордюгов, Геннадий (редакторы): Россия и страны Балтии, Центральной и восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории, , Фонд Фридриха Науманна, Москва. 2003.

[**ВИ1**] Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, Bd. 1-46, Berlin, 1879-1893.

[**ВИ2**] Histoire générale du IV-me siècle à nos jours, v. 1-12, Paris, 1893-1901

[**ВИ3**] Weltgeschichte. Die Entwicklung der Menschheit und Geistesleben, Bd. 1-7, Berlin, 1907-1925

[**ВИ4**] Peuples et civilisations. Histoire générale, v. 1-20, Paris, 1925-1938

[**ВИ5**] Histoire générale

Histoire ancienne, P. 1-3, Paris, 1925-1938

Histoire du Moyen age, P. 1-4, 7-9, Paris, 1928-1939

[**ВИ6**] Propyläen - Weltgeschichte, Bd. 1-8

[**ВИ7**] The Cambridge ancient history, v. 1-12, 1924-1939

[**ВИ8**] The Cambridge medieval history, v. 1-12, 1924-1936

[**ВИ9**] The Cambridge modern history, v. 1-14, 1902-1912

[**ВИ10**] Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bänden, Bern, 1952-

[**ВИ11**] Histoire générale des civilisations sous la direction de M. Crouzet, Paris, 1953-

[**ВИ12**]

[**ВИ13**]

[**ВИ14**]

[**Вульф**] Вульф, Лари: Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. НЛО, Москва, 2003

[**Гуц1**] Гуц, Александр: Подлинная история России, Госуниверситет, Омск, 1999

[**Гуц2**] Гуц, Александр: Многовариантная история России, АСТ, Москва, 2000.

[**Корино**] Corino, Karl (Hg.): GEFÄLSCHT! Betrug in Politik, Literatur, Wissenschaft, Kunst und Musik. Durchgesehene Neuausg. d. 1988 bei Greno erschienen Ausgabe. Frankfurt/Main, Eichborn, 1990.

[**Курбанов**] Курбанов, С.О.: Курс лекций по истории Кореи, С-Петербург, 2002

[**Нолте**] Nolte, Hans-Heinrich; Eschment, Beate; Vogt, Jens, Nationenbildung östlich der Bug, Landeszentrale für politische Bildung, Hannover, 1994.

[**Пауль**] Paul, Eberhard: Die falsche Göttin, Lambert Schneider, Heidelberg, 1962.

[**Плетиха**] Pleticha, Heinrich (Hrsg): Deutsche Geschichte in 12 Bd., Bertelsmann, Gütersloh, 1981

[**Риит**] Rieth, Adolf: Vorzeit gefälscht, Wamuth, Tübingen, 1967

[**Ферро**] Ferro, Marc: Comment on raconte l'Histoire aux enfants a travers le monde entier, Editions Payot, Paris, 1981; Русский перевод: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992; Английский перевод: Ferro, Marc: The Use and Abuse of History.: Or How the Past Is Taught to Children. UK Taylor & Francis Ltd. 2003; Немецкий перевод: Ferro, Marc: Geschichtsbilder. Wie die Vergangenheit vermittelt wird. Beispiele aus aller Welt, Frankfurt/Main, Campus, 1991

[**Фоменко**] Фоменко, А.Т.: Методы математического анализа исторических текстов. Приложения к хронологии, Наука, Москва, 1996.

[**Шнирельман1**] Шнирельман, Виктор: Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных школьных учебниках, Неприкосновенный запас. 5 (37), 2004, 79–87.

[**Шнирельман2**] Шнирельман, В.А.: Войны памяти, Мифы, идентичность и политика в Закавказье. Академкнига, Москва, 2003.

Глава 6. Историческое мифотворчество на службе национализма.

От кого произошло человечество?

- Конечно от болгар, от предка по имени Гаврилла
- Нет, от евреев, наш предок звался Арон Гутан
- Ну, что вы, от грузин: наш общий предок прозывался Шимпандзе
- Чушь, от армян, ведь по Дарвину первый человек был Обезьян

Анекдот

С распадом «лагеря социализма» и сильным ослаблением тоталитаризма во всем мире обслуживание историками социалистической политики и коммунистической идеологии отошло на второй план. Но зато усилилась работа историков по заказу националистических идеологий, которая велась и в прошлом, в том числе и параллельно с обслуживанием политики «лагеря социализма». В 20-м веке, особенно в его конце, обслуживание националистических идеологий стало главным занятием историков. К сожалению нет никаких оснований надеяться, что ситуация будет иной в начавшемся новом веке.

Хотя в предыдущей главе и было рассказано в общем плане о протитуировании истории политикой, я хочу здесь привести три группы примеров из трех больших регионов, вскрывающие более глубоко характер обслуживания историками-традиционалистами идеологии национализма:

- Постсоветское и вообще бывшее социалистическое пространство,
- Ближний Восток и пограничная ему Индия
- Африканский континент.

Я понимаю, что этими примерами не ограничивается вся современная деятельность историков как ватиканской гвардии по обеспечению идеологической боеспособности националистических течений, вплоть до самых захудалых и узко-региональных. Более того, и в каждом из названных регионов будут рассмотрены только отдельные примеры без претензии на полноту обзора.

Вне моего рассмотрения осталась современная Западная Европа, весь американский континент и большая половина Азии, в том числе и такая ее важная часть, как современный Китай и пограничные с ним страны, хотя во всех этих крупных регионах имеется множество интересных примеров обслуживания историками националистических политических доктрин. В какой-то мере я попытаюсь восполнить – хотя бы частично – этот пробел в запланированной книге про выдумывание азиатской истории.

6.1. На развалинах лагеря социализма

Как работают историки-националисты (пример Закавказья)

После развала Советского Союза бывшее советское Закавказье стало ареной различных серьезных национальных конфликтов, вылившихся в военные действия и многолетнее вооруженное противостояние между разными народами. В какой-то мере они были спровоцированы реальным наследием прошлого и т.н. советской национальной политики, ярко несущей на себе сталинский отпечаток, но в большой мере их спровоцировали рвущиеся к власти националистические круги, преследующие свои корыстные интересы.

И тут оказалось, что националистически настроенные историки уже давно готовили идеологическое оружие национализма, начав еще в советское время сочинять националистические мифы о прошлом, долженствующие возвеличить собственную нацию и выставить в отрицательном свете соседние народы. Но ружье, которое долго висело на сцене, должно было когда-нибудь выстрелить. И заряженное националистическими мифами о прошлом ружье национализма подняло пальбу, последствия которой и сегодня, через 15 лет после крушения советской национальной политики продолжают определять характер жизни миллионов людей, согнанных со своих мест жительства или страдающих от экономической неразберихи в результате искусственно вызванных конфликтов.

В книге Виктора Александровича Шнирельмана ССЫЛКА «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье.», ИКЦ "Академкнига", М., 2003 подробно разобраны деятельность «национальных» историков в Закавказье в советское время, которая и поставила идеологическое оружие всем вовлеченным в конфликты националистическим течениям. Книга читается как пособие по многовариантности истории в худшем смысле этого слова: какой вариант нужен, такой и поставляем.

Автор этой книги – археолог, сотрудник Института этнологии и антропологии Российской АН, задумался о политическом смысле истории в прошлом и в современной ему ситуации на основе контактов с грузинскими и абхазскими жителями, невольно вовлеченными в ожесточенный конфликт на грузинской территории. Но он не ограничивается одним этим конфликтом и рассматривает «историческое» обоснование претензий не только грузинских и абхазских националистов, но и таковых армянских и азербайджанских, аджарских и осетинских.

Как выяснил ученый в ходе своих исследований значения локальной и региональной истории для местных жителей и политиков в районах этнических конфликтов, «повсюду история являлась полем ожесточенных политических баталий». Он не обнаружил ни одного серьезного этнополитического конфликта, «участники которого обходились бы без апелляции к историческому прошлому и деяниям далеких предков».

Еще осенью 1988 г. абхазские ученые выражали в Сухуми озабоченность тем, как их грузинские коллеги изображали историю Абхазии и абхазского народа. Эти изображения «разжигали у грузин неприязнь к абхазам, а у абхазов рождали горькие мысли о несправедливостях, которые они десятилетиями были вынуждены терпеть со стороны руководства Грузинской СССР.»

На фоне серьезных межнациональных проблем языкового, политического, экономического и социального толка между грузинскими и абхазскими интеллектуалами развернулись ожесточенные битвы исторического характера «о национальности первых правителей Абхазского царства», о

прозвище сына царицы Тамары, о Колхидском царстве эпохи античности, об архитектуре первых христианских храмов, «строившихся на Черноморском побережье по византийским канонам». Все эти чисто исторические вопросы приобрели в конце 80-х годов необычную политическую актуальность и умудрились сохранить ее и в начале 90-х годов.

Шнирельман наивно надеется на то, что знание деталей трагедий, разыгравшихся в Закавказье, «сможет научить историков с большей ответственностью относиться к предмету своих штудий, а политикам покажет опасность безоглядного некритического оперирования историческими материалами». Мне эта позиция представляется наивной потому, что она противоречит основной (лживой и опасной) парадигме всей «исторической науки», внушающей самой себе и всем читателям исторического чтива, что ей мол удастся в основном адекватно моделировать прошлое.

Без широкой проповеди многовариантности истории, относительности и субъективности исторического «знания» и в первую очередь хронологии, мифологического характера древней и средневековой истории, мы никогда не прервем смертоносного влияния исторических сказок на примитивное массовое сознание населения, не лишим преследующих корыстные личные цели политиков возможности разыгрывания национальных карт.

Привитое народным массам некритическое восприятие истории как нельзя лучше способствует инструментализации истории как орудия превращения населения в загипнотизированную возбужденную толпу, готовую на самые страшные преступления во имя мифической «исторической правды». Ценным в книге является не этот наивный идеализм автора, а вскрытие им механизмов оболванивания масс националистической идеологией на основе исторического вранья:

«Историк может замалчивать неудобные факты или сообщать о них скороговоркой, искусственно придавать необычайно высокую роль второстепенным свидетельствам и опускать гораздо более значимые, использовать многозначные термины, лишаящие информацию необходимой точности и создающие почву для разночтений. Надо также учитывать, что исторические источники сами по себе допускают разные интерпретации, и при прочих равных ангажированный историк выберет ту из них, которая диктуется привходящими внеучными соображениями. Еще свободнее с историческими значениями обращаются профессионалы, для которых идеологическая функция истории обладает несомненным приоритетом перед ее познавательной функцией.» (стр. 13-14)

Если читателю могло показаться, что я навязываю ему свое предвзятое отношение к истории как псевдонауке и куртизанке политики, то данное и приводимое ниже свидетельства маститого ученого, доктора исторических наук, должно бы открыть глаза каждому:

«Специалисты по методологии истории уже давно заметили, что «историческая истина» конструируется историками весьма по-разному в зависимости от их исходных установок. А те в конечном итоге определяются вовсе не требованиями научной методологии, а привходящими моментами, связанными с политическими, социальными, религиозными, культурными, национальными, эпохальными и другими факторами» (стр. 15-16)

К сожалению, шабаш проституирования исторической мифологией не ограничился Закавказьем. Если бы объем книги мне это позволил, я бы остановился на историческом мифотворчестве в новых независимых странах Средней Азии и отдельных национальностей Российской Федерации. За неимением этой возможности, сошлюсь только – в дополнение к названной в предыдущей главе библиографии – на две статьи из московского журнала «Неприкосновенный запас»

- Владимир Каганский, Россия и миф России, № 3(5) за 1999 г., и

- Василий Костырко, Тыгын Дархан: идеологические процессы в современной Якутии и история, № 2 («») за 2002 г.,

которые можно найти в русской версии нашего сайта www.jesus1053.com.

Существует ли право на националистическое искажение истории?

Говоря об историческом национализме на службе политики, Шнирельман подчеркивает, что инструментализация истории политиками в наше время чаще всего обретает именно националистические формы. И он не одинок в этом своем мнении. В предисловии автора к книге Г.М. Герасимова «Прикладная философия», Москва, 2001, читаем

«В истории многих государств, особенно в переходные периоды, бывают этапы всплеска национализма. Одним из направлений, которые в связи с этим обычно развивались, было создание своих версий истории, согласно которым рассматриваемые народы становились в мировой цивилизации «пупами земли», сыгравшими решающую роль в ее формировании. Такие мифы развивались в Германии в эпоху национал-социализма. Сегодня, к примеру, в Туркмении, в школах официально преподают, что мировая цивилизация пошла от туркмен. В Чечне последние несколько лет насаждалась историческая теория о превосходстве чеченцев над другими народами. В общепринятой мировой истории застыли в виде догм подобные легенды о евреях, хотя, если копнуть историю чуть аккуратнее, то становится видно, что это тоже не более чем мифы.»

Правда, автор забыл упомянуть Советский Союз, в котором после Второй Мировой войны расцвел великорусский шовинизм, кратко характеризуемый распространенной в то время формулой «Россия – родина слонов». В Германии миф о превосходстве собственной нации над другими начал коваться задолго до национал-социалистов, которые лишь взяли на вооружение уже наработанный немецкими интеллектуалами-националистами духовный капитал: весь 19 в. прошел под знаком разработки мифа о превосходстве немецкой культуры и всего германского над культурами других народов

Что касается мифа об особом вкладе евреев в мировую цивилизацию, то за ним кроются как реальные особенности ашкеназийского еврейства (высокий уровень грамотности и образования, распространенность интеллектуальных профессий, широкие международные связи, основанные на существовании связанных друг с другом еврейских общин во многих странах и их вовлеченности в международную торговлю), так и пропаганда роли иудео-христианской компоненты в мировой цивилизации, осуществляемая многими западными – не только еврейскими – авторами. О некоторых мифах, бытующих в Израиле, я расскажу чуть позже в этой главе.

Включение националистических мотивов в исторические модели делает их неприемлемыми для подавляющего большинства читателей, принадлежащих, естественно, к другой нации (по принципу: каждый из нас иностранец почти везде на земном шаре). Правда, для проникнутых идеологией национализма историков это не является препятствием: они-то пишут свои националистические мифы для избранной аудитории, нуждающейся в идеологической подпитке или остро на нее реагирующей.

Герасимов предостерегает от соблазна националистического греха и представителей Новой Хронологии. Модели, в основу которых положен тезис, «что цивилизация на планете фактически создана русскими», могут хорошо продаваться в современной России, в которой националистические настроения широко распространены (автор пишет в этой связи про «национальное самосознание великой нации, достаточно ущемленной за последние десятилетия»). Однако с точки зрения подавляющего большинства читателей за рубежом такая националистическая компонента будет приводить к абсолютному неприятию новых исторических моделей, как бы удачно ни был подобран «культурно-исторический материал, который неплохо

ложится в фундамент их (Фоменко и Носовского – Е.Г.) исторической версии».

На основании своего германского опыта могу только подтвердить, что новые модели прошлого резко отвергаются в этой стране, пострадавшей в 20 в. из-за собственного национализма и выработавшей устойчивую аллергию ко всем видам национализма вообще, как только в них обнаруживается националистическая компонента. Лично меня уже обвиняли в Германии в русском национализме только из-за того, что я рассказывал о новых моделях прошлого в рамках российской новой хронологии и подчеркивал важность того культурно-исторического материала, который составляет фундамент этих исторических гипотез.

В озаглавленном «Этноцентризм и распад государства» заключении своей книги Шнирельман пишет об использовании националистической политикой продукции историков-традиционалистов:

«Специалисты по национализму, неоднократно писавшие об огромной мобилизующей силе национальной идеологии, отмечали огромное значение образа славного прошлого и великих предков и подчеркивали использование этого образа средствами массовой информации и школы для формирования идентичности и мировосприятия в целом.»

Любые оценки недопустимы в моделировании прошлого. Прошлое есть прошлое и ничего более с точки зрения истории, которая призвана моделировать прошлое, пытаться составить представление о нем с максимальной честностью и, как купцы первой гильдии, по максимуму знания и совести. Как только прошлое превращается в славное прошлое, историческая наука уступает поле для нечистых игр политиков или рвущихся в политики идеологов. То же самое происходит при превращении предков в «великих».

В сороковых годах 20 в. Сталин надеялся расширить советскую территорию за счет лежащих южнее Закавказья иранских и турецких областей. Сразу же были вытащены на поверхность труды историков относительно этногенеза народов Закавказья.

«Тогда даже на уровне центральной власти всячески приветствовались поиски грузинских предков в Малой Азии, объявление Хайасы колыбелью армян и обнаружение азербайджанского наследия в древней Мидии.» (Стр. 506-507)

Неоднократное изменение политических целей заставляло историков многократно менять представления о далеких предках и истоках этногенеза собственного народа, подгоняя оные под очередные политические задачи нового руководства. Проститутка на то и проститутка, чтобы исполнять любое, даже самое извращенное пожелание клиента: если политика хорошо платит, продажная девка история займет любую, ей приказанную позицию, выполнит любые, самые извращенные пожелания политики или идеологии. Пардон, я забыл, что обещал говорить о куртизанке, а не о проститутке. Хотя, по большому счету, принципиальной разницы между ними все-таки нет.

Исторические мифы играют сегодня в большой степени роль массовой религии. В традиционные религиозные мифы верят все меньше и меньше, священникам и церквям, религиозным общинам и институтам во все большей мере отводят функцию социальной защиты, помощи нуждающимся и человеческого общения. Вера же все больше переносится на мифы, созданные историками и освященные их статусом ученого, имеющего пока еще высокий общественный вес. Глава 8 книги Шнирельмана, озаглавленная «Поиски исторической концепции и большая политика», начинается с крайне сомнительного утверждения, воспринимаемого читателем – по крайней мере

вне контекста – как прямое обоснование «работы на политику» исторической науки:

«Едва возникнув, новое государство должно обращаться к истории, чтобы подкрепить глубокой древностью и непрерывностью исторической традиции свое право на существование. Так происходило во всем мире, не избежал этого и Азербайджан.»

Очень жаль, что автор в целом правильно понявший ту пагубную роль, которую играет проституция историографии клиентами от политики, усмотрел в этой действительно широко распространенной, но ни в коем случае не тотальной и не соответствующей нормам международного права практике, нечто обыденное. Согласно нормам международного права легитимность каждого нового государства определяется его признанием уже существующими государствами (по крайней мере, значительным их числом) и его вхождением в сообщество независимых государств путем членства в международных организациях разного уровня. Как правило, все сомнения по поводу легитимности исчезают после приема нового государства в состав членов ООН.

В свое время отдельные штаты на территории Америки стали независимыми государствами после признания их независимости Великобританией (а за ней и другими ведущими странами мира), хотя ни о какой «глубокой древности и непрерывной исторической традиции» в их случае речь не могла идти. В процессе деколонизации (распада колониальных империй) десятки стран приобрели государственную независимость на основе недавнего колониального прошлого, чаще всего не имевшего никакой связи с исторической традицией. Древняя история большинства таких стран не была в этот момент никому известна или же ее исследование находилось в зачаточном состоянии.

Балканский националистический кошмар

Разгул национализма после развала «социалистического лагеря» не ограничился, к сожалению, бывшей территорией Советского Союза. Даже в столь «цивилизованной» стране как Чехословакия он привел к распаду на два государства, правда, к распаду мирному и максимально цивилизованному.

Не обошлось без массового участия историков и в многочисленных балканских конфликтах. Впрочем, историческое вранье имело здесь, как и практически везде в этом мире, давнюю традицию. Так, Андрей Шарый в своей книге «После дождя. Югославские мифы старого и нового века» (НЛО, Москва, 2002), рассказывая об идеализации династии Петровичей-Ньегошей в современной Черногории, резюмирует (стр. 58-59):

«О просвещенном монархе Николе, отце народа, в Цетинье и Подгорице с удовольствием рассказывают байки не только экскурсоводы: в последние годы черногорцы с большим увлечением куют новую версию национальной истории, во многом состоящую из переработанных на современный лад мифов и анекдотов. [...] Пасторальная картинка народного благоденствия под орлиным крылом Петровичей за пределами Черногории и прежде, и теперь, подвергалась сомнениям.»

Андрей Шарый – главный редактор московской редакции радио «Свобода», ранее в 1993-1996 гг. – собственный корреспондент радио "Свобода" на Балканах. Его офис был в Загребе, но он много ездил по территории бывшей Югославии, изъездил ее всю и хорошо знает ситуацию на Балканах. Он приводит цитату из книги «Воспоминания» известного политического деятеля России начала 20 в. историка Павла Милюкова, бывшего современником прославляемого как просветителя и реформатора короля Николы:

«Из хороших источников я знал уже закулисную сторону плохо раскрашенной декорации, умилавшей наших официальных панегиристов славянства. Камарилья, заслонившая от князя истинное настроение страны, население, отданное не поток и разграбление камарильи, полное отсутствие правосудия, бесцеремонное разграбление населения тяжелыми поборами, продажа иностранцам лакомых кусков народного богатства и произвол, произвол сверху донизу.»

На таких и многих других этноисторических мифах и их коллизии с реальностью и вызрели кровавые конфликты на территории малой социалистической империи, каковой была Югославия Иосифа Броз Тито. Считаю российского читателя хорошо информированным об этих конфликтах и стоящих за ними исторических мифах, часто облаченных в религиозные одежды и раскрашенных новеллами из ТИ про противостояние православных, католиков и мусульман на Балканах, хочу посвятить следующие строки конфликту, который хотя и не вылился в вооруженный, но зато является хорошим примером использования всего классического арсенала сказок ТИ в идеологических целях.

Я имею в виду конфликт между бывшей югославской республикой Македонией и Грецией, которая отвергает право первой так называться и вообще использовать в своей исторической мифологии чего-либо из уже узурпированного для себя греческой стороной. Изложению греческой позиции посвящена книга Николаоса М. Мартиса «Фальсификация истории Македонии» (Афины, 1984), изданная и на средства Фонда Александра С. Онассиса и распространяемая этим фондом. В ней независимое и признанное ООН государство Македония упоминается только как «Республика Скопье» по имени столицы этого государства. Для симметрии я буду иногда называть Грецию «Республикой Афин».

Автор сам представляет себя как бывшего министра Северной Греции. Эта часть Греции сама состоит из нескольких провинций, использующих в своем названии слово Македония:

- Западная Македония
- Центральная Македония (со столицей в Фессалониках)
- Восточная Македония и Тракия

Может быть эти части Греции входят в ее состав со времен Александра Великого? Как бы ни так! Это Греция входила – согласно ТИ – в состав Македонского царства, а македонцы были не греками, а отдельным народом, в крайнем случае родственным в каком-то смысле грекам. Впрочем, когда теишникам нужно сконструировать родство двух народов, они не постесняются и китайцев объявить родственниками африканских бушменов.

Перечисленные выше заселенные славянами области отошли к Греции в результате Второй Балканской Войны в 1913 г. До этого они входили в состав славянского государства Болгарии и частично Турции. Тогда же Болгария потеряла и ту часть Македонии, которая сегодня и образует «Республику Скопье»: она отошла к Сербии, бывшей тогда союзницей Греции в войне против Болгарии. Только в 1881 г. к Греции была присоединена ее сегодняшняя центральная полоса, лежащая южнее «греческой» Македонии. Да и сама Греция стала суверенным государством лишь в 1830 г..

Рис. 6.1. "Древние греки" за работой в шахте (античная коллекция Берлинских государственных музеев). Древность этих рудокопов выводится из того, что эта глиняная дощечка с черными фигурками датируется историками в период 575 – 550 гг. до н.э. А если историки являются жертвами своих же неверных исторических посылов? Можно ли вывести эту глубокую древность из стиля изображения? Боюсь, что и представления историков культуры тоже основаны на догмах ТИ. Так, может быть, из сюжета? Я бы не взялся этого делать. Даже нагота не является свидетельством древности – ведь если в тесной шахте жарко и влажно, то одежда только мешает работать, в каком бы веке это не происходило.

Вскоре после создания Греческого Королевства была сформулирована доктрина Великой Греции, которая должна включать и области без греческого населения или такие, где греки составляют меньшинство населения, если на то имеются «исторические основания». А так как ТИ готова поставить историческое обоснование в любом нужном объеме, то у Греции появился аппетит на все территории Османской империи от Армении до Египта, от Персии и Индии до Болгарии.

Современная Греция это такая страна, в которой живут якобы греки. Вернее, люди, которые называют себя греками. Или, еще точнее, которые избегают многих неприятностей, называя себя греками. Некоторые делают это из поколения в поколение в течение 200 лет, другие еще сравнительно недавно были болгарскими, славянскими македонцами или понтийцами, но сегодня вынуждены изображать единый греческий народ.

При провозглашении независимости от Турции (точнее автономии) греческое королевство на

Пелопоннесе населяло немало славян, так что зародившийся в позднее средневековье и оформившийся в 19 веке новогреческий язык (греческий язык сегодняшней Греции) состоит в немалой степени из слов славянского происхождения. Территория греческого королевства в начале 19 в. занимала только южную часть современной материковой Греции и не составляла и половины ее современной территории. Все последующие территориальные приобретения на материке были в основном сделаны за счет земель со славянским населением, которое в принудительном порядке (запрет на преподавание славянских языков в школе, греческий как единственный язык делопроизводства) эллинизировалось.

Рис. 6.2. Еще несколько минут и нехороший рискованный солдат-грабитель убьет хорошего греческого ученого и изобретателя Архимеда, который скорее всего не изображен на этой мозаике, ставшей известной миру только после бесславной кончины Наполеона III. Сегодня эта мозаика единодушно признается фальшивкой. Как именно эта фальшивка попала в коллекцию французского президента и императора – остается глубокой тайной. Мог и сам ее заказать: ведь увлечение античностью он унаследовал от своего более знаменитого дяди Наполеона I.

Приобретение Крита и ряда других островов, а также депортация греков из Турции (в 1919–22 гг. греки попытались захватить турецкое побережье Анатолийского полуострова, оккупировали Измир, но потерпели сокрушительное поражение от армии Ататюрка в развязанной ими войне, после которой 1,2 миллиона греков были вынуждены покинуть Турцию) сильно увеличило греческую компоненту Греции, но и привело к новым трудностям, которые хорошо прослеживаются и на примере последней крупной волны эмиграции в Грецию: переселения понтийских греков из бывших советских республик в Грецию в основном после 1990 г. Эти носители древнего греческого языка (его диалектов урумского и тавро-румейского) воспринимаются в мало толерантном греческом обществе как ненастоящие греки, и вынуждены переучиваться, осваивая новогреческий язык.

Итак, реально Республика Афин – националистическое государство, в котором этномифология определяет все стороны жизни. Именно на этой мифологии основывались греческие «черные полковники», когда они пытались провести на Кипре националистический путч, провалившийся из-за военного вмешательства Турции, и присоединить Кипр к Греции. Если бы не это турецкое

вмешательство, не было бы сегодня такого понятия как турецкие киприоты: давно бы заставили всех выучить новогреческий язык и перестать пользоваться турецким.

Вот на каком шатком основании построена идеологическая конфронтация с Македонией, свидетелем которой я стал во время путешествия по балканским странам в 2001 г. Приглашенный профессором Табовым из Софии и еще одним коллегой из Благоевграда рассказать на их семинарах о западной исторической аналитике, я не смог полететь из Германии напрямую в Болгарию, ибо как раз в это время бастовали пилоты местных авиакомпаний. Поэтому я сел в самолет на Фессалоники, кстати, ставшие греческими тоже только в 1913 г., а оттуда поехал на автобусе в Софию. Обратное же в Фессалоники я решил вернуться через Скопье, по территории Македонии. И здесь не было проблем с автобусом. Каково же было мое удивление, когда я в Скопье ни в одном туристическом бюро не смог найти автобуса, едущего в Грецию.

Толи из-за трудностей с английским, толи из чувства ложного стыда, никто не хотел мне сказать, что греки не позволяют македонским автобусам пересекать их границу. Наконец, кто-то просветил меня на сей счет и я был вынужден взять билет на весьма неудобный поезд, отъезжающий в Фессалоники глубокой ночью. Странно, подумал я, автобусы через границу не пропускают, а старый замызганный поезд, который гораздо труднее проверить на предмет «славянских наркотиков», едет каждые сутки в Грецию. Рано утром поезд прибыл на пограничный пункт и началось долгое ожидание конца пограничного контроля и таможенного осмотра поезда и пассажиров. Не выдержав, я выскочил, не обращая внимания на крики полицейских, на привокзальную площадь с целью потратить на сувениры, карты и напитки остатки местной валюты. Вернувшись в поезд, долго наблюдал в окно вялую деятельность полицейских и таможенников, в основном сводившуюся к прогулкам по перрону. Причина такой пассивности стала ясной лишь после того, как нас всех начали выгонять с вещами из поезда и рассаживать по – весьма комфортабельным – греческим автобусам, на коих мы и пересекли границу. Оказывается, греческий запрет на пересечение границы «Республики Афин» был распространен и на поезд «Республики Скопье».

Рис. 6.3. Священная свадьба олимпийских богов Зевса и Геры. Полностью сохранившаяся деревянная скульптура из Герайона на острове Самос якобы 625 – 600 гг. до н.э. Эта резная скульптура хранится в Афинах в национальном музее. И в плане сохранности, и по стилю это явно средневековая скульптура, выдаваемая за античную (как впрочем и все вообще античные произведения).

В этой атмосфере базирующегося на ТИ чисто исторического конфликта за право называть своим царя Филиппа и его сына Александра, из которых первый придуман на 99 %, а второй всего на 98, чисто пропагандистский характер книги бывшего министра Северной Республики Афин становится очевидным, как только начинаешь ее читать. Она так и пестрит «доказательствами» из вымышленной истории Александра и Ко.

Я вовсе не хочу сказать, что мне так уж симпатично агитпроповское использование этих глав ТИ Македонией для собственных этномифологических целей. Но вся книга Мартиса читается как пособие по идеологической эксплуатации ТИ и ничего, кроме презрения, не вызывает. Мне остается только выразить надежду на то, что в рамках исторической аналитики будет наложен абсолютный запрет на любое «использование» куртизанских услуг моделей прошлого с целью получения политических, идеологических и религиозных преимуществ или пороха для конфликтов.

6.2. Ближний Восток: новые мифы в новой политической ситуации.

Мифы истории и еврейская колонизация Палестины

Колонизация Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии происходила под эгидой колониальной державы – Великобритании. Такой же характер имело и европейское заселение Южной Америки, проходившее по инициативе и под присмотром колониальных держав Испании и Португалии. Похожий характер, но при большей роли местного населения, имело создание португальских колоний Гоа в Индии и Макао в Китае.

Проникновение еврейских поселенцев в Палестину, начавшееся в 80-х годах 19-го века, имело иной характер. Оно больше напоминало заселение бурами части Южной Африки или – в еще большем мере – темнокожими выходцами из Соединенных Штатов Америки – т.н. репатриантами – той части западной Африки, которая потом станет государством Либерия. В 1847 г. здесь была провозглашена Республика Либерия с созданной по образцу США президентской формой правления. По тому же образцу Либерия имеет палату представителей и сенат, правда, выборы в первый происходят только раз в шесть лет, а во второй – даже раз в 9 лет.

Колонизация Палестины российскими, а затем и вообще европейскими евреями, была в определенной мере связана с религиозно-историческими мифами ТИ о происхождении еврейства на Ближнем Востоке. Поэтому и первые еврейские поселенцы того времени тоже воспринимали себя как репатрианты. Но реально эта колонизация основывалась в основном на других обстоятельствах, менее всего связанных с мифами традиционной истории. Она была обусловлена:

- Антисемитизмом в России, Польше и Австро-Венгрии и его последующим распространением на другие европейские страны
- Близостью Палестины и существованием удобного морского транспорта, например из Одессы в Хайфу
- Благоприятным отношением османских властей к евреям, в которых они видели противовес к традиционно нелояльным по отношению к Стамбулу арабам.

Даже в таком своеобразном случае, как возникновение государства Израиль на основе специальной резолюции ООН в 1947 г., историческая традиция (скорее всего, неверно понятая и интерпретированная) сыграла определенную роль в голосовании отдельных стран в ООН по вопросу о предоставлении независимости территориям с еврейским населением. Но гораздо большее влияние на голосование стран – членов ООН оказала недавняя реальная история массового уничтожения евреев нацистами.

Легитимность государства Израиль основана не на древней истории, изнасилованной на потребу политикам и националистам всех мастей, а на признании Израиля международным сообществом. Будущее существование палестинского государства будет основано не на исторических правах палестинцев на территорию этого государства, даже если они будут признаны в рамках ТИ 99% жителей Земли, а на признании этого государства международным сообществом независимых государств, в том числе и Израилем.

Израиль всегда вдохновлял на создание мифов. Так было в эпоху, когда европейцы зачитывались библией и когда историки переняли библейские истории в арсенал своей «науки». Своеобразную форму современного мифа об Израиле создал широкий фронт так называемого антисиионизма – современной политизированной формы старого доброго антисемитизма. На этот счет в СССР

рассказывали такой анекдот: Эмигрант из Советского Союза продолжает и в Израиле читать советские газеты и в свое оправдание поясняет:

«В местных газетах пишут, что здесь инфляция, экономическая разруха, коррупция, моральная деградация и вообще страна стоит на грани пропасти. Сплошная тоска! А советские газеты внушают мне оптимистические мысли. Они пишут, что мы уже завоевали полмира и что наша мощная держава вот-вот завоюет весь остальной мир!»

О том, какую роль исторические мифы играют в современном Израиле, я расскажу чуть ниже. Но сначала мне хочется поведать о том, какую малую роль они на самом деле играли на ранней стадии еврейской колонизации Палестины и в еврейской среде в течение последнего века до создания государства Израиль. Этот новый для многих исторический аспект был в свое время подробно описан в не получившей большой известности, хотя и заслуживавшей ее, книге Бориса Ефимова «Второй Израиль для территориалистов» (Мюнхен, 1981).

О понятии территориализма: так называет Ефимов любые попытки предоставления евреям территории для создания автономных территориальных образований. «Торой» территориалистов он называет «Еврейское государство» Герцля, которого не считает классическим сионистом, а в лучшем случае только вынужденным территориалистом-сионистом. Первоначально слово «территориалист» использовалось ранними сионистами как ругательство по адресу Герцля, который подумывал о создании еврейского государства вне Палестины.

Ефимов относит Герцля, которого считают отцом-основателем сионизма, к представителям той плеяды территориалистов, которые говорили «Лучше сионизм без Сиона (т.е. чистый территориализм – Е.Г.), чем Сион без сионистов». Иными словами, если сионистов не будут пускать в Палестину, то нужно будет искать другую территорию для создания еврейского государства. Целью территориалистов являлось превращение хотя бы части членов религиозной общины иудеев, составляющей во всех странах «рассеяния» религиозное меньшинство, притесняемое и гонимое, в обычную нацию пусть на небольшой, но своей территории.

Иными словами, для Ефимова сионизм – это только одна из ветвей территориализма. Тот факт, что победила именно эта ветвь, основывающая свои притязания на создание еврейского государства на мифах ТИ, а не другие его ветви, исходившие из потребности в улучшении условий жизни изгоняемых, преследуемых или живущих в нищете и недостойных условиях евреев, для него не является ни свидетельством силы исторических мифов, ни исторической правоты сионизма, ни основанием для прекращения существования территориалистского движения в еврейской среде.

Личный опыт Бориса Ефимова, эмигрировавшего из Москвы в Израиль и не прижившегося там, был связан и с его политическими взглядами, и с неприятием религиозной атмосферы и мифов сионизма, и с ощущением безнадежности для склонного к литературе человека освоить на литературном уровне новый для него и чуждый по строю язык. В результате он бежал в Германию и конфликтовал и с Израилем, и с немецкими властями, безуспешно пытаясь добиться статуса политического беженца.

Впрочем меня здесь интересует другое: его идея о необходимости создания еще одного независимого еврейского государства, которое он предлагал назвать Новой Иудеей. Государства, свободного от рабства исторических легенд и исторических обязательств, как в связи с месторасположением, так и языком и религией. В этом плане любопытны примеры рассматривавшихся в рамках территориализма проектов, в той или иной степени описываемые

Ефимовым:

- Попытка Иосифа Нази уговорить венецианцев выделить один из островов, принадлежавших Венецианской республике, для поселения евреев, изгнанных из Испании.
- Проект создания автономной еврейской колонии в Суринаме в 1654-м г.
- На юге России в самом начале 19-го века были созданы еврейские сельскохозяйственные поселения, наиболее известные из которых назывались Бобровый Кут и Большая Сайдеменуха. Последняя была в советское время переименована в Калининдорф.
- Движение Ам-Олям, возникшее в Одессе в начале 80-х годов 19-го века и направленное на устройство еврейских колоний в США с целью добиться со временем статуса отдельного штата (как это удалось в большой мере мормонам).
- Аргентинский проект, который Герцл разрабатывал в конце 19-го века
- Кипрский проект, которым тот же Герцл занимался в конце 19-го и начале 20-го века (и который он довел до создания на Кипре первых еврейских поселений)
- Проект о переселении евреев в Уганду, рассматривавшийся в ходе 6-го Сионистского конгресса в 1903 г.
- Проект еврейской колонизации Анголы с правом свободы вероисповедования, рассматривавшийся вплоть до первой мировой войны и поддержанный португальским правительством, но без согласия на политическую автономию; считается, что этот проект был ближе любых других к осуществлению
- В 1927-31 гг. на Украине были созданы четыре еврейских автономных района.
- В 1928 г. Президиум ЦИК отвел город и район Биробиджан в Дальневосточном Крае для заселения евреями-добровольцами.
- В 1930 г. группа немецких экономистов разработала проект создания крупного еврейского поселения в Перу и получила разрешение на его создание, не осуществленное из-за последующего хода событий.
- Перед второй мировой войной в Польше, начиная с 1927 г., на правительственном уровне рассматривался вопрос о переселении польских евреев на Мадагаскар
- В 1931-35 гг. в Крыму были созданы два еврейских автономных района и рассматривался вопрос о создании Еврейской Автономной Республики в Крыму.
- Еврейская автономная Область в Хабаровском крае была создана в мае 1934 г. на месте Биробиджанского национального округа, провозглашенного ранее.
- Сталинский проект «еврейского самоопределения» в Восточной Сибири, во все той же Еврейской автономной Области, куда на территорию в 36.000 км² (все-таки в два раза больше, чем нынешняя территория Израиля) планировалось насильно выселить всех советских евреев, выдав это переселение за акт свободного волеизлияния, был близок к реализации незадолго до смерти советского диктатора.

Ефимов разоблачает в своей книге и еще один распространенный историко-политический миф о том, что еврейская колонизация Палестины была делом рук английских империалистов, опубликовавших в конце первой мировой войны в 1917 г. Декларацию Бальфура, в которой давалось обещание помочь евреям создать в Палестине еврейский национальный очаг. На самом деле, считает он, сионисты оказались – сами того не подозревая – инструментом в руках сталинской внешней политики, который воспользовался этим движением (и оказал ему существенную поддержку), чтобы изгнать англичан из Палестины. Другое дело, что Сталин после достижения этой цели вскоре посчитал для себя более выгодным поддержать в начавшемся конфликте Израиля с арабами арабскую сторону.

В дальнейшей истории конфликта на Ближнем Востоке весь идиотизм кровопролитного противостояния базируется именно на попытке, как израильтян, так и их противников-арабов, разыгрывать историческую карту. Однако любой исторический козырь заранее бит козырем противоположной стороны. Только смена колоды карт, только переход на игру в права человека и уважение друг к другу, только создание взаимного доверия и взаимный отказ от исторической аргументации могут привести к решению конфликта.

Политическая мифология Израиля как препятствие миру

Рис. 6.4. Могила Давида в современном Иерусалиме. Одна из самых святых реликвий иудаизма. Святость ее построена на созданных историками мифах. В реальном существовании Давида в приписываемое библейской хронологией ему время современные израильские археологи сильно сомневаются. Столетие интенсивных археологических раскопок в Палестине не смогло дать им никаких реальных доказательств существования царя Давида и его царства.

В статье «Исторические реальности и политическая догматизация», напечатанной в начале января 2004-го года в наиболее серьезной швейцарской газете «Нойе Цюрихер Цейтунг», ее автор Эрнест Гольдбергер, швейцарский предприниматель и писатель, уже более дюжины лет живущий в Израиле, разбирает некоторые из исторических мифов, которые оказывают фатальное влияние на израильскую политику по отношению к палестинцам и на способность Израиля добиться мирного соглашения с ними. Он показывает, что эти мифы находятся в вопиющем противоречии даже с официально признанной историей.

Рамки газетной статьи не позволили ему остановиться подробнее ни на анализе самого феномена использования политикой упрощенных и фальсифицированных исторических легенд, ни на всем списке исторических мифов, определяющих политику Израиля или определенных сил в этой стране. Поэтому он рассматривает – полностью в рамках ТИ – только два таких политико-исторических положения:

- Миф об едином и неделимом Иерусалиме как священной вечной столице Израиля со времени царя Давида и как свидетельстве непрерывной еврейской традиции в Палестине, как центр религии и божественной благодати,
- Миф о храмовой горе как о самом святом для еврейской религии месте на земле, где стояли два еврейских Храма и вскоре будет – по крайней мере об этом мечтают сверхортодоксальные и националистические круги в Израиле – построен третий Храм.

Он считает, что историческая мифология оказывает в Израиле доминирующее влияние на политику, чувство идентичности населения, его историческое самосознание, культуру поведения и другие области общественной жизни. При этом спрессованные в форму плаката краткие формулировки оказывают большее влияние на население и политиков, чем содержательно более глубокое и комплексное описание соответствующей модели прошлого, стоящей за легендой. К сожалению, такие упрощенные формы мифов ведут к иррациональной политике, к поддержанию пламени конфликта и к возникновению безвыходных ситуаций.

Реальная сложность конфликта, в ходе которого два народа с разными культурными, религиозными и ментальными традициями вынуждены бороться друг с другом за крошечную полоску земли, состоит, как подчеркивает автор, и в том, что и на другой стороне конфликта тоже происходит аналогичный процесс догматизации препарированных для нужд политики и идеологии исторических представлений. Причем у арабо-палестинской стороны свои мифы, частично коллидирующие с таковыми израильтян. В результате возникает климат непримиримости, который может привести к фатальным для всего Ближнего Востока обострениям конфликта, длящегося в разных формах уже скоро целый век.

Гольдбергер не называет этих мифов, но некоторые из них знакомы всем, кто интересуется политикой. Для симметрии, назову здесь только два из них:

- Сионизм и его детище Израиль – заядлые враги ислама (на самом деле только антиизраильские течения и государства, эксплуатирующие мусульманский фанатизм, ислам и массы мусульман его мало волнуют; кроме того, Израилю бы справиться со своими религиозными фанатиками)
- Стоит арабским странам добиться единства и они сбросят всех израильтян (говорится «всех евреев», но подразумеваются все израильтяне) в море. На самом деле ни реальная политическая ситуация на Ближнем Востоке и в мире, ни соотношение сил (Израиль – региональная сверхдержава в военном отношении) не дают здраво мыслящим палестинским арабам реальных оснований надеяться на такой исход конфликта.

Эти мифы особенно опасны из-за того, что их придерживается не только политическая элита палестинцев, но и, например, такое богатое нефтью и обладающее огромным превосходством в населении (более 65 миллионов против 6,5 миллионов в Израиле) государство, как Исламская Республика Иран. Особое беспокойство вызывает военная ядерная программа Ирана и связанные с ней воинственные заявления членов иранского истеблишмента. Немецкая газета «Ди Вельт» в номере от 27-го января 2005-го года цитировала на стр. 7 заявления нескольких членов иранского правительства в пользу ядерного уничтожения Израйля:

[**«Ислам имеет шанс выжить после ответного удара израильских ядерных сил, зато Израиль будет после нашего ядерного удара навсегда стерт с лица Земли»**](#)

Относительно первого арабского мифа можно сказать, что аналогичный арабо-израильскому конфликт возник бы и в случае колонизации Палестины христианами (вспомним байки ТИ о борьбе арабов и вообще мусульман против крестоносцев в Палестине, а также реальную борьбу с английскими колонизаторами любыми средствами вплоть до союза с гитлеровцами). Не изменило бы ситуации и мусульманское заселение Палестины (вспомним войны палестинцев с Иорданией, которую палестинские арабы попытались сами колонизовать, а также кровавый террор суннитов против шиитов в Ираке, как во времена Саддама Хусейна, так и после его свержения американцами). Только соответствующие историко-политические мифы выглядели бы в этих случаях несколько иначе.

В опровержение первого израильского мифа Гольдбергер приводит множество фактов из ТИ. Назову некоторые из них:

- Две тысячи лет до завоевания Иерусалима Давидом в этом городе жили многочисленные другие народы
- После завоевания город не стал еврейским: в нем жили и представители других племен
- После распада Израйля и отделения от него Иудеи Иерусалим надолго перестал быть столицей всего еврейского народа
- После захвата Иерусалима Навуходоносором и увода его жителей и вообще почти всех израильтян в вавилонский плен, город на полстолетия вообще перестал существовать (уж во всяком случае как столица)
- Не был Иерусалим никакой столицей евреев и в течение 18-ти с лишним веков рассеяния
- Когда основатель сионизма Герцл посетил Иерусалим на границе 19-го и 20-го веков, в городе жила небольшая кучка евреев, сконцентрированная в одном из кварталов Старого Города.
- Даже сегодня, после 50 с лишним лет интенсивного еврейского заселения города около трети всех жителей Иерусалима – арабы
- Большая часть Иерусалима не входила в состав Израйля до шестидневной войны 1967 г., а применимость исторических мифов к новым кварталам, построенным после этой войны на аннексированной территории Западного Берега, крайне сомнительна.

В дополнение к этим признанным в рамках ТИ фактам можно отметить, что с точки зрения

исторической аналитики миф о Иерусалиме имеет еще меньше основания быть признанным в качестве научно обоснованного:

- Нет никакой уверенности, что нынешний центр Иерусалима, по-арабски – Эль Кудс – это действительно библейский Иерусалим (на роль прообраза библейского Иерусалима могут претендовать Стамбул и Киев, Казань и Толедо)
- Сто лет археологических исследований в Палестине не смогли дать никаких доказательств исторического существования ни Давида, якобы захватившего Иерусалим, ни его сына Соломона, якобы построившего первый еврейский Храм
- Трудно предположить, что какие-либо евреи жили в нынешнем Иерусалиме задолго до его захвата османами. Скорее всего, они появились в Палестине в результате своего участия в составе войск Венеции, Генуи и других европейских городов и государств (вот они – крестоносцы), которые не раньше 15-го века (скорее всего лишь в 16-м) начали борьбу за эти земли с наступающими с севера османами.
- Впрочем и в составе османских войск было множество иудеев, так что именно османская Империя была одно время страной с наибольшим контингентом еврейского населения в мире и какое-то небольшое дополнительное количество евреев появилось в Иерусалиме уже после османского завоевания города в 16-м веке.

Несмотря на все эти неувязки, миф о Иерусалиме играет важную роль в политике националистических кругов в Израиле. Когда премьер-министр Ихуд Барак в 2000-м году вел переговоры с Ясиром Арафатом и был готов признать Восточный (арабский) Иерусалим столицей арабского государства Палестина, националисты обвиняли его в намерении нарушить единство Иерусалима и продать часть одного врагам. Неспособность националистов признать палестинский статус Восточного Иерусалима является одним из главных препятствий к мирному соглашению с палестинцами.

Что касается второго израильского мифа (мифа о Храмовой горе), то и здесь Гольдбергер видит многие несоответствия одного традиционным историческим представлениям:

- Практически только при жизни Соломона его Храм был еврейским храмом. Вскоре после его смерти в нем возобладали языческие культы, возобновилось служение доиудейским идолам, а также божкам мощных соседних стран, в разное время доминировавших в регионе, таких как Ассирия, Египет и Вавилон.
- После восстановления разрушенного Навуходоносором храма в нем продолжали служить и во славу чуждых религии евреев правителей, каковыми были то персы, то греки, то римляне (как, например, в советское время в синагоге возносили молитвы во славу товарища Сталина и советского правительства).
- Храм в основном был местом жертвоприношений, которые современный иудаизм вряд ли считает славной страницей истории религии.
- Храм превратился со временем в рассадник коррупции, торгашества и интриг, что признается даже талмудом
- Долгие годы Храм был центром теократии, государственной формы, которую в демократическом Израиле сегодня приветствовали бы только особо фанатичные поклонники иудаизма (большая часть населения Израиля имеет светские взгляды и не в восторге от внутривластной роли религиозных партий)
- Фиксация на храм противоречит сегодняшней сути иудаизма и означает возврат в далекое прошлое, когда в совсем других условиях широко распространенного идолопоклонничества привязка к определенному месту имела важное значение (религия священных мест, капищ)
- Исторический опыт показывает, что преувеличение роли Храма (в противовес внутренним ценностям) для религии приводит к длящимся столетиями войнам, как это было со все теми же крестоносцами.

Рис. 6.5. Главная святыня современного иудаизма – западная стена или Стена Плача. Считается, что видимый слева участок стены из сравнительно небольших камней с грубыми швами между ними был построен крестоносцами, а хорошо подогнанные камни гигантского размера уложил в стену на тысячу с лишним лет до них царь Ирод, владевший технологиями до которых крестоносцы не могли додуматься. У историков всегда так: прошлое полно чудес, в том числе и технологических. Сам Ирод в течение веков был не менее знаменит, чем Александр Македонский, но по мере снижения рождаемости возрастала наша идеальная любовь к детям, так что репутация царя, избивавшего младенцев, понизилась до сегодняшнего весьма скромного уровня.

Отмечу, что к моменту восстановления Храма основой религиозной жизни евреев уже стали синагоги, заменившие и полностью вытеснившие Храм. «Тысячи синагог в странах рассеяния, а позже и в стране Израиля, не что иное, как тысячи осколков, на которые распался первоначальный единый иерусалимский Храм.» пишет Юлий Марголин в книге «Повесть тысячелетий. Сжатый очерк истории еврейского народа» (Тель-Авив, 1973, стр.55), имея в виду рассеяние во время вавилонского плена и после него. А более 19-то веков Храм просто не существует, чем и доказывается его абсолютная ненужность для иудаизма. Если обратиться к историко-аналитической модели прошлого, то никакого еврейского Храма в нынешнем Иерусалиме никогда и не было, а Стена Плача – почитаемая как последний осколок бывшего Храма, на самом деле есть возведенный т.н. «крестоносцами» (на самом деле средиземноморскими европейцами 15-го и 16-го веков) участок оборонительной стены внутригородского замка. Гольдбергер подчеркивает сомнительную роль мифа о Храме в политике Израиля. Он считает сам этот миф возвратом к архаичным представлениям об иудаизме. Святость, привязанная – к тому же без особого к тому основания – к определенному пятачку земли, образует трагическое препятствие, которое стоит на пути великой универсальной святости мира.

Турция, арабские страны, Индия

Вторая половина 20-го века охарактеризовалась возникновением сотен новых независимых государств. И каждое из них тут же принялось за историческое мифотворчество. Из пальца высасывались великие истории малых и средних народов, с потолка списывались все новые и новые «славные страницы» их ранее никому не известного прошлого.

Сохранение государством его исходной легитимности зависит в большой мере от выполнения им норм международного права. Нарушение Турцией этих норм при захвате Северного Кипра, несмотря на благородную цель предотвращения прогреческого путча и аннексии Кипра правительством «черных полковников», привела к тому, что Республика Северный Кипр не была признана ни одним государством мира, кроме самой Турции. И это несмотря на то, что воля населения в этом случае полностью совпадала с волей руководства Республики.

В самой Турции сейчас происходит трудный процесс преодоления некоторых из созданных уже в младотуркской (1909–1918) Турции и догматизированных в ататюркской Турецкой Республике после ее провозглашения в 1923 г. исторических мифов. Два из них преодолеваются с особым трудом:

- Миф о том, что курды не образуют отдельного народа, не имеют отдельной от турок истории и культуры
- Миф о том, что никакого геноцида по отношению к турецким армянам на заре возникновения Республики не было

Первый миф был закреплен Версальским мирным договором после первой мировой войны, когда Турецкую Республику обязали уважать права национальных меньшинств, но упомянули в качестве последних только православных греков (и вообще христианские меньшинства) и приверженцев иудаизма. Курдов, как уже исповедовавших к тому времени мусульманство, полностью забыли. В результате в Турции их официально считают горными турками, а их язык был до недавнего времени под запретом. Каждый, кто устно или письменно пользовался этим древним (в отличие от возникшего в течение последних сотен лет турецкого) языком считался сепаратистом и государственным врагом и вполне даже мог попасть в тюрьму.

Если под давлением требований Европейского Союза, в который она хочет войти, Турция уже разрешила в последнее время использование курдского языка в быту, прессе и в контролируемых пока государством воскресных школах (об общеобразовательных школах с курдским языком преподавания пока говорить рано), то с армянским геноцидом ситуация сложнее. Турки не без основания ссылаются на регулярное предательство армянского населения в каждой из многочисленных войн с Россией в течение 19-го века. И хотя царское правительство практически каждый раз предавало интересы армян Турции и в обмен на территориальные уступки на Балканах возвращало Турции занятые русскими войсками восточно-турецкие территории, с началом каждой новой войны у армян возникали новые надежды на освобождение от мусульманского владычества и они снова переходили на сторону России. Османская империя, привыкшая иметь дело с многими национальностями, с их постоянной оппозицией (например, с арабской), почти весь 19-й век как-то жила с этой враждебностью армянского населения.

Но с конца 19 в. началось физическое преследование армян, вылившееся в погромы и депортации в 1895–97 гг., в 1909 г. и особенно после начала первой мировой войны в 1914–15 гг., которое привело к гибели большей части армянского населения Турции. Этот первый геноцид в новейшей истории

рассматривается на Западе Европы как образец, по которому нацисты через 30 лет организовали массовое уничтожение евреев, цыган и других групп европейского населения. Признание Турцией своей исторической вины за это преступление против человечности является абсолютно необходимым условием приема в ЕС и Турция это хорошо знает. Однако на этот противоречащий всей турецкой ментальности и устоявшимся историческим легендам шаг по уничтожению устаревшего исторического мифа турецкая элита идет с огромным трудом.

Государства, не выполняющие норм международного права, рискуют подвергнуться бойкоту или даже блокаде со стороны других государств, а их правительства могут оказаться под угрозой свержения со стороны, как это было с режимом Мобуту в Конго, красных кхмеров в Камбодже, талибов в Афганистане и кровавого диктатора Саддама Хусейна в Ираке. Но даже признание массивного нарушения прав человека в далеком прошлом может, как это видно на примере Турции, стать серьезной международной проблемой.

Историотворчество началось в эпоху «Возрождения» и «гуманизма» с создания образа мифической Древней Греции и мифического же Древнего Рима. Оно перекинулось в 17 в. на выдуманное библейское прошлое и выдуманное же длинное прошлое римских пап и вообще всей христианской церкви, охватило в 18 в. основные европейские государства, а также такие великие страны, как Россию и Китай. Особенно активно история выдумывалась в 19 в., когда из почти ничего (в основном из археологических артефактов и разрозненных единичных записей, интерпретированных на исторический лад) возникла «древняя» история Египта и Месопотамии.

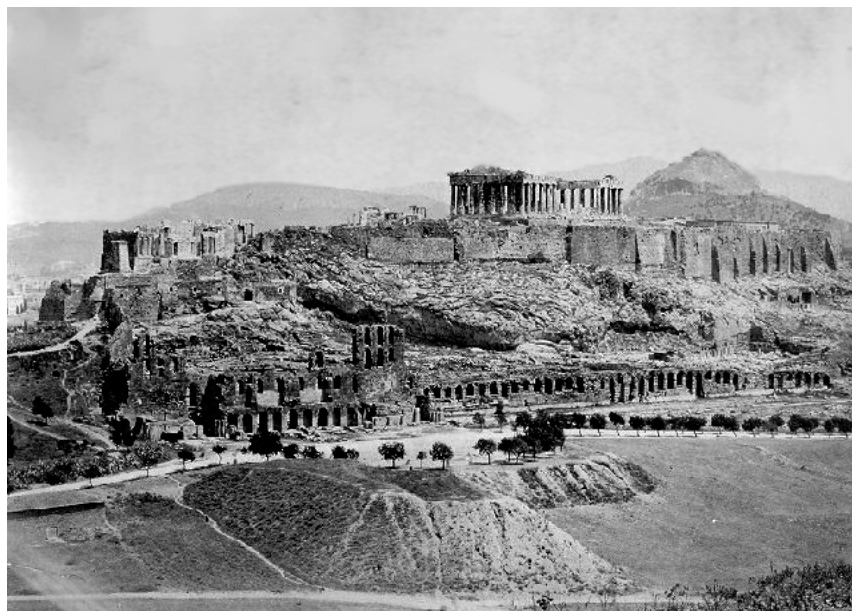

Рис. 6.6. Так выглядел Акрополь в Афинах после того, как одержимые идеей классической античности в ее немецком академическом варианте баварские подданные первого греческого короля Отто не снесли в начале XIX века все жилые здания, минареты, мечети и прочие постройки живого города на Акрополе, сохранившего свой позднесредневековый и турецко-балканский характер до начала греческой автономии. В самих Афинах, тогда еще не существовавших как реальный город, у подножия Акрополя немцы попытались построить античный город в стиле классической архитектуры. Этот замысел грандиозного античного камуфляжа сорвался из-за демографического взрыва и нехватки средств.

Во второй половине 19-го века началось и придумывание истории Индии – великой неисторической и нехронологической азиатской метацивилизации. Этот процесс продолжался активно и в первой

половине 20-го века, когда выращенная в европейской традиции новая индийская интеллигенция довела мифологизацию индийского прошлого до некоторой предварительной завершенности. Так как эта выдуманная история не могла покоиться на «исторических источниках» из-за их отсутствия в системе индийских культур, то мы в результате имеем версию прошлого, основанную на художественной литературе и богатой индийской мифологии.

Впрочем недавнее националистическое правительство выдвинуло лозунг полного переписывания этого мифа в плане его подгонки под учение Ганди: история Индии де должна демонстрировать полное отсутствие конфликтов, стопроцентное миролюбие народа Индии, отсутствие в ее прошлом каких-либо войн и или конфронтации с применением насилия. И все это на фоне не прекращающегося религиозного фанатизма, массовых беспорядков с применением насилия, военной конфронтации с Пакистаном. не говоря уже о недавних военных захватах Бангладеш и Гоа и о войнах с Китаем. Древняя мудрость индийцев, исключивших историю из своей культуры, к сожалению уступила в современной Индии западному представлению о том, что история как дышло: куда повернул, так и вышло.

6.3. Новые исторические мифы Африки

Возникновение африканской историографии во второй половине 20 в.

Первый африканский историк современного толка Ш.А Диоп (1923–1986) начал свою карьеру в исторической науке с обвинений в адрес традиционной историографии в евроцентризме (и в этом он, конечно же, абсолютно прав), фальсификации истории (а уж как он прав в этом пункте!) и пренебрежении свидетельствами о важной, если не центральной, роли африканских цивилизаций в мировой истории (тут важно сохранять объективность, «холодную голову» и не впадать в идеологическое шаманство при выравнивании чашечек весов, конечно же подкрученных европейской «исторической наукой»). Он обвинял европейских историков в субъективизме и политической пристрастности, которая одна и приводит их к научной слепоте, мешающей признать происхождение европейской культуры от негро-африканской.

Рис. 6.7. Иллюстрация к эпосу знаменитого итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595) "Освобожденный Иерусалим", посвященному крестовым походам. Из генуэзского издания 1590 года. Как мы видим, иллюстратор известный итальянский мастер медных гравюр Агостино Карраччи (1557–1602) – был абсолютно убежден в том, что Иерусалим расположен на морском берегу. Более того, можно с большой долей уверенности утверждать, что здесь изображен не просто крупный и хорошо

Ничего хорошего такая позиция для него значить не могла, и его докторская диссертация по истории была в 1954 г. отвергнута. Защита состоялась лишь в 1960 г. после шумного успеха его книги, написанной по материалам этой диссертации. О его деятельности можно прочитать в главе «История и историки» книги Т.М. Тавристовой «Африканские интеллектуалы за пределами Африки», вышедшей в 2002 г. в издательстве Ярославского госуниверситета. В дальнейшем я следую изложению Тавристовой, сотрудницы лаборатории востоковедения и африканистики кафедры всеобщей истории названного университета.

Африканские цивилизации (я имею в виду цивилизации Черной Африки) обходились, судя по всему, без европейского понятия истории. Появление первых историографических записей связано было с распространением ислама и христианства и представляет собой, следовательно, довольно поздний феномен. В рамках наших критических воззрений, относящих распространение монотеистических религий к периоду последних 500 лет, даже

укрепленный порт на берегу моря, а вполне конкретный такой порт – город константинополь. Что же, генуэзцы, венецианцы и жители других городов северной Италии XVI века, скорее всего, и были активными участниками реальных крестовых походов на Ближний Восток, "опущенных" позже историками на несколько веков в глубь времен.

весьма поздний.

Ограниченный интерес, проявленный в 19 в. европейскими колониалистами к истории

порабощенных африканских стран, позволяет сегодня приводить единичные ссылки на работы этого времени, но говорить о возникновении истории Черной Африки в 19 в. или даже в первой половине 20 в. я бы не решился. У европейцев было распространено представление о негро-африканцах как о людях без истории, без достоверной или мало-мальски систематизированной информации о прошлом.

Европейские историки считали, что у негро-африканцев не было в прошлом каких-либо достойных упоминания достижений. Самобытную африканскую культуру историки Европы в массе своей просто не замечали, а отдельных наиболее талантливых ее представителей рассматривали как исключение из правила. Субъективизм в оценке африканского прошлого был скорее нормой, чем экзотикой.

Кстати, у автора, на которого мы ссылаемся, как и у большинства историков, нет ясного представления о разнице между прошлым и историей. В статье «Человек-невидимка» (интеллектуалы «африканского зарубежья» в поисках идентичности), напечатанной в сборнике «Конфликты и компромиссы в мировой истории», Ярославль, 2004 она так и пишет «Африканцев воспринимали как людей без прошлого – без истории», как будто народы без прошлого возможны! Возможны лишь народы без известного нам (хорошо или хотя бы приблизительно) прошлого и в этом смысле без истории!

Прошлое есть всегда и у всех и оно практически всегда оставляет какие-то материальные, лингвистические, мифологические, психологические и пр. следы, поиском которых и занимаются археология, историческая лингвистика, фольклористика, этнография и т.п. Вопрос лишь в том, известно ли оно нам настолько, что мы в состоянии его смоделировать, написать историю. Создание африканской истории происходило нога в ногу с антиколониальным освободительным движением и не стоит удивляться тому, что тезисы первых африканских историков служили целям этой освободительной борьбы.

Как бы благородны ни казались нам эти цели, они подтверждают наш общий тезис о том, что история во все века, в любой ситуации и в любом регионе мира была преданной служанкой политики, ее куртизанкой и платной девкой. В то же время и мифы о прошлом Африки, созданные колонизаторами, были определены политикой, на сей раз политикой колониальных держав и идеологией колониализма.

Исторический афроцентризм. Диоп – историк или политик?

Возвращаясь к Ш.А. Диопу, основоположнику теории о самобытном африканском пути развития, отметим, что в его случае мы имеем дело с незаурядной личностью, в биографии которой трудно разделить политическую и научную компоненты. Как ученый он получил многостороннее образование: изучал физику под руководством Ф. Жолио-Кюри с 1946 г., слушал лекции по античной истории и археологии с начала 50-х годов, занимался культурологией, социологией, лингвистикой и философией в Сорбонне. Как активный политик он участвовал в студенческом движении, содействовал проведению в Париже в 1951 г. первого международного panaфриканского студенческого политического конгресса. Он был одним из инициаторов создания т.н. Новой ассамблеи демократических африканцев, генеральным секретарем которой он был в 1953–56 гг.

У него был скорее образ борца за независимость и равноправие негритянских народов, идеолога panaфриканизма и антиколониализма, чем академического историка или философа истории. Его тезисы были взяты на идеологическое вооружение лидерами африканского освободительного движения, а сторонники афроцентризма в среде негритянского населения США считали Диопа своим наставником и учителем, учителем с большой буквы, чуть ли не пророком. Характеристики, которые трудно приложить к образу историка-мыслителя. «В среде историков и философов его взгляды считались тенденциозными. Объективность его выводов подвергалась сомнению.» (стр. 175)

Учение Ш.А. Диопа называли «популярной историографией», а его последователей – «ежами», «лисами», «копателями», «бульдозерами», «лоскутниками», намекая на то, что их теория базируется на разрозненных, нередко совсем не связанных друг с другом данных «сомнительного» происхождения, полученных эмпирическим путем. Их обвиняли в примитивизме, субъективизме и тенденциозности, в отходе от традиций академизма и классической европейской учености, в «периферийности» и «провинциальности». (стр. 300)

В то же время критики признавали междисциплинарный характер его исследований. Ш.А. Диоп изучал лингвистику (в первую очередь африканские языки) и подчеркивал ее связи с математикой, детально изучал данные археологии и антропологии, применял физические и химические методы изучения артефактов.

К чему же сводится научная позиция этого незаурядного африканского деятеля культуры, изложенная им в нашумевшей книге «Негрские нации и культуры (От негро-египетской античности до культурных проблем современной черной Африке)» (Diop C.A, Nations negres et culture, 1954), а также в различных его статьях (см. например, Diop Ch.A, The Afrikan Origin of Civilization. Myth or Realyty. Lawrence Hill / Company, N-Y., 1974, I–XVII.). Переходя к ее краткому освещению, отметим, что Бэзил Дэвидсон, начавший публиковать книги об Африке в середине 50-х годов, в своей книге [Дэвидсон] не проронил о теории Диопа ни слова.

Опираясь на древнегреческие и римские тексты, данные этнографии, археологии и лингвистики Диоп утверждал, что древнеегипетская цивилизация, а с ней и вся европейская, имели африканские корни. Он исследовал содержание меланина, ответственного за цвет человеческой кожи, в крошечных чешуйках кожи, взятых с поверхности египетских мумий, и пришел к выводу, что содержание меланина в них в точности соответствует таковому в коже представителей негритянской расы. В то же время аналогичные анализы для представителей белой расы (европеоидных, кавказских и

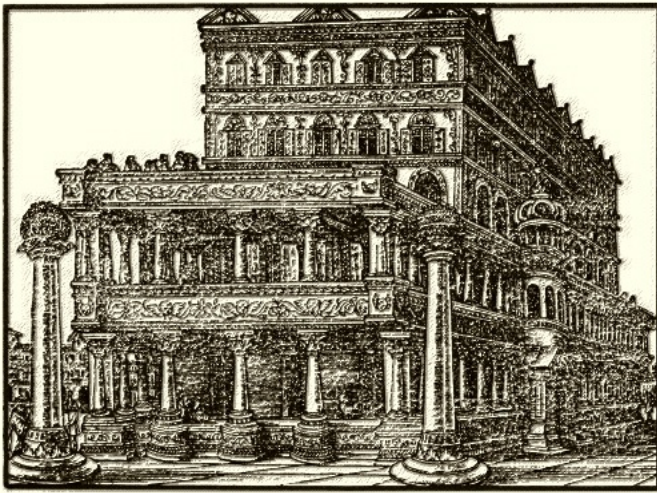

Рис 6.8. Таким представлялся Храм Соломона иллюстратору Библии Мартину Лютеру. В свойственном его времени архитектурном стиле. Если бы изобразить этот Храм поручили бы современному художнику, то он нарисовал бы его вылитым из бетона и снабженным стеклянным фасадом. А в XXII веке его будут изображать в виде громадного космического корабля где-нибудь в поясе астероидов.

семитских народов), давало результаты, отличные от таковых для черной расы.

В своей книге он давал критику европейских воззрений на древнеегипетскую цивилизацию (первые три главы книги), отвергал ее почти европейский характер. В последующих четырех главах он обосновывал свою теорию происхождения европейской цивилизации от афро-негроидной. Тем самым первая часть его книги должна была дать научное обоснование идеи афроцентризма.

Вторая часть книги носила откровенно политический и идеологический характер. Здесь он затрагивал темы борьбы африканских народов против колониализма, за независимость своих стран. Его волновали проблемы

самоидентификации народов Черной Африки, их отношения к своим языкам и к своей национальной или этнической культуре.

Он склонялся к тому, что африканскую историю должны разрабатывать (придумывать?) только африканцы. Позиция, скажем прямо, близкая к расистской. При этом он сам себя афроцентристом не считал: просто мол он открыл истину, которую европейские ученые не хотели видеть. Но национал-романтический характер его теории очень уж явно укладывается в схему «Поставим историю на службу национальным политическим целям!».

В той мере, в которой он отстаивал самобытность африканской культуры и цивилизации, и протестовал против европейских представлений об отсталости оных (любые оценки в истории приводят к идеологии и политическому проституированию!), с ним можно согласиться. Однако обоснование «культурной исключительности» Черной Африки и его борьба за приоритет слишком сильно напоминают аналогичные работы бесчисленных историков-националистов или расистов.

Декан факультета истории и международных отношений Кемеровского университета кандидат исторических наук, доцент Юрий Людвигович Говоров посвятил истории Африки две книги

- История стран Азии и Африки в новейшее время. - Кемерово, 1997
- История стран Азии и Африки в средние века. - Кемерово, 1998

Во второй из них он пишет

«Потребности сохранения общественного согласия после деколонизации обусловили стремление африканских историков и политиков использовать историческое прошлое в соответствующей интерпретации в качестве "основного рычага" (Ки Зербо). В духе этой тенденции Ш. А. Диоп договорился до утверждений о "цивилизационно-культурном приоритете" Африки буквально во всех сферах (египетская цивилизация создана негроидами; негро-египтяне

цивилизировали весь мир...). Вплоть до 70 гг. подход африканских историков к прошлому континента отличался идеологизированностью и политизированностью, муссированием тезиса о "прародине человечества", утверждениями об отсутствии классового расслоения и эксплуатации в доколониальном африканском обществе. Некритический подход и склонность к идеализации прошлого Тропической Африки проявляли и европейские исследователи, симпатизировавшие борьбе ее народов за политическую и духовную деколонизацию. Так, Б. Дэвидсон выдвинул тезис о некоей "полной гармонии" африканской культуры с социальными отношениями (непонятно, однако, что же тогда породило замедленность развития и всесторонний застой традиционного африканского общества?)»

Эфиопия как центр всемирной цивилизации.

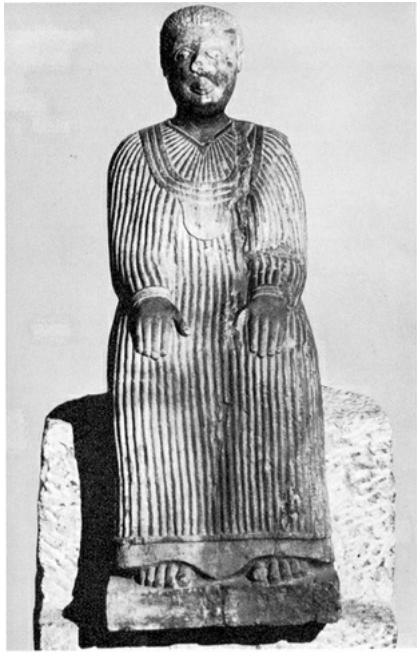

Рис.6.9. В книге "Христианская крепость Африки", посвященной Эфиопии, изображена эта статуя, раскопанная юго-восточнее Аксума. Ее считают представительницей высокой культуры первой эфиопской империи, датируемой временем около 500-го года до н.э.. Была ли эта культура достаточно высокой, чтобы послужить зародышем всей мировой и, в частности, европейской культуры – особый вопрос. Автор книги считает, что сама культура первой эфиопской империи пришла из южной аравии.

Такой, охарактеризованной этим заголовком позиции, придерживался камерунский писатель и историк, доктор философии Сорбонны Энжельбер Мвенг. Чисто политическая ангажированность этого выдающегося деятеля африканской диаспоры (он родился в 1930 г.) была менее значительной, чем у Ш.А. Диопа, хотя, впрочем, и последний старался в зрелые годы держаться в стороне от политики. Тем не менее, Энжельбер Мвенг был президентом Всемирной конференции религии и мира, возглавлял Ассоциацию теологов стран «третьего мира» и заведовал отделом культуры в Министерстве образования Камеруна.

Как историк он написал диссертацию на тему «Греческие источники негро-африканской истории от Гомера до Страбона», которая была издана без изменений отдельной книгой. В ней он полемизирует со многими историками «античности», считая, что они искажали африканскую историю. Для него Древний Египет был основанной негром Осирисом колонией Эфиопии, а все достижения современной цивилизации, включая письменность, и вообще искусства, социальную организацию общества, культы и религию он приписывал неграм. Итак, Эфиопия как колыбель цивилизации.

Хорошо еще, что он не объявил таковой свой родной Камерун, истории которого он посвятил двухтомную «Историю Камеруна» (1963, 1985). Впрочем, с перенесением центра мировой цивилизации в Эфиопию были согласны не все негро-африканские историки. Так Т. Обенга, автор книги «Африка в древности» (1973, с предисловием Ш.А. Диопа), ученик и оппонент Ш.А. Диопа, продолжал отстаивать теорию Диопа о

негритянском происхождении египетской и мировой цивилизации.

Гавристова считает, что его интерес к доколониальному периоду африканской истории был связан со стремлением самоутвердиться, доказав негро-африканское происхождение древнеегипетской цивилизации. В дополнение к аргументам Диопа он попытался привести еще и лингвистические, сконструировав некий «негро-египетский язык». Он утверждал, что от этого якобы некогда существовавшего языка произошли как египетский и коптский языки, так и все африканские языки современной Африки, включая распространенные по всей Африке языки банту.

Однако доказательства этой мысленной конструкции, приведенные историком, не были признаны достаточными: ему удалось найти только 9 общих для всех названных языков слов, якобы поддерживающих его теорию. И хотя он усиленно пропагандировал идею афроцентризма в ее диоповском варианте, у непредвзятых ученых, с каким бы сочувствием они ни относились к попыткам африканских ученых решить проблему собственной идентичности, не могло остаться

никакого иного ощущения, кроме того, что и здесь историю грубо поставили на службу идеологии и политики.

Политики Африки в роли историков.

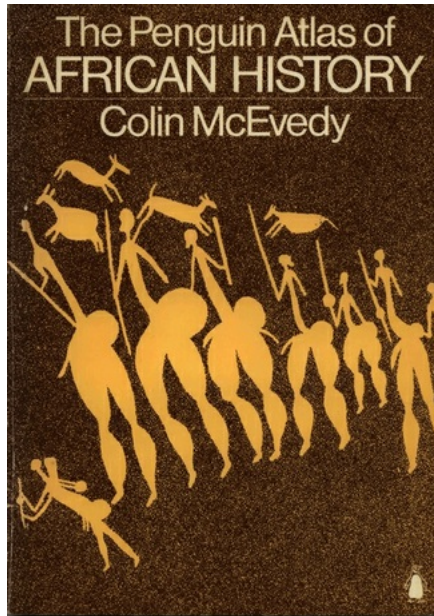

Рис. 6.10. Состояние наших знаний об истории Африки и ее культуры документирует этот исторический атлас, впервые изданный в 1980 году. Каждая из 59 исторических карт снабжена пояснительным текстом длиной от одной до нескольких страниц. Общее впечатление – крайняя скудность наших знаний об истории этого континента, который в своей основной части долго не был включен в процесс европейского выдумывания истории.

В 1975–1979 гг. Т. Обенга был министром иностранных дел Конго. Однако список имен африканских интеллектуалов, отдавших дань политике, не ограничивается этим именем. В первую очередь к этой плеяде нужно отнести поэта и философа Леопольда Сенгора, беременного политикой, как выражается о нем Гавристов. Более 20 лет (1960–1981) он был президентом независимого Сенегала. Его, правда, трудно назвать историком в традиционном смысле этого слова, но он был создателем философии негритюда, которая легла в основу всех более поздних афроцентристских теорий, в том числе и интересующих нас чисто исторических.

Негритюд должен был по замыслу Сенгора и других классиков этого учения представлять некую свойственную африканцам ментальную систему, в корне отличную от таковой белого человека. Негритюд морально осуждал все то, что составляло якобы сущность европейской цивилизации и возносил то, что, как казалось Сенгору и другим, более свойственно неграм чем европейцам: не предприимчивость, а чувственность, не стремление к экспансии в духовной и географической областях, а спокойную рассудительность африканского человека. Его лозунг «Эмоции принадлежат черным, а разум грекам».

Один из идеологов негритюда так характеризовал эти отличия:

«Да здравствуют те, кто ничего не изобретал.

Да здравствуют те, кто никого не поработал (...)

Да здравствуют те, кто не изобретал ни пороха, ни компаса,

И те, кто не ставил газ и электричество на службу человеку,

И те, кто не исследовал просторы морей и небес ...

Мой негритюд – это не вершина (...)

Мой негритюд – не крепость и не кафедральный собор.

Это – проникновение в плоть земли»

(Э. Сезэр, Возвращение в родные места, 1939)

Еще один пример ученого, посвятившего себя политике – это Кваме Нкрума (1909–1972), первый

президент Ганы, первого независимого государства в Африке (1960–1966). Увлеченный скорее современной ему политикой и новейшей историей, а не моделированием африканской древности, он тем не менее показал, как неразрывно связаны история и политика в развивающихся странах. Свой грех увлечения марксизмом он в какой-то мере искупил той редкой для африканских интеллектуалов позицией, когда не все сводится к африканской исключительности.

К сожалению, это было в среде африканских интеллектуалов скорее исключение из правила. Подавляющее большинство африканских историков не устояло перед соблазном посвятить всю свою жизнь, все свои научные изыскания теории африканской исключительности, которая, как и любая другая теория исключительности в лучшем случае просто смешна, а в худшем полностью подрывает доверие к творчеству отстаивающих ее историков.

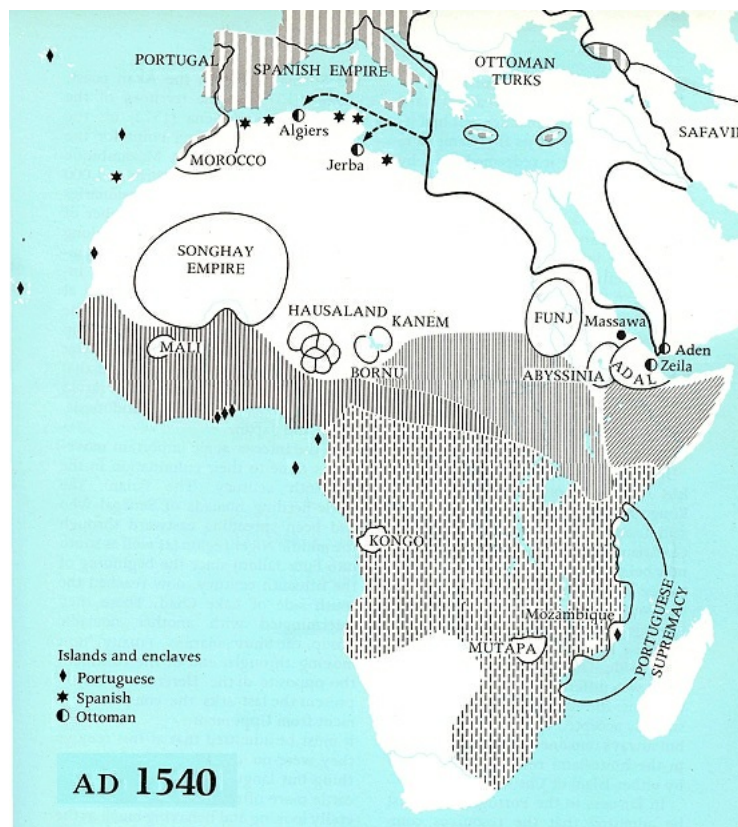

Рис 6.11. Конкретная карта из атласа по истории Африки (см. рис. 6.10), относящаяся к 1520 году. Видно, как мало знают современные историки об Африке, не отстоящей от нас даже на 500 лет. Об Африке, до которой рукой подать. Даже дети ходят в Африку гулять. А историки? Начисто забыли свой высокий долг выдумать богатую культуру каждой стране и каждому континенту! Около десятка наименований с весьма приблизительными границами соответствующих государственных образований (вряд ли хотя бы один из этих искаженных овалов соответствует с какой-то стапелюточности реальному прошлому). Если бы не первые колониальные владения европейцев, то и вообще нечего было бы показывать на карте. Оно и ясно: письменности еще не было. Почему же мы считаем себя вправе исписывать тысячи страниц о бесписьменном периоде европейской истории?

Заключение: поломать господство мифа.

ТИ стареет на глазах. У нее кончаются жизненные силы и исчезает тематика, хоть как-то претендующая на научность. Пойдя на поклон национализму, ТИ соскользнула в фазу старческого маразма, болезни Альцгеймера и прогрессирующего склероза. В фазу глубокого старческого кризиса. Ничего не поделаешь: старость не радость. Старость, по меткому выражению покойного поэта Михаила Светлова, это такая фаза жизни, когда половина мочи уходит на анализы. Но анализы нужно уметь делать. Нужен медицинский персонал. Таким вот медицинским персоналом для истории и является историческая аналитика.

Но последняя способна не только на анализ. Она может больше. Она ставит вопрос о причине болезни и показывает, что и в дряхлом теле может возродиться исследовательский дух того же фон Ранке. Нужно только перестать чураться критики и продаваться каждому платящему. Нужно понять новые вопросы, сформулированные исторической аналитикой, и начать применять свое историческое ремесло к их решению. Нужно перестать бояться вопросов и отказаться от догмы о существовании ответов на все и вся уже в рамках ТИ.

Бог с ними, с национальными мифами. Поставьте их на полку народных сказок и займитесь делом. Дело историка не плодить мифы, а вскрывать их примитивный характер и оценивать долю чистого вранья в них. Как в рамках ТИ, так и – в еще большей мере – исходя из новых моделей прошлого, как описательных, так и хронологических.

Литература

[Бернал] Bernal, Martin: Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. Bd.1. The Fabrication of Ancient Greece 1785-1985; 1987 (немецкий перевод Bernal, Martin: Bd.1: Schwarze Athene. Die afroasiatischen Wurzeln der griechischen Antike; wie das klassische Griechenland "erfunden" wurde. List, München. 1992.

[Говоров1] Говоров, Юрий Людвигович: История стран Азии и Африки в новейшее время. – Кемерово, 1997

[Говоров2] Говоров, Юрий Людвигович: История стран Азии и Африки в средние века. – Кемерово, 1998

[Гольдбергер] Goldberger, Ernest: Historische Realitäten und politische Dogmatisierung, Neue Zürcher Zeitung, 3. Januar 2004

[Гуц1] Гуц, Александр: Подлинная история России, Госуниверситет, Омск, 1999

[Гуц2] Гуц, Александр: Многовариантная история России, АСТ, Москва, 2000.

[Диоп1] Diop, C.A: Nations nègres et culture, 1954

[Диоп2] Diop Ch.A: The African Origin of Civilization. Myth or Reality. Lawrence Hill Company, N-Y., 1974.

[Дэвидсон] Дэвидсон, Бэзил: Африканцы, Введение в историю культуры, Наука, Москва, 1975.

[Ефимов] Ефимов, Борис: Второй Израиль для территориалистов, (Мюнхен, 1981.

[Корино] Corino, Karl (Hg.): GEFÄLSCHT! Betrug in Politik, Literatur, Wissenschaft, Kunst und Musik. Durchgesehene Neuausg. d. 1988 bei Greno erschienen Ausgabe. Frankfurt/Main, Eichborn, 1990.

[Лоймайер] Loimeier, Roman: Edward Said und der deutschsprachige Orientalismus, Stichproben. Zeitschrift für kritische Afrikastudien, 2/2001, pp.63-85

[Марголин] Марголин, Юлий: Повесть тысячелетий. Сжатый очерк истории еврейского народа, Тель-Авив, 1973.

[Мартис] Martis, Nikolaos K.: Die Fälschung der Geschichte Makedoniens, Onassis-Stiftung, Athen, 1984

[Саид] Said, Edward: Orientalism, Vintage Books, New York, 1978 (1995)

[Тавристова] Тавристова, Т.М.: Африканские интеллектуалы за пределами Африки», издательство Ярославского госуниверситета, 2002.

[Урсу] Урсу Д.П.: Современная историография стран Тропической Африки, Наука, М., 1983.

[Ферро] Ferro, Marc: Comment on raconte l'Histoire aux enfants a travers le monde entier, Editions Payot, Paris, 1981; Русский перевод: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992; Английский перевод: Ferro, Marc: The Use and Abuse of History.: Or How the Past Is Taught to

Children. UK Taylor & Francis Ltd. 2003; Немецкий перевод: Ferro, Marc: Geschichtsbilder. Wie die Vergangenheit vermittelt wird. Beispiele aus aller Welt, Frankfurt/Main, Campus, 1991

[Шалый] Шалый, Андрей: После дождя. Югославские мифы старого и нового века, НЛО, Москва, 2002.

[Шнирельман] В.А.Шнирельман, Войны памяти, Мифы, идентичность и политика в Закавказье. Академкнига, Москва, 2003.

Глава 7. Мифы предыстории.

Меня не удивляет, что греки создали Илиаду или египтяне и китайцы – их исторические произведения. Достаточно лишь исследовать, как эти труды возникли. Авторы этих легендарных историй не являются никакими современниками происшедшего, о котором они пишут. [...]

Любое историческое произведение, не написанное современником событий, подозрительно. В частности книги Сивилл и Трисмегист и многие другие, которые воспринимались с уважением в мире, неверны и в более поздние времена их неверность становится очевидной.

Блез Паскаль, Мысли, афоризм 436/628 (стр. 186)

Передовые и наиболее блестящие умы Западной Европы, например Спиноза, занимали в 17-м веке резко отрицательную позицию по отношению к истории. Барух Спиноза (1632–1677) считал, что понятие истины к истории неприменимо. Рене Декарт (1596–1650) объявлял занятия историей недостойными ученого и вообще любого мыслящего человека. [Вайнштейн] приводит уничижительные оценки роли истории, данные картезианцами – последователями Декарта. Готтфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) сравнивал свои занятия историей с браком со злой женой. Наконец, Йоганн Бурхард Менкен (1675–1732) – профессор истории в Лейпциге, историк права и историограф правящего двора в Саксонии и Польше, объявил на полном серьезе всех своих собратьев по профессии эрудированными шарлатанами.

На этом фоне становится не столь уж неожиданной позиция Жана Ардуэна (1646–1729), который считал всю древнюю историю и всю раннюю историю христианства выдумкой средневековых фальсификаторов. Будучи сам выдающимся историком церкви, которому французский королевский двор поручил составить полный свод документов всех Вселенских Соборов, он в ходе собственной работы убедился, что никаких истинных документов о Соборах в природе не существует (и был вынужден сам сочинять некоторые из них, чтобы завершить королевский заказ). Столетием раньше другой историк, он же филолог и кальвинистский теолог, Герхард Йоганн Фосс (1577–1649) в трактате «Искусство истории» отверг все сообщения античных авторов о Троянской войне, об основании Рима Ромулом и т.п. и высказал те же мысли, что после него Ардуэн: вся история в целом недостоверна ([Вайнштейн], стр. 460).

Такое презрительное отношение к изучению прошлого было, безусловно, на чем-то основано. Вайнштейн видит причину в плачевном состоянии исторической науки в 17 веке (стр. 463), но сам признает, что этого объяснения недостаточно. Современные историки не любят обсуждать причины такого отношения, концентрируя внимание преимущественно на преодолении историей этого к себе отношения в более позднее время. Хотя это изменение начинает проявляться уже в 18 веке, практически только с появлением школы Ранке можно говорить об изменении отношения общественности к истории. Но к 19 веку неверная модель прошлого уже была сколочена и превращена в догму, так что серьезные исторические исследования в архивах, посвященные новому времени и эпохе Ренессанса, приводили к расширению надстройки на висящем в воздухе фундаменте «древности», «античности» и «средневековья» традиционной исторической «науки».

Неверные представления о ранней истории Германии и Европы

Интенсивное мифотворчество, составлявшее важную сторону деятельности историков во все века и составляющее еще и сегодня область их многогранной активности, не позволяет надеяться на то, что ранняя история и предыстория свободны от мифов, превращенных в академические догмы, в аксиомы, на которых построено все остальное здание предыстории и ранней истории. Разбирать все примеры такого мифотворчества, все такие догмы и аксиомы мне не под силу. Остановлюсь, однако, на нескольких примерах.

Начнем с анализа аксиом предыстории северной части среднеевропейского региона, сделанного немецким археологом и историком доктором Клаусом Гольдманом, кавалером высшего ордена ФРГ Креста за заслуги на орденской подвязке. Отмечая, что в эпоху религиозных войн (например, 30-летней войны), во время Реформации и в более раннюю эпоху многие документы о ранней истории севера Средней Европы были уничтожены, Гольдман пишет о бедной базе источников для реконструкции ранней истории этого региона.

Отметим дополнительно, что и без варварской деятельности человека по разрушению документов, большинство из них стало жертвой времени (в частности, погибло при пожарах и других бедствиях, не говоря уже о крупных природных катастрофах). Кроме того, с точки зрения исторической аналитики, большая часть того, что сегодня считается историческими документами времени до 1648 г, еще даже не была создана до конца 30-летней войны. Гольдман, которого трудно отнести к последовательным критикам ТИ и хронологии, пишет

«В 15-м и 16-м веках рукописи античной эпохи, а также раннего и позднего Средневековья, были не только фальсифицированы, но и заново созданы. Сохранившиеся тексты Посейдония и, частично, Плиния Старшего о германцах (Гольдман верит в античность, но «сохранность» могла реально означать и то, что речь идет о несколько более ранних рукописях, чем заново созданные – Е.Г.) были выброшены на свалку и заново написаны в духе Ренессанса, который не мог обходить стороной христианство и религиозную мораль.»

А христианство признавало неварварами только последователей собственной религии. Так возник миф о том, что предки всех народов и племен северной Европы были нецивилизованными, некультурными варварами, не владевшими письменностью. Уже поэтому они не были способны ни на какие технические достижения. К тому же многие из жителей Северной Европы считаются потомками вандалов, которые хотя и не были уже язычниками, но придерживались арианской «ереси». Кстати, Гольдман убежден, что вандалы были племенем западных славян, как и некоторые другие «германские» племена. В отличие от многих других, вандалы, считает Гольдман, крепко держались за свою веру и оказались ввязанными в многочисленные религиозные баталии с католиками (с точки зрения исторической аналитики уже одно это сдвигает существование вандалов в середину прошлого тысячелетия). Это привело к созданию четкого образа врага у последователей победившей католической религии. А врагу полагается быть «страшным», «жутким», «кроважидным» варваром.

Ругательство «вандализм» было введено в обиход сравнительно поздно, как раз тогда, когда и писалась история Северной Европы. В 1739 г. Французская Академия ввела этот термин в оборот, а с ним и аксиому о том, что ранних германцев следует рассматривать как носителей вандализма, злобного и бессмысленного разрушения всего, что может восприниматься как цивилизованное и культурное или же как относящееся к чужой культуре.

Эта историческая догма передается из поколения в поколение и служит источником новой и новой ерунды в исторической картине прошлого. В результате этой аксиомы происходит и неверная интерпретация археологических находок доисторического и раннего исторического периода.

Из сформулированной выше аксиомы всеобщего варварства раннего населения Германии не следует автоматически еще одна догма о том, что все изменения ландшафта на севере Центральной Европы произошли в эпоху христианизации и в христианское время. На самом деле (как считает Гольдман) начало активного вмешательства человека в структуру ландшафта приходится на период последних четырех веков первого христианского тысячелетия. Таким образом, эти работы были спланированы и проведены еще в дохристианскую пору.

То, что христианизации Северной Европы была довольно поздней, вынужденно признает и ТИ, хотя она и пытается изо всех сил удревнить христианство в Европе. Согласно нашим сегодняшним представлениям, первые ростки монотеизма в Европе относятся к первой трети недавно закончившегося второго «христианского» тысячелетия. Этот монотеизм еще рано называть христианским, ибо из него в Европе сформировались и иудаизм, и разные ветви христианства, и ислам (например, его испанская – или иберийская – версия). Реальная христианизация Европы начинается около 1500-го года. А на Севере она стартует с некоторым запозданием, так что, например, т.н. Реформация – это никакая не реформация существующей религии, а создание одной из христианских религий.

Как мне кажется, события развивались следующим. Получив определенное распространение среди весьма в то время неплотного населения северной Италии и южной Франции, северной Испании и южной Германии, это новое религиозное направление (ранний монотеизм) совпало с появлением первых местных приходов, которые возникли из потребности коллективной защиты от многочисленных разбойников. Приходы строили – со временем и каменные – оборонительные башни, не имевшие входа ни на первом, ни на втором этаже, но дававшие возможность наблюдения за окрестностью. В башню можно было попасть только по веревочной лестнице, которую сбрасывал своим ее сторож. Члены общины совместно или по очереди дежурили на этой башне или все вместе нанимали для этого специального человека. В случае появления вдали опасности, на башне начинали бить в лист металла (литые колокола появились позже и тоже сначала служили в основном для подачи акустических сигналов).

С течением временем такими приходами покрывались и другие европейские территории. По специальному сигналу жители собирались в башне или около нее и для регулярного обсуждения совместных дел. Забираться на верхний этаж башни по веревочной лестнице или по канату было нелегко, особенно для старейшин. Поэтому по мере роста населения к башне (все еще имеющей только один вход на самом верху) стали пристраивать помещение для собраний. В них же со временем стали проводить и судебные разбирательства. Так возникли будущие церкви. Церкви, в случае которых еще рано говорить о христианстве или об определенном направлении оно.

Практически в каждой общине верили в бога по-своему, хотя между соседними общинами и могли возникать договоренности по разным культовым вопросам. Просто хотя бы потому, что большинство общин были не в состоянии содержать проповедника, и таковые, если они вообще были, обслуживали целый ряд общин в округе. Они же были и судьями. Первые епископы были даже в большей мере судьями, чем религиозными деятелями. Этот ранний период религии немецкие авторы (Царнак, Топпер) называют религией света, религией права, религией справедливости.

Практически все старые романские церкви были построены именно в рамках этой дохристианской

религии. Самые древние из них строились в форме восьмиугольника, и часто такое здание стояло отдельно от оборонительной башни более ранних времен или просто примыкало к ней. Вход из ставшего со временем довольно большим церковного здания в оборонительную башню, постепенно все более утрачивающей свою первоначальную функцию, начали пробивать много позже. Топпер в своих – пока еще не переведенных на русский – книгах приводит многочисленные иллюстрации церковных украшений романских церквей, не имеющих ничего общего с христианством. Многие из этих изображений мы сегодня никак не в состоянии интерпретировать, ибо в века христианизации из памяти населения пытались вытравить более раннюю символику. Однако уничтожать эти изображения, особенно на внешних стенах церквей, христианские миссионеры боялись, чтобы не вызвать гнев своих прихожан, еще недавно бывших «язычниками». Со временем они к ним привыкли и уже не обращали на них особого внимания. Так или похожим образом этим языческим украшениям удалось дожить до наших дней.

Приблизительно в это же время начали возникать первые монастыри. Как считает арабист Хельмут Фойт (Helmut Voigt), активный участник наших Исторических Салонов, это были военные поселения, создаваемые с целью колонизации новых земель и обеспечения защиты уже колонизованных. Образ жизни первых монахов сильно напоминает жизнь в военном лагере, а внутренняя монастырская (монашеская) дисциплина – военную дисциплину. Молодые мужчины шли охотно служить в монастыри, где им была обеспечена большая безопасность, чем на крестьянских дворах, защита от голода и холода.

Особый вопрос, кто организовывал монастыри. На первых порах это не могла быть церковь, ибо локальные церкви начали формироваться параллельно процессу распространения монастырей. Это могли быть племенные вожди и ранние феодальные правители, хотя роль последних в эпоху возникновения первых монастырей представляется сильно преувеличенной. Это могли быть также отдельные авантюристы или просто группы людей (в том числе и шайки разбойников). Следы реального процесса создания монастырей, скорее всего, сохранились не в выдуманной ранней истории церкви, а в истории поселенческого движения в Германии, известного как Дранг нах Остен (Заселение Востока).

Следующим этапом в процессе становления локальных церквей мог быть процесс расширения области действия епископов-судей и появления епископств. Эти изменения соответствовали все возрастающей роли монастырей и необходимости согласования деятельности соседних монастырей и улаживания конфликтов между монастырями и местным – в основном крестьянским – населением. Хронологически эти процессы можно себе представить на рубеже первой и второй третей рассматриваемого второго тысячелетия нашей эры. Епископами, судьями и посредниками, могли становиться и набравшие силу аббаты отдельных монастырей или выбранные несколькими аббатами из определенной местности, заключившими между своими монастырями военный и экономический союз, дополнительные администраторы. Первоначально такие епископы полностью зависели от аббатов, в руках которых была и военная, и экономическая сила, но со временем первые, часто выбиравшиеся из среды аббатов, приобретали все большее и большее влияние. Роль общин в признании авторитета епископов со временем уменьшалась.

Епископы пытались подчинить своему влиянию и местные общины, что не обходилось без конфликтов, о которых историки повествуют – уже в рамках выдуманной истории католической церкви – как о конфликтах внутри единой Империи германской нации (Священной Римской!) между епископами, приобретшими статус феодальных властителей, и жителями их – чаще всего столичных – городов.

Не исключено, что именно в это время сформировались массы независимых от епископов монотеистов, за души которых будет позднее идти борьба между иерархически организованной церковью (будущей католической церковью) и ее христианскими же противниками. Я вижу в этой массе не подчинившихся епископам и монастырям монотеистов начальную стадию иудаизма. Именно в этом смысле можно говорить о необычайно широком распространении раннего иудаизма в Европе в 14–15 вв. Эти же свободные религиозные общины монотеистов дали со временем начало арианству, исламу и другим религиозным течениям внутри монотеизма. Подчеркну, что в это время начинают распространяться легенды и истории, позднее канонизованные под именем Ветхого Завета, хотя ни Библии, ни Нового Завета еще не было и в помине. Впрочем, определенная динамика образа Христа уже прослеживается в это время: в основном, в форме театральных представлений – мистерий.

Следующий этап: возникновение параллельно с феодальными государственными образованиями государственных церквей и – более или менее параллельно – к объединению епископов между собой. Последнее привело к возникновению церковной иерархии и института папства, т.е. к тому самому папизму, против которого так неистово боролся Лютер. Ближе к 1500 г. основная масса протоиудеев сдалась нажиму со стороны церковной иерархии и признала главенство папы римского. Только с этого времени и можно говорить об евреях как о «староверах», сохранивших свою свободу от церковной иерархии. Около 1500 г. христианство было едва известно в Северной Европе, включая Брабант и Голландию, Северную Германию, Скандинавию и Прибалтику, и оформление как католической, так и лютеранской ветви христианства еще только начиналось после этого исторического рубежа.

Но и сохранившие независимость иудейские общины сохраняли длительное время хорошие отношения с церковной иерархией и состояли нередко под защитой местных епископов. Это и не удивительно, ибо в первые десятилетия или даже столетия после разделения церквей важную роль продолжали играть старые дружеские и родственные связи: многие семьи были расколоты в результате процесса кристаллизации папизма. В Польше, например, еще и в 17-м веке евреям поручалось управление христианскими церквями, их уборка, ремонт и украшение. В северной Испании и в южной Франции дохристианские и позднее христианские церкви строили артели еврейских ремесленников.

Возникшие несколько позже многочисленные евангелические и баптистские церкви не имели этой тесной традиционной связи с иудаизмом, хотя их и объединяла с последним нелюбовь к излишней централизации церковной структуры. В то же время лютеране проиграли битву за души протоиудеев, которые в основном нашли свою новую духовную родину в рамках католической религии. Не здесь ли лежат корни более позднего лютеранского антисемитизма? Лютер долго относился с большим уважением к евреям и пытался переманить их на свою сторону и только на старости лет, больной и разочарованный неудачей этой акции, стал проповедовать лютый антисемитизм в свойственной ему резкой форме?

За исключением, пожалуй, Испании, где первым католическим королям Изабелле и Фердинанду пришлось загонять в новую церковь массы населения (именно поэтому их и называют католическими правителями), ничего о католицизме не знавшего, большинство католических иерархов в затронутых процессом христианизации странах Европы противились антииудейским настроениям и пытались защищать евреев от толпы, брали их под свою защиту. Это в Испании с ее иудейским и исламским населением пришлось создавать католическую церковь практически из ничего в конце 15-го века (датировка по традиционной версии истории). А в Германии, Италии и Франции католическая иерархия имела протоеврейские корни и состояла в родстве с раввинскими

семьями. Но в последующие века и в католичестве возобладали антиеврейские тенденции (нельзя было оставлять монополию на столь близкую падкой на образ врага толпе тематику в руках протестантов). Не перенесли ли католики на евреев со временем свою ненависть к независимым от папы христианским церквям и религиям?

Выдуманная предыстория.

Итак, с античными рукописями дело обстоит не слишком блестяще. Но, по крайней мере, эпические сказания являются аутентичными, не вымышленными, не сфабрикованными? Хотя бы они несут достоверную информацию о прошлом, пусть еще и не снабженную хронологическим скелетом? К сожалению, даже в этой области „доисторического“ моделирования прошлого мы не можем быть уверены в правильности того, что нам рассказывают историки о легендах разных народов. Не говоря уже о том, что время фиксации эпической информации, скорее всего, было столь же неверно датировано, как и информации исторической: она не могла долго оставаться в первоначальном виде на стадии устной и, следовательно, неконтролируемо редактируемой любым сказителем передачи из поколения в поколение.

Историки говорят, что эпос есть свидетельство появления у соответствующего народа исторического мышления. Уже одно это заставляет меня усомниться в древности даже классифицируемых традиционно как древнейшие эпосов. Считается что древнейшие эпосы – это вавилонское сказание о Гильгамеше, сосланное ориенталистами во второе дохристианское тысячелетие, и индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», датируемые оба «с большой точностью» 4 в. до н.э. – 2 в. н.э. Хотя по вопросу об их авторстве у историков нет полной ясности, но уже на заре фиксации эпосов, говорят они нам, было большое число авторских эпических произведений:

- «Илиада» и «Одиссея» Гомера (якобы 8 в. до н.э.)
- «Энеида» Вергилия (якобы 1-й до в. н.э.)
- «Шахнаме» (Королевская книга) Фирдоуси (якобы конец 10-го – начало 11 века)

Критическое рассмотрение этих фантастических датировок можно найти в работах российских критиков хронологии, и я не буду на них останавливаться.

Многие народы Западной Европы, якобы, обрели свои эпосы в средние века. Но вот про большинство славянских народов известно, что их эпические сказания были зафиксированы в письменной форме лишь в последние две сотни лет. Не подозрительно ли это? Чем объясняется равнодушие именно славян к своим эпическим сказаниям, продлившееся аж до 19 в.? В этом же веке произошла и фиксация финского и эстонского эпосов. Может быть это просто жанр литературы, бывший долго популярным на западе Европы и мало известный на ее востоке? Ведь недаром именно французский писатель Проспер Мериме попытался в начале 19 в. сочинить эпос славян Балкан. А, может быть, гипотеза о средневековом происхождении западноевропейских эпических произведений – еще одна утка историков?

Кстати, вся история с фальсификацией эпоса балканских славян, с попыткой Мериме выдать свои «Песни юго-западных славян» за переводы подлинных народных песен эпического характера, является прекрасной иллюстрацией к тому, как сочинялись такие произведения. Если бы не внимательная реакция одного из друзей А.С.Пушкина, имели бы мы сегодня старинный эпос западных славян, переведенный на все языки мира, в том числе и на славянские тоже. Подозреваю, что ситуация в случае с Мериме абсолютно типична для всех авторов – известных или безымянных – эпических поэм: всем им было гораздо проще просидеть лишнюю неделю за письменным столом и сочинить недостающие части поэтического замысла, чем предпринимать трудные путешествия с целью сбора действительно народных сказаний.

Но и те, кто испытывал тягу к фольклорным странствиям, рассматривали собранные ими народные песни и сказания лишь как сырой материал для собственного творчества на тему о. Впрочем, и само

выражение «народное творчество» не должно нас вводить в заблуждение. Творчество – всегда явление авторское. Только в случае «народного» автор может не быть известен или не иметь иных литературных заслуг, уже признанных. Передачу фольклора от поколения к поколению тоже не следует понимать слишком узко: язык меняется, окружающий мир претерпевает изменения, и со временем новые авторы слагают новые песни по мотивам старых, но уже на понятных их современникам языке.

Фульд рассказывает историю возникновения финского эпоса «Калевала» (Земля Калева). Он подчеркивает, что эта поэма ни в коем случае не может считаться достоверным пересказом возникших в древности сказаний. Он прямо называет «Калевалу» удачной литературной конструкцией, вышедшей из-под пера финского врача и – с середины 19 в. – профессора финского языка Хельсинкского университета Элии Леннрота (1802–1884). Последний собственноручно собирал народные песни восточных финнов, ингерманландцев и карел и открыто писал при этом о своем замысле создания на этом материале эпической поэмы, сравнимой по размаху с исландской Эддой. Его литературными образцами были, кроме того, греческие эпика Гомер и Гесиод, скорее даже последний, ибо этот, якобы живший в 8–7 вв. до н.э., поэт описывал в своих поэмах, являющихся одним из важнейших источников наших сведений по греческой мифологии, не только героев, но и богов, и миф о возникновении мира (как и Леннрот в «Калевале»).

Утверждается, что собранные им в основном в Карелии и в Эстонии песни были лишь частично созданы в новое время, в то время, как другая часть якобы существовала уже в средние века. Это утверждение можно понимать и так, что в ареале распространения северо-западных угро-финских языков (Карелии, Эстонии и Южной и Восточной Финляндии) еще на рубеже 17 и 18 вв. царило некое подобие средневековья. На самом же деле различия в собранных песнях имели в основном географический характер, и важная часть работы Леннрота заключалась в том, чтобы скрыть этот локальный колорит народных представлений о прошлом и придать им некий общечинский характер.

Никакого финского народа или финской нации как осознанного самими «финнами» единства, в 18-м веке еще не было. Этот процесс «пошел» только в начале 19-го века. В стиле примерно в то же время выдуманных норманнов пишет он о некой Северной Земле, в которую его герои Вяйнамойнен, Илмаринен и Лемминкяйнен предпринимали военные и колонизаторские походы. Он исходил из своей модели древней финской культуры, которая, конечно же, была плодом его традиционного исторического образования, исторических представлений в духе середины 19 в.

Конечная версия «Калевалы» или «Новая Калевала» вышла в свет в 1849 г., но ещё в 1835 г. Леннрот опубликовал свою поэму без указания собственного авторства. Хотел ее выдать за средневековый эпос?! Сегодня эту «средневековую» поэму называют «Старой Калевалой». Она настолько соответствовала общему настроению того времени, что была сразу же признана как народный эпос и сыграла важную роль в создании общечинского самосознания и в формировании финской нации. Поэма Леннрота сыграла также весьма важную роль в процессе становления общечинского или литературного финского языка. И не только поэма, но и его другие публикации, такие как двухтомный финско-шведский словарь, не потерявший значения и по сей день, как его сборники народных баллад и лирических стихотворений, пословиц и песен.

Эстонский эпос «Калевипоэг» (Сын Калева) был создан чуть позже финского эстонским врачом, публицистом, просветителем, фольклористом и поэтом Фридрихом Рейнгольдом Крейцвальдом (1803–1882) в 1857–61 гг. «Калевала» произвела сильное впечатление и на эстонских интеллектуалов. Была разработана стратегия создания эстонского эпоса, который – таковы романтические представления до 1850 г. – должен был восстановить якобы некогда

существовавший эстонский эпос, от которого сохранились в основном народные сказки о великане Калевипозге (сыне Калева). Этот фантастический герой ворочал гигантские камни, бросал их на большое расстояние в своих врагов, носил на плечах громадные доски, из которых можно было построить мост через Чудское озеро (доски как технологический продукт указывают, в отличие от камней, на довольно позднее происхождение и этих сказок), но при случае просто сметал оними врагов с лица земли, занимался преобразованием ландшафта, строил города (явно не в каменном веке!). Имеются параллели в этом образе со сказаниями о великанах в скандинавском фольклоре.

Интерес к сказкам про сына Калева проявлялся уже в начале 19 в. Эстонофильские круги местной немецкой интеллигенции связывали сперва свои надежды с деятельностью Ф. Р. Фэلمانна (Faehlmann), который уже в 1830 г. произнес доклад о тематике эстонских сказок и песен на тему о сыне Калева в Эстонском Образовательном Обществе. После его смерти за дело взялся Крейцвальд, который в 1853 г. завершил первую версию сказания о Калевипозге. Ее публикация не состоялась из-за противодействия цензуры. Сильно переработанная вторая версия эпоса «Калевипозг» была опубликована по-эстонски по частям в 1857–61 гг. По оценке БСЭЗ поэма Крейцвальда – «это сказочно – поэтическое отображение исторических судеб эстонского народа». По нашей оценке – это литературное произведение, типичное для эпохи национальной консолидации, которое заменяет мифами отсутствующее историческое знание и возводится в общенациональный канон.

Интересно, что этот эстонский эпос предназначался не столько эстонскому читателю, сколько немецкому: эстонская письменность только создавалась при жизни Крейцвальда и даже среди – в то время еще немногочисленных – образованных эстонцев было больше тех, кто свободно читал по-немецки, чем по-эстонски (хотя бы потому, что по-эстонски еще не существовало почти никакой литературы). Подъем эстонской литературы начался лишь в 60х годах 19 в. уже после опубликования «Калевипозга». Сам Крейцвальд до 1840 г. публиковался исключительно по-немецки. Именно поэтому «Калевипозг» был практически одновременно издан и по-немецки, в 1861 г.. Именно интерес на Западе Европы стал залогом успеха как «Калевалы», так и «Калевипозга» вскоре после первой публикации.

Старинный чешский эпос начала 19-го века

Профессор Галлеттис как-то, обращаясь к студентам, строго заметил:

«Прошу вас не мешать мне: я потерял свою мысль и сбился с концепции.»

Чего-чего, а с концепции Вацлав Ганка (1791–1861) не сбивался. Наоборот, он ее реализовывал до последнего своего вздоха. Был он чешским общественным и культурным деятелем национального масштаба, лингвистом, писателем и политическим идеологом чешского национализма и панславизма. Провинциальное происхождение и материальные проблемы семьи наложили отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Гимназию в Градце-Кралоуе он стал посещать лишь с 16-ти лет, а подготовка к ней проходила в кругу семьи. С 1809-го года Ганка – студент Карлова университета в Праге, а в 1813–14 гг. он углублял свои знания в Вене, изучая юриспруденцию. По возвращению в Прагу Ганка стал библиотекарем Чешского музея в Праге, переименованного впоследствии в Национальный музей, где прослужил до конца своих дней. Похоронен он был с большими почестями.

Ганка интересовался народными песнями и сочинял подражания оным. Он был еще сравнительно молодым человеком, когда в 1817 году якобы открыл древнюю рукопись, содержащую шесть эпических, две лиро-эпические и шесть лирических песен, которые якобы следовало петь в сопровождении музыки. Она была названа Краледворской. Эта рукопись заполняла семь пергаментных двойных листов, исписанных каждый с двух сторон. Ганка утверждал, что нашел ее в сентябре 1817-го года в келье церковной башни в восточно-чешском городе Двур Кралоуе. Сочиненная им рукопись казалась весьма древней. Эксперты решили, что она относится как минимум к 15-му веку. Со временем они договорились до того, что самые старые части текста якобы были написаны в 9-м веке, а более новые – в 13-м веке.

Годом позже последовала вторая сенсация: Зеленогорская рукопись. Обе были сочинены им вместе с друзьями Йосефом Линда и Венчеславом Свобода, причем первый выступал в роли соавтора, а второй – в качестве переводчика на немецкий. Эти «старинные» рукописи быстро приобрели известность как свидетельства давнего существования древнечешского эпоса. Приобрел международную известность и Ганка. Со временем он поднялся до хранителя Национального музея в Праге, в котором многие годы до того работал библиотекарем. На старости лет, начиная с 1848 г., он даже стал профессором славянских языков в Праге. Эту карьеру он сделал не без помощи названных выше своих фальшивок.

Главная задача этих подделок заключалась в удревлении чисто чешской истории и в ниспровержении господствовавшего варианта местной истории, воспринимавшегося младочешской интеллигенцией как немецкий и несправедливый по отношению к чешскому языку и народу, к его культуре. Первое разоблачение рукописей как подделок, написанное в 1824 г. языковедом профессором Йозефом Добровским, у которого Ганка и его друзья учились старославянскому и русскому языкам, так прямо и объясняло всю акцию ненавистью ее авторов ко всему немецкому. Все это напоминает борьбу национальных исторических школ на Кавказе в 20-м веке, описанную в предыдущей главе.

Фульд посвящает этой афере две страницы с лишним и приводит с десятков книг на эту тему. Он отмечает, что Ганка изготовлял также поддельные якобы средневековые миниатюры (определенными талантами он все же обладал). Фульд пишет также о роли другого фальсификата –

т.н. песен Оссиана – как вдохновившего Ганку со товарищи на фальшивку. Известно, что с выдуманными Томасом Макферсоном песнями Оссиана (см. о них ниже) молодые чехи ознакомились по их русским переводам в процессе обучения русскому языку под руководством Добровского, так же как и со ставшим как раз в начале 19 в. популярным «Словом о полку Игореве». Последнее тоже сыграло свою роль в процессе созидания «древнечешской» поэзии. Фульд цитирует Свободу, который в ответ на разоблачения Добровского писал, что молодая чешская интеллигенция была бы счастлива иметь в своих рядах чешского Макферсона и что она умоляла бы его писать дальнейшие песни древних чехов, не обращая внимания на историческую правду. Гораздо, мол, почетнее писать гениальные выдуманные эпические произведения, чем снова уничтожать только что придуманное чешское средневековье в унисон с ненавистными немецким историками.

История этой фальшивки хорошо известна в России и описывалась в книгах по новой хронологии. Я хочу поэтому в основном ограничиться несколькими цитатами из «Хомяковского Сборника» (Водолей, Томск, 1988), вернее из напечатанной в его первом томе (стр. 283–298) статьи М.Ю. Картушева «Ф.С. Хомяков и Вацлав Ганка», который считает Ганку выдающимся чешским просветителем. Он подчеркивает, что чешский ученый был известен решительно всем русским путешественникам по Чехии, причем на протяжении многих десятков лет. Ганка воспринимался ими как убежденный русофил, и мало кто знал, что его любовь к России не была бескорыстной: через российского посланника он неоднократно «советовал» царскому правительству награждать его ценными предметами. Да, он «принимал всех русских как родных, демонстрировал им сокровища Национального музея, обменивался культурной и научной информацией, помогал, как мог, молодым ученым-славистам» из России. Но за свои услуги Ганка предпочитал получать бриллиантовые перстни, кои и демонстрировал при каждом случае, рассказывая об их происхождении из российской казны. Да, Ганка был «знаток и бесплатный преподаватель русского языка, переводчик с русского и украинского, распространитель произведений русской литературы среди соотечественников, ознакомитель русских с новинками чешской культуры, адресат многих русских ученых-филологов, славистов», но мечтой его жизни – кажется, так и не сбывшейся – было получение из России большой золотой медали. Впрочем, обратимся непосредственно к Хомякову (стр. 285–287):

«Совершенно ясно, что Хомяков, путешествуя по славянским землям, никоим образом не мог миновать столь пылкого друга русских и горячего почитателя России. К тому же Ганка имел довольно громкую известность в России как «первооткрыватель» Краледворской и Зеленогорской рукописей, удачно выданных им за древний чешский эпос. В 1830-е гг., когда были созданы кафедры славистики при ряде университетов России, «открытия» Ганки, подделанные им рукописи изучались студентами и слушателями не одно десятилетие. История с рукописями проливает некоторый свет на характер патриотизма чешского просветителя. Патриотизм его, и патриотизм пламенный, – бесспорен, как несомненная преданность Ганки науке, при отсутствии, впрочем, основательных исследований и фундаментальных трудов и при скромных способностях, отчасти заменяемых неустанным трудолюбием. Избыток патриотизма, связанный прежде всего с ориентацией на «славянскую идею», [...] и вдохновил Ганку на научную мистификацию. [...] «в создании «подделок» под героический эпос проявилась историческая необходимость», «жгучая потребность» доказать «права народа на его историческое существование». Общественно-культурные предпосылки для имитации древнего чешского эпоса, несомненно, были, был и творческий отклик многих славянских поэтов, волна литературных подражаний. Но возникает вопрос: не повредили ли дальнейшие разоблачения лже-эпоса, «баллад XIX века» [...] тому же литературному возрождению и росту чешского национального самосознания впоследствии? Кроме того, известно, что Ганка не раз переходил границы допустимого, когда дело касалось памятников чешской старины. Об этом свидетельствует библиотекарь чешского музея, член-корреспондент Академии наук А. Патера, который в письме к русскому слависту В. И. Ламанскому от 27 декабря 1878 г. недвусмысленно высказывается насчет сомнительных привычек прежнего хранителя музея Ганки. Доказывая поддельность глосс в музейной рукописи «Mater verborum» и считая это делом рук Ганки, он комментирует: «И потом, кто у нас не знает слабости Ганки? Ведь у нас имеется много доказательств того, как он любил вписывать свои замечания и поправки в старые рукописи!»

Как бы там ни было, из этого факта можно заключить, что Ганка был, по всей видимости, человеком фанатического склада, склонным к крайностям, способным переступить известные

нравственные границы из страстного желания подтвердить свою веру в славянство, в неисчислимые богатства древней чешской культуры «находками» и «открытиями». Можно предположить, что культурно-научная деятельность Ганки была не свободна от самолюбия и тщеславия, которые носили иногда далеко не безобидный характер.»

Оставим на совести автора статьи его несколько мягковатое отношение к самому факту литературно-исторической подделки. Она вполне соответствует советской традиции снисходительного и даже восхищенного взгляда на фальсификации, осуществленные с благородной целью (цель оправдывает средства, и если истории не было, ее нужно придумать). Приведу в качестве примера цитату из статьи С.В. Никольского «Чешская литература» в Истории Всемирной Литературы в девяти томах (том. 6, стр. 492–500):

«К числу наиболее значительных произведений формирующейся национальной литературы [...] относятся так называемые Краледворская и Зеленогорская рукописи, созданные В. Ганкой (1791 – 1861) и Й. Линдой (1789–1834) в 1817 и 1818 гг. и представляющие собой искусную литературную мистификацию. Авторы стилизовали свои произведения под древние поэтические сказания, переписали их на пергамент и сочинили историю обнаружения (мистификация была раскрыта только в 80-х годах XIX в.). Рукописи состоят из нескольких десятков эпических и лирических произведений. Некоторые из них приближаются по типу к жанру поэмы. Опираясь на чешские исторические хроники, русскую и сербскую народную поэзию, сочинения далматинского поэта XVIII в. А. Качича-Миошича, на творчество Хераскова, Карамзина, а также на русский перевод «Песен Оссиана» (1792), Ганка и Линда создали в лучших произведениях рукописей высокохудожественный синтез. Дух национального самоутверждения отразился в героико-эпических повествованиях о борьбе чехов с чужеземными захватчиками, в образах героев-воителей, в романтизированных картинах древне-чешского государства с развитыми правовыми нормами, в образе мудрой правительницы Либуше.» (стр. 494)

Слово «стилизовать» весьма растяжимо. Можно ли стилизовать под нечто, никогда не существовавшее? Или допустима стилизация под романтические ментальные конструкции периода начинающегося национального возрождения?

Уникальна ли чешская фальшивка?

Воздерживаясь от дальнейших комментариев, отмечу только, что в случае Чехии, находящейся в самом центре Европы, в последовавшие за «открытиями» Ганки десятилетия возникла научная элита, которая – после трудного процесса внутреннего очищения – оказалась способной отторгнуть выдуманный эпос за ненадобностью. Но у нее всегда находились националистические противники. В 40-е гг. 19-го века, «когда состоялась встреча Ганки с Хомяковым, слава чешского просветителя была в зените», но уже в конце 50-х годов началось падение его популярности сначала в Чехии, а потом и во всей Европе. Краледворская рукопись, в течение полувека считалась одним из наиболее ценных источников для реконструкции славянской мифологии, а когда подделка была, наконец, окончательно разоблачена, то это было воспринято многими чехами почти как национальная трагедия.

Это окончательное разоблачение произошло уже после смерти Ганки, и значительную роль в нем сыграл будущий первый президент Чехословацкой республики, профессор Карлова университета, Томаш Гарриг Масарик. Он включился в спор в 1886-м году. Масарик привел целый ряд доказательств – эстетических, лингвистических и даже химических, свидетельствующих о том, что речь в случае обеих знаменитых рукописей идет о подделках. Уже в 30-е годы 19-го века было показано, что одна из подделок Ганки написана чернилами марки «немецкие синие», которые начали производить только в 1704 г., но националистически настроенные чехи проигнорировали этот факт с легкостью. Масарик доказал, кроме того, что некоторые грамматические отклонения в рукописях тождественны ошибкам, которые в чешской грамматике допускал именно Вацлав Ганка. Мнение о том, что речь идет не о древних чешских рукописях, а о подделках 19-го века привилось к концу 19-го века, и в чешских школах стали рассказывать о неудачной попытке Вацлава Ганки и Йосефа Линды продлить историю чешского народа. Тем не менее, в 1912 г. националистически настроенные историки и деятели культуры снова опубликовали манифест об истинности «древних» чешских рукописей.

Впрочем, не надо думать, что все в современной Чехии смирились с разоблачением фальшивки. Михал Лаштовичка в статье «Рукописи Краледворская и Зеленогорская – до сих пор не решенная историческая загадка», распространяемой Радио Прага в Интернете, из которой почерпнуты приведенные в предыдущем абзаце сведения, писал в июле 2004 г., что «вопрос исторической достоверности рукописей снова был открыт в 1967-м году, когда чехословацкое правительство поручило Криминалистическому институту определить время возникновения обеих рукописей». Однако «Протоколы о расследовании рукописей с точки зрения науки» этого института, подтверждающие вывод о поддельности рукописей, были опубликованы лишь в 1994-м году и – из-за сопротивления националистически настроенных историков – только в сокращенном виде. Эти националистически настроенные историки, выступившие как коллектив независимых ученых-историков, опубликовали в 1996-м году новое изложение доказательств того, что рукописи относятся к 15-му веку.

Несмотря на эти рецидивы, в случае средневекового чешского эпоса вопрос, вроде бы, прояснен. Однако в случае десятков и сотен других малых народов нет никакой уверенности в том, что аналогичные фальсификации не продолжают и по сей день формировать историческое самосознание этих народов и искажать нашу всемирную картину прошлого. Если в просвещенный 19-й век ничего не стоило обмануть науку передовых европейских стран, то где гарантия того, что не были более поздними подделками и мистификациями и древние ирландские саги, и обе «Эдды» исландцев, и сага о Нибелунгах?! Талантливые имитаторы виртуального или воображаемого

прошлого находились всегда, а наивная легковёрность гуманистов не должна была быть меньшей, чем просвещённых деятелей культуры и науки 19-го века. Впрочем, вопрос о германском и кельтском эпосе я рассмотрю ниже отдельно.

Другое дело, что за прошедшие века многие щели в фундаментах этих более ранних мистификаций могли успеть солидно заштукатурить. Так что сегодня совсем уже не легко разоблачать древнейшие из эпических произведений, разбираться в реальной (и, предположительно, довольно поздней) истории их создания. Но вопросы в этой связи можно и нужно ставить. Тем более, что в истории славянской эпической словесности известна еще и упомянутая выше фальшивка Проспера Мериме, которой мы обязаны существованием «Песен западных славян» А.С. Пушкина. Скорее всего, фальшивкой было и «Слово о полку Игореве». Очень уж близко по времени к так поразившим воображение русских писателей «Песням Оссияна» лежит год «нахождения» «Слова» Мусиным-Пушкиным

Одиннадцать из «песен западных славян» являются осуществленным Пушкиным поэтическим переложением прозаических песен из книги «Гузла, или Избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине» («La Guzla», 1827), анонимно изданной Мериме. Остальные стихотворения Пушкин заимствовал из разных сербских источников, устных и печатных, но не исключено, что и он в отдельных случаях больше полагался на свой поэтический гений, чем на подлинные тексты сербских авторов. Напомню, что писал о всей этой истории про якобы балкано-славянский эпос Пушкин:

«Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в словенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию»

В последней пушкинской фразе речь идет, по мнению филологов, о книге: В. Герхард, Сербские народные песни и сказания о героях, Лейпциг, 1828, содержащей перевод сербских народных песен, а также «Гузлы» Мериме. Пушкин не сомневался в подлинности западно-славянских песен, помещенных в «Гузле», но эту его уверенность поколебал вернувшийся с Запада приятель С. А. Соболевский, который дружил с Мериме. По просьбе Пушкина Соболевский обратился с письмом к Мериме, и попросил последнего рассказать историю возникновения «Гузлы». Текст этого письма Соболевского не сохранился, зато ответ Мериме на это письмо Пушкин поместил в предисловии к «Песням западных славян».

Признание подделки ее автором Мериме

Практически, в ответ на запрос Пушкина о происхождении «Гузлы» Мериме «раскололся» и чистосердечно признался в мистификации. А что было бы, если бы они успели распространиться и стать популярными до их перевода Пушкиным? Не проходили ли бы они сегодня по разряду сербского эпоса? Конечно, каждый когда-то читал русский перевод этого письма Мериме, но я хочу привести большую вырезку из одного, которая показывает, как легко изготавливается эпическая подделка, на которую попадают лучшие умы современности. И даже, если верно, что сочинение иллирийских песен не было ни столь легким, ни столь кратковременным делом, как пишет об этом Мериме в своем письме, ибо он раньше изучал фольклор юго-западных славян в течение семи лет и ему, как считается, удалось передать дух подлинной славянской народной поэзии, подделка остается подделкой. Даже если он описал только финальный этап своей работы и даже если его понудила к этому финансовая ситуация:

«Гузлу я написал по двум мотивам, – во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива мне необходимо рассказать вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию – разумеется, на карте – где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собирание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов; выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки – настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *De'costumi dei Morlachi* из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест все еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший со стихотворного перевода аббата, еще более опозитизировав его в своей прозе, – прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. [...] Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался»

В заключение раздела замечу, что и недавняя славянская история дает примеры дальнейших мистификаций. Во введении Андрея Л. Топорков(а?) «От составителя» к книге «Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора» (Составители: Т.Г. Иванова, Л.П. Лаптева, А.Л.

Топорков, Научно издательский центр Ладомир, Москва, 2001) рассказывается о том, что в советский период фольклористы считали возможным обучать исполнителей из народа, как сочинять песни на актуальную тематику, или даже сочиняли их сами, стилизуя под фольклор. Издаются целые собрания "народных" песен об И.В. Сталине и других руководителях партии и правительства. Топорков перечисляет следующие фальшивки:

- фольклорно-мифологические фальсификаты XIX в.: "Белорусские народные предания" П. Древлянского (П.М. Шпилевского), заговоры из рукописи Г.Д. Книголюбова, украинская историческая дума, опубликованная А.В. Шишацким-Илличем;
- произведения так называемого "советского эпоса" 1930–1940-х гг.: плачи о Ленине, Кирове и Чкалове, сказки и так называемые "новины" о Сталине, гражданской войне и освоении Арктики и др.,

имеющие отношение к выдумыванию героического прошлого, и поясняет, что «фольклорные фальсификаты П.М. Шпилевского, А.В. Шишацкого-Иллича, Г.Д. Книголюбова представляют собой своеобразные литературные фантазии на фольклорные темы. Они возникли в ту эпоху, когда литератор считал для себя возможным "улучшать" народно-поэтические тексты, возвращать им их "подлинный", архаический характер. Грань между публикацией фольклора и его литературной обработкой имела еще весьма зыбкий и неопределенный характер.»

Швейцарский эпос как эталон правдивости.

Все мы привыкли считать, что Швейцария – страна честных людей. Именно поэтому каждый заработавший лишнюю копейку, а еще лучше, много миллионов этих самых копеек, везет свое не совсем законным и честным трудом приобретенное богатство в Швейцарию и доверяет его тамошним банкам. Они не просто вызывают доверие, но и действительно надежны. Швейцарец (даже если он банкир) за свое слово отвечает. А уж швейцарский принцип «храни тайну вклада» характеризует жителей этой страны как очень честных людей: чем врать и выворачиваться в ответ на запрос иностранного налогового ведомства, лучше просто молчать – так честнее.

Рис. 7.1. Умение и труд все перетрут. В звании умельцев фальсификаторам археологических находок не откажешь, а трудиться они готовы, если за их фальшивки будут хорошо платить. После открытия в Швейцарии археологами недоистлевших остатков древних свай и возникновения интереса к свайным поселениям на берегах озер, умельцы взялись восполнять пробел в спектре находок и начали в массовом порядке изготавливать орудия труда из рогов и костей. Все изображенные на этих фотографиях из книги Адольфа Риита орудия труда – фальшивки. Хотя и симпатичные.

Главная швейцарская эпическая легенда связана с именем Вильгельма Теля, о котором знает каждый. Кто не учил эту легенду на уроке истории в школе? Таких нет и не бывает. Но вот о том, что легенды про стрелков, сбивавших пущенной с дальнего расстояния стрелой с головы сына яблоко или даже орех, бытовали в Европе и вне Швейцарии и – согласно ТИ – задолго до образования швейцарской Федерации, знают уже совсем немногие. А в то, что в Швейцарии книги, в которых история о Вильгельме Телле сравнивалась с аналогичными сюжетами у датчан, исландцев, норвежцев и немцев, столетиями публично сжигались, даже как-то и поверить трудно.

Конечно, совсем уж решительно исключить возможность путешествия швейцарских народных сказителей во времени с целью распространения своей главной национальной легенды по векам и тысячелетиям, нельзя, но вот какие неожиданные тоны появляются в современном изложении швейцарского эпоса (я цитирую текст, передававшийся Радио России в программе «Неизвестная планета»):

«Знаменитый исторический персонаж Вильгельм Телль, тот самый, что стрелял в яблоко, стоявшее на голове его собственного сына, вызывает споры в научных кругах. Кем был этот человек и насколько реальна его фигура? Швейцарцы склонны верить в его несомненную отвагу и силу, но есть злые языки, которые ставят под сомнение само существование Вильгельма.»

Итак, исторический персонаж. А если исторический персонаж, то это уже и не легенда вовсе, а самая что ни на есть правдоподобная история. Считается, что в Швейцарии ее истоки лежат в конце 13-го века, когда умер император немецкой Священной Римской Империи Рудольф 1-й. В 1291 г. в местечке Рютли собрались представители жителей кантонов Ури, Швица и Унтервальдена, чтобы решить, как себя вести в возникшей ситуации: из-за угрозы вакуума власти могли начаться неприятности, ибо любителей поразбойничать в те времена везде было много. Делегаты договорились об объединении трех кантонов в конфедерацию, об едином судебном органе и о коллективном отражении возможных нападений. Так началось становление Швейцарской конфедерации.

Легенда видит все это несколько иначе. Мол, столетиями земли Швейцарии притеснялись императорами Священной Римской империи, а гордые горные крестьяне в своих труднодоступных горных долинах мечтали о свободе и независимости от императоров (и чего им эти – в то время скорее всего мифические и уж во всяком случае весьма от гор удаленные – императоры сдались?!). Крестьянам по горло было достаточно зависимости от своих прытких горных коров, за которыми приходилось гоняться по альпийским лугам. И потому, мол, они подняли восстание против Империи: горстка гордых крестьян против Великой Выдумки историков! А когда следующий император, задолго до того, как его придумали историки, послал – как это было принято – своего наместника в Альпы (понятия Швейцария тогда еще не существовало), то началась вооруженная борьба с «оккупантами». Христоф Пфистер, сам швейцарец, убежден, что это все поздние выдумки националистически настроенных швейцарских историков. В своей книге «Сказание о древних связавших себя клятвой соратниках. Город Берн и возникновение Швейцарской Конфедерации в свете исторической критики», изданной им в собственном издательстве, он показывает, что вся швейцарская история была выдумана историками городаерна, претендовавшего на роль столицы конфедерации, начиная с 16-го века.

Как показано в книге Гуггисберга «Отражение картины Швейцарской Конфедерации в листовках 16-го – начала 18-го столетия (1731-1712 гг.). Тенденции и функции одной исторической картины», в 18-м веке миф о Вильгельме Телле уже полностью сложился, и население Швейцарии воспринимало эту фигуру как историческую личность. Причем, как главную историческую личность швейцарской истории: в листовках встречается в первую очередь именно его имя. Вот фрагмент распространенной легенды в версии «Неизвестной планеты»:

«Как и любому другому народу, швейцарцам были нужны герои. Символом борьбы против иностранной оккупации стал Вильгельм Телль, отказавшийся кланяться шляпе австрийского наместника Гесслера. Строптивца заставили стрелять в яблоко, лежащее на голове его собственного сына Вальтера. В эпоху Средневековья подозреваемого частенько подвергали подобным испытаниям: люди верили, что пострадать должен виновный. Удачный исход стрельбы

нисколько не смутил наместника. Вильгельма Телля заключили под стражу. Но в то время, когда арестанта перевозили на лодке через Люцернское озеро, разыгрался шторм. Вспомнив, что узник, кроме всего прочего, опытный рулевой, гребцы попросили Гесслера развязать путы, чтобы Телль смог встать у руля. Вильгельм искусно направил лодку к берегу. Когда она проходила мимо скалистого уступа, Телль прыгнул на него и скрылся. Вскоре после этого ему удалось подстрелить ненавистного губернатора.»

Сомнения в подлинности всей истории возникновения Конфедерации появились еще в 16-м веке. Один летописец из кантона Санкт-Галлен писал, что три лесных кантона – Ури, Швиц и Унтервальден – претендующие на роль первоначального ядра Конфедерации, сообщают странные сведения относительно своего возраста и об истории возникновения Конфедерации. Автор высказал подозрение, что многое в этой истории вымышлено и квалифицировал некоторые факты как явно неправдоподобные. «Исследователи, работавшие с книгами Санкт-галленской библиотеки, соглашались, что рассказ о Телле всего лишь легенда, придуманная для возбуждения чувства ненависти к австрийцам.» В 19-м веке многие исследователи признавали, что Телль как реальный человек никогда не существовал.

Однако это не только не убедило обывателей, но и не остановило целую плеяду историков 20-го века, утверждавших о реальности фигуры Телля. Особенно накануне Второй Мировой войны и вскоре после нее легенда о Телле рассматривалась как важная часть идеологии осажденной крепости, в которой главная задача каждого гражданина иметь хорошую военную выучку и быть готовым бросить дом и работу по первому кличу армии. Даже сегодня большинство граждан Швейцарцев не признают того факта, что Вильгельм Телль – всего лишь средневековый миф, красивая националистическая сказка.

Младшая Эдда старше старшей Эдды: в истории и не такое бывает

Как считается, «Младшая Эдда» была записана Снорри Стурлусоном (якобы 1178/79–1241). Прошу прощения перед читателем за небольшую неопределенность с датой рождения автора толстого поэтического сборника, книги, от которой, правда, сохранились только рукописи, про дату происхождения которых пишущие об Эдде предпочитают не распространяться. Зато про «Старшую Эдду», сборник старинных песен, приписываемых самому знаменитому до Снорри исландскому ученому священнику Сэмундру Зигфуссону (якобы 1056–1133), известно, что ее рукопись попала в руки исландского епископа Брыниолфура Свейнссона вероятно в 1643 г. (чем ближе к современности, тем меньшая уверенность в датах, эту дату он со временем стал называть, но автор предисловия к новейшему изданию немецкого перевода – Мюнхен, 2004 – не совсем в ней уверен).

Во всяком случае, подарил епископ ее датскому королю Фридриху III лишь лет эдак через 20, в 1662 г. Достаточно времени, чтобы написать это подражание «Младшей Эдде», тем более, что в его рукописи многие песни имели поразительное сходство с песнями из последней. Никакая байка о том, как именно рукопись попала в руки епископа, нигде мне на глаза не попала. Сейчас считается, что рукопись эта была написана не раньше, чем в 1270 г. (и не позже, чем в 1663 г., естественно). Более того, считается, что ей предшествовала еще более древняя рукопись, написанная не раньше 1250 г., ныне утерянная. Но даже от нее до года смерти священника Сэмундра Зигфуссона прошло более 100 лет!

Как же удалось определить эти две нижние хронологические границы? Может быть, на этих двух рукописях, сохранившейся (правда, из нее когда-то исчезли восемь страниц из общего числа 45) и потерянной, стояли даты от Рождения Христа? В якобы рано принявшей христианство Исландии это вряд ли удивило бы всеядных историков. Или хотя бы даты от сотворения мира (от одного из многих сотворений, отличающихся друг от друга всего на какие-то 3000 лет)? Нет, ничего такого мне вычитать не удалось. Зато, оказывается, была применена точнейшая из точнейших наук, палеография, и по сходству написания и языка и были получены эти точнейшие датировки! Так их-то и пытаются имитировать все авторы фальшивок!

Ясно, что использованные при этом в качестве эталона многочисленные древнеисландские рукописи второй половины 13-го века сами были еще более точно датированы ... на основании свидетельских показаний очевидцев или путем непосредственных запросов у мудрых зеленых человечков с Марса, которые уже сто тысяч лет ведут подробные летописные записи про все на Земле происходящее (там у них на пустынной красной планете такая скука, что больше им просто нечем и заниматься).

Долгие годы драгоценная рукопись хранилась в Копенгагене, в Королевской библиотеке, где ее стали называть королевским кодексом, но в 1971 г. она снова вернулась «на родину» и с тех пор находится в Рейкьявике. На мой нетренированный глаз фотография одной из страниц Королевского Кодекса производит впечатление не такое уж и древнее. Хотя, что я говорю, ведь и 17-й век – это самая что ни на есть настоящая древность. Во всяком случае, это не истлевшая за 700 с лишним лет рукопись, а лишь немного почерневшая справа страница (сырость? Она и за 70 лет способна полностью уничтожить любую писанную реликвию!)

Там же в Рейкьявике хранятся и еще два кодекса, но их принадлежность к одной из «Эдд» считается спорной. Впрочем, и эти две рукописи стали единицами хранения во все том же 17-м веке. Это почти все, что мне удалось почерпнуть о рукописях «Эдды» в двух источниках: названном немецком

издании и в Энциклопедии Майера. В первом из них упоминается еще о находке в 1691 г. некоего фрагмента, в котором была одна песня, не входящая в Королевский Кодекс. После этих кратких и никак не снимающих естественные подозрения сведений, оба источника с облегчением предаются филологическому анализу самих саг, что однако не является предметом моего рассмотрения здесь.

Впрочем, не исключено, что я зря возбуждаюсь из-за двух классических «Эдд», из которых, как мы видели, только для одной вообще и рассматриваются рукописи. Кто внимательно вчитывается в предисловия, понимает, что с начала 20-го века понятие «Эдда» было расширено, и с этого времени в многочисленные издания «Эдды» включают все больше и больше текстов, считающихся близкими по стилю или по духу к «Эдде» в варианте, известном еще в 19-м веке. Остается только подождать пока конституция Республики Исландия не будет сочтена близкой по духу к «Эдде» и включена в нее. После этого все сомнения в ее несказанной древности исчезнут навсегда.

Написав эти строки, вспомнил, что читал где-то у Топпера его соображения на сей счет. Поискал, не нашел, позвонил ему и узнал, что они должны содержаться в его книге, которую я же и редактировал. Подумав после этого о пользе склероза, который делает жизнь такой интересной (все время тебя развлекает что-то новое из хорошо забытого) полез в «Великий обман» и обнаружил там на стр. 161 следующие строки:

«На такое компромиссное решение (т.е. на «половинчатую подлинность») только и может рассчитывать **Эдда** (созданная в 12-13 вв., но обнаруженная лишь в 1640), и это при условии, что мы не станем подробно вдаваться в насыщенность текста христианскими религиозными мотивами: видно, слушатели Снорри Стурлусона были уже – скорее всего, совсем незадолго до этого – христианизированы.»

В переводе на русский это краткое замечание означает, что и Топпер не видит реального существования текста «Эдды» до конца 17 века, ибо он вслед за Эдвином Джонсоном считает 16-й век началом христианизации Европы и неоднократно показывал, что голландские мастера начала 16-го века (или относимые к этому времени) еще не знают христианства в его привычном для нас виде. А когда оно реально дошло до Исландии ... Или были обе «Эдды» написаны в Дании, тоже, впрочем, поздно крещеной?

Древнейшая старогерманская героическая песнь

Говоря о ранней англо-саксонской литературе 5-11 вв. Г.В. Аникин и Н. П. Михальская в книге «История английской литературы» (Высшая Школа, Москва, 1975) пишут, что, мол, языческие жрецы запрещали записывать поэтические произведения и лишь после распространения христианства за их сохранение для потомства (для нас с вами) взялись пронизанные христианской любовью к еще не рожденному поколению телевизионных зрителей ученые-монахи. Забавно, что ученые монахи не знали о запрете на занятия языческой литературой и, вообще, всей нехристианской писаниной.

Правда, авторы книги считают, что записано было не все, а что и было записано, то лишь частично сохранилось, да и то в сильно измененном виде: «почти все списки и рукописи неоднократно изменялись: сказания языческих времен подвергались христианизации», так что, в общем-то, и не интересовало монахов сохранение для нас с вами старой культуры, а хотели они просто поставить оную на службу своего Министерства Правды. И к тому же, кто его знает, когда все это было (если и было)?

«Датировка сохранившихся памятников представляет значительные трудности. Точные даты создания многих произведений не установлены. Время возникновения памятника, его первоначальная запись и появление сохранившейся до настоящего времени редакции не всегда совпадают; несколько веков могут отделять возникновение произведения от той редакции, в которой они становятся известными последующим поколениям» (стр. 6-7)

Хорошее замечание. Жаль только, что в дальнейшем авторы его сами же полностью игнорируют. Для меня уже христианизация языческой литературы и ее «пропускание» через ученых или не очень монахов свидетельствует о позднем (не ранее 16-го века) возникновении жанра. Но вот что пишут авторы буквально в следующей же строке без малейшего признака сомнения:

«Так, самое значительное из сохранившихся произведений англо-саксонской поэзии – поэма «Беовульф» (Beowulf) дошла до нас в списках X в., а возникновение этого памятника относят примерно к VIII в.

Первое английское издание поэмы осуществлено в 1833 г.»

Однако в книге "Беовульф. Англосаксонский эпос" А.М. Волкова и З.Н. Волковой. (Москва, 2000) сообщают, что множественное число в этой цитате идентично единственному (для некоторых и один – это много), причем эта единственная дошедшая до наших дней рукопись "Беовульфа" в1731 г, пострадала от пожара и, хотя и не сгорела, но края ее обуглились и стали осыпаться, неизбежно разрушая текст, датируемый концом 10-го в. Вряд ли после пожара (а был ли пожар?) уточнение датировки времени изготовления материала, на котором написана рукопись, еще возможно.

На самом же деле мир знает текст «Беовульфа не по версии 10-го века, а по таковой конца 18-го: «в 1786-1787 гг. исландец Торкелин (Grimur Jonsson Thorkelin), находясь в Англии, сделал два списка с поэмы, один из них – собственноручно. Он же перевел текст на латынь и был первым его издателем в 1815 г.» Вот по этим рукописям 1786-87 гг., которые содержат несколько больше текста, чем современная якобы полуобгоревшая рукопись, мы и знакомы с поэмой. Первое английское ее издание относится к 1833 г.! Всего через 46 лет после того, как, якобы, исландец Торкелин собственноручно переписал рукопись. Неужели только для того, чтобы 28 лет трудиться над ее латинским переводом и не попытаться даже издать ее на одном из германских наречий?! Вспомним, как быстро издавали в это время свои подделки и Ганка, и Вагенфельд. Так, может быть, рукопись

еще только придумывалась в это время.

Подозрительно, что никто из пишущих о рукописи Беовульфа не говорит, что она написана на пергаменте. Так, может быть, она – на бумаге и об этом умалчивают, понимая, что этот факт сразу поставит под сомнение древность рукописи и ее традиционную датировку. Во всяком случае, на фотографии в энциклопедии Майера изображенный лист больше походит на лист бумаги, чем пергамента.

Неужели до 1731 г. ни у кого не появилось желания переписать рукопись и отнести ее издателю на предмет публикации? Сегодня рукопись входит в так называемое Коттонское собрание, кодекс из нескольких рукописей, и хранится в Британском музее. Там же она почему-то и подгорела. Так, может быть, и в этом музее был свой Ганка, который позаботился о том, чтобы со временем в анналы английской литературы вошел придуманный им эпос. Составление Торкелином списков чрезвычайно важно, как утверждают современные филологи, так как в то время на краях оригинала рукописи можно было прочесть значительно больше, чем сейчас.

В Энциклопедии Майера приведено изображение одной страницы названной выше рукописи якобы 10-го века. Какой у писца того времени был замечательный четкий почерк! Видны 20 абсолютно ровных, как будто набранных, строк и видно, что страница сверху и слева несет следы разрушения. Правда, никакой обугленности не видно, скорее это похоже на то, как начинают разрушаться страницы старых книг под воздействием времени.

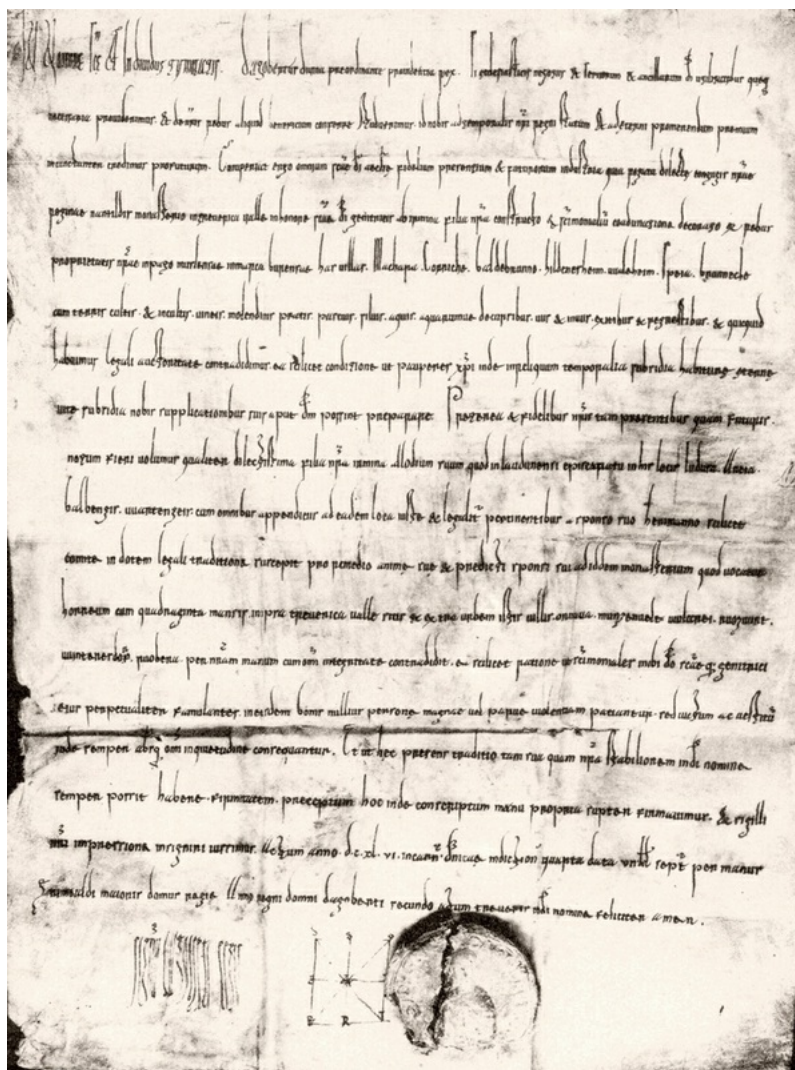

Рис. 7.2. Эта поддельная средневековая грамота хранится в городском архиве города Трира. Вроде бы ее изготовили в XII веке, чему однако противоречит использование в ней даты от рождения Христова. Она относится к типу "подтвердительных грамот", в которых придавался статус законных реальным имущественным ситуациям своего времени. Приписана королю из династии Меровингов Дагоберту. Окончательная хронология этой выдуманной династии тогда еще не была создана, вот и получилось, что грамота подписана королем через семь лет после его смерти (по принятой сегодня хронологии). Из книги "Фальшивка!", стр. 14.

В энциклопедии сказано, что Беовульф – единственная полностью сохранившаяся героическая песнь старых германцев, т.е. самый их древний из полностью сохранившихся эпосов. Автором считается безымянный ученый монах, который якобы опирался на источники 8-го века, которые восходят к поэзии 6-го века. При этом он опирался на античную традицию, вдохновлялся «Энеидой» Вергилия и внес в текст элементы христианства. Все это пахнет эпохой Возрождения или даже – в английских условиях некоего отставания от континента – 17-18-ми веками. Кстати, действие этого староанглийского эпоса происходит не в Англии, а в скандинавских странах, да и сам Беовульф, оказывается, не великобританец, а швед. Это, чтобы труднее было проверить? Во всяком случае, Аникин и Михальская явно смущены этим обстоятельством. Они ни разу не говорят прямо, откуда приплыл Беовульф в Данию и куда он вернулся после своих подвигов по уничтожению чудовищ, где сидел на троне и сражался с огнедышащим драконом, где был похоронен. Только в подстрочном

примечании отмечено, что его племя родом из Южной Швеции.

В дальнейшем течении повествования о ранней английской литературе Аникин и Михальская называют десятки ранних и сверхранних произведений, но ни разу не удосуживаются проследить, когда же они в первый раз были напечатаны. Только рассказывая о созданных на основе кельтского фольклора рыцарских романах о короле Артуре они сообщают, что вроде бы в 60-х годах 15 в. Томас Мэлори (якобы ок. 1417-1471) систематизировал легенды о короле Артуре и его окружении и издал в 1469 г. (рановато по моим представлениям о реальной истории книгопечатания) книгу «Смерть Артура». После ее переиздания якобы в 1485 г. книга стала весьма популярной. Зачем же нужно было тянуть до 19 в. с изданием «Беовульфа»? Почему не были изданы в 15-18 вв., столь жадных на приключенческую литературу, разные другие произведения ранней английской литературы?

Сформулировав все эти сомнения, я решил посмотреть, не пришло ли в голову что-либо подобное другим авторам исторической аналитики, и обнаружил статью Альфреда Тамерла «Беовульф – древнейший немецкий героический эпос?» (см. [Тамерл]), в которой, действительно – правда, со ссылками на совсем другие источники информации – формулируются похожие вопросы. Тамерл приходит тоже к выводу о том, что «Беовульф» – подделка из рассматриваемой нами эпохи повышенного интереса к эпическому творчеству. При этом он привлекает дополнительные аргументы для обоснования своих сомнений в истинности эпоса:

- Кроме названных мной стилистических и информационных следов, в эпосе есть и пересечения с другими старинными сагами, датируемыми более поздним временем, например с «Эддой», которая стала широко известной только в 16-м веке. Имеются и другие анахронизмы в тексте.
- Сам факт пересказа ученым-христианином истории, повествующей о язычниках в Дании и Швеции, представляется Тамерлу подозрительным, тем более, что автор подчеркивает язычество прославляемых им героев и говорит, что они достойны за оное презрения.
- Его герои играют на арфе, хотя на самом деле этот инструмент ни в Дании, ни в Швеции известен не был.
- Автор упомянул монологи папы Григория 1-го, о которых известно, что они были сочинены в эпоху Ренессанса.
- Автор утверждает, что для пересечения узкого залива между Ютландией и Швецией на лодке нужны 24 часа, так что вряд ли он использовал сказания знавших местные условия более старых бардов (К тому же – как заметил Леонид Ратнер – суток, состоящих из 24 часов – явный анахронизм для рассматриваемого времени).
- Треть лексики «Беовульфа» не встречается ни в одном другом произведении древней англосаксонской литературы. Выдумывание алфавита и лексики типично для фальсификаторов, которые не в состоянии ознакомиться со всей предшествующей литературой и вынуждены пороть отсебятину или просто не находят нужных им для выражения их поздней картины мира слов в более ранних произведениях.
- На основании анализа материала рукописи при помощи современных физических методов исследования американец Кевин Кириан (Kevin S. Kiernan) установил в 1993 г., что рукопись написана тем же лицом, которое сочинило поэму: следы подчистки и объем внесенных исправлений явно указывают на автора, а не на переписчика. Итак, рукопись написана или автором в 8-м веке (во что даже традиционные историки не верят) или фальсификатором (автором подделки).

Кстати, Торкелин у него датчанин (вот почему действие разворачивается в Дании!). И между изготовлением им копии «Беовульфа» и его публикацией в 1815 г. Тамерл разыскал публикацию некоего отрывка из «Беовульфа» в конце 18-го века, который однако не имеет никакого соответствия

в копии рукописи. Не исключено, что это была первоначальная подделка того же или другого фальсификатора (переписчиков-то было двое).

Но как же удалось Торкелину добиться включения «Беофульфа» в фонды библиотеки Британского Музея? Сегодня «Беофульф» является составной частью целого кодекса, Коттонского собрания, содержащего многие старинные рукописи (тоже поддельные, но признанные аутентичными в давние времена). Торкелин брал этот кодекс на просмотр дважды и вполне мог включить в него рукопись «Беовульфа» (кстати, Тамерл, в отличие от всех других доступных мне авторов, говорит все-таки о листах пергамента), всунув или вклеив новые листы в старое собрание рукописных листов. Более того, Тамерлу удалось показать, что лица, бравшие кодекс для чтения до Торкелина и описывавшие его или ссылавшиеся на него, хорошо знали все остальные – гораздо менее значительные – рукописи кодекса, но о «Беовульфе» хранят молчание.

Впрочем, Тамерл не исключает и варианта более ранней подделки «Беовульфа», плод которой в этом случае был каким-то образом приобретен датчанином и пронесен контрабандой в библиотеку Британского Музея. Он считает вторым кандидатом в изготовители рукописи Франциска Юния (Franciscus Junius, 1589–1677), который в 1665 г. с успехом подделал Библию Вулфиллы, придумав для нее древне-готский язык (не представленный ни в каком другом произведении). В пользу этой версии говорит то обстоятельство, что Юний составил и опубликовал первый в мире словарь древнеанглийской лексики и описал грамматику староанглийского языка. Впрочем, мне первая версия кажется более вероятной, ибо Торкелин мог просто воспользоваться этим словарем, не будучи его автором.

Отмечу в заключение, что изложенные здесь аргументы Тамерла были подвергнуты анализу Уве Топпером, который посвятил разбору статьи Тамерла два собственных статьи: по-немецки и по-английски. Последнюю можно прочитать на его сайте <http://people.freenet.de/uTopper/>, в то время как немецкая находится на нашем общем сайте. Здесь не место вдаваться в тонкости, но в конце статьи Тамерла появляется не вытекающий из основного текста статьи вывод о том, что подделка рукописи могла быть осуществлена уже в 11-м веке. Он ссылается при этом на гипотезу немецкого критика и историка литературы Вальтера Клира (Walter Klier), опубликованную 31-го марта 2001 г. в популярной в Германии газете FAZ (Франкфуртер Альгемайне Цайтунг). Топпер считает, что это отступление Тамерла от основных выводов его же статьи было ему навязано издателем журнала «Временные прыжки» Герибертом Иллигом, который выступает за то, чтобы ограничить сокращение средневековья только тремя столетиями из его середины.

Все о барде из третьего столетия

Немецкий героический эпос – поэма «Песнь о Нибелунгах», – была якобы записана около 1200 г. (???), а напечатана впервые в 1757 г. И.Я. Бодмером.

Испанская эпическая поэма «Песнь о моем Сиде» была якобы создана около 1140 г. и вроде бы по сравнительно свежим следам воинских подвигов рыцаря Родриго Диаса де Бивара (якобы 1026/43–1099), известного под своим испанским прозвищем Компеадор (боец) и – в еще большей мере – арабским Эль Сид (сеид = господин). Посвященная его подвигам эпическая “Песнь о моем Сиде” дошла до нас в единственном списке, якобы сделанном в 1307 году неким Педро Аббатом. Памятник сей якобы до 1755 года хранился в одном монастыре близ Бургоса, где его нашел Томас Антонио Санчес, который в 1779 году осуществил первое издание поэмы.

Опять на издание поэмы понадобились долгие годы (в данном случае 24 года), вполне достаточные для фальсификации эпоса. Отсутствие интереса к эпической поэме в этом случае особенно неправдоподобно, ибо разные художественные произведения на ту же тему пользовались большой популярностью: якобы уже в XIV веке про Сиды сочинили поэму “Родриго”, в 1612 году вышел сборник “Романсеро о Сиде”, а в 1637-м была впервые инсценирована популярная во все последующие времена трагедия Пьера Корнеля “Сид” (Le Cid, 1636). В ходу было и множество других произведений о Сиде, баллад, поэм, пьес, большей частью никакого отношения к легенде о Сиде не имевших и просто эксплуатировавших популярное легендарное имя для продажи самых разных литературных произведений. Все это наводит на мысль, что и эпическая поэма «Песнь о моем Сиде» была написана незадолго до своей публикации в 1779 году.

Героическая эпопея французского средневековья «Песнь о Роланде» посвящена сочиненному историками эпизоду разгрома басками в одном ущелье в Пиренеях якобы в 788 г. арьергарда отступавших из Испании войск выдуманного Карла Великого во главе с придуманным Роландом. Чтобы сделать фантомный эпизод более достоверным, он был перенесен неизвестным нам автором в феодальное общество 10–12 веков. Для еще большей достоверности баски-христиане (??? Еще и в 15-м веке баски ничего не знали о христианстве) были заменены маврами-мусульманами (?? Вряд ли и мусульманство в то время уже существовало). Одно только это переносит для меня всю эпическую поэму, ее действие в 15-й век, когда христианство и мусульманство действительно стали распространяться и враждовать, или в еще более позднее время. Утверждается, что существует ранняя Оксфордская редакция поэмы, датируемая около 1170 г. – скорее всего, много более поздняя подделка. Итальянские поэты Л. Пульчи, М. Боярдо и Л. Ариосто в своих поэмах перерабатывали сказания о Роланде в духе гуманистических идей Возрождения, но это вряд ли может служить доказательством существования «Песни о Роланде» до ее первичной публикации. Во всяком случае поэма была впервые опубликована в 1837 г. Не поздновато ли для столь знаменитого произведения? Узнаем ли мы когда-нибудь имя написавшего ее французского Ганки?

Наконец, напомним читателю о хорошо известном случае подделки народного эпоса, который не без юмора описан в проспекте историко-приключенческого боевика КЕЛЬТСКИЕ САГИ: ВОИН ЗИМЫ; ОХОТНИКИ ЗА КОСТЯМИ (WINTER WARRIOR; BONE HUNTER) на сайте <http://dom.i4.ru/topic870.html>:

«В середине века XVIII молодому шотландцу Джеймсу Макферсону, пописывавшему стишки и служившему в богатой семье то ли гувернёром, то ли домашним учителем, вероятно, захотелось прославиться на литературном поприще. Но как это сделать, не обладая достаточным поэтическим талантом? А вот как... Макферсон, бродя в свободное время по горам и деревьям

Шотландии, одна из которых носила название Моффат, записывая при этом, возможно, припевки местных старух, но по большей части собственные вдохновения, решил, придав этим припевкам-вдохновениям подобие сколько-нибудь сюжетных и, разумеется, древних песен, отправить записи (в "собственном" переводе на английский, разумеется) в Лондон, в соответствующее присутственное учреждение. А там прочли и обрадовались: вот, мол, и у нас есть, оказывается, собственные "Платоны и Невтоны".

Нет, конечно, кельтские сказания в какой-то степени были известны и раньше, но в ирландском варианте. Шотландия же до сих пор представлялась учёным... как там, у Ильфа и Петрова: ну, что, мол, с них возьмёшь, "дикий народ – дети гор"?..

"Кельтская песня" Макферсона была напечатана и принята «на ура», потом другая, третья... Наконец автор-собираатель сподобился на монументальную поэму "Фингал". Первое издание было в одночасье сметено с прилавков, однако некоторые холодные головы призадумались: во-первых, не было ничего, да вдруг алтын, а во-вторых – уж шибко на Гомера смахивает, только много хуже написано. И началась полемика, длившаяся столетие. А удачливый бывший губернёр тем временем, выпустив в свет ещё одну поэму, так сказать кельтскую "Одиссею", да десятка два "гомеровских гимнов", сделал успешную политическую карьеру, и почил в бозе, прокатившись на лафете как национальный герой.

Ныне макферсоновские стилизации принято считать величайшей литературной мистификацией в истории».

Английский критик Самюэль Джонсон (1709–1784) первым высказал сомнение в подлинности поэм Оссиана, изданных Джемсом Макферсоном в 1762 г. Тем не менее, и Гёте, и Пушкин, и многие другие выдающиеся писатели конца 18-го– начала 19-го века попались на фальшивку и были в восторге от нее.

Итак, подведем итог: 300–400 лет существовало европейское книгопечатание, бесчисленное количество книг самого разного содержания печатались из десятилетия в десятилетие, только для величайших памятников прошлого основных европейских народов не находилось ни типографии, ни издателя. Но пришла пора романтического восхищения доисторической стариной, и как из рога изобилия посыпались соответствующие публикации. В отношении многих из них хорошо известно, что это литературные подделки. Авторский характер других и не скрывался. О третьих до сих пор продолжают утверждать, что мы, мол, имеем дело с аутентичными свидетельствами предыстории, хотя многое говорит о том, что и они – подделки. Напомню еще раз даты публикаций, большинство из которых было названо выше:

- «Песнь о Нибелунгах» была впервые опубликована в 1757 г.
- В 1762 г. Д. Макферсон опубликовал «Песни Оссиана»
- В 1779 г. Томас Антонио Санчес осуществил первое издание поэмы «Песнь о моем Сиде»
- В 1782 г. К. Г. Мюллер издал полный текст «Нибелунгов».
- А. И. Мусин-Пушкин опубликовал «Слово о полку Игореве» в 1800 г.

- Краледворская рукопись «найдена» в 1817 г. и вскоре опубликована
- Зеленогорская рукопись «найдена» в 1818 г. и вскоре опубликована
- Мериме опубликовал «Гузлу» в 1827-м г.
- Эпос «Беовульф» был опубликован на латыни в 1815 и по-английски в 1833-м г.
- «Песнь о Роланде» была напечатана в 1837 г.
- «Древне-финский» эпос «Калевала» в окончательной форме был напечатан в 1849 г.
- Задержанная цензурой публикация эстонского эпоса «Калевипозг» произошла в 1861 г.
- Эпическая хроника «древних фризов» «Ура Линда» была напечатана в 1872 г. (см. ниже)
- Латышский эпос «Лачплесис» был опубликован в 1888 г., автор эпоса А. Пумпур (1841-1902) считается представителем т.н. народного романтизма

Комментарии, как говорится, излишни.

Интеллектуальный розыгрыш с далеко идущими последствиями.

О древней фризской хронике Ура Линда я еще не рассказывал в этой книге. Так как литературы о ней мало, заглянул в российский Интернет и обнаружил там статьи, в которых на полном серьезе обсуждается проблематика рас в этой хронике. Автора не смущает тот факт, что это – давно раскрытая фальшивка. Об этом факте он пишет следующим образом ([Дугин])

«Ученые сразу же расценили "Ура-Линду" как откровенную подделку, восходящую к эпохе голландского ренессанса, когда какой-то энциклопедист перенес мифологические и географические знания своей эпохи на далекие времена и воссоздал псевдомифологическую картину. Сторонники же аутентичности "Ура-Линды" были признаны маргиналами, шарлатанами и подвергались насмешкам.»

На самом же деле речь идет о фальшивке 19-го века, история которой хорошо прослежена.

Земля фризов Фризия (Фризляндия) расположена на северо-западе европейского континента, вдоль побережья Северного моря, на территории Германии и Нидерландов. Фризские патриоты говорят о Великой Фризии, которая в прошлом якобы простиралась от бельгийского Брюгге до сегодняшней немецко-датской границы на севере и немецкой реки Везер на востоке. Это огромное по тем временам и явно сочиненное историками государство было якобы разрушено и завоевано выдуманным Карлом Великим. Для борьбы с регулярными наводнениями фризы строили свои крестьянские дворы на искусственных насыпных холмах, возвышавшихся над уровнем моря на пять и более метров. По-голландски их называли вуртами, в Германии варфами или верфтами (все эти слова происходят от глагола «бросать», по-немецки werfen). Чтобы создать водоустойчивую, не размываемую во время наводнения почву, они при строительстве и расширении вуртов смешивали глину и ил с навозом, который в избытке поставляли им коровы. В 19-м веке в ходе начавшейся индустриализации сельского хозяйства, немецкие латифундисты обнаружили, что вурты являются прекрасной формой хранения компактного органического удобрения, и начали их скупать и срывать. Однообразному голландскому ландшафту грозило дальнейшее обеднение и правительство Нидерландов взяло вурты под охрану и запретило их снос.

Катастрофа 14-го века разрушила в первую очередь именно землю фризов, размыла ее и превратила большую часть оной в тянущуюся на тысячу километров цепочку из трех архипелагов Фризских островов. После этой катастрофы, смывшей сотни деревень и городов, Фризия так и не оправилась экономически и является и в Германии, и в Нидерландах структурно наиболее отсталой областью. Население в основном занималось здесь земледелием и рыболовством и высоким уровнем образования не отличалось. Со временем жители Фризии приобрели репутацию, несколько напоминающую таковую жителей Псковщины в России: медленно соображающих, глуповатых и медлительных людей, о которых сложены бесчисленные анекдоты. Один из последних, мне попавшихся, гласит:

Команда Фризии играла футбольный матч против Гамбурга. Сборная Фризии пропустила в ворота семь мячей и забила еще один в свои ворота. Когда истекли положенные полтора часа игры и судья свистком объявил об окончании матча, команда Гамбурга выстроилась в шеренгу и удалилась в раздевалку, а команда Фризии продолжала игру и через 59 минут забила свой первый ответный гол.

Впрочем, одним из наиболее популярных немецких комиков является Отто, который сам – выходец

из Фризии. Поэтому не ясно, сочиняются ли анекдоты о фризах вне Фризии или это сами фризы так потешаются над всеми остальными, а заодно и над собой. Язык фризов, претерпевший в последние столетия сильное изменение под влиянием немецкого, представляет собой нечто среднее между голландским и английским. Так, может быть, мы имеем здесь локальное ответвление знаменитого английского юмора?

История «древней» Хроники Ура Линда началась с розыгрыша, автором которого был один из образованнейших фризских дворян середины 19-го века Корнелий Овер Де Линден. Впрочем, считается, что в придумывании оной участвовал целый кружок интеллектуалов, сформировавшийся вокруг фризского аристократа Де Линдена и пользовавшийся услугами его частной библиотеки, крайне богатой, по тем временам. Времена были скучные, Титаник еще не затонул, Хиросима еще не была сметена с лица земли, да и вообще телевизор тогда работал отвратительно, так что фризские интеллектуалы развлекались, как получалось. Когда хроника была в 1872 г. опубликована, серьезные ученые сразу заявили, что это – фальсификат. Во всяком случае, когда Корнелий Овер Де Линден вскоре после этого умер, его библиотека была в 1874 г. распродана с аукциона и в его книгах были обнаружены источники всех «исторических сведений», вошедших в хронику. В 1876 году на сей счет было опубликовано исчерпывающее исследование и, казалось, что этот литературный розыгрыш потерял всякую актуальность.

О чем же повествует хроника Ура Линда? О том, что в давние времена не было в Европе более мощного и культурно развитого государства, чем фризское. В ужасно древнюю пору (якобы около 2600 г. до н.э.), когда ни у одного другого народа еще не было ни письменности, ни истории, Сверхвеликая Фризия объединила под своей властью всю Западную Европу от Гибралтара и Балкан на юге до Балтийского моря на севере: эдакий древний Европейский Союз. Все европейские народы были цивилизованы высоко развитыми фризами. Даже основы «античной» греческой демократии были привиты автохтонному населению нынешней Греции именно фризами. Они же построили древний замок Афиния на месте нынешних Афин. Даже Атлантида, которая якобы ушла под воду во время всемирного потопы в 2193-м году до н.э., находилась в вассальной зависимости от Фризии. Что уж и говорить о греческом Одиссее?! Этот мореплаватель был, конечно, фризом и обожал фризские анекдоты, да и звался он не Одиссей, а Улисс. Про Христа, правда, хроника не утверждала, что он был родом из Фризии, но зато у него был друг-фриз, которому Христос и обязан своим учением, изложенным в хронике. Содержательно это учение сильно отличалось от такового Нового Завета и включало древнее фризское право, как его излагала одна из книг библиотеки Корнелия Овер Де Линдена.

Хроника была написана на листах пергамента с явными следами губительного воздействия времени, но текст ее был четко читаемым. Написана она была специально выдуманным квази-руническим шрифтом. В "Ура Линде" упоминались свайные постройки в Швейцарии, о которых никто до их открытия в 1853 г. не имел ни малейшего понятия. Поэтому в критической литературе считается, что работа над хроникой вряд ли началась задолго до этого года и уж, во всяком случае, не была закончена до 1853 г. Впрочем, и это, и все иные критические соображения мало интересовали фризских патриотов, которые продолжали пропагандировать хронику как фризский национальный эпос и после всех доказательств подложности.

Реальная история «Ура Линды» начинается для внешнего – по отношению к автору подделки или розыгрыша и его соратникам – мира с того, что в 1867 г. Де Линден начинает предпринимать попытки ознакомить общественность с изготовленной им рукописью. Первым, кто начал получать отдельные листы хроники на просмотр, был библиотекарь Келко Фервайз, которому Де Линден выдавал постепенно лист за листом, чтобы следить за его реакцией. Фервайз поверил в подлинность

рукописи и попросил коллегу библиотекаря Йохана Винклера перевести ее на голландский. Последний однако сразу распознал в хронике фальшивку и высказался против ее перевода в рецензии, которую он подготовил для Фризского Общества. Однако тут откуда-то возник еще один кандидат в переводчики по имени Оттема, который и изготовил в кратчайший срок свой перевод на голландский. Именно его перевод и был напечатан в 1872 г.

Если фальшивка и была закончена в 1867 г., то для начала работы над ней тоже удалось установить некие рамки на основании анализа использованной автором фальшивки литературы. Так как он использовал книги, изданные в 1839 г., в 1840 г. и в 1857 г., то вероятное время начала работы лежит в окрестности 1850-го года. Подробный анализ использованных источников информации дан в книге Хейнца Дитера Кёлера «Исследование хроники «Ура Линда»», вышедшей в Веймаре в 1936 г. В конце книги есть подробный список проданных с аукциона книг названной выше частной библиотеки, имеющих отношение к написанию хроники. В конце книги автор приходит к выводу, что фальшивая «Ура Линда» не имеет никакого отношения к реальной предыстории северных германцев и немцев.

Остальная Европа не очень-то и реагировала на интеллектуальную возню во Фризии, пока в начале 30-х годов уже 20-го века на хронику Ура Линда не обратил внимание известный голландско-немецкий антрополог и этнограф Герман Вирт. Симпатизирующий немецким национал-социалистам Вирт перевел Ура Линду на немецкий и издал ее в 1933 г., сопроводив оную своими заверениями в истинности если не самой хроники, то ее источников и, следовательно, содержания. Вот что пишет об этом явно симпатизирующий Вирту Дугин:

«Однако и сам Герман Вирт не утверждал, что мы имеем дело с подлинником. Он полагал лишь, что речь идет об очень древней версии мифологического дохристианского предания, обработанной и стилизованной гораздо позднее голландским гуманистом. Вирт, знаток сотни древних и современных языков, археолог, лингвист и историк, проделал колоссальный труд по контент-анализу всего памятника и отделил в нем разновременные пласты – самые древние, более поздние и совсем поздние. Результатом его реконструкции явилась публикация "Ура-Линды" с подробнейшими комментариями. Она-то и сделала Вирта изгоем в среде официальных историков, которые считали, что само сомнение в полной фальшивости "Ура-Линды" автоматически дискредитирует автора. (А не его сотрудничество с нацистами на уровне членов гитлеровского правительства? – Е.Г.) По этой причине другие и самые основные труды Германа Вирта, – "Происхождение человечества" и "Священный праязык человечества", – где содержится его рунологическая теория и об "Ура-Линде", вообще не упоминается, остались без внимания широкой научной общественности. В этих трудах содержится потрясающий палеоэпиграфический материал, который вполне заслуживает того, чтобы стать сенсацией в истории человеческой протокультуры. Многие интуиции Вирта предвосхищают те лингвистические теории, которые называют "ностратическими" и которые появились намного позже, нежели первые работы немецкого профессора.»

Нацисты объявили было хронику «немецкой Библией» и устроили вокруг нее настоящий шабаш на тему «правды» о германских предках-прародителях, пока кто-то из нацистских идеологов не докопался до наличия в хронике идеологически неверных моментов:

- Пацифистских мотивов, не укладывающихся в завоевательные планы нацистов,
- Прославления матриархата, что противоречило гитлеровскому патриархату вождя нации
- Народной демократии, что выглядело несвоевременно в государстве, которое пыталось расправиться со всеми формами демократии в своей стране и во всем мире.

В результате нацисты объявили хронику поддельной и, что было еще хуже для нее, не соответствующей германскому духу. В уже цитированной книге Кёлера вывод о недостоверности «Ура Линды» сформулирован на стр. 100 на академическом уровне с использованием обычной для того времени лексики:

«Герман Вирт и его аргументы не смогли убедить нас в достоверности источников, на которых основана изданная им рукопись.

Немецкий народ не может себе однако позволить следовать таким фантазиям как указателям пути в ходе его марша в будущее. Мы нуждаемся пусть в несколько менее восторженно-фанатичной, но зато более ясной и определенной формулировке цели нашего пути, обладающей трезвым взглядом на прошлое и преисполненным надежды видением будущего.»

При всей чуждости для меня использованной здесь лексики, так и хочется перефразировать этот пассаж и сказать на нормальном языке, что ни один народ, да и человечество как целое, не могут себе позволить пользоваться недостоверными источниками и следовать фантазиям писателей от истории, и что трезвый взгляд на прошлое является необходимым условием для того, чтобы смотреть в будущее рационально, без необоснованных надежд.

Впрочем Герман Вирт, карьера которого в нацистской Германии началась именно с «Ура Линды», смог продолжить свою нацистскую карьеру при помощи других объектов германской символики, тоже имеющих отношение к выдумыванию истории и к ее протитуированию.политикой.

Конечно, во всех рассмотренных выше случаях эпических произведений речь шла о литературе. Но чем, как не литературой, является история?! Она была ветвью литературы и остается таковой сегодня. Только немногие (лучшие) исторические исследования поднимаются до филологического уровня. Поэтому рассмотренное в этой главе может служить хорошей иллюстрацией к тому, как писалась история во все века и во всех странах. Она выдумывалась по законам жанра и не перестает быть фантастикой – в лучшем случае научно-исторической фантастикой – и по сей день.

Выдуманная история древних финикийцев.

Уже цитированный мной профессор Галлеттис, известный немецкий историк 18-го века, пародируя своих коллег, вкладывал в уста профессора истории такое заявление:

Вы не должны говорить, когда я говорю. Вам можно говорить исключительно, когда я не говорю. Но и тогда вам это запрещено.

Я понимаю, что все то, о чем я рассказываю, запрещено рассказывать, даже если сами историки изредка об этом рассказывают. Вот и здесь я хочу рассказать об одной истории, о которой изредка говорят сами историки: о сверххранной истории выдуманных историками древних финикийцев (прототипом этих отважных мореходов и просветителей других народов, скорее всего, послужили средневековые венецианцы).

Сегодня о ней – о сверххранной истории ужжасно древних финикийцев – говорят как об одном из самых крупных скандалов в связи с историческими фальшивками, сфабрикованными в 19-м веке. Автор этой фальшивки Фридрих Вагенфельд после разоблачения попытался изъять из продажи все еще не проданные экземпляры своей первой книги [Вагенфельд], что превратило ее в библиографическую редкость. Сегодня букинисты продают ее по цене, превышающей 300 евро. Сам же автор с горя запил горькую и умер от перепоя еще молодым человеком в 36 лет. Вот, чем кончаются те редкие случаи, когда историки отвергают очередной кусок выдуманной истории. Поэтому предлагаю впредь из гуманных соображений занести в число прав человека право на произвольное выдумывание еще не выдуманных отрезков истории.

Для юного филолога и теолога из города Бремена Вагенфельда (1810 – 1846), подававшего большие надежды, уверенность в том, что великим историком может стать только тот, кто выдумает великие исторические произведения (точнее, сумеет «восстановить» одно из оных) оказалась роковой. Он, конечно, правильно воспринял основную парадигму истории, но опоздал на несколько сот лет: то, что безнаказанно сходило с рук какому-нибудь Скалигеру в 16-м веке (о нем я расскажу подробнее во второй части настоящей книги), уже не всегда проходило в 19-м. Слишком сильной стала конкуренция внутри исторической магии.

Все началось с того, что при изучении древних языков Вагенфельд натолкнулся на греческий текст Евсевия, содержащий короткую цитату из якобы переведенного с финикийского финикийца Санчуниатона. Этот финикийский историк, как считалось, составил в свое время обширный труд по ранней истории Финикии (с точки зрения ТИ это была даже предыстория, ибо о ней мало что было известно, кроме того, что речь шла о периоде до троянской войны). Однако ни сам труд, ни его осуществленный якобы Филоном греческий перевод не сохранились. Не исключено, что подобного рода «цитаты» специально писались в эпоху выдумывания древней истории в качестве, так сказать, домашних заданий (руководств к действию) для будущих историков, желающих потрудиться на ниве придумывания истории.

Во всяком случае, Вагенфельд именно так и воспринял эту цитату. Он засел за нелегкую работу. Как-никак, ему нужно было прочитать, все что уже существовало в рамках ТИ про финикийцев и их соседей, узнать, кто, когда и что писал (вернее, уже придумал) про них и постараться увязать все это с новыми, выдуманными им самим «фактами» дальнейшей виртуальной главы прошлого. Далее предстояло «восстановить» или симитировать обширный труд на основе немногих сохранившихся цитат (то обстоятельство, что и сам Евсевий был, скорее всего, выдуман в начале эпохи Возрождения, сейчас для нас менее существенно). Как бы то ни было, Вагенфельд в 1835 году

ошарашил ученый мир своим заявлением о том, что им найден хорошо сохранившийся греческий перевод многотомного исторического труда финикийца Санчуниатона, сделанный якобы в свое время Филоном. В воздухе запахло величайшей научной сенсацией.

От возможных требований предъявить доказательства Вагенфельд постарался защитить себя при помощи остроумной байки о том, что рукопись найдена в провинциальном португальском монастыре и что монахи просили его для начала опубликовать только небольшой отрывок из найденного девяти томника и не показывать его никому, пока не завершены переговоры о продаже рукописи. Да и контакт с монахами, мол, установлен не напрямую, а через некоего посредника по имени Перейро. Да и на последнего он вышел через своего учителя португальского, а точнее даже через племянника одного.

Для публикации Вагенфельд выбрал обладающее солидной репутацией издательство в Ганновере, зная, что там публикуется один из известнейших исследователей старины Георг Фридрих Гротефенд. Если ему поручат рецензировать представленную рукопись и он ее одобрит, то – рассуждал Вагенфельд – фальшивка будет признана всем миром. И его расчет оправдался. Гротефенд пришел в восторг и написал подробное хвалебное предисловие, в котором представил выдуманную генеалогию ранних финикийских правителей в наглядном табличном виде и объявил абсолютно достоверной каждую деталь исторического повествования о древних финикийцах. Книга вышла в свет в 1836 г.

Вдохновленный успехом, Вагенфельд издал в другом издательстве полный текст греческого перевода Филона и свой латинский перевод этого произведения: языки он, по крайней мере, выучил неплохо. Кстати, и свою представленную издательству переписку с Перейрой он тоже сочинил на латыни. Свидетельством успеха фальшивки было и появление вскоре неавторизованного ее перевода на немецкий.

Приведу еще одну цитату из книги Хельмута Минковского «Самое крупное насекомое это слон. Перлы профессора Галлеттиса»:

«Если бы кто-нибудь взялся переводить Старый Завет, не имея ни грамматики, ни словаря, не имея даже текста, то это было бы крайне нелегким делом.»

Именно с таким нелегким делом и справился блестяще молодой немецкий знаток древних языков (вот как полезно изучать теологию!). Научная сенсация состоялась!

Однако сразу после издания первой книги начал назревать скандал. Сын профессора Гротефенда Карл Людвиг, сам ученый с докторской степенью, написал о находке в португальском монастыре одному своему приятелю-португальцу. Скорее всего, он просто хотел похвастаться ролью отца в выпуске в свет ставшей сенсационной греческой рукописи про раннюю историю финикийцев или же хотел сам включиться в переговоры о покупке ценной рукописи. Однако португальский приятель прореагировал неожиданным образом. Он сообщил, что названного Вагенфельдом монастыря в Португалии нет и в помине и что ни один португальский чиновник (а таковым якобы был Перейра) не в состоянии написать и одной фразы на латыни. После этого Карл Людвиг ознакомился с присланной в издательство перепиской между Вагенфельдом и Перейрой и установил, что все письма были написаны на бумаге одного и того же немецкого производства – как самого Вагенфельда, так и мифического Перейры.

Свои сомнения Карл Людвиг описал в небольшой брошюре, которую и издал своевременно к

появлению второй книги псевдо-Филона. Скорее всего эта брошюра попала в руки классического филолога профессора Карла Отто Мюллера, который и напечатал разгромный отзыв на обе книги. И хотя он и признавал талант автора фальшивки и советовал ему заняться серьезной наукой, Вагенфельд предпочел утопить свое горе по поводу разоблачения в вине.

А что было бы, если бы Вагенфельд назвал существующий португальский монастырь и попросил бы кого-нибудь в Португалии написать письмо от имени Перейры на португальском, французском или английском языке, да еще и на купленной в Португалии бумаге? Или если бы у Гротефенда не было столь настырного сына? Так бы и учили мы все сегодня в школе подробности про деяния финикийских правителей от Бимала до Обуды, как их назвал автор подделки?! А за прошедшие полтора столетия археологи наверняка нашли бы бесчисленные артефакты, относимые ко всем придуманным древним финикийским правителям. Не исключаю, что и их портреты и бюсты были бы за это время изготовлены. Что-что, а наращивать бугристые мускулы фантазии на хилый скелетик первоначальной выдумки историки и их сподручные за прошедшие 400-500 лет научились в совершенстве.

Рис. 7.3. Фальшивый бронзовый меч, якобы северогерманского производства и якобы относящийся к "северному бронзовому веку" (около 1300 г до н.э.). Был "найден" в высохшем речном русле на юго-западе Германии. Хорошо выполненная подделка сильно изогнутого меча должна была внушить мысль о длительном пребывании меча в реке и его изгибе как следствии воздействия сил природы. Находка должна была стать археологической сенсацией. Из книги Адольфа Риита, стр. 97.

Миф о великом переселении народов.

Одна из баек историков утверждает, что в далеком прошлом, лет эдак 1500–1400 тому назад, происходило великое переселение народов. Эта байка была придумана в 19 в. и с тех пор является одной из любимейших в традиционной истории.

Согласно этой байке целые народы передвигались единым обозом на расстояние в многие тысячи километров и оседали на новом месте под старым названием и в сплоченной этнической форме. Впрочем уже у Цезаря в его «Галльской войне» можно найти описания таких переселений племен и народов.

Причем эти переселения не связываются ни с какими природными катастрофами, хотя только крупнейшие из них (типа затопления акватории нынешнего Черного моря в результате прорыва вод Средиземного моря через Босфор) могли подвинуть целые народы искать себе новую родину.

Впрочем даже эта катастрофа привела к постепенному затоплению населенных ранее земель и к постепенному же оттоку населения из затопляемого ареала. По расчетам ученых, возникновение Черного моря заняло около трех лет. Организованное переселение целых народов и в этом случае невозможно себе представить.

Реалистичные представления о реальных, а не вымышленных переселениях народов, дают те процессы, которые, скорее всего и легли в основу соответствующего историотворчества:

- Заселение Центральной и Южной Америки выходцами из Испании и Португалии, а позднее и из других стран Европы
- Китайское расселение по странам Юго-Восточной Азии.
- Заселение колоний выходцами из колониальных стран
- Заселение Соединенных Штатов выходцами из самых разных частей Европы

Рассмотрим, например, процесс расселения жителей Великобритании по странам Британской Империи. На протяжении двух веков (17-го и 18-го) этот процесс имел несколько пиков и спадов, но в среднем число жителей Великобритании, выезжавших в течение одного года в страны Британской империи, даже в периоды пиков не превышало одного человека из 5000. За весь 17-й век Великобританию покинуло около 700 000 человек. В следующем веке их было менее полумиллиона. (Данные приведены в книге [Фергусон], на стр. 69).

И это при том, что для расселения по колониям британцы могли пользоваться огромным британским флотом, а выезд неимущих был хорошо организован по причине постоянной нехватки рабочей силы в колониях: обязавшись отработать (в течение 4–5 лет) стоимость переезда, практически любой бедняк мог позволить себе эту эмиграцию. Несмотря на беспощадную эксплуатацию этих бедняков в колониях, на практически рабские условия труда (в течение оговоренного договором срока), для многих малообразованных бедняков, не говоря уже о несколько более образованных слоях населения, эмиграция была заманчивой перспективой. Никакого переселения народов в мифологизированном историками смысле я на этом примере распознать не могу.

Не дает примера переселения народов и массовая еврейская эмиграция 19–20 вв. В течение приблизительно 50 лет в 19–20 вв. в США, в основном из Европы, переселились приблизительно 6 млн. человек из общего числа около 15 млн. Это, конечно, существенная доля суммарного еврейского населения, но сам этот процесс был растянут на десятилетия.

Начавшийся около 1880 г. процесс еврейского переселения в Палестину получил определенный новый толчок после Второй Мировой войны. Тем не менее, и по сей день большая часть евреев живет вне Израиля.

Только этнические чистки и организованные тоталитарными государствами массовые депортации народов дают нам примеры более или менее полного переселения народов на новые территории. Однако при этом полностью отсутствовал хотя бы намек на добровольность (пусть даже и спровоцированную какими-то событиями) и, кроме того, в руках у тоталитарных диктаторов находились такие технические средства (транспорт, возможность массового принуждения), каким явно не обладали наши далекие предки.

Литература

[Аникин] Аникин Г.В.; Михальская Н. П.: История английской литературы, Высшая Школа, Москва, 1975

[Бауманн] Baumann, Eberhard, (zusammengetragen von): Herman Wirth. Schriften, Vorträge, Manuskripte und Sekundärliteratur. Uwe Berg-Verlag, Toppenstedt, 1995.

[Вагенфельд] WAGENFELD, FR.: Sanchuniathon's Urgeschichte der Phönizier in einem Auszuge, aus der wieder gefundenen Handschrift von Philo's vollständiger Übersetzung. Nebst Bemerkungen von Fr. Wagenfeld. Mit einem Vorworte von G. F. Grotefend. Hannover, Hahn, 1836.

[Беовульф] Beowulf. Heldengedicht des achten Jahrhunderts. Zum ersten Male aus den Angelsächsischen in das Neuhochdeutsche stabreimend übersetzt und mit Einleitung und Anmerkungen versehen von Ludwig Ettmüller. Mit einem Kärtchen. Zürich, Meyer und Zeller 1840.

[Вирт] Wirth, Hermann [Hrsg.]: Die Ura Linda Chronik ; Übersetzt und einführende geschichtliche Untersuchung, Koehler & Amelang, Leipzig, 1933

[Волков] Волков А.М.; Волкова, З.Н.: Беовульф. Англосаксонский эпос. Москва, 2000

[Ганка] Hanka, Wenceslaw (Hg.). Königinhofers Handschrift. Sammlung altböhmischer lyrisch – epischer Gesänge, nebst andern Alt – Böhmischen Gedichten. Aufgefunden und herausgegeben von Wenceslaw Hanka, Bibliothekar des k. Vaterländischen Museum; verteutscht und mit einer historisch – kritischen Einleitung versehen von Wenceslaw Aloys Swoboda. Prag, J. G. Calve, 1829.

[Герхард] Gerhard. W.: Serbische Volkslieder und Heldenmärchen. Leipzig. 1828.

[Гуггисберг] Guggisberg, Daniel: Das Bild der "Alten Eidgenossen" in Flugschriften des 16. bis Anfang 18. Jahrhunderts (1531-1712). Tendenzen und Funktionen eines Geschichtsbildes, Bern / Frankfurt a.M. [u.a.]: Peter Lang 2000,

[Дугин] Дугин, А.Г.: К вопросу о русских рунах, www.arctogaia.com/public/wirth/wirth3-run.htm

[Зюссманн] Süßmann G.: Das Hildebrandlied – gefälscht? G. Süßmann, Staufenberg, 1988

[Корино] Corino, Karl [Hrsg.]: Gefälscht! Betrug in Politik, Literatur, Wissenschaft, Kunst und Musik, Frankfurt am Main : Eichborn, 1990

[Кюлер] Kühler, Heinz Dieter -: Studien zur Ura-Linda Chronik, Hermann Böhlau Nachfolger, Weimar, 1936

[Лос] Los, Franz: Die Ura Linda Handschriften als Geschichtsquelle. W.J.Pieters/P.Wegener, 1972.

[Макферсон1] Macpherson, James (Translated By): The Poems of Ossian in Two Volumes. Edinburgh 1792 (A New Edition)

[Макферсон2] Die Gedichte Ossian's eines alten celtischen Helden und Barden. Zweiter und dritter Band

in einem. Düsseldorf, 1775 (239 und 258 S.)

[**Макферсон3**] Macpherson, James. (Hrsg.). – Ossian. Die Gedichte von Ossian, dem Sohne Fingals. Nach dem Englischen ins Deutsche übersetzt von Friedrich Leopold Graf v. Stolberg. 3 Bände. 258 S.; 252 S.; 230 S., Hamburg, Perthes, 1806.

[**Макферсон4**] Ossian: The Poems Of Ossian Translated by James Macpherson, J Walker, London, United Kingdom 1807

[**Макферсон5**] Макферсон, Джеймс: Поэмы Оссиана. Macpherson James, The Poems Of Ossian. Издание подготовил Ю. Д. Левин. Перевод Ю. Д. Левина, "Наука", Л., 1983

[**Макферсон4**] MACPHERSON, J.: Ossian's Gedichte. Uebersetzt v. Franz Wilhelm Jung. 3 Bde. Frankf.M., Varrentrapp u. Wenner, 1808.

[**Мэлоун**] Malone, K.: The Thorkelin Transcript of Beowulf, Kopenhagen, London, Baltimore 1951 (Early English Manuscripts in facsimile 1).

[**Пауль**] Paul, Eberhard: Die falsche Göttin. Geschichte der Antikenfälschung, Lambert Schneider, Heidelberg 1962

[**Пфистер**] Pfister, Christoph: Die Mär von den alten Eidgenossen. Bern und die Entstehung der Schwyzer Eidgenossenschaft im Lichte der Geschichtskritik- Dillum, Friebourg, 2003

[**Риит**] Rieth, Adolf: Archaeological Fakes. Translated from the German by Diana Imber. London, Barrie & Jenkins, (1970). (Немецкий оригинал: Adolf Rieth: Vorzeit gefälscht, Tübingen Wasmuth 1967)

[**Тамерл**] Tamerl, Alfred: Beowulf – das älteste germanische Heldenepos? Zeiteinsprünge, 3/2001, 493-512

[**Топорков**] Иванова, Т.Г., Лаптева, Л.П. Топорков, А.Л. (Составители): Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора, Научно издательский центр Ладомир, Москва, 2001

[**Фульд**] Fuld, Werner, Das Lexikon der Fälschungen. Fälschungen, Lügen und Verschwörungen aus Kunst, Historie, Wissenschaft und Literatur. Eichhorn.Frankfurt am Main, 1999.

[**Хаген**] Hagen, Friedrich Heinrich von der: Der Nibelungen Lied. Berlin, bei Johann Friedrich Unger, 1807.

[**Херманн**] Hermann, Franz Joseph. Die Nibelungen. In drei Theilen: 1. Der Nibelungen Hort. 2. Siegfried. 3. Chriemhildens Rache. Lpz., F.A.Brockhaus, 1819.

[**Хюбнер**] Hübner, Arthur: Herman Wirth und die Ura-Linda-Chronik. Berlin, de Gruyter 1934.

Глава 8. Что такое хронология.

В пирамиде Хеопса археологи нашли надпись пятитысячелетней давности: “Я – фараон Хеопс – построил эту пирамиду за 3000 лет до рождения Христа.”

Исторический анекдот

Насчет сущности хронологии существуют различные мнения, отражающие различное отношение к моделированию прошлого и к оценке значения хронологии для оногo. Наряду с разделяемой мной в основном точкой зрения о том, что без хронологии нет истории, что хронология является очень важным элементом моделирования прошлого, бытует и мнение о второстепенном значении датировок для описания прошлого. На этом основана и широко представленная тенденция объявлять прошлое, о котором мы располагаем только весьма скудными знаниями археологической природы, не предысторией, а ранней историей.

Довольно распространенное общее пренебрежительное отношение к хронологии выражается также в классификации историками хронологии как вспомогательной исторической дисциплины, в почти полном прекращении серьезных хронологических исследований в рамках исторического комплекса гуманитарного знания, в абсолютном изъятии – начиная с начала 20 в. – профессии хронолога из списка исторических специальностей. Я бы, скорее, сказал, что история – по крайней мере исследуемая исторической аналитикой история отдаленных от нас на несколько столетий или и того более времен – должна быть вспомогательной дисциплиной хронологии. Только хронология помогает нам понять, занимаются ли историки описанием прошлого или словоблудием и колдовством вокруг придуманной ими виртуальной «древней» действительности.

Некоторые видят в хронологии в первую очередь науку о развитии представлений о времени, о технике измерения времени, о календарях и их строении у разных народов. За этим подходом пытаются закрепить наименование «математическая хронология» (иногда – более точно – его называют «астрономическая хронология»). Конечно, и такое знание весьма ценно. Но настораживает следующее: такой подход к хронологии соответствует идеально задачам хранителей святости храма ТИ.

К чему стремятся и что достигают сторонники концентрации внимания на понимании хронологии как астрономической хронологии, коих подавляющее большинство среди авторов книг, написанных по-русски? Побольше спекулятивных рассуждений на трудно проверяемые темы, максимум отвлечения внимания от проблем с исторической хронологией в рамках ТИ. Эта моя оценка не означает, что я недооцениваю важность знания астрономических основ измерения времени. Она скорее выражает мой скепсис относительно обоснованности наших представлений об использовании календарей разными народами в отдаленные от нас времена.

Другой подход ставит на первое место искусство привязки исторических событий, явлений, процессов к временной оси и видит в хронологии науку об обосновании исторических дат и о трудностях, связанных с технологией датировки. Это и есть историческая хронология. Такое видение хронологии не отвергается ТИ полностью, но и не ставится во главу угла, ибо одна из не сформулированных аксиом ТИ заключается в том, что датировка основных исторических событий прошлого в основном уже была успешно осуществлена до первой мировой войны и сегодня этим не стоит слишком много заниматься.

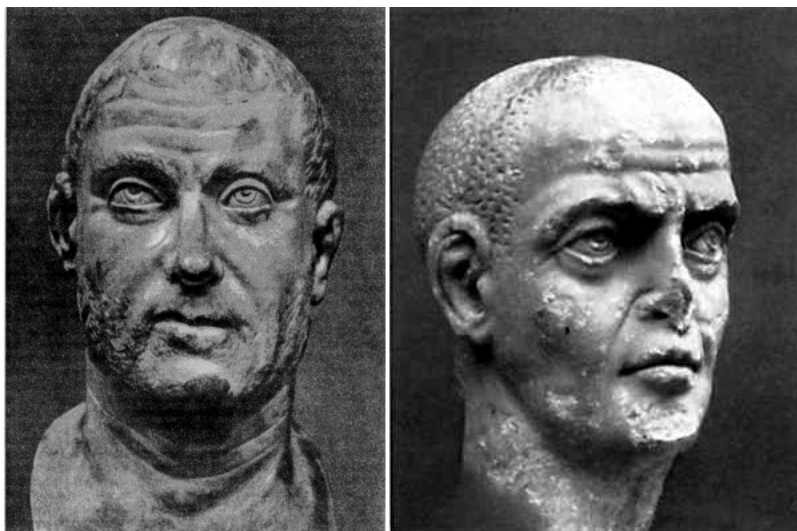

Рис. 8.1. Крестный отец одной из якобы наиболее популярных хронологических систем якобы древности – эры Диоклетиана. Особая пикантность этой широко использовавшейся христианскими писателями эры заключалась в том, что этот якобы римский император жестоко преследовал христиан, якобы был врагом евреев и, скорее всего, рубил головы сторонникам новой хронологии. Правда, в его пользу говорит тот бесспорный факт, что в КПРИ (Коммунистической партии Римской империи) он не сосотоял. Кстати, какой из этих двух столь различных бюстов действительно изображает императора Диоклетиана?

Историческую хронологию иногда называют еще и технической. Этот термин ввел Иделер в своей известной монографии «Справочник по математической и технической хронологии», напечатанной в Берлине в 1825 г., для того, чтобы подчеркнуть свое желание сосредоточиться только на том самом важном, что необходимо для получения хронологических дат. Поэтому можно считать техническую хронологию синонимом исторической, а можно считать ее костяком оной, из которого удалено все то привычное для историков раскрашивание яркими красками картины прошлого, которое делает исторические труды более читаемыми, но не помогает разобраться в датировках.

Падение интереса к хронологии в общем документирует динамика статей соответствующего содержания в русских энциклопедиях. В энциклопедии Брокгауза-Эфрона 1903 г. статья «Хронология» занимает пять колонок (2,5 стр.), причем за ней следует еще и колонка, посвященная русской хронологии. Еще большего объема статья на эту тему была напечатана в созданной на основе энциклопедического словаря Майера Большой дореволюционной 20-томной Энциклопедии Книгоиздательского Товарищества «Просвещение». Наконец дореволюционная Еврейская Энциклопедия под общей редакцией д-ра Л. Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга посвятила хронологии целых пять страниц. Ситуация меняется в корне после первой мировой войны. В БСЭ1 такая же статья еще занимает целую колонку (полстраницы). А в БСЭ2 информация под заголовком «Хронология» состоит аж из 14 строк! Правда, в БСЭ3 длина статьи о хронологии снова возросла, но объема таковой в БСЭ1 не достигла.

Свою скептическую позицию по отношению к доминирующей роли астрономической хронологии в соответствующих книгах я постараюсь представить ниже в данной главе. Здесь отмечу только, что в БСЭ3 статья «Календарь» занимает четыре колонки, т.е. она приблизительно в пять раз длиннее статьи «Хронология». Хочу сразу подчеркнуть, что больше всего меня беспокоит не наличие некоторого количества сказок о календарях разных народов, а то обстоятельство, что на основе этих сказок – скороговорок и без должного внимания к возможным трудностям – новым поколениям историков дают необоснованный и неправильный фундамент для датировок. Их вводят в

заблуждение относительно истинного положения дел в хронологии. Каково оно на самом деле, будет рассмотрено и во второй половине этой главы, и во всей данной части книги.

Рис. 8.2. Библейские евреи в костюмах эпохи ренессанса, «римский» воин в поздне-средневековых латах — художник-гуманист Леонгард из Бриксена (сегодня Боцен) не мог себе представить распятие Христа как относящееся к иной эпохе событие. И эта картина — не исключение. Так, может быть, Библия и на самом деле описывает позднесредневековые события? Из книги Франц Гампл, «Люди и демоны», Инсбрук, 1991

Календари, календари и снова календари.

Каких только календарей не напридумывали историки! Одно только перечисление оных в оглавлениях книг по хронологии занимает целую страницу. Тут и разные типы календарей:

- Лунный
- Солнечный
- Лунно-солнечный
- Солнечно-лунный (если это не одно и то же)
- Подекадный
- Подневной или суточный (календарь Иосифа Юстуса Скалигера – основного претендента на роль основателя современной хронологии, скорее всего названный им юлианским в честь Кая Юлия Цезаря ... Скалигера, своего отца)

Но ведь еще различаются календари и началом года: в марте, сентябре, январе. Да и не обязательно с первого числа месяца: в 13-м веке в Ливонии год начинался 25 марта. В конце этого века и в начале следующего в Прибалтике становится модой считать началом года 25 декабря! Об этом сообщает нам доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета в Москве Елена Ивановна Каменцева в своей «Хронологии», переизданной издательством Аспект Пресс в Москве в 2003 г. почти без изменений по версии 1967 г..

Написанная около 40 лет тому назад исходная брошюра была, по признанию ее автора, излишне перенасыщена «политической ангажированностью изложения истории систем летосчисления». Эту перенасыщенность убрали. И все! Никаких других изменений в науке о времени за прошедшие почти 40 лет уважаемый профессор не сочла нужным нам сообщать. Скорее всего, их и не было. Уже по приведенному названию кафедры в основном российском гуманитарном центре знаний видно, что никто хронологией всерьез не занимается.

Но вернемся к нашим баранам. Оказывается, были даже два мартовских года (т.н. древнерусские весенние годы), ничем друг от друга не отличавшиеся, а только получавшие разные номера, с отличием на единицу. И это все различия, которые проявляются в основном в рамках одного года. Правда, годовые различия могут накапливаться и со временем превращаться в серьезную проблему. Но еще более существенно отличие календарей – по крайней мере с точки зрения их использования не для определения внутригодовых дат типа праздников или срока начала полевых работ, сезона охоты и т.п., а для различения годов в целях исторического датирования – по эре, которую они якобы используют.

По вопросу об изобилии различных эр читатель найдет интересную информацию в книге Фоменко и Носовского «Какой сейчас век?» (Издательство «Аиф-Принт», Москва, 2002), где на стр. 19 рассказывается о двух сотнях различных эр одного только типа «от сотворения мира». Разброс дат начала летоисчисления по этому принципу составляет около двух с лишним тысяч лет! Можете себе

представить, с какой точностью будут переводиться даты в исчисление по нашей эре, если в источнике не указано, какая именно из многочисленных эр этого типа была использована автором.

Но ведь есть еще и календари якобы конкретные, соотносимые с разными народами, религиями, странами

Вавилонский (так прямо один единственный вавилонский?)

- Древнеегипетский (тот же вопрос: три тысячи лет неизменно один и тот же календарь?)
- Древнееврейский (тоже ведь не один век!)
- Китайский (это все равно, что сказать: европейский)
- Календари Индии (по крайней мере не забыли про множественное число!)
- Вьетнамский
- Древнегреческий
- Римский (т.е. «древних римлян»)
- Юлианский римский
- Кумранский
- Арабский языческий
- Мусульманский
- Византийский
- Тюркско-монгольский
- Древне-русский (в разных вариантах)

Они якобы отличались не только астрономическим типом, но и отсутствием или наличием, а также числом високосов (годов особой длины), вставными месяцами или днями и т.п. Часто о таких календарях или о счете времени вообще у разных народов сохранились самые отрывочные сведения, пару названий месяцев или дней недели. Иногда по косвенным данным восстанавливаются какие-то признаки древнего счета времени (без каких-либо надежных хронологических данных о временных рамках изменений календарей и причинах таких изменений).

Традиция эта, сводящая хронологию в большой мере к истории календарей, восходит еще к основателю научной хронологии Иосифу Юстусу Скалигеру, о котором речь идет подробно в одной из следующих глав. Из 430 с лишним страниц своей первой книги по хронологии «Исправление хронологии», изданной якобы в 1583 г., около 200 в начале книги посвящены различным типам года, его подразделениям и разным периодам, длина которых колеблется от четырех лет для олимпиад до многих сотен лет для крупных циклов. Впрочем и вторая половина книги тоже в основном содержит описание разного рода календарных расчетов. Историческая хронология служит здесь скорее иллюстрацией к теории и истории календарей, а приводимые хронологические таблицы побочным продуктом календарных рассматриваний.

Почтенная любительница такого околокалендарного «смол тока» Е.И. Каменцева пишет, например, в своей «Хронологии»:

«Счет времени сезонами очень крупный. Закономерно поставить вопрос – делился год на месяцы или нет? Сведения о делении древнерусского года на месяцы чрезвычайно бедны. [...]

Вероятно, как и все календари древности, древнеславянский календарь первоначально был лунным, лишь со временем превратившись в лунно-солнечный. На это указывает наличие 13-го месяца, называемого в более поздних источниках влязьным.» (стр.46)

«Первоначально», «со временем» – какие точные хронологические указания! Как просто будет их использовать при составлении хронологических таблиц! В качестве общей тенденции можно однако заметить явное желание историков удалить от нашего времени, увести в далекое прошлое все изменения в календарях, сделать их неизменными в течение длительного последнего отрезка их временного существования. В этом – основные причины неверных датировок в рамках исторической хронологии. В частности, есть подозрение, что лунные календари использовались еще сравнительно недавно и переход от лунных к солнечным не был исследован и четко описан и служит по причине своей неучтенности основным орудием искусственного удлинения хронологии. Везде, где месяцы играли роль года, а потом это знание исчезло, мы получаем автоматическое удлинение истории в 12 с лишним раз! Но есть ведь еще и календари нового времени, а также календарные проекты, пока еще не реализованные (их тоже нужно знать интересующимся хронологией, чтобы окончательно отвлечься от исторической хронологии):

- Республиканский календарь Французской революции
- Корейский календарь Ким Ир Сена
- Календарный проект Медлера (1864 г., 31 високос на 128 лет, а не 32)
- Всемирный календарь
- Стабильный календарь

И про все это можно писать страницы и страницы, десятки и сотни. Можно рассматривать все, что попадется под руку, с точностью до наносекунды и сетовать на то, что год не измеряется целым числом дней и лунный месяц тоже, а также радоваться тому, что неделя, если ее определить как состоящую из ровно семи дней, будет – таки в отличие от года и лунного месяца измеряться целым числом дней, без необходимости добавлять к ним сердешным дополнительные часы, минуты и секунды. Что и делают в разных вариантах все представители ТИ, пишущие с умным видом на тему о хронологии, но более всего боящиеся, что читатель завопит не детским голосом: «А король – то до не приличия голый!».

Тут тебе и о декретном времени расскажут (без которого, конечно, ни одно историческое событие не датируешь даже с точностью до года!), и о Гринвичском меридиане, с одной стороны которого расположен розовый нулевой пояс, а в шаге от одного уже светло-зеленый 23-й, и об эре Девы, которая использовалась в пупе земли городе Херсонесе (прочитал было в Херсонете, не сообразил, где это и написал извинительно «пardon, так в тексте», но потом протер очки и понял, что речь идет о причерноморском Херсонесе), и об эре, которой пользовались старообрядцы (наверное, еще в армии Александра Великовидуманного), и о механических часах, которые Лазарь Сербин установил в 1404 г. (это по какой же эре?) в Кремле, и о шаббате, который у ведьм и прочих народов означал всего-навсего покой, который нам только снится, и о разнице между солнечными и звездными сутками (звездных суток на Солнце на единицу больше, чем солнечных на звездах, или я чего-то там недопонял с этой крайне необходимой каждому хронологу хреновщиной)...

Вот, например, статья А.А. Романовой о хронологии на стр. 162–201 в книге «Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие», изданной в 2003 г. в С.-Петербурге при финансовой поддержке Института «Открытое общество (Фонд Сороса) Россия», из которой я взял приведенные в последнем абзаце примеры. Статья, не обошедшаяся без формулы-заклинания в сноске на странице 167 о легкой опровергаемости работ «многочисленных сторонников так называемой «новой хронологии» А.Т.Фоменко и Г.В. Носовского». Очевидно, вместо ранее обязательных цитат из классиков марксизма-энгельсизма-ленинизма-сталинизма-маодзедунизма современные

российские историки должны давать клятву верности родной ТИ в такой, например форме: «Эта теория выглядит весьма эффективно в целом и не выдерживает никакой критики при рассмотрении конкретных аргументов, которыми оперируют А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский и их последователи».

Вот и Савельева со Полетаевым, признавая что в хронологии сохраняется немало темных мест и белых пятен, не делают из этого вывода о том, что нужно попытаться выяснить причины такого состояния, а обрушиваются на Фоменко за его якобы «неимоверные хронологические измышления». А далее следует перл на уровне идеологического идиотизма: «К сожалению, подавляющему большинству профессиональных историков просто жалко тратить время на демонстрацию научной несостоятельности фантазмагорических концепций А. Фоменко и его последователей.»

А на научное обоснование фантазмагорических хронологических построений их же коллег Скалигера и Ко им тоже жалко тратить время? Да за прошедшие 30 с лишним лет идеологической борьбы с критиками традиционной хронологии не проще ли было бы собрать квалифицированный коллектив «профессиональных историков» и хронологов (если таковые еще не вымерли как социальная прослойка вспомогательного характера) и написать солидный многотомный труд «Обоснование традиционной хронологии» и дать в нем исчерпывающий анализ истории возникновения хотя бы сотни-другой узловых дат мировой истории. Слабо, товарищи словоблюды в поисках утраченного?! Да вы хоть Иделера читали, о котором пишете ничего не значащие общие фразы?

Кстати, не призван ли Фонд Сороса способствовать открытому обществу и свободе научного творчества, попираемой романовыми, савельевыми, полетаевыми и иже с ними во имя сохранения догматического стандарта на уровне воззрений 17-го века о прошлом человечества?!

От календарей к технической хронологии

Возвращаясь к статье А.А. Романовой о хронологии, отмечу, что в ней всему этому описанному выше развлекательному чтиву посвящены страницы 162–200 с заходом на завершающую статью страницу 201 и только последние полстранички уделены «применению хронологии в исторических исследованиях». Можно себе представить, как будут применять хронологию в исторических исследованиях будущие поколения историков, воспитанные на столь мудрой и разработанной до мельчайших деталей методологии технической хронологии. А для читателя, который этого себе еще представить не смог, приведем этот объемистый раздел полностью?

«Знание хронологии требуется при анализе практически любого источника, содержащего прямую или косвенную датировку. Если речь идет о средневековом источнике, большое значение имеет вид источника. Трудный, но обширный материал для исследования представляют собой летописные памятники. На их материале были выработаны многие приемы хронологического исследования, в том числе: перекрестное сопоставление данных с показаниями иностранных источников и других списков летописи, метод «годовых границ», позволяющий определить использовавшийся в летописи стиль. При наличии достаточно развернутой датировки, содержащей противоречия, в последнее время исследователи делают попытки истолковать эти датировки не просто как ошибку, особенно если можно проследить определенную систему следования датировок, но как свидетельство использования в том или ином летописном памятнике хронологической системы, не укладывающейся в традиционную схему. Если в памятнике (в акте, писцовой или владельческой записи) содержится только одна дата, анализ хронологических несообразностей из-за отсутствия сравнительного материала не всегда позволяет сказать, имеется ли в документе ошибка или при датировке была использована особая хронологическая система. Кроме того, многие акты (особенно XIV–XV вв.) или записи не имеют прямых хронологических указаний на время их создания. Вне зависимости от типа источника необходимо проверить все имеющиеся в нем даты и косвенные датировки.

При рассмотрении памятников нового времени затруднения может вызвать проблема использования в памятнике юлианского или григорианского календаря, особенно если датировки с использованием этих календарей чередуются. Выяснение того, какой именно стиль использован в источнике, требует зачастую достаточно большого количества материала для сравнения, а также дополнительных косвенных хронологических указаний на дату события.»

И это все. Все, так сказать, хронологические университеты. Все что можно сказать сегодня о применении этой «специальной исторической дисциплины» на практике. Все, что должно научить историка замечать ошибки в традиционной хронологии и устранять оные. И какое же знание хронологии получает читатель статьи Романовой, кроме того, что нужно придерживаться традиционной исторической дисциплины и поругивать нетрадиционных и недисциплинированных вольнодумцев? Только то, что хронологию как науку к началу третьего христианского тысячелетия в ТИ окончательно добились, что она деградировала до уровня комикса и постельного чтива на предмет ускоренного засыпания.

Оставаясь на предложенном Романовой общем уровне, мы бы хотя бы отметили, что следует различать датирование историческое, т.е. на основе исторических документов или текстов, которые некоторые авторы считают таковыми, и археологическое датирование. Историческое датирование можно разделить на абсолютное, когда в источнике указана дата происшедшего или хотя бы ее часть (например, год), и относительное (о котором скажу ниже). К абсолютной датировке можно

отнести и датирование, которое приводит к некоторой дате (или году) на основе цепочки логических рассуждений и расчетов. Абсолютная датировка равносильна привязыванию событий прошлого к точкам на временной шкале

Не так уж и важно, в какой именно эре или системе датировок происходит это привязывание, если мы не ошибаемся в определении используемой эры и если начало эры наукой определено правильно (к сожалению, в этом далеко не всегда можно быть уверенным). При отсутствии ошибок в данных ключевых вопросах перевод дат в используемую автором эру, например, в почти повсеместно используемую сегодня эру «от рождения Христа», является арифметической по существу задачей, решение которой доступно довольно солидной части человечества.

Главная опасность при таком абсолютном датировании заключается не в возможности ошибки в расчетах или цепочке рассуждений (если оные не держатся в секрете, такие ошибки со временем будут устранены), а в том, что источники могут давать неверную информацию или информацию, которую мы – исходя из мышления, которое не соответствует времени создания источника – неверно интерпретируем.

В любви историков к астрономической хронологии и в их нелюбви к хронологии исторической важно даже не то, что они пишут о бесчисленных календарных системах, а то, что они предпочитают – скорее всего по незнанию – не писать. Не пишут или крайне редко пишут они о возникновении календарей и их развитии, о введении календарей в разных странах или государствах, у разных народов или внутри религий. Крайне мало пишут о создателях календарей, о побудивших их на такой шаг причинах, о трудностях введения календаря и о реальной динамике его распространения. Ведь календарь – это не налог, который с тебя сдерут, хочешь ты того или нет. Календари «сидят» в голове и если туда раньше уже был посажен другой календарь, то новому будет совсем не легко вытеснить из массового сознания своего календарного предшественника. Это крайне нелегко и в письменную и печатную эпоху, но было еще во сто крат труднее в допечатную пору или до возникновения письма и массовой грамотности.

Римский и юлианский календари.

У «римлян» был якобы (чисто?) лунный календарь, но потом появился и календарный год. И какой: всего 10 месяцев и всего 304 дня. Как такой год мог возникнуть – [Каменцева] умалчивает. А [Селешников] добавляет, чтобы не было сомнений: «история не сохранила нам точных сведений о времени зарождения римского календаря.» [Каменцева] же отмечает, что «этот год не соответствовал ни солнечному годичному циклу (а без нее мы об этом и не догадались бы! – Е.Г.), ни лунному (чему лунному? лунному циклу в 19 лет? А почему год должен ему соответствовать? – Е.Г.). Пользовались мол таким странным календарем еще за семь веков до н.э. (во времена Ромула – уточняет Селешников), но потом постепенно (или сразу – но когда? Каменцева молчит – добавили еще два месяца) стали удлинять год и удлинители аж до 355 дней (Селешников поясняет, что сделал это легендарный древнеримский царь Нума Помпилий).

Т.е. вроде бы дотянули римский год до лунного 12-месячного года, который как раз и равен 354–355 дням. Так зачем не ввели просто лунный год длиной в 354,4 дня из 12 лунных месяцев длиной в 29 дней 6 часов и 44 мин.? Тем более, что Селешников утверждает, будто «Такое совпадение не случайно. Оно объясняется тем, что римляне пользовались лунным календарем», причем пользовались весьма интенсивно: «начало каждого месяца определяли по первому появлению лунного серпа после новолуния. Жрецы приказывали глашатаям публично «выкликать» для всеобщего сведения начало каждого нового месяца, а также начало года.». Но тогда совсем уж неясно, зачем нужно было еще и год такой же длины с несколько иными длинами месяцев (от 28 до 31 дня) иметь. Какая-то белиберда! Впрочем, трудно нам понять загадочную душу римлянина, да еще и древнего.

Но на этом катавасия вокруг римского якобы календаря не заканчивается. Так как он не дотягивал до солнечного года, то его якобы со временем все-таки удлинители еще более, но не на недостающие дни – это было бы для римлян слишком просто, а так, что раз в два года в календарь вставлялся дополнительный месяц. Вместо изменения длины месяцев до 30 дней стали каждые два года добавлять еще и дополнительный 13-й месяц! Каменцева и Селешников расходятся в оценке его длины: она говорит о 20 днях, а он о 22–23 днях. Поди разберись. Римляне (по крайней мере самые древние из них) давно вымерли как класс, так что и спросить не у кого.

Зато последний подробно рассказывает о хаотичности римского календаря. Не той, которую мы уже узрели, а еще большей, связанной с тем, что местные жрецы совсем обнаглели и в нарушение партийной дисциплины присвоили себе право изменять продолжительность добавочных месяцев (куда только Цезари и прочие выдуманные великие римляне смотрели, оскотили бы бездельников и посадили бы их на 15 суток, чтобы неповадно было). Жрецы часто злоупотребляли своей властью (наверное, взятки борзыми щенками брали) и произвольно удлиняли или укорачивали год.

Читателю, конечно, знаком исторический персонаж по имени Вовочка. Я имею в виду не одного из великих Вовочек, революционеров или глав государства, а первоклассника Вовочку, который на вопрос «С кем ты живешь?» отвечал: «Да, так с одной из первого Б». Вовочку, который говорил учительнице публично, что он ее любит, а когда она реагировала замечанием «А я не люблю противных маленьких детей» отвечал: «О детях я не думал, но ход Ваших мыслей мне нравится». Бессмертного Вовочку, про которого сочинено бесчисленное количество анекдотов.

Так вот, у «древних римлян» был свой Вовочка. Он уже давно кончил с отличием первый класс и в свободное от школы время шлялся по судам и произносил речи, которые многие поколения школьников, изучавших не нужный им латинский язык, должны были читать и интерпретировать, не

говоря уже о переводить и делать вид, что понимают. Звали этого Вовочку вовсе даже не Вовочка, а Марк Туллий Цицерон (в переводе с латыни «турецко-гороховый», желтым крупным жареным цицером, который им давали в качестве школьного завтрака любящие их родители, бросались в классах нерадивые ученики, взрослый Цицерон бросал в своих противников уже не турецкий горох, а целые тыквы) и придумали его профессора популярных в средние века и в эпоху Возрождения риторических школ для своих Rollenspiele (разыгрываемых учениками в классе игровых ситуаций с заданными профессором ролями). Учеников школ риторики постоянно заставляли писать от имени Цицерона речи и выступления, которые он произнес бы в той или иной ситуации. Многие из них сохранились и были позднее собраны и напечатаны от имени не существовавшего Цицерона, которому как и всем другим римским Козьмам Прутковым придумали богатую биографию.

По свидетельству этого Цицерона, узурпаторы-жрецы, пользуясь предоставленной им властью (это кем же? наверное, брали себе столько автономии, сколько могли), удлиняли сроки общественных должностей для своих друзей или для лиц, подкупивших их (ну, что я говорил?! не без борзых щенков делалась римская древняя история!), и укорачивали сроки для своих врагов. Можете себе представить, как злился вражеский сенатор, если его сенаторство сокращали аж на целых три дня. Или на три недели в случае особо большой стаи борзых и уже подросших щенков. Небось синел от злости. Но против жрецов не пер. Кишка была тонка. Время уплаты различных налогов и выполнения других обязательств также зависело от произвола жреца. Во, что нам историки напридумывали! Ко всему этому началась путаница в проведении праздников. А это уж никуда не годится. Так, праздник жатвы иногда приходилось отмечать в день посева, прямо за штурвалом пашущего древнеримского вестимо трактора, а иногда и вообще зимой.

Великий Вольтер, который как известно был лично знаком со многими из самых обжористых жрецов (само последнее слово, скорее всего, произошло от глагола «жрать» в указательной форме «жри» или на древнеримском наречии «жре»), как-то сказал: «Римские полководцы всегда побеждали, но они никогда не знали, в какой день это случалось». Это, конечно, преувеличение, ибо хотя, как всем нам по профессору Галлеттису известно, «Варус был единственным римским полководцем, которому удалось потерпеть поражение от немцев», было немало других способных римских военачальников, которым удавалось проигрывать битвы не только легендарному Ганнибалу, но даже и не менее литературному Спартаку.

Чем эта длительная хаотичность кончилась, всем нам известно: пришел Юлий Цезарь и всех нехороших жрецов победил (поставил на место). «Хаотичность римского календаря создавала такие большие неудобства, что неотложная реформа его превратилась в острую социальную проблему» пишет Селешников, так что партия сказала «Надо!». «За первый месяц года был принят январь, так как уже с 153 г. до н. э. вновь избранные римские консулы вступали в свою должность с 1 января» хаотически разного по длине года.

Ну, и как же вводил прирезанный вскоре после это невесть за что календарный реформатор этот свой замечательный имени Юлия Цезаря и полностью освободившийся от хаотичности календарь на широких просторах нашей родины? Пардон, Римской, так сказать, империи, в которой тоже было много лесов, полей и рек, не говоря уже о городах, провинциях, народах и языках. Издал себе указ (где он, написанный хорошим латинским языком?) и уехал в командировку в мир иной? Ведь нет ничего более простого на этом свете, как ввести новый календарь указом какого-нибудь не очень достоверного Цезаря!

Селешников ничего не пишет о трудностях внедрения нового и так непривычно не хаотичного календаря. «Однако юлианский календарь не сразу вошел в употребление. Первоначально он

употреблялся только в Риме.» Потом якобы в 325 г. якобы первый якобы вселенский якобы Никейский собор признал юлианский календарь обязательным для христиан. [Каменцева, стр. 33]. Это когда христианство только-только в первые разы стало государственной религией, да и то далеко не везде, и еще и долго после этого продолжало оставаться то преследуемым, то терпимым и не очень популярным учением. Вот как все было просто.

Употреблялся вначале только в Риме, даже и в Остии не употребляли, не слышали в портовом пригороде Рима ни о каком декрете лучезарного Цезаря, а потом какой-то собор лет эдак через 400 без малого постановил, и никаких проблем не возникло (да и возникнуть не могло в принципе, ибо не было ни самого собора, ни этого бессмысленного для новой религии постановления). Раз обязателен для христиан, то прямо назавтра и христиане, и язычники бросились внедрять этот календарь и не расставались с ним ни днем, ни ночью, пока не выучили его наизусть и не вбили его себе и детям-внукам в немытые и нечесанные позднеантичные и раннесредневековые головы.

И ведь при внедрении юлианского календаря речь идет не о темных веках средневековья, а о самых что ни на есть исследованных историками веках императорского Рима. Но о введении юлианского календаря, о трудностях, при этом возникавших, о географическом – очевидно постепенном – его распространении нет нигде ни слова. Рассказывают только байки про переименование месяцев в июль в честь Юлия Цезаря и в август в честь императора Августа, да еще о глупости жрецов, которым Цезарь велел вставлять после трех лет один – четвертый – високосный (т.е. удлинять его на один день), а они – самые образованные люди империи, не могли такую простую вещь понять и поэтому вставляли дополнительный день через два года в третий (такую маленькую последнюю фронду позволили себе свободолюбивые священнослужители, такую фигу в кармане показали ущемленные диктатором жрецы в знак протеста против деспотизма отошедшего уже в мир иной Цезаря, не любивший из-за своего аскетизма и нездоровой худобы миленьких борзых щенков), так что пришлось вскоре и юлианскую реформу «доюлианивать». Детский сад ТИ! Хуже того, ясли для писающих под себя историков традиционалистов.

А потом еще переносили 31-й день из одного месяца в другой (но опять ни слова о введении календаря, о трудностях оно, о сопротивлении оному, которое не могло не быть в огромной империи (хотя бы в отдаленных провинциях!). Зато самодовольная реплика у Селешникова: «Так постепенно совершенствовался юлианский календарь, оставшийся единственным и неизменным почти по всей Европе до конца 16 в., а в отдельных странах до начала 20 в.». Все, вся история распространения календаря убедительно изложена в одной этой фразе! А ведь большая часть Европы никогда не входила в Римскую империю. Что и в ней для распространения календаря было достаточно переименовать два месяца и поиграть длинами двух других?!

«История распространения юлианского года еще не написана»

По крайней мере такое впечатление возникает, если читаешь только книги по-русски. Анна Доротея фон ден Бринкен в своей книге «Историческая хронология Старого света. Календарные реформы и расчеты тысячелетий» посвящает введению юлианского календаря отдельный раздел (стр. 28–29). Она отмечает, что в Афинах юлианский календарь появился только в 6-м столетии н.э. Вернее, она пишет, что, мол, источники свидетельствуют, что в 5-м веке греки еще не использовали этот календарь, а пользовались своим старым с совсем другими наименованиями месяцев (как будто наименование это – главное!). И далее она уже без ссылки на источники утверждает, что в 6–7 веках под христианским влиянием мол и в Афинах стали пользоваться юлианским календарем. А ведь Афины лежат в одной из древних римских провинций! Что же происходило во всех других? И к тому же эта локальная история, ограничивающаяся потерявшим в средние века какое-либо общеевропейское значение городом в Греции, является единственной, которую автор книги оказалась в состоянии рассказать про длившееся до 20-го века внедрение юлианского календаря в Европе: хотя бы уже потому, что до этого времени продолжали свою конфессионально-пропагандистскую деятельность, скажем, русские православные миссионеры среди язычников и мусульман Приуралья и Поволжья!

Единственный из авторов-хронологов, затронувших хотя бы раннюю историю распространения юлианского календаря, вернее то, что себе историки под такой историей понапридумывали, это Э. Бикерман, из книги «Хронология древнего мира» (русский перевод Наука, Москва, 1976) которого я и взял заголовок этого раздела (стр. 46). Он пишет (стр. 42 и далее):

«На западе Римской империи юлианский календарь был введен без изменений, но в восточных провинциях, где греческий язык был официальным языком римской администрации, новое исчисление времени в отношении начала года, названий и продолжительности месяцев обычно приспособлялось к местным обычаям. [...]

Имперское правительство вводило солнечный год постепенно и, как кажется, согласуясь с местными властями. Первым греческим городом, принявшим реформу Цезаря в 46 г. до н. э., был, по-видимому, Саламин (на Кипре) . [...]. В Египте Август в 26 г. до н. э. преобразовал египетский подвижной год [...], добавив шесть дополнительных дней каждые четыре года (3, 7, 11 и т. д. гг. н. э.). Начиная с этого времени александрийский год, как он назывался, всегда начинался 29 августа. В провинции Азии юлианский год был принят около 9 г. до н. э., а Новый год совпадал здесь с днем рождения Августа – 23 сентября [...]. Гален примерно в 160 г. н. э. утверждал, что в провинции Азии и у «многих народов» употребляется солнечный год [...]. Неюлианские календари, тем не менее, частично сохранялись в западных провинциях [...] и во многих районах на востоке. Римское правительство не навязывало официальный календарь греческим городам и восточным народам (например, иудеям), которые не желали отказываться от лунно-солнечного года.»

Про александрийский год переводчик и редактор этой книги Леонид Ратнер заметил: может теперь его так и называют, но вряд ли александрийцы, употребляя слово «год», добавляли прилагательное «александрийский». Далее Бикерман приводит следующие примеры внедрения или использования юлианского – даже не всегда календаря, а – года.

- Римский город (муниципий) Никополь в Болгарии на Истре придерживался юлианского календаря
- Вольный город Фессалоники также пользовался юлианским годом

Да, примеров не слишком много! В то же время у него преобладают случаи противоположного рода, когда города и провинции Римской империи не переходили на юлианский календарь или применяли его лишь спорадически, не пользовались юлианским годом и даже не отказывались от лунного календаря. Правда, он отмечает губительное влияние юлианской реформы в следующем виде: «В большинстве городов, однако, лунный календарь был нарушен». Тем не менее, в списке его примеров преобладают фразы, свидетельствующие против сказки о юлианской реформе календаря:

- Такие города, как Эфес и Милет, придерживались старого календаря еще в эпоху императора Антонина
- В Сардах еще в 459 г. н. э. лунно-солнечный календарь существовал наряду с юлианской системой исчисления времени
- Веками после введения юлианского (александрийского) года в Египте народ продолжал считать время по «старому стилю», т. е. согласуясь с подвижным календарем
- Поздний папирус VI или VII в. н. э. приводит приблизительные соответствия между римскими (юлианскими) и александрийскими (юлианскими) месяцами: сентябрь – тот и т. д., т.е. реформа еще не внедрена
- Одесс (Варна), провинциальный город во Внутренней Месии, еще в январе 215 г. н. э. придерживался лунно-солнечного календаря, который, по крайней мере в это время, совпадал с фазами Луны
- Юлианский календарь не был принят и в Боспорском царстве
- Иногда несоответствие с солнечным годом было столь велико, что вызывает замешательство.

Из этого изложения и из приведенных Бикерманом на стр. 44 и 45 таблиц местных «юлианских» календарей с разными началами года, непривычными названиями месяцев, с началами месяцев в разные дни в середине римских месяцев, с отличными от цезарево-юлианских длинами месяцев (в т.н. александрийских «юлианских» календарях, например, все месяцы имели по 30 дней) становится ясно, что он на самом деле говорит не о введении юлианского календаря, не о реформе Цезаря, а о распространении (и нераспространении) солнечного календаря в его бесчисленных формах. Но это совсем другая материя и ее привязывание к распространению юлианского календаря не представляется обоснованным (скорее, в еще не написанной истории распространения солнечного года могло бы найтись место главе об истории распространения юлианского календаря, а не наоборот).

Я специально не останавливался еще и на тематике счета дней внутри месяца с использованием ид, нон и календ, чтобы не отвлекать читателя от главного: полностью отсутствующей правдоподобной истории внедрения юлианского календаря, его географического и политического распространения. Но в связи с этим счетом дней в учебном пособии Пронштейна А.П. и Кияшко В.Я. «Хронология», изданной под редакцией тогда еще члена-корреспондента, а сегодня уже академика-традиционалиста В.Л. Янина (стр. 55), написано «В быту счет дней по римскому календарю использовался в средневековой Италии до 16 в.». Так не был ли юлианский календарь просто календарем на основе солнечного года, распространившимся в 16 веке непосредственно накануне его григорианской реформы? И не свидетельствует ли вся эта выдуманная полторатысячелетняя история юлианского календаря, что правы новохронологи, сомневающиеся в самом существовании Римской империи, ее Цезарей и Августов, а заодно и ее хаотических календарных традиционно-исторических игр?!

Сравнение с введением григорианского календаря.

В истории с юлианским календарем, таким образом, важно не то что нам рассказывают историки, какую лапшу они нам на уши вешают, а в первую очередь то, о чем они даже не догадались насочинять свои байки. Должны мы им верить? Должны мы забыть про более или менее хорошо известные трудности с введением календаря, наблюдавшиеся в последние 400 лет. Должны мы действительно жить с картиной легкой победоносной прогулки юлианского календаря по обширным пространствам многоплеменной Европы?

Только вот почему-то через 16 с лишним веков, в эпоху книгопечатания и невероятно возросшей власти церковной иерархии, папам римским в течение столетий и столетий не удавалось навязать еще раз подправленный календарь ставшим уже доминирующими христианам. В Пруссии григорианский календарь вошел в употребление якобы в 1610 г., а в Курляндском княжестве григорианский календарь был принят в 1617 г.. Иными словами, в 17 в. подправленному и чуть сдвинутому юлианскому календарю не удавалось перекинуться на новые страны. В 18-м веке этот календарь распространился на протестантские государства Германии, Великобританию и скандинавские страны. В 19 в. известно только одно расширение области приложения этого календаря: Япония переняла его в 1873 г.

И это все при том, что переход от юлианского к григорианскому не представлял собой никакой особой ломки понятий, а просто сдвиг на несколько дней или недель. И хотя, кроме указа папы римского и постановления очередного вселенского собора на стороне нового календаря была и потребность согласования счета дней с таковым в соседних странах (а без того и билет на самолет правильно не купишь!), процесс хотя и пошел, но сильно застопорился к последнему веку прошлого тысячелетия. На самом деле, только в 20 в. григорианский календарь завоевал весь мир. Он был введен в Китае в 1911 г., католической Литве в 1915 г., в Болгарии в 1916 г., в Латвии в 1915–18 гг., в Эстонии в 1918 г. И понадобилась Великая октябрьская революция и гений великого Ленина, чтобы внедрить григорианский календарь после 1918 г. аж в Одессе. От которой до Никейи много меньше лёту, чем от последнего до азиатских провинций Рима или Афин, не говоря уже об якобы рано принявших христианство Армении и Грузии или христианской Эфиопии. Христианские страны Сербия и Румыния стали григорианскими только в 1919 г., а мусульманские Турция и Египет в 20-х годах 20 в.

Самые догадливые из читателей уже сообразили, что я руку в огонь за правдивость каждого слова наших календарных сказочников класть не буду. Более того, я совершенно уверен, что вся эта хаотичность возникла только на бумаге: очень уж много фантазеров трудилось над придумыванием древнего Рима. Тут не только год из 304 дней придумать можно, а и месяц из трех с половиной. На самом деле, скорее всего, потому не было проблем с внедрением, что не было никакой реформы и никакого внедрения юлианского календаря в Римской империи?! Может быть возникла путаница с календарем в середине 14 столетия после последней большой катастрофы и до тех пор, пока не стабилизировали свое движение вокруг Солнца планеты нашей Солнечной системы, взбодороженной каким-то космическим пришельцем, метались календарщики (жрецы и священники) то в одну, то в другую сторону. А когда успокоилось все на небе, то и установили длину солнечного года и подогнали к ней календарь. Не такие уж идиоты были люди 15–16 веков, как писавшие их по своему образцу и подобию историки, от которых произошли – как все остальные от обезьяны – современные историки-традиционалисты.

Вопрос эры или точки отсчета исторических дат.

С точки зрения исторической или технической хронологии точная длина года и его начало представляют определенный интерес. Если их не учитывать, то возможны ошибки в много месяцев или даже в несколько лет. Но историческая аналитика вскрывает ошибки в хронологии, которые исчисляются сотнями и тысячами лет. При этом, основной потенциал хронологических ошибок – наряду с неверными данными в используемых историками текстах и в неоднозначном прочтении написания цифр, запрятан в многообразии хронологических эр, т.е. дат, от которых ведется хронологический отчет, каким бы годом при этом не пользовались.

Выше я уже сослался на книгу «Какой сейчас век?», в которой Фоменко и Носовский рассказали о двух сотнях различных эр «от сотворения мира»: от 3491 г до н.э. (по Иерониму) до 5969 г. до н.э. (по Феофилу). В [Романова] эти границы раздвинуты аж до чисел от 3483 до 6984 лет. А [Фон ден Бринкен] упоминает в начале своей хронологической таблицы еще и год 6024 до н.э. как год сотворения мира по представлению грузинской религиозной общины Иерусалима. Разброс дат начала летоисчисления от сотворения мира составляет таким образом более двух с половиной тысяч лет!

Стоит только историку при чтении источника неверно определить, по какой именно эре от сотворения все одного и того же мира выдавал свои даты автор изучаемого текста, и новоиспеченный хронолог начнет походить на снайпера, сменившего винтовку с оптическим прицелом на орудие главного калибра ушедшего на десяток миль от берега крейсера. Конечно, пальнув из такой пушечки в бумажную мишень для пулевой стрельбы, установленную в находящемся недалеко от берега тире, можно случайно и попасть в эту бумажку, но можно и разнести в пух и прах не только весь тир, но и его солидную эпсилон-окрестность (надеюсь, это широко используемое математиками для обозначения ближайшей окрестности неопределенного радиуса выражение, не напугает моих гуманитарно настроенных читателей).

А ведь дело не ограничивается эрами от сотворения мира. Эр, правда, несколько меньше, чем собак нерезаных, но все-таки их развелось столько, что обозреть их все не решился еще ни один учебник по хронологии. Энциклопедия Майера уделяет этому вопросу отдельную статью, в которой предпринята попытка классификации всего необозримого множества эр. Безымянный автор этой энциклопедической статьи ввел девять классов эр и посвятил описанию этих классов и перечню самых главных примеров из арсенала ТИ набранные мелким шрифтом полторы страницы (т.е. в несколько раз больше объема, чем БСЭ2 и БСЭ3 вместе взятые понятию хронологии). Приведем только названия классов:

1. Хронографические эры (по великим завоевателям международного масштаба: Александру, Диоклетиану, Набоннасару и т.д. Сюда же отнесена и эра по греческим олимпиадам)
2. Династические эры (по основателю династии, например, эра Селевкидов с момента утверждения первого из них в качестве сатрапа)
3. Мемориальные (в честь некоего знаменательного события, например, посещения императором Андрианом Афин!)
4. Освободительные эры (например эра Помпея, якобы освободившего сирийские провинции от ига Маккавеев)
5. Провинциальные эры (эпохальные для провинции даты якобы служили началом локальных эр в Римской империи)
6. Революционные эры (например, от провозглашения французской республики)

7. Сакральные эры (от знаменательных дат, воспринимаемых как священные: сотворение мира, от рождения Христа или сожжения храма)
8. Победные эры (победа Октавиана над Антонием и Клеопатрой, Цезаря над Помпеем и т.п.)
9. Городские эры (например, от основания Рима),

Наверняка, если поднатужиться, можно и еще классик-другой придумать. Например, счет времени от выигрыша в лотерею или от всемирной катастрофы. Вот и переливающие из пустого в порожнее на темы о времени Савельева и Полетаев придумали два больших класса *ex ante* и *ex post* при помощи переводимых практически одинаково латинских выражений (нечто вроде «от бывшего раньше»), не продвинувшись ни на йоту к пониманию сущности хронологии.

С другой стороны, многие из эр могут вполне обоснованно быть помещены в два разных класса. Так что и эта псевдонаучная систематизация, в которой проявилась общенемецкая (и китайская) любовь к порядку, опять же хороша лишь для того, чтобы отвлечь нас от главного. А главное это то, что если спутать эру от рождения Ким Ир Сена с эрой создания мира грузинской общиной Иерусалима, то расхождение выдуманных дат в восемь тысяч лет можно будет считать научно обоснованным. Вот список некоторых эр согласно книге [Прокштейн2], стр.82:

- Юлианский период Скалигера—1 января 4713 г. до н. э.
- Индийская эра Калиюга — 18 февраля 3102 г. до н. э.
- Китайская циклическая эра — 2637 г. до н. э.
- Эра Авраама— 1 октября 2015 г. до н. э.
- Буддийская эра (Китай, Япония, Монголия) — 950 г. до н. э.
- Эра олимпиад — лето 776 г. до н. э.
- Эра от «основания Рима» — 21 апреля 753 г. до н. э.
- Эра Набонассара — 26 февраля 747 г. до н.э.
- Японская эра Нино — 660 г. до н. э.
- Буддийская эра Нирваны (Индия) — 543 г. до н. э.
- Индийская эра Махавиры — 527 г. до н. э.
- Филиппийская эра (эра Александра) — 12 ноября 324 г. до н. э.
- Эра Селевкидов — 1 октября 312 г. до н. э.
- Парфянская эра Аршакидов — весна 247 г. до н. э.
- Индийская эра Викрамы — март 57 г. до н. э.
- Испанская эра— 1 января 38 г. до н. э.
- Акцийская эра —2 сентября 31 г. до н. э.
- Эра Августа — 29 августа 30 г. до н. э.
- Эра индиктионов — 1 января и 1 сентября 3 г. до н. э.
- Христианская эра — 25 декабря 1 г. н. э.
- Индийская эра Шака — 15 марта 78 г. н. э.
- Эра Диоклетиана — 29 августа 284 г. н. э.
- Западная эра индиктионов — 1 сентября 312 г. н. э.
- Индийская эра Гупта — 26 февраля 350 г. н. э.
- Эра постконсулата — 541 г. н. э.
- Вирменская эра — 11 июля 553 г. н. э.

- Мусульманская эра— 15 и 16 июля 622 г. н. э.
- Японская эра Ненго — 645 г. н. э.
- Индийская эра Невал~20 октября 879 г. н. э.
- Эра Джелал эд Дина — 15 марта 1079 г. н. э.
- Мексиканская эра— 1089 г. н. э. (начало 1-го цикла).

Обилием рассмотренных эр отмечалась уже книга Скалигера «Исправление хронологии». Здесь более 50 страниц посвящено описанию самых главных эр.

Главную проблему, связанную с обилием эр – только что названную возможность хронологических ошибок из-за неверного понимания того, какой именно эрой пользовался тот или иной автор, тот или иной источник, – историки предпочитают не артикулировать слишком настойчиво. Рассмотрим простой пример: Л.В.ЧЕРЕПНИН в брошюре РУССКАЯ ХРОНОЛОГИЯ (УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ), изданной ГЛАВНЫМ АРХИВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ НКВД СССР через ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ, МОСКВА в победоносном 1944 г. пишет на стр. 40 «В самом деле, современное летосчисление началось в 5508-м году от "сотворения мира"». Стоит нам поверить этому заявлению и при чтении «Всемирной хроники» Шеделя мы будем все даты сдвигать на 310 лет: в этой хронике на самом деле «рождение Христа» (в плане рождения нового летоисчисления, т.е. как точка отсчета лет нашего летоисчисления, а не жизни принимаемого за историческую личность человека Иисуса) приходится на 5198 год.

На стр. 68 в разделе «Ошибочные даты в древне-русских актах» Черепнин признает

«Задача перевода дат с византийского летосчисления на современное сильно осложняется тем, что в древне-русских документах мы часто находим неверные цифровые обозначения годов. Мы оставим пока в стороне вопрос о применении заведомо неправильных принципов датировки древними летописцами. Этого вопроса мы коснемся ниже. А пока остановимся на хронологии актового материала и отметим возможные и часто встречающиеся на практике искажения действительных дат, в результате случайных причин, при механической или не достаточно точной переписке. Цифры пропускались, заменялись одна другой, принимались одна за другую и т. д. От времени документы портились, поэтому в некоторых датах стирались отдельные цифры. Позднейшие копиисты не обращали на это внимания и воспроизводили цифровое указание источника в неполном виде, искажая тем самым его смысл.»

В разделе «Неточности хронологических данных древне-русских летописей и их проверка» он уточняет (стр. 71-72):

«Говоря о привлечении летописей для проверки актовой хронологии, надо в то же время учитывать, что и летописные хронологические данные часто грешат неточностями. Это относится в особенности к Начальной летописи, -- наиболее раннему дошедшему до нас памятнику летописного типа. Исследованиями ряда специалистов (главным образом, акад. Шахматова) доказано, что первоначальный древнейший текст Начальной летописи (или же не дошедших до нас предшествовавших ей летописных сводов) в основном представлял собой оплошное сплошное литературное изложение, лишенное хронологической сетки. Основные даты для наиболее раннего периода вставлены уже позднейшей рукой, причем большинство дат не имеет под собой твердой почвы. Они появились в результате различных домыслов и соображений летописного сводчика, сопоставлявшего события русской истории с известными ему из греческих источников хронологическими данными, относящимися к истории Византии.»

В условиях Великой Отечественной войны, да еще и под эгидой НКВД, автор мог себе позволить такие стилистические перлы как

«Грузинской эрой является так называемое "сотворение мира" ... От "сотворения мира" до "рождества христово" грузинская хронология считает 5604 года.»

А две следующие его фразы

«нам известно, что мусульманское летосчисление началось на 622 года после нашей эры»

«Монгольское летосчисление началось на 1027 лет после нашего (христианского).»

нужно, очевидно, понимать так, что после введения нашего (христианского) исчисления в 1582 г. должны были пройти 622 года и соответственно 1027 лет для того, чтобы в разгар третьего нашего (христианского) тысячелетия можно было ввести мусульманское, а затем еще и монгольское летоисчисление! Или историк-традиционалист не знал, что в хлеву в Бетлехеме в день собственного появления на этом свете Христос ни вселенского собора не созывал, ни указа о новом летоисчислении не подписывал, а как и все младенцы выражал отчаянным криком свой протест против всех тех безобразий, которые в этом мире происходили до него и будут происходить как в течение его недолгой земной жизни, так и довольно долго после ее трагического завершения. Но это уже следующая наша тема.

От рождества Христова до эры before Christ (до Христа)

Мы не будем здесь рассматривать подробно процедуру введения в обиход всех бесчисленных эр, выше названных или не названных. В большинстве случаев это и невозможно сделать, ибо никаких баек на эту тему историки не сочинили. Отметим только, что нет никаких оснований считать, что какая-либо из них была введена сразу после некоего события, с ней потом связывавшегося.

Например, не могли все эры от сотворения мира быть введены сразу после сотворения мира, а не то они бы все совпадали друг с другом. И даже если эра Французской Революции и составляет одно из немногих исключений из этого скептического правила, доминирующей эмпирикой была, скорее всего, гораздо более поздняя привязка некоей эры к тем историческим событиям, которые потом использовались для обозначения этих эр. А это увеличивает вероятность того, что даже в случае эр, связанных с вроде бы относительно недавними историческими событиями, сами эти события были либо выдуманы, либо изменены до неузнаваемости под пером историков. Не исключая, что и главное историческое событие всех времен под названием «сотворение мира» было выдумано историками по незнанию хитроумной гипотезы физиков о Великом Взрыве, скромно ими именуемом просто большим.

Правилом, скорее всего, было выдумывать эры, начало которых сознательно относилось в столь давнее прошлое, что все описанные кем-либо события прошедших веков должны были свободно поместиться во время после начала эры. Одним из досадных исключений стала наша эра или эра «от рождения Христа», которая этим удобным свойством – по крайней мере сегодня после прилежной работы историков по придумыванию не существовавшего прошлого – вроде бы не снабжена и потому заставляет нас делать из нее склейку исходной эры с собственной антиэрой и считать годы не только от рождения Христа но и до него. На самом же деле для целей свободного от фантазий моделирования прошлого – и это одно из основных убеждений исторической аналитики – нам вполне достаточно времени с момента фиктивного рождества Христова.

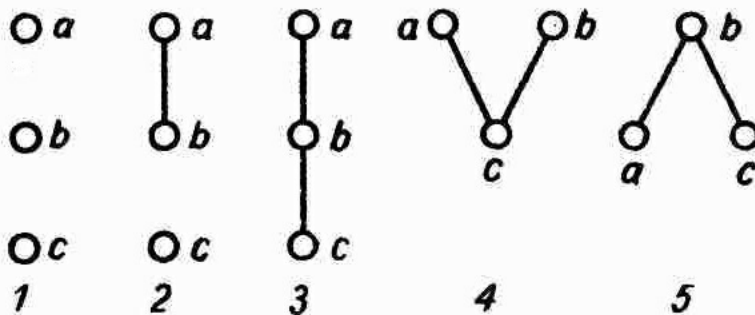

Рис. 8.3. Если в хронике упомянуты три исторических события, происшедшие в разное время, то их временное упорядочение по принципу «раньше-позже» может иметь один из пяти типов: 1. Никакой временной информации. 2. Одно событие произошло позже другого, но о времени третьего события ничего не известно. 3. Множество событий линейно упорядочено (возможны шесть разных таких упорядочений). 4; Два события произошли позже третьего, но неизвестно, как они соотносятся между собой. 5. Два события произошли раньше третьего, но неизвестно, как они соотносятся между собой. Здесь расположенные выше события считаются происшедшими позже.

Как же могла возникнуть и как возникла наша эра. К сожалению про это у историков крайне мало достоверной информации. Мы знаем, правда, что в течение 33 лет земной жизни Христа никому и в голову не пришло вести счет лет от его рождения. Потом его казнили и его многочисленные ученики разбрелись по свету, чтобы нести в массы его учение и готовить себе очередное поколение

учеников. Считается, что кое что об этой эпохе мол известно, но никто, почему-то, не описывал ее в терминах числа прошедших после рождения Христа лет. Потом всех апостолов благополучно отправили в мир иной, но и об этих событиях никому не пришло в голову рассказывать с расписыванием по годам от рождения Христа.

Появились евангелисты, которые якобы подробно описали жизнь Христа, его проповеди, путешествия и трагическую смерть, но ни один из них не пользовался хронологией от рождения Христа. Последовали десятилетия и даже столетия преследования христиан, их распространения и превращения в важную общественную силу, но обо всем этом никто не рассказывал в системе счета лет от рождения Христа. Наконец, якобы, христианство стало государственной религией в Римской империи, а затем и в Армении и несколько позже в Грузии, но и теперь уже христианским якобы правителям почему-то не хотелось считать годы от рождения Христа. Какими только эрами не пользовались, но только не христианской.

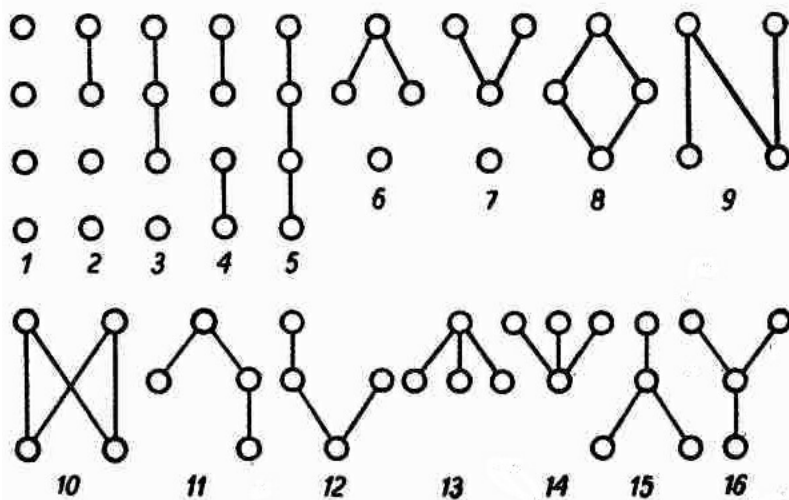

Рис. 8.4. В случае четырех событий из источника может следовать хронология одного из изображенных здесь типов. В каждом из типов возможны разные привязки к временной оси (датировки отдельных событий). В этом смысле количество возможных хронологий для четырех событий возрастает еще больше. Поэтому любимая историками хронология с точной датировкой всех событий является редчайшим исключением из правила и должна быть каждый раз тщательно обоснована.

Вот дошло дело да первого вселенского собора. Собрались в Никее мудрейшие христиане всего мира, постановили ввести в христианский обиход юлианский календарь, но о рождении Христа как о самой знаменательной дате христианства, от которой сам бог каждому христианину вроде бы повелел вести отчет всех мирских и церковных дел, даже не вспомнили. Считайте себе от основания Рима или от воцарения языческих правителей, делайте, что хотите, но только не примешивайте к этому нашего господина-спасителя!

Ситуация, прямо скажем, непонятная и некрасивая. И куда только смотрели многочисленные святые папы и несвятые антипапы (пусть и анти, пусть и несвятые, но все-таки ведь были и антипапы вроде бы высокими иерархами церкви, могли бы и переменить христианское летоисчисление – или не вели христиане никакого летоисчисления? – на летоисчисление от рождения Христа!)? Все эти Св. Петр (33–64 или –67), Св. Лин (67–76 или –78), Св. Клет (Анаклет) (76 или 78–88 или .90), Св. Климент I (88 или 90–97 или –99), Св. Эварист (97 или 99–105 или –107), Св. Александр I (105 или 107–115 или –116), Св. Сикст I (115 или 116)–125, Св. Телесфор (125–136), Св. Гигин (136–140), Св. Пий I (140–154 или

-155), Св. Аникет (154–165 или -166), Св. Сотер (165 или 166–174 или -175), Св. Элевтерий (174 или 175–189), Св. Виктор I (189–199), Св. Зефирин (199–217), Наталис (антипапа) (199–[?]), Св. Каликст I (217–222), Ипполит (антипапа) (217–235), Св. Урбан I (222–230), Св. Понтиан (230.УП.21–235.1Х.28), Св. Антер (235.Х1.21–236.1.3), Св. Фабиан (236.1.10–250.1.20), Св. Корнелий (251.111–253.VI), Новациан (антипапа) (251–268), Св. Луций I (253.У1.25–254.Ш.5), Св. Стефан I (254.V. 12–257.УШ.2), Св. Сикст II (257.УШ.30–258.УШ.6), Св. Дионисий (259.УП.22–269.ХП.26), Св. Феликс I (269.1.5–274.ХП.30), Св. Евтихий (275.1.4–283.ХИ.7), Св. Гай (283.ХН.17–296.1У.22), Св. Марцеллин (296.У1.30–304.Х.25), Св. Марцелл I (308.У.27–309.1.16), Св. Евсевий (309 или 310.1V.18–309 или 310.УШ.17), Св. Мильтиад (Мельхиад) (311.УИ.12–314.1.11), Св. Сильвестр I (314.1.31–335.ХН.31), Св. Марк (336.1.18–336.Х.7), Св. Юлий I (337.11.6–352.IV.12), Либерии (352.V. 17–366.1Х.24), Феликс II (антипапа) (355–358 или -365.Х1.22), Св. Дамас I)(366.Х.1–384.ХН.11), Урсин (антипапа) (366–367), Св. Сириций (384.ХН.15–399.Х1.26), Св. Анастасий I (399.Х1.27–401.ХII.19), Св. Иннокентий I (401.ХII.22–417.111.12), Св. Зосима (417.1П.18–418.ХП.26), Св. Бонифаций I (418.ХП.29–422.1Х.4), Евлалий (антипапа) (418.ХII.29–419), Св. Целестин I (422.1Х.10–432.УН.27), Св. Сикст III (432.УП.31– 440.У1Н.19), Св. Лев I (Великий), (440.1Х.29–461.Х1.10), Св. Иларий (461.Х1.19–468.11.29), Св. Симплиций (468.Ш.3–483.111.10), Св. Феликс II (483.111.13–492.111.1), Св. Геласий I (492.Ш.1–496.Х1.21), Св. Анастасий II (496.Х1.24–498.Х1Л9), Св. Симмах (498.Х1.22–514.УП.19), Лаврентий (антипапа) (498 или 501–505), Св. Гормизд (514.УИ.20–523.УШ.6), Св. Иоанн I (523.VIII. 13–526.V. 18), чем они занимались в плане истинно-божественной хронологии? А ведь о хронологии должны были иметь представление, если мы так точно знаем сегодня (см. [Гергей, 455–456]), когда именно они сидели на святом престоле!

В связи с этой таблицей пап и антипап (ее продолжение охотно пришлю желающим по электронной почте) можно сформулировать следующее историко-аналитическое исследовательское задание для читателей: вычислить (или, лучше, подсчитать), сколько времени требовалось в далекие от нас времена на выборы очередного нового папы, после смерти, отречения или устранения со святого престола старого папы.

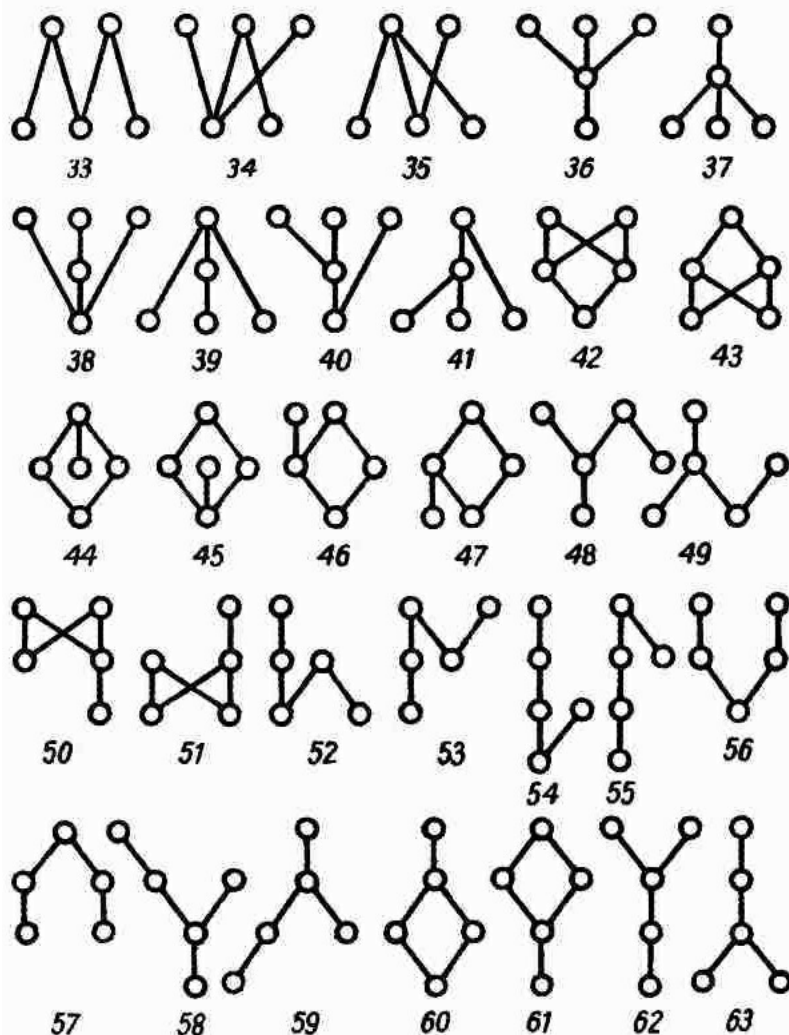

Рис. 8.5. Некоторые из возможных частичных временных упорядочений для множества, состоящего из пяти разных исторических событий. Про два события, которые не соединены на схеме черточкой или последовательностью ведущих вниз черточек, исторический источник умалчивает, которое из двух событий произошло раньше, а которое – позже. Для дальнейшей разработки этих хронологий нужно привлекать информацию из дополнительных источников, если таковые существуют. При этом нужно следить за тем, чтобы новая информация не была в противоречии со старой.

Но все приведенные даты, якобы описывающие длительность и время пребывания на троне в Ватикане различных святых – и не очень – товарищей, пришлось пересчитывать из нехристианских эр: папы еще не были информированы о времени рождения Христа и о потенциальной возможности использования этой даты в хронологических целях. [СелешниковЗ, стр. 196] пишет по этому поводу:

«Следует особо подчеркнуть, что в течение более чем пяти веков христиане обходились без своего летосчисления, не имели ни малейшего понятия о времени рождения Христа и даже не задумывались над этим вопросом.»

Наконец наступил долгожданный перелом. И совершил его никакой не папа и даже не антипапа, а мало кому известный и может быть даже вообще никому не известный, ибо вряд ли реально

существовавший, монах Дионисий. Вот что писала об этом в сильно еще антирелигиозное время Каменцева:

«И, наконец, фиктивной эрой является наша современная эра. Она ведет счет лет от мифического события — «рождения» Иисуса Христа. Эра была предложена римским монахом, скифом по рождению, Дионисием Малым в 525 г. н.э. в связи с вычислением пасхалии. Дионисий не располагал решительно никакими данными о времени появления на свет Иисуса Христа. Дата была им принята условно. Дионисий высчитал год «рождения» Христа посредством расчетов, ничего общего не имеющих с наукой. Даже церковники, присмотревшись к хронологическим выкладкам Дионисия, вынуждены были признать их полную несостоятельность. В Евангелии и других источниках раннехристианского периода нет указаний о дне рождения Иисуса Христа. Эра Дионисия распространяется на Западе с VI в. К XIX в. ее приняли во всех христианских странах. Принятие эры, предложенной Дионисием, было связано в первую очередь с необходимостью использования его пасхальных таблиц.

В настоящее время эра Дионисия от «рождества Христова» стала как бы абсолютной шкалой для фиксирования исторических событий во времени.»

Четко и ясно. Потому мол папы до него ничего не предпринимали, что «решительно никаких данных о времени появления на свет Иисуса Христа» у них не было, а заниматься расчетами, «ничего общего не имеющими с наукой» папам и антипапам, конечно, не подобает. Только вот что-то они не препятствовали антинаучной эре Дионисия (вот, оказывается, по какой эре живет весь современный христианский и в какой-то мере даже нехристианский мир) распространяться на Западе с VI в. аж до самого XIX-го века. А почему не препятствовали, поясняет Селешников.

«Многие религиозные люди считают, что одним из доказательств подлинности существования Иисуса Христа является то, что летоисчисление ведется от его рождения. При этом они считают, что такой счет времени был всегда и является повсеместным. Однако это далеко не так»,

– писал Селешников в 1962 г. в разгар хрущевской оттепели (стр. 47). Ох уж эти мне неграмотные религиозные люди. А через 15 лет Селешников пояснил, что в общем-то религиозных людей даже и обвинять-то в невежестве нельзя, ибо «Господствующие классы и духовенство приняли христианское летосчисление потому, что оно способствовало укреплению веры в существование Христа.» Кстати он вторит Каменцевой и тоже подчеркивает: «Таким образом, действующее летосчисление совершенно произвольно и не связано с каким-либо историческим событием.» И добавляет целый рассказик на эту тему (стр. 197):

«Нелепость попыток установить дату рождения Христа настолько очевидна, что даже многие богословы вынуждены были это признать. Так, когда в 1899 г. на заседании Комиссии Русского астрономического общества по реформе календаря был поднят вопрос о христианском летосчислении, то представитель святейшего синода профессор духовной академии В. В. Болотов заявил: «Год рождения Христа лучше исключить из списка тех эпох, на которых Комиссия может остановить свой выбор. Научно год рождения Христа (даже только год, а не месяц и число) установить невозможно». Понятно, что это выступление, сделанное на закрытом заседании, не было предано широкой огласке.

Таким образом, неопровержимо установлено отсутствие у Дионисия каких-либо данных о рождении Христа. Все евангельские даты, на которые он ссылается, противоречивы и лишены всякой достоверности.»

Как будто с точки зрения хронологии так уж важно, ведем ли мы отсчет времени от реального или фиктивного события?! А, что, сотворение мира более реально? Несмотря на осуждение вклада Дионисия в формирование нехорошего по своей сути – ибо религиозного – христианского сознания, Селешников, тем не менее, пытается придать – не исключено, что фиктивной – инициативе Дионисия Малого на стр. 195 масштаб великой реформаторской акции:

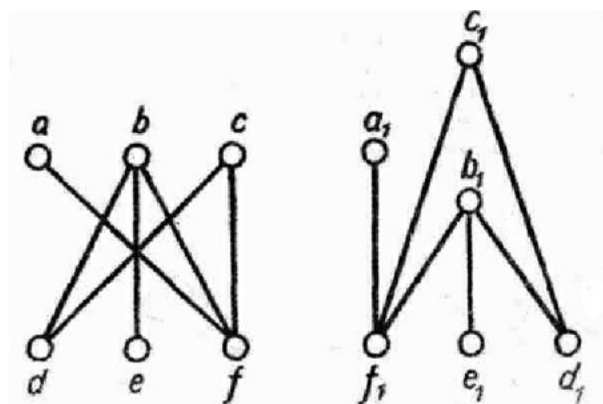

Рис. 8.6. При схематическом изображении частичных хронологий следует иметь в виду, что разные рисунки могут иногда представлять одинаковые хронологии, как, например, две изображенные здесь идентичные хронологии. В этом примере события a, b, c, d, e, f взяты из одного источника, а события $a_1, b_1, c_1, f_1, e_1, d_1$ являются описаниями тех же событий в другом источнике. Чтобы избежать такого рода недоразумений полезно пользоваться фиксированными картинками для всех типов хронологий, такими, как на рисунках 8.3, 8.4 и 8.5.

«Множественность систем числения времени порождала большие неудобства. В VI в. назрела необходимость установить наконец единую систему для большинства культурных народов того времени.[...]

Христиане считали Диоклетиана своим злейшим врагом за преследования, которым они подвергались во времена его правления. Поэтому Дионисий высказал мысль о замене эры Диоклетиана какой-либо другой, имеющей отношение к христианству. И вот в одном из писем он предложил впредь считать годы от «рождества Христова».

В предыдущие три века никого не смущало, что Диоклетиан преследовал христиан, ни тебе пап, ни антипап, ни христианских правителей. А вот монаха Дионисия смутило это. Такое у него была возросшее христианское самосознание! Смутило настолько, что в одном из писем он предложил не считать более годы от ненавистного императора, а считать их впредь от любимого Христа. Событие это имеет столь великое значение для хронологии, что распространяться об адресате этого письма, о стоимости наклеенных на него марок и о судьбе письма Селешников не стал. Зачем засорять нам головы всей этой прозой жизни. Промолчал он и на счет того, исчезла ли после этого разнополосица на поле хронологии, необходимость устранения которой якобы назрела к шестому веку?

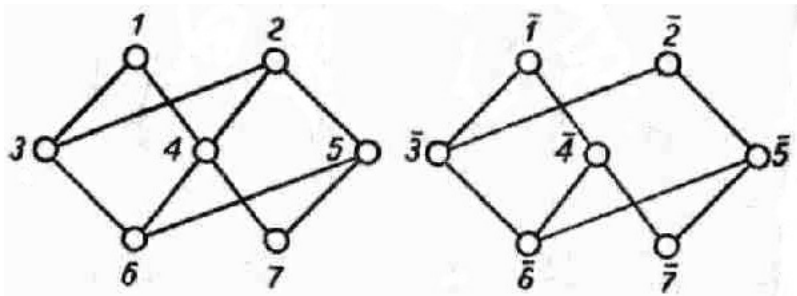

Рис. 8.7. Здесь изображены две частичные хронологии из двух описаний одного и того же набора событий 1, 2 ...7. Эти две хронологии различны, ибо второй источник (описанные в нем события имеют для различения черточку над их номером) не дает нам информации о временном соотношении событий 2 и 4. Разночтения в источниках могут быть и гораздо более серьезными вплоть до неразрешимых противоречий, приводящих к противоречащим друг другу частичным хронологиям.

Я не такой, как эти несколько неопределенно очерченные автором религиозные люди. Я не только не думаю, что «такой счет времени был всегда», но и сильно сомневаюсь во многом из того, о чем Селешников и Ко нам на сей счет рассказывают. Например, в возникновении и распространении счета лет от рождения Христова, которому папы и антипапы настолько мало препятствовали, что Каменцева ничего о реальном распространении летоисчисления по Христу в течение 13-14 столетий даже и написать не посчитала нужным! Зато Селешников очень подробно описывает связанные с новой эрой события этих веков:

«Как вводилось христианское летосчисление. Летосчисление, предложенное монахом Дионисием, было принято не сразу. Впервые официальное упоминание «рождения Христова» появилось в церковных документах лишь через два века после Дионисия, в 742 г. В X в. новое летосчисление стало чаще применяться в различных актах римских пап, и только в середине XV в. все папские документы обязательно имели дату от «рождения Христова». Правда, одновременно в обязательном порядке указывался и год от «сотворения мира»».

В общем, какое-то безобразие. Дионисий написал письмо таинственному корреспонденту, предложенное им новое летоисчисление, несмотря на этот титанический подвиг, не было принято и даже не упоминалось нигде в течение 217 лет! Я бы на его месте заявил решительный протест против такого разгильдяйства. К сказочкам об упоминании «рождения Христова» в церковных документах я еще вернусь, а пока обращаю внимание читателя на то обстоятельство, что для Селешникова никого, кто мог бы интересоваться хронологией по Христу ВНЕ ЦЕРКВИ ПРОСТО И В ПОМИНЕ НЕТ. Ах, да, про господствующие классы мы нечто неопределенное у него нашли, но где, когда и как – это остается для нас тайной.

Прокштейн уделяет всей проблематике распространения счета лет от рождения Христова ровно одну фразу:

«Эра Дионисия (от «рождения Христова») оказалась очень удобной для расчета церковных праздников (так-таки, прямо всех церковных праздников? – Е.Г.), и хотя была столь же условной, как и другие, она постепенно распространилась во всем христианском мире, а затем и в большинстве стран земного шара»

Вот бы историки писали и всю остальную историю так лаконично:

1. Римская империя постепенно распространилась от Португалии и Великобритании до Армении и Египта

2. Российская империя постепенно распространилась от Польши до Калифорнии

И баста. Все стало ясно и никаких имен и событий нам не надо!

Христианская эра у Беда Достопочтенного

Не нужно думать, что пренебрежение историей распространения календаря является особенностью русских авторов с их антирелигиозными тенденциями. Этот стиль восходит и к Иделеру, и к еще более ранним западным хронологам, для которых «знание» структуры календаря, его морфологии, было важнее, чем история его распространения. Я подозреваю, что истинная причина такого подхода заключается в том, что большинство календарных и с эрами связанных баек были придуманы незадолго до григорианской календарной реформы или даже после нее, когда еще не было ясно, как сильно будут сопротивляться новому календарю не католические страны.

Самым солидным трудом по хронологии еще и сегодня все считают книгу почти столетней давности: трехтомник Гинзеля «Справочник по математической и технической хронологии», отдельные тома которой издавались в Лейпциге в 1906–14 гг. Так вот, этот солидный труд, значительно превосходящий по объему и по списку рассмотренной литературы книгу Иделера, тоже построен по принципу изложения всего того, что нам якобы известно о календарях разных – в основном принимаемых за очень древние – якобы древних народов.

- Том 1 (1906): Календари Вавилона, Египта, мусульман, персов, индусов, народов юго-восточной Азии, китайцев, японцев и индейцев Центральной Америки
- Том 2 (1911): Календари евреев, примитивных народов, римлян и греков
- Том 3 (1914): Календари македонцев, кельтов, германцев, коптов, византийцев и русских, а также жителей малой Азии, Сирии, Армении и Абиссинии. Здесь же рассмотрены календари нового времени.

Посмотрим, в состоянии ли сказать западные хронологи что-либо вразумительное о распространении эры от рождества Христова. В книге фон ден Бринкен этой проблеме посвящены пять страниц, целый раздел под заглавием «Христианская эра и связанные с ней проблемы» (стр. 80–85). Она подчеркивает связь этой эры с верой в историчность Христа и пишет, что отсчет лет по этой эре в течение полутора тысяч лет является привычным способом расчетов в Старом свете, а в последние пятьсот лет постепенно он превратился в международную привычку. Последнее не является большим секретом, но вот про первое утверждение хотелось бы прочитать побольше деталей.

Рассказав о духовном подвиге Дионисия Малого, который, оказывается, был не простым монахом, а аббатом, и, хотя и скифом, но римлянином по формам поведения, она повторяет версию, которую мы уже прочитали у Селешникова. О письме, правда, ни слова, но зато следует замечание, в котором с горечью подчеркивается существование эры Христа на самом краю лишь в немногих (выдуманных задним числом в эпоху Ренессанса? – Е.Г.) таблицах для расчета пасхалий, которые было принято составлять раз в столетие или на 95 лет. При этом, мол, год указывался и по Христу, и по «созданию мира».

Никаких свидетельств о поддержке антипапами или папами римскими до Григория Великого летоисчисления по Христу или хотя бы об их поддержке использования этого летоисчисления в таблицах с результатами расчета пасхалий у фон ден Бринкен нет. Судя по всему папы римские и антипапы Св. Феликс III (526.VII.12–530.IX.22), Бонифаций II (530.IX.22–532.X.17), Диоскур (антипапа) (530.IX.22–530.X.14), Иоанн II (533.I.2–535.V.8), Св. Агапет I (535.V.13–536.VI.22), Св. Сильверий (536.VI.8–537.VII.11), Вигилий (537.VII.29–555.VI.7), Пелагий I (556.VI.16–561.VII.4), Иоанн III (561.VIII.7–574.VIII.3), Бенедикт I (575.VI.2–579.VI.30) и Пелагий II (579.XI.26–590.VI.7) продолжали

игнорировать возможность усилить веру в Христа за счет введения эры от его рождения. Зато последовавший якобы за ними папа Св. Григорий I (Великий) (590.1X.3—604Л11.12), первым из всех римских пап одумался и стал поддерживать описанные выше расчеты пасхалий.

В качестве конкретного последователя таких расчетов пасхалий фон ден Бринкен называет Августина из Кэнтербури в Англии, игравшего якобы роль апостола папы Григория Великого в Англии и занесшего их мол из Рима (где они согласно Селешникову еще не использовались, около 600 г. в Англию). Якобы в Англии эта датировка по Христу с удовольствием после этого использовалась. Так и хочется спросить: почему же только в Англии, на самом крае христианского мира историков-традиционалистов? А между Римом и Кэнтербури сей Августин нигде не останавливался и ни в одном монастыре у себя на пути идею эры от Христа не посеял? Наверное, очень торопился вовремя прибыть в Англию! А в самой Италии папа не сумел найти христианско-календарного апостола?

Тем не менее, даже и для Англии, про ближайшие 100 лет опять ничего нам не сообщают. Понадобился Беда Достопочтенный (якобы 673–735), который, мол, в хрониках 703 г. и 725 г. продолжил расчеты Дионисия аж до 1063 г. вперед. Правда он использовал в этих таблицах некую эру от сотворения мира, основанную на его расчетах времени этого исторического события, но зато в своей истории церкви в Англии он уже воспользовался датами от рождения Христа. Явный анахронизм, ничуть однако не смущающий историков традиционной выучки.

Топпер относит Беду к выдуманным гуманистами фигурам. В особенности из-за использования Бедой не только эры от рождения Христа, но даже и дат до рождения Христа. Про последние принято считать, что их ввел в обиход Дени Пето (Петавиус) в 17 веке. Так, Беда Достопочтенный («Церковная история народа англос», Алетейа, Санкт-Петербург, 2003, стр. 190) пишет

«В шестидесятом году до воплощения Господа Гай Юлий Цезарь первым из римлян пришел с войной в Британию»

Да, действительно, в 17-м веке вполне могли так писать. Да и вся хронологическая насыщенность и точность книги в сравнении с хронологией Скалигера наводит на мысль, что ее не могли сочинить до 17-го века. Кроме того, Топпер спотыкается на использовании Бедой еврейской библии, в то время в Европе еще не известной. Лишь в 11-м веке она, согласно ТИ, начинает появляться в Европе. Из описания университетов молодого талантливого писателя, приведенного в статье «Отец английской истории» переводчика и комментатора В. Эрлихмана в приложении к сделанной им книге [Беда] читаем

«Таланты юного послушника были замечены епископом Хексема Иоанном, высоко ценившим ученость. По его просьбе Беда был посвящен сначала в диаконы, потом в священники и получил возможность целиком отдаться научным занятиям. Главным предметом этих занятий также была Библия: монахи учили латынь, разбирали и заучивали наизусть отрывки из Писания, изучали жития и труды отцов церкви. К их услугам была богатая библиотека, собранная Бенедиктом и Кеолфритом в разных странах. О составе ее можно судить по источникам сочинений Беды; кроме патристики, там были представлены исторические труды, книги по естественной истории, поэтические, сборники — не только христианские, но и античные. Прилежно изучая эти сочинения, молодой священник уже через несколько лет начал сам учить других, параллельно продолжая свои литературные занятия.»

Поэтические сборники, да еще не только христианские, это, конечно, замечательно, но ведь

арамейский язык не был, кажется, разговорным в среде средневековых англов (не путать с ангелами, которые, конечно, все были полиглотами), а еврейская Библия не обязательно писалась готическим шрифтом.

Топпера смущает использование Бедой византийской хронологии для сравнения с английской. Ничего более близкого и знакомого англам Беда найти не смог? На стр. 43 он говорит о 603 годе и о событиях в Англии в этом году и подчеркивает, что это был якобы третий год царствования Фоки, ставшего незадолго до того восточно-римским императором. Историки-традиционалисты придумают, конечно, какую-нибудь байку о том, что мол через сто с лишним лет после этих событий Беда ну просто обязан был напомнить своим читателям в Англии о византийском узурпаторе Фоке. Хотя, конечно, мог бы и на японского городского сослаться, не говоря уже о китайском императоре.

Топпера смущает также то, что Беда предпринимает весьма основательные усилия, чтобы развеять сомнения в том, что еще сравнительно недавно Англией владели римляне (неужели память об этом так быстро улетучилась, а об описываемых в «Истории» многочисленных местных королях сохранились детальные сведения?). Само римское владычество в Англии он относит к гораздо более позднему времени. Для Беды христианская церковь правит в годы его жизни Африкой и Египтом, хотя традиционная история считает это время периодом владычества ислама в Северной Африке. Топпер приводит различные другие несоответствия, связанные как с церковными, так и с календарными вопросами.

Подозрение у Топпера вызывают и частые поездки Беды в Рим, о которых он прочитал у кого-то из немецких хронологов-традиционалистов. Я попытался рассеять эти сомнения в своем комментарии к его книге, написав следующее: «Сохранились его командировочные удостоверения и ксерокопии его авиационных билетов. Уровнем обслуживания в первом классе distinguished passenger был в принципе удовлетворен.» Не знаю, удалось ли мне переубедить Топпера, но сам я, право, тоже не лишен сомнений на тему о столь раннем развитии христианства в Англии, о существовании в 8-м веке не только исторических записей, но и целых книг по истории и на разные другие темы.

Правда, вопреки Топперу, Вайнштейн пишет, что Беда безвыездно прожил всю свою жизнь в двух монастырях-близнецах и никогда Англию не покидал. Это, конечно, гораздо более удобная версия для придуманного гуманистами великого историка (сидел себе в глуши на краю света и потому никто его не встречал и этих встреч не описывал), но при этой версии возникает вопрос о том, а где же Беда набрался еретических идей про счет лет от рождения Христа, который даже папы римские якобы за исключением Григория Великого не пропагандировали?

В отличие от нас – скептиков редактор русского издания книги Беды сомнений не знает. Он пишет (стр. 325):

„Уже в то время у него проявился живой интерес к хронологии, которая из чисто технической дисциплины давно превратилась в предмет ожесточенных споров между различными церквями и сектами. (Так вот прямо и давно! – Е.Г.) Незадолго до того в западной церкви утвердилось новое летосчисление от Рождества Христова (Утвердилось! Как здорово! Жаль, что об этом не догадывается ни один из специалистов-традиционалистов по истории хронологии – Е.Г.), сменившее прежнее «от сотворения мира», а также принятую в позднеимперский период эру Диоклетиана (Все, капут, нет больше ни сотворения мира, ни Диоклетиана. И авторы, которые продолжают считать годы от сотворения мира и в 15, и в 16 в. просто невежды, которые не читали Эрлихмана в подлиннике – Е.Г.). Остро стоял и вопрос об исчислении Пасхи: хотя Христово Воскресенье везде отмечали в воскресный день после первого весеннего полнолуния, дата

последнего определялась по-разному. Завязался спор между Римом и кельтскими церквями (ирландской и бриттской), причем прежде всего речь шла не о богословских тонкостях, а о вопросе юрисдикции. Борьба кельтов за свою самостоятельность длилась до конца VIII в., и Беда в ней решительно принял сторону Рима. Одно из первых его сочинений «Книга о временах» (*De temporibus liber*), написанное около 703 г., было посвящено защите нового летосчисления и римской Пасхи. В книгу входила так называемая «Малая хроника» – краткий перечень исторических событий, образцом для которого была «Хроника» Проспера Аквитанского. Беда дополнил ее сведениями из истории Британии и исправил некоторые даты Проспера по работам других авторов. В небольшой по объему хронике были впервые применены принципы, которые позднее легли в основу «Церковной истории народа англов», а также «Большой хроники». Последняя входила в состав написанного в 726 г. сочинения «О шести возрастах мира» (*De sex aetatibus mundi*); в нем Беда подошел к истории более философски, восприняв ее не как механическую последовательность событий, но как смену эпох, ведущую к наступлению Царства Божьего. Впервые эту концепцию блаженного Августина пытался воплотить в жизнь Павел Орозий в своей «Истории против язычников», но именно Беда сумел приспособить ее к новым историческим реалиям.»

Вайнштейн считает Беду общепризнанным авторитетом в области хронологии. Его основной хронологический труд «*De temporibus ratione*» сохранился мол в 81 рукописи. Не многовато ли для автора 8-го века? Ведь рукописи не только горят, но и гниют и используются в пищу всем живым: от крыс до грибка. Вот для автора 16–17 вв. такое количество было бы легко объяснимо. Как и то обстоятельство, что в его рукописях мало ошибок: при переписывании с печатных книг так оно и бывает.

Интересно, что Беда как пользователь эры от рождества Христова совсем не попал в фокус внимания Гертруды Бодманн, которую много цитирует Уве Топпер. Например, на стр. 99 он пишет:

«Весьма эрудированный и проницательный критик Гертруда Бодманн, исследовав в своей диссертации «Летоисчисление и возраст мира» весьма строго средневековые представления о времени, очертила границы, которых следовало бы придерживаться в будущем. [...]

На недвусмысленный вопрос, с каких пор существует наше летоисчисление (стр. 38), Гертруда Бодманн отвечает: «Счет от Рождества Христова начался в 11–12 вв.; счет до новой эры – в 17–18 вв.»»

Да, не согласовали историки между собой даже такой краеугольный вопрос, как начало использования нашего летоисчисления! Зато Бодманн относит Адама Бременского якобы умершего 12 октября, только вот не совсем ясно какого года в конце 11 века (не ранее 1081 г.), автора вторичного по отношению к Бедо, к числу пользователей эры Христа. Интересно, что в 12-титомной истории Германии в посвященных средневековью томах имя этого Адама даже не упомянуто.

Что же касается веков под номерами 11 и 12, то настораживает меня здесь то обстоятельство, что фон ден Бринкен на многих страницах, рассматриваемого раздела, ни одного примера, кроме уже описанной «Истории» Беды, о применении эры Христа для исторической хронологии не приводит. Она правда рассказывает о критике Бедой эры от рождения Христа (не успел разочек применить, как уже и раскритиковал, а если не нравилось, зачем применять?!), а также о его скрупулезной работе по уточнению дат из жизни Христа, но и эта его работа мне представляется попавшей не в ту эпоху. После 1500 г. она смотрелась бы более естественно! К тому же вряд ли рассмотрение вопроса о том, на сколько лет до рождения Христа родился Иисус Христос, можно идентифицировать с

практическим применением новой эры в рамках хронологии.

В связи с распространением идеи датировок от Христа фон ден Бринкен рассказывает затем про скепсис, который эта новая эра якобы вызвала в связи с критикой Беды. Правда последователи снова раскачивались четверть тысячелетия с лишним, прежде чем накануне круглой даты конца первого тысячелетия от рождения Христа они вспомнили о критике Беды. При этом, характеризуя сложившуюся к временной границе двух тысячелетий (которые вроде бы и как тысячелетия не должны были бы никем восприниматься, раз христианская эра еще не пробила себе пути в сознание людей!) фон ден Бринкен отмечает, что

- Эра Дионисия ни в коей мере не являлась практикой датирования (иными словами, все еще не применялась)
- Вовсю использовались, вопреки цитированному Эрлихману, различные эры от сотворения мира.
- Ватиканская канцелярия и Римские папы датировали свои документы годами правления того или иного папы
- Французские короли в аналогичных случаях хронологически отталкивались от годов своего правления
- Подтверждения использования христианской эры крайне редки (скорее всего, просто отсутствуют: полное отсутствие не является частым использованием!) и встречаются только в копиях (кто знает, когда на самом деле изготовленных)

Далее, правда, не называя ни одного конкретного примера, фон ден Бринкен пишет:

«Императорская канцелярия использовала христианскую эру, однако на всех других уровнях время до 1000 г. является в Германии темным и бедным письменными свидетельствами».

Если мы еще учтем, что подавляющее большинство документов, якобы вышедших из этой якобы существовавшей имперской канцелярии, самими же историками приняты за подделки (вспомним про 6000 поддельных императорских дарственных, выявленных австрийским историком средневекового права профессором Фаусснером из общего числа менее 6200 известных таких дарственных). Но все-таки, что это была за дискуссия о смене тысячелетия? И здесь снова ее рассказ концентрируется на одном единственном лице Аббо из Флери во Франции на Луаре, причем этот то ли Аббо, то ли Аббат Флерийский (было, начиная с 988-го г., и такое темное пятно в его – якобы с 945 г. по 1004 г. – жизни) интересовался больше тем фактом, что в 11 веке (но ни коим образом не в начале оно) в третий раз должен был начаться якобы введенный Дионисием Малым пасхальный цикл длиной в 532 г.

При этом оказывается, что он и некоторые последующие авторы в последующие два века так запутали вопрос о времени рождении Христа и о правильном начале отсчета циклов Дионисия Малого, что окончательно дискредитировали надолго, на несколько столетий, саму идею счета лет (пусть даже и в пасхалиях) от рождения Христа.

Умер Аббо Флерийский не совсем добровольно: был убит, когда пытался внедрять исходящую из монастыря в Клуни реформу. Реформа эта никак с календарем и эрой Христа связана не была, но

якобы по крайней мере с именем Христа и идеями христианства, столь раннее наличие которых исторической аналитике представляется сомнительным. Речь шла вроде бы о борьбе с упадком нравов, но на самом деле с попыткой монастыря Клуни возвыситься над другими монастырями, создать нечто вроде монастырского государства под собственной эгидой. Аббо примкнул к этой реформе, но нашлись и вольнолюбивые монахи, которые его попытку захватить их монастырь не одобрили. Вот как опасно, оказывается, было внедрять реформы. Но где же, сравнимые с Аббо Флерийским, великомученики реформы календаря и христианской эры?

В самом конце рассматриваемого раздела о датировках по Христу фон ден Бринкен пишет на стр. 85:

«В конце средневековья наш метод счета лет воспринимался подчас как затруднительный (ясно, легче написать 6745 от сотворения мира по не известно какой из эр такого рода, чем дать выражаемую меньшим числом дату – год – от рождения единственного в своем роде, да еще и горячее любимого в религиозном плане Христа – Е.Г.) и его применение ограничивали – особенно в случаях менее торжественных текстов, например, копий, – передачей так называемого минимального числа, т.е. количества единиц и десятков соответствующей даты, которым часто предшествовала формула типа «год такой-то». Чаше всего такая краткая датировка применялась в 16 в., в 17 в. возник обычай выписывать снова по крайней мере еще и количество сотен, это значит, что, например, вместо 1639 писали 639.»

Не знаю, читатель, насколько убедительным показался тебе проанализированный мной раздел о якобы рано возникшем применении эры от рождения Христа. На меня он производит впечатление притянутой за уши попытки во что бы ни стало обосновать тезис, не имеющий никакого права на существование. И выдуманный Беда, и – скорее всего тоже выдуманные – дискуссии о недостатках нашей эры (чего же она распространилась по всему миру?) производят впечатление беспомощности в попытках прикрыть истину: позднее возникновение эры Христа (из которого, боюсь, следует и позднее возникновение самой легенды о Христе, которая кажется мне проникшей в массовое сознание после 1500 г.). Тогда будет и ясно, почему в 16 в. писали год 39 от рождения Христа, а в 1639 г. сперва писали 139 от рождения Христа, а потом, под влиянием разработки длинной хронологии, начали увеличивать это число сначала до 639, а со временем и до 1639.

Вряд ли даты от рождения Христа имели большое распространение в мире до григорианской реформы календаря. Утверждается, правда, что Ватикан начал использовать такие даты в своей внутренней переписке аж за 140 лет до этой реформы. Но и это утверждение я бы рекомендовал скептически проанализировать.

В России христианское летоисчисление было введено только в правление Петра 1. Первой в России датой от рождества Христова стало по его указу 1-е января 1700 г. Сколько времени понадобилось этому летоисчислению, чтобы распространиться по бескрайним просторам Российской империи – об этом книги о хронологии предпочитают умалчивать. А английские ученые, согласно [Селешников2], и того позже, тоже только в 18 веке начали применять обратный счет: даты до рождения Христа.

Частичное упорядочение исторических событий

Кстати, в старых источниках редко приводятся абсолютные датировки, представляющие собой соотнесение событий точкам на временной оси. Чаще встречаются датировки относительные, примеры которых мы уже приводили. Относительные датировки могут утверждать, что два события произошли одновременно или что одно событие было раньше (позже) другого. Все утверждения такого рода задают в совокупности на множестве описанных событий некоторое отношение.

Это отношение не обязательно является упорядочением множества событий. Например, одно утверждение может говорить нам, что событие А произошло раньше события В, но другое может утверждать обратное. Тогда мы получаем хронологическое противоречие и, если это действительно два разных события, то мы в принципе не можем их упорядочить. Эта первая трудность в работе с хронологической информацией из источников и не нужно думать, что ее всегда можно устранить волевым решением, решив, какое из этих двух противоречащих друг другу утверждений является верным, а какое – ложным.

Итак, если источник содержит противоречивую хронологическую информацию, то он не может использоваться для датировки событий. В лучшем случае можно попытаться построить две различные системы упорядочения событий, рассмотрев альтернативные варианты:

- 1) Первое утверждение верно и, следовательно, второе ошибочно
- 2) Второе утверждение верно и, следовательно, первое ошибочно

Однако, если в тексте встречается несколько противоречий, число вариантов, которые необходимо рассмотреть, будет возрастать экспоненциально.

Поэтому мы должны впредь предполагать, что для создания хронологии используются только тексты, не имеющие внутренних противоречий. Однако не нужно забывать, что объединив два текста, не имеющих внутренних противоречий, мы сможем получить внутренне противоречивый текст большего объема: некое утверждение из первого текста может быть в противоречии с каким-то утверждением второго текста. Если же два непротиворечивых текста не имеют утверждений, противоречащих таковым разных текстов, то их можно объединить в один больший внутренне непротиворечивый текст.

Как же выглядит работа с неким внутренне непротиворечивым источником? Содержащиеся в нем датировки позволяют частично (но не обязательно линейно) упорядочить описанный в этом тексте набор исторических событий, не привязывая его вообще к временной оси или привязывая его к ней лишь по некоторому подмножеству совокупности рассматриваемых событий.

Именно так и должно происходить создание хронологии: берем некоторое множество внутренне непротиворечивых текстов и постепенно проверяем их на хронологическую согласованность. Предположим, что мы имеем тексты

$T_1, T_2, \dots, T_k$,

Каждый из которых свободен от внутренних противоречий и в совокупности образующие набор T . Если нам очень повезет, то и объединение всех этих k текстов тоже будет свободно от противоречий и мы сможем получить непротиворечивый набор хронологической информации, не обязательно

достаточный для размещения всех дат на временной оси. Но, как показывает опыт, обычно большие наборы текстов не удается объединить в единый внутренне непротиворечивый текст. В таких случаях приходится рассматривать разные подмножества множества T .

Если нам совсем уж не повезет и ни одна пара текстов не является внутренне непротиворечивой, то мы получим k разных относительных хронологий. Если окажется, что каждый текст склеивается с любым другим, но ни одна тройка текстов не образует внутренне непротиворечивой склейки, то мы получим $k(k-1)/2$ разных относительных хронологий. Ну, и конечно возможны разные другие варианты, так что набор текстов T может привести нас к очень большому числу разных – чаще всего относительных – хронологий.

Представить себе создание одной хронологии для одного внутренне непротиворечивого (быть может объединенного из нескольких) текста можно, например, следующим образом. Следует заготовить достаточно большое число кружочков из картона, которые будут символизировать исторические события (на кружке можно написать краткое обозначение события). Если для двух событий известно, сколько лет лежит между ними, то их следует соединить полоской бумаги, длина которой соответствует количеству лет между ними: например, 10 см для 10 лет. Соединять лучше кнопкой, а не клеем, чтобы сохранить подвижность конструкции. Если же не известно, сколько лет лежит между ними, но известно, что одно из них было раньше другого, то их следует соединить резинкой или пружинкой. Теперь положите все кружки и все соединяющие их бумажки и резинки на стол так, чтобы более позднее событие располагалось выше (дальше от тела человека). Когда эта операция будет закончена, то некоторые кнопки будут протыкать более одной соединяющей бумажки, но могут оказаться и кружки, ни с одной бумажкой не соединенные. Распределив все это на столе, мы и получим (скорее всего частичное) упорядочение исторических событий.

Уточним терминологию:

Приклейка к временной оси: для каждого события известна его дата. Такой набор целиком располагается на временной оси (самый счастливый случай для хронолога)

Привязка к временной оси: по крайней мере для одного события известна его дата.

Полное (линейное) упорядочение событий: для каждой пары событий известно, какое из них совершилось раньше, а какое позже, и, кроме того, известен промежуток времени между любыми двумя событиями.

(Просто) линейно упорядоченное множество событий: для каждой пары событий известно, какое из них произошло раньше, а какое позже, но не во всех случаях известен промежуток времени между любыми двумя событиями.

Частично упорядоченное множество событий: не для каждой пары событий известно, какое из них произошло раньше, а какое позже.

Если набор событий приклеен к временной оси, то он имеет полное и, следовательно, линейное упорядочение. Ситуацию можно себе наглядно представить и без кружков, вообразив события размещенными в правильном временном масштабе на длинной полоске бумаги, которая затем приклеивается к нарисованной на листе ватмана временной оси. В модели с кружками соединяющие наши кружки бумажки не мешают нам в этом случае приклеить весь их набор к листу ватмана, к нарисованной на нем временной оси. Это наш идеальный случай, к которому техническая

хронология всегда стремится. Однако нет гарантии, что для каждого набора событий может быть осуществлена приклейка.

Если множество событий только привязано к временной оси, то над его прилейкой еще предстоит поработать и не исключено, что не удастся добиться полной прилейки всего набора событий. Если множество событий полностью упорядочено, то достаточно одной датировки любого из событий множества для прилейки всего множества к оси. Если же оно не имеет ни одной привязки к временной оси, то для его потенциальной прилейки мы будем иметь бесчисленное множество вариантов. Их нужно будет последовательно отвергать путем привлечения информации из других источников.

Линейно, но не полностью упорядоченный набор событий трудно приклеить к временной оси, даже если мы имеем несколько привязок. Резинки между кружками можно растягивать или укорачивать в той мере, в какой это позволяют те кружки, которые зафиксированы на временной оси. Здесь предстоит проделать еще большую работу (не всегда осуществимую или не всегда приводящую к цели). В общем случае мы имеем здесь бесконечное число вариантов прилейки к временной оси.

Наконец, если множество исторических событий частично, но не линейно упорядочено, то для прилейки к временной оси будет опять же бесчисленное множество возможностей и найти среди них единственно правильное будет практически невозможно (если чудесное спасение не придет из других источников). Ведь различные связанные между собой бумажными полосками и резиночками наборы кружков можно свободно переставлять в разных вариантах: ни один из этих не связан никак с другим. И в дополнение к этому в любом связном наборе кружков можно снова растягивать или укорачивать резиночки.

Хронология как пасьянс

Есть такой пасьянс, который хорошо знают многие пользователи компьютеров: он поставляется вместе с операционной системой фирмы Майкрософт и, таким образом, доступен практически любому пользователю персональных компьютеров. Называется он Фриселл (Свободные ячейки) и на самом деле является игрой, напоминающей работу хронолога с неупорядоченной в начале хронологической информацией. Я не хочу совращать невинные души этой компьютерной игрой и завлекать новые жертвы в сети компьютерного империализма. Поэтому предлагаю читать следующие строки только тем, кто так и так знаком с этой игрой и в состоянии без особого напряжения увидеть в ней иллюстрацию к частичному упорядочению хронологической информации.

Пасьянс этот заключается в том, что 52 карты раскрываются компьютером в случайном порядке и распределяются по восьми столбикам по 7 или по 6 карт в каждом: $7 \times 4 + 6 \times 4 = 28 + 24 = 52$. Внутри столбика карты не упорядочены. Целью же является создание линейной упорядоченности в каждой из четырех мастей:

Туз < 3 < 4 < 5 < 6 < 7 < 8 < 9 < 10 < Валет < Дама < Король. (*)

Подчеркну: не линейной упорядоченности всей колоды карт, а только внутри каждой из четырех мастей. Если масти между собой не упорядочены (а в этом пасьянсе никакого правила на сей счет нет), то в конце получается частично упорядоченное множество: даже линейный порядок внутри каждой масти при невозможности сравнивать друг с другом карты из разных мастей.

Если мы присвоим значение 1 тузу, 11 валету, 12 даме и 13 королю, то упорядочение внутри масти будет соответствовать привычному порядку чисел от 1 до 13. В игре все карты делятся на красные (черви и бубны) и черные (крести и пики) и это правило упорядочения распространено и на карты разной масти, если они отличаются по цвету от соседних. Например,

2 пик < 3 червей < 4 крестей < 5 бубен < 6 пик

или

5 червей < 6 крестей < 7 бубен < 8 пик < 9 червей

или

валет крести < бубновая дама < король пик.

В то же время следующие пары карт никак не упорядочены согласно этому правилу:

- Двойка червей и тройка бубен (карты одного цвета)
- Туз пик и валет червей (значения отличаются больше, чем на единицу)

Наверху, над столбиками из шести или семи карт расположены восемь в начале пустых ячеек: четыре для передвижения карт из столбиков и обратно (они и дали название игре и они могут использоваться одновременно каждая только для одной карты) и четыре для конечного линейного упорядочения каждой из четырех мастей (в каждой из них помещается сначала оказавшийся внизу столбика туз, затем по возрастающей другте карты заданной этим тузом масти).

Любая карта из столбика может быть переведена играющим в свободную ячейку, но обратно в какой-либо из столбиков можно переводить карты только по правилу частичного упорядочивания: валета любой масти можно поместить под дамой другого цвета и т.п. По этому же правилу играющий старается создать в каждом столбике как можно более длинный частичный порядок. Как только он установлен во всех столбиках, игра закончена и выиграна: все карты можно постепенно переводить в предназначенные для мастей ячейки. Пасьянс проигран, если частичное упорядочение какого-либо из столбиков не удастся сконструировать по описанным правилам.

В ячейки для линейного упорядочения четырех мастей, можно перемещать карты из столбиков (т.е. самые нижние карты столбиков) только согласно линейному порядку (*): сначала тузы, потом когда-нибудь двойки, затем, когда они окажутся в самом низу одного из столбиков, тройки и т.п. в отдельности для каждой из мастей и независимо от положения дел в соседних ячейках для других мастей: в каждой ячейке по мере возможности их перемещения туда помещаются карты той масти, которую определил помещенный в самом начале в нее туз.

В первую очередь рассмотренный пасьянс иллюстрирует хорошо сами понятия частичного и линейного упорядочения. Здесь могут возникать самые разные ситуации:

- Частично упорядоченные столбики разной длины
- Невозможность создания частичного порядка в одном из столбиков или в нескольких из них, и как результат
- Невозможность создания линейного порядка (*) в некоторых их ячеек, соответствующих четырем мастям

Каждую игру можно рассматривать как обработку очередного исторического источника, в котором отрывочная хронологическая информация представлена в случайной последовательности. Или же можно считать, что мы имеем дело с набором источников, каждый из которых содержит только весьма малое количество хронологической информации.

Числовое значение 1-13 карты может интерпретироваться как аналог некоего исторического периода или века, десятилетия или года. Или как время правления властителя с соответствующим номером.

Масть может восприниматься как обозначение некоего древнего автора хроник, причем хроники одного цвета как зависимые (или как два произведения одного летописца), а разного – как независимые друг от друга. Тогда правило частичного упорядочения будет требованием подтверждения информации независимыми друг от друга авторами хроник.

Конечно, эта аналогия не является полной, но в какой-то мере иллюстрирует попытки систематизации хронологической информации и ее принципиально сложный характер с не обязательной возможностью даже частичного упорядочения информации во времени и с трудностями, вытекающими из неоднозначности процесса постепенного сравнения друг с другом отдельных квантов хронологической информации. Поэтому мы теперь рассмотрим некий вроде бы совсем простой пример хронологического сообщения и посмотрим, какие проблемы могут возникать в простейших случаях, например, при наличии следующей непротиворечивой хронологической информации

«Иван родился за семь лет до большого пожара внутри крепостных стен, сооружение которых произошло на много лет позже, чем Иван родился. За пятнадцать лет до окончания сооружения

этих стен, кирильцы пытались взять город штурмом, но были отбиты.»

мы можем с довольно большой уверенностью (если верим автору текста) утверждать, что события «Иван родился» (более раннее событие) и «Большой Пожар» разделены промежутком в семь лет. С несколько меньшей уверенностью мы можем считать, что «много позже» означает промежуток времени, длившийся более семи лет. На самом деле это уже допущение. При таком допущении оказывается, что событие «Возведение крепостных стен» произошло не только позже события «Иван родился», но и позже события «Большой пожар». Итак, эти три события оказываются линейно упорядоченными, хотя и не известно точное количество лет между двумя событиями, если одно из них – это «Возведение крепостных стен». Но наше допущение может быть и неверно, ибо во время пожара стены уже в каком-то виде существовали. Много может здесь означать и пять или шесть лет. В этих случаях мы получим другое упорядочение трех событий.

Хуже обстоит дело с четвертым событием «Осада кирильцев»: оно произошло раньше события «Возведение крепостных стен» на 15 лет, но не ясно, как соотносится время осады с временем рождения Ивана и пожара, если во время пожара стены строились, но еще были далеки от завершения. В результате мы получаем для четырех событий некое частичное упорядочение, не являющееся ни линейным, ни полным в смысле знания временного промежутка между любой парой событий. Если же стены завершили до пожара, то осада была, конечно, раньше рождения Ивана и мы получаем линейное, но не полное упорядочение, ибо время завершения строительства стен все-таки остается неопределенным.

Структура анализируемой информации наводит на мысль, что хроника сия была составлена много позже описываемых здесь событий и, следовательно, велика вероятность того, что и приведенная здесь хронологическая информация не полностью соответствует действительному ходу дел в прошлом. С учетом этой неопределенности мы можем пытаться искать частичную привязку к временной оси этих четырех событий на основании дополнительной хронологической информации из других источников.

Если из другого источника нам только известно, что Иван родился в году X , то будет ясно, что пожар состоялся в году $X+7$. Если известно только, что пожар состоялся в году Y , то Иван родился в году $Y-7$. В этих двух случаях привязать остальные два события к временной оси не удастся. Если из другого источника получена дата осады, то мы вычисляем год воздвижения стен. Если известен откуда-то этот год, то вычисляем год завершения строительства стен. В этих двух случаях события «Рождение Ивана» и «Большой пожар» остаются без привязки к временной оси.

Пока мы рассматривали пример с грубой (с точностью до года) оценкой временных промежутков. Но приведенные понятия приложимы и к датам с точностью до дня или даже его доли. Мы остаемся в рамках потенциального частичного хронологического упорядочения событий и в часто встречающемся случае совпадения года абсолютной датировки двух событий. Особенно, если эти события описаны в совершенно разных документах, то вряд ли они разносят эти два события по временной оси с точностью до месяца или суток. Если третьи источники не дают точной информации для определения, какое из этих двух событий произошло раньше другого, то приходится жить с частичным порядком этих событий.

Частичный характер временной упорядоченности в относительной хронологии, получаемой на основании содержащейся в источниках информации, не соответствует ментальности сегодняшней «исторической науки». В ней считается неприличным, ненаучным, неквалифицированным оставлять события без абсолютных датировок. А причина этого ментального настроения в смешении понятий

«прошлое» и «история». В этой ментальной атмосфере велика опасность дополнительного хронологического творчества хронолога или историка (поправки = фальсификации хронологии).

Именно к таким поправкам, к тому же поздним, но отравленным в более древние века, я отношу все упоминания эры Христа до 15-го века. Ведь если бы хотя бы одна только «История» Беды была действительно написана в столь отдаленное от Возрождения время (в данном случае, в 8-м веке), то при ее популярности эра Христа стала бы по меньшей мере общеизвестной. А тогда было бы естественным ожидать ее широкого применения и в 8-м веке, и в последующие века.

Рассмотрим, например, еще одно произведение, в котором эра Христа выглядит явным анахронизмом: «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга (Ладомир, Москва, 1997). В этой якобы написанной в конце первой трети 14-го века подробной хронике используются как нечто само собой разумеющееся годы от рождества Христова. При этом

- Используются арабские, а не римские цифры, хотя римские цифры и использованы для обозначения календ
- Порой отсутствует формула анно домини, «от Рождества Христова», или другая форма, указывающая на начало эры (см. стр. 49, 216, 217)
- Формула «от Рождества Христова», используемая для большинства дат, представляется анахронизмом, а использованная на стр. 84 формула «Христос в год от Воплощения Своего 1254 послал ...» показывает, что книга писалась в период, когда эта более архаичная форма стала уступать место современной «от Рождества Христова»

В отличие от названного выше труда Беды, современных «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга ее рукописей не сохранилось, а сохранившиеся датируются 16-17 веками. Так может быть тогда и была сочинена эта «Хроника»?

Рис. 8.8. Для иллюстратора Библии Мартина Лютера воды Красного моря действительно имеют цвет крови. В остальном он не покидает привычного ему европейского мира: европейские одежды эпохи гуманизма, оружие той же эпохи, буйная растительность, вряд ли присутствующая в пустыне на берегу реального Красного моря, и совершенно европейский пейзаж на заднем плане. Может быть, Моисей перекрыл не Красное море, а море крови. Какая же европейская война отражена в этом эпизоде?

Верить в хронологию? Полемическое отступление.

Читатель, помоги мне. Помоги понять, где я совершаю логическую ошибку, считая существующую хронологию и построенную вокруг нее традиционную картину нашего прошлого чисто религиозной по характеру и не соответствующую истине системой. Системой, основанной в первую очередь на вере, а не на знании.

Я читаю предназначенные для широкой читательской аудитории исторические книги одну за другой и нигде, ни у одного из авторов не нахожу ни капли сомнения в верности традиционной хронологии. Но ведь не может же быть, что в этом несовершенном мире, где все время что-то подправляется, где законы обновляются, где здания ремонтируются, где машины совершенствуются и все-таки регулярно подвергаются ремонту, где самые совершенные корабли терпят кораблекрушения, где даже наши представления о космосе постепенно меняются, чтобы в этом полном ошибок и недоработок мире высилась как неприступная скала без единой складочки и трещинки, как идеал совершенства и богоданности традиционная хронология. Ну, не может этого быть! Не может быть уже по тому самому принципу, по которому отвергается любая критика в адрес хронологии: не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Не бывает в мире такого совершенства! Если бы критикуемые историки-традиционалисты – пусть не в один голос, но хотя бы время от времени – заявляли, что мол им самим известно несовершенство используемой хронологической системы, что в последней неоднократно субъективные оценки и основанные на них джентельменские соглашения заменяли отсутствие точного знания, а утряска по принципу минимизации противоречий не была в состоянии выдать на гора ничего лучшего, чем традиционная хронология, то можно было бы вести с ними спокойный диалог. Если бы они честно говорили нам, что ни один из них никогда никаких исторических дат древней истории не проверял, а все такие даты выучил в детстве и юности и перенял из работ предшественников, понимая условность всей хронологической системы, то можно было бы считать их с определенной степенью допуска относящимися к разряду ученых.

Но когда тебя считают за полного идиота и тебе внушают, что хронология абсолютно верна, причем верна по тому же принципу, по которому было верным единственно верное учение, которое сопровождало нас большую часть жизни, по которому верно любое религиозное учение, как бы оно не противоречило всем другим таким учениям, не говоря уже об основах науки, то ужасно трудно сохранять остатки внушенного тебе в детстве уважения к «исторической науке».

Я не говорю об отдельных мудрых историках. Изредка, но они все-таки отваживаются на болезненные признания в несовершенстве традиционной хронологии, стараясь таким образом спасти все здание, пожертвовав парой расколовшихся кирпичей и сделав вид, что не знают, насколько прогнил весь фундамент их дома. Я говорю о масса историков и одураченной ими читательской аудитории, которые действительно верят в совершенство общепринятой хронологии. Ведь если бы не верили, запретили бы детям зубрить наизусть сотни бессмысленных дат древней истории

А, может быть, историки и не виноваты в большей мере, чем мы сами во всей этой идиотской ситуации? Может быть они только придают религиозный глянец тому, во что нам (или многим из нас) хочется верить? Может быть так уж устроен человек, что его больше устраивает вера в чудеса, если она дает чувство спокойствия, надежности, освобождения от необходимости думать и сомневаться, чем рационально-логический подход, который приводит к сомнению, к пересмотру устоявшегося «знания», к необходимости ломать голову и принимать решения, да к тому же еще и с неполной

информацией. Так, может быть, читатель, ты мне больше всего поможешь выбраться из возникшей неразберихи, если просто глянешь в зеркало и постарайся быть честным хотя бы наедине с самим собой?!

Литература

[Беда] Беда Достопочтенный: Церковная история народа англов, Алетея, Санкт-Петербург, 2003.

[Бикерман] Бикерман, Э.: Хронология древнего мира, Наука, Москва, 1976.

[Бринкен] Brinken, AnnaßDorothea von den: Historische Chronologie des Abendlandes. Kalenderreformen und Jahrtausendrechnungen, Kohlhammer, Stuttgart, 2000.

[Габович] GabovitšJ: Arvudeta matemaatika, Valgus, Tallinn, 1968.

[Галлеттис] см. [Минковский]

[Гергей] Гергей, Е.: История папства, Республика, Москва, 1996.

[Гинзель] Ginzel, F.: Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. 3 Bände. Hinrichs, Leipzig, 1906–1914.

[Иделер] Ideler, L.: Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, 2 Bände, Nauck, Berlin, 1825–1826.

[Каменцева] Каменцева, Елена Ивановна: Хронология, Аспект Пресс, Москва, 2003.

[Минковский] Minkowski, Helmut: Das größte Insekt ist der Elefant. Professor Gallettis sämtliche Kathederblüten, dtv, Nördlingen, 1963.

[Петр] Петр из Дусбурга: Хроника земли Прусской, Ладомир, Москва, 1997.

[Романова] Романова, А.А.: Хронология, в книге «Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие», Европейский университет, Санкт-Петербург, 2003, стр. 162–201

[Савельева] Савельева ; Полетаев, История и время. В поисках утраченного. Языки русской культуры, Москва. 1997.

[Селешников1] Селешников С.И.: История календаря и его предстоящая реформа, Лениздат, 1962

[Селешников2] Селешников, С.И.: История календаря и хронология, Наука, Москва, 1970

[Селешников3] Селешников, С.И.: История календаря и хронология, третье издание, Наука, Москва, 1977

[Топпер] Топпер, Уве: Выдуманная история Европы, Нева, С.-Петербург, 2003.

[ФН] Фоменко, А.Т. ; Носовский, Г.В.: Какой сейчас век? Издательство «Аиф-Принт», Москва, 2002

[ЧЕРЕПНИН] ЧЕРЕПНИН, Л.В.: РУССКАЯ ХРОНОЛОГИЯ (УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ), ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР, ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ, МОСКВА, 1944.

[**Эрлихман**] Эрлихман, Вадим: Отец английской истории, в книге Беда Достопочтенный «Церковная история народа англов», Алетейа, Санкт-Петербург, 2003, стр. 321-337,

Глава 9. Всемирная хроника Гартмана Шеделя якобы 1493 г.

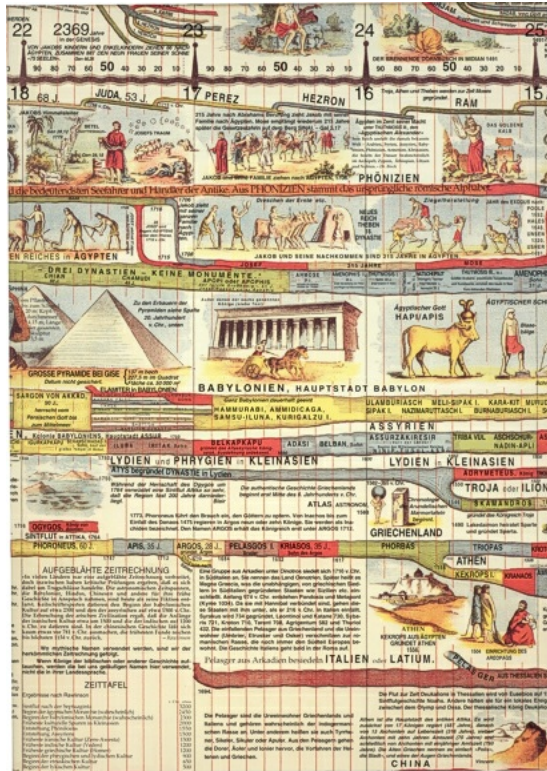

Рис. 9.1. Хронологические таблицы не всегда выглядят именно как сухие таблицы. Их стараются иллюстрировать на разный лад и по возможности разнообразить по форме. Приведенная здесь страничка из одной такой таблицы викторианского времени (1890) свидетельствует о попытке представить 6000 лет выдуманной историками истории на листе картона длиной в 10 с лишним метров. Здесь в миниатюре приведены более 400 иллюстраций из анналов библиотеки Британского Музея. Утверждается, что таким образом удалось дать исчерпывающий обзор всей мировой истории! Естественно, в такой же форме можно представить и содержание любого фантастического романа. Размазав его по стене на дистанции в 10 м, никто не уничтожит фантастического характера соответствующего литературного произведения.

Разумный отбор материалов на заданную тему и осмысленное соединение разных таких материалов в единое целое считалось при жизни Шеделя благородным интеллектуальным занятием. В наше время написано много статей на тему о происхождении отдельных использованных Шеделем отрывков из разных чужих произведений и реконструированы многие соединительные вставки, сделанные им.

Во времена Шеделя было, как и сегодня у историков, принято ссылаться на авторитеты. Шедель не чужд уважения к авторитетам. Как-никак он позаимствовал у них около девяти десятых всего текста «Хроники». Но в то же время он старается сравнивать точки зрения разных известных авторов и не стесняется поправлять и комментировать их, переписывать отдельные места из их произведений.

Поиски «источников вдохновения» компилятора «Хроники» облегчаются тем уникальным

В этой главе я расскажу об одной из первых книг по истории и хронологии, знаменитой «Мировой хронике», которую по имени ее редактора и компилятора часто называют просто «Хроникой» Шеделя. Считается, что Гартман Шедель жил в 1440–1514 гг. в Нюрнберге, где он родился и умер. Считается также, что этот выдающийся немецкий гуманист, врач по основной профессии, собрал огромную по тем временам библиотеку, которая и позволила ему с помощью других гуманистов из Нюрнберга составить свою «Хронику». Сохранился каталог книг и рукописей этой библиотеки. 670 книг и других печатных изданий и 370 рукописей из библиотеки Шеделя хранятся в наши дни в государственной библиотеке Баварии в Мюнхене.

Шедель начал собирать рукописи в 1456 г. После появления первых книг он начал их переписывать, а если мог себе это позволить, то и покупать. В 1485 г. он получил в наследство часть собрания книг и рукописей своего родственника и покровителя Германа Шеделя (1410–1485), который тоже был гуманистом и врачом по профессии. Правда, потратившись на недешевые в то время книги, энциклопедист Шедель оказался не в состоянии оплатить печать составленной им толстой – де факто коллективной – книги по истории и был вынужден искать спонсоров для этого издания.

Составление или компиляция не считались в то время презренным занятием, а у слова „компиляция“ не было в эпоху ренессанса того отрицательного привкуса, который существует сегодня и, как считается, якобы существовал в «античную» эпоху.

обстоятельством, что в случае «Хроники» Шеделя сохранилась рукопись книги в ее исходном латинском варианте. Эта рукопись содержит уже наброски будущих иллюстраций и их компоновку с текстом (то, что сегодня называется хорошим русским словом лэяут). Этой ситуации мы, скорее всего, обязаны тому обстоятельству, что Шедель не ставил целью скрыть свою роль в подготовке книги и не намеревался приписать ее некому выдуманному автору, как это делали многие его современники.

Рис. 9.2. Гибель Вавилона в Библии Мартина Лютера изображена как гибель Рима. В начале XVI века Рим действительно лежал в развалинах. Не был ли он разрушен в ходе катастрофы XIV века? Следы катастрофических разрушений, можно обнаружить в Риме и по сей день. Город, скорее всего, разрушило мощное землетрясение, сопровождавшееся цунами, ибо многие «древнеримские» постройки раскапывают под многометровыми слоями наносов.

Коммерческий успех издания

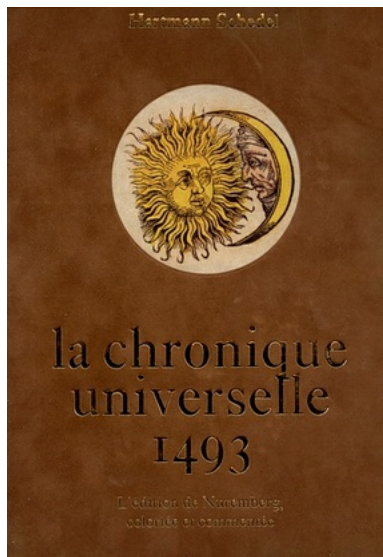

Рис. 9.3. Фрагмент обложки репринтного издания «Хроники» Шеделя. Здесь — что ни слово — то вранье. Хоть малое, но вранье. Шедель — не автор хроники, а только ее компилятор. Оригинал хроники не имел ни обложки с наименованием книги, ни титульного листа. Поэтому и немецкое название «Мировая хроника» и французское «Универсальная хроника» или «Всеобщая хроника» являются более поздними домыслами. Цифра 1493 на обложке добавлена при переиздании: на оригинале год издания не указан, а вычисленный ретроспективно год 1493 вряд ли правилен. Даже выбранный при переиздании символический образ Солнца и Месяца противоречит законам физики. Но до физики ли историкам, сочиняющим наше с вами прошлое без оглядки на законы логики или природы?!

Одного из спонсоров Шедель нашел в лице некоего Зебальда Шрайера, который жил на одной улице с Шеделем и который и был одним из инициаторов составления «Хроники». После этого «Хроника» была роскошно издана известным типографом Антоном Кобергером (как утверждается, в 1493 г.) почти одновременно на латинском языке и в переводе на немецкий. Большое количество гравюр, от крошечных, размером в пол-ладони, до едва помещающихся на развороте, украшают эту любопытную энциклопедическую книгу. Разные комментаторы насчитывают от 1800 до 2000 иллюстраций. На самом деле в «Хронике» 1804 иллюстрации, которые изготовлены при помощи 652 гравюр на дереве и представлены в книге в разных комбинациях и с разной частотой повторения использования.

Поскольку многие гравюры использовались не один раз, бытует мнение о том, что все изображенные в «Хронике» персонажи имеют одно и то же лицо. Это не совсем так, но, действительно, иллюстрации скорее соответствуют образам короля, императора или иного правителя, священника, епископа или папы и т.п., а не конкретным лицам. Тем не менее, во вклеенной в личный экземпляр «Хроники» самого Шеделя пропагандистско-рекламной листовке, которую книготорговцы рассылали потенциальным покупателям, утверждается, что в книге даны портреты знаменитых мужей в костюмах, в точности соответствующих их эпохе (на самом деле все костюмы соответствуют существовавшей в эпоху ренессанса моде).

Большая часть рисунков в этой «Хронике» исполнена Михаилом Вольгемутом (Wohlgemuth), учителем А. Дюрера. Считается, что именно иллюстрации немало способствовали ее успеху. Во всяком случае, «Хроника» Шеделя получила в Европе широкое

распространение. После своего выхода в свет книга с успехом продавалась не только в Нюрнберге, но и по всей Германии, в Польше, Венгрии, Италии, Швейцарии и Франции. Этому немало способствовало то обстоятельство, что в конце XV и в начале XVI века громадной славой в Германии пользовались именно нюрнбергские иллюстрированные гравюрами издания.

Услугами и достижениями знаменитых нюрнбергских типографщиков и книжных торговцев, особенно из семейства Кобергеров, пользовались все немецкие типографщики, переиздавая те же самые гравюры, или только уменьшая их. Часто нюрнбергские издания переиздавались целиком, в том числе и иллюстрированная «Хроника» Шеделя. Например известный аугсбургский типографщик Шенппергер переиздал эту «Хронику», как и другие иллюстрированные издания Кобергеров, несколько раз. После смерти Кобергера предприятие пришло в упадок и было ликвидировано в 1526 году.

«Всемирная Хроника» неоднократно переиздавалась и в последующие века, например в 1888 г. Издание якобы 1493 г «Хроники» Шеделя. в его старонемецком варианте стало доступным

широкому кругу современных читателей в 2001 г., когда немецкое издательство Ташен (в Лёльне) напечатало репринт знаменитой книги. Но и это дорогое издание в переплете из замши было все еще не всякому по карману. Поэтому в 2004 г. была напечатана массовым тиражом еще более дешевая версия книги, отличающаяся только качеством обложки и стоящая около 20 евро.

Так как чтение старонемецкого текста сегодня затруднительно для большинства читателей даже в Германии, не говоря уже о других странах, где репринт тоже активно продавался, книга была снабжена введением и комментариями, которые были написаны историком Стефаном Фюсселем. В основном томе эти материалы напечатаны по-французски, а для немецкого читателя они изданы дополнительной брошюрой. Информацию из этой брошюры я использую в своем рассказе о «Хронике» Шеделя. Эта брошюра продавалась в Испании и в англоязычном мире соответственно в переводе на испанский и английский языки.

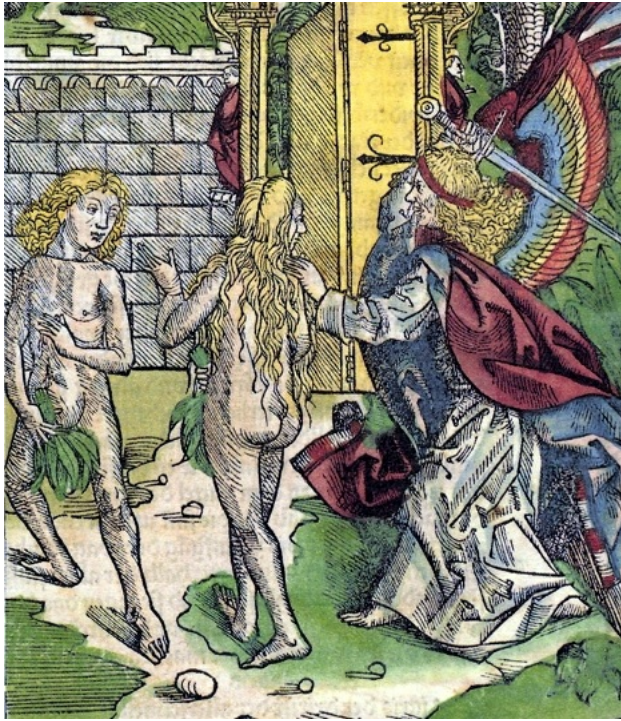

Рис. 9.4. Фрагмент картины «Изгнание из рая». Обратите внимание на однообразие пищи в раю: всего два сорта фруктов и никаких овощей или белковых продуктов. Не с этой ли неправдоподобной истории о половом воздержании скучающих от ничегонеделания в рай первых людей начались бесчисленные выдумки историков?.

В шеститомной «Иллюстрированной истории немецкой литературы» книга Шеделя упоминается дважды, но оба раза лишь мимоходом, в связи с другими темами. Интересно, что и большинство современных авторов, пишущих об историографии и хронологии, если и упоминает о «Хронике» Шеделя, то вскользь, не вдаваясь в анализ ее роли в становлении хронологии и в прояснении истории возникновения хронологии, ее динамики. Я вижу в этом отношении к данной книге свидетельство того, что современные авторы просто не умеют читать и не могут воспринимать книги, в которых еще не присутствует знакомый им историко-хронологический костяк ТИ.

Так, например, известный философ А.Ф.Лосев в своей книге «Эстетика Возрождения» (Москва, Мысль, 1978), говоря о Николае Кузанском, мимоходом отмечает, что «автор одной из хроник всемирной истории Гартманн Шедель в 1493 г.» и некоторые другие авторы считали Николая Кузанского «знатоком средних веков». В этой краткой фразе на самом деле

присутствуют две серьезные ошибки: Шеделя вряд ли можно считать автором «Хроники», а ее саму – хроникой всемирной истории, по крайней мере с позиции автора 20-го века. Дело в том, что более 90% текста «Хроники» в ее латинском оригинале Шедель взял дословно из книг своей библиотеки, часто приписав только «переходные» фразы и параграфы. Так что его в лучшем случае можно считать компилятором и редактором, но уж во всяком случае не автором. А для «хроники всемирной истории» книга это содержит слишком много непроверенной информации и откровенных выдумок в форме мифов и легенд, басен и сказок, в большей мере базирующиеся на средневековых страхах и заблуждениях, чем на хрониках.

Статья «Книга» Б. Кисина в Литературной Энциклопедии приводит в качестве своей первой иллюстрации и примера архитектурно-целостного построения страницы одну из страниц из, как сказано, «инкунабулы («Нюрнбергская хроника» Шеделя, 1493).» В книге «История книги» разворот из книги «Всемирная хроника» Гартмана Шеделя (1493 г.) также приведен в качестве иллюстрации расширенной электронной версии книги, но самого имени Шеделя в именном указателе нет. Вообще, большинство ссылающихся на «Хронику» Шеделя склонно видеть в ней только материал для своих иллюстраций.

Тем любопытнее абзац из [Вайнштейна] (стр. 224), посвященный рассматриваемой книге и содержащий реакцию на ее содержание.

«Еще более заметно смешение традиционных средневековых и новых черт в «Нюрнбергской хронике» городского врача Гартманна Шеделя (ум. 1514). Этот хронист [...] уже затронут гуманистическим образованием. Он учился в Падуанском университете и общался с представителями итальянской гуманистической мысли. Тем не менее его хроника «от сотворения мира» построена по традиционной схеме «четырех монархий» и «шести возрастов», из которых шестой, последний, начался с приходом Христа и закончится появлением Антихриста, Страшным судом и гибелью земного государства. Хотя Шедель усвоил у гуманистов мысль о падении Римской империи в V в., но это не мешает ему видеть в средневековой «священно-римской империи германской нации» прямое продолжение древнего Рима. Он посвящает особую главу «развитию империи и перенесению ее к немцам» («De progressu imperii ac translatione eius in Germanos»), где повторяется тезис немецких хронистов XI–XIII вв., что «со времени Оттона императорский титул и империя, отнятые у римлян, потом у галлов и лангобардов, переносятся в Германию, где пребывают и поныне». Помимо этого, в хронике Шеделя воспроизведены все средневековые легенды, басни, все суеверия и предрассудки, отвергнутые и осужденные современными ему итальянскими гуманистами.» (мои выделения – Е.Г.)

Отмеченные Вайнштейном шесть возрастов – это части прошлого, так сказать, исторические возрасты человечества. Всего же у Шеделя не шесть, а семь или даже восемь возрастов. Седьмой возраст описывает будущее: время до Страшного Суда. А за ним следует совсем краткое описание времени от Страшного Суда до конца света.

Из этой краткой оценки видно, что «Хроника» Шеделя еще не может считаться книгой, написанной в соответствии с созданной Скалигером и его современниками хронологией, несколько подправленной в 17 в. и существенно расширенной в 18 и последующие века. Именно поэтому она представляет для нас повышенный интерес: традиционную хронологию мы знаем по бесчисленным современным хронологическим таблицам, а каково было состояние хронологии перед началом творческой деятельности Скалигера и его современников, нам практически не известно.

Рис. 9.5. Картина с изображением сжигаемых живьем евреев приведена в «Хронике» Шеделя много раз. Ее очень любят включать в качестве иллюстрации книги по Средневековью. На рисунке показано ее использование на обложке книги, посвященной еретическим течениям в Европе в Средние века. Английский оригинал книги озаглавлен «Народные движения от богомилов до Гуса». Не очень ясно, что именно хотел сказать художник, изобразивший два десятка евреев, безропотно дающих себя сжечь одному единственному палачу. Отнесение евреев, чья религия считается более древней, чем христианство, к числу ересей наводит на мысль, что и все другие ереси, с которыми боролось христианство (богомилы, катары, вальденсы, гуситы и т. п.), на самом деле были существовавшими до возникновения христианства религиозными течениями и борьба с ними означала попытку устранения сильных конкурентов.

Индекс (предметно-именной и географический указатель) книги.

Титульного листа в привычном нам смысле этого слова книга Шеделя в ее первоначальном варианте не имела. На ее первом листе стоит крупными фигурными буквами «Регистр книги хроник и историй с фигурами и картинами от начала света до этого нашего времени» без какого либо указания составителя, издателя, места или времени издания. Фюссель видит в этом обстоятельстве продолжение традиции, существовавшей у авторов манускриптов в допечатное время. Я же считаю отсутствие на титульном листе года издания естественным следствием того обстоятельства, что до григорианской реформы календаря (точнее, до его введения в обиход в 1582 г.) использование хронологии, да еще и хронологии с датами Anno Domini, еще не было в ходу.

Подробный именной и предметный указатель (индекс) в начале манускрипта смотрелся бы, как мне кажется, странно: ведь для составления индекса нужно уже иметь нумерацию листов. А говорит Фюссель именно о рукописях, а не о рукописных книгах. Но и в начале инкунабулы индекс не кажется мне чем-то привычным. Интересно, что в рассматриваем здесь репринте написанный фигурными буквами заголовок регистра вынесен на заднюю обложку (напечатан по замше).

Индекс Шеделя содержит не только список имен лиц из религиозной и гражданской истории, причем наряду с императорами, королями, папами и епископами указаны также философы и врачи, грамматик и прочие интеллектуалы, но и географический указатель, список понятий и отдельные исторические события. Девять листов (18 страниц) индекса «Хроники» собственной нумерации не имеют, так что при оценке объема всей книги следует прибавить к числу 286 занумерованных латинскими цифрами листов еще 9 плюс 1, ибо в конце книги помещена карта большей части Европы, второй части которой тоже не присвоен номер листа. Итак, в книге 296 листов или 592 стр.

Исходный индекс «Хроники» содержал многочисленные неверные ссылки. Индекс в комментариях Фюсселя подвергся некоторой переработке (например, переводу слов из индекса на современный немецкий язык) и Фюссель утверждает, что он проверил все ссылки и исправил все ошибки, но никаких новых понятий в индекс не включал. В этом, однако, можно усомниться. Я нашел у него ссылку на слово Россия с отсылкой на лист 277. Однако в исходном индексе такого слова нет. Это меня насторожило и я начал смотреть внимательнее на исправления, сделанные современным историком. Оказалось, что он все переиначил по-своему, не сформулировав ни правил этого переиначивания, ни обоснования для оногo. Вот некоторые примеры:

«Хроника» Шеделя

Аарон- брат Моисея и верховный епископ

Авель – другой сын Адама и первый мученик, начало церкви

Род Авраама отмечен, он принес своего сына Исаака в жертву

Аделбертус епископ благородных кровей

Александр другой папа родом из Милана

Африка, остров, происхождение ее имени

Ахаций, Христов рыцарь

Комментарий Фюсселя

Аарон- брат Моисея

Авель, сын Адама

Авраам

Св. Адальберт, мученик

Александр 11, папа, 1061-1073

Африка

Святой Ахатий, мученик

Приведенные немногие примеры говорят сами за себя. Комментатор убрал всю ту информацию, которая не соответствует сегодняшним представлениям в рамках ТИ (начало церкви из-за убийства Авеля Каином?!), используют «неправильную» терминологию (какой там верховный епископ у

евреев?!)) и т.п. Кроме того, он добавил хронологические данные в свой индекс, которых нет ни в индексе «Хроники», ни в самой этой книге. Вообще оригинальный указатель не содержит никаких хронологических указаний. Многие имена из оригинала индекса в новом индексе найти не удалось.

Фюссель изменил функцию указателя: в оригинале не просто называлось некое имя, а сообщалось краткое содержание повествования о соответствующем человеке. Тем самым индекс оригинала выполнял функцию оглавления (путеводителя по содержанию), а современная его редакция – это просто именной и предметный указатель плюс хронологическая таблица. Часто одному лицу были посвящены две строчки, Фюссель объединил их в одну.

Когда была издана «Хроника» Шеделя на самом деле? Сомнения в правильности ее датировки.

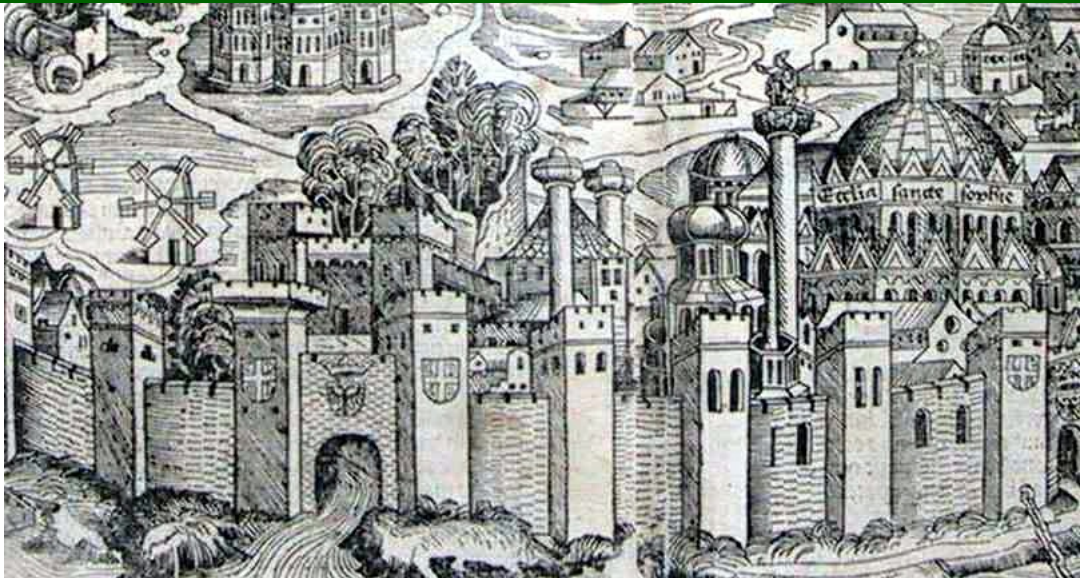

Рис. 9.6. Фрагмент иллюстрации, долженствующей изображать Константинополь. Хотя минареты около Хагии Софии уже существуют, над воротами города красуется имперский византийский герб: двуглавый орел, а на башнях укреплены щиты с изображениями крестов. На фрагменте этого не видно, но на самой иллюстрации изображены кресты на церковных куполах, зато ни одного полумесяца не видно. Похоже, что в конце XV века (или даже много позже?) никакого разделения на христианство и мусульманство еще не произошло.

Выше было отмечено, что чтение старонемецкого текста «Хроники» сегодня затруднительно для большинства читателей даже в Германии. Тем не менее, «Хроника» читаема и при наличии минимальной прилежности и сообразительности вполне понимаема. Это ни коим образом не является типичным для немецких изданий, относимых к концу 15 века.

Почему современные издатели репринта написали большими буквами на обложке «Мировая хроника 1493? Дело в том, что такую дату написал от руки некий библиограф в 17 в. на одном из экземпляров книги. На рис. 8 в брошюре Фюсселя приведена первая страница латинского издания «Хроники», причем видно, что под уже упоминавшимися филигранными буквами (на сей раз с латинским названием указателя) маленькими арабскими цифрами от руки написано 1493. А в нижнем правом углу листа тоже от руки написано по латыни, что этот экземпляр 6 марта 1633 г. был подарен библиотеке таким-то лицом.

Кроме того, упомянутая дата вроде бы следует из переписки Шеделя с разными другими гуманистами и из существующих и хорошо сохранившихся договоров. Фюссель отмечает, что ни для одной из приблизительно 30.000 инкунабул, якобы напечатанных до конца 1499 г., т.е. менее, чем за 50 лет, не существует столь хорошо документированной картины создания книги. Сохранились и первоначальное соглашение о подготовке книги, датируемое 1491 г., и договора, с ней связанные, и счета, демонстрирующие объем продаж вплоть до 1509 г.

Цифра 30.000 довольно подозрительна для столь короткого срока, прошедшего с момента изобретения книгопечатания. Правда, в другом месте я нашел утверждение о том, что всего было произведено около пяти миллионов экземпляров инкунабул, что приводит к среднему тиражу в 167 экземпляров, что выглядит несколько более правдоподобно. Вопрос лишь в том, получены ли эти цифры независимо друг от друга.

Фюссель упоминает следующие документы в связи с «Хроникой»: якобы

- от 29 декабря 1491 г между деньгодателями Зебальдом Шрайером и Себастианом Каммермейстером с одной и иллюстраторами Михаэлом Волгемутом и Вильгельмом Плейденвурфом с другой (договор о производстве иллюстраций и надзором за их печатью и за последующим хранением досок)
- от 21 января 1492 г о получении задатка в 1000 рейнских гульденов (расписка обоих иллюстраторов)
- от 16 марта 1492 г. с типографом Антоном Кобергером о печати книги (договор с типографией)
- от 23 ноября 1493 г. между названными выше деньгодателями-издателями и известным Нюрнберским гуманистом Цельтесом (договор о доработке немецкого издания для второго издания)

Не сохранились договора с самим Шеделем, которому по логике событий финансирующие предприятие «издатели» должны были заплатить гонорар за компиляцию или дать ему долю в доходах с продажи книги. Это крайне подозрительно. Сомнения вызывает также та скорость, с которой книга была напечатана:

- Латинская версия якобы была напечатана уже в середине июня 1493 г. (т.е. меньше, чем за три месяца: Фюссель уверен, что Кобергер начал выбирать шрифты для книги только после последнего из упомянутых договоров, а ведь книгу нужно было еще и набрать, и вычитать корректуры, и исправить опечатки ...)
- Немецкое издание последовало якобы в декабре того же года (какого бы наивысшего качества не был переводчик Георг Альт, он просто не успел бы перевести почти 600 стр. за столь короткий срок!)

К тому же Фюссель отмечает, что для «Хроники» был применен новый для типографии Кобергера шрифт, на отливку которого тоже потребовались несколько месяцев. У меня все это вызывает сильное неприятие. Подозрительно уже то, что Фюссель, приводящий в качестве иллюстраций в своей брошюре большое число страниц из печатных изданий, не имеющих серьезного отношения к «Хронике», а также из рукописных вариантов «Хроники, не напечатал здесь ни одного из этих договоров (а только дал из них несколько цитат).

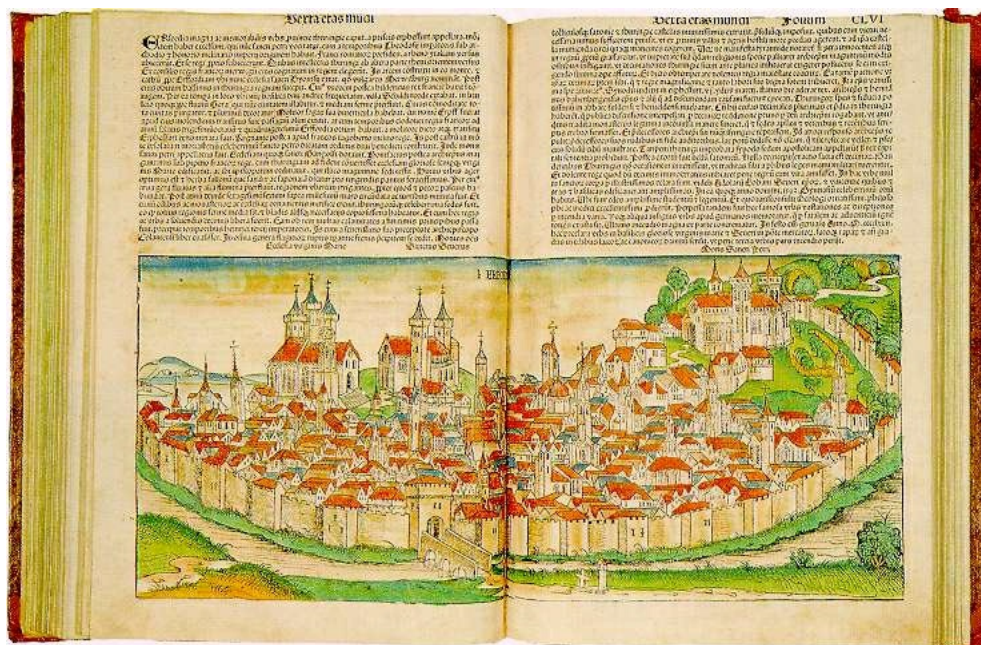

Рис. 9.7. Типичный разворот из «Хроники» Шеделя: комбинация текста с изображением одного из городов. Здесь изображен вроде бы город Эрфурт, но нужно иметь в виду, что многие изображения городов используются в хронике без изменений для представления самых разных городов, так что каждый раз нужно дополнительно исследовать, имеет ли изображение чисто символический характер или оно действительно старается дать реалистичный портрет города. Так и с историками: нужно всегда иметь в виду возможность того, что рассказанная ими очередная история просто должна скрыть отсутствие достоверной информации о прошлом.

Даже то обстоятельство, что выписывание цитат из разных произведений и изготовление латинской и немецкой рукописей для наборщиков осуществлялось, кроме Шеделя и Альта, по крайней мере еще пятью сотрудниками, не снимает этих противоречий: Шедель написал 62% латинского издания, а неизвестный помощник 75% перевода Альта по-немецки, и эти два «узких места» оставляют в силе все мои сомнения. Тем более, что эти рукописи уже демонстрируют не только лейаут, но и наброски рисунков. Следовательно, им должны были предшествовать и более ранние версии рукописей.

Фюссель упоминает еще одно обстоятельство, которое должно было привести к удлинению работы над книгой: отсутствие уже готовых гравюр или хотя бы их набросков в большей части рукописи. Лишь в редчайших случаях гравюры уже были готовы. В этих случаях в наброске листа приведен отпечаток, который, естественно, оказывался «смотрящим» в неправильную сторону. Обычно же в рукописи приведен или грубый набросок, или оставлено пустое место. Сравнение с напечатанной книгой показывает, что отсутствующие гравюры часто имели потом не тот размер, который был для них оставлен, и, следовательно, работа наборщиков сильно усложнялась, когда они должны были приспособить иллюстрации к тексту.

Хотя повторное использование иллюстраций было запланировано с самого начала, не исключено, что высокая частота повторяемости некоторых «портретов» свидетельствует о временных проблемах наборщиков и иллюстраторов. Так, например «портрет папы римского» был использован в одном издании 10, а в другом даже 17 раз. Почти каждый раз, когда речь заходила о евреях, помещалась картина «Сожжение евреев». Многократно использовались почти все изображения городов.

Договор с Цельтесом предусматривал практически совсем новую книгу на основе переработанной «Хроники» Шедела и перевода на немецкий «Европы» итальянского гуманиста Пикколомино (позднее римского папы Пия 12-го), которую Шедель уже использовал в конце своей «Хроники». И хотя известно, что Цельтес до 1497 г. работал в этом направлении, он так и не успел в указанное время завершить эту работу. Это еще раз показывает, что описанная выше фантастическая скорость, с которой готовилась и печаталась «Хроника», мало реальна.

Хорошо известно, что григорианская «реформа» медленно пробивала путь себе и датировкам от рождения Христа и трудно представить, что задолго до нее, уже в 15 в., широко пользовались датами от рождения Христа. Да еще и датировали каждый отдельный документ именно такими датами. Скорее всего и датировка документов производилась задним числом и даты вписывались в письма и другие документы много позже, когда «христианская» система летоисчисления уже установилась.

Отсутствие привычки к использованию дат приводило даже к такому курьезу, что многие феодалы, заказывая – не бесплатно – дарственные грамоты и другие выгодные для них исторические «документы», чаще всего не могли назвать дату, которую монах-подделыватель должен проставить. Огромное число таких ни на что не годных с точки зрения права дарственных без какой-либо даты сохранилось и по сей день. Отсутствие даты означает, что и вернувшись в свой замок феодал не смог найти во всей своей свите или среди людей, с которыми имел дело, никого, кто мог бы ему помочь придумать более ни менее надежную дату. Если бы придумали, то и вписали бы!

Правда, в самой книге, начиная с третьего «возраста» человечества и особенно в ее последней части, посвященной шестому «возрасту», встречаются написанные римскими цифрами даты. Но никакой уверенности в том, что эти даты присутствовали уже в листах исходной «Хроники» у меня нет. При том числе переизданий «Хроники», о котором известно историкам книжного дела (а, кроме того, у каждой успешной книги были и многочисленные нелегальные переиздания) нет никакой уверенности в том, что эти даты не были внесены в текст много позже, когда хронология Скалигера уже начала распространяться или даже достигла той известности, которую обычно связывают с именем Петавиуса.

Так, последняя страница книги с указанием года M.cccc.xciii (именно так, с большим М и маленькими другими буквами) и даже точной даты 23 декабря была явно вклеена в книгу: следы клея хорошо видны в репринте. Да и в тексте этой вклейки говорится о том, что книга уже была напечатана Кобергером, что вряд ли подтверждает версию о том, что эта страница входила в исходный текст книги.

Но вернемся еще раз к указанной на этой странице дате. От привычной нам записи цифр латинскими буквами ее отличают две детали:

В качестве цифр используются в основном не заглавные (большие) латинские буквы, а прописные (малые)

Последняя единица обозначается не буквой i, как обычно, а буквой j (вероятно, чтобы сигнализировать конец написания числа)

Дата эта (вернее соответствующая хронологическая запись) имеет вид

Volbracht am.xxiii tag des monats Decembris Nach der gepurt Cristi unsßers haylands M.cccc.xciii iar.

Или в переводе

Завершено в день.23. месяца декабря После рождения Христа нашего спасителя М.493, года

Итак, здесь все цифры обозначены малыми буквами, кроме первой цифры М. Так, может быть, это вообще не цифра, а некоторое сокращение, некий стандартный в то время атрибут имени Христа Спасителя?! Не идет ли здесь речь о «спасителе М», спасителе Великом, спасителе-учителе или спасителе Великомученике? М может быть сокращением от латинского magister (учитель), magmentum (дополнительная жертва), magnificus (высокий, благородный, возвышенный, великолепный, славный, знаменитый), magnus (большой, сильный, мощный, возвышенный, благородный), majestas (величие, святость, великолепие, авторитет), majestus (высокочитимый) и т.п. Но тогда весь вопрос в том, в каком году «христианского» летоисчисления родился Христос по представлениям людей рассматриваемой эпохи (когда была напечатана «Хроника»). Если это произошло по их представлениям в 1053 г., то дата будет отражать 1546 г., а если в 12 в., как утверждают НФ в книге «Царь славян», то и того позже.

1493 г. противоречит и представлениям исторической аналитики о действительном развитии христианства в Европе. Уве Топпер, исследуя творчество Босха, показал, что еще в начале 16 в. по принятой хронологии Библия была практически неизвестна в Голландии. Английский профессор теологии Джонсон доказывал, что Библия практически не существовала до 1530 г. Следовательно она не могла быть напечатана ни в самом начале его издательской деятельности Гуттенбергом (при традиционной датировке его жизни), ни многочисленными Нюрнбергскими издателями. А ведь издание библии в мастерской Кобергеров за десятилетие до выхода в свет «Хроники» Шеделя считается известным фактом. Пфистер же вообще сомневается в существовании книгопечати до 1600 г.

Еще одно основание сомневаться в правильности датировки «Хроники»: в начале брошюры Фюсселя приведена копия первого листа из рукописи книги (в печатной версии этот лист отсутствует). Ее основной текст больше похож на напечатанный, чем на рукописный. Начало текста («Это экземпляр книги хроник ...») указывает скорее на более позднюю эпоху, когда книги начали снабжать титульными листами. Кроме того на этом листе многие существительные написаны с заглавной буквы, как это принято сегодня в немецком. Однако в самой «Хронике» существительные пишутся с малой буквы. Наконец, на этом же листе видна приписка мелким почерком, явно сделанная от руки, в которой дата 1493 написана арабскими цифрами. Итак, этот лист обрабатывался (а может быть и был сделан?) много позже, чем эпоха Шеделя.

Карта Центральной Европы

Рис. 9.8. В книге Шеделя впервые используются арабские цифры.

«Хронику» Шеделя завершает карта, которую в книге соотносят с Германией и землями, на которых расселилась немецкая нация. Я бы сказал, что на ней представлены страны и местности, в которых или по соседству с которыми люди говорили на одном из германских наречий (языков или диалектов) или где по крайней мере жили большие группы людей, говорящих на этих языках. С нашей сегодняшней точки зрения карта эта изображает только Центральную Европу в несколько расширенном смысле этого слова. На ней отсутствуют западная Франция и страны Пиренейского полуострова, Италия, кроме самой северной, и Южные Балканы, в том числе и Греция. На востоке граница проходит чуть восточнее Карпат и не показывает ни Украины, ни большей части России, включая и ее север. Россия представлена только ее Северо-Западом.

На Севере Европы не обозначены практически никакие города. Ни в Англии, ни в Ирландии, ни в Шотландии, ни в Исландии, ни в Скандинавских странах, включая Данию, ни в Гренландии, которая помещена между Скандинавией и Россией (как перешеек между ними, а не как остров). На северо-востоке, где дважды стоит Россия и чуть ниже Ливония, обозначены три города: Рига, Плесго (Псков) и Ноградум (Новгород, Не Город).

Татария (в форме Тартария) обозначена между Карпатами и Черным Морем, т.е. где-то в районе устьев Дуная и Днестра. Ниже нее указана Валахия. Зато Турция – в непосредственной близости от Белграда и к северу от Албании, т.е. в районе нынешней Боснии. Из городов на юго-востоке названы еще Константинополь и Андранополис (Андрианополь) и Зибенбург (считается сегодня обозначением области Семи Крепостей, а не городом, правда столица этой области город Германнштадт имеет румынское название Зибиу). На берегах Адриатики названы Рагус (Рагуза), Зенг (он же Зенгг) в Хорватии, Триест, Венеция и Бадуа (Падуа? Равенна? Если считать, что обозначение города считалось также обозначением не очень обширной местности, то фонетически близкая Падуа становится более вероятной, чем географически более правильная Равенна).

На территории Польши дважды стоит Полония, а также Пруссия и Мозовия. Из городов отмечены Лемберг (Львов), Варсе (Варшава), Бозенн (Позен, Познань), Данциг, и на берегу Балтийского моря еще и Мелбинг (скорее всего это Элблонг, он же раньше Эльбинг в Данцигской или Гданьской бухте). Кстати само море называется здесь Германским, а Северное Море даже окрещено Германским Океаном. Краков не отмечен, хотя в книге о нем речь и идет. Более того, город этот отмечен в индексе «Хроники»

Наряду с Германией, настоящей страной городов предстает в то время Швейцария. Здесь приведены названия Базилеа (Базель), Цюрих, Люцерна, Берн, Генф (Женева),

Везонц и Салин

Отсутствие на т.н. Люнебургской карте, которую относят аж к концу 13 в., города Лондона (в Англии на соответствующем месте указан Дувр) еще вызывало удивленный комментарий В.В. Самаркина, автора книги «Историческая география Западной Европы в средние века», допущенной в свое время «в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности «История»» (Москва, Высшая школа, 1976). Он восклицает по этому поводу: «удивление вызывают сведения и о близлежащих, хорошо известных в христианском мире областях». Если и через несколько столетий Лондон оставался столь незначительным городом, что его не стоило даже сравнивать с мало кому сегодня известной гаванью Занг на Адриатике или упоминать в индексе (предметно-именном указателе) «Хроники» Шеделя, то, быть может, неверны не знания средневековых географов, а современных историков?

Первая эра (первый возраст человечества): до потопа.

Как уже было отмечено Вайнштейном, изложение исторического (и мифологического) материала ведется в «Хронике» не по годам, а по шести эрам. Первая из них посвящена своего рода предыстории: времени от создания мира до всемирного потопа. Начинается она не с изложения библейской версии созидания, которая Шеделью известна и которая тоже присутствует в описании эр, а с обсуждения и сравнения различных версий создания мира, предложенных римскими, греческими, египетскими и ??? писателями. В том числе и греческих представлений о возникновении жизни из сырости. Так, он цитирует «древнегреческого» автора Диодора Сикула (якобы 1 век до н.э.), которого в конце своей жизни перевел на латинский (а скорее всего сам же и написал) и напечатал известный выдумщик старины Поджио Браччиолини (якобы 1380–1459).

В конце концов Шедель объявляет все изложенное старинными заблуждениями и начинает излагать библейскую версию божественного созидания мира. Фюссель отмечает, что для Шеделя Моисей – хронист, который сам написал первые пять книг Моисеева закона.

Интересны иллюстрации к первому возрасту человечества. В начале Бог создал ангелов, эдаких юных милашек женского пола, в «школьной форме» эпохи позднего ренессанса. Их платья вполне сошли бы за бальные в 17 веке. Правда на седьмой день творения довольный своими деяниями Господь изображен в окружении не только ангелов прекрасного пола (половина из них уже изображена с коронами на прелестных головках), но и мужчин, похожих на священнослужителей или на университетских профессоров. Эти ангелы мужского пола одеты в одеяние, которое выглядит очень похожим на таковое Господа. Очевидно на седьмой день уже устоялась небесная иерархия, при которой близкие к Богу священнослужители и учителя изображены выше коронованных ангельских особ, а последние выше ангелов-музыкантов и представителей иных ангельских профессий (хоть и ангельский, но все-таки народ, так сказать).

Коперником здесь еще не пахнет: Луна, Солнце и звезды браво совершают приписанные им Птолемею вращения вокруг Земли. Зато рай, из которого Господь во все том же темно-фиолетовом плаще, что и на седьмой день творения, изгоняет Адама с Евой, изображен окруженным каменной стеной аккуратной кладки, с крепостными башнями и крытыми черепицей зданиями. Качество райской архитектуры демонстрируют также каменный источник и ворота в готическом стиле, а высокий уровень металлургии не только меч, коим Господь грозит безоружному Адаму, но и фигурнойковки дверные петли.

Изображение создания Евы из адова ребра может интерпретироваться и на современный манер как разделение сиамских близнецов: Господь вытягивает Еву из Адова бока, пока тот предается радостям фиесты. На лицевой странице листа 9 Адам трудится в поте лица своего простой деревянной мотыгой, а Ева кормит грудью одного из двух своих детишек. Станным образом ноги ее закутаны в уже упоминавшийся темно-фиолетовый плащ. Неужели Господь снова воспыал к ней добрыми чувствами и подарил ей одеяние с собственного плеча? Или ее посетил один из ангелов-учителей и просто забыл свой плащ при отлете на небо?

За неимением других семей, сыновья Евы и Адама брали себе в жены сестер своих. Еве пришлось произвести на свет немалое их количество, ибо изображенное на развороте 9–10 генеалогическое дерево потомков Адама показывает всех его сыновей в обществе их жен. Один только Каин не показан с супругой: то ли она постыдилась с ним фотографироваться, то ли ему просто не досталась сестричка и он именно поэтому лишил брата своего Авеля жизни. Внуки и правнуки Адама изображены во вполне приличных одеждах с атрибутами разных ремесел в руках: от лука для охоты

на зайцев, до молотка и клещей, от ткацкого челнока до некого музыкального инструмента.

Суммируя, можно сказать, что первый возраст человечества еще никакого отношения к историческому прошлому не имеет. Косвенным свидетельством тому, что эта эра рассматривается даже и историками как сказочка, является отсутствие попытки со стороны Фюсселя всунуть в свое повествование о первой эре какую-нибудь хронологическую зацепку (год, возраст или еще что-либо).

Вторая эра: От потопа до Авраама.

Описание второго возраста человечества открывается импозантной гравюрой с изображением постройки ковчега для Ноя. Здесь показана бригада кораблестроителей, работающая под присмотром самого Ноя. Девять из них что-то делают с уже находящимся на плаву кораблем (видны деревянный и металлический молоток, большой металлический сосуд для зачерпывания воды, лестница и два бочонка, демонстрирующие высокий уровень плотницкого дела). На переднем плане изображены два плотника, вырубая толстые доски металлическими топорами. Все 11 ремесленников одеты в костюмы эпохи ренессанса.

Пилы на гравюре не видно, но буравчик у ремесленников уже есть и грамотой они владеют, ибо все постройки на ковчеге расписаны аккуратными латинскими надписями. Не ясно, правда, как была построена каравелла (пардон, ковчег) с довольно сложной обтекаемой формой корпуса судна из досок, подобных изображенной на переднем плане массивной балки. Наблюдающий за работой кораблестроительной артели Ной одет в точности так, как приближенные к Господу ангелы-учителя. Может быть это и был несколько постаревший ангел, которому и было легче избежать соблазнов жизни, чем Ною – мирянину (впрочем, после потопа искавшему утешения и забвения психотравмы в вине).

Грустно становится при мысли о том, что избранный Богом Ной ничего не предпримет для спасения этих добросовестных кораблестроителей и даст им всем утонуть во время потопа, отдав предпочтение всяким там тварям, которых потом его потомки будут сживать с этого света. Конечно, Ной мог еще ничего не знать про уничтожение видов животных в будущем, но ведь Господь мог бы и заглянуть в будущее и ограничить в соответствующей мере тотальность уничтожения рода грешных обитателей созданной им же и им же населенной Земли. Предназначенных к спасению сухопутных животных (водоплавающие спаслись и без помощи Господа и Ноя) на гравюре не видно, но зато уже обозначен конец всей истории про ковчег: голубь с ветвью оливкового дерева в клюве, который должен будет после потопа возвестить о конце оною, уже присутствует на гравюре (очевидно, он уже начал тренироваться и готовится к исполнению своей важной информационной миссии).

Второй возраст человечества характеризуется постепенным размножением потомков Ноя (снова столь полюбившийся Господу инцест: с кем, как не с родными сестрами или в крайнем случае с племянницами могли сыновья Ноя Яфет, Сем и Хам (Кам) производить многочисленные народы мира). Какой вид принял мир после потопа (тот мир, по которому расселялись потомки Хама, Сема и Яфета) демонстрирует приведенная на развороте 12–13 карта мира.

Считается, что изображения 12 ветров, обрамляющие карту, вышли из-под кисти молодого Дюрера, что тоже дает пищу для хронологических сомнений с учетом высказанных НФ предположений о неправильной датировке жизни выдающегося живописца (Эти сомнения разделяют и некоторые западные аналитики истории). Она отражает Птолемеевскую традицию изображения Индийского Океана как окруженного со всех сторон сушей (в том числе и с юга. Названий городов на карте нет, кроме одного: Иерусалим).

Названия двух азиатских стран помещены в рамку (чтобы подчеркнуть их значимость?): Тартария с центром приблизительно на месте Уральских гор и Парфия приблизительно на месте Афганистана. Во всем Индийском Море (Окияне) обозначен только один остров Тапробана (Цейлон?). В Азии есть две Индии: перед Гангом и за Гангом, а на месте Китая стоит Серика. В Азии же картографу известны Персия и Азерия (Азербайджан), но не Турция и не Османская Империя (а только Малая Азия). На

ближнем востоке мы находим Иудею, Синай, Аравию и страну Феликс (Йемен?)

Европейский мир окружен островами, причем названия таковых в Средиземном море снова помещены в рамки: Сицилия, Сардиния и Корсика, Ландия (или это малоазиатская Лидия?), Род (очевидно, Родос), Кипр. На западе картографу известны Англия и Шотландия, а на севере также остров (!) Швеция. Хогарда (Новгородская Земля) на самом западе России и Руссия (чуть восточнее оной) отмечены в верховьях Волги. Кроме того, в Европе тогда имелись страны: Галина (Галиция на Пиренейском полуострове), Испания (севернее Пиренейских гор!), Франция, Дания, Барония (на месте Германии), Алемания (на месте Австрии), Италия, Греция, Венгрия, Пруссия, Полония, Литва и три страны между Черным и Балтийским морем, названия которых не читаются, ибо они частично не видны на месте сшивки листов 12 и 13.

Среди стран Африки особое внимание обращает на себя страна Карфаген (вот оно недавнее «древнеримское» прошлое, еще живущее в конце 15 в. или и того позже). Здесь же имеются три Эфиопии, вторая из них на месте центра материка и третья на юге оного. Кроме Мавритании и Туниса на арабском севере Африки указана еще и страна Аффрика. Скорее всего в это время весь континент еще именовался Эфиопией, а Африка была страной где-то вблизи Сахары (в Ливии и Алжире?).

Процесс заселения земного шара документируется многочисленными сложными генеалогическими деревьями потомков патриарха Ноя, от сыновей которого произошли 72 народа. Первое из них изображает еще и четвертого сына Ноя Йонихуса, которому скорее всего не досталось сестрички для продолжения своего рода. Он изображен бездетным, но зато держащим в руках сложный астрономический прибор – трехмерную армиллярную сферу (Фюссель ошибочно принимает ее за астролэбию), который, правда, считается известным со времени «античности», но требует для своего изготовления такой сложной технологии и точной механики, что, скорее всего, не был возможен до 16–17 вв..

За генеалогическими деревьями следует изображение небесного Иерусалима, якобы основанного старшим сыном Хама по имени Канаан. Четко видны три концентрически расположенные крепостные стены и многочисленные крепостные башни с зубчатыми стенами на их несколько выходящей за пределы стен башен верхней площадке. Сами крепостные стены зубчатой верхней части (как в московском Кремле) не имеют, зато снабжены бойницами, расположенными непосредственно под черепичной крышей. В центре города изображен импозантный Храм Соломона с пятью проходами между колонн, покрывающим все здание массивным куполом и вырастающими из него барабанами, украшенными маленькими куполами. Шесть ворот внешних крепостных стен снабжены названиями, которые плохо читаются. Вообще-то этих ворот должно быть 12.

Фюссель с одной стороны подчеркивает, что это – идеализированное изображение города. А с другой считает, что в качестве Храма Соломона изображена мечеть Ал Акса (Собор на Скале). Он уверен, что и это изображение, и изображенное много позже разрушение Иерусалима срисованы с иллюстраций в книге «Путешествие по Священной Земле» Эрхарда Ройвикса, напечатанной в 1486 г. Но идеальное изображение города Иерусалима скорее всего содержит и идеальное изображение Храма Соломона, ибо – быть может за исключением Храма – город вполне может сойти – скажем – за итальянский.

В эту эру попало и описание первой из стран, представленной в «Хронике» – страны амазонок, которые господствовали где-то на границе Азии и Европы, недалеко от Албании (приуральские степи?). Впрочем изображение этой страны представляет собой захудалый средневековый

городишко с христианской церковью, украшенной крестами (!). Эта картинка использована в «Хронике» позже еще для таких стран, как Австрия, Карния (венетская = славянская область в Австрии и Италии) и Пруссии, а также для городов Афины, Павия и Александрия. Скорее всего, картина эта должна была служить символом захолустья.

Завершается второй возраст человечества картиной разрушения Содомы и Гаморры. Таким образом, ничего исторического или хронологического в этом возрасте найти не удалось, хотя Фюссель и упоминает в связи с оным фантастическое количество лет прожитых Ноем.

Третья эра: от Авраама до начала царствования Давида

Фюссель украшает свой комментарий к описанию третьего возраста человечества различными датированными с точностью до века хронологическими ссылками и даже упоминает разрушение Константинополя в 1204 г. И хотя описание третьей эры в «Хронике» по большому счету все еще не содержит никакой достоверной исторической или хронологической информации, здесь, тем не менее, приводятся первые хронологические данные. В первую очередь по относительной хронологии: в такой-то год жизни Авраама возник его конфликт с халдеями. Этот год его жизни указан даже по двум источникам: древнееврейскому как 92-й и по библии 70 толковников как 40-й. Да и «временные» границы определены по Библии: от рождения Авраама до царя Давида (на самом деле, до начала его царствования), так что с точки зрения ТИ мы находимся уже в историческом времени.

Одна из дат (основания немецкого города Трира) дана в необычной форме: года до будущности Христа. Считается, что обратный счет лет ввел Петавиус в середине 17 в. Я подробно рассмотрю этот вопрос в посвященной этому видному хронологу главе 11, но отмечу сразу, что сам факт использования Шеделем обратного счета должен заставить нас задуматься еще раз о времени написания «Всемирной хроники». Уж не середина ли это 17-го века?

Правда, рассматриваемая дата дана в форме, несколько отличной от привычной нам для дат Anno Domini:

jm.ixc.xlvij.iar,

которую Фюссель интерпретирует как «год 1947 до н.э.» (старонемецкое слово iar означает «год»). Но если тогда римские цифры писались иначе, чем этому учили нас, то не исключено, что и смысл в них вкладывался иной. Может быть, в то время еще не складывали отдельные части даты, а считали их последовательным уточнением времени события. Например, дату эту можно понимать и как год 47 девятого столетия первого тысячелетия или 847 до н.э.:

первого тысячелетия девятого столетия год xlvij.

Интерпретация Фюсселя означала бы использование метода обратного счета Петавиуса и четко переносило бы саму «Хронику» в этой ее редакции в 17-й век. Однако и наше альтернативное прочтение этой даты означало бы использование обратного счета в «Хронике», что противоречит всем нашим знаниям о развитии хронологии.

Фюссель, скорее всего – как и большинство современных историков – ничего не знает про историю хронологии и не «обжигается» на использовании Шеделем или одним из еще более ранних авторов обратного хронологического счета лет. Он только сомневается, жил ли Авраам так рано и называет для него 14 в. до н. э. (в «Хронике» сказано, что Трир был основан при жизни Авраама). При этом он интерпретирует год 1947 как дату девятнадцатого века до н.э., хотя это был бы 20 в.! Интересно, что на выдаваемой за изображение Трира гравюре на лицевой части листа 23 уже есть церковь с крестом, но, правда, башню другой венчает полумесяц. Церковь с крестами есть и в Дамаске (обратная сторона того же листа); там же одну из башен украшает циферблат часов.

Указана дата рождения Иакова: 3344 г. мира (т.е. от его сотворения). Но никак не обоснована: даже ссылки на чей-либо авторитет нет. Приведены длительности жизни различных библейских

персонажей: например, Иаков жил 147 лет, а Аарон (брат Моисея) 133 года. Приводится дата некоего события во время жизни Якова 3430. Для перевода этих дат в даты от рождения Христа на листе 34 (обратная сторона) дана ссылка на перевод 70 толковников, согласно которому год *iiijm.vijc.xxv* (3725) от сотворения мира соответствует году *jm.iiijc.lxxiiij* (1474) до рождения Христа, так что сотворение мира отнесено здесь к 5198 г. до н.э. Моисей Шедель характеризует как князя историографов и как миссионера среди евреев, сравнимого с миссионером Павлом среди язычников.

Для города Родоса на одноименном острове (изображен на обратной стороне листа 26 без крестов, но с большим количеством ветряных мельниц) указана дата основания города в году до Христа, который может интерпретироваться как 740 г. или как 40-й год седьмого столетия, т.е. как 640 г. Этот год должен приходиться на время жизни патриарха Иосифа, рассказ о котором следует за описанием Родоса на листе 27. Интересно, что Фюссель почему-то интерпретирует дату *vijc.xl*, которая снова указывает на 17 век как время изготовления «Хроники» (см. выше), как 760 г. Отметим, что существование Иосифа в 7-8 в. до н.э. резко противоречит ТИ, которая видит его в Египте на полтысячелетия раньше. Про слово «фараон» Шедель считает нужным пояснить, что так звали всех египетских королей, что это было такое же общее их название, как в Германии (он пишет «у нас») «римский император»: Шедель явно считает себя подданным римского императора.

На обратной стороне листа 30 сообщается, что евреи провели 740 лет в Египте. Учитывая, что год 740 до н.э. отнесен к жизни Иосифа, который и пригласил оных переселиться в Египет, получаем, что исход из Египта если и не совпал с рождением Христа, то по крайней мере был близок к этой дате, что на 12-13 столетий расходится с ТИ). На приведенной здесь же иллюстрации изображено тонущее в красных водах Красного моря войско фараона, облаченное в стальные латы (!), с арбалетами (!) и секирами. Тут же изображена передача Богом скрижалей Моисею, причем оные явно написаны латинскими буквами.

Пока Моисей получал письменные инструкции от Бога на горе Синай, евреи, как известно, стали поклоняться золотому тельцу. Он изображен (лист 31) на высокой хорошо отполированной цилиндрической каменной колонне, а гора Синай и соседняя с ней вторая гора (Фюссель интерпретирует ее как Хорреб, т.е. Страшная, хотя ничего страшного в ней нет; это название больше подошло бы к Везувию) покрыты лесом и зеленым ковром. Все это больше похоже на Швейцарию или Италию, чем на синайскую пустыню.

Еврейских священнослужителей Шедель называет епископами

Здесь продолжается рассказ о библейских и прочих мифических сказках (например, подробно описаны сивиллы – странствующие пророчицы или прорицательницы, некоторые из которых названы поименно), о городах (Каир и Троя, Париж и Магдебург, Венеция, Майнц и Неаполь) и странах (в первую очередь островах Средиземного моря), а также описываются первые исторические события в Ассирии и Египте. Выбор городов определяется наличием для них легенд об основании в разные века третьего возраста человечества.

Троя рассматривается как местность вокруг города Иллиона, который тоже иногда называют Троей. Изображение Трои на листе 36 показывает полумесяцы на совсем европейских колокольнях церквей. Итак становится ясным, что условные изображения городов следует интерпретировать как их вид в эпоху Шеделя (хотя не ясно, существовал ли город Троя в малой Азии в его время), так что отмеченное выше отсутствие крестов на Родосе можно понимать и в том смысле, что это, мол, нехристианский город. То же можно сказать про Майнц (эта якобы колыбель христианства в

Германии изображена без единого креста), Неаполь (та же картинка), Падую (картинка идентичная с таковой для Трои), Пизу (только полумесяцы), провинцию Англия (тоже самое) и Карфаген, в то время как Париж и Венеция (один из немногих реалистично изображенных городов) изображены с крестами на церквях.

Про Гомера сказано, что афиняне считали его сумасшедшим и что жил он одновременно с библейским Саулом, что, конечно, противоречит ТИ, которая относит Гомера к 8 в до н.э., а не к 11, как Саула. Для четырех предков Христа рода Боос (в Библии Воос или Воас считаются просто жителями Вифлеема), якобы уже живших в третьем «возрасте», приведены отстоящие друг от друга на 50 лет даты: 3825, 3875, 3925 и 3975 (лист 40). По ТИ они жили бы лет за 200–400 до царя Давида. На листе 45 приведен список 21 короля латинян (и, как утверждается здесь, и кельтов), живших еще до Рема и Ромула, которые ТИ считает легендарными правителями города Алба Лонга, «матери» Рима. Указано, сколько лет они были у власти: первые пять правили в общей сложности 100 лет, а потом пошли один за другим 15 долгожителей:

30, 37, 28, 31, 50, 39, 24, 28, 13, 8, 40, 19, 38, 23, 44 лет.

В среднем слишком много для реальных правителей, но на то они и есть легендарные.

Завершается описание третьей эры рассказом про Британию, для которой приводятся три названия

- Альбион из-за белых известняковых скал на побережье, которые бросаются в глаза путешественнику, подплывающему к острову
- Энгелланд = Страна Ангелов (написана слитно, но с двумя буквами л, которые сегодня слились в одну: Энгланд)
- Британия как производное от имени Брута.

Четвертая эра: от Давида до разрушения Храма

Здесь на листах 46–66 пересказываются многие главы из Библии и рассказываются биографии библейских пророков. Подробно освещается царствование Давида и его сына мудрого Соломона. Из городов подробнее всего описан Иерусалим и его архитектура, но также и города Рим и Генуя, изображения которых не лишены элементов аутентичности. Зато такие города как Болонья (Бонония по тогдашнему произношению), Тревизо и Перуджия в Италии, Иерихон в Палестине (безлюдная заброшенная крепость), Византин (захудалый городишко) на Босфоре и др. представлены символическими иллюстрациями, однако сопровождающимися индивидуальным описанием. Перуджия удостоилась чести быть описанной скорее всего потому, что профессор, у которого Шедель в Италии изучал медицину, был родом из этого города.

В начале под заголовком «Линия Христа» приведено генеалогическое дерево, начинающееся с царя Давид. Оно занимает несколько страниц

Иерусалим представлен двумя гравюрами. На листе 48 показана Храмовая гора с Храмом, который венчает типично русская церковная маковка, на которой намалеван полумесяц (если придерживаться сформулированной гипотезы, что в «Хронике» города показаны в связи с той религией, которая в них господствовала во время создания книги, то против такого изображения нет основания протестовать). Крепостных стен не видно и вообще кажется, что и города вне храмовой горы нет. Зато неподалеку от Храма видна высокая башня (минарет или его комбинация с крепостной башней) и четыре часовни под куполами.

Небиблейская историческая часть посвящена «античным» государствам мидийцев, лидийцев, спартанцев и римлян. Про мидийцев сказано, что их царство просуществовало 128 лет, причем пришли они к власти только потому, что их предшественникам после 1305 лет надоело царствовать. Традиционная хронология (см. Бикерман) отводит на Мидийское царство 177 лет, правда с перерывом в середине на 28 лет скифского господства. Сравнивая 128 с 149 годами чисто мидийского господства видим, что хронологическое яблоко далеко от яблони не откатилось. Интересно, что в этой дате число «тысяча» выписано словом, а не латинскими буквами, изображающими римские цифры. О начале Македонского царства рассказано без каких-либо хронологических деталей. В случае лидийцев нет абсолютной хронологии, но названы 9 королей и указано, сколько лет каждый из них сидел на троне. Всего их царство просуществовало 230 лет, хотя сумма указанных длительностей правления и составляет 210 лет. Ну, что ж, значит 20 лет длились междоцарствия! Интересно, что сегодняшняя хронология считает, что в Лидии между 685–546 гг. до н.э. правили только четыре царя из приведенных Шеделем последних пяти, зато их суммарное правление длилось без междоцарствий 139 лет вместо 131 г. для пяти царей из описанного списка. Немного, но все-таки удлинили хронологию как мидийцев, так и лидийцев по сравнению со стариком Шеделем!

Про Олимпийские игры сообщается только, что они проводились каждые четыре года. Никакой хронологии тут еще нет: список олимпиад был придуман по заказу Скалигера вроде бы в районе 1580 г. Зато о Ромуле Шеделю известно, что он стал римским королем в 21 год и был это год 324 после начала царствования Давида.

Если считать, что Давид вступил на трон в «круглом» 1000 г. до н.э. (Бикерман называет год 1004), то мы получим год 676 до н.э. (более популярна дата по Варрону 753 г. до н.э., кажется 21-го апреля, конечно, если это не коммунистическая пропаганда, пытающаяся подогнать важнейшую дату мировой истории ко дню рождения великого вождя Октябрьской революции ноября 1917 г.).

Намеренное занижение Шеделем древней даты основания города Рима следует рассматривать в контексте его нечистоплотных попыток присвоить историю Римской империи и объявить оную немецкой: Священной Римской Империей Германской Нации. И это при том, что в то время такой нации еще и в помине не было, ибо она худо-бедно сформировалась лишь в 19 и 20 веках.

Вслед за описанием жизни и деятельности других легендарных правителей Рима, приводится описание города, которое сопровождается гравюрой во всю ширину книги (хотя и высотой только в 17 см). На этом изображении Рима бросается в глаза

- Полное отсутствие в городе какой-либо христианской символики: ни одного креста в границах города (хотя на самом краю картины за городскими стенами одиноко маячит один крест), а в папском дворце скорее даже полумесяц на церковной башне, чем крест
- Абсолютно средневековый характер города, без какого-либо античного привкуса (Фюссель его существование голословно утверждает, я ничего античного на гравюре не обнаружил), поэтому, например, средневековый Замок Ангела гораздо органичнее вписывается в картину города, чем в современном Риме, а Колизей и Санта Мария Ротунда, выдаваемая за античный Пантеон, производят впечатление если не построенных, то отремонтированных в последнюю пятилетку.
- Отсутствие каких-либо «античных» развалин, даже Колизей еще совершенно цел-целешенек, под черепичной крышей. Правда, рядом с Колизеем нарисована полуразрушенная церковь романской архитектуры, но нужно обладать фантазией историка, что узреть в ней руины античного театра Марцелла. При очень внимательном рассмотрении можно увидеть во всем Риме еще 1-2 поврежденных здания, но в каком неантичном городе их нет!? А где же все современные «античные» достопримечательности? Никакой арки Септимия Севера на Романском Форуме. Никаких гранитных колонн храма Сатурна. Не показаны и колонны, которыми как лесом покрыт Императорский Форум, а также таковые на Форумах Цезаря и Августа. Так, может быть, они все еще являются частями не разрушенных зданий и оголятся лишь после какого-нибудь сильного землетрясения в будущем? Землетрясения, которое, скорее всего, и Колизей разрушило.

В конце раздела еще раз изображен Иерусалим (шириной в полный разворот листов 63–64, но опять не в полную высоту листа), на этот раз разрушенный. Везде валяются части разрушенных зданий, видны опрокинутые крепостные стены и целые башни, улицы города покрыты бесчисленными трупами. Только полумесяцы продолжают гордо красоваться на горящем храме Соломона и на еще одном храме. На этом другом храме в начале раздела было написано «Храм Соломона», но теперь эта надпись отнесена к храму, который горит ярким пламенем. То ли евреи снова обманули врагов и вынудили их поджечь не тот храм, то ли издатели позаимствовали два изображения Иерусалима из двух разных источников и не позаботились об их согласовании.

На сцене угона жителей Иерусалима в вавилонский плен пленяет непосредственность, с которой художник воспринимает слово «Вавилон». Раз Вавилон, значит полное смешение языков. И он изображает одного всадника как казака в меховой шапке, другого – облаченного в стальные доспехи рыцаря, третьего – как венецианского вельможу эпохи Ренессанса. Конечно, все кони имеют богатую сбрую и ноги всадников покоятся в стремях, еще не изобретенных в эту эпоху Т.И. А на заднем плане у воинов море стального оружия сложнейшей формы, и даже с вырубленным в секире крестом. Ранний соцреализм в действии!

Пятая эра: от восстановления Храма до Иоанна Крестителя

С датами библейской истории существует определенная путаница. С одной стороны считается, что Давид был царем в 1004–970 г. и что он только собрал материал для постройки Храма, но «Бог через пророка Нафана удержал его от этого (2-я книга Царств). Храм был построен царем Соломоном, его сыном, т.е. не ранее 960 г. Тем не менее, Библейский Энциклопедический Словарь Эрика Нюстрема (Торонто, 1992) утверждает, что до своего разрушения в 588 г. до н.э. Храм просуществовал 416 лет, т.е. с момента воцарения Давида.

Тем не менее, пятый возраст человечества соответствует по ТИ периоду в 400 с лишним лет, якобы богатому историческими событиями. На листах 63–94 Шедель описывает наряду с библейской историей восстановления Храма Зоровавелем, и далее наряду с продолжающимся изложением генеалогии Иисуса и с историей Иоанна Крестителя (отрубленная его голова, наткнутая на меч в женских руках изображена уже в начале эры на листе 69), такие главы ТИ (следуя Геродоту) как возникновение и крушение персидской империи и походы и завоевания Александра Македонского. О персидских царях Кире, Камбизе и Дарии рассказ ведется почти без хронологических данных.

Так, сказано, что Камбиз построил новый Вавилон в Египте без указания даты. Только про «третьего царя персов» Смердиса (в ТИ, где Киры и Камбизы размножились и обрели римские номера, он считается восьмым таким царем) написано, что он был царем семь месяцев в 68 году еврейского изгнания (согласно ТИ Смердис был царем в 522 г. до н.э.). Сказано также, что Мардохей, «святой человек, бывший высоко чтим во всей империи персов», был «поставлен вторым после царя» в 295 году латинского исчисления (очевидно, от основания Рима). Хронологический разнобой экстра класса! В случае Иудифи отрубленная ею голова Олоферна, наткнутая на меч в ее правой руке, изображена уже в начале эры на листе 69. Одобрение этого ее поступка выражено в утверждении, что она прожила 150 лет и была похоронена с почестями рядом со своим мужем.

Продолжается здесь и изложение римской истории с постепенным переходом от периода легендарных царей к республиканской эпохе. Через 224 года после основания Рима жители его отказались от королевской власти и начали уповать на господ из городского Совета, коих Фюссель величает сенаторами. На листе 82 изображен кровавый дождь, якобы случившийся в году 489 от основания Рима. На острове Родосе упала и разбилась высокая мраморная колонна высотой в 70 локтей.\\\

Удельный вес историй отдельных городов в этой эре становится преобладающим и лишь немного разряжается рассказами об отдельных философах и писателях этой древней эпохи (Платон, Ксенофон, Апулей, Сафо и др.). Фюссель считает изображения городов Флоренции, Кёльна и Аугсбурга имеющими ценность как аутентичные реалистические источники. В Аугсбурге видна одна церковь с крестом, под которым находится круг, и еще одна, шпиль которой венчает только круг. Скорее всего эти круги символизируют или Солнце, или Луну (т.е. представляют собой полумесяцы, смотрящиеся издали как замкнутые окружности. Кёльн изображен как христианский город со строящимся собором и работающим строительным краном. Во Флоренции показана одна церковь с крестом и множество без таковых.

Первый из изображенных городов Верона или Берн назван городом венедов (которые, как мы знаем, были одним из народов западных славян) проиллюстрирован гравюрой, которая уже встречалась выше для других городов (Фюссель составил на этот счет подробные списки повторяемости иллюстраций). И опять бросается в глаза уже отмеченное отсутствие крестов и наличие двух

больших полумесяцев на церковных башнях на вершине шпиля). Та же картинка (и ситуация) с Тулузой (Толосой). На изображении Милана крестов нет, но есть один полумесяц и один двуглавый орел в качестве герба.

На листе 74 приведено изображение Солнца и Луны с человеческими лицами, которое напоминает символ современного мусульманства: звезду, сияющую между рогов луны. Это изображение издатели современного репринта вынесли на лицевую часть обложки книги. Не исключено, что сегодня мы видим символическое отражение такой картины на гербу Турции и некоторых других стран, где звезды разного размера изображены на фоне диска Луны, небольшая часть которого ярко освещена Солнцем (месячный серп).

В свое время я наткнулся на дискуссию о том, что мол звезда, изображенная на фоне лунного диска противоречит его непрозрачности и, следовательно, не может соответствовать никакой реалистичной картине: и в прошлом никто никогда такого видеть не мог. Я отвечал на это следующим сценарием: если на неосвещенную часть повернутого к земле лунного диска упал ночью небольшой астероид, то с Земли была бы видна именно такая картина: яркая вспышка между рогами лунного месяца. Так как возникновение ислама некоторыми связывается с падением на Землю большого метеорита, остатки которого вмурованы в исламскую святыню Кааба в Мекке, то мое объяснение было бы особенно правдоподобным, если бы падение астероида или крупного метеорита на Луну совпало по времени с падением на Землю священного для мусульман метеорита.

На следующий день после смерти императора Юлия (Юлия Цезаря) на небе появились с утра три солнца, которые постепенно снова соединились в один круг. В Египте сгорела знаменитая библиотека с 40 тысячами книг. Гораций – поэт много хвалимый – умер в возрасте 63 лет. Марк Антоний, римский член Совета, покинул свою жену – сестру императора Августа, и вместе с Клеопатрой, королевой Египта, вел с Августом войну, но потом покончил с собой и войну вести перестал. Это лишь несколько примеров лишнего хронологии изложения историй о прошлом в данном разделе «Хроники».

Потенциальные хронологические ошибки из-за разного написания арабских цифр

На обороте листа 95 впервые появляются даты A.D. (anno domini) как в варианте A.D. mundi (mondi?) так и A.D. I.X, причем с использованием в основном арабских цифр в комбинации с римскими в следующей форме:

- Буква D находится над буквой A
- В слове mundi (mondi?) гласная после m отсутствует, а над этой буквой стоит тильда, которая во всей «Хронике» используется для краткого обозначения «двоебуквия» on.
- Буква I находится над буквой X
- 1 передается как арабской цифрой, так и римской буквой i
- 0, 2, 3, 4 и 9 представлены арабскими цифрами
- Единственная не читаемая однозначно цифра похожа и на 1, и на 4, и на 7 и на 9. Но так как 1, 4 и 9 присутствуют в ином написании, то она обозначает или 7, или еще какую-то цифру. Поэтому обозначим ее знаком вопроса.

Соответствующие даты примут тогда следующее начертание и соответствуют следующим четырем картинкам

- ?200 Рождение Христа
- ?2ii В возрасте 12 лет Иисус Христос поражает ученых мужей своими знаниями
- ?229 В возрасте 20 лет Иисус Христос принимает крещение из рук Иоанна
- ?233 В возрасте 34 лет Иисус Христос принимает мученическую смерть.

Вспомним, что годы от сотворения света обычно называются anno mundi, а anno domini как синоним более длинной формулы anno domini Jesu Christi означает год от рождения (Бога) Христа: dominus = Господь. Поэтому anno domini mundi – это год божьего мира или год от сотворения мира господом. Но год рождения Христа приходится на 5198 год от сотворения мира, так что ? может обозначать только цифру 5 и, следовательно, в «Хронике» уже год рождения Христа не совпадает с самим собой, а отличается от одного на два года: Христос родился во втором или третьем году после рождения Христа.

Daten	QUELLEN	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
976	SPANIEN. (Bibliothek von San Lorenzo del Escorial, Codex Vigilanus, Ms. lat. I,2, Fol. 9v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
992	SPANIEN. (Bibliothek von San Lorenzo del Escorial, Codes Aemilianensis, Ms. Lat. d.I.1, Fol. 9v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
vor 1030	LIMOGES. (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 7.231, Fol. 85v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
1077	(Biblioteca Vaticana, Ms. lat. 3.101, Fol. 53v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.	Bernelinus: <i>Abacus</i> . (Bibliothèque de l'École de Médecine Montpellier, Ms. 491, Fol. 79)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
1049?	Erlangen. (Ms. lat. 288, Fol. 4)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.	(Bibliothèque de l'École de Médecine Montpellier, Ms. 491, Fol. 79)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.	Gerbertus: <i>Rationes numerorum Abaci</i> ; FLEURY. (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 8.663, Fol. 49v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.?	Boecius (<i>sic!</i>): <i>Geometrie</i> ; LORRAINE. (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 7.377, Fol. 25v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.	Boecius (<i>sic!</i>): <i>Geometrie</i> ; (British Museum, Ms. Harl. 3.595, Fol. 62)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.	REGENSBURG. (Bayerische Staatsbibliothek München, Clm 12.567, Fol. 8)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
11. Jh.	Boecius (<i>sic!</i>): <i>Geometrie</i> . (Chartres, Ms. 498, Fol. 160)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
Anf. 12. Jh.	Bernelinus: <i>Abacus</i> . (British Museum, Add. Ms. 17.808, Fol. 57)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
Ende 11. Jh.	Bernelinus: <i>Abacus</i> . (Bib. Nat. Paris, Ms. lat. 7.193, Fol. 2)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
Ende 11. Jh.	CHARTRES? Rechentafel; anonym. (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 9.377, Fol. 113)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
Ende 11. Jh.	Bernelinus: <i>Abacus</i> . (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 7.193, Fol. 2)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
12. Jh.	(Biblioteca Alessandrina Rom, Ms. Nr. 171, Fol. 1)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
12. Jh.	Gerlandus: <i>De Abaco</i> ; SAINT-VICTOR DE PARIS. (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 15.119, Fol. 1)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
12. Jh.	Boecius (<i>sic!</i>): <i>Geometrie</i> . (Bib. Nat. Paris, Ms. lat. 7.185, Fol. 70)		𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
12. Jh.	CHARTRES? Bernelinus: <i>Abacus</i> . (Oxford, Ms. Auct. F.1.9, Fol. 67v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
12. Jh.	Gerlandus: <i>De Abaco</i> . (British Museum, Add. Ms. 22.414, Fol. 5)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
12. Jh.	Gerlandus: <i>De Abaco</i> . (Bib. Nat. Paris, Ms. lat. 95, Fol. 150)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
Anf. 13. Jh.	CHARTRES. anonym. (Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. Fds Saint-Victor 533, Fol. 22v)	I	𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	
13. Jh.	(Bibl. Nat. Paris, Ms. lat. 7.185, Fol. 36)		𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	

Рис. 9.9. Из таблицы видно, что многие арабские цифры меняли свое написание в течение веков. Двойка иногда писалась как сегодняшняя шестерка, четверку можно было спутать с восьмеркой, пятерку принять за четверку и т. д.

Интересно не столько отсутствие уважения к наименованию новой эры летоисчисления в столь раннее время (еще до ее распространения!), но сам факт позднего использования похожей больше всего на 4, но и весьма сильно на 9 архаичного написания цифры 5.

Вообще-то считается, что уже в начале 15 в. начался переход на привычную нам форму написания 5, а в ходе 15 века и особенно в печатных изданиях, но и в каллиграфии, использовалось это являющееся для нас сегодня стандартным написание (см. книгу французского математика марокканского происхождения Джоржа Ифраха «Универсальная история чисел», изданную по-французски в 1981 г. и в переводе на немецкий впервые в 1986 г. (Campus, Frankfurt/M., 1991), стр. 535 и последующие). Но так ли это было на самом деле? Возникает подозрение, что старинное написание цифры 5 (использование архаичных форм для этой цифры) было значительно дольше в ходу, чем предполагает уважаемый профессор математики. Известно, что мода на старые буквы и

цифры время от времени возрождается ...

Ясно какие разночтения хронологического материала могли быть следствием неправильной интерпретации старого написания цифры 5. Запись года 555 один мог интерпретировать как год 444 (на 111 лет раньше), а другой мог думать, что речь идет о годе 999 с ошибкой в 444 года. Год 5555 от сотворения мира мог быть понят как год 4444, что привело бы к ошибке в 1111 лет. Многие другие ошибки в толковании дат в промежутке от одного года до 1111 лет могут встречаться в работах хронологов и историков. Так, может быть, и сама дата издания «Хроники» Шеделя была именно таким образом неверно интерпретирована и 1593 год был кем-то в свое время принят за неверный 1493-й?!

Изучение таблиц из книги «Универсальная история чисел» показывает, что хронологически неверное толкование цифрового материала было возможно и в случае других цифр. Рассмотренные в двух таблицах 47 рукописей вряд ли дают полный обзор вариаций в написании арабских цифр в Европе в течение шести столетий, но даже на основании этого материала можно сделать следующие интересные выводы:

- Цифра 1 еще в 13 в. могла приниматься за цифру 7, а в 15 веке известно ее написание в форме знака вопроса (возможна интерпретация как цифры 2).
- Цифра 2 долгое время писалась вверх ногами и могла быть принята за цифру 6. Кроме того, известны ее написания, которые можно принять за цифры 1, 3, 7 или 9.
- Цифра 3 иногда писалась, как сегодняшняя цифра 4, а иногда как цифра 5.
- Цифра 4 иногда писалась, как сегодняшняя цифра 5, а иногда в форме, едва отличимой от сегодняшней цифры 9 (как половина цифры 8).
- Цифра 5 как мы видели выше писалась, причем в течение многих веков, как сегодняшняя цифра 4, а иногда как сегодняшняя цифра 9 и изредка как 7.
- Цифра 6 иногда писалась, как сегодняшняя цифра 4, а иногда как повернутая на 180 градусов вокруг вертикальной оси цифра 3, 4 или 9.
- Цифра 7 иногда писалась неотличимо от цифры 1, а иногда похоже на сегодняшнюю цифру 4.
- Цифра 8 иногда писалась, как сегодняшняя цифра 9 или как четверка.
- Цифру 9 иногда можно было спутать с двойкой, а иногда с запятой (т.е. девятка могла вообще исчезать из даты).

Даже цифру 0 можно было спутать с шестеркой или девяткой.

О самих таблицах из рассматриваемой книги, как на стр. 531, где рассматривается написание цифр в европейских рукописях 10–13 в., так и на стр. 535, где анализируются рукописи 12–16 вв., можно заметить следующее. Не исключено, что случаи, когда некая цифра писалась в давние времена очень уж похоже на современное написание другой цифры, не были замечены при соответствующих исследованиях. К тому же не всегда можно по контексту понять, о каком числе и, следовательно, о каких отдельных цифрах идет речь. Наконец, сами проанализированные рукописи скорее всего неверно датировались, так что не исключено гораздо более долгое использование непривычных нам сегодня написаний арабских цифр.

Я без труда могу себе представить автора 17 или даже 18 в., который не знал всей истории динамики написания арабских цифр и путался в интерпретации найденных им в разных текстах цифр.

Daten	QUELLEN	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	TOLEDO. Astronomische Tafeln. (Bayerische Staatsbibliothek München, Ms. Clm 18.927, Fol. 1r und 1v)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>Algorismus</i> . (München, Clm. 13.021, Fol. 27r)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>Algorismus</i> . (Bibl. Nat. Paris, Ms.lat. 15.461, Fol. 1)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>Algorismus</i> . (Bibl. Nat. Paris, Ms.lat. 16.208, Fol. 3)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>idem</i> (Fol. 4)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>idem</i> (Fol. 67)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>idem</i> (Fol. 68)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
12. Jh.	<i>Algorismus</i> . (Nationalbibliothek Wien, Cod. Vin. 275, Fol. 33)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Ende des 12. Jh.	FRANKREICH. Astronomische Tafeln. (Berlin, Cod. lat. Fol. 307, Fol. 6, 9, 10, 28)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
13. Jh.	(British Museum, Ms. Arund. 292, Fol. 107v)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
nach 1264	ENGLAND. <i>Algorismus</i> . (British Museum, Add. 27.589, Fol. 28)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
1256	(Bibl. Nat. Paris, Ms.lat. 16.334)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
zwischen 1260 u. 1270	(British Museum, Royal 12 E IV)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Ende 13. Jh.	(Bibl. Nat. Paris, Ms.lat. 7.359, Fol. 50v)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
13. Jh.	(Bibl. Nat. Paris, Ms.lat. 15.461, Fol. 50v)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
um 1300	(British Museum, Add. 35.179)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Mitte 14. Jh.	(British Museum, Ms. Harl. 2.316, Fol. 2v-11v)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Mitte 14. Jh.	(British Museum, Ms. Harl. 80, Fol. 46r)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
um 1429	(British Museum, Add. 7.096, Fol. 71)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
15. Jh.	ENGLAND. <i>Algorismus</i> . (British Museum, Add. 24.059, Fol. 22r)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
15. Jh.	Italienische Handschrift (British Museum, Add. 8.784, Fol. 50r-51)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
um 1524	<i>Quodlibetarius</i> . (Erlangen, Ms. Nr. 1463)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0

Рис. 9.10. Путаница с цифрами 4 и 5 возможна и для документов более позднего времени, вплоть до эпохи Возрождения. Обе последние таблицы заимствованы из книги французского математика марокканского происхождения Джоржа Ифраха «Универсальная история чисел», изданной на французском в 1981 году и в переводе на немецкий впервые в 1986 году. Даны по изданию 1991 года.

Шестая Эра: от Иисуса до императора Максимилиана

Что касается продолжающейся презентации городов, то Фюссель сообщает свой итог сравнения повторного использования гравюр для многих городов и приходит к выводу, что на почти 600 стр. книги есть только 32 аутентичных городских портрета. В особенности он хвалит изображение Регенсбурга (Ратисбоны), которое по сей день остается самым старым из известных графических отражений этого богатого баварского города. Так как город назван Фюсселем как епископская резиденция, то полное отсутствие крестов на здешних церквях провоцирует вопрос о том, уж не были ли все рассмотренные в книге епископы староверцами, которых сегодня именуют евреями, но которые сами стали себя осознавать таковыми лишь после – более позднего, чем считает ТИ – их преследования за инакомыслие и неподчинение церковной иерархии папского или менее выдержанного лютеранского толка. В описании названы многие отдельные церкви и жившие в городе и похороненные в этих церквях святые. Знаменитый Регенсбургский мост через Дунай, дата закладки которого указана как 1115 г., но о котором ТИ утверждает, что он был построен в 1135–47 гг., считался одним из чудес Средневековья. Он хорошо виден в центре гравюры с видом города.

Родной город Шедела Нюрнберг изображен тоже весьма реалистично. Множество церковных шпилей украшают флюгеры и лишь немногие – кресты. Зато христианский характер города подчеркивается полем виселиц перед крепостной стеной. На башне с одним из ворот города снова (уже во второй раз) изображен двуглавый орел. Элемент реалистичности замечен и в гравюре с изображением Вены, не производящей впечатления очень большого города (в отличие от Регенсбурга и Нюрнберга).

Совсем скромным городом предстает Люттих, который был захвачен герцогом Бургундским Карлом в 1468 г. и разграблен. У него – редкое исключение – нет каменной городской стены. Город обнесен изгородью, плетеной из крупных веток и только внутри города есть замок с более солидными, но тоже деревянными стенами. (лист 253).

Про Константинополь сказано, что его основали (построили) в 1130 г. или около того. Это – интересная информация и материал для раздумий: Ведь ТИ утверждает, что город возник в 330 г., когда Византий был переименован в Константинополь! Другие источники говорят, что он был построен приблизительно в это время (около 330 г.) на месте Византия. Гравюра на листе 249 показывает Константинополь как хорошо укрепленный, но не безумно большой город. Видны минареты и христианские церкви, но одновременно и большие пустыри в самом городе (никакого сравнения с Регенсбургом или Нюрнбергом, плотно застроенными, или с Базелем – чемпионом по количеству церквей с крестами). На башнях видны прибитые или подвешенные щиты крестоносцев и по меньшей мере трижды двуглавый орел над воротами.

Сразу за презентацией трех городов приведены истории Христа и апостолов. Последние явно отнесены к сонму великомучеников. Апостолу

- Якобу отрубает голову, про что представлены аж две иллюстрации
- Паулу отрубает голову
- Бартоломею без наркоза отрезают руки и ноги
- Матиасу тоже отрубает голову
- Апостола Петра распинают на кресте, да еще и головой вниз
- Филиппа распинают на Т-образном ставросе и забрасывают булыжниками, бывших до пролетариата на вооружении у религиозных фанатиков

- Андрея распинают
- Томаса избивают и убивают
- Матвея пронзают мечами
- Иуду колотят до смерти дубинками по голове
- Симона бьют и дубинками и мечом
- Иоханна сварили живьем в кипящем масле

Только евангелисты Марк, Иоанн и Лука изображены в мирных сценах. Зато Марию Магдалену, до пят поросшую волосами, четыре ангела возносят на небо.

В этом разделе книги часто встречаются сообщения о природных катастрофах, в том числе и космического происхождения. Так, в 1490 г. на Константинополь с неба упал огненный луч, вызвавший большие опустошения в городе и невиданной силы непогоду (лист 257). А через два года в Германии упал каменный метеорит весом в полцентнера и еще один камень поменьше (там же). В 1472 году появилась большая комета, хвост которой касался горизонта и которая вызвала на Земле эпидемии заразных заболеваний. (лист 254). В 1456 г. случилось сильное землетрясение, от которого пострадали многие города в окрестности Неаполя (лист 250)

Шестому возрасту человечества посвящена большая половина книги (листы 95–258) и подробное рассмотрение этой части книги заняло бы слишком много места. Поэтому сосредоточусь на хронологической стороне изложения. Шестой эре Шедель действительно попытался придать характер хроники. С этой целью он еще до полного конца историй ужасов про расправы со всеми апостолами начал снабжать изложение хронологическими заголовками, имеющими форму

Год от сотворения мира 5284 (он же – Е.Г.) год Христа 74

Такие заголовки Шедель пытается вставлять через каждые 10 лет, но не выдерживает полностью этого порядка. К тому же в пару цифр заголовка иногда вкрадываются описки (опечатки). На соответствующий раздел длиной в 10 или в кратное десяти число лет автор отводит порой лишь несколько строк, порой много листов. Считать такое изложение материала хронологическим можно лишь с большой натяжкой: важные события происходили в прошлом через нерегулярное число лет и сдвоенные пятилетки Шеделя выглядят притянутыми за уши.

К тому же внутри раздела, посвященного десятилетию, не только обычно не приводятся никакие или почти никакие даты, но и излагается материал, не имеющий хронологической привязки именно к этому десятку лет. Например, некоторые содержат квази биографии деятелей культуры. Лучше всего соотношение удастся в случае римских пап, которые редко сидели на престоле более 10 лет. Последний такой заголовок относится к 1484 г. Впрочем со временем Шедель отказывается от строгого скачка через 10 лет и приводит перед ним заголовки для 1471 г., 1464, 1458, через много листов 1460, через полстраницы 1455 и т.п.

Если описанная выше системы нумерации годов с буквами для слов m – «тысяча» и с – «сотня» над строкой и применяется выдержанно в хронологических заголовках рассмотренных разделов для временных отрезков прошлого, то для дат внутри текста этих разделов Шедель переходит в последней большой эре к почти классической римской нумерации, только еще без изображения четверки двумя буквами: Вместо этого пишутся четыре одинаковые буквы i: iiii.

Что показывает анализ «Хроники» Шеделя

Он демонстрирует, что в начальной стадии зарождения интереса к прошлому слово «Хроника» или его множественное число «Хроники» никак не были связаны с документированием событий их современником и с ведением аккуратных записей о событиях каждого дня или каждого года. Эти слова были скорее синонимами наших сегодняшних слов «энциклопедия» или «словарь». Кстати немецкое *Lexikon* (дословно «словарь») сегодня часто переводится как «энциклопедия» и используется для обозначения энциклопедий.

В «Хронике» Шеделя представлен почти весь спектр современных ему знаний: от мифологии и легендарных знаний, до географии и естественных наук (например, о метеоритах и вызываемых ими разрушениях, природных катастрофах и т.п.). Однако эта энциклопедия уже демонстрирует развитый интерес к прошлому, даже к такому, о котором нет пока никаких исторических знаний (их будут придумывать в последующие столетия). И, далее, эта старинная энциклопедия документирует возникновение существующей и по сей день традиции направленности вектора изложения событий от древности к таковым современным рассказчику времен, т.е. от более ранних к более поздним событиям. На практике это часто значит: от совсем недостоверных «событий» к таковым, чуть более достоверным.

В то же время она демонстрирует, что никакого четкого разграничения между самыми разными историями (мифическими, литературными, например, из произведений Гомера, легендарными, страшно-естественнонаучными и т.п.) с одной стороны и историей как моделью прошлого с другой еще не существовало. И еще одна особенность историцизма Шеделя: интерес к генеалогическим деревьям и схемам, а также к спискам (например, правителей или римских пап), которые Шедель и его предшественники составляли с занудством, достойным лучшего применения. Построение исторических изложений вокруг или на основании таких списков будет оставаться доминирующей традицией историков вплоть до 20-го века.

Далее «Хроника» демонстрирует, какое доминирующее положение в эпоху возникновения европейской исторической идеи играла история одного конкретного города. Начиная со второй эры книги Шеделя, которой соотнесено описание небесного Иерусалима, в «Хронике» приводятся истории возникновения и развития многочисленных городов, в основном европейских или расположенных вблизи Средиземного моря, т.е. так называемого Старого Света. Используемые при этом иллюстрации при всем их в основном условном характере отражают весьма высокий уровень развития гражданской и оборонительной архитектуры (многоэтажные здания солидной постройки, сложные крепостные системы и замки, мосты и каналы), техники и в особенности военной техники, живописи и в частности гравюры, так что становится просто абсурдным отнесение этой книги к 15 веку.

Другой аргумент в пользу датировки «Хроники» существенно более поздним временем: сам ее вид. Я имею в виду высокое качество типографской работы, которое реально означает наличие очень долгой традиции типографского искусства. Как и Библия Гуттенберга, издать которую – ввиду ее художественного и технологического совершенства – было абсолютно невозможно в самом начале печати при помощи литерного набора, «Хроника» Шеделя не могла быть произведена до конца 16 в.

Как уже отмечалось выше, сомнения в правильности датирования книги Шеделя и в том, что нам известен действительно ее первоначальный – никак не измененный в последующие века – вид приводят к трудностям при интерпретации ее роли в становлении хронологии. Хронологически в

книге преобладает относительные датировки (в год xl такого-то судьи, в год xij пророка Самуила, Гомер жил одновременно с царем Саулом), хотя и встречаются датировки от сотворения мира и до рождения Христа. Последние появляются слишком рано для 1493 г. и указывают на то, что по крайней мере переизданная в качестве репринта версия относится, скорее всего, к 17 в.

Тем не менее, ни для одной из приведенных в книге хронологических дат никакого обоснования (если не считать таковым ссылку на другого автора) в книге нет. Похоже, что хронология зарождалась как область прикидок на глаз и оценок, взятых с потолка, и так и не избавилась от этой детской болезни по сей день.

В датировке римских пап Шедель уже весьма близок к ТИ, хотя разночтения и носят постоянный характер. При относительной близости к официальному году издания «Хроники» такое разночтение удивительно.

Присутствуют ссылки на Цицерона и Платона, Вергилия и Ливия, Тацита, на Библию 70 толковников, на Евсевия, Иосифа Флавия и многих других, что свидетельствует о написании книги после длительного существования книгопечати, которая одна только и могла позволить людям в мало по меркам Ренессанса научно развитой части мира, каковой по традиционной версии истории была Германия 15-го века, составить ту энциклопедию разносторонних знаний и суеверий, каковой является «Хроника» Шеделя.

Повторное использование одной и той же иллюстрации для самых разных городов или одного и того же портрета для многих конкретных лиц наводит на мысль о том, что сознанию человека эпохи Ренессанса, очевидно, не была нужна современная точность. Достаточно было чего-то интересного. Коммерческий успех имело читиво, а не научная продукция (которая и по сей день остается нерентабельной). Так не определял ли этот дух времени и отношение к прошлому в рассматриваемую историческую эпоху? Не привело ли именно такое отношение – в приложении к моделированию прошлого – к многократному использованию одних и тех же исторических данных или исторических выдумок для разных стран и веков.

Литература

[**Библия**] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Жизнь с богом, Брюссель, 1973.

[**Брейденбакс**] Breydenbachs, Bernhard von: Peregrination in terraqm sanctam, Mainz, 1486.

[**Вайнштейн**] ВАЙНШТЕЙН, О.Л.: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ, «Н А У К А », МОСКВА – ЛЕНИНГРАД, 1964.

[**Ифрах**] Ifrah, Georges: Histoire Universelle des Chiffres, Seghers, Paris, 1981. Цитируется по переводу на немецкий: Universalgeschichte der Zahlen, Campus, Frankfurt/M., 1991.

[**Лосев**] Лосев, А.Ф.: Эстетика Возрождения, Москва, Мысль, 1978.

[**История книги**] История книги. Учебник для ВУЗОВ, Московский государственный университет печати, Центр дистанционного образования МГУП, <http://www.hi-edu.ru/x-books-free/xbook087/01/index.html>. См. также История книги: Учебник для вузов / Под ред. Говорова А.А., Куприяновой Т.Г., Светотон, Москва, 2001

[**Ройвих**] см. [Брейденбакс]

[**Самаркин**] Самаркин, В.В.: Историческая география Западной Европы в средние века, Высшая школа, Москва, 1976.

[**Фуссель**] Füßel, Stephan: Hartmann Schedel. Weltchronik. Kolorierte Gesamtausgabe von 1493. Einleitung und Kommentar. Taschen, Köln, 2003.

[**Шедель**] Schedel, La Chronique Universelle. 1493. L'édition de Nurenberg, coloriée et commentée. Taschen, Köln, 2003.

Глава 10. Гениальный основоположник современной хронологии Жозеф Жюст Скалигер

Если бы хронологии не было, ее следовало бы придумать.

Маркс, Карл: История – героин для народа.

Полное собрание сочинений, том. 128, стр. 27.

Историки любят рассказывать о якобы спорадических случаях использования дат от Рождества Христова в 6-м (якобы Дионисий Малый), в начале 7-го в. (якобы в папских документах), в 965–972 гг. (якобы во время папы Иоанна 13-го). Однако само существование пап и католической религии в эти отдаленные времена подвергается исторической аналитикой сомнению.

Даже утверждение историков о том, что, мол, начиная с 1431 г. при папе Евгении 4-м в папской канцелярии начинается регулярное использование «христианского» летоисчисления представляется мало вероятным. Скорее всего соответствующие документы были написаны или датированы задним числом, когда новая система летоисчисления начала действительно распространяться.

Не исключено, что ее действительное появление на свет было связано с грегорианской реформой календаря и что после оной, якобы имевшей место в 1582 г., потребовалось довольно много времени (десятки лет) для того, чтобы добиться ее использования хотя бы только католиками. Некоторые западные авторы, например, Пфистер, сомневаются даже в верности датировки грегорианской реформы календаря и в том, что наши представления о ней не были выдуманы в более позднее время.

Если бы католики пользовались датами н.э. начиная с 1431 г., то они бы довольно скоро обнаружили, что не все даты истории соответствуют событиям, имевшим место после рождения Христа. Таковы практически все события, описанные в Ветхом Завете – священной книге католиков. Но историки убеждены, что годы до рождения Христа начали использоваться лишь в 1627 г.. Следовательно, или католики не были еще знакомы с Ветхим Заветом ни в 15, ни в 16, ни даже в первой четверти 17 в. (что вполне возможно, как считают некоторые авторы немецкой исторической аналитики), или система летоисчисления от Рождества Христова до 1627 г. практически еще не использовалась.

Второму выводу якобы противоречит наличие таковых дат в знаменитой «Мировой хронике» Гартманна Шедела 1493 г. Но сомнения в правильности датировки времени действительного издания этой «Хроники» я сформулировал в предыдущей главе.

Родоначальник хронологии дивинатор Скалигер.

У истоков современной хронологии стоял не некий малоизвестный современникам схоласт, а ведущий ученый конца XVI – начала XVII вв. Жозеф (Йозеф) Жюст (Юстус) Скалигер (якобы 1540–1609), последний великий представитель эпохи возрождения, как его называли после смерти. Скалигер был сыном другого знаменитого «гуманиста» итальянского врача, филолога и критика Жюля (Кая Юлия) Цезаря делла Скала (якобы 1484–1558). В течение ста лет сначала отец, а потом его сын владели умами современников в Западной Европе.

Итальянская приставка делла равносильна немецкому фон и должна указывать на дворянское происхождение Скалигеров: род Скала относится к известнейшим дворянским семьям Италии. Этот род был в свое время правящим в Вероне и на памятнике Скалигеру, установленном в Питерскерке, на месте его перезахоронения в 1819 г., имеется надпись, называющего его потомком правителей Вероны. На самом деле никакого отношения к роду Скала Скалигеры не имели, а происходили из бедных то ли дворян, то ли нет Бурденов (по другим сведениям Бордони). В письме 1597 г. Скалигер писал, жалуясь, своему другу Казобону, что многие сомневаются в его благородном происхождении.

Вольность в обращении с истинной относительно собственного происхождения была первой, но не последней неточностью в истории этого семейства ученых. Правда, Скалигер-юниор утверждал позже, что байку о происхождении от князей Вероны сочинил его отец и что он поверил в их аристократизм и старался вести себя в соответствии с этим своим представлением. Выливалось это в основном в высокомерие и заносчивость, но и в петушиньи наскоки на оппонентов. Впрочем и эта, и последующие их выдумки были вполне в духе того времени: гуманизм ренессанса в первую очередь признавал крайне гуманное отношение любому переименованию себе на пользу. Скалигер утверждал в автобиографии, что ни он, ни его отец никогда не повторяли чужих мыслей. Грэфтон приводит многочисленные примеры более чем свободного обращения с чужими текстами.

Жюль Цезарь (Скалигер-сениор) «обладал обширными знаниями по классической древности» [Аноним] и жил сначала в Венеции или Падуе, а потом перебрался во Францию, где и провел вторую половину своей сознательной жизни. Именно во Франции и родился у перевалившего за 50 Кая Юлия Цезаря сын Жозеф Жюст. Отец сделал много для того, чтобы передать сыну свое знание классических и восточных языков и Ж. Скалигер, учившийся в университетах Парижа и Бордо, владел ими достаточно свободно.

В возрасте 22 лет Жюль-Жозеф примкнул к реформаторской церкви, участвовал в двух войнах на стороне гугенотов, бежал в Женеву после Варфоломеевской ночи (где он и прожил до 1574 г., имея два последних года профессорскую работу) и провел остаток своей жизни в лютеранском Лейдене, где в 1593 г. получил, наконец, в весьма солидном для того времени возрасте (сегодня в Германии

Рис. 10.1. Обычно известнейшего ученого-филолога конца XVI века Иозефа Юстуса Скалигера изображают глубоким старцем в самые последние годы его жизни. На приведенном здесь старинном портрете основатель современной хронологии Скалигер показан в самом начале его профессорской деятельности в Лейдене.

новых профессоров призывают, как правило, только до 53 лет) профессорскую кафедру. Зато какую! Это была кафедра знаменитого Липсиуса. В промежутке он жил в разных странах, в том числе и во Франции, активно участвуя в теологических спорах между католиками и лютеранами. Отличался ученым высокомерием и страстью к диспутам. «Врагов реформаторской церкви он устрасал и побеждал необычайною многосторонностью и глубиною знаний» сообщает русский автор конца 19 в. [Мищенко].

На этом восхищение Мищенко перед личностью великого ученого и гуманиста не заканчивается:

«Его биография как гениального ученого и неустанного борца за свободу совести и исследования, переплетена с событиями религиозных войн, с успехами точных наук и с волновавшими тогда весь христианский мир вопросами теологии и летоисчисления. ...В лице С. европейская наука вышла из подчиненного положения к науке древних греков. Ученость С. оставляла далеко за собой знания и методы александрийских ученых.»

Становится ясно, как повезло науке хронологии, что у ее истоков стоял такой великий и разносторонний человек. Именно он разработал ее как научную – по представлениям того времени, вестимо – дисциплину и внес в нее отсутствовавшую до него систематику. Впрочем, не следует забывать, что и великие люди, особенно обладающие ученым высокомерием, иногда мухлюют или по крайней мере заблуждаются, не говоря уже о том, что все мы порой ошибаемся...

«Он был творцом научной хронологии, рассеял мрак предубеждений и схоластических хитросплетений в исторической науке и доказал превосходство изысканий точных и свободных от предрассудков. Влияние С. простиралось далеко за пределы Франции и Голландии; ученый авторитет его был признан повсюду. [...] Его дарования, его изумительные сведения в языках, истории и древностях многих народов, восточных и западных, а также в математике, астрономии и теологии явились во всем блеске в его «Исправлении хронологии» («De emendatione temporum», 1593; лучшее издание женеvское 1609), дополнения и поправки к которому даны были в «Сокровищнице времен» (Thesaurus temporum, Лейден, 1606, 2 изд. Амстердам, 1629) [...] До С. почти исключительно господствовали средневековые способы летоисчисления по календарю святых и по церковному календарю, крайне недостаточные и сбивчивые; почти вся хронология имела узко служебное значение определять дни Пасхи, Троицы, масленицы и т.д.; времясчисление распространялось на немногие, сравнительно, события прошлого.» [Аноним]

Я привел столь подробную цитату, чтобы показать, как высоко ценилась роль Скалигера-юниора в создании современной хронологии еще в начале 20-го века и как тогда виделось состояние этой науки до него. Но и детали о состоянии хронологии до Скалигера крайне любопытны.

«В основу хронологии С. положил хронологические сочинения Евсевия, его предшественника Юлия Африканского и его продолжателей Иеронима и Идация; все эти труды примыкали к астрономическим и хронологическим изысканиям александрийских ученых. За текстами древних хронографов, восстановление коих было чудом дивинаторской критики, следуют у С. «Примечания к хронике Евсевия»: здесь даются все средства для научного выяснения взаимных отношений между древними народами, а библейская история освящается при помощи многочисленных источников. За «Примечаниями» следует систематическое изложение начал хронологии. С таблицами вычислений, оправдательными документами и т.п. **Силой воображения** (выделено мной – Е.Г.) и точных знаний С. построил в сокровищнице времен мировую историю, расчленил ее материал по народам, синхронистически сопоставил события по периодам от начала ассирийского царства до половины XV в. нашей эры.» [Мищенко].

За этими панегириками скрыта – быть может, бессознательная – критика, которая в полной мере понятна лишь современным хронологическим скептикам. Вышедшее из широкого употребления прилагательное «дивинаторский» (силой воображения, путем предвидения будущих событий, путем догадки, божественная) говорит само за себя. Используя его в странном сочетании с существительным «критика», Мищенко на самом деле открыто говорит о том, что хронология составлялась Скалигером на основании предположений, догадок, искусственных построений, а не на основе четкой исторической информации. Подробнее о чудесных догадках и богатом воображении Скалигера мы поговорим ниже.

Скалигер и другие о Скалигере

Впрочем, на создании хронологии и восстановлении исторических источников силой воображения не заканчивается список заслуг Скалигера перед историей: В 1606 г. он издал сочинение «О монетном деле», в котором «оценил важность монет для исторической науки» [1]. Важно отметить следующий удивительный факт: несмотря на не оспариваемую никем – но крепко подзабытую современными нам историками – роль основоположника хронологии мировой истории, труды этого основоположника – причем именно самые главные его труды – ни на один современный язык не переводились.

Единственное исключение – это его автобиография и отдельные письма, причем большая часть автобиографии была переведена на французский в 1873 г. Письма Скалигера были опубликованы на следующий год после его смерти. Особенно полное их издание вышло в свет в 1627 г. и было переиздано годом позже. В последующие два века в разных изданиях публиковались письма, не вошедшие в эту коллекцию.

Конечно, люди, интересующиеся истоками хронологии должны знать языки. В том числе и мертвый ныне язык латынь, на котором в основном писал Скалигер. Но ведь и «римских» классиков лучше читать в «подлиннике». Однако практически все ведущие авторы «древнего» Рима и даже эпохи средневековья, писавшие на латыни, переведены на ведущие языки мира: пусть образованный человек читает их, даже если он не знает латыни.

А вот Скалигера пусть он лучше не читает! Интересно, почему? Может быть, при чтении его работ по хронологии у читателя возникнет слишком много «неправильных» представлений о началах этой науки, может быть он начнет сомневаться в обоснованности рассуждений и результатов великого хронографа? Или заметит с удивлением, что в большинстве случаев вообще никаких рассуждений и никакого критического анализа исторических дат у Скалигера нет, а присутствуют только ссылки на дивинаторски подправленных им «древних» авторов, т.е. на авторитеты.

Интересно, что в книге «История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения», написанной под редакцией Л.М.Брагиной и рекомендованной соответствующим российским министерством в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным специальностям имя Скалигера вообще не упоминается. И хотя в главе «Культура Франции в конце 15 – начале 17 в. есть раздел «Рождение истории», о рождении хронологии – ах, да, к этому времени Скалигер уже перебрался в Лейден – в ней ни слова. Нет упоминания о нем и в соответствующей главе о гуманизме в Нидерландах, ни в разделе о Юсте Липсии, ни в разделах «Наука» и «Литература».

В случае гениального ученого, основателя нескольких новых научных дисциплин и самого блистательного гуманиста своей эпохи такое умолчание более чем выразительно. Впрочем, при сравнении этой книги с книгой Вайнштейна я обратил внимание на то, что практически все указания на разоблачения исторических подделок и фальшивок, которыми пестрит вторая книга, у Брагиной найти невозможно. Данная тема активно замалчивается. Редким исключением из этого правила является краткая заметка о хронике польского автора М. Стрыйковского (1582 г.), в которой сказано, что в случае исторического незнания в ход пускалась буйная фантазия (не вижу основания относить это замечание только к Стрыйковскому: не было ли это характерной чертой всей исторической работы эпохи гуманизма?). Не является ли данная вопиющая формула умолчания о Скалигере

Рис. 10.11. Картина Ханса Мемлинга (якобы около 1470 года). На картине, которая хранится в Турине, в художественном музее, изображены страдания Христа на фоне позднесредневекового европейского городского пейзажа. Если произведение живописи может рассматриваться как исторический документ (а почему он должен быть менее ценным свидетельством, чем обладающий меньшими изобразительными возможностями текстовой документ, тоже часто написанный не современниками описанного события?!), то мы имеем бесчисленное множество свидетельств о том, что библейские события происходили в недавнем – с точки зрения гуманистов – прошлом.

своеобразной – и беспомощной – идеологической реакцией на возникновение новой хронологии в России?

Авторов, писавших на латыни, переводят, конечно, и на русский. Вот совсем недавно перевели и опубликовали «Жизнь Карла Великого» его якобы современника Эйнхарда (Айнхарда; а что, Карла уже при жизни именовали Великим?) и вообще под общим названием «Историки эпохи Каролингов» несколько весьма сомнительных исторических работ (Москва, 1999). Сомнительны они и в том смысле, что описываемая в них эпоха, скорее всего, никогда не существовала (выдуманная эпоха Каролингов), так же как и «историки», которым приписаны переведенные хроники. А что же с работами Скалигера? Ведь он, по крайней мере, реально существовал когда-то! Недавно перевели на русский «Метод легкого познания истории» (Москва, Наука, 2000) Жана Бодена (якобы 1539–1596), вклад которого в создание хронологии явно меньше, чем Скалигера. Посмотрим, переведут ли в ближайшие годы хотя бы два основных хронологических труда Скалигера.

Биография Скалигера была в какой-то мере известна как его современникам, так и последующим поколениям. Он оставил краткую, но вполне информативную автобиографию (см. [Скалигер3]), не охватывающую, правда, последних 15 лет его жизни. Кроме того, известно его завещание и две речи, прочитанные его учениками и коллегами по поводу его похорон. Правда, все эти тексты существовали сотни лет только на латыни и впервые их английские переводы были опубликованы в 1927 г. в [Робинсон].

В предисловии к этой книге составителя и переводчика Джорджа Робинсона Скалигер характеризуется как величайший ученый всех времен и ставится вопрос о том, должен ли он делить пальму первенства с Аристотелем или нет. В любом случае, считает Робинсон, никто из ученых нового времени (смысл этого понятия не уточняется, но речь, кажется, идет о последних 5–6 веках) не может с ним конкурировать. Феникс Европы, светоч мира, безбрежный океан науки, бездонная глубина эрудиции, неутомимый диктовальщик писем, величайший труд и чудо природы, победитель времени – вот некоторые из эпитетов и характеристик, которыми награждали Скалигера при жизни и после смерти.

Пытаясь объяснить, почему, тем не менее, никто всерьез не брался – до выхода в свет его книги с автобиографией Скалигера – написать подробную биографию великого ученого, Робинсон выдвигает тезис о том, что такая задача по плечу только второму Скалигеру. Марк Паттисон попытался реализовать этот грандиозный замысел, написал подробный английский отклик на книгу [Бернайс], но умер, не доведя начатого дела до конца. В полном объеме, считает Робинсон, замысел сей вряд ли осуществим и посему следует быть счастливым, что, по крайней мере, относительно краткая книга [Бернайс] в какой-то мере дает представление о жизни и творчестве Скалигера. Кроме того, Робинсон называет несколько статей про Скалигера, опубликованных в энциклопедиях и специализированных сборниках.

Так как Скалигер скромно написал свою автобиографию за 15 лет до своей смерти (мудро решив, что после оной он вряд ли сможет справиться с этой почетной задачей), и опубликовал ее в 1594 г. как раз в том году, когда он приступил к руководству кафедрой в Лейдене. Перед Робинсоном стояла нелегкая задача выбрать из бесчисленного количества писем Скалигера небольшое число таких, которые лучше всего характеризуют последний период его жизни.

Книг посвященных Скалигеру немного. Это тем более удивительно, если мы имеем дело с личностью, оставивший в истории след, вполне сравнимый с таковым Мартина Лютера или Эразма Роттердамского. В конце концов, созданная усилиями последних религия (евангелизм, протестантизм, лютеранство) овладела умами всего лишь нескольких сот миллионов человек. А традиционная хронология, чисто религиозный характер которой делает сравнение Скалигера именно с основателями одной из христианских религий вполне оправданным, сегодня является обязательной для всех шести миллиардов жителей нашей планеты.

Наполовину по-латыни написана и первая книга о Скалигере, его биография [Бернайс], вторая половина которой представляет собой набор цитат из его произведений и писем с краткими немецкими пояснениями. Судя по ее введению, имеющему форму письма к учителю, профессору из Бонна, книга эта была составлена на основе довольно ограниченного биографического материала. Рукописное наследство Скалигера было разбросано по многим библиотекам, хотя многие его письма и были опубликованы. Но, главное, по мнению автора Бернайса, наличный материал был непонятным образом недооценен (т.е. никто не писал о Скалигере книг на основе этого материала).

Это названному автору тем более непонятно, что он крайне высоко оценивает личность Скалигера. Правда, он видит его в роли великого писателя, а не историка (в середине 19-го века история еще рассматривалась – и вполне заслуженно – как часть литературы, как ее специфический жанр и лишь в 20-м веке историки попытались отвоевать себе ранг представителей некой «исторической науки») и пишет о нем следующее: «Никто не заслужил более достойного внимания со стороны современной немецкой филологии

Литература о Скалигере по-русски столь бедна, что я не смог отказать себе в удовольствии процитировать без сокращений посвященные Скалигеру страницы из книги [Вайнштейн]. Его оценка полностью

Рис. 10.2. Духовным отцом Реформации во Франции был Жан Кальвин (1509-1564), который превратил франкоязычную швейцарскую Женеву в духовный центр Реформации (а была ли Реформация реформацией? Не была ли она процессом становления одной из форм христианства там, где идеи католицизма никогда не были приняты?). Сторонников обосновавшегося в Швейцарии Кальвина обозначали словом «швейцарец» (Eidgenosse). Потом из

укладывается в абсолютно позитивное – но не афишируемое в новейшее время – видение деятельности Скалигера в рамках ТИ и находится в этом плане в соответствии с книгой Бернайса, хотя о самой этой книге Вайнштейн написал в сноске к приводимой в рамке информации о Скалигере следующее:

этого немецкого слова французы
сделали новое слово «гугенот».

«в этой превосходной книге, однако, чрезмерно принижаются достижения итальянских гуманистов, Л. Валла неверно рассматривается как «одиночка», не имевший последователей, а заслуги соперника Скалигера и его предшественника на кафедре Лейденского университета Юста Липсия (Justus Lipsius, 1547–1606) значительно умалены.»

Впрочем, ничего конкретного об этих заслугах Вайнштейн не сообщает. Очевидно, они все-таки лежали не в области историографии, а филологии, философии и политической мысли, хотя этот наиболее известный из голландских гуманистов после Эразма ученый (якобы 1547–1606) и был профессором истории в Йене (Германия), Лувене (сегодня Бельгия, в то время – духовный центр Нидерландов благодаря основанному 1425 г. католическому университету), Лейдене (Голландия, протестантский университет, основанный Вильгельмом Оранским в 1575 г.) и в конце жизни снова в Лувене. Не удивительно поэтому, что Липсию, сторонившемуся межконфессиональных споров, неоднократно приходилось менять вероисповедование. Его главной духовной силой было блестящее знание «древней» литературы и латинской стилистики. Подражавшие его стилю современники гордо именовали себя липсианцами. Его издания латинских авторов, от Тацита до Сенеки, считаются эпохальными. В политической философии его называют обоснователем идеи абсолютизма. Не удивительно поэтому, что Скалигера, занявшего кафедру Липсиуса в Дейдене после возвращения последнего в более тогда знаменитый университет в Лувене, рассматривали как соперника знаменитого нидерландца. Лично они ни разу не встретились, хотя Лейден и Лувен расположены довольно близко друг от друга, но в течение 30 лет до самой смерти Липсия состояли в переписке.

Критика и прославление Скалигера в книге Иделера.

Речь идет о книге [Иделер], бывшей в 19 в. наиболее солидным произведением на тему об обосновании хронологии. В ее втором томе автор отмечает целый ряд сделанных Скалигером ошибок, неверных интерпретаций или допущений. А затем пишет на стр. 603 следующее:

«Я использую это обстоятельство (речь идет о том, что Скалигер не заметил отсутствия в некотором тексте знаков препинания и использует текст в его неверной форме, да еще и интерпретирует его трижды в разных своих книгах или главах тремя разными способами, относя их то к одной, то к другой, то к третьей битве с разными полководцами – Е.Г.), чтобы кратко отметить хронологические работы обоих героев этого предмета, Скалигера и Петавия. Йозеф Скалигер написал в конце шестнадцатого столетия свой научный труд «Opus de emendatione temporum», лучшим изданием которого является женеvское 1629 г. Кроме того, он обработал фрагменты хроники Евсевия, озаглавленные «Thesaurus temporum», и сопроводил их подробными хронологическими исследованиями, которые он назвал «Isagogici chronologiae canones» (второе издание: фолиант, Амстердам, 1658). В обоих произведениях он зафиксировал сокровище хронологической учености, прояснил многие вопросы счета времени, и вообще показал впервые, как следует обращаться с данным предметом. При всей своей учености и остроте ума, он виноват во многих существенных ошибках, которые следует приписать его живой, склонной к гипотезам фантазии и ограниченности его астрономических знаний.»

Далее Иделер объясняет, что многие ошибки Скалигера были исправлены его последователем и критиком Дионизиусом Петавиусом (он же Дени Пето или Денис Петавиус – см. ниже), который не уступал Скалигеру ни в остроте ума, ни в учености, но в отличие от своего предшественника был способен к критическому самоанализу, поиску ошибок и к тому же обладал куда как более солидными астрономическими знаниями. Впрочем в последнем я вижу не столько личную заслугу Петавия, а результат бурного развития астрономии в начале 17 в. и постепенный отход от астрологии, которая в эпоху Скалигера еще считалась ведущей естественнонаучной дисциплиной.

Читая Иделера, не следует забывать, что он работал стопроцентно в рамках традиционной хронологии и нигде не ставит вопроса о принципиальной неправильности всей хронологической системы. Ни о какой критике хронологии как искусственной и фантастической системе, растягивающей модель прошлого, в десятков раз, у него нет и речи, только о критике ошибок в рамках традиционной хронологии. Имея в виду последние, он уже в предисловии к двухтомнику пишет :

«При ближайшем знакомстве с этим жанром литературы (речь идет о старинных текстах, описывающих астрономические наблюдения древних звездочетов – Е.Г.) я убедился в том, что несмотря на отдельные заслуженные произведения, все еще отсутствует подробное изложение, из которого исследователь истории, филолог ли, астроном ли, короче говоря, любой образованный человек мог бы почерпнуть ясный обзор о счислении времени более древними и более новыми народами, не будучи при этом обязанным с трудом сравнивать друг с другом произведения Скалигера, Петавиуса и других героев данного предмета или даже исследовать самому источники.»

Обе приведенные цитаты Иделера ясно демонстрируют, что для этого классика хронологии в 19 в. являлся вполне самоочевидным тот факт, что Скалигер, несмотря на его многочисленные ошибки, стоял у истоков современной хронологии всемирной истории. Об этом же говорит прямо и Э. Бикерман на стр. 80 книги [6], называя Скалигера и Петавия основоположниками современной

хронологии. Описывая их метод работы, он говорит о совершенных ими перекрестных проверках синхронных сведений, а также об использовании ими астрономических данных. На стр. 82 он подчеркивает это еще раз «Й. Скалигер, основоположник современной хронологии как науки, попытался восстановить весь труд Евсевия.»

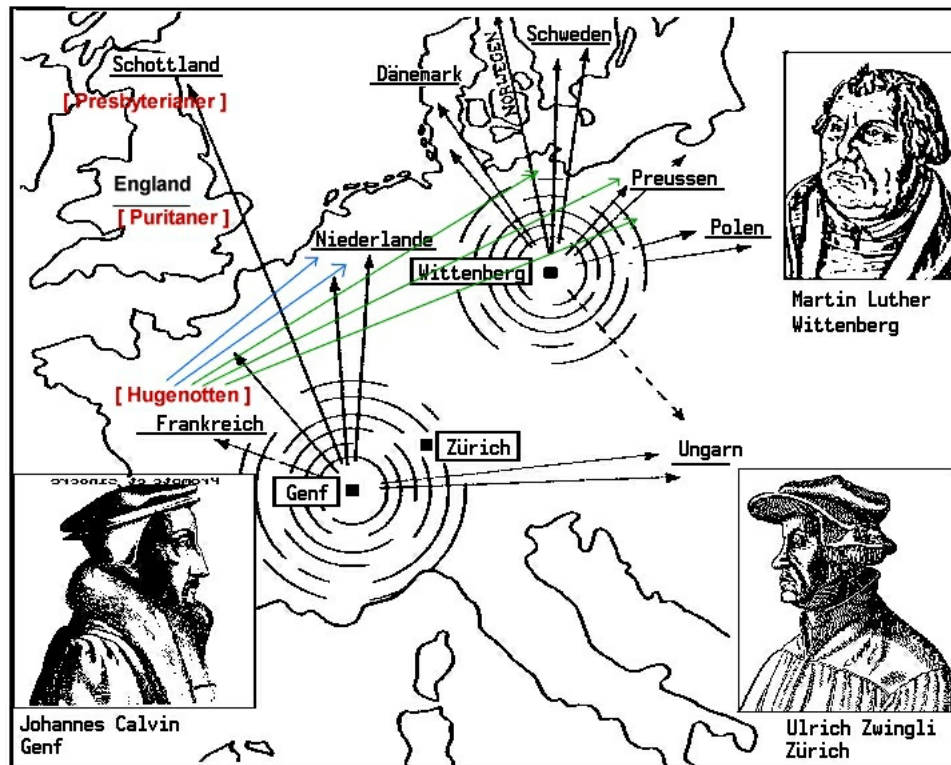

Рис. 10.3. Два главных центра Реформации: Германия с ее вождями Лютером и Меланхтоном и Швейцария с идеологами Реформации Цвингли в Цюрихе и Кальвином в Женеве. Возникшее незадолго до 1500 года в Южной Франции, Северной Италии и Северной Испании католичество попыталось в XVI веке распространить свое влияние на остальные европейские страны и спровоцировало тем самым духовное сопротивление, которое тоже обрело со временем характер христианской религии, только отличной от католической.

О «ценности» этого творческого подхода Скалигера и всего Канона Евсевия Бикерман пишет на стр. 82 «Датировки Евсевия, которые часто в рукописях передавались неверно, в настоящее время мало нам полезны, исключая отдельные случаи, для которых отсутствует более надежная информация.» И добавляет следующую уничижительную оценку современного состояния хронологии:

«Как бы то ни было, современный «Евсевий», в котором со знанием дела были бы подведены итоги современных достижений прикладной хронологии, еще не создан. Нужно отдавать себе отчет в том, что невозможно составить удобные для пользования (и, главное, верные – Е.Г.) хронологические таблицы иначе, как на основе таблиц, списков и прочих перечней, созданных самими древними учеными, а они, в свою очередь, могли ошибаться из-за отсутствия нормализованного исчисления времени».

О возможности этих ошибок я уже говорил в двух предыдущих главах. На стр. 83 Бикерман пишет:

«Отсутствие достоверности в хронологических указаниях позволило сасанидской традиции

сократить временной промежуток от Александра Македонского до Сасанидов с 557 до 226 лет. Иудеи тоже отводят на персидский период своей истории всего 52 года, хотя Кира II от Александра Македонского отделяют 206 лет.»

Наконец, напомним заключительное предостережение Э. Бикермана:

«Попросту говоря, каждый, кто пытается переводить древние датировки в даты нашего летосчисления, должен помнить юридическое правило: пусть остерегается покупающий.» (стр. 86).

Впрочем и в напечатанной в серии *Studia Historica* книге «История и время», посвященной европейскому понятию времени и роли истории в системе гуманитарных знаний, авторы Савельева и Полетаев признают, что Скалигер стоял у истоков современной хронологии. На стр. 180 они пишут:

"Создателями современной хронологии являются французские ученые Йозеф (Жозеф) Скалигер (1540–1609), Дионисий Петавий (Петавиус) (1583–1652) и Ж. Кассини (1677–1756), а общая теория и история хронологии была разработана в начале XIX в. немецким ученым Х. Иделером (1825–1826). Из многочисленных последующих работ в этой области следует выделить прежде всего фундаментальное исследование другого немецкого ученого — Ф. Гинцеля, опубликованное в начале нашего столетия (1906–1914). (...)

Впрочем, обсуждение проблем, связанных с датировкой исторических событий, выходит за рамки нашей работы и является предметом многочисленных специальных исследований. Свою же задачу мы видим прежде всего в анализе наиболее известных хронологических систем, выступающих в качестве основы исторического времени, и выделении некоторых общих принципов их построения."

Историю хронологии Иделер скорее писал, чем разрабатывал: к его времени накопилось столько литературы, что выдумывать историю хронологии ему уже не было нужно. Достаточно было не копаться в противоречиях, о которых идет речь в настоящей книге.

Бессмысленность же занятия хронологическими системами без рассмотрения степени их соответствия реальному прошлому настолько очевидна для любого (кроме небольшого круга «избранных»), что весь труд авторов сдвигается в плоскость научно-фантастических изысканий и продолжает оставаться интересным только благодаря многочисленным саморазоблачениям, о которых сами авторы вряд ли подозревают.

Несмотря на это самоограничение (или, скорее, признание в собственной некомпетентности) авторы не в состоянии обойтись без пинка в сторону основоположника современной новой хронологии:

"Заметим, что несмотря на многовековую историю хронологических исследований, в этой области остается немало темных мест и белых пятен, что, в частности, создает предпосылки для появления самых невероятных хронологических измышлений — типичным примером служат работы А. Фоменко"

Это чисто советское заверение в верности принципам марксизма-ленинизма (пardon, позиции официальной науки под знаменем ТИ) сопровождается авторами следующим смешным заявлением:

"К сожалению, подавляющему большинству профессиональных историков просто жалко тратить время на демонстрацию научной несостоятельности фантазмагорических концепций А. Фоменко и его последователей. В тех же случаях, когда профессионалы снисходят до критики, их работы остаются неизвестными массовому читателю."

Как же, Фоменко и Ко запрещают распространять работы «профессиональных историков»? Наверное, они ввели цензуру на исторические и хронологические публикации и монополизировали все средства массовой информации. А что же делали «профессиональные историки» со времен Скалигера до 1990 г.?! Почему они за эти четыре столетия не устранили насущную потребность в фантазмагорических концепциях, почему не обосновали свою хронологию настолько серьезно, чтобы у строго мыслящих ученых не появилась потребность в устранении многочисленных темных мест и белых пятен?! Более самоуничижительной оценки беспомощности ТИ в отстаивании собственных догм, в придумывании хотя бы подобия доказательности собственных необоснованных хронологических утверждений придумать трудно. Впрочем на почти 800 страницах своей книги Савельева и Полетаев посвящают и несколько строк (на стр. 192) расшифровке своего понимания роли создателя современной (только ли современной? И современной ли? Может быть, уходящей сегодня в прошлое?) хронологии, которую они признают за Жозефом Юстом Скалигером:

«Система отсчета от Сотворения мира нашла косвенное отражение и в работах одного из основоположников современной хронологии (как исторической дисциплины) Жозефа (Йозефа) Скалигера. В работах «Об улучшении счета времени» («Opus novum de emendatione temporum», 1583), «Сокровище времен» («Tesaurus temporum», 1606) и других произведениях Ж. Скалигер собрал и систематизировал предшествующие изыскания христианских хронологов, сопоставил их с данными астрономических наблюдений и разработал систему унификации летосчисления, оказавшую огромное влияние на последующие научные разработки и до сих пор широко применяющуюся в астрономических и хронологических подсчетах.

Эта система была основана не на годовой хронологии, а на сплошном счете дней от некоторой условной даты (1 января 4713 г. до н. э.), по существу являющейся аналогом «Сотворения мира». Для получения этой даты Скалигер использовал все те же 28-, 19- и 15-летний циклы, что и создатели византийской эры «от Сотворения мира». Произведение $28 \times 19 \times 15 = 7980$ лет было названо им «Юлианским периодом» (не то по имени его отца Жюля [Юлия] Скалигера, не то из-за приверженности юлианскому календарю и неприятия календаря григорианского). Сплошной счет дней существенно облегчает переходы от одной системы летосчисления к другой.»

В этой цитате четко прослеживается попытка защитить Скалигера от обоснованных обвинений в плане придумывания хронологии или – в крайнем случае – ее массивного домысливания: создал себе человек новую науку и баста, нечего к нему приставать. Поэтому и не сказано в книге ни слова о предпринятых Петавиусом поправках хронологических таблиц Скалигера. И ни слова о том, как именно он заполнял свои таблицы «историческим материалом»

Конечно, это замечательно, что Скалигер ввел счет по дням, а не по годам, счет, про который авторы отмечают, что и в некоторых современных компьютерных программах он находит себе применение, но зато о заложенной Скалигером основе для современных – порой многотомных – хронологических таблиц мировой истории они говорят как-то стыдливо и мимоходом: ну, «собрал и систематизировал предшествующие изыскания христианских хронологов».

Что же касается упомянутого косвенного отражения системы отсчета исторических дат от

сотворения мира, то в попытке Скалигера отодвинуть начало отсчета так далеко, чтобы вся хронология состояла из дат со знаком плюс, нашла в первую очередь отражение боязнь дат со знаком минус. Иными словами, совсем незадолго до появления соответствующих работ Петавия даже величайший хронолог всех времен и народов боялся обратного хронологического счета и постарался его навсегда исключить из хронологии. Это еще раз подкрепляет мое предположение о том, что все работы старых историков, содержащие обратный счет в летоисчислении от Рождества Христова должны быть датированы самое раннее 17-м веком.

Современное скалигерование

Остановившись так подробно на оценке роли Скалигера для хронологии, я попытался залатать созданную историками-традиционалистами в вопросе об истории хронологии огромную дыру, прореагировать на их вранье по умолчанию в данном вопросе. Так как им нужно делать вид, что история возникла еще до того, как человекообразные обезьяны спустились с деревьев в африканской саванне и побрели, сгорбившись, в светлое будущее, а до хронологии они додумались на стадии, когда начали считать «один», «два», «много», и охотиться обожженными на кострах кольями на африканских антилоп, то они предпочитают не говорить о каком-то там Скалигере в связи с созданием хронологии. Ведь он жил «всего лишь» четыреста лет тому назад, а тогда если еще и не плавали по океанам атомные подводные лодки, то лишь потому, что многие передовые умы были отвлечены сложными рассуждениями на тему о том, кого жечь публично на кострах, а кого просто придавить в камере пыток за инакомыслие.

Рис. 10.4. Фрагмент иллюстрации к Библии Мартина Лютера, изображающий падение прозванного Вермутом небесного тела в Северное море. Не было ли это событие реальным? Не спровоцировало ли оно всеевропейскую и частично даже глобальную катастрофу XIV века?

В то же время я хочу показать, сколь сложные фигуры стояли у истоков традиционной хронологии и в сколь сложное время приходилось им творить. Наши сегодняшние критерии честности и порядочности не применимы к той эпохе и Скалигер и Ко, додумывая хронологию и систематизируя придуманное до них, не были исключением ... из той системы моральных оценок, которые царили в то время. Дух эпохи, дух времени определял границы их творчества и долю фантазии и выдумки в оном в комбинации с попытками оные придумки-додумки и выдумки более ранние систематизировать и упорядочить.

Моя задача облегчена очень сильно тем обстоятельством, что в конце 20 в. исследованием эпохи Скалигера и его творчества, его роли в создании хронологии и его участии в подделке древней истории занялся выдающийся ученый 20 в. историк эпохи гуманизма американский профессор –

преподающий в Принстоне – Энтони Грэфтон.

Грэфтон родился в 1950 г. в Нью Хевене. Он изучал историю в университете Чикаго и в Пизе у профессора Арнальдо Момильяно. Некоторые книги Грэфтона – весьма плодотворного автора – уже переведены на немецкий. Большинство из последних, как, например,

- «Фальсификаторы и критики. Обман в науке» (Antony Grafton: Fälscher und Kritiker. Der Betrug in der Wissenschaft, Wagenbach, Berlin, 1991)
- «Космос Кардано. Миры и труды астролога эпохи Возрождения» (Antony Grafton: Cardanos Kosmos, Die Welten und Werke eines Renaissance-Astrologen. 414 S., Berlin, 1999) и
- «Леон Батиста Альберти. Зодчий эпохи Возрождения» (Antony Grafton: Leon Batista Alberti. Baumeister der Renaissance, Derlin Verlag, , Berlin, 2002)

посвящены эпохе Возрождения – его главной области интересов. С первой из них перекликается изданная под его и еще одного редактора эгидой книга трудов проведенной ими в Принстонском университете в 1993 г. конференции

- «Доказательство и убеждение в истории» (Ed. by Anthony Grafton and Suzanne L. Marchand: Proof and persuasion in history, Wesleyan University, Middletown, Conn., 1994)

В то же время переведена и посвященная скорее новому и новейшему времени весьма своеобразная его книга «Трагическое происхождение немецкого подстрочного примечания» (Antony Grafton: Die tragischen Ursprünge der deutschen Fußnote, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1998; титул оригинала: The Footnote. A Curious History), в свою очередь перекликающаяся с последней из названных. Книга, в которой рассматривается небезынтесная глава в истории гуманитарных наук, ускользавшая от взгляда многих историков. Дело в том, что подстрочные примечания, относимые в первую очередь к характерным особенностям именно немецкой (потому добавление прилагательного «немецкого» при переводе книги с английского), но и вообще всей академической науки и в первую очередь ее гуманитарного подразделения, были не только призваны освобождать первичный взгляд читателя от необходимости чтения более скучных, однако и более доказательных материалов, но и приобрели со временем статус поля боя для острых интеллектуальных сражений.

Особенно в связи с историческими проблемами в подстрочных примечаниях велись ожесточенные и не всегда корректные баталии между разными историческими школами, в том числе и между историками и критиками истории. Без подстрочных примечаний, играющих для историка приблизительно ту же роль, что и таблицы эмпирических данных или описание экспериментальных наблюдений в естественных науках, можно, как говорит Грэфтон, прославлять или отвергать исторические тезисы, но не проверять или опровергать их. В то же время некоторые писатели достигли высот литературного совершенства именно в жанре подстрочных примечаний. К числу последних Грэфтон относит и Эдварда Гиббона, автора знаменитой и неоднократно переиздававшейся книги «Упадок и падение Римской империи» (Edward Gibbon, Decline and Fall of the Roman Empire“. Новейшие издания этой книги, например, в сокращенном виде в редакции D.M. Low, Book Club Associates, London, 1979, потеряли большую долю своего глянца именно из-за отказа от многих из подстрочных примечаний).

Рис. 10.5. После отмены французским королем Людовиком XIV 18 октября 1685 года Нантского вердикта о веротерпимости, от 200 до 250 тысяч гугенотов бежали из Франции, в том числе 44 тысячи человек нашли убежище в Германии. Возникло множество гугенотских поселений и городов. На принятие решения о переходе в католичество или о переселении в другую страну гугенотам были даны две недели. Переход в католичество должны были облегчить различные льготы, в первую очередь предлагавшиеся священникам-гугенотам. На рисунке изображено бегство гугенотов в 1626 году после захвата католиками Ла Рошели – последнего бастиона и безопасного укрытия французских гугенотов.

О переводе каких-либо книг Грэфтона на русский язык мне пока ничего не известно. Само это имя упоминается в России пока крайне редко. Единственное упоминание в связи с тематикой хронологии я встретил на сайте «Горма» – активного противника новой хронологии:

«У меня есть книга Скалигера. И хотя я практически не владею латынью, со словарем кое-что разобрать могу и даже перевел содержание. Я читал автобиографию Скалигера и его биографию Бернайза. Но главный источник сведений, конечно, фундаментальное исследование творчества Скалигера Энтони Графтона (Grafton A. Joseph Scaliger, A study in the History of Classical Scholarship, II Historical Chronology. – Oxford: Clarendon press, 1993).»

Подозреваю, что в случае и книги Скалигера, и книги Грэфтона «Иосиф Скалигер. Исследование по истории классической учености», точнее названной в цитате второй части этого двухтомника речь идет о копиях этих книг, которые я в свое время передал в Москву с одним из участников нашей конференции по исторической аналитике. С тех пор прошло несколько лет, однако ни анализа содержания названной в цитате второй части книги Грэфтона, снабженной подзаголовком «Историческая хронология», ни ее русского конспекта, я на названном сайте к сожалению не обнаружил.

Первый том этой книги носит другой подзаголовок «Критика и толкование текстов». Сам автор характеризует оба тома как интеллектуальную биографию Скалигера. Но именно в первом томе, вернее даже в его второй части, начиная со стр. 101, Грэфтон дает биографию молодого Скалигера и разбирает все те виды его интеллектуальной деятельности, которые нельзя непосредственно отнести к исторической хронологии. Речь идет о его ранней деятельности в качестве редактора и комментатора классических текстов, об изменении характера этой деятельности под влиянием окружающей социальной среды и эмоциональных аспектов (Грэфтон признает, что Скалигер был слугой своих эмоций, а не их хозяином), о реакции современников и близких к нему по времени

последующих поколений на эти его работы, о его откровениях в ненапечатанных его текстах. Начнем поэтому наш рассказ о видении фигуры Скалигера глазами Грэфтона все-таки с первого тома книги, меньшей трети ее суммарного объема в более, чем в 1000 страниц.

Первые 100 стр. книги посвящены деятельности гуманистов, которых можно считать предшественниками Скалигера-юниора. Это в первую очередь Ангело Полициано (якобы 1445–94, историк, флорентийский мастер – и основатель – исторической критики, гуманист и поэт, а также политик: канцлер при Лоренцо Медичи), но и менее известные неспециалистам Веттори и Дорат. Во второй же части книги Грэфтон во многом следует Бернайсу и указанным последним письмам Скалигера.

Во введении Грэфтон признает, что и классическая филология, и историческая хронология, возникли как дисциплины в 16 веке. В то же время он не может освободиться от представления, что хронологию якобы изобрели уже в «античной» Александрии. Ее якобы культивировали отцы церкви (на самом деле полностью выдуманные – см. книгу Топпера). Хотя сам и пишет, что все это долгое время хронология не представляла собой отдельной дисциплины и не существовало хронологов, которым платили бы именно за занятия этой дисциплиной. Не было даже четких представлений о работе с античными источниками для «выуживания» из них хронологической информации. После этих уничижительных оценок он переходит сразу от «античности» к середине 15 века, демонстрируя тем самым, что общее место о хронологии в Александрии – это просто заклинание в верности ТИ, дань канонизированной традиции.

Автобиографию Скалигера 1594 г. Грэфтон называет высокомерной. Хотя он и не получил систематического школьного образования, три года молодой Скалигер проучился в известном колледже Гюйен (в нем же учился Монтень), где поражал своих учителей способностью писать экспромтом, без подготовки латинские сочинения. Школа мало способствовала его углублению в этот язык. И свое знание латыни, и все остальные приобретенные навыки и развитые способности были следствием занятий с отцом, который, однако, и сам поражался оригинальности мыслей сына (по крайней мере так это звучало в передаче самого автора автобиографии). В 16 лет он написал на латыни трагедию, которая однако не сохранилась.

Путь от автодидакта до эксперта

Вскоре после смерти отца в 1558 г. Юлиус-Жюст попытался в Париже ходить на общественные лекции и ... выяснил, что его греческий слишком плох, чтобы понимать их. Поэтому Скалигер на несколько лет сконцентрировал свое внимание на изучении этого языка и перечитал все доступные греческие произведения, начиная с Гомера. К 1561 г. он приобрел способность сочинять стихи по-гречески, что и стало на какое-то время его основным занятием. Он начинает переводить латинскую классику на греческий, пытаясь восстановить греческие оригиналы произведений, для которых сохранился только их латинский перевод (не исключая, что оригиналов никогда не существовало и соответствующие апокрифы писались только на латыни).

В 1564 г. Скалигера уже считали экспертом и в вопросах о литературном греческом, и о литературной латыни. В этом году он закончил и сдал в печать свои комментарии к книге Варро о латинском языке, в котором продемонстрировал свое знание греческой поэзии. После этой книги, приблизительно с 1565 года за ним закрепились репутация выдающегося критика как греческой поэзии, так и латинских текстов. Приблизительно в это время он стал все шире сравнивать тексты на этих двух языках с языками Ближнего Востока, пытаясь широко привлекать этимологические соображения для анализа текстов. Более старшее поколение относилось к его этимологическим аргументам со скепсисом, но его современники были от него в восторге.

Когда же он начал широко использовать свой текстуальный анализ для перевода поэзии, отношение к его обоснованию было смешанного характера. Его переводы производили впечатление незрелых, хотя его лексическое богатство и считалось бесспорным, а сам он постепенно признавался как главный авторитет в вопросах архаичной латыни и римской грамматической традиции. Его репутация была несколько странноватой, но это была репутация человека, к которому обращаются во всех спорных вопросах в этой области – пишет Грэфтона стр. 118..

После 1565 г. жизнь Скалигера изменилась к худшему. Следующие три года он провел в путешествиях, не способствовавших регулярным научным и литературным занятиям. По дороге в Неаполь и Рим, дважды пересекая Альпы в разных направлениях, он и его покровитель Луи Частенье де ла Рошпозе, французский посланник в Риме, старались по дороге читать греческие и латинские тексты и обсуждать их. Большую часть времени они провели в городах Северной Италии. Не смотря на свое итальянское происхождение, Скалигер был воспринимаем как чужой в этой стране и полностью зависел от контактов своего гида Муре, который был дружен с его отцом. Но он старался заводить знакомства, осматривал памятники старины и составил большую коллекцию надписей, интересуясь в первую очередь греческими. Однако никогда он не пользовался рукописями, хранившимися в Италии, а только таковыми из Франции и Германии.

Хотя итальянцы и отнеслись к симпатией к молодому французу, они ему в своей массе не понравились, даже самые ученые из них. В каждом подозревал он подосланного к нему убийцу, чтобы убрать с лица земли последнего представителя «князей Делла Скала». Особенно в венецианцах, оккупировавших родину его «предков». Только в богатых и блиставших широким уровнем образования еврейских общинах Северной Италии, в первую очередь в Мантуе и Ферраре, он чувствовал себя хорошо. Он с удивлением констатировал, какой свободой пользуются тамошние еврейские общины. Итальянские евреи были в свою очередь в восторге от его знаний древнееврейского, хотя и признавали, что он говорит на библейском варианте языка, в то время как в Италии доминировал иной диалект. Впрочем сам Скалигер понимал, что его знание древнееврейского и арабского, основанное на самостоятельном их изучении, не идет ни в какое

сравнение с его знанием греческого и латыни.

Из Италии путешественники отправились в Англию где и были приняты в высших кругах общества. Скалигер восхищался королевой Елизаветой, но не ее красотой, а свободным владением многими языками. Свобода нравов (чтобы не сказать половая распущенность) английской аристократии произвела на него отталкивающее впечатление. Сама страна воспринималась им как провинциальная, с бедными коллекциями рукописей в библиотеках (ничего интересного!) и с сильными антифранцузскими настроениями. По Бернаису в основе этих оценок лежало антианглийское воспитание молодых французов. Варвары и фанатики – была его общая оценка по словам Грэфтона. Такая картина Англии находится в вопиющем противоречии с байками, которые нам рассказывают историки о римском периоде истории, о богатой монастырской традиции, о Беде Достопочтенном и разных сторонах интеллектуальной жизни в средние века. Думаю, что оценка Скалигера достойна доверия: активная деятельность по созданию виртуальной истории в Англии 16 в. еще только начиналась и до конца этого века производство «античных» рукописей еще не было налажено.

Однако отвлечение, вызванное трехлетним путешествием, было лишь прелюдией к годам гражданской войны, вынудившей в 1567 г. Скалигера сменить письменный стол на обмундирование солдата. Став в 22 года гугенотом, Скалигер был одним из известнейших их последователей и теоретиков во Франции, враждебное отношение к которому со стороны католиков было хорошо известно. Написанные после путешествия рукописи не удавалось опубликовать, все наследное имущество было разграблено, многие друзья юности погибли. После завершения войны в 1570 г. он осел в Валенсии, где преодолел свою послевоенную грусть и глубокую депрессию, интенсивно изучал римское право и завязал знакомство с выдающимися французскими юристами, в первую очередь с выдающимся французским историком права Жаком (Яковом) Куясом (Куяцием). Здесь Скалигер начал восстанавливать утерянные фрагменты работы средневекового юриста и историка Африкануса (самая его значительная работа послевоенного периода по собственной оценке Скалигера), результаты которой Куяс (якобы 1522-1590), сделавший Скалигера своим ассистентом, широко использовал в своих трудах по римскому праву. Похвала этого широко известного во Франции ученого, скупого на хвалебные гимны, в адрес Скалигера, бывшего на 20 лет моложе его, много способствовала возрождению его авторитета.

Куяс предоставил Скалигеру кров в своем доме, ввел его в круг своих корреспондентов и коллег, открыл ему доступ в свою богатую коллекцию старинных рукописей числом около 200 и Скалигер интенсивно использовал эти рукописи в своей работе. Дружба с Куясом продолжалась до самой смерти последнего. Кроме того, в Валенсии он приобрел еще одного друга и помощника на всю жизнь: молодого тогда еще католика Жака-Августа Ту, будущего историка и председателя парламента. Тогда же он познакомился с Клодом Деспьюи, видным деятелем парламента в Париже, который снабжал его редкими книгами, консультировал по разным вопросам и служил для него связующим звеном в контактах с итальянскими гуманистами.

Рис. 10.6. Развалины «античного» театра на Акрополе. Историки считают, что бесчисленные развалины такого рода возникли в результате упадка цивилизации и наступления темных лет Средневековья. Однако если бы население просто одичало, все такие развалины растащили бы на строительный камень. В западной исторической аналитике считается, что бесчисленные развалины от Сицилии до Скандинавии и от Персии до Великобритании возникли в результате глобальной катастрофы XIV века, которая означала и крупнейшую демографическую катастрофу. Уменьшившееся коегде в десяток раз население было просто не в состоянии использовать такие громадные запасы строительного материала. А вскоре начался новый подъем и развалины были взяты под опеку новых властей.

Послевоенная идиллия кончилась в августе 1572 г. По приказу правительства Скалигер отправился в Польшу в составе делегации претендента на польский престол, но его застало в Страсбурге страшное известие о расправе с гугенотами в Варфоломеевскую ночь и его желание служить парижскому правительству на этом закончилось. Спасаясь в Женеве от возможных преследований, он сразу же получил предложение стать профессором философии. Его колебания в этой связи были связаны с его нелюбовью к публичным выступлениям: весь его гений проявлялся за письменным столом, а не в аудитории. Но так как власти города не препятствовали его писательской деятельности, он начал читать лекции по Аристотелю и Цицерону, встреченные положительно немногочисленными студентами.

Заскакивая на 20 лет вперед, скажу, что именно нелюбовь к публичным выступлениям побудила Скалигера не сразу принять кафедру в Лейдене, осиротевшую после отъезда Липсия. Сначала ему пришлось оговаривать с руководством университета и города, что от него не будут требовать никаких лекций. Он предпочитал всем возможным аудиториям таковую, состоящую из одного единственного слушателя или собеседника. Тем не менее, вокруг Скалигера всегда подвизалась научная молодежь и недостатка в учениках и юных почитателях у него не было.

Тем не менее, несмотря на успех своей краткой профессуры в Женеве, Скалигер в октябре 1574 г., как только положение во Франции несколько успокоилось, вернулся на родину и жил в имениях своего покровителя и друга де ла Рошпозе. Последующие 20 лет до своего переезда в Лейден Скалигер, южнофранцузский патриот, провел в разных имениях этого своего покровителя или в поездках по городам Франции, в основном южной. Так в 1581 г. он посетил Куяса в Бурже, куда тот перебрался из Валенсии, чтобы выразить ему свое соболезнование в связи со смертью сына.

Благодаря небольшому наследству, оставленному ему его матерью, и великодушию его друзей, он никогда не испытывал финансовых затруднений. И это, несмотря на то, что установленное Генрихом Третьим в 1579 г. ежегодное королевское содержание в 2000 франков не было ни разу, даже после ходатайства его влиятельных парижских друзей, выплачено.

О женщинах в его жизни ничего не известно: Бернайс лишь подчеркивает, что он никогда не подумывал о женитьбе. Благодаря всему этому он смог себе позволить посвятить двадцать лет своего наилучшего возраста научным занятиям, не отвлекаясь ни на службу, ни на исполнение взятых на себя семейных обязательств. Бернайс считает, что именно поэтому его творчество пронизано легкостью и свободой, которыми отличаются люди, никогда не бывшие под ярмом. Этим же он объясняет ту скорость, с которой он готовил к печати книги латинских классиков, на которых я здесь не буду останавливаться. Пусть филологи описывают его находки не публиковавшихся ранее текстов и его споры на эту и другие филологические темы с итальянскими филологами, французскими педантами и итальянскими же корректорами. Ограничусь мнением Бернайса о том, что Скалигер достаточно посеял мудрого, чтобы прикрыть рваные раны на теле исторической филологии, нанесенные ей варварством средневековья. Красиво сказано, но верится с трудом: как-то очень уж прытко все это происходило.

Исправление неисправимого хронологического сокровища

Во всяком случае, внеся свой весомый вклад в создание классической филологии, Скалигер стал применять свои дивинаторские таланты к историческим источникам, что и стало со временем его основным родом деятельности вплоть до создания хронологии как научной дисциплины. Первой жертвой его мании переворачивания классиков на собственный лад стал некий Марк Манилий – якобы римский астроном первой половины первого века н.э. Считается, что он сочинил между 9-м и 22-м годами н.э. поучительное стихотворение «Астрономика» на темы астрономии и астрологии для императора Тиберия, состоявшее ни много ни мало из пяти книг. Вот за этого астрономического стихоплета и взялся Скалигер, сразу распознав, что Манилий не справился со своей задачей и расставил строки (а, может быть, и слова) в неправильном порядке. Поиграв с порядком строк, включив на всю мощь своего внутреннего дивинатора мало обеспокоенный действительным восстановлением оригинального текста (Бернайс, стр. 47) Скалигер превратил «Астрономику» по словам Бернайса «в то, что соответствовало цели, для которой он хотел ее использовать: в нить Ариадны для представления древней астрономии». Эта работа 1579 г. должна была проложить для него путь к собственной хронологической системе.

Считается, что она проявилась в 1583 г. как непосредственная реакция на григорианскую реформу календаря. Но вот что удивительно: Бернайс отмечает, что во-первых реакция на «Улучшение хронологии» была крайне сдержанной. Она, мол, воспринималась как нечто чуждое. Ее знали, о ней говорили, но мало читали и еще реже хвалили. Ничего конкретного обо всем этом Бернайс не сообщает, что противоречит его манере приведения детальных доказательств для каждого утверждения. Во-вторых же Бернайс подчеркивает, что никакой полемики о календарях Скалигер в эти годы не вел, но зато через 10 лет из Лейдена начал вести такую полемику со свойственной ему энергией. Так, может быть, предположение Пфистера о том, что год публикации «Исправления хронологии» был позднее подделан («исправлен» и подогнан под дату григорианской реформы), соответствует действительности?

Интересно, что итальянские гуманисты, как отмечает Бернайс на стр. 50, гуманисты, не хуже Скалигера знавшие «античные» произведения, были убеждены, что из частокола цифр, относительных датировок, указаний годов в разных системах отсчета и прочей еще хуже датированной исторической информации никакую непротиворечивую хронологию давнего прошлого создать не удастся. Но, может быть, просто природа не одарила их столь щедро дивинаторскими способностями, как создателя хронологии Скалигера?! И, вообще, если что-то нельзя, но очень уж хочется, то можно.

На своем критичном по отношению к новой хронологии сайте М.Л. Городецкий опубликовал в разделе «Оклеветанные» оглавление первого издания книги «Исправление хронологии». Как я уже писал, практически все ее заголовки посвящены различным понятиям года и разным эрам, т.е. разным типам календарей, но при этом каждый раз приводится табличка хронологических дат, вытекающих из исследования данного календаря. На страницах 3–431 приведены более 190 заголовков такого рода.

Пфистер подробно рассматривает второе издание «Исправления», отмечая, что его объем составляет уже 850 стр. (по общему замечанию Бернайса, обычно вторые издания книг Скалигера имели объем, приблизительно в два раза превосходящий таковой первого издания»). Он отмечает не только множество хронологических таблиц, но и подробные указатели, облегчающие пользование последними. Принцип изложения всего накопившегося (или додуманного в связи с этой

книгой) материала таков: сначала идет привязка очередного календаря к размеченной скалигеровскими (юлианскими) днями временной оси, а затем список правителей и исторических событий, о которых якобы имеется информация в терминах этого календаря. Ясно, что каждая потенциальная ошибка в привязке очередного календаря к временной оси (а наличие таких ошибок показал Петавиус и подчеркивает Иделер) приводит к многократным ошибкам в очередной хронологической таблице. Дальнейшие ошибки следует искать в самих списках правителей, коими в основном и занимается Скалигер, и исторических событий, приписываемых временам их правления. Многочисленные ошибки такого рода (а вряд ли кто-либо из историков даст голову на отсечение в случае обнаружения ошибок в таких списках) в основном перенимались Скалигером в его многочисленные хронологические таблицы. И кто поручится, что все эти еврейские, вавилонские, персидские и арабские исторические деятели, не являются выдумками многочисленных писателей прошлых веков разной степени достоверности и доверчивости, особенно после выявленных Морозовым и Фоменко аналогий между списками правителей разных эпох и разных стран.

Рис. 10.7. Христос собственноручно благословляет короля норманнов Роджера II (якобы 1095–1154) и возлагает на него корону. Эта мозаика в одной из церквей в Палермо относится традиционно к середине XII века (около 1150 года). Но названный Роджер стал королем якобы в 1130 году, так что художник изготавливал эту мозаику, можно сказать, по прямым следам исторического события. Надеюсь, историки не станут утверждать, что вся эта история — сплошное вранье: иначе не стали бы они включать

изображение этой мозаики в свои многотомные фольк-хистори. Но если все это правда, то оказывается, что Иисус Христос жил в XII веке, как утверждают новохронологи Фоменко и Носовский, а никак не в первом веке, как утверждают сами историки-старохронологи.

Скалигер основывает свои таблицы на подправленном им Евсевии и Плутархе, но и на многочисленных писателях ближнего Востока, которых и цитирует обильно на древнееврейском и арабском языках. Конечно, рядовому читателю ничего не стоит проверить все эти цитаты и правильную передачу Скалигером всей календарной информации, ее обоснованность и верность ее интерпретации. Но в отличие от таковых нерядовые историки пока еще не удосужились проделать эту гигантскую работу.

Пфистер отмечает, что во время Скалигера некоторым правителям древности придавали гораздо большее значение, чем сегодня. В качестве примера он приводит Ирода, которого иначе, чем Ирод Великий в то время не именовали. Далее он находит римских императоров, которых Скалигер почему-то вообще не упоминает, но в общем-то это все детали, которые не меняют общей картины рождения из почти ничего (подробно описанного мной в главе о «Хронике» Шеделя) стройной картины многовековой и даже тысячелетней хронологизированной истории.

Бернайс ограничивает свои критические замечания в адрес «Исправления» только претензиями, которые должны были возникать у читателей. Цели и склонности ученого, пишет он, часто вынуждали Скалигера забывать об оных, об их желании использовать такого рода книгу в качестве учебника по хронологии и справочника по таковой, а не научного трактата (стр. 100).

О второй книге Скалигера по хронологии Вайнштейн пишет следующее (стр. 377)

"Чувствуя себя в полной безопасности в Голландии, где он занимал должность профессора Лейденского университета, пользуясь моральной и материальной поддержкой буржуазного правительства республики, Скалигер на склоне жизни предпринял новый огромный труд – «Сокровищница времен» («Thesaurus temporum», 1606), который, по мысли автора, должен был дать строго проверенный материал дат и фактов для построения «подлинно научной» всемирной истории. Здесь установлены системы исчисления времени, применявшиеся у всех известных в XVI в. народов (например, у мексиканских индейцев, у народов Восточной Азии и проч.), причем хронологические данные служат автору «не просто средством для упорядочения исторических фактов», а материалом для истории древних культур. Скалигер в своем последнем труде показал, как с помощью исследования хронологических систем можно восстанавливать утраченные исторические факты. Хронология обратилась в руках исследователя в «историческую эвристику». Этот метод, разумеется, имеет значение прежде всего для тех периодов древней истории, от которых сохранилась лишь очень скудная документация. С большим успехом он применен Скалигером также для восстановления по неточному иеронимовскому переводу утраченного греческого оригинала «Хроники» Евсевия и для проверки приведенных в ней исторических данных."

Подчеркну здесь только, что в числе новых списков правителей били и таковые Македонии, Аттики и Пелопоннеса, а также многочисленных крошечных «древнегреческих» городов-государств, которые Скалигер заимствовал из «найденного» его другом Казобомом якобы старинного манускрипта (см. об этом ниже). Эти данные позволили ему также наполнить хоть каким-то историческим содержанием ранее составленные им таблицы династий по списку Мането, ибо в «находке» Казобона содержалась также «информация» об ассирийских и древнееврейских, персидских и римских правителях и исторических деятелях.

Бернайс (стр. 97) пишет в этой связи о том, что весь этот раздел его работы известен под обобщающим названием «Олимпийский список» по имени одного из представленных у Казобона списков, и что он является следствием воспроизводственного настроения, которое обуревало Скалигера со времени его дивинаторской обработки потерянных текстов Евсевия. Он сетует на то, что текст Скалигера по форме настолько напоминал древнее произведение, что у читателей, несмотря на многократные заверения Скалигера в противном, должно было возникнуть впечатление, что Скалигер выдает здесь найденный древний текст за свой.

Саму эту работу Бернайс оценивает как пинок в сторону итальянских гуманистов, которые или слишком доверяли утонченному стилю Цицерона и попадались на удочку разных фальсификаторов истории. В другом месте он говорит о том, что Скалигер обновил латынь, преодолев этот самый вызвавший множество подражаний стиль Цицерона. Пинать современников и предшественников, конечно, можно и даже нужно, улучшать язык, которому якобы уже 2000 лет, каждый Скалигер просто обязан, но как из этого следует вывод Бернайса о том, что Скалигер со своим «Олимпийским списком» дает абсолютно верное изложение истории, свободное от какой-либо фальсификации, я, честно говоря, не понял.

О второй части «Сокровищницы» Бернайс пишет, что Скалигер совершил в приведенном здесь своем восстановлении Евсевия очень крупные ошибки, весь объем которых стал понятен лишь в 19 в., когда были переведены сохранившиеся по-армянски произведения Евсевия. Эту часть книги Бернайс называет абсолютно неприменимой в дальнейшем. Но комментарии к Евсевию он, тем не менее, ценит весьма высоко, ибо в них Скалигер предпринял многочисленные исправления хронологического характера. Можно ли после этого считать Евсевия источником это уже другой вопрос. Во второй части Скалигер приводит и сильно переработанный вариант «Исправления», превращенный им, наконец, в учебное и справочное пособие для историков, не любящих всяких там глупостей (именно так – Е.Г.) типа рассуждений и размышлений: им давай результат в форме хронологических таблиц и баста.

У Грэфтона во втором томе книги о Скалигере часто встречается описание принятия Скалигером решения о том, является ли тот или иной текст достойным доверия, следует ли перенимать из него хронологическую информацию или нет. Порой он честно признается, что не знает, на каком основании – порой в противоречии с его же собственными принципами текстовой критики – Скалигер решал перенять списки правителей и даты их правления, в которых сам же сначала сомневался. Грэфтон считает, что Скалигер принимал такие решения не чисто логическим путем, а по интуиции, на основании своего богатого опыта работы с фальшивками и знания приемов, которыми пользовались изобретатели истории, и ошибок, которые они совершали. Часто можно у Грэфтона встретить и выражение «Скалигер считал нечто наиболее вероятным решением рассматриваемой проблемы».

Я же думаю, что под наибольшей вероятностью следует понимать стремление Скалигера прикрыть белые пятна в модели прошлого, которые явились следствием искусственно растянутой истории, и все, что годилось для этой цели шло у него в дело, даже если ему было ясно, что речь идет о фальшивке. При его эрудиции ничего не стоило убедить менее эрудированных современников в том, что та или иная фальшивка вроде бы и не фальшивка даже, а почти что верное отражение прошлого. А убедив современников, уже ничего не стоит убедить и себя самого, что ты нашел наиболее вероятное решение проблемы наложения заплаток на хронологические дыры.

Мой верный друг Казобон

Исаак Казобон упомянут во втором томе книги Грэфтона на 54 различных страницах, чаще чем любой из античных авторов, данные которых Скалигер включал в свои хронологические книги, или его современников. Для сравнения назовем соответствующее количество страниц для Бероза – 33, Цензорина – 48, Цицерона – 23 (плюс на двух – псевдо-Цицерон), Диодора Сикула – 19, Дионисия Галикарнасского – 20, Эратосфена – 22, Евсебия – 36, Иосифа Флавия – 30, Плиния Старшего 12 и Плутарха – 39, более всего Скалигером использованных.

Античный автор Цензорин считается обильным поставщиком астрономической, календарной и исторической информации (Скалигер читал его книгу в издании якобы 1568 г., причем с 1497 г. его неоднократно издавали в разных улучшенных изданиях: классиков надо время от времени улучшать и приводить в соответствие с новейшим знанием!). Диодор считается античным историком, жившим в 1-м вв. до н.э. в Сицилии и в Риме и написавшим всемирную историю в 40 книгах. Из этой «Библиотеки» 15 книг сохранились до наших дней (с номерами 1-5 и 11-20). Представление об остальных дают сохранившиеся выписки. Считается, что он был не критичным компилятором и ценен только тем, что сохранил для будущего более древние исторические сведения.

Другой современник, профессор математики и астрономии Йенского университета Раул Крузиус (Крузий), книгой которого Скалигер пользовался для своих астрономических расчетов и рассмотрений, упомянут на 23 страницах.

Все время Грэфтон ссылается на опубликованную переписку Скалигера с этим своим другом и на дискуссии, которые они вели. Конечно, они не всегда были согласны во всех деталях, но Казобон почти никогда не позволял себе всерьез критиковать Скалигера, а если и делал это, то в крайне вежливой форме. На стр. 306, например, Грэфтон пишет о реакции Казобона, тогда еще жившего в Монтпелье, на второе издание «Улучшения хронологии» 1598 г. Казобон выражает удивление по поводу отсутствия обоснований для одного из списков правителей и характеризует это место из книги как дивинаторское, т.е. составленное по догадке, но без обоснования или твердого знания. Слова «врет» Казобон в этой связи не использовал, хотя Скалигер явно опирался сильно на Бероза, которого Казобон позже разоблачит как фальшивку. Впрочем, дивинаторские способности Скалигера упоминаются Казобоном неоднократно и не всегда для прикрытой критики, а порой для выражения истинного восхищения, как, например, про те страницы в «Улучшении хронологии», на которых Скалигер реконструирует детали абиссинского календаря.

На стр. 311 Грэфтон пишет «Не все аргументы Скалигера были одинаково весомы» и рассказывает о том, что Казобон, которого он называет самым симпатичным из его современников, не был согласен с некоторыми этимологическими рассуждениями Скалигера и лингвистическими его аргументами. Кстати, Скалигер, крайне болезненно реагировавший на критику, воспринимал таковую со стороны Казобона спокойно и неоднократно следовал его советам, готовя второе издание «Исправления».

Один из наиболее известных случаев плодотворного сотрудничества Скалигера с Казобоном связан с «открытием» последним списка античных правителей, привязанного к греческим олимпиадам. Скалигер считал, что такой список должен был входить в несохранившуюся часть труда Евсевия, над «восстановлением» которого он так долго трудился. Но в своем «Исправлении хронологии» он был вынужден лишь ограничиться своими подозрениями в существовании такого списка в древности и соображениями о том, что в этом списке должно было присутствовать. Эти ЦРУ (ценные руководящие указания) и были восприняты Казобоном как инструкция к действию и он провел много

времени, собирая по крупицам сведения о правителях, время жизни которых падало на эпоху счета времени по олимпиадам.

Результатом этих трудов явился длительный список, состоявший из нескольких частей, якобы найденный Казобон в Парижской Королевской библиотеке (лежал он себе там с античных времен, еще задолго до основания самой библиотеки лег себе родимый на полку, а когда понадобился Скалигеру, то и бросился в глаза его лучшему другу, несмотря на покрывавший его толстый слой послеантичной пыли!):

- Списка греческих правителей этого времени
- Списка негреческих античных же правителей
- Списка всех победителей олимпиад до 249-й по счету.
- Большая цитата из философа Порфирия относительно времени диадохов (первого поколения правителей после Александра Великого, за которыми последовали т.н. эпигоны)

Интересно, что в течение приблизительно двухсот лет эту рукопись (Бернайс называет ее Смешанным Кодексом или Всякой Всячиной по-простому) в Парижской Библиотеке никто не мог найти, пока это не удалось в середине 19 в. англичанину по имени Крамер. Бернайс пишет, что Крамер говорил как-то очень стеснительно, как о предположении, что кодекс сей может быть подлинным. Ясно, с начала 17 века бумага успела пожелтеть. Крамер пишет, что публикация Скалигера была недостаточно добросовестной, но Бернайс относит эту оценку к разряду неумело сформулированных выражений. Бернайс считает, что Скалигер просто скромно осуществил множество улучшений, не оговорив никак, что он дарит миру улучшенную версию. Бернайс подчеркивает, что Скалигер поступал так и прежде, например при издании труда некоего Синцелла. Правда, Бернайс признает наличие у Скалигера и грубых ошибок, но относит это на счет переписчика.

Эту свою находку Казобон озаглавил как «Избранные места». В этом он следовал примеру Скалигера, который уже незадолго до этого опубликовал в приложении к своей «Сокровищнице времен» некоего хрониста Идация, якобы написавшего дополнение к Евсевию, причем использовал для этого изготовленный для него Фридрихом Линденброгом список, якобы представлявший собой копию некоего кодекса, включавшего текст Идация. Уже после смерти Скалигера французский иезуит Сирмонд издал более полный вариант текста Идация и при переиздании «Сокровищницы времен» в 1629 г. в нее был включен вариант Сирмонда.

Примеров публикации Скалигером различных других античных и византийских хронологов Бернайс приводит немало. Оставим на его совести восторги по поводу этой титанической работы Скалигера и позволим себе усомниться в том, что все эти многочисленные произведения сохранились в веках и тысячелетиях и в нужный момент оказались в руках своего редактора, исправителя и публикатора Скалигера. Зная о его дивинаторских способностях и склонностях, не естественнее ли предположить, что Скалигер – по крайней мере в некоторых случаях – просто писал эти произведения за античных и византийских авторов, в свое время не удосужившихся реализовать соответствующие замыслы, быть может, используя какие-то отрывки, уже сочиненные до него другими в разных целях.

Незадолго до завершения Скалигером его второй хронологической книги Казобон сообщил ему о своем «открытии» и тот был в восторге от того, что намеченный им план действий постепенно выполняется и требовал срочной присылки ему копии этого списка, что и было сделано. Казобон писал, что он наткнулся на кодекс, содержащий греческий текст без титульного листа и без начала, в котором и содержаться названные три списка. Полученный список он успел опубликовать в

«Сокровищнице времен» как приложение на 24 листах

Но вернемся к списку, обнаруженному Казобоном. С правителями – бог с ними – связываться не буду, наверное очень уж малый след они оставили в истории, коль приходилось искать их список аж в Королевской Библиотеке во Франции 17-го века. А вот список победителей олимпиад меня заинтересовал (очень уж трудно себе представить традицию, которая сохранялась тысячу лет: слишком уж это большой срок тысяча лет!) и я бросился читать все, что нашел, про античные олимпийские игры. Нигде ни слова об этом списке. Приводятся отдельные имена наиболее известных атлетов, но о списке с сотнями имен – ни слова. Правда все время идет речь о таких списках, в которые победителей заносили, но ничего конкретного не сообщается и именно названного выше списка никто не упоминает.

Вот богато иллюстрированная немецкая книга Вернера Рудольфа «Олимпийские игры в античности» (Урания, ГДР, 1975). Подробно рассказано о разных видах спорта, когда по какой дисциплине соревновались (оказывается, довольно долго олимпийские игры проводились каждый раз по какой-то одной спортивной дисциплине), приводятся имена отдельных победителей, но ни имени Казобона, ни его списка нигде нет. Листаю еще более солидную специализированную книгу Хайнца Шёбеля «Олимпия и олимпийские игры», переведенную на многие языки и считающуюся базисным историческим произведением современного олимпийского движения и узнаю только, что для игр с номерами 265–286 не сохранились имена победителей и что, мол, даже не ясно, проводились ли эти игры. Зато про списки победителей 146–80 гг. до н.э. сказано, что из них следует, что в эти годы игры имели только локальное значение. Но об открытии списка всех победителей и о Казобоне нет ни слова. Нет ни того, ни другого и в «Истории культуры античности. Греция» (Академия, Берлин, 1977). Нечего и говорить, что нигде нет и имени Скалигера, напечатавшего этот список.

Никто не помнит об «Избранных местах» Казобона и их исправлении Скалигером. Наконец, пролистав несколько десятков книг, обратился за помощью к верному другу студентов и школьников – Интернету. Задав ключевые слова «Античные олимпиады победители» нашел 123 ссылки на разные материалы, но ни в одном из них не было имени Казобона. Девять материалов оказались посвящены спискам победителей олимпиад, но про наших великих хронологов они ничего не сообщали. Зато я узнал – и из книг, и из этих материалов – что даже дата первых игры (якобы 776 г. до н.э. не является надежной, а было реконструирована с определенной долей сомнения на основании списка победителей, якобы составленного около 400 г. до н.э. Гиппием из Эллиса. Историки, оказываются, подозревают, что олимпийские игры проводились в течение столетий до первых таких игр и даже приписывают товарищу Гераклу пальму первенства в вопросе об изобретении оных. Только вот им не совсем ясно, в каком именно столетии жил этот исторический деятель. Шёбель считает, что с 13 века до н.э. в Олимпии была традиция чествования Геракла.

А теперь вернемся к истории нахождения рукописи Казобоном в Королевской библиотеке и зададимся вопросом, что это вообще может значить, что рукопись была найдена (или что Казобон на нее натолкнулся). Напомним, что незадолго до того, в предыдущем 1604 г. Казобон, живший уже с 1600 г. в Париже и безусловно работавший в Королевской библиотеке, стал ее библиотекарем. Если бы рукопись уже была в фондах библиотеки до этого, то Казобон, по крайней мере с 1598 г. знавший, что Скалигер разыскивает список победителей олимпиад, мог бы искать ее в каталогах библиотеки. Но и в 1605 г. он ее явно не в каталоге нашел, а «наткнулся» на нее. Слово «наткнулся» можно интерпретировать по-разному, но ясно, что речь не идет о нормальной хранившейся по правилам большой библиотеки рукописи. Во всяком случае он не сообщает в письме Скалигеру, как находить ее в фондах библиотеки. Может быть она еще не была им включена в эти фонды, да и в

последующие месяцы, до своего отъезда в Англию, он, скорее всего, так и не сумел внести рукопись в каталоги. Только этим и можно объяснить, почему в течение прибл. 200 лет никто не мог эту рукопись в библиотеке разыскать. Скорее всего он, написав эту рукопись, положил ее на какую-нибудь полку соответствующего раздела дозревать (стареть, желтеть) и не внес ее в каталоги для того, чтобы она не попала никому в руки в ближайшее время, т.е. в виде, который выдавал бы ее недавнее происхождение.

Могу себе представить, с каким удовольствием потирают руки историки-традиционалисты, читая эти строки. Ага, попался, проповедник теории заговора! Оклеветал великого человека и не привел никаких доказательств. Сплошные предположения и догадки. Согласен, я при всей этой истории лично не присутствовал (не то что историки-традиционалисты, которые все видели своими глазами и потому во всем абсолютно уверены, в каждой своей фантазии, в каждой придуманной каждым из них на свой лад детали). Согласен, я изложил здесь мою гипотезу, мое понимание происходившего. И какие-то детали могут быть мною поняты неправильно. Но так ли уж я далек от истины. Ведь моя гипотеза основана на многолетних наблюдениях за тем, как именно нам подаются произведения «древних» авторов.

Поэтому я обращаюсь к мои читателям с просьбой: поищите у себя дома или в библиотеке книги античных авторов и посмотрите, как подробно и как убедительно в них (во введении, послесловии или в комментариях) изложена история восстановления этих произведений. Чаще всего вы вообще ничего не найдете, ни слова на эту тему. В принципе, нам – читателям не следует ничего про это знать или отвлекать наши мысли в этом неправильном направлении. Подумаешь, всего какие-нибудь 2000 лет. Как-нибудь рукописи до нас дошли. Не делайте проблем на ровном месте. Не размазывайте манную кашу по белой скатерти. Не ковыряйте грязными пальцами изюм из батона с оным. Читайте себе великие произведения и наслаждайтесь.

Но если вам очень и очень повезет, и в книге будет информация о рукописях, то расскажут ее вам скороговоркой, без «ненужных» деталей. Никогда не возникнет у вас полной картины того, како путь был пройден от оригинала до тех рукописей, по которым восстанавливалась книга. Никогда! Никто не станет вам говорить, какие из рукописей были на папирусе, а какие на телячьих шкурах, где они хранились, как их приобретали, в каких каталогах монастырских библиотек они регистрировались и где эти записи до сих пор сохранились. Как правило, на эту тему пишут – если вообще – несколько общих слов, минимум информации, дабы не возникали ненужные вопросы. Как будто автору комментариев и в голову не пришло, что нас с вами могут интересовать такие второстепенные технические детали. Вчитайтесь внимательно в найденные строки и постарайтесь оценить достоверность написанного. Вспомните, что и сегодня, когда в библиотеки получают ежегодно тысячи и десятки тысяч книг, о каждой из них ведутся записи: у кого куплена, за сколько, куда поставлена, какие на нее заведены карточки и т.п. а ведь сегодня средняя книга стоит приблизительно столько, сколько килограмм мяса. Неужели в давние времена, когда каждая рукопись было на вес золота, когда их в почти каждой монастырской библиотеке было едва ли больше, чем сегодня в средней семейной, неужели тогда никаких записей о поступлении рукописей и их предыстории не вели?

Решайте сами, является ли наше подозрение о том, что все эти рукописи были на самом деле изготовлены в эпоху Ренессанса непосредственно перед публикаций соответствующих книг (вот и рукопись Казобона была уже в следующем году опубликована Скалигером), а рукописные фрагменты изготавливались с уже напечатанных книг теми, кому было не по силам купить все еще слишком дорогую для большинства потенциальных читателей книгу, представляет собой теорию заговора или рабочую гипотезу, объясняющую многое из того, что не в состоянии объяснить

историки – традиционалисты. Рабочей гипотезой, которая представляется весьма достоверной и убедительной.

Историки не могут объяснить, почему исчезли рукописи всех изданных в эпоху возрождения и в новое время произведений античных авторов, почему при отсутствии этих рукописей имеется обилие фрагментов, практически никогда не покрывающих весь текст произведения, почему вдруг в эпоху Возрождения в массовом порядке выплывают из небытия античные авторы, жившие от тысячи до двух тысяч лет до этой эпохи, и их солидной длины произведения. Если бы книги действительно набирались по рукописям, имевшим вид, хотя бы отдаленно напоминающий вид древней рукописи, то весьма прагматичные и ценившие старину сверх меры гуманисты коллекционировали бы эти бесценные рукописи и торговали бы ими. Любой из них стал бы богатым человеком, а богатства гуманисты не чурались. Но написанные от руки имитации произведений «древних» римских и греческих авторов так откровенно выглядели как только что написанные, что их действительные авторы-гуманисты предпочитали их уничтожать сразу после набора, дабы не быть немедленно разоблаченными завистливыми конкурентами и другими недоброжелателями.

Кстати, Скалигер не ограничился выражениями радости по поводу «найденных» Казобоном «Избранных мест». Попрыгав от радости по комнате, что по словам Бернайса продолжалось несколько часов, Скалигер взялся за извлечение выгоды из нового «источника» и существенно дополнил свои хронологические таблицы, которые и включил в новом, развернутом виде в «Сокровищницу времен», вскоре после этого опубликованную. Возникает впечатление, что он так ждал этой помощи со стороны Казобона, так был сильно уверен в том, что она вот-вот ляжет на его письменный стол, что откладывал публикацию почти готовой новой книги до этого радостного и полезного события.

Заключение: о невозможности невозможного.

Скалигер был, безусловно, незаурядной личностью. Более того, гениальной личностью, если созданный им колосс на глиняных ногах – набор хронологических таблиц древней истории – простоял, пошатываясь, четыре столетия и все еще не рухнул окончательно. И, действительно, был нужен гений Скалигера, чтобы поверить в возможность многотысячелетней хронологии, невозможность которой была очевидна итальянским гуманистам, а до низ византийским хронологам. Нужен гений Скалигера, чтобы реализовать эту веру, преодолевая непреодолимые препятствия. Нужен был гений Скалигера, чтобы организовать заплаты на огромные черные дыры, для которых вообще никакой хронологии не было и в помине.

Но и гениальные люди ошибаются. И научные дисциплины проходят через потрясения и революции. Ошибкой Скалигера явилось не создание научной хронологии: эту его заслугу никто не оспаривает и многие развитые им методы следовало бы сегодня реанимировать и продолжать использовать с новой хронологической информацией в руках. Его ошибка была в том, что он был целиком и полностью человеком своей эпохи, пропитанным до мозга костей ее заблуждениями и ее моралью, ее мышлением и ее целями. И созданная им хронология оказалась носителем всех этих недостатков и заблуждений.

Она не является моделью реального давнего прошлого, а только некой виртуальной картиной, призванной скрыть наше незнание прошлого и отражающей примитивные представления о временных масштабах развития человеческой цивилизации. Коэффициент искажения древней истории приблизительно соответствует ошибке, которую, скорее всего, человечество совершило при переходе от года, равного по длине четырем фазам луны, к несколько более длинному солнечному году. Напомним, что «у халдеев и египтян сперва год был не более как 1 месяц». А чем многочисленные европейские народы хуже египтян и халдеев?! Небось и они еще и незадолго до григорианской реформы по месяцам годы и считали.

Как Скалигер ошибался, думая, что он решил проблему квадратуры круга, как он не реагировал при этом на указания ошибок в его рассуждениях (на сегодня теоретически и логически строго доказано, что эта проблема не имеет решения), так ошибался он, думая, что чуть подправив путем дивинаторских трюков неверное представление предыдущих поколений о прошлом, причем сделав это в духе этих неверных представлений, можно будет построить непротиворечивую хронологическую модель оного. Как я покажу ниже в разделе о Ньюtone построение непротиворечивой модели прошлого на основании т.н. источников в принципе невозможен

Литература

[Аноним].Аноним: Скалигеръ, Энциклопедический словарь, том XXX, Издатели Брокнауз и Ефронъ, С-Петербург, 1900, стр. 169.

[Бернайс]. Bernays, Jacob: Joseph Justus Scaliger, Berlin, 1855 (Репринт Osnabrück, Otto Zeller, 1965)

[Биркеман]. Биркеман, Э.: Хронология древнего мира, Москва, 1976

[Боден].Боден, Жан: Метод легкого познания истории», Москва, Наука, 2000

[Брокгауз] Петавий, Энциклопедический словарь, том XXIII, Издатели Брокгауз и Ефронъ, С-Петербург, 1898, стр. 434.

[Вернер] Werner, Rudolph: Olympische Spiele in der Antike, Urania, Leipzig-Jena-Berlin, 1975

[Гартман] Schedel, Hartmann: Weltchronik, Kolorierte und kommentierte Gesamtaufgabe, Taschen, Köln, 2001.

[Грэфтон1] Grafton, Antony: Fälscher und Kritiker. Der Betrug in der Wissenschaft, Wagenbach, Berlin, 1991

[Грэфтон2] Grafton A. Joseph Scaliger, A study in the History of Classical Scholarship, V. I, Textual Ctiticism and Exegesis, Oxford, 1993

[Грэфтон3] II Historical Chronology. – Oxford: Clarendon press, 1993

[Грэфтон4] Grafton, Antony; Marchand, Suzanne L. (ed.): Proof and persuasion in history, Wesleyan University, Middletown, Conn., 1994

[Грэфтон5] Grafton, Antony: Die tragischen Ursprünge der deutschen Fußnote, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1998 (титул оригинала: The Footnote. A Curious History),

[Грэфтон6] Grafton, Antony: Cardanos Kosmos, Die Welten und Werke eines Renaissance-Astrologen. 414 S., Berlin, 1999

[Грэфтон7] Grafton, Antony: Leon Battista Alberti. Baumeister der Renaissance, Berlin Verlag, , Berlin, 2002(титул оригинала: Leon Battista Alberti. Master Builder of the Italian Renaissance, 2000)

[Иделер]. Ideler, Ludwig: Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, Berlin, Band 1, 1825, Band 2, 1826

[Мищенко].Мищенко, О.: Скалигеръ, Энциклопедический словарь, том XXX, Издатели Брокнауз и Ефронъ, С-Петербург, 1900, стр. 168-169.

Müller, Reimar (Hrgb.): Kulturgeschichte der Antike- Band 1: Griechenland, Akademie, Berlin, 1977.

[Пфистер] Pfister, Christoph: Die Matrix der alten Geschichte. Analyse einer religiösen

Geschichtserfindung, Dillum, Fribourg, 2004

[**Робинсон**]. Robinson, George W.: Autobiography of Joseph Scaliger, Cambridge, Harvard University Press, 1927

[**Савельева**]. Савельева, И.М.; Полетаев, Ф.И.: История и время. В поисках утраченного, Языки русской культуры, Москва, 1997

[**Шедель**] см. в гл. 9

[**Шёбель**] Schöbel, Heinz: Olympia und seine Spiele, , Urania, Leipzig-Jena-Berlin, 1965

[**Эйнхард**]. Эйнхард: Жизнь Карла Великого. В: Историки эпохи Каролингов, Москва, (1999) стр.5-36.

Глава 11. Соратники и продолжатели: Кальвизий и Петавиус

В хронологии потребность. Хронология у греков означает на нашем языке времясказание, но мы привыкли именовать летосказание; правильнее же времясчисление именовать, думается, точнее. Это есть во всех повестях столь нужное обстоятельство, что без одного никакая повесть ясна и внятна быть не может, ибо при всяком деянии нужно знать время, не только год, месяц, день, иногда и час, которое необходимо к подлинному познанию обстоятельств. Басни же или романы хронологии не требуют, из-за того и настоящая история без указания дат за басни почтеться может.

*В.Н. Татищев. ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГЛАВА ВОСЬМАЯ.
О СЧИСЛЕНИИ ВРЕМЕНИ И НАЧАЛЕ ГОДА*

Имя Скалигера в исторической аналитике принято произносить на одном дыхании с именем другого родоначальника современной хронологической системы Петавия (он же Петавиус, Петау и Пето), который развил систему Скалигера, уточнил и популяризировал ее. И, что немаловажно, сделал ее приемлемой и для католических стран тоже. Таким образом, создание хронологии выдается за чисто французский вклад в историю науки.

Гораздо меньше известно – даже в историко-аналитических кругах –, что на самом деле у истоков хронологии стоял не тандем Скалигер–Петавий, а что революцию под названием «создание хронологизированной истории» – в лучших традициях разных великих революций – совершила тройка, включавшая еще и немецкого автора Сета Кальвизия. О нем, правда, вскользь упоминает любая солидная справка по истории хронологии, но имя этого видного хронолога практически забыто. Историка, который без нашей подсказки сможет рассказать, кем был Кальвизий, нужно показывать на ярмарках и выставить в музее восковых скульптур.

Я не собираюсь углублять тему о том, как плохо знают историю профессиональные историки, не хочу выставить на посмешище все это ремесленное сословие (среди историков изредка попадаются и вполне образованные и приятные люди), но хочу начать свой рассказ о завершении становления хронологии не с Петавиуса, как того вроде бы требует традиция, а именно с этого мало известного Кальвизия.

Заблуждения блистательного созвездия ранних хронологов

Хотя Бернайс и вспоминает про «глас вопиющего в пустыне», говоря о ранних попытках Скалигера обратить внимание современников на важность систематизированной хронологии, о его проповедях на эту тему, он отмечает, что по крайней мере одного верного последователя (Бернайс использует выражение «апостол» в этой связи) Скалигер успел приобрести. Речь идет о немецком композиторе и теоретике музыки, преподавателе древнееврейского, математике и астрономе гуманисте Кальвизии с «египетским» именем Сет. О его деятельности хронолога энциклопедический словарь Майера (том 5, 1972) ничего не знает. На самом деле его фамилия была Кальвиц. Жил он якобы в 1556 – 1615 гг. и был церковным кантором из Лейпцига. Прославился Кальвиц как реорганизатор хорового искусства и автор многочисленных церковно-музыкальных произведений, многоголосых аранжировок гимнов и церковных песен, а называл он себя на латинский лад Кальвизием. Ничего не поделаешь, у каждой эпохи – свои завихрения и имя Сет ничуть не хуже, чем советское Владлен, а «древнеримская» фамилия Кальвизий вовсе не проигрывает в сравнении с церковно-славянскими Успенский или Вознесенский, не говоря уже о благородной столично-местечковой Каценелинбойген.

Родом из бедной семьи, Кальвиц сделал карьеру благодаря своей музыкальной одаренности. Закончив университет в Лейпциге, он стал в 1581 г. музыкальным директором университетской церкви Святого Павла в том же городе. Годом позже Сет был приглашен на работу в княжескую школу вблизи города Наумбурга. Здесь он проработал 12 лет в качестве кантора и учителя музыки. В 1594 г. Кальвизий вернулся в Лейпциг, где он до самой своей кончины был кантором расположенной в самом центре города церкви Святого Фомы, т.е. и руководителем хора этой церкви, и учителем музыки при ней. Таким образом, он оказался предшественником самого Иоганна Себастьяна Баха, который тоже в течение длительного времени в годы 1723-1750 и тоже до самой своей смерти занимал эту должность.

Скалигер получил в конце 1605 г. экземпляр вышедшей в этом году в Лейпциге книги Кальвизия «Opus chronologicum», содержащей развернутые хронологические таблицы, и прореагировал на него восторженным письмом своему верному другу Казабону. Более полное название книги «Opus chronologicum ex auctoritate s. scripturae ad motum luminarium coelestium contextum». Полное же название читатель найдет в конце главы в списке литературы, где указаны три переиздания книги: 1620 г., 1629 г. и 1685 г. – три из многих ее повторных изданий. Обратите внимание на гигантский объем книги. Он также предсказал, что книгу эту быстро раскупят, что и случилось на самом деле.

Кальвизий успел до своей смерти в 1615 г. подготовить второе издание своего труда и включить в него исторические данные, которые Скалигер «восстановил» «по неточному иеронимовскому переводу утраченного греческого оригинала «Хроники» Евсевия». Это издание вышло посмертно в 1620 г. и тоже быстро разошлось. Бернайс пишет также о третьем издании этой пользовавшейся большой популярностью книги Кальвизия (1629 г., Франкфурт на Майне). Известно также издание Opus chronologicum, Embdae, 1650 г. (в городе Эмдене на северо-западе Германии) и издание 1685 г., седьмое по счету. Название книги вряд ли нуждается в переводе, тем более, что однозначный перевод затруднен обилием значений у латинского слова OPUS, которое может означать и произведение, и труд, и творение. Именно в этих своих значениях слово это, имеющее и другие значения, широко используется для наименования музыкальных произведений (вспомним основную музыкальную профессию композитора Кольвица): хронологический опус.

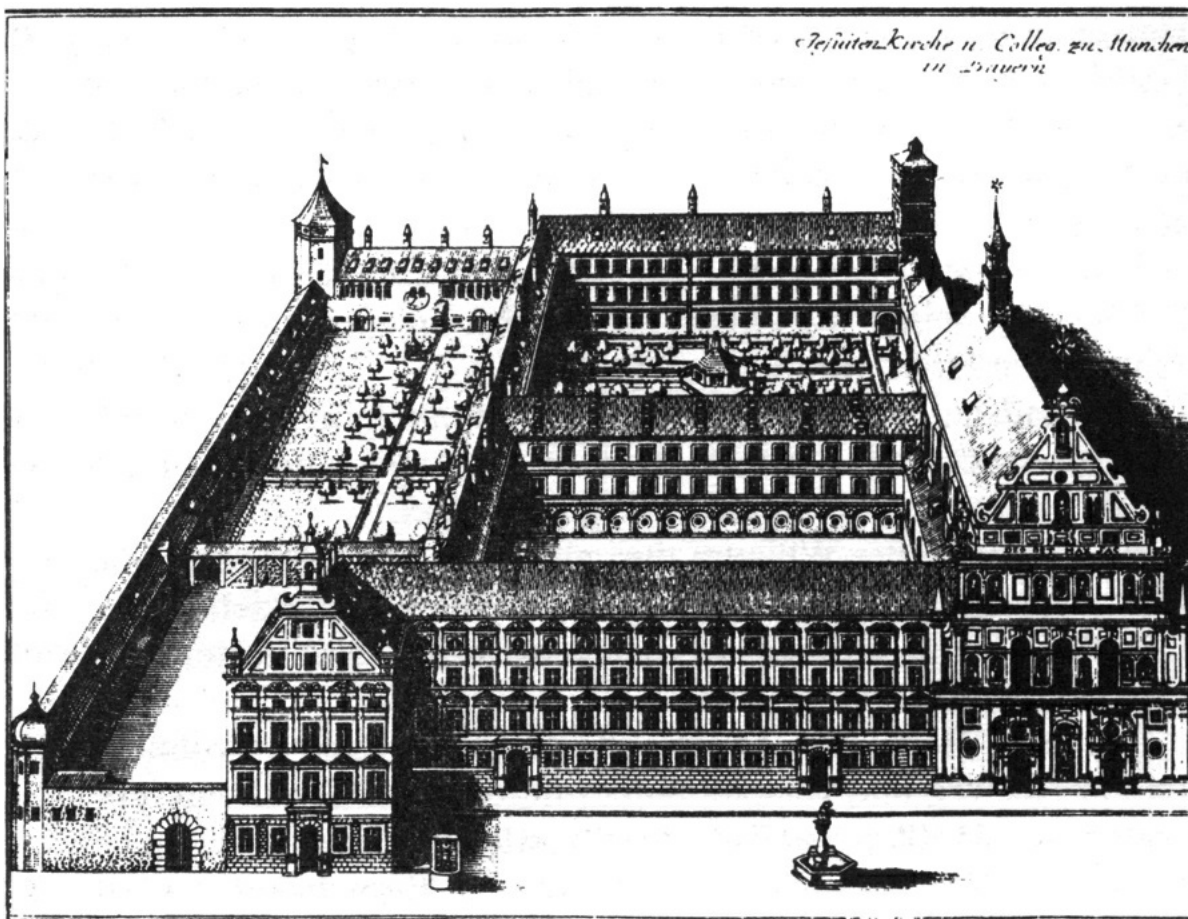

Рис. 11.1. Баварский герцог Вильгельм Пятый (ум. в 1626 году) из династии Виттельсбахов, ярый противник лютеранства и друг иезуитов, славился своими астрономическими долгами. Тем не менее он построил иезуитам в Мюнхене коллегию, которая была больше его герцогской резиденции и обладала собственной огромной церковью. Единственное превосходящее его по размерам здание того времени — испанский Эскуриал (Из книги Ханса Нёбауера «Виттельсбахи», Мюнхен, 1979, стр. 156.)

Именно книга Кальвизия ближе всего к той стандартной хронологии, которая составляет сегодня костяк ТИ. В то же время имя Кальвизия, вклад которого в хронологию не меньше такового Скалигера и Петавия, практически кануло в Лету и лишь немногие из пишущих про историю хронологии, вскользь упоминают о нем. Причиной тому служат, скорее всего, два обстоятельства:

- Главной областью интересов Кальвизия была все-таки музыка и у него не оставалось сил на подчеркивание своего приоритета в хронологии, к тому же при его жизни главный его труд был напечатан только один раз и уже в конце его жизни и только после его смерти стал весьма популярным.
- Именно таблицы Кальвизия были наиболее бессовестно использованы десятками авторов, которым не хотелось обращать внимание на элемент плагиата в своих трудах и привлекать излишнее внимание к автору первых ставших популярными хронологических таблиц.

Гений Кальвизия сравним с таковым Скалигера и оба работали в тандеме, находясь в переписке. Эта переписка публиковалась в некоторых изданиях опуса Кальвизия в качестве приложения. Кальвизий предложил разбить все прошлое на 12 эпох, Скалигер уточнил это разбиение и сделал его более систематическим. Кальвизий перенял периодизацию Скалигера и наполнил эти периоды «историческим мясом», которое Скалигер вслед за ним использовал, добавляя свои куски. И тот и

другой не делали ничего иного, как переводили в единую систему летоисчисления данные многочисленных авторов, пользовавшихся разными такими системами и уже натворивших множество ошибок. Эти ошибки могли, например, быть результатом описания одного и того же события двумя разными авторами с разных идеологических или политических позиций, порой на разных языках и с применением разных имен одних и тех же лиц. В результате в сознании подзабывших прошлое последующих поколений события раздваивались, ибо без знания идентичности исходных событий два таких описания были в принципе неидентифицируемыми, не распознаваемы как разные описания одного и того же.

Основной же причиной совершения хронологических ошибок было неверное представление о том, что любая история может быть спроектирована на временную ось. Это можно утверждать для событий прошлого, но нельзя в общем случае истории. Действительно, прошлое не просто привязано к временной оси в месте каждого события (каждое событие когда-то происходило, в какой-то момент времени), зафиксированного людьми или забытого ими, но и приклеено к ней и при подмене понятия «прошлое» понятием «история», как это часто делают историки, начинает казаться, что и история как совокупность описанных в этой модели прошлого событий тоже линейно и даже полностью упорядочиваема и, более того, однозначно приклеиваема к временной оси.

Но это абсолютно неверно: как я уже отмечал в первой главе этой части книги, на самом деле мы можем в общем случае говорить только о частичной упорядоченности той непротиворечивой в хронологическом смысле выборки событий, которая входит в ту или иную модель прошлого (т.е. в рассматриваемую историю) да и то только после того, как мы эту хронологическую непротиворечивость проверили. Лишь в редких случаях удастся установить линейную упорядоченность совокупности описанных событий. Еще реже удастся получить полную упорядоченность, когда мы знаем временные промежутки между всеми событиями. И, наконец, привязка и приклейка к временной оси представляют собой задачи дополнительной трудности, далеко не всегда разрешимые.

Если бы историки были в состоянии это понять, если бы такое понимание существовало уже в те годы, когда Скалигер и Калвиц начинали систематизировать все едва обозримое множество событий, которое они хотели включить в их модель прошлого (в мировую историю), то ТИ с ее ныне принятой хронологией были бы совсем другими. Но Скалигер и Ко не различали историю и прошлое, подменивали одно понятие другим и переносили свое представление о прошлом на создаваемую ими историю.

Повторю еще раз: частичная упорядоченность событий, лишь в редких случаях являющаяся линейной или даже полной, возможна только для внутренне непротиворечивых множеств событий. Но в модели прошлого, известной как ТИ, полно внутренних противоречий, и если бы Кальвизий, Скалигер и Петавий не обходили их молчаливо, то им пришлось бы составлять не одну хронологию, а огромное количество разных хронологий. Но даже, если нам путем отказа от многих источников удастся выделить из ТИ (на любом этапе ее существования) некую внутренне непротиворечивую часть, то из возникшего частично упорядоченного множества исторических событий можно будет сделать огромное количество разных линейных множеств и мы никогда не узнаем, какое из них было реализовано в реальном далеком прошлом.

Отмечу, что говоря о событиях, я не забываю о том, что в истории рассматриваются и более сложные явления (процессы, движения, революции и т.п.). Их реальные прототипы бесконечно сложны, но мы ведем речь не об этих оригиналах, а только об их описательных моделях, а любая модель распадается на конечное число фраз и может быть представлена некоторым – пусть большим –

числом событий внутри явления.

При переводе в даты на единой шкале времени и Кальвизий, и Скалигер совершали ошибки (например, перенимая неверные данные других авторов), которые только усугубляли уже существовавшее отклонение истории от реального прошлого. За редким исключением (например, Петавий) последующие поколения менее гениальных писателей использовали хронологические таблицы Кальвизия и Скалигера абсолютно некритично. Петавиус их подправил и – с помощью ордена иезуитов и католической церкви – канонизировал в подправленном варианте. В последующие века историки просто приклеивали к таблицам Кальвизия и Петавия новые колонки для открытых и археологически исследованных (в том числе и при помощи дешифрованных, но неверно датированных и не всегда правильно понятых «древних» текстов) «древних» культур.

Литературу о Кальвизии найти нелегко. БСЭЗ вообще не упоминает этого имени. Большинство историков, в том числе и все цитированные мной в этой книге, избегает упоминания его имени еще радикальнее, чем в случае Скалигера. Даже основательный Вайнштейн не знает этого имени. Иделер написал о Кальвизии (том 2, стр. 378) лишь краткое критическое замечание, что, мол, Кальвизий ошибается, считая летоисчисление Anno Domini навязанным христианскому миру римскими папами. Кроме того, он кратко отмечает участие Кальвизия в дискуссиях об истинном годе рождения Христа и упоминает в этой связи Лейпцигскую публикацию Кальвизия на эту тему 1613 года (т. 2, стр. 404–405).

Бернайс отмечает на стр. 64 роль Кальвизия в пропаганде идей Скалигера в Германии и вообще среди тех, кто не читал непосредственно книг последнего по хронологии. Кальвизий представлен здесь как автор, который, взяв за основу «Исправление хронологии» Скалигера, дополнил его материал собственным и издал оный в книге, которая была рассчитана на более широкую читательскую аудиторию. Бернайс считает, что Кальвизий заимствовал идею оформления материала в форме хронологических таблиц из введения ко второму изданию «Исправление хронологии» 1598 г. И, действительно, Кальвизий ссылается на эту книгу Скалигера. Для обоснования своей точки зрения на Кальвизия Бернайс посвящает ему примечание на стр. 181–182, из которого я взял некоторые из приведенных выше сведений о Кальвизии.

Лучше всего знает Кальвизия Грэфтон, который – в основном во втором томе – в своем «Скалигере» в семи разных местах пишет о Кальвизии:

- На стр. 10 Кальвизий упомянут как знаток хронологии Ближнего Востока и как один из немногих хронологов, пользовавшихся доверием Скалигера (то бишь у которых Скалигер списывал без дополнительных выдумок)
- На стр. 606 и 607 Грэфтон рассказывает о том, что Скалигер рекомендовал Кальвизию не использовать хронологических данных из работ Натале Конти, которого он характеризовал при этом как мифописателя, который склонен обнаруживать все библейские истории у Гомера, и даже не упоминать его имени. Сам же Скалигер потом использовал многие данные из работ этого автора!
- На стр. стр. 615 выясняется, что Кальвизий включил в свой «Хронологический опус» многие мифы, в которые верил Скалигер, как, например, про скандалы, связанные с греческими богами на Олимпе, или про героические подвиги Геракла. Как мы видим, разделение истории и литературы в это время еще даже не намечалось.
- На стр. 678 Грэфтон отмечает, что и Кальвизий не был чужд дивинаторского баловства и включал в свои изложения текстов цитируемых им авторов детали, которых в исходных текстах не было и в помине. Эти детали были рождены силой воображения Кальвизия и приписаны им

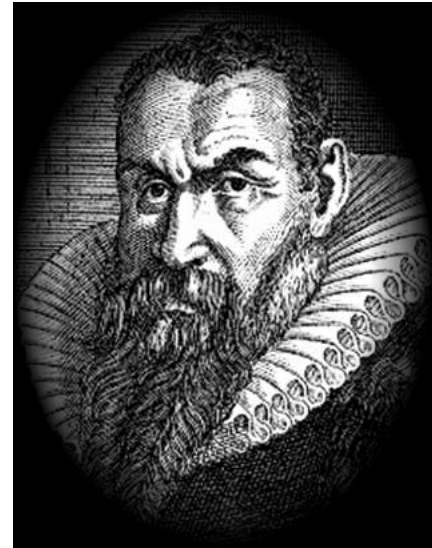

Рис. 11.2. В истории музыки Сет Кальвизий занимает гораздо более почетное место, чем в истории сочинения виртуального прошлого, хотя его роль в создании современной растянутой искусственно хронологии была даже более значительной, чем в развитии искусства хорового пения. Однако историки предпочитают не помнить своих отцов-основателей, обременивших их на многие века мельничными жерновами традиционной хронологии, которые им приходится с максимально возможным изяществом носить на хорошо натренированных шеях, делая вид, что жернова эти всего лишь изящные украшения их исторического костюма.

ничего не подозревавшим об этом – тем более, что в основном не дожившим до создания хронологической системы – авторам.

- На стр. 721 рассказывается, как Скалигер и Кальвизий реагировали на птолемеев список вавилонских и персидских правителей, который Скалигер сначала объявил фальшивкой, но потом переменял точку зрения и включил этот список в свои хронологические таблицы. Лишь через несколько лет после его смерти Кальвизию пришлось самому решать тот же вопрос о подложности или достоверности названного списка, который он получил только в 1613 г. В посмертном издании 1620 г. этот список включен и в его хронологические таблицы.
- Наконец, на стр. 731 Грэфтон ссылается на переписку двух хронологов в 1606 г. на тему о датировке библейских королей. Кальвизий, этот убежденный сторонник Скалигера, его «апостол», выступает здесь скорее в роли учителя, поясняя Скалигеру, в чем он ошибается в своих представлениях о годах правления. Скалигер настаивал на своей датировке как лучшей из всех возможных, а Кальвизий считал ее ошибочной.

Пфистер в новой редакции своей книги предпочитает называть тройку Скалигер, Кальвизий и Петавий на одном дыхании и рассматривать их как хронологическое созвездие. В приводимые в любой справочной литературе даты их жизни он не верит и считает, что первая книга Скалигера могла появиться лишь около 1630 г. Будучи противником григорианской реформы календаря, считает Пфистер, Скалигер датировал свою книгу 1583 годом, следующим за годом реформы (вспомним разгоревшуюся на тему о реформе полемику 90-х якобы годов 16 в.). Действительно, трудно себе представить, что в течение года после реформы могла быть написана и напечатана книга, которая практически предлагала альтернативный проект счета времени.

Рис. 11.3. Книга середины XIX века о деятельности иезуитов рассматривает и широко известный моральный принцип ордена Иисуса «Цель оправдывает средства». В русском языке закрепилась именно такая интерпретация иезуитского принципа вседозволенности. В немецком этот лозунг иезуитов звучит еще откровеннее: «Цель придает средствам ореол святости». Деятельность иезуитов по канонизации

К тому же, подделывая задним числом год издания, автор и издательство могли рассчитывать на лучший сбыт книги, на дополнительных покупателей, которые прельстились ее «древностью». Не исключено, что такого рода соображения издателей мы обязаны и всему изобилию инкунабул. В случае очень многих из них подозрение в датировке задним числом опирается на несоответствие высокого типографского качества изданий юности искусства печатания книг.

Анализируя «Исправление хронологии» в издании 1629 г., Пфистер отмечает, что во введении к этой книге цитируется Петавий. Однако в 1598 г., когда Скалигер опубликовал это введение, Петавий был еще мальчиком. И даже, если Скалигер в последний раз сумел внести исправления перед самой смертью, то и тогда упоминание Петавия было бы преждевременным. Конечно, следовало бы проверить, не внесена ли ссылка издателем книги в 1629 г. Но у Пфистера есть еще и другой аргумент в пользу его мнения о более позднем времени появления книг по хронологии: Использование арабских цифр для некоторых из дат, и не только в печатных версиях, но и в сохранившихся отрывках рукописей, по которым осуществлялся набор.

Про саму книгу Кальвизия он пишет следующее

хронологии была, таким образом, не только оправдана, но и служила святому делу подтверждения фантастических библейских сказок солидно выдуманной древней хронологией.

- Опус выгодно отличается своей четкой структурой, обозримостью и полнотой
- Все таблицы, как хронологические, так и астрономические, приведены в начале книги
- Далее описываются все известные календари и все важнейшие системы отсчета лет
- Особенно подробно рассмотрен вопрос о действительной дате рождения Христа
- Книга дает полный обзор всех представлений об истории того времени
- Она содержит много любопытных деталей, которые и сегодня заслуживают пристального рассмотрения

Уже из изложенного видно, что, на самом деле, весьма спорным является вопрос о том, был ли Кальвизий апостолом Скалигера или к нему в большей мере чем в Юсту Липсию подходит характеристика «соперник» или «соперник-единомышленник» (лучше всего их отношения характеризует анахроническое обозначение «социалистическое соревнование»), или же, как считают некоторые немецкие аналитики истории, именно Кальвизий систематизировал накопившееся к концу 16 в. хронологические представления и сообщил о них Скалигеру в их переписке. Правда, в пользу Скалигера вроде бы говорит тот факт, что он якобы опубликовал свой первый хронологический опус в 1583 г. (если верить этой дате), а Кальвизий сделал это на 18 лет позже.

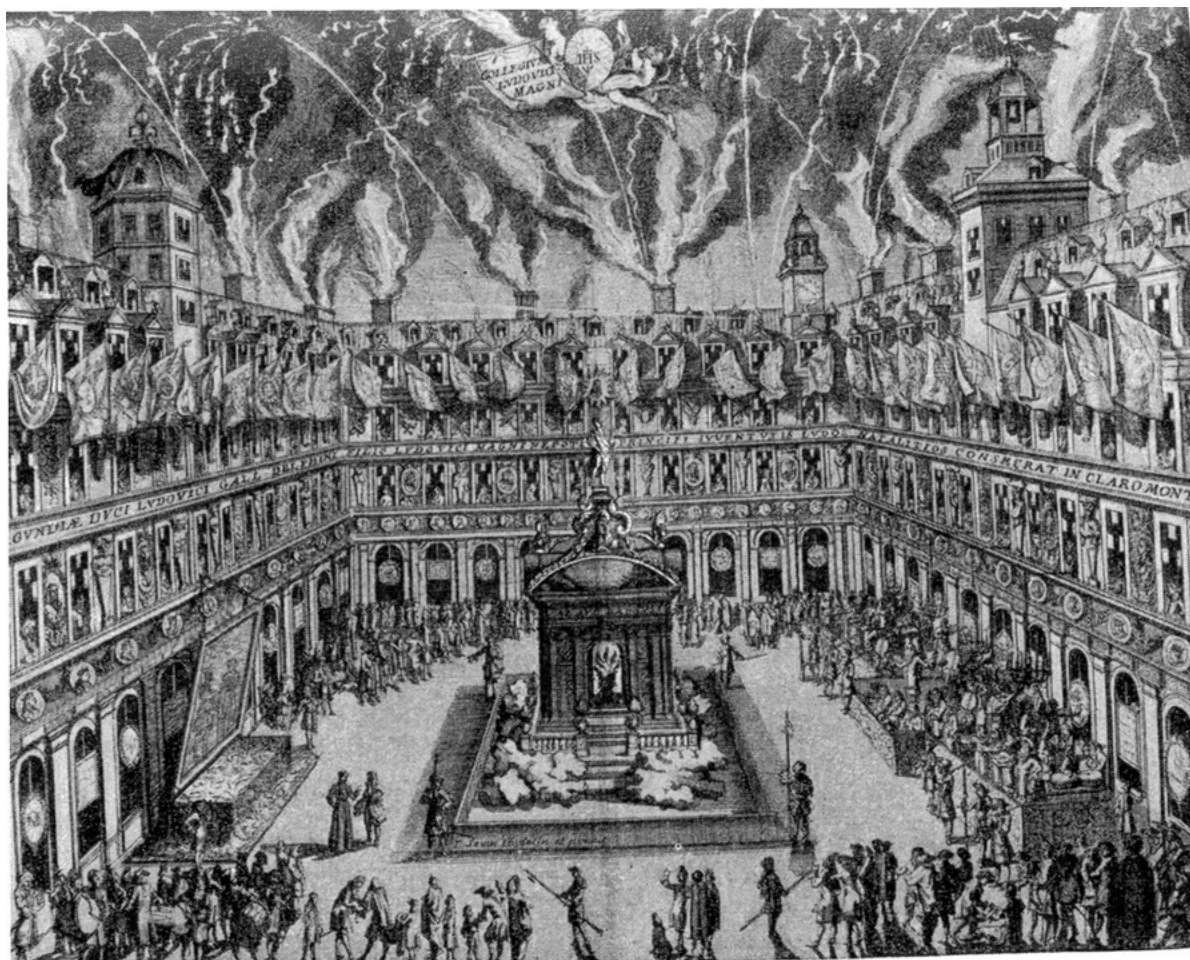

Рис. 11.4. Празднование рождения будущего короля Людовика XIII в иезуитской коллегии Клермонт в Париже, долгое время служившей главным иезуитским университетом. (Из книги «Власть и тайна иезуитов», Берлин, 1929, стр. 64).

Однако мы не знаем на самом деле, когда именно Кальвизий закончил первую версию своего труда. Известно только, что его книга долго не могла быть напечатана из-за активного сопротивления ведущего Лейпцигского профессора истории Дрессера. О причинах этой позиции можно только догадываться, но на поверхности лежит предположение о явлении, которое хорошо описывается немецким словом *Futterneid* (пищевая конкуренция, борьба за кусок хлеба, зависть соперника). Чего, мол, не в свою область лезешь и мой авторитет подрываешь! Поэтому Кальвизию пришлось добиваться поддержки властей в обход этого противника, а на это нужно много времени.

Впрочем не стоит углубляться в дискуссию на тему о том, кто у кого больше заимствовал. Вместо этого полезно вспомнить мнение Рене Декарта (якобы 1596–1650), который отвергал всю историографию как дисциплину, основанную на субъективных мнениях и произвольных построениях. Об этом пишет Витроу на стр. 210 в своей книге «Время в истории» (G.J. Whitrow, *Time in History*, Oxford University Press, 1988), немецкий перевод которой был озаглавлен как «Изобретение времени» (G.J. Whitrow, *Die Erfindung der Zeit*, Junius, Hamburg, 1999).

Подчеркну еще раз, что в историко-аналитических кругах существуют сильные сомнения в правильности дат жизни гуманистов 15-го и 16-го вв., а также годов издания их произведений. Часто книги содержат ссылки на произведения, напечатанные после выхода в свет этих книг. Логически это невозможно, а на практике такие противоречия встречаются довольно часто. Таким образом, по крайней мере одна из соответствующих двух датировок года выхода книги в свет оказывается неверной.

В заключение раздела о Кальвизии приведу **найденную мной в Интернете длинную цитату из книги В.Н. Татищева**, которая не только демонстрирует понимание подхода к хронологии, мною выше описанного, уже в 18 веке, но и свидетельствует о том, что именно труд Кальвизия, а не Скалигера был известен на Руси в качестве важнейшего хронологического опуса (примечания принадлежат перу неизвестного мне администратора соответствующей страницы в Интернете).

Рис. 11.5. Изгнание иезуитов из Парижа Генрихом IV в самом конце XVI века лишь ненадолго прервало их деятельность во французской столице. В XVII веке их позиция во Франции сильно укрепилась. (Из книги «Власть и тайна иезуитов», Берлин, 1929, стр. 449)

Обвинитель и реставратор Дени Пето

Сегодня имя Петавия мало известно даже гуманитарно образованным современникам. В этом плане ему даже меньше повезло, чем Скалигеру, хотя и больше, чем Кальвизию. Биографические материалы о Петавии не отличаются многочисленностью. Список его биографий, по необходимости – весьма короткий, приведен в главе «Жизнь и деятельность Д. Петавиуса» в начале книги немецкого теолога Лео Каррера (на стр. 5, в подстрочном примечании) «Исторически-позитивный метод теолога Дионизиуса Петавиуса» (Мюнхен, 1970). Я излагаю ниже биографию Петавия, следуя в основном этой биографической главе.

Каррер сравнивает известность Петавия с таковой египетских пирамид (все говорят о них, но мало кто их видел), но это сравнение распространяется скорее всего только на тех, кто изучал теологию. Даже в работах по истории теологии авторы, как правило, ограничиваются несколькими общими фразами о его роли в становлении этой дисциплины и о его основных хронологических трудах. Например, Колумбийская Энциклопедия (The Columbia Encyclopedia, Sixth Edition. 2001) не просто характеризует его как теолога и филолога, но и подчеркивает, что главная работа этого иезуитского теолога посвящена христианской догматике, а его издание греческих авторов до сих пор сохраняет актуальность и важность (обратите внимание, что его не характеризуют здесь ни как историка, ни как хронолога).

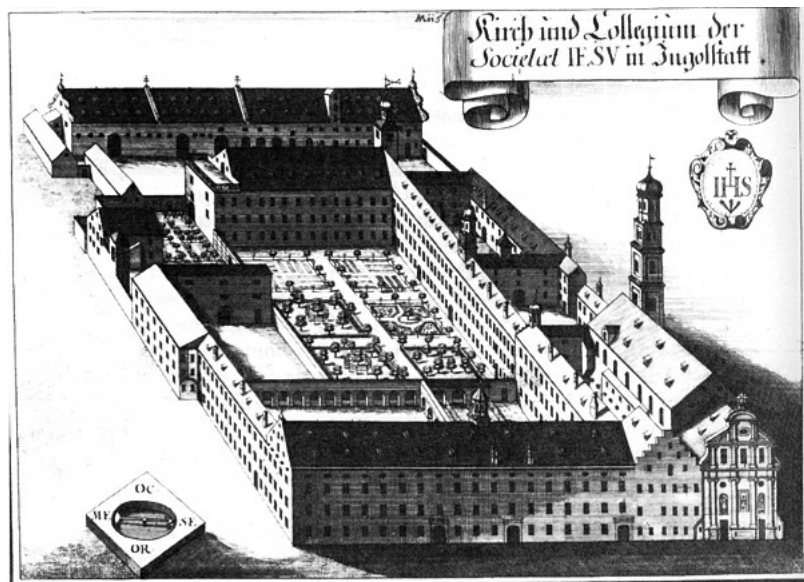

Рис. 11.6. Одним из центров борьбы с Реформацией в Германии был университетский город Ингольштадт, в котором иезуиты построили в 1583 году свою коллегия. На представленной здесь гравюре показано, как эта коллегия выглядела в 1701 году.

В несколько лучшем положении находятся любители астрономии: имя Петавия присвоено одному из крупных лунных кратеров, диаметр которого колеблется от 160 до 177 км. В Интернете каждая вторая ссылка на имя Петавия относится именно к описанию этой космической структуры. Впрочем реальный диаметр образа этого выдающегося культурного деятеля первой половины 17 в. значительно превосходит указанные линейные размеры на Луне и имеет смысл рассмотреть подробнее его жизнь и его творчество.

В год его рождения (1583 г.) Скалигер вроде бы опубликовал свой первый большой труд по

хронологии, «Исправление» оной. А 21-го августа сего года в Орлеане, в семье торговца по фамилии Пето (в немецкой литературе – Петау) родился второй сын. Его назвали Денисом (Дени). Позже – как теолог, филолог и хронолог – он стал знаменит под своим латинским именем Дионизиус Петавиус (или в русском варианте прочтения Дионисий Петавий).

При всем внимании к имени Петавия в связи с его ролью в становлении современной хронологии древней истории, кстати, крайне мало пока исследованной, следует все же подчеркнуть, что он был в первую очередь историком церкви и наибольшей известностью пользуется до сих пор в среде теологов, как историк и исследователь церковных догм и «отцов церкви». Синонимом имени Петавия считается выражение «отец истории церковных догм». В какой степени история «отцов церкви» является чистым вымыслом и какова роль Петавия в создании соответствующей мифологии – это особый вопрос, выходящий за рамки задач настоящей книги (по этому поводу см. книгу Уве Топпера «Выдуманная история Европы»).

О детстве Дени Пето и его учебе сохранилось крайне мало информации. Известно только, что отец его придавал большое значение образованию и заставил своего одаренного сына с ранних лет серьезно учить древние, как еще недавно считалось, языки: греческий и латынь. Кроме того, он изучал под руководством отца литературу и математику. В 15 лет Дени поступил на философский факультет Орлеанского колледжа. Изучение философии Денис продолжил вскоре в Париже, где в 17 лет защитил магистерскую диссертацию, написанную им по-гречески. После этого он провел еще два года в Сорбонне, изучая теологию, которой и было суждено стать его основной областью интересов.

В 19-летнем возрасте подающий большие надежды как ученый Дени Пето перенял в университете города Буржа кафедру философии. Его преподавательская деятельность там продлилась всего два года, после чего он вернулся в Париж, где уже в студенческие годы начал сотрудничать со многими выдающимися гуманистами. Одним из библиотекарей знаменитой Королевской Библиотеки в Париже был в то время (начиная с 1600 г.) Исаак Казобон (Isaak Casaubon), наиболее известный после Скалигера гуманист того времени, филолог и историк церкви. О нем я рассказал подробнее в предыдущей главе. Добавлю только, что Бернайс характеризует его как человека нерешительного, неопределенное материальное положение которого не позволяло ему никаких «резких движений». Этим пользовались, например, католики, распространяя слухи о его предстоящем переходе в католичество. И в этой ситуации, и в случаях несправедливой резкой критики своих произведений, он страдал, но не решался делать заявлений, проясняющих ситуацию и устраняющих распространяемую о нем клевету.

Казобон сыграл важную роль в становлении Петавия как ученого. Он посвятил Петавия в тайны гуманистического ремесла. В какой мере эти тайны были связаны с придумыванием «античных» авторов и их произведений на основе учета уже сочиненных другими апокрифов – вопрос, на который вряд ли когда-либо будет получен исчерпывающий ответ. Однако подозрение относительно того, что создание апокрифов было основной деятельностью гуманистов, возникает при знакомстве с биографиями ведущих представителей этого направления. Слишком уж много текстов классических авторов, «написанных» якобы за 1000 с лишним лет до рассматриваемой эпохи, было издано гуманистами.

Вот и Петавию Казобон рекомендовал заняться изданием текстов некоего Синезиуса, якобы жившего в 370–413 гг. в Греции и верхнем Египте философа, поэта и церковного деятеля (епископа), ученика знаменитой Гипатии. Той самой, которую дикие ранние христиане якобы убили в 415 г. в Александрии по наущению епископа Кирилла. Тот факт, что ее отец Теон якобы был математиком, да и сама

Гипатия преподавала математику и астрономию, делает эту фигуру чисто мифологической: никакой математики в то далекое время еще не существовало. Труды «античных» математиков Евклида (имя это в переводе может означать «хорошо одетый» или «хорошо переплетенный»), Архимеда, Апполония и др. были опубликованы в 16–17 вв. как правило уже после того, как содержащиеся в них математические сведения были открыты европейскими математиками. Иными словами, Евклид, Архимед, Апполоний и др. – это просто псевдонимы гуманистов, занимавшихся математикой и рисковавших навлечь на себя гнев диких ранних христиан – их современников, если станет известно, что они занимаются такой непонятной передовому пролетариату и не менее передовому крестьянству колдовской наукой.

Тот факт, что описанное выше зверство приписывается христианам, на чью сторону Синезиус якобы перешел после женитьбы на христианке, заставляет предположить, что среди гуманистов были и такие, которые с удовольствием запустили в оборот миф о зверстве ранних христиан. Недостатка в свидетельствах о зверствах христиан, бывших их современниками, гуманисты не испытывали. Публичные казни, с которых чуть ли не ежедневно начинался день в городах эпохи Возрождения, в которых жили и творили гуманисты (в том числе и интересовавшиеся математикой), выполняли тогда роль сегодняшних телепередач для массового зрителя. Эти же гуманисты были свидетелями грабежей и убийств солдатни, что и находило отражение в их описании «древней старины».

И вот, в бытность свою в Бурже, Петавиус углубился в изучение одного Синезиуса. Где, как не в провинциальном Бурже, существуют лучшие условия для знакомства с позднеантичными греческими авторами!? Правда, в первой половине 15 века (якобы 1422–1437) Бурж был даже столицей Франции. Правда, город славится своим кафедральным собором, о котором Бальзак писал, что весь Париж не стоит одного этого здания. И вообще, Бурж считается одним из самых красивых городов Франции, в котором представлены разные архитектурные эпохи. Но ни о каком собрании античных авторов в его библиотеках путеводители по культурным достопримечательностям города не сообщают.

В 1603 г. произошло его «крещение боем» и Петавиус издал свой первый труд: некую речь Синезиуса о греческом писателе и риторике Дионе Хризостоме (якобы 40–113), труды которого незадолго до этого издал профессор греческого Фридрих Морель. Сегодня вряд ли кто-либо знает это имя, кроме разве что тот факт, что в переводе с греческого хризостом означает златоуст. Вряд ли древние греки давали своим детям при рождении такое имя (энциклопедия Майера характеризует его именно как греческое имя, а не как фамилию), так что на всех Хризонтомах, включая и самого известного (Иоанна Златоуста), уже поэтому падает подозрение в том, что их придумали гуманисты.

А лучшего повода для придумывания речи о только что вышедшем и прочитанном «античном» авторе и быть не может: по сей день принято писать рецензии на недавно вышедшие книги. Другое дело, что в наши дни возобладали естественная эгоцентрическая мода подписывать такие рецензии собственным именем. Куда изящнее было писать отзыв о книге с точки зрения некоего другого, в данном случае «античного», читателя. Самого этого «читателя-рецензента» можно было и придумать.

В Бурже Дени Пето установил свои первые контакты с иезуитами, контакты, которые со временем привели к его членству в Ордене Иисуса. Этому способствовало его близкое знакомство с Фронтонем ле Дюком (умер в 1624 г.), который был в Париже библиотекарем иезуитского колледжа (коллегии) Клермон и дружил с коллегой по профессии гугенотом Казобоном. Ле Дюк прославился изданием трудов отцов церкви. Впоследствии и Петавий тоже будет активно издавать ранних христианских авторов. Под влиянием Ле Дюка 15 июня 1605 Пето стал послушником Ордена Иисуса в

Нанси. Здесь и в окрестностях этого города он провел четыре года, после чего был переведен в качестве профессора риторики в г. Реймс.

Впрочем параллельно он занимал должности в католической общине своего родного Орлеана, с епископом которого Габриэлем л'Обеспьеном был дружен и которому посвятил свой первый большой труд «Собрание сочинений Синезиуса, епископа киренского», напечатанный в 1612 г. Это якобы переведенное им на латынь (а скорее всего просто написанное по собственным представлениям о позднеантичной эпохе) собрание сочинений Петавий весьма ценил. Во всяком случае он дважды его переиздавал, в 1631 и 1633 гг., каждый раз с новыми улучшениями и многочисленными примечаниями. Оно и понятно: за 20 лет представления об «античности» претерпели определенные изменения.

Иезуит Петавиус

В 1598 г. во Франции насчитывались восемь миллионов католиков и только один миллион протестантов. Поэтому орден Иисуса, поставивший своей целью борьбу с ересями, т.е. в частности и с протестантизмом, рассчитывал на хорошие условия для своей деятельности в этой стране (в отличие от Германии, где протестантизм и свобода вероисповедования были широко распространены). Деятельность ордена во Франции началась около 1540 г., когда несколько молодых иезуитов были направлены на учебу в Парижский университет. Однако эта деятельность встретила сильное сопротивление и поэтому только в 1566 г. им было разрешено устроить во Франции свою постоянную резиденцию, да и то в глубокой провинции, в городке Билломе (сегодня порядка 4000 жителей) западнее Лиона и вблизи Клермон-Феррана. Впрочем в то время Биллом был университетским городом и важным центром провинциального образования.

Завоевав доверие католических властей своей антикальвинистской агитацией, иезуиты получили в 1561 г. доступ в Париж, а созданная ими там Коллегия Клермонт начала даже со временем конкурировать с Парижским университетом. Среди ее преподавателей был и знаменитый теолог Мальдонат, архив которого после его смерти обрабатывал Петавий. Его лекции привлекали до тысячи студентов со всего Парижа, но после его смерти обработка его объемистого архива затянулась и существует подозрение, что большую ее часть последующее поколение иезуитских ученых издало под собственным именем. Наиболее активно в этом . т.е. в обработке архива, что бы под этим не понималось – участвовал именно Петавий, которого и считают одним из основных последователей теологии Мальдоната.

При Генрихе III (1574–1589) иезуиты получили в своей деятельности поддержку королевского двора и смогли сильно укрепиться во всей Франции. Однако по мере падения популярности вероломного короля, иезуиты все больше и больше становились на сторону его противников. В 1589 г. король (последний из династии Валуа) был убит молодым фанатиком-католиком. Иезуиты прославляли убийцу как героя, принявшего мученическую смерть во славу родины. В наступившее затем смутное время иезуиты могли себе позволить сначала занять позицию против Генриха Наваррского, одного из вождей гугенотов, претендовавшего на французский престол, так как был ранее женат на сестре французского короля. Они участвовали в обороне Парижа против его войск и даже после перехода Генриха в католичество (Париж стоит обедни) и его коронации как Генриха IV отказывались дать ему присягу верности, не признавали его королем Франции до тех пор, пока папа римский не снял с него своего отлучения.

Генрих IV быстро завоевал признание французов и общественное мнение во Франции повернулось против иезуитов, дольше всего боровшихся против нового короля. Король установил за иезуитами слежку, но до определенного времени не предпринимал ничего против них. Когда же 27 декабря 1594 г. молодой парижанин Жан Шастель сделал попытку заколоть короля, все парижские иезуиты (Шастель три года учился у них) были через несколько часов после происшествия арестованы. Из Парижа и его окрестностей, а также из ряда других провинций, иезуиты были изгнаны, а деятельность ордена во Франции была запрещена.

Впрочем этот запрет не был реализован в отдаленных от столицы провинциях, а сами иезуиты, получив ощутимый щелчок по носу, изменили свою тактику и стали всячески добиваться милости двора. Везде, где им удалось сохранить свою организацию, иезуиты принимали присягу на верность королю и старались оказывать двору политические услуги. В результате Генрих IV призвал их в 1603 г. обратно, поставив деятельность ордена под свою личную опеку. Другой вопрос, в какой мере ему

действительно удалось национализировать орден Иисуса во Франции и поставить его на службу своему государству. Во всяком случае деятельность Петавия в ордене Иисуса началась во время нового расцвета оного на территории Франции. В 1610 г. орден насчитывал около 1400 членов и около 40 коллегий, новициатов и иных заведений.

Уже вскоре после 1603 г. влияние иезуитов при дворе стало сильно возрастать. Король сделал одного из них, блистательного отца Котона, своим наставником. Роль иезуитов в системе образования продолжала увеличиваться. Их коллегии имели больше учащихся, чем когда-либо прежде. Самая большая иезуитская коллегия была основана королем в затхлом провинциальном городке Ла Флеш. Здесь учились одновременно до 1200 студентов-дворян, принадлежащих к семьям благородного происхождения.

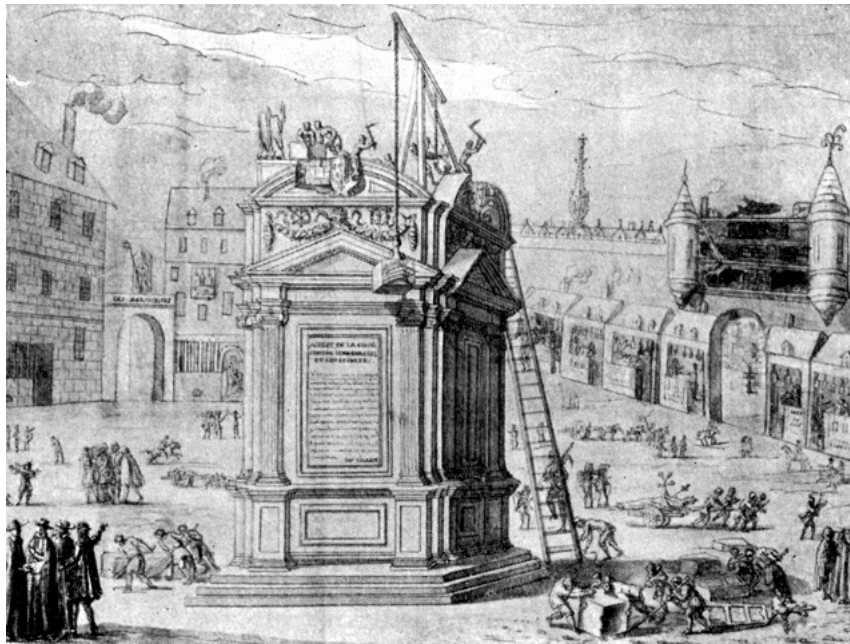

Рис. 11.7. После изгнания иезуитов из Парижа там была сооружена массивная «позорная колонна» с описанием всех преступлений иезуитов, вменяемым им в вину, на огромных текстовых панно. После прощения королем «исправившихся» иезуитов, не только эти панно были устранены, но и сама позорная колонна была разобрана. (Из книги «Власть и тайна иезуитов», Берлин, 1929, между стр. 400 и 401).

Петавий проработал два года в коллегии Ла Флеш профессором риторики. Городок сей был известен в первую очередь тем, что Генрих IV провел здесь свою юность и был здесь похоронен в капелле Св. Луи. Он же основал названную коллегия, в которой иезуитские схоластики вдали от Парижа могли работать на благо государства, а не против него, как они это не раз делали в столице. Здесь позже учился Рене Декарт – в зрелые годы ярый противник иезуитов.

В большинстве путеводителей по Франции город сей сегодня даже не упоминается. Ни о какой старинной библиотеке в Ла Флеше речи нигде нет. Тем не менее именно в этой дыре Петавий издал по-гречески и на латыни три речи императора Юлиана и семь речей Фемистиоса, конечно же снабженных не только примечаниями, но и улучшениями!

Римский император Флавий Клавдий Юлиан (якобы 331–363) провел довольно бурно свою короткую жизнь, успев якобы повоевать как в Персии, так и в Галлии, приобрести глубокие познания в философии, поменять христианскую веру на неоплатоническое учение, которое он, мол, пытался

превратить в государственную религию. Юлиан, как считается, проводил юридически социальные реформы и писал религиозно-философские трактаты.

Фемистиос (якобы 317–388) считается греческим риториком и философом-эклектиком, сделавшим политическую карьеру (был сенатором и префектом в Константинополе), побывавшем якобы в Риме, руководившим школой в Константинополе и поднявшимся до должности воспитателя императорского наследника. Из его наследия сохранились якобы 34 речи, произнесенные по разным, в основном торжественным, поводам. Чаще всего это панегирики в адрес сменяющих друг друга императоров. Петавий знал 19 из них, так что работа над образом Фемистиоса продолжалась и в последующие эпохи. Ардуэн знал уже 33 его речи, а последнюю опубликовал некий Ангело Май в Милане в 1818 г. Фемистиос считал, что Платон и Аристотель не имеют существенного различия во взглядах и что эллинизм и христианство – это две формы одной универсальной религии. Бросается в глаза, что Петавий при выборе своих «античных» авторов сохраняет верность эпохе «поздней античности», над создание образа которой он скорее всего и работал.

В 1616 г. Петавий публикует по-гречески с латинскими комментариями историческую и хронологическую книгу о константинопольском патриархе Никефоре. Рукописные материалы для нее предоставил ему Яков Сирмонд, считавшийся одним из специалистов по отцам церкви и по вселенским соборам. Сирмонд был наряду с Ле Дюком ближайшим соратником и единомышленником Петавия. Практически эти три тесно связанные друг с другом католических мыслителя создали творческий коллектив. Их жизненный симбиоз Лео Каррер обозначает словом, которое может переводиться и как совместная жизнь, и как брак, супружество. Он подчеркивает, что именно Сирмонд был основным инспиратором Петавия, который часто привозил ему из Ватикана новые идеи (или идеологические заказы?) и новые материалы.

Сирмонд якобы скопировал рукописи Никефора в Ватиканской Библиотеке. Каким образом они оказались в этой созданной якобы Николаем У (Томазо Парентучелли, приписываемы ему годы папства 1447–1455), а на самом деле в 1587 г. библиотеке (в этом году папой Сикстом У было построено ее здание; болтовня об ее существовании якобы с пятого века – одна из исторических уток, созданных в рамках искусственного удлинения истории на тысячелетия), если не в результате активных писательских упражнений гуманистов, никто объяснить не может. Кстати купленные ею или подаренные ей богатые собрания рукописей и книг начинают поступать в Ватиканскую Библиотеку лишь после 1622 г.

В коллекции перлов профессора Галлеттиса есть и такой: Из Ватиканской библиотеки французы похитили 60 рукописей, в том числе и более, чем 200 рукописей Евклида. Впрочем в Ватикане и не такое могло происходить! Скорее, все-таки, правилом было умножение числа античных рукописей и роль иезуитов в этой творческой культурной акции еще предстоит исследовать.

Почему после пристального внимания к эпохе мифического раннего становления христианства как государственной религии вдруг у Петавия появился интерес к – скорее всего просто выдуманному – греческому патриарху (якобы 750–828)? Оказывается последний был сторонником поклонения иконами и боролся с императором Леоном У, который был активным противником любых изображений. Теологические произведения Никефора считаются теоретическим обоснованием важности икон для религии. Ну, как могли молодые талантливые защитники католицизма (с его культом икон) от наскоков иконоборческого протестантизма пройти мимо такого религиозного деятеля?! И если его не существовало на самом деле, то как можно было не придумать и его, и его произведения?!

Сегодня святой Никефор считается одним из основных авторов средневековой Византии, историком и теологом экстра ранга. Вообще-то согласно его биографии в рамках ТИ он даже и не был церковным деятелем, по крайней мере до возведения в ранг константинопольского патриарха в 784 г. Родом из дворянской семьи, он работал – как и его отец до того – в 775–780 гг. императорским секретарем под руководством некоего Тарасия, который стал патриархом в 784 г. Якобы участвовал в Гикейском Соборе в 787 г., но в 90е годы впал в немилость и покинул Константинополь. После смерти 18 февраля 806 г. пробовавшего на посту патриарха 22 года Тарасия Никефора в течение нескольких дней постригли в монахи (это произошло якобы 5-го апреля), возвели в священнический сан (9-го апреля) и провозгласили патриархом (12-го апреля). Умер он ровно через 22 года после пострижения в монахи, снова 5-го апреля. Жаль, что даты жизни того же Петавия нам не известны с такой же предельной точностью! Надо бы кому-нибудь сочинить и для него подробную биографию.

В 1618 г. Петавий окончательно обосновывается в Париже, в упомянутом выше иезуитском колледже Клермон, где с 1621 г. работает профессором теологии. Здесь он пишет свое основное теологическое сочинение, в большой мере реализующие принципы, изложенные в свое время Мальдонатом в его блистательных лекциях. Скорее всего, именно в связи с переездом в Париж и началом работы в иезуитском колледже он 4-го ноября 1618 г., после торжественной церемонии принесения клятвы верности ордену Иисуса, становится полноправным членом ордена иезуитов. Так как послушничество в ордене длилось как правило всего один год, можно считать, что с 1606 г. у Петавия была возможность стать полноправным иезуитом, но какие-то сомнения подвигли его на 12летние раздумья о рациональности этого шага. Впрочем, энциклопедия Мейера считает его иезуитом с 1605 г. так что не исключено, что Петавий долго был (скорее всего, все это время) тайным иезуитом: статус довольно распространенный в ордене Иисуса.

В течение нескольких лет Петавий работал над ранним христианским автором по имени Епифаний. В 1618 г. он, наконец, опубликовал полное собрание его речей. Имя Епифаний, как и многие другие использованные при сочинении истории имена, является смысловым именем. Епифанес (гр. видимый, светящийся) считается античным прозвищем многих богов. В эпоху эллинизма так титуловали королей в династиях Птолемеев и Селевкидов. В христианской церкви епифания (гр. явление) или христофания это праздник явления господня – древнейший церковный праздник наряду с пасхой (празднуется 6-го января или в его канун). В похожем смысле слово это якобы использовалось уже в античности по отношению к разным божествам, не всегда видимым невооруженным глазом, или к явлению миру обожествленных властителей.

Эпифаний (якобы умер в 535 г.) был с 520 г. константинопольским патриархом, которому пришлось улаживать дела церкви после ее победы над ересью монофизитства. Монофизиты (от монос = один и физис = природа) были сторонниками взгляда на Христа как обладателя только божественной сущности, а не двух: божественной и человеческой, как это считается в католической церкви. С точки зрения обоснования правомочности католических догм было, конечно, полезно явить свету столь раннего защитника одной из них. Как могли через 1000 с лишним лет сохраниться речи Эпифания и его переписка (например, якобы с папой римским)? Оставим этот вопрос на совести Петавия. Во всяком случае, кроме массивного использования оным теологического наследия Мальдоната, известен по крайней мере еще один случай, когда Петавия обвиняли в краже чужих идей. С такими обвинениями выступил против Петавия декан Домского собора Орлеана Матурин Симон.

Для того, кто без зазрения совести присваивал себе чужое духовное наследство, было, скорее всего, совсем уж легко просто выдумывать «произведения античных авторов», их речи и письма, их трактаты и комментарии. Книга немецкого писателя Теодора Грезингера (1809–1884) «Иезуиты» (Ст. Петербург, 1999) содержит целые главы, посвященные иезуитской морали, в рамках которой не

только обман, интриги, хитрость, пренебрежение совестью и нравственностью, но и убийство считались допустимыми средствами для достижения практических целей. В намазывании трупов на бутерброды Петавий – человек довольно мрачного вида – замечен не был, что же касается всего другого – кто его знает. Нет ни малейшего основания считать, что иезуитские авторы придерживались иных моральных установок при достижении своих практических целей в какой бы области они не работали.

Так в посвященной иезуитам статье из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона читаем:

«Главным основанием иезуитской догматики служит Фома Аквинат, особенно в отношении к учению о непогрешимости папы и о господстве его над всеми государями. Это учение И. развили до последних крайностей, прибегая к подлогам и даже изменениям текста Свящ. Писания».

Ну, уж если Священное Писание для иезуитов не свято, то что же говорить о каких-то там «античных» то ли авторах, то ли псевдонимах. Далее словарь сообщает такие сведения об использовавшейся иезуитами логике:

«Нравственные теории И. оправдывают обман, ложь, клятвопреступление, уничтожают всякое благородное побуждение к нравственному возрождению и усовершенствованию, разнузывают самые грубые инстинкты, устанавливают компромисс между Божьей правдой и человеческой неправдой. Недаром они доставили И. славу снисходительных духовников; от которых без труда можно получить отпущение всякого греха. Для разработки своих нравственных теорий И. воспользовались казуистикой – той отраслью средневекового богословия, которая занималась применением общих нравственных законов к конкретным случаям и разрешением возникающих при этом вопросов совести (*casus conscientiae*). Во многих случаях – по учению казуистов – у нас нет полной уверенности в том, что мы поступаем согласно с нашими обязанностями. Из двух представляющихся нам взглядов на данный вопрос каждый может опираться на известные основания, но ни один из них не может считаться несомненно достоверным (*certa opinio*), а является лишь вероятным, правдоподобным (*probabilis*). При этом оба противоположные мнения могут иметь за себя равное число оснований (*aequae probabiles*), или в пользу одного из них может быть приведено большее количество оснований (тогда оно *probabilior*), а в пользу другого – меньше оснований (*minus probabilis*). Самое правдоподобие может опираться или на основания внутренние (*probabilitas intrinseca*), или на внешние, т. е. на авторитет сведущих лиц, заслуживающих уважения и доверия учителей и авторов (*probabilitas extrinseca*). От более или менее правдоподобного мнения (*opinio probabilior* или *minus probabilis*) различают более или менее безопасное мнение (*opinio tutior* или *minus tuta*). Более безопасное мнение – то, следуя которому легче избежать нарушения законов, чем следуя противоположному. Из различных казуистических сочетаний мнений, более или менее правдоподобных и более или менее безопасных, иезуиты усвоили то, которое дает всего больше поправок человеческим слабостям. Это – система пробабиллизма, которая сводится к тому, что менее безопасному мнению можно следовать и тогда, когда оно менее правдоподобно.»

Можно себе представить, какой замечательной научной основой служили такие взгляды при формировании новой научной дисциплины хронологии, до которой Петавий пока еще не добрался, но к занятиям которой готовился в годы своих иезуитских университетов. Опираясь на авторитет сведущих лиц, которые в свое время писали с оглядкой на авторитет других если не сведущих правду, то сведущих, что им выгоднее всего (и так далее в течение многих поколений), можно составить весьма авторитетную мировую историю. Если при этом стремиться к минимальному объему конфликтов, выбирать наиболее распространенные точки зрения, то уже никакой

потребности в их обосновании не сможет и возникнуть. Тем более, если «менее безопасному мнению можно следовать и тогда, когда оно менее правдоподобно».

Петавий-хронолог

До конца 1621 г. Петавий преподавал риторику в своей коллегии, работал над новыми изданиями своих книг, публиковал стихи и оды, в том числе и панегирик, посвященный покровительнице Парижа святой Женовеве. В этом году он перенял кафедру теологии, которую до того времени занимал его старший друг Ле Дюк.

Приблизительно с 1621 г. начинается период творчества Петавия, в котором хронология играет самую важную роль. Впрочем еще до появления его главных хронологических работ хронологическая тематика была им уже затронута

- в 1616 г. книге о патриархе Никефоре в связи с расчетом пасхалий и с хронологией правления византийского императора Гераклия, якобы умершего в 641 г.,
- в 1618 г. в книге речей Фемистиуса и
- в 1622 г. в собрании сочинений Эпифания, где содержались рассуждения о годе рождения Иисуса, о годе его распятия, об одном из вселенских соборов и о других исторических вопросах.

Традиционно его интерес к хронологии связывают с борьбой католической церкви против отвергшего григорианскую реформу Скалигера. Вот что пишет по этому поводу О.Л. Вайнштейн:

«Иезуиты начали против Скалигера отчаянную борьбу. Проблемы филологической критики и хронологии приобрели для католической церкви столь важное значение, что в одной только Франции два наиболее способных воспитанника иезуитов – Жак Сирмонд и Дени Пето – получили задание специализироваться именно в этих областях знания. Однако их атаки против Скалигера, порой удачные, не могли поколебать репутации великого французского эрудита.» (стр. 376–377)»

В данном абзаце чувствуется некая хронологическая неувязка. К тому времени, как иезуиты поручили Петавию уделить усиленное внимание работам Скалигера последнего, по традиционной хронологии, давно уже не было в живых. Так, может быть, и даты жизни гуманистов нуждаются в пересмотре (как я уже подчеркивал, так, например, считает Христоф Пфистер).

Иделер (стр. 604. т. 2) считает, что Скалигер располагал недостаточными знаниями в астрономии и имел большую склонность к принятию на веру гипотез, которые его богатое воображение ему охотно поставляло. О Петавии он пишет, что последний был не менее проницательным, сообразительным и остроумным, чем Скалигер (все эти качества позарез нужны талантливым придумывателям, пардон, систематизаторам виртуального прошлого), но отличался от Скалигера более спокойной исследовательской манерой, был больше склонен к самоконтролю и обладал гораздо более солидной базой астрономических и календарных знаний.

Первые же нападки Петавиуса на хронологическую систему Скалигера с ее отрицанием григорианской реформы, с ее счетом времени исключительно по дням и с его многочисленными хронологическими таблицами, представлявшими собой наиболее уязвимое место в его учении о календарях и хронологии, привели к ожесточенной полемике с последователем Скалигера Саумезе (ум. якобы в 1653 г.). В 1627 г. вышел в свет объемистый двухтомный хронологический труд Петавия «De Doctrina Temporum» (Наука о времени). В учебном пособии Европейского университета в Санкт-Петербурге «Специальные исторические дисциплины» (С.-Петербург, 2003) в написанной А.А. Романовой главе «Хронология» полное название книги «Opus de Doctrina Temporum» довольно вольно переводится как «Книга о познании времени».

Как и Скалигер, Петавий излагает все доступные ему сведения о разных календарных системах у разных народов. А.А. Романова характеризует книгу как обширный обзор хронологических систем, что лишь частично верно. К сожалению, за прошедшие несколько десятилетий после выхода в свет книг Скалигера информация о таковых (календарных или хронологических) не стала более достоверной. На основе этой недостоверной информации сделаны были им затем многочисленные хронологические выводы, которые представлены в виде дат эры От Рождения Христа. Частично они отличаются от приведенных Скалигером дат и обоснование большинства из этих корректур получило всеобщее признание современников (но не Ньютона или Ардуэна, живших несколько позже), частично еще до опубликования книги.

Неоднократно по крайней мере до 1708 г. издавалась в разных редакциях и его книга хронологических таблиц "Tabulae chronologicae regum, dynastiarum, urbium, rerum Virorumque Illustrum", составленных на основании «Науки о времени» (Первое издание в Париже в 1628 г.).

В 1630 г. Петавий издал два дополнения к обеим томам своей «Науки о времени» под общим заглавием «Uranologeum» (Архив музы астрономии). В первой части этого труда он опубликовал многочисленные до того не печатавшиеся труды греческих авторов по хронологии и астрономии (стоило только Петавиусу заинтересоваться этой тематикой, как античные авторы стали засыпать его своими рукописями на хронологические и астрономические темы), а также некий древнеримский календарь. Вторая часть «Архива музы астрономии» содержала многочисленные его и его единомышленников тексты, посвященные разбору отдельных хронологических вопросов и соответствующих позиций Скалигера, и других ученых-гугенотов.

Иделер высоко ценил «Науку о времени» и считал, что эта книга в течение двух столетий служила многочисленным более поздним писателям, затрагивавшим хронологические темы, волшебной шкатулкой, в которой они находили основу для собственных изысканий. Он считает, что она не утратила актуальности и для современных ему исследователей, не желающих ограничиваться справочными пособиями по хронологии (хронологическими таблицами) – жаль что к началу 20 века количество таких самостоятельно мыслящих хронологов практически уменьшилось до нуля. В качестве наиболее ценного издания рассматриваемой книги Иделер называет трехтомное антверпенское издание 1703 г., в котором третий том состоял из названного выше «Архива». Трехтомные издания последовали затем в Вероне (1734–36 гг.) и Венеции (1757 г.).

Напечатав «Архив музы астрономии» Петавиус практически признал, что «Наука о времени» была им издана в несколько сыроватом виде. К тому же его многочисленные последователи, в первую очередь университетские профессора, желавшие читать курсы лекций по хронологии, жаловались, что они не в состоянии осилить всю премудрость толстых томов книг Петавия. Их меньше интересовала его полемика с оппонентами и его детальные доказательства (не для оных ли насочинял он «античных» греков-хронологов в первой части своего «Архива») в разных конкретных случаях. Им была нужна система, по которой можно было бы учить студентов новой дисциплине: хронологии мировой истории.

Дионисий Петавиус: ойкуменический консенсус или окаменение хронологии.

Интересно освещение деятельности Петавиуса в весьма поверхностной книге «История и время. В поисках утраченного» И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. Авторы упоминают Петавия дважды в краткой форме. Сначала на стр. 180 следует общее заявление о том, что «создателями современной хронологии являются французские ученые Йозеф (Жозеф) Скалигер (1540-1609), Дионисий Петавий (Петавиус) (1583-1652) и Ж. Кассини (1677-1756).» Затем на стр. 194 вся заслуга Петавия перед хронологией, в создании которой он активно участвовал, сводится к тому, что в его «Науке о времени» было предложено «расширить христианскую систему летосчисления за счет лет до Рождества Христова.»

Эта неквалифицированная попытка отводить ему только роль изобретателя лет до рождения Христова показывает, что современные историки просто не знают истории развития хронологии. На уже упомянутой стр. 194 авторы пишут о том, что система летоисчисления от рождения Христа приняла свой современный вид только в 17 в. благодаря работам Петавия. Вся его заслуга перед современной хронологией сводится по их пониманию к тому, что в 1627 г. он опубликовал работу, в которой предложил расширить христианскую систему летоисчисления за счет дней до Рождения Христа. Правда, как отмечают тут же авторы, заслуга эта не так уж и грандиозна, ибо идея отсчета от событий «назад» часто (!!! – Е.Г.) применялась и до Петавия. Авторы называют в качестве примера Полибия, тем самым – сами того не понимая – разоблачая последнего как апокриф сравнительно позднего времени.

Впрочем, трудно себе представить, чтобы кто-либо из пользовавшихся летоисчислением от Рождения Христа незадолго до Петавия придумал бы иной метод датировки, если бы речь шла о каком-либо конкретном событии до Рождения Христа. Скорее всего вся эта «диалектика на ровном месте», все это переливание из пустого в порожнее, свидетельствует лишь о том, что до Петавия сама система летоисчисления от Рождества Христова еще не привилась и нужно было растолковывать читателю самые тривиальные приемы ее использования.

Авторы считают, что Петавий совершил при этом ошибку, забыв ввести нулевой год. В результате в нашей системе летоисчисления 1-й год до н.э. непосредственно примыкал к 1-му году н.э.. Почему это является ошибкой они не разъясняют. На самом деле, это никакая не ошибка, а одна из возможных форм соглашения о датировке событий, происшедших до условной точки отсчета в зре «от Рождения Христова». Никому, кроме слабых в арифметике современных историков, нулевой год не нужен и именно поэтому, а не из-за массового идиотизма людей 17-18 вв., никто и не оплакивал его отсутствия.

Поэтому абсолютно бессмысленна их фраза о том, что «только в 1740 г. Жак Кассини разработал методику корректировки этой ошибки в хронологических вычислениях, но к этому времени предложенная Петавием система уже утвердилась в качестве официальной.» Никакой ошибки он не исправлял, а просто показал, как вычислять временное расстояние от некой даты до Р.Х. до некоторой иной даты после Р.Х. Заслуга на уровне начального курса арифметики. Действительно, если ввести нулевой год, то расстояние от даты до Р.Х. до другой, расположенной после Р.Х., можно будет вычислять обычным вычитанием.

Например, от середины первого года до н.э. до середины второго н.э. ровно два года. Но вычитание 2 – (-1) дает результат 3 и от него нужно дополнительно отнять единицу, чтобы получить временной промежуток между двумя датами. Если бы мы имели еще и нулевой год, то рассмотренный

промежуток увеличился бы до трех лет

Но и в этом месте речь идет только о годе, так что, совсем уж не думая, временные промежутки определять не удастся и при наличии нулевого года: нужно еще учитывать обе даты и число дней в месяцах, количество високосных лет между латами. По этой причине никаких оснований зачислять астронома и геодезиста Кассини в основоположники хронологии нет и у Иделера его имя даже не встречается в именном регистре.

1740 г. – это не только через век с лишним после Петавия. Это эпоха после Ньютона, после его гениальных работ по математике, физике, астрономии и небесной механике. Это эра математического анализа. О какой методике корректировки хронологических исчислений, сводящейся к добавлению или отниманию единицы в числе лет, может идти речь?! Может быть стоит объявить его великим учителем человечества, сказав, что он научил оное чиханию? И добавив, что и до него часто чихали. Но зато через 113 лет некий другой великан духа разработал методику чихания в носовой платок. А до него, мол, чихали без какого-либо единообразия, кто во что горазд: в шляпу или в рукав, в декольте любимой женщины или в лицо гостю.

Еще одна любопытная деталь: в именном указателе великих историков хронологии ни фамилии Петау (немецкая версия его имени), ни Петавий, ни Петавиус (латинская версия) нет. Зато есть упоминание о нем под именем Дионисий: Дионисий Петавий. Крайне необычная форма для именного указателя! Правда, она же использована авторами и для другого Дионисия: Дионисия Малого. Пикантность здесь в том, что французское Пето = Петавий как раз и переводится как Малый, на что в свое время и обратил внимание А. Фоменко.

Так как единственная заслуга Дионисия Малого перед хронологией заключается якобы в попытке ввести летоисчисление от Рождества Христова (безуспешной, конечно, ибо выдуманный историками почин сей, естественно, никем подхвачен не был), эта его характеристика (только в этом качестве он рассматривается и в анализируемой книге, сравните с моим изложением выше) делает Д. Малого фантомным отражением Д. Петавия (тоже Малого). Петавия, действительно внедрявшего в сознание современников летоисчисление от Рождения Христа.

Хорошо объясняемое психоаналитически помещение обоих Дионисиев в виде их включения в именную указатель рядом друг с другом, для чего пришлось нарушить в этих двух случаях алфавитный порядок фамилий, свидетельствует о том, что авторы по меньшей мере бессознательно восприняли предположение А. Фоменко об этих двух Дионисиях. После знакомства с книгой Савельевой и Полетаева возникает убеждение, что названное выше предположение А. Фоменко крайне вероятно, даже если эту часть заслуг и приписали в новое время некому легендарному Дионисию, якобы трудившемуся над пасхалиями до возникновения христианской Пасхи: согласно представлениям новой хронологии даже и иудаизм, считающийся ТИ более древней религией, в первом тысячелетии нашей эры еще не существовал.

Любопытно и приведенное на стр. 647 ехидное замечание по адресу одного из ведущих историков 20 в. Ле Гоффа. Авторы нашли у него такую фразу: «В 6 в. Дионисий Малый заложил основы христианской хронологии, которая вела отсчет времени с отрицательным и положительным знаком от Рождества Христова: до и после Христа». Но, как справедливо замечают Савельева и Полетаев, ни о каких отрицательных числах европейцы в 6 в. и понятия не имели. И, вообще, Ле Гофф позабыл о том, что историки уже давно договорились считать Дионисия Петавия «изобретателем» летоисчисления если не от, то по крайней мере до Рождения Христа. Еще один шаг и мы обнаружим глубокоуважаемых поверхностных авторов серии *Studia Historica* в рядах российских

новохронологов.

К Петавию-хронологу приходит признание

Слава Петавия-хронолога превзошла уже после выхода его первых хронологических книг таковую Скалигера и его имя быстро стало известно как во Франции, так и в Германии, Нидерландах и Испании. Свидетельством его новой популярности могло служить приглашение, полученное Петавиусом в 1629 г. от испанского короля Филиппа IV занять кафедру хронологии и истории в недавно основанном королевском университете в Мадриде. Петавиус вежливо отказался, сославшись на свое здоровье и на блестящие возможности для научной деятельности, существовавшие у него в Париже.

Конечно, дорогу Петавию к этому признанию как ведущего хронолога Европы проложили оба его предшественника, сделавшие саму эту проблематику популярной и проделавшие пионерскую работу по созданию дисциплины, но немалую роль сыграло и то, что Петавий жил в Париже – культурной столице Европы 17-го века, а не в провинциальном Лейдене или несколько менее провинциально Лейпциге, который все-таки входил во второй, а не первый эшелон главных европейских городов, играл, так сказать, во второй лиге.

Выполняя идейное задание написать пособие, по которому можно было бы учить студентов хронологии мировой истории, Петавий издал в 1633 г. «*Rationarum Temporum*» («Обзор времен»). Книга состоит из сравнительно краткого изложения основных принципов хронологических расчетов и из обзора всех основных дат мировой истории в том виде, как ее понимали в первой половине 17 века. Хронология событий доведена Петавием до 1632 г. Через три года после выхода в свет «Обзора времен» Петавий переиздал эту книгу с некоторыми дополнениями. Книга приобрела большую известность и оставалась в течение двух веков наиболее читаемой книгой по хронологии. Иделер упоминал лейденское ее издание 1724 г., считал книгу лучшей в своем жанре и рекомендовал ее своим современникам в качестве учебника истории.

В начале книги помещено историческое введение, в котором излагаются сверхдостоверные исторические данные для периода от создания мира до Адама и Евы, а затем вплоть до его времени. Пфистер оценивает его как скучное или занудное. В издании 1703 давно к этому времени отошедший в мир иной Петавий продолжил изложение истории до порога 18-го века. Есть подозрение о том, что Петавий не был лично свидетелем всех описанных во введении исторических событий и поэтому последнее вынужденно носит компилятивный характер.

В приведенные затем весьма подробные хронологические таблицы Петавий вложил больше души, чем во введение: это и было его главным детищем, но и таблицы тоже весьма компилятивны. В самом начале приведены все библейские патриархи, начиная с Адама, Сета и Эноса, причем они представлены как правители, длительность правления которых известна. Так царь Адам (не ясно, правда, как называлось его царство) просидел на престоле 930 лет, а вот Моисей, оказывается, правил всего 120 лет.

Раннюю греческую «античность» Петавий смог представить весьма детально. Он приводит подробнейшие списки правителей не только более ни менее известных Мемфиса, Коринфа и Крита, но и Мессени и Сикиона. Про Трои он знает о существовании семи царей, из которых шесть ему удалось назвать поименно. Список афинских архонтов столь подробен, что возникает вопрос, не стоял ли он во время Петавия в каждой телефонной книге. Пфистер высказывает и в случае этого списка, и приведенного в другой таблице полного списка всех римских консулов подозрение, что такая потрясающая сохранность информации возможна только в случае недавно придуманных соответствующих списков.

На 31 странице (208–238, том 2) Петавий дает хронологию всех вселенских соборов, среди которых есть и такие, о которых современный читатель даже и не подозревает. Оказывается, уже в 34 г. н.э. в Иерусалиме состоялся вселенский собор, на котором вместо предателя Иуды в апостолы был избран верный Матфей. В конце списка упомянут вселенский собор 1585-го года в Мексике, посвященный обращению выживших после христианского вторжения мексиканцев в христианство. В издании 1703 года список этот был удлинен и включил в себя также два вселенских собора, якобы состоявшихся в Константинополе в 1639 г. и в 1642 г. Якобы на них речь шла о борьбе с ересью кальвинизма. Более близкого по географии места к области распространения кальвинизма католическая церковь, конечно, найти не могла (или это православные боролись с кальвинизмом?). Наверное недавно (в 1603 г.) объявившее ислам государственной религией правительство Османско-византийской Империи выделяло средства на проведения в своей столице христианских вселенских соборов и заманивало к себе кардиналов и епископов щедрыми подарками.

Присутствует в книге Петавия и подробный хронологический список еретических движений, упорядоченных по столетиям (том 2, стр. 239–247). В качестве первого из еретиков назван Симон Маг, который поддерживал предоставление церковных должностей за денежное вознаграждение (так называемую симонию). Во втором столетии церковь якобы боролась с хилиастами, в 4-м с Арием и в 5-м с Пелагием и Несторием. Это – очень полезная и по сегодня историческая информация о церкви, которая на самом деле оформилась только около 1500 г. Правда, в конце списка можно встретить и всех ведущих реформаторов во главе с Мартином Лютером.

Все римские правители представлены в едином списке: и «древнеримские», и Священной Римской Империи Германской Нации и даже французский король Людовик 14-й, к которому автор относится с особым уважением. Как мы видим, еще в 17-м веке Римская Империя «античности» и немецкая Римская Империя еще не разделялись столь решительно, как это делают сегодня историки.

Из всех многочисленных хронологических таблиц Пфистер выбрал несколько широко известных событий мировой истории, чтобы показать, что еще и хронология Петавия впоследствии немного утрясалась. Вот эти даты

1. -3983 сотворение мира из ничего (в 1890 г. писали еще 4004 г., сейчас отдают предпочтение дате -15.000.000.000 лет, предпочитая не углубляться в вопрос о том, был ли мир до Большого Взрыва или нет)
2. -1209 Падение Трои (в таблице [Время], представляющей собой доработку хронологической таблицы викторианского 1890 г., троянская война помещена в период 1194–1184, так что согласно хронологам королевы Виктории Троя была разрушена на 25 лет позже, чем по Петавию. Зато у Бикермана указан год 1225 до н.э.)
3. -0975 Распад древнего Израиля на два государства (По Бикерману Соломон правил до -928 г. и только с этого года появляется государство Иудея, но [Время] тоже дает -975 год)
4. -0754 Основание города Рима (Пустычная разница, всего за год до Варроновской даты -753: Варрон не учел, что Ромул целый год волков по Риму гонял!)
5. -0004 Рождение Христа
6. +0033 Казнь Христа

Последние две даты приводят к необычной длительности земной жизни Христа.

В 1635 г. Петавий опубликовал свое последнее хронологическое сочинение, на сей раз по-французски, что он делал крайне редко. Книга эта называлась «La pierre de touche Chronologique» (Хронологический пробный камень») и представляла собой методическое наставление о том, как следует проводить хронологические изыскания, своего рода методологическое введение в хронологию.

Заглянув в Интернет, я обнаружил, что многочисленные издания двух наиболее известных книг Петавия по хронологии можно и сегодня приобрести у букиниста по цене приблизительно от 100 до 500 евро. Названная последней его книга представляет собой библиографическую редкость и ее трудно найти даже в библиотеках.

На сайте <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/> приведена на странице <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/petavius.htm> копия напечатанного в 1659 г. английского перевода «Всемирная история или счет времени, продолженные до 1659 г.. Вместе с географическим описанием Европы, Азии, Африки и Америки» этой книги в ее еще более поздней версии. В частности, в ней появилась дополнительная глава о событиях 1632–36 гг. Эта копия позволяет составить представление о стиле изложения хронологического материала Петавием. Он начинает с попытки датировать многие события, содержащихся в античной мифологии и в Библии. Его 10 книг (глав) посвящены следующим периодам истории:

- Книга 1, содержащая годы от сотворения мира (или от года 730 юлианского периода) до третьего года Соломона (год 3702 того же периода): всего 2972 года.
- Книга 2, содержащая 484 года от четвертого года Соломона, который является 3702-м годом юлианского периода до смерти Кира (год 4185 того же периода):
- Книга 3, содержащая времена от года 4186 юлианского периода до года 4430, или от начала Камбиза до начал правления Птолемея Филадельфия (Филадельфийского)
- Книга 4, содержащая историю памятных дел от года 4431 юлианского периода до года 4713
- Книга 5, содержащая годы от первого Христа до 34-го (судя по тексту книги, в этом заголовке вместо 34-го года должен стоять 304-й)
- Книга 6, содержащая годы от 304-го Христа до 491-го
- Книга 7, содержащая годы от 491-го Христа до 641-го
- Книга 8, содержащая годы от 641-го Христа до 1100-го (последнее число, скорее всего, опечатка, ибо в этой книге рассматриваются и события 12-го и даже 13-го века)
- Книга 9, содержащая годы от 1200-го Христа до 1632-го
- Книга 10, содержащая годы от 1632-го Христа до 1638-го

В конце книги приведены предметный указатель и географическое описание мира.

Подводя итог деятельности Петавия-хронолога отметим, что несмотря на отдельные случаи проверки им датировок по источникам (оставим пока в стороне вопрос об их происхождении и о правильности и истолкования) Петавиус в основном сводил воедино уже устоявшиеся хронологические представления, не давая большинству приводимых им дат никакого обоснования и вообще даже не обсуждая их. Это вполне соответствует образу мышления иезуитов с его упором на мнение авторитетов, как его описывают в словаре Брокгауза и Эфрона:

«С точки зрения многих пробабилистов, всякий может, не взвешивая оснований за и против по

существо и не составляя себе собственного убеждения в дозволенности или недозволенности данного действия, поступать сообразно с тем мнением, которое считается правильным со стороны признанных авторитетов и потому есть мнение правдоподобное, хотя бы он сам лично считал противоположный взгляд более основательным. Затем, при разъяснении понятия *probabilitas extrinseca* многие заходили так далеко, что говорили: всякое мнение правдоподобно, т. е. на практике можно следовать всякому мнению, которое высказывается несколькими авторами или даже одним, хотя бы все другие авторы оспаривали его, если только оно не осуждено явственно Церковью. В конечном своем результате пробабилизм упраздняет всякий внутренний голос совести, все веления нравственности, заменяя их суждениями признанных авторитетов, т. е. самих И. Это учение идет еще гораздо дальше, чем положение, что цель оправдывает средства — положение, которое действительно вытекает из теории и практики И., хотя в учебниках их и не выставляется в качестве общего руководящего принципа. В силу положения, что цель оправдывает средства, нравственная оценка поступка производится по намерениям лица, его учинившего, в силу же пробабилизма должен быть одобрен поступок безнравственный как по цели, так и по средствам, если только для обоснования его может быть приведено "правдоподобное" мнение. [...] Паскаль, в своих "Провинциальных письмах", выставил моральное учение иезуита Эскобара во всем его безобразии.»

И в предыдущей главе, как и в этой, я вынес за скобки еще одну важную тему в истории развития хронологии: широкое использование нумерологии для создания схемы мировой хронологии. Там, где не было никакой хронологической информации (а ее очень часто не было) решения искали на языке магии чисел. Эта тема подробнее рассматривалась российскими авторами, чем западными, хотя Пфистер и посвящает «исторической нумерологии» отдельную главу и следующую за ней «нумерологическим симметриям» (обе вместе стр. 305–325). Впрочем и в последующих главах он демонстрирует десятки примеров использования игры чисел в хронологии древнего мира

Великий теолог.

Итак, Петавий, как и Скалигер с Кальвизием и компанией действовали в области хронологии скорее как компиляторы, систематизаторы и, быть может, создатели недостающих для реализации грубо намеченной схемы «источников», чем как строгие критические умы, задавшиеся целью отделить подлинное знание о прошлом от океана литературного творчества на тему о виртуальном прошлом. И, конечно, они сильно содействовали преобладанию некритического духа собирательства текстов над критическим восстановительством истины. Они много способствовали канонизации искусственно растянутой хронологии и созданию духа нетерпимости к сомнениям в правильности хронологической модели прошлого и к альтернативным попыткам разобраться с временными рамками исторического прошлого.

Если для Скалигера с Кальвизием занятия хронологией составили венец их жизненного пути, то для Петавия хронология была лишь временным увлечением, да и то, как мы видели, имеющим характер партийного задания. Выполнив поставленную задачу, он прекратил свои хронологические исследования и целиком предался главной страсти своей жизни – теологии. Чтобы завершить портрет главного героя этой главы, расскажу здесь кратко об этой его деятельности.

Заняв в 1621 г. в качестве наследника Ле Дюка кафедру позитивной теологии, Петавий оставался ее заведующим до 60-летнего возраста, после чего в 1643 г. освободил ее, сохранив за собой до самой смерти в конце 1652 г. только должность библиотекаря Клермондской Коллегии (он умер 11 декабря). Однако занятия хронологией, новыми редакциями и переизданиями его книг о перечисленных выше греческих авторах и освоение литературного наследия испанского теолога Мелхиора Кано (создателя позитивной теологии) и его долголетнего студента Иоганна Малдонатуса, оформившего позитивную теологию в отдельную теологическую дисциплину, в течение десятка лет не позволяли Петавию выйти в этой области за рамки чтения лекций. Его активная литературная деятельность в области теологии началась в 30-х годах и продолжалась около 20 лет. Впрочем его занятия ранними греческими христианскими авторами создали ему теологическую репутацию еще до появления в 1644–50 гг. его основной работы по теологии четырехтомной "Theologica dogmata" (Догматическая теология).

Книга была задумана как восьмитомная, однако Петавий успел написать только первые четыре тома. Неоднократно предпринимались попытки довести его замысел до конца, но ни одна из них не была до конца реализована. Тем не менее его четырехтомный труд не только неоднократно переиздавался (например, в 1700 г. в Антверпене, в 1721–24 гг. в 1731 и в 1745 гг. в Венеции, в 1722 г. во Флоренции), но и издавался с примечаниями и дополнениями как в форме пятитомника, так и шеститомника (Венеция 1757 под редакцией Заккарии) и даже восьмитомника (в 1865–68 гг. в Париже). Последним является очевидно издание 1876 г. (Грац).

Само понятие позитивной теологии с трудом поддается простому определению. Было бы проще всего определить ее как теологию в смысле Кано и Малдонатуса, что однако ничуть не прояснило бы сути этого понятия. Энциклопедия Мейера не знает понятия положительной теологии и называет только три основные теологические дисциплины:

- Историческая теология, включающая науку о Библии (становление Старого и Нового Завета), историю церкви, историю теологии, историю церковного права и вообще историю религии и т.п.
- Систематическая теология, к которой относят догматику, систематику, этику и
- Практическая теология: пасторальная теология, церковное право, литургия, религиозная

педагогика и т.п.

В плане этой классификации положительная теология относится к систематической, хотя во времена Кано, Малдонатуса и Петавия граница систематической догматики и исторической теологии еще только оформлялась. Однако ни догматика, ни систематика, ни этика не представляются мне синонимами истины и поэтому я продолжил поиски разъяснения термина «положительная теология».

В поисках определения этого понятия я перелопатил десятки страниц в Интернете и множество книг и почувствовал, что это что-то такое простое, родное и близкое каждому теологу, что давать этому определение даже как-то неудобно. В этом и состоит его суть: Если я правильно понял многочисленных современных (не обязательно лично мне) теологов, «положительная теология» по определению это такое понятие, который каждый должен знать и которое каждый теолог считает ниже своего достоинства определять. Это, конечно, можно рассматривать в виде определения, но такое несколько слишком широкое определение меня не устроило и я попытался резюмировать в следующей форме:

Положительная теология это такая форма теологии, в которой верить – хорошо, а сомневаться и спрашивать всякие там «ПОЧЕМУ?» – плохо (это была бы уже негативная теология, к сожалению вошедшая в моду в 20-м веке), в которой вопрос о доказательстве в принципе не ставится, а предполагается, что мы имеем дело с добропорядочными верующими, которые ни в каких доказательствах не нуждаются в принципе. Они верят и знают без каких-либо доказательств, что каждое божье слово верно, потому что оно верно всегда, везде и на все 100%.

Поняв эти простые вещи, я очень обрадовался. Ведь если создание хронологии в принципе завершил великий позитивный теолог Петавий, то нам – смертным просто грешно задавать какие-либо исторические или хронологические вопросы и в чем-либо сомневаться. Мне стало ясно, что и ТИ, и традиционная хронология верны без каких-либо доказательств, ибо каждое отдельное слово историков верно, потому что оно верно всегда, везде и на все 100%.

Закключение: блистательное созвездие

Итак, у истоков хронологии как научной дисциплины стояли филолог Скалигер, музыкант Кальвизий и теолог Петавий. Ни один из них не кончал исторического факультета, не писал диплома на тему «О роли марксизма-ленинизма в понимании динамики феодализма Древней Руси» и не защищал диссертацию на звание кандидата исторических наук. Ни один из них не занимал должностей на кафедре истории и не был сотрудником Института Истории АН СССР. Тем не менее, созданный ими монстр под названием «хронология мировой истории от древнейших времен до окончания контрреформации» воспринимается многомиллионной армией историков как солидное научное достижение, не нуждающееся ни в проверке, ни в улучшении.

В 20-м веке почетный член той же Академии Наук СССР, директор первого в Советской России естественно-научного исследовательского института имени Лесгафта, энциклопедически разносторонний ученый, химик, физик, астрофизик, историк науки, автор учебников по математике Николай Александрович Морозов (правда, не содержащих неверных доказательств, как у Скалигера, но зато как и последний писавший стихи и мемуары), подверг устоявшуюся хронологию оригинальной проверке и установил, что в ней много необоснованных допущений, не доказанных утверждений и разоблачительных повторов и что поэтому хронологию нужно писать заново. Но так как он – в той же мере, что Скалигер, Кальвизий и Петавий – был автодидакт и также как и они не кончал, не писал, не защищал и не состоял, то он был объявлен рехнувшимся на царской каторге недоучкой, не понимающим самой сути исторического мышления. И вот уже скоро 100 лет историки продолжают свою ругань в его адрес, но не могут опровергнуть ни одного критического аргумента Морозова.

В том же веке полный член Академии Наук России, автор десятка признанных во всем мире монографий по современной математике, заведующий кафедрой и глава математического отделения МГУ Анатолий Тимофеевич Фоменко подверг выводы Морозова компьютерной проверке, установил, что его сомнения не только верны, но и подтверждаются десятками новых открытых путем перебора и расчетов на вычислительной технике случаев, углубил критику традиционной хронологии и нашел сотни, если не тысячи новых аргументов в пользу необходимости пересмотра наших исторических и хронологических построений. Но так как он – в той же мере, что и Скалигер, Кальвизий, Петавий и Морозов – был автодидакт в области истории и также как и они не кончал, не писал, не защищал и не состоял по специальности история СССР, хотя и кончал, и писал, и защищал и состоял, но не в том цеху и не у того станка, то он был объявлен сумасшедшим, оклеветавшим душечку Скалигера и старика Ньютона (тоже в свое время посмеявшегося усомниться в справедливости хронологии), недобросовестным ученым, противоречащим марксистско-ленинской исторической науке.

Остается только пропеть гимн объективности позиции историков-традиционалистов, не способных отказаться от догматического образа мышления, по крайней мере в России имеющего солидный фундамент тоталитарного воспитания, от восходящего к первобытно-племенному строю деления на «своих» и «чужих» и от тоски по партии родной, которая одна могла объявить некое новое научное направление чуждым марксизму-ленинизму и следовательно антинаучным, неверным и вредным рабоче-крестьянскому общественному строю. Впрочем, тоска по инквизиции и в современной российской науке не совсем исчезла, но пока комиссии АН по лженауке не дают развернуться и сжечь все неправильные книги вкупе с их рехнувшимися авторами.

Литература

[Витроу] Whitrow, G.J.: Die Erfindung der Zeit, Junius, Hamburg, 1999 (титул оригинала: Whitrow, G.J.: Time in History, Oxford University Press, 1988)

[Время] Zeittafel der Weltgeschichte, Könnemann, Köln, 1999 (Титул оригинала: The Tomechart History of the World, Chippenham, England, 1997)

[Грезингер] Грезингер, Теодора: Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени, Ст. Петербург, 1999.

[Кальвизий1] Calvisius, Sethus: Opus Chronologicum, ex autoritate potissimum Sacrae Scripturae Et Historicorum fide dignissimum, Ad motum luminarium coelestium; tempora & annos distinguendum, secundum characteres Chronologicos contextum, ... & deductum usq(ue) ad nostra tempora. Cui praemissa est Isagoge Chronologica, in qua Cum Tempus Astronomicum de numerandis motibus Luminarium coelestium, & eorundem Eclipsibus; tum diversae diversorum in omnibus Epochis annorum quantitates & formae dilucide explicantur ... Frankfurt an der Oder. Johannes Thym. 1620. (4J) Bl., 178 S., 900 S., (38) Bl.

[Кальвизий2] Calvisius, Sethus: Opus Chronologicum ex autoritate potissimum Sacrae Scripturae u. Historicorum ... ad motum Luminarium coelestium ... Frankfurt, 1629. Editio Tertia. Geprägt. GanzPgt.-Ebd. d. Zt. mit 4 Bünden, 4 Bll. 242, 1294 S. zahlr. Bll. (Register) 4

[Кальвизий3] CALVISIUS, SETHUS, Opus chronologicum ad annum MDCLXXXV. Conkmatum, lui praemissa est Isagoge Chronologica, subjuncta appendix Epistolarum et Judiciorum de hoc Opere, nec non controversiorum Chronologicarum, nume primum ex MSC. CL. Autoris collectarum...lum Indice personarum rerum gestarum copioso. Francofurt ad Moenum et Lipsiae: Apud Christianum Gensch, 1685 s.f. + 1050-1123 + 74 p. + 2 f. portr.

[Каррер] Karrer, Leo: Die historisch-positive Methode des Theologen Dionysius Petavius, Max Huber, München, 1970.

[Петавий1] Petavius, Dionysius: THEMISTIOS. Orationes XIX Graece ac Latine coniunctim editae. magnam illarum partem Latine reddidit, reliquarum interpretationem recensuit, notis universas, atque emendationibus illustravit. Paris, M. Sonne, 1618.

[Петавий] Petavius, Dionysius: De doctrina temporum, 3 Bde., Paris, 1627-1630

[Петавий2] PETAU, D. Opus de doctrina temporum: auctius, in hac nova editione notis & emendationibus, quas manu sua adscripserat Dionysius Petavius. Cum praefatione & dissertatione de LXX hebdomadibus Joannis Harduini. 3 Bde. Antwerpen, G. Gallet, 1705.

[Петавий3] Petavius, Dionisius: De doctrine temporum. Accesserunt notae...et Joannis Harduini...praefatio ac dissertatio de LXX. Hebdomadibus... 3 Bde. in 2 Bdn. Venedig, Baronchelli, 1757. XLVIII, 568 S., 4 Bl.; XII, 536, VIII, 364 S.

[Петавий4] PETAVII, DIONYSII (PETAVIUS, DIONISIO): RATIONARIUM TEMPORUM IN PARTES DUAS, LIBROS TREDECIM TRIBUTUM. IN QUO AETATUM OMNIUM SACRA... PARIS 1641

[**Петавий5**] PETAVIUS, D.: Rationarium temporum in partes duas, Libros tredecim distributum..., Paris, Cramoisy, 1652.

[**Петавий6**] PETAVIUS,D.: Rationarium temporum. Editio ultima. 2 Tle. (in 1 Bd.). Franeker, Strik, 1700.

[**Петавий7**] PETAVIUS (PETAU), D.: Rationarium temporum, in partes duas, libros tredecim, distributum. Editio novissima. Peter van der Aa, Leiden,1710.

[**Петавий8**] Petavius, Dionysius: Rationarium temporum. Editio Novissima. Tomus Primus. Köln,, 1720. 780 S. + Index

[**Петавий9**] Petavius, Dionysius: Rationarium Temporum. In quo aetatum omnium sacra profanaque Historia Chronologicis probationibus munita summatim traditur. Editio recentissima. Batavia, Haak, 1724

[**Петавий10**] Petavius (Petau), Dionysius: Rationarium Temporum in partes duas, libros tredecim tributum. In quo aetatum omnium sacra profanaque Historia chronologicis probationibus munita summatim traditur. 2 Teile und Anhang in einem Band. Amsterdam, Arkstee und Merk, 1740.

[**Петавий11**] PETAU, DENIS. Rationarium temporum, "cui praeter ea omnia, quae uberrime in postrema Veneta editione adjecta sunt, in hac nostra novissima accessere duo opuscula Jacobi Usserii ... 3 Teile in 1 Bd. Verona, P. A. Berni, 1741

[**Петавий12**] Petavius, Dionysius: Rationarium temporum. In partes duas, libros tredecim tributum ... Editione novissima ..., Amsterdam, Arkstee & Merkus, 1745.

[**Петавий13**] Petau, Denys (i.e. Dionysius Petavius): Rationarium temporum in partes duas, Libros Tredecim tributum. In quo aetatum omnium sacra profanaque Historia Chronologicis probationibus munita summatim traditur. Hac Editione Novissima Diligenter a mendis priorum Editionum expurgatum. [Band 1 und 2]. Leiden: Cornelius Haak, 1745.

[**Петавий14**] Petavius, Dionysius: Rationarium temporum. Ed. novissima, cui accesserunt, praeter dissertationes & tabulas chronologicas antea editas, appendix historica usque ad annum 1748. Venedig, Basilius 1749. 19 cm. 2 Bände.

[**Петавий**] Petavius, Dionysius: Rationarium temporum. In partes duas, libros tredecim tributum ... Editione novissima ... Accedunt supplementum historiae ad hanc usque aetatem continuatae, tabulae genealogicae veteris recentiorisque aevi, & indices ... tertia pars imperatorum, regum, magistratuumque successiones complexa. Leiden, Haak 1765. 20 cm. 3 Teile in 1 Band. (32), 795, (1); (2), 312, (8); 259, (3) Seiten mit 1 gestochen Porträt, Kupfertitel, 8 Kupfertafeln und zahlreichen genealogischen Tabellen.

[**Петавий15**] Petau, Denis (1583-1652); (Petavius, Dionysius). Dionysii Petavii Aurelianensis e societate Jesu Opus de Theologicis Dogmatibus, nunc primum septem voluminibus comprehensum...redactum...Francisci Antonii Zachariae,...dissertationibus, ac notis uberrimis illustratum...in hac novissima editione apparatu historico-critico aucta. Venetiis, Ex Typographia Remondiniana, 1757; Complete in 6 tomes consisting of 7 volumes in 5 bindings:

[**Петавий16**] Petau, Denis (S.J., pseud. Antonius Kerkoetius, Le P.) La Pierre de touche chronologique, contenant la méthode d'examiner la chronologie et en reconnoistre les défauts, Paris : S. Cramoisy, 1636

[**Пфистер**] Pfister, Christoph: DIE MATRIX DER ALTEN GESCHICHTE. Analyse einer religiösen
Geschichtserfindung, Dillium Verlag, Fribourg (Schweiz), 2005.

[**Станоник**].Stanonick, Dionisius Petavius, Graz, 1876.

[**Экстайн**] Eckstein, Dionisius Petavius, Lexicon Ersch&Gruber

Заключение.

Когда в 1930м году немецкий ученый Артур Вегенер умер во время экспедиции в Гренландию, его теория дрейфа материков существовала уже 20 лет. И все эти 20 лет она единодушно отвергалась всеми специалистами по геологической истории Земли. И, не смотря на то, что одного взгляда на глобус достаточно, чтобы увидеть линию разлома между Африкой и Южной Америкой, геологической науке понадобились почти 60 лет для того, чтобы признать вроде бы очевидное.

В первые 35 лет после смерти Вегенера его теория замалчивалась или реже "опровергалась", пока в конце 60х не выяснилось, что только она способна объяснить несоответствия между данными о магнетизме геологических пород на разных континентах. С тех пор ей было найдено множество разных подтверждений, в том числе и палеонтологических: кости древних животных разбросаны по континентам и островам в зависимости от отдрейфовывания последних друг от друга.

Убила ли теория дрейфа материков геологическую историю Земли? Нет, она обогатила ее пониманием динамики тектонических плит, сделало ее более адекватной и практически более полезной. Не было никаких страшных потрясений в жизни специалистов по геологической истории нашей планеты: новые поколения геологов учили студентов теории Вегенера, разрабатывали ее, применяли ее в геологической практике. Старые же профессора и доценты находили себе немало занятий в тех областях геологии, которые не были столь спорными.

Основные тома "Христа" были опубликованы в 20е годы. В течение первых 35 лет после смерти Н.А.Морозова в 1946м году его теория замалчивалась или реже "опровергалась", пока в конце 70х годов ею не стали всерьез заниматься московские математики. Возрожденная А.Т.Фоменко и "новыми хронологами" математическая хронология показала, что Н.А.Морозов был на верном пути, что наша хронология старины абсолютно неверна и действительно ни на что не годится. Они вскрыли закономерности дрейфа реальной истории в прошлое и ее расслоения на выдуманные эпохи, царства и империи.

Перед историками открывается широчайшая перспектива новых исследований с учетом этого дрейфа, разработки теории исторической тектоники, обогащения исторического знания путем синтеза сохранивших историческую стабильность эпох с их отдрейфованными в прошлое описаниями. Ясно, что благодаря этому поле исторических исследований не сужается, а колоссально расширяется.

Работы должно хватить на всех: и на новые поколения историков, осиливших методы критического анализа, и на предыдущие поколения профессоров и доцентов, которые своими знаниями могут помочь молодым историкам в реконструкции реалистичной исторической картины.

Традиционная древняя и средневековая история неверна.

Она не отражает действительного положения в относительно давнем прошлом, отстоящем от нас на 5-7 столетий, не говоря уже о еще более ранних временах. Неверна в первую очередь номенклатура исторических эпох, событий, древних государств и древних исторических деятелей, заговоров и войн. Она неверно описывает общественные процессы прошлого, демографию и динамику общества прошедших давно эпох.

История – не прошлое, не то, что произошло, а то, что мы про происшедшее знаем или предполагаем, что знаем. Я сформулировал эту позицию в лозунге «история – модель прошлого», который попытался пропагандировать в настоящей книге. Из-за смешения понятий «происшедшее» и «история» количество бед «исторической науки» еще больше увеличивается.

На фоне всего этого выглядит совсем уж невинным наша убежденность в том, что неверна и хронология древности и Средневековья: если на некоем поле никогда не стоял ни один дом, смешно спорить об их высоте и прочих размерах этих домов. Впрочем, хронология неверна и в случае событий, действительно имевших место в прошлом, как, например, изобретение книгопечатания. Неверна и истекающая из смешения истории с прошлым парадигма историков о том, что и история обязана иметь линейно упорядоченную и «пригвожденную» к временной оси хронологию, которой безусловно обладала теоретически неизвестная нам хронология прошлого.

Может быть, именно эта парадигма мешает историкам понять, как смехотворна их поза всезнания. Как отметил однажды аргентинский философ Хорхе Анхель Ливрага Рицци (см. сайт А. Гуца из приведенного в конце заключения списка)

«Главная ошибка официальной науки заключается не в предлагаемой ею хронологии, а в той безапелляционной манере, в которой о ней говорится, тогда как сама эта хронология основывается на весьма скромных, а порой и вовсе эфемерных доказательствах.»

История, таким образом, никакая не наука. Она – занимательная балаболка, для которой даже уничижительная характеристика М.М. Постникова «история – это типичная лженаука» представляется малообоснованным комплиментом.

История неверна и в то же время она пользуется почти абсолютным доверием у широких народных масс. Это связано с ее **характером народной религии**, которой человечество обучают с детства и которую пропагандируют на лубочном и потому понятном широким массам уровне при помощи всех средств СМИ. Впрочем, дело не ограничивается лубочными картинками фольклор-истории и другой духовно-ширпотребовской продукцией. Возникла всепроникающая религиозная система «история человечества» в ее бесчисленных национальных вариантах, заменившая собой нам не известную картину действительного прошлого человечества, сделавшая невозможным концентрацию внимания на описании действительного прошлого человечества.

Эта религия создавалась и внедрялась в наше сознание на протяжении нескольких последних столетий лучшими умами человечества на службе политики и идеологии и превратилась в столь богатое явление культуры, что даже ее критикам становится страшно при одной мысли о том, что их исследовательская работа может быть воспринята как попытка нанести ущерб этому пласту культуры. Поэтому я искренне надеюсь, что моим читателям стало ясно: связанная с виртуальным прошлым мифология не уничтожается исторической аналитикой, а просто переставляется на полку, отведенную под современную религиозную, мифологическую и фантастическую литературу. Или на специально для виртуальной истории построенную элегантную полку из лучших пород красного дерева.

Историческая аналитика, пытается создать – не на месте этой религии выдуманного прошлого, а рядом с ней – науку о реальном прошлом. Она пытается перетащить на позиции строго научного мышления все те разделы ИИ, которые уже в какой-то мере применяют действительно научный подход и в состоянии провести разделительную линию между фантазиями от истории и элементами

науки о прошлом. Не наше дело вмешиваться в религиозные воззрения масс, но мы имеем право и должны вмешиваться, когда религию пытаются выдать за науку. И мы требуем освободить на книжной полке место для книг, посвященных научному прошловедению. Пусть это будет сперва пахнущая деревом простая полка из не струганных досок. Но читатель должен знать, где стоят книги по прошловедению, а где по фантастической виртуальной истории.

Хотя в книге и было рассказано о существовании исторической аналитики, на самом деле ее объем не позволил остановиться на деталях и поэтому я планирую восполнить этот пробел в новой книге, некоторые главы которой уже написаны. Она будет, скорее всего состоять из трех частей:

1. Историческая аналитика в действии
2. Теория катастроф и ее роль в западной исторической аналитике, и
3. Историческая аналитика как общественное движение

В первой части будет дан обзор критических работ западных авторов относительно традиционных представлений историков и согласно используемым последними крупным историческим эпохам. Некоторые имена исследователей историко-аналитического направления, таких как Исаака Ньютона, Жана Ардуэна и Роберта Балдауфа, хорошо известны читателям книг по НХ. Я не собираюсь обходить вниманием этих выдающихся предшественников исторической аналитики в задуманной второй книге, но рассмотрю их деятельность – по крайней мере частично – под несколько иным углом, чем это обычно делается. Другие имена, такие как Теодора Лессинга, Вильгельма Каммайера и Иммануила Великовского, меньше известны в России. Я намерен посвятить им отдельные разделы и не обойти вниманием многочисленных современных историко-аналитических исследователей разных калибров.

Историческая аналитика в действии.

Под таким или близким ему общим заголовком мне хотелось бы дать обзор различных новых направлений в исследовании прошлого, рассказать о книгах писателей, увлеченных нетрадиционными подходами к видению прошлого. В основном я буду приводить результаты авторов, пишущих по-немецки. Авторы, с большинством из которых я хорошо знаком и книги которых доминируют сегодня в западной исторической аналитике тематику радикального изменения взгляда на прошлое. С некоторыми из них меня связывают дружеские или деловые отношения, многие из них принимали участие в созданных мной конференциях, участвовали в регулярной работе Исторических Салонов в Карлсруэ и Потсдаме, мной организованных, приезжали на Салоны с разных концов Германии и Швейцарии, выступая с докладами или участвуя в дискуссиях.

Другие относятся ко мне не слишком дружелюбно, подозревая во мне агента влияния новой хронологии и лично АТФ, которому – по незнанию и русского языка, и опубликованных по-немецки моих статей о НХ – и приписывают весь радикализм хронологической и историографической критики, идущей из России. Я постараюсь объективно описать заслуги и тех и других немецких авторов перед западной исторической аналитикой, ибо уверен, что российскому читателю будет полезно составить себе по возможности более полную картину развития альтернативной по отношению к НХ критики историографии и хронологии во всем ее многообразии и взаимной противоречивости в деталях.

Невозможно будет в одной книге дать исчерпывающий обзор результатов западных представителей исторической аналитики и их предшественников. Поэтому я пытаюсь склонить российские издательства к реализации программы перевода с немецкого, английского, французского, испанского и латыни книг, составляющих обширную библиотеку исторической аналитики. Речь идет

о десятках книг, так что многие издательства – если они сотрудничают с хорошими переводчиками – могут принять участие в реализации этой программы.

Во второй части следующей книги будет проанализирована все возрастающая **роль теории катастроф** в современной науке. В основе большинства историко-аналитических исследований на Западе лежит, как и в России, некая естественно-научная идея. Если в основе работ Н.А.Морозова, А.Т.Фоменко, Г.В.Носовского и других авторов НХ лежит идея строгой проверки всей астрофизической информации из исторических источников и проведения предельно точных ретроспективных расчетов (конечно, наряду с максимальным использованием самой квантифицированной и дигитализированной исторической информации), то почти вся историческая аналитика покоится на представлении о катастрофическом прошлом Земли и человечества, т.е. на теории катастроф. Без понимания этого обстоятельства представление об исторической аналитике окажется неполным и неверным.

Поэтому я вынужден буду довольно подробно представить в будущей книге историю развития теории катастроф и ее современное состояние, а также показать, как она работает в статьях и книгах исторических аналитиков в первую очередь при рассмотрении предысторической эпохи развития человечества и в эпоху возникновения и развития жизни на Земле. Без помощи катастрофических представлений, к которым сегодня склоняется все большее число ученых, пока не удастся интерпретировать «странные» археологические находки созданных рукой человека артефактов в геологических слоях, которые принято датировать многими миллионами лет.

Конечно, наряду с катастрофическим подходом в исторической аналитике представлены и гуманитарные методы исследований. Рассмотрим, например, в этом плане вкратце трех наиболее известных немецких историко-аналитиков, которые – каждый на свой манер – начинали свои критические исследования как убежденные катастрофисты. В работах социолога и экономиста Гуннара Гайнзона важное место играют историко-экономические и социологические представления, у Уве Топпера – искусствоведческие моменты и сравнительная теология, у Гериберта Иллига – сравнение архитектурных стилей и рассмотрение ранних технологий.

Чисто гуманитарный подход характеризует издаваемые к сожалению весьма ограниченными тиражами многочисленные книги историка Романа Ландау и связанных с ним и его издательством авторов. В то же время швейцарский автор Христоф Пфистер – тоже историк по образованию – активно осмысливает в своих книгах результаты российской НХ и придает большое значение анализу географических наименований и имен. Широта подхода характеризует одного из патриархов исторической аналитики Хорста Фридриха, в работах которого важную роль играют диффузионистские идеи и общая критика современной науки.

Историческая аналитика на Западе не ограничивается рассмотрением истории человечества. Она распространяет крайне скептическое отношение и на предысторию в самом широком смысле этого слова, о чем я подробно расскажу в следующей книге. Критический подход к прошлому, о котором пойдет речь в этой второй книге, захватывает также теорию эволюции и иные традиционные научные представления о прошлом, в особенности геологическую хронологию и историю Земли. Я рассмотрю его воздействие на наши представления о прошлом нашей планеты и на теорию эволюции Дарвина. В своей наиболее радикальной форме этот скептический подход затрагивает даже устоявшиеся астрофизические представления.

Одной из целей этой новой книги будет **наведение мостов между российской и немецкой исторической аналитикой**. Важную роль при этом играет понимание тех трудностей, которые

встречают идеи НХ даже в кругах движения за пересмотр традиционной исторической парадигмы. Рассмотрение вопроса о восприятии на Западе Российской Новой Хронологии я начинаю с обзора нелегкой судьбы идей Морозова на Западе. Не менее подробно рассматриваются и реакции отдельных западных авторов на теории АТФ и ГВН. В заключение рассмотрена перспектива улучшения сотрудничества между немецкими и российскими частями движения.

В третьей части запланированной книги я хотел бы рассказать и о формах организации историко-аналитического движения в США, Англии и Германии, об издаваемых в этих странах критических журналах, о существующих или существовавших обществах, близких к исторической аналитике, а также о первых шагах этого общественного движения в некоторых других европейских странах.

Под влиянием книг НМ, АТФ и НФ я посвятил существенную часть моих собственных историко-аналитических изысканий странам Азии. В ряде публикаций и докладов я рассматривал процесс выдумывания и творения истории азиатских стран и регионов (Индии, Китая, Бирмы, Месопотамии, Малой Азии и т.д.) и доказывал, что историками сочинялась не только знакомая нам с детства древняя история стран Средиземноморского бассейна. Выдуманная история средиземноморских цивилизаций была положена в основу придуманной же истории более далеких от Кипра стран Азии. Навязывание этим странам чуждой им европейской исторической идеи и привязка их выдуманной истории к ранее выдуманной европейской было одним из проявлений духовного колониализма, современные формы которого критикуются сегодня противниками глобализации.

После первых же контактов восточноазиатских стран с европейцами, последние начали насильствовать местные представления о прошлом. Истории в европейском смысле в восточной Азии, собственно, никогда не существовало, даже идеи истории в ее европейском хронологизированном варианте во многих восточноазиатских странах не было. Поэтому не одно столетие потребовалось европейцам (иезуитам и прочим сторонникам глобализации истории), чтобы убедить азиатских интеллектуалов (это удалось только к концу XVIII века, а в некоторых странах и значительно позже) в необходимости создания фиктивной истории их стран.

Результатам этих исследования мне хочется посвятить в будущем отдельную книгу. Тем не менее предполагалось включить в настоящую книгу главу о критическом рассмотрении истории Азии, в которой опытный читатель без труда обнаружил бы сильное влияние НХ. Этот замысел мне не удалось осуществить из-за оговоренных ограничений на объем данной книги.

Завершить настоящую книгу мне хочется призывом к читателям **принять активное участие в поиске новых свидетельств о фантастическом характере ТИ**. Это можно делать на локальном историческом материале, путем внимательного чтения старых книг, анализа старинных карт и картин художников («старых мастеров»), рассмотрения генеалогий дворянских родов и правителей небольших феодальных образований, применения статистики и теории вероятности. Хорошим подспорьем для вхождения в тематику могут служить связанные с исторической аналитикой страницы в Интернете, небольшой список которых хочу привести в заключение:

А. Российские сайты:

- Официальный сайт по новой хронологии "www.chronologia.org"
- Сайт проекта «Цивилизация» с активно посещаемым форумом, в котором обсуждаются и проблемы исторической аналитики тоже "www.newchrono.ru" /td>
- Книга «Многовариантная история России» Александра Гуца "<http://users.univer.omsk.su/~guts/History/manyvar.htm>"

- Новая Хронология Мировой Истории в презентации профессора математики Омского университета Александра Гуца "www.univer.omsk.su/foreign/fom/fomr.htm"

Б. Западные сайты:

- Общая презентация исторической аналитики на трех языках, включая русский, с архивом, библиотекой и форумом www.jesus1053.com (этот сайт в настоящее время закрыт, его содержание переехало на "<http://ru.geschichte-chronologie.de/>" - прим С.Н.)
- Берлинский Исторический Салон: "www.berliner-geschichtssalon.de"
- Издательство Mantis и журнал «Временные прыжки», а также все, связанное с творчеством Гериберта Иллига www.lelarge.de
- Общество ЭФОДОН и его журнал «Синезис»: "www.efodon.de/"
- Богато иллюстрированные коллекции Вольфганга Фишера камней со следами человеческой обработки и живописи на тему о дохристианской культуре "www.forschung-fischerprivat.de"
- Старые европейские религии дохристианской поры (Маттиас Венгер) "www.derhain.de"
- Берлинский Салон по истории и смежным областям исследований Фишера и Венгера (Маобитский Салон) "www.berlin-forscht.de"
- Изложение взглядов Христофа Маркса: "www.paf.li"
- Издательство DILLUM Христофа Пфистера и его статьи и книги: "www.dillum.ch"
- Страница Яна Заммера (Прага), содержащая в частности архив Великовского www.interpres.cz/worag/index.htm
- Лондонское Общество Междисциплинарных Исследований "www.knowledge.co.uk/sis/"
- Презентация последней английской книги АТФ "<http://www.history.mithec.com>"
- Катастрофизм "www.pibburns.com/catastro.htm"
- Аннотированная библиография по катастрофизму "www.pibburns.com/catasbib/history.htm"
- Запрещенная археология Михаэля Кремо "www.mcremo.com"
- Страница Дэвида Роля по его новой хронологии "www.knowledge.co.uk/xxx/cat/rohl/index.htm"
- Катастрофизм, неокатастрофизм и эволюция "www.knowledge.co.uk/sis/controv.htm"
- Книга «Темные столетия» Петера Джеймса с соавторами о древней хронологии

"www.centuries.co.uk"

- Канадская группа «Новая традиция», проповедующая новую хронологию и наднациональный подход (создана выходцами из СССР) "www.new-tradition.org" и "www.revisedhistory.org"

Исторические интересы канадского профессора математики Вислава Кравчевича

"www.math.ualberta.ca/~wkrawcew/history.htm"

Послесловие издателя

Мне посчастливилось знать Евгения Яковлевича лично. В 2008 году, по просьбе редакции альманаха "Арт & Факт" я написал статью к его 70-летию. Зимой 2009 года Е.Я. не стало.

Может быть, написанная в юбилейном жанре статья и не очень уместна для послесловия, но я надеюсь, что это даст читателю лучшее представление об авторе "Истории под знаком вопроса".

Знак вопроса как образ жизни (альманах "Арт & Факт" №2 2008)

30 августа 2008 года исполняется 70 лет классика жанра аналитической истории Евгению Яковлевичу Габовичу.

Свою жизнь Евгений начал как Еino – только так было возможно зарегистрировать ребёнка в те годы в Тарту, университетском центре Эстонии. С Тартусским университетом семью Габовичей связывало многое. Отец Евгения и учился там, и преподавал, пройдя путь от студента до доцента кафедры математики. Очевидно от отца, известного в Тарту человека, Евгений унаследовал любовь к математике, от матери – к языкам. На момент окончания школы он говорил на немецком, эстонском и русском языках, позже к ним добавились английский, испанский и турецкий. После неудачи с поступлением в ленинградский университет (в 1957 году "представителей некоренной национальности" не очень-то жаловали в ЛГУ) Евгений вернулся в Тарту, где начал учиться сначала в сельхозакадемии, а позднее в университете; так он стал математиком. Значительно позже тот же тартусский университет закончил и старший сын Евгения Яковлевича.

Воспитанное в интеллигентной семье критическое отношение к жизни выражалось в стремлении познавать "прописные истины" своим умом. Проверялось всё – от способов получения пороха до воздействия философии на математику. Когда на госэкзаменах студента Габовича спросили, как марксистско-ленинская философия помогает ему в математике, он уверенно ответил: "Никак!".

Позже, закончив аспирантуру МГУ и поработав в двух институтах, молодой учёный Габович столкнулся и с прямой подтасовкой фактов в интересах глобальной политики. Интересно, что для обоснования подтасовки привлекались математические ресурсы большого отраслевого института. Эту историю о получении дополнительных международных квот на ловлю рыбы Евгений Яковлевич описывает в своей книге "История под знаком вопроса". Очевидно, что хорошее знание кухни подтасовок на государственном уровне только укрепило его критические взгляды и сыграло не последнюю роль при решении эмигрировать в Германию в начале 1980-х.

Сегодня Е.Я. Габович – автор большого количества работ по исторической аналитике; именно так он предпочитает называть направление своих исследований. "Флагманская эскадра" его книг могла бы носить общее название "знак вопроса": "История под знаком вопроса", "История евреев под знаком вопроса", "Предыстория под знаком вопроса". В каждая из этих книг охватывается огромный пласт проблем, и каждая заставляет задуматься об основах наших представлений о прошлом. Поиск ответов на эти вопросы – дело не простое, требующее больших знаний, усилий и определенного мужества.

Евгений Яковлевич не боится задавать вопросы, и в этом мы с ним схожи. Лично меня восхищает его умение вести дискуссию с профессиональными историками, потому что я при прямых контактах с ними несколько теряюсь. Евгения же Яковлевича не смущает профессиональный авторитет собеседника, ибо он сам обладает огромным запасом знаний по первоисточникам исторической

науки. Во время последней нашей встречи в Таллинне в конце 2007 года на повестке дня всплыл вопрос о праздновании 555-летия маленькой морской деревни на побережье Финского залива. Помню, мы с Евгением Яковлевым встретились с известным эстонским историком, обладателем своеобразного мирового рекорда – он провёл более 130 часовых радиопередач по исторической тематике, и нам хотелось привлечь его к организации небольшой конференции в рамках юбилейных торжеств. Естественно, из этой затеи ничего не получилось – торжества с народными гуляниями и фольк-фестивалями не очень сочетаются с конференциями, носящими явный критический уклон. Но вопросы с той встречи остались, и историей деревни Кясму мне пришлось заняться.

А года два назад Е.Я. Габович замахнулся на святая святых – историографию еврейства. Как признаётся он сам – стыдно стало от упреков, что он де её не знает, и от невежества-то все его фантазии и произрастают. Подойдя к вопросу со свойственной ему дотошностью, учёный пришёл к парадоксальным выводам: из 200 источников по истории еврейского народа 197 написаны в XX веке. Кстати, этот факт как-то никто особенно и не опровергает – профессионалы выбрали здесь традиционную для себя позицию, а именно делают вид, что статьи не заметили.

Сейчас Евгений Яковлевич готовит к печати "Предысторию под знаком вопроса". Некоторые главы этой книги были опубликованы в № 9 журнала Арт&Факт.

Я тем временем пытался найти первоисточники замечательной даты родной деревни. Единственными несомненными фактами в этой истории оказались выпуски почтовой марки "Käsmu 550" в 2003 году и одноимённой книги в 2005-м. Всё остальное, мягко говоря, спорно. В качестве первого письменного упоминания названия деревни шведский историк Paul Johansen приводит рукопись "die Gregori Pape" 1453 года, где упоминается "... strand tho Kesemo". Отсюда, собственно, и вычислили возраст деревни в 555 лет. Именно этот отрывок текста известен широкой общественности. Однако Габович всегда подчёркивает важность контекста, и вот здесь-то обнаружилась типичная ситуация: суть документа – в подтверждении имущественных прав семьи Hastfer на владение двумя поместьями и побережьем. Более того, копия этого документа появилась в шведском государственном архиве в конце XVIII века, как раз в тот момент, когда имущественные права перешли от семьи Hastfer к семье Dellingshausen. Надо ли говорить, что оригинал рукописи утерян?

Более позднее упоминание названия деревни имеется в Ревельском городском архиве 1524 года – в одном из документов говорится о кровавом убийстве одного крестьянина другим в деревне Kaszmekul. На картах же XVI и XVII веков местность называется Casperwiek, и то же название носит залив (часть Финского залива). Существует легенда, что здесь потерпел кораблекрушение и чудесным образом спасся некий моряк Каспар, заложивший на берегу часовню и назвавший и её, и залив своим именем. Интересно, что сегодня в Кясму широко распространена и другая легенда о чудесном спасении вблизи наших берегов шведского короля. Заложил он, правда, не деревню, а знаменитую "горку желаний" из камней.

История деревни в XIX веке документирована богаче. Здесь появляется морской порт с правом приписки кораблей, морская школа и таможенная застава (оба здания замечательно дожили до наших дней). В морской школе получили образование 32 капитана дальнего плавания царского флота.

Сегодня существует несколько теорий происхождения этнонима Käsmu. Первая связывает его с именем капитана Каспара (Caspar), вторая возводит его к финскому Kesa (лето), третья его корни в якобы существовавшем ранее финском понятии kesanto – летнёвка (как противовес зимовке).

Действительно, плавный переход от Kesa-Kesanto к Käsmi кажется очень естественным. Каково же было моё изумление, когда выяснилось, что ещё в 1918 году деревня по-прежнему называлась Casperwiek! То есть реальное переименование в Käsmi произошло в 1920-е годы, когда всё немецкое замещалось на национальное, эстонское (так же как и Евгения переименовали в Eino). Кто и как выбрал это название для деревни Casperwiek – пока не ясно, но кажется, все сегодняшние этимологические гипотезы притянуты за уши.

А рассказал я эту историю в статье про Габовича потому, что без него она бы не родилась. Своё любопытство я бы постеснялся развить в вопросы к знатокам – ведь все они точно знали, сколько лет деревне! Правда, не очень помнили, откуда они это знают.

Евгений Яковлевич навещал меня здесь, и деревня ему очень понравилась. Сейчас, когда я пишу эту статью, он ещё не знает подробностей, которые мне удалось выяснить. Пусть это станет для него подарком, да и для деревни тоже – в любом случае у неё славная история и есть чем гордиться. У директора музея (а в нашей деревне есть и музей!) имеется множество занимательных историй и экспонатов из славного прошлого родины моряков.

Благодаря несгибаемому оптимисту Габовичу множество людей в России, Эстонии, Германии и, не побоюсь этого слова, в мире, научились критически относиться к "прописным истинам", внушаемым нам историками и политиками.

Сергей Нечаев

Цитаты и дополнения

Далее объемные цитаты и некоторые дополнения к основному тексту.

Джордж Орвелл об исправлении прошлого

«Уинстон набрал «обратные» номера телескрин и потребовал соответствующие выпуски Таймса. Спустя всего несколько минут они выскользнули из сопла автомата. Полученные им сообщения касались газетных телеграмм и статей, которые, по тем или иным причинам, подлежали переделке или, как было принято выражаться на официальном языке, — выпрямлению. Например, 17-го марта Тайме сообщал о произнесенной накануне речи Старшего Брата, в которой предсказывалось, что затишье на Индийском фронте будет продолжаться, но что в ближайшее время евразийцы начнут наступление в Северной Африке. Однако, случилось так, что Верховное командование Евразии повело наступление в Южной Индии, оставив в покое Северную Африку. Поэтому необходимо было переделать соответствующий абзац речи Старшего Брата таким образом, чтобы его предсказание совпадало с действительным ходом вещей. Или, в другом случае, Таймс 19-го декабря опубликовал официальное предсказание, касающееся выпуска разных товаров потребления в четвертом квартале 1983-го года, который одновременно был и шестым кварталом Девятой Трехлетки. Сегодняшний номер содержал отчет о действительном выпуске, причем обнаруживалось, что официальное предсказание грубо ошибалось в каждом случае. Работа Уинстона состояла в том, чтобы выправить первые цифры и привести их в соответствие с более поздними. Что касается третьего донесения, то оно относилось к очень простой ошибке, которую можно было исправить в две минуты. Совсем недавно, в феврале, Министерство Изобилия опубликовало обещание (или, на официальном языке, — «категорическое обязательство») не сокращать шоколадного пайка в 1984-ом году. Но на самом деле, как об этом уже знал Уинстон, в конце этой недели паек шоколада уменьшался с тридцати граммов до двадцати. Всё, что нужно было сделать Уинстону — это заменить прежнее обещание предостережением, что, быть может, в апреле или около этого времени придется сократить паек.

Как только Уинстон кончал с сообщением, он прикреплял записанное диктографом исправление к соответствующему номеру Таймса и совал его в пневматическую трубку. Затем, почти бессознательным движением, он комкал оригинальное сообщение и все свои заметки и опускал то и другое в щель-напоминатель, предоставляя пламени пожрать их.

Он не знал в подробностях, что происходило в запутанном лабиринте, куда вели пневматические трубы, но общее представление у него все же имелось. После того как все поправки, которые приходилось вносить в тот или иной номер Таймса собирались вместе, они тщательно сверялись, весь номер перепечатывался, оригинал уничтожался, и его место в архиве занимала новая исправленная копия. Этот процесс непрерывной переделки касался не только газет, но и книг, журналов, брошюр, афиш, листовок, фильмов, звукозаписей, карикатур, фотографий — всех видов литературы и всех документов, которые могли иметь какое-либо политическое или идеологическое значение. День за днем, почти даже минута за

минутой прошлое приводилось в соответствие с настоящим. Таким образом, правильность каждого предсказания Партии могла быть доказана документально. Ни одно газетное сообщение, ни одно мнение, которые противоречили нуждам дня, не сохранялись. Вся история становилась палимпсестом, на котором старые записи выскабливались и заменялись новыми всякий раз, когда это было необходимо. И ни в одном из этих случаев, — когда дело было уже сделано, — нельзя было доказать подлога. В самой большой секции Отдела Документации, значительно превосходившей ту, где работал Уинстон, служащие занимались только тем, что разыскивали и собирали все экземпляры книг, газет и других документов, которые считались отжившими и подлежали уничтожению. Номер Таймса, который в результате изменений политического курса или ошибочных пророчеств Старшего Брата перепечатывался чуть не десять раз, хранился до сих пор в архивах под первоначальной датой и не было ни одного другого экземпляра, чтобы опровергнуть его. То же самое и с книгами: их изымали, переписывали по нескольку раз и обязательно переиздавали без каких бы то ни было указаний на сделанные изменения. Даже письменные инструкции, получаемые Уинстоном, от которых он всегда спешил отделаться тотчас же после их использования, никогда не говорили о подлоге и даже не намекали на его возможность; говорилось лишь об упущениях, ошибках, опечатках или искаженных цитатах, нуждавшихся в исправлениях в интересах точности.

Но на самом деле, — думал он, подгоняя цифры Министерства Изобилия, — на самом деле это даже и не подлог. Это просто замена одной бессмыслицы другою. Большинство тех материалов, которые приходилось обрабатывать, не имели ничего общего с действительностью, не имели даже и подобия сходства с действительностью, какое содержится в прямой лжи. Статистические данные в первоначальных версиях были так же фантастичны, как и в исправленных. В большинстве случаев от вас ожидали просто выдумки. Например, по предварительным подсчетам Министерства Изобилия выпуск сапог должен был достичь в квартале ста сорока пяти миллионов пар. Действительное производство составляло, по официальным данным, шестьдесят два миллиона. Переписывая цифры предсказания, Уинстон, однако, уменьшил их до пятидесяти семи миллионов, чтобы можно было утверждать, что план был перевыполнен. Но, при всех условиях, шестьдесят два миллиона были ничуть не ближе к истине, чем пятьдесят семь или даже сто сорок пять миллионов. Скорее всего никаких сапог вообще не было выпущено. И уж во всяком случае никто не знает подлинных цифр производства и даже не стремится их узнать. Известно было лишь, что в каждом квартале производилось на бумаге астрономическое количество сапог, в то время, как быть может половина жителей Океании ходила босиком. И так было со всеми документами, касающимися и важных вещей и мелочей. Все постепенно исчезало в призрачном мире, где в конце концов даже и даты теряли свою точность.»

[Вернуться к основному тексту](#)

Письмо Л. Шера

В ходе работы над этой главой получил из Эстонии от своего родственника, известного эстонского журналиста и защитника прав неэстонских меньшинств, такое письмо:

Дорогой Женя!

Просто для подтверждения твоих мыслей о подделках фотографий могу привести два примера из моей жизни.

Как ты помнишь, правительственная трибуна во время демонстраций в Таллине располагалась на площади Победы, перед зданием Русского драматического театра. Когда я работал в Эстонском Телеграфном Агентстве, снимки этой трибуны доставляли нам неизбывные хлопоты, поскольку над нашей партией и эстонским советским правительством красовалась – на наших оригинальных фотоснимках – надпись: "Государственный русский драматический театр ЭССР". Можно было подумать, что это актеры зазывают зрителей на свой спектакль. На спектакль именно в "русский драматический театр", т.е. в имперский советский спектакль, поставленный неэстонскими режиссерами, а агентами имперской, т.е. русской власти. Тут уж каждому рядовому эстонцу стало бы ясно, что все наше руководство – это "Государственный русский драматический театр" под названием «Эстонская ССР". Т.е. мало того, что все происходящее в подневольной стране это – театр, он еще и русский!

Кроме того, нужно было, чтобы на снимке были

а) все члены руководства республики

б) чтобы они все стояли с поднятыми в приветствии руками.

Поскольку на трибуну они всходили 1 мая и 7 ноября, когда в Эстонии не жарко, то каждые несколько минут кто-нибудь из них исчезал, чтобы согреться бесплатным коньяком с бесплатными же бутербродами с икрой и прочими деликатесами. В подвале находящегося за трибуной здания театра располагался ресторан "Астория", который в эти дни превращался в коммунистический рай для избранной элиты. Поэтому одновременно на трибуне все они практически никогда не присутствовали.

Не могли наши вожди и стоять несколько часов с поднятой в приветствии рукой – как по физиологическим причинам, так и по причине того, что все время обменивались великосветскими сплетнями или отвлекались на стоящих за их спинами своих и чужих жен. Поэтому делались несколько десятков снимков.

Ретушировалась вывеска театра. Каждая фигура руководителя вырезалась в отдельности и аккуратно наклеивалась на ретушированный фон. И так мы жили себе спокойно многие годы. Скандал разразился, когда секретарь ЦК Компартии Эстонии по идеологии Рейн Ристлаан по покрою рукава опознал на очередной ретушированной фотографии свою руку, "пришитую" при монтаже второму секретарю ЦК Константину Васильевичу Лебедеву. Уступить свою эстонскую, пусть и верную компартии, руку присланному из Москвы надзирателю за идеологической чистотой маленькой советской республики, главный идеолог Эстонии не мог!

Другой эпизод связан с визитом в Индию Горбачева, у которого, как ты помнишь, родимое пятно на высоком лбу. Мы получили по фототелеграфу снимок Горбачева в Дели, под которым стояло указание: "Ретушь по голове обязательна!" Фотографию мы опубликовали, но большую часть головы Горбачеву оставили. Симпатичный был генсек, чего ему всю голову ретушировать!

Твой

Лейви Шер

[Вернуться к основному тексту](#)

Джордж Орвелл

Джордж Орвелл умер рано: в 1950 году, в возрасте 47 лет. Джордж Орвелл – это псевдоним, которым пользовался Эрик Артур Блейр, англичанин, родившийся в Индии, в Мотихари, в 1903 году. Он получил образование в Англии, в Итоне, работал в Индии полицейским, во Франции, где, как и позже в Англии, перебивался случайными заработками и жил на грани нищеты. В Англии Орвелл приобрел известность как писатель (автобиография в 1933 г., книга воспоминаний «Дни в Бирме», 1934) и автор литературно-критических статей. Считалось, что язык Орвелла-критика неповторим по своей сжатости, простоте и силе. По оригинальности мысли Орвелл – единственное в своем роде явление в английской литературе 20 века. Для нас он интересен, в первую очередь, глубиной проникновения в механизмы перекраивания истории, которые были обыденными как в гитлеровской Германии, так и в Советском Союзе.

В двух своих наиболее знаменитых книгах – «Скотский хутор» (1945) и «1984» (1949) – Орвелл затрагивал проблемы, о которых другие предпочитали молчать: и враги, и друзья тоталитаризма имели свои основания для замалчивания слишком детальных подробностей функционирования пропаганды, в том числе и исторической пропаганды, которая всегда подразумевает довольно вольное обращение с прошлым. Этим двум знаменитым произведениям предшествовала книга «Памяти Каталонии » (1938), посвящена гражданской войне в Испании, где Джордж Орвелл воевал, проведя несколько месяцев в окопах на линии огня, и был тяжело ранен.

Джордж Орвелл, убежденный коммунист, позднее анархист и социалист, член лейбористской партии, демонстрирует не просто лицемерие тоталитарного строя, а его тотальную лживость. И социалисты из социалистических республик, и таковые с национальным уклоном подминали под себя прошлое, стараясь использовать его в политических целях. Его неизменно приводили в ярость любые шаблонные идеи, вне зависимости от того, насаждались ли они извне (посредством политической доктрины) или же зарождались в самом человеке, будучи результатом его умственной лени либо подверженности модным течениям. Будь он жив сегодня, его симпатия к исторической аналитике была бы нам обеспечена.

[Вернуться к основному тексту](#)

Умберто Эко

Умберто Эко – не просто один из крупнейших писателей современной Италии, но и видный представитель современных гуманитарных наук, их проводник в мир средств массовой информации. При его непосредственном участии были основаны журналы "Marcatre" и "Quindici"; он также был редактором журнала "Versus" и входил (и отчасти входит и по сей день) в редколлегия журналов "Semiotica", "Degres", "Text", "Structuralist Review", "Communication", "Problemi dell'Informazione", "Alfabeta". С 1979 года является вице-президентом Международной ассоциации семиотических исследований. Умберто Эко – почетный доктор ряда университетов.

Родился Умберто Эко в уже упомянутой пьемонтской Александрии в 1932 г. В 1954 году получил докторскую степень в университете Турина, столица Пьемонта. В течение пяти лет работал в Милане редактором на телевидении, затем читал лекции в Туринском университете. Кроме того, преподавал в университетах Милана, Флоренции, Болоньи (где в 1975 году получил должность профессора на кафедре семиотики), а также в Миланском политехническом институте.

Писать Умберто Эко начал в конце 50-х годов. Его научная и литературная деятельность отмечены многочисленными премиями. Он был до недавнего времени известен российскому читателю как автор романов «Имя Розы» (1980), «Маятник Фуко» (1988) и «Остров накануне» (1995). В Советском Союзе их бы, быть может, еще и побоялись переводить, слишком уж убедительно рассказывает Эко разного рода выдумки, но в новой, книжной России ему была обеспечена широкая читательская аудитория. Вот и перевода «Баудолино» пришлось ждать всего 2-3 года. Четвертый роман Эко «Баудолино», изданный в Италии в ноябре 2000 г., сразу стал важным событием мирового книжного рынка и был переведен на многие десятки языков.

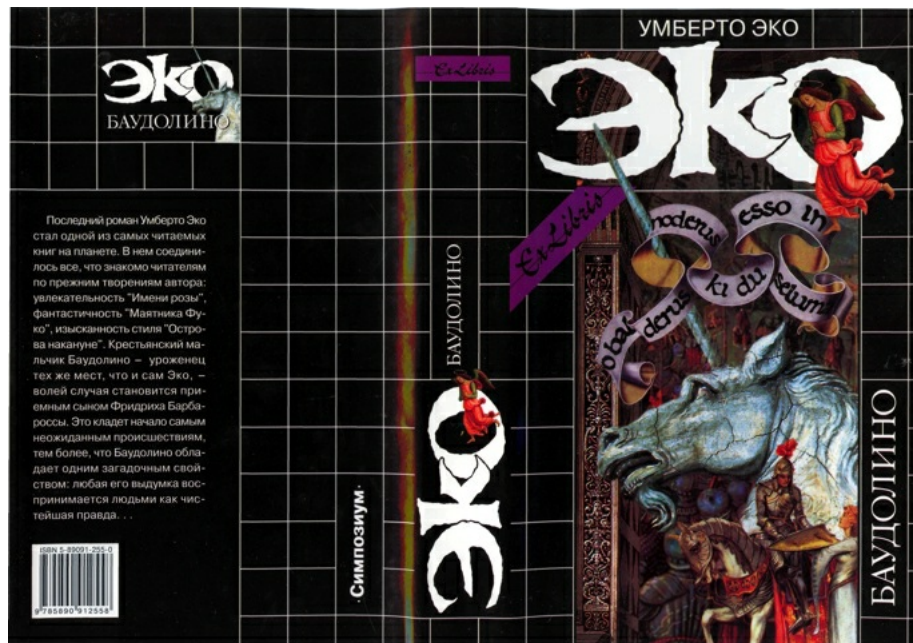

Рис. 2.4. Если бы "Баудолино" не был бы художественным произведением, то можно было бы считать этот "исторический роман" книгой по исторической аналитике, в которой – на примере средневековой историографии – вскрывается фантатсический и лживый характер всей древней истории.

[Вернуться к основному тексту](#)

С.Ф. Платонов об истории

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом, например, покажет вам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них в том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю, как нехудожественный рассказ о достопамятных событиях, древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о Скифах и т. под.); в одних он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, т. е. желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется, как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, практической приложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни (*magistra vitae*). От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой — обращал историю в «скиржалю откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII в.

(De Rocoles) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами, так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэ (1627–1704) и Лоран (1810–1887) понимали историю, как изображение тех мировых событий, в которых с особенною яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческою жизнью в своих целях. Итальянец Вико (1668–1744) задачею истории, как науки, считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный философ Гегель (1770–1831) в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял, как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкою сказать, что все эти философии требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли, — простой рассказ о былом вообще, или случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукою история стала только в начале XIX века, когда из Германии, в противовес французскому рационализму, развился идеализм: в противовес французскому космополитизму, распространились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

[Вернуться к основному тексту](#)

Эрудит Скалигер (Вайнштейн, стр. 375–377)

Солидность критического метода, богатство используемых источников, научная и сравнительно полная картина ранних периодов истории Франции — все эти черты исследований Фоше и Пакье уже предвещают новаторские труды самого блестящего представителя французской эрудиции XVI в. — Скалигера.

Иосиф Юст Скалигер (Lescale , 1540–1609) родился в г. Ажан (Гиень) в семье итальянского гуманиста, выдающегося филолога Юлия Цезаря Скалигера, натурализовавшегося с 1528 г. во Франции. По окончании высшей школы в Бордо Иосиф Юст с большим успехом занимался исследованием и комментированием римских авторов, особенно поэтов. Благодаря глубокому знанию древних языков и удивительному дару дивинации (!!! – Е.Г.) Скалигер добился в филологической критике результатов, затмивших достижения всех его итальянских предшественников. Его труды по исправлению текстов, его комментарии к ряду римских прозаиков (Варрон, Фест и др.) считались образцовыми и, по авторитетному свидетельству Я. Бернайса, сохранили и в XIX в. научное значение. Его справедливо считают одним из основоположников новейшей классической филологии.

Что касается исторической пауки, то здесь он открыл новые пути как создатель двух вспомогательных исторических дисциплин — хронологии и метрологии. Он же одним из первых оценил важность нумизматики для исторической науки («De re nummaria», Leyden, 1606).

Возникновение научной хронологии является одним из самых ярких и убедительных примеров тесной связи с актуальными общественно-политическими интересами даже таких отраслей знания, которые на первый взгляд кажутся совершенно оторванными от современности.

К тому времени, когда вышел первый труд Скалигера, заложивший основы упомянутых вспомогательных наук истории, — «Исправление хронологии» («De emendatione Temporum», 1583), проблемы хронологии приобрели важное значение в идеологической и политической борьбе между силами Реформации и силами католической реакции. По представлению математика и астронома Алоиза Лилия, указавшего на грубые погрешности в юлианском календаре (не так просто было все это! – Е.Г.) , папа Григорий XIII предписал с 4 октября 1582 г. ввести новый (григорианский) календарь, передвинувший для XVI в. все даты на 11 дней вперед. Протестанты увидели в этом новшестве выражение папской претензии на руководство «всем христианским миром» и сохранили верность старому стилю. Страсти особенно разгорелись, когда Генрих III особым эдиктом обязал всех своих подданных придерживаться нового стиля. В таких условиях появление труда Скалигера, в котором автор пытался научным путем опровергнуть расчеты Лилия, было с восторгом встречено протестантами. Возражения протестантского ученого

против нового календаря были ошибочны, но «Исправление хронологии» все же имело большое научное значение. Оно включало ряд специальных исследований о различных хронологических системах начиная с глубокой древности, исследований, поражающих тонкостью анализа и огромной эрудицией автора. Отныне, по выражению Бернайса, «хронология стала светочем истории (*Lumina historiae*)».

В 1598 г. «Исправление хронологии» вышло в радикально переработанном издании, включающем новые критические исследования библейской, раннехристианской (патриотической) и прочей церковной документации. В сущности вся римская церковная традиция была подвергнута самой тщательной проверке. Римскую курию мало волновало то, что здесь более научным методом, чем у Валлы или центуриатов, и, можно сказать, окончательно доказана подложность «Константинова дара» или древнейшего сборника папских декретов («Лжеисидоровы декреталии»). Но большим ударом для Рима явилось доказательство подложности Дионисия Ареопажита, служившего для исторического обоснования глубокой древности церковной иерархии, института монашества, многих церковных обрядов и т. п., якобы восходящих ко времени возникновения христианства.

[Вернуться к основному тексту](#)

О СЧИСЛЕНИИ ВРЕМЕНИ И НАЧАЛЕ ГОДА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ. ТАТИЩЕВ В.

1. см. эпиграф к этой главе

2. Разные годы. Год лунный. Год солнечный. Различные календари. Счисление лет хотя из самой древности во всех народах употребляемо, но с великою разностию и в разных отношениях, а именно: 1) долгота года, 2) начало оного, 3) причина, от которой счисление лет начинается, которое именуется эпоха. Долгота или продолжительность года у древних народов счислялось весьма разнo. У халдеев и египтян сперва год был не более как 1 месяц, о чем говорит Гассендий в Календаре римском; 1) у ибериев 4 месяца, у аркадиев три месяца, у персиян 365 дней, у латинов 13 месяцев, у римлян во время Ромула 10 месяцев, у евреев хотя 12 месяцев, но лунных, Юлий Цесарь исчислил 365 дней и 5 часов. Ныне новый астрономический календарь счисляет год по движению солнца, как оное снова к той же звезде придет. Оное время, по счислению Бланхина, 2) 365 дней 5 минут 49 секунд, по новому 365 дней 5 часов 49 минут 50 секунд, из-за чего ныне разность нового календаря со старым уже до 12 дней стала.

3. Начало года. Начало года также у разных народов разное, взирая на долготу года, полагаю, но у счисляющих 12 и 13 месяцев в начале весны, то есть от 1-го марта, у других точно от равноденствия, у иных в первое новолуние по равноденствию, другие в осень, как то у римлян с 29 августа, а Константин Великий положил 1-го сентября. У нас по временам переменялось и разделялось.

4. Эпоха. Греческая. Калвизиева. Лютерова. Магометанский. Эпохи или времена, от которых счисление лет происходили, в самой древности у египтян, ассирийцев и у еврей исчисляли только по летам владетелей, как и ныне в Китае и Индии счисляется, у римлян от построения Рима, у греков олимпиадами от лет олимпийской игры. Потом иудеи, греки и римляне стали исчислять по Библии от сотворения мира. Однако ж оное исчисление разнo. Кальвизий Сетус, 3) бывший в Лейпциге астрономом, за наилучшего исчислителя по Библии у всех почитается. По его счислению ныне 5678-й, а по греческому 7237-й. Рождение Христово по Калвизиеву счислению произошло 3947-го, по Лютерову 3970-го, по греческому 5500-го. Следственно, от рождества у греков с римским разница 8 лет, которое Димитрий Ростовский в Келейном его летописце трудился исправить и погрешность изъяснить, но оставил неисполненным. Магометане исчисляют их эпоху от бега Магометова в Медину, что учинилось после Христа в 622-м году, в сентябре, и потому по их счислению ныне [в 1749 году] идет 1127 год.

5. Сентября начало. Генварь. Какое счисление времени до принятия веры христовы наши предки имели, о том ничего написанного не имеем, кроме что Байер в Комментариях Академии в томе III-м о скифах показал, в котором, может, у славян

закljučается начало года с весны. После принятия веры стали у нас числить от начала мира, но в 7208-м Петр Великий, оное оставив, повелел числить от Христа 1700 лет. Начало же года у нас сперва счислялось от весны, точно так, как, думаю, у оставшихся в идолопоклонничестве сарматов – от новолуния после равноденствия, как до сих пор вотяки, вогуличи, черемиса и прочие, или по сошествии снега в северных пределах в первое новолуние сходясь, молятся и торжествуют. После принятия веры христовы церковный год счисляли от первого марта, а гражданский от первого сентября, но историки более древнее начало с весны употребляли, как у Нестора и последователей его видно, от дня Пасхи год начинали. И хотя они точно о начале года не поминают, но так как они в сказаниях не только числа месяцев, но дни седмичные и святых упоминают, то оное начало достаточно видимо. В 1342-м при митрополите Феофане в прении о начале года, приключившемся на соборе в Москве, решено и положено как церковный, так гражданский год начинать сентемврия от первого числа, а в 1700-м повелено счислять от первого геннуария. Однако ж видим, что одному событию разные историки разное время указывали, чему в пример ч. II, н. 646.

6. Смятение истории. Вышеобъявленная троякая разность начала года причина смятения лет в истории русской, что в разных манускриптах одно дело в разных годах положено, 1, 2, и 3 года после, нежели в другом; ибо как переписчики, видя месяцы и числа по переменению начала года, один те месяцы приложил к прошедшему, другой к наступающему, и тем нанесли разность. Другое смятение, как писатели стали по разным местам писать, то один ближайший в том году, как учинилось, положил, а другой, после уведав, год и 2 после внес и с разными обстоятельствами описал. Третье, некоторые одну войну или какое приключение, продолжившееся чрез два или три года, по годам разделяли, а другой, не различая лет, в один год заключил, что и у Нестора видимо; например, о Печерском монастыре и его начале и продолжении, хотя времени более 10-ти лет было, в одном месте положено. Четвертое, как некоторые из разных манускриптов сочиняли и, видя одно дело в разных годах с разными обстоятельствами описано, дважды внесли, да и такие, которым быть невозможно, например рождения и кончины по дважды кладены, которые мне весьма немало труда доставили, чтоб такие погрешности исправить. Для того я принужден был на все то время пасхальную табель сделать и по оной прямой год ссыскивать, ибо они часто при числах месяца дни седмичные упоминали, например в понедельник 6-го апреля, иногда день и святого, для которого я опять принужден был всем святым роспись алфавитную сделать. Благодаря этому в сыскании правильного года настоящую правдивость установить было нетрудно, однако ж двойные сказания сложно распознать, доколе роспись алфавитная всех имен и обстоятельств сочинена не будет. Пятое, многие князи имели по 2 имени, одно княжеское славянское, другое при крещении по святым данное, как в гл. 4924 показано, и хотя они более княжескими именовались, но некоторые суеверные писатели, оставив те, данными при крещении именовали, а к тому, как князи часто владения переменяли, то иногда весьма трудно было дознаться, о ком говорят, ч. II, н. 382, 545.

7. Польских погрешности. Что же польские писатели в летах с русскими разнятся, то оное от того произошло, что они писали лета от Христа, а правильно счисления

русских историков рассчитать не прилежали, 8 лет иногда и более погрешали и после учинившегося клали, в чем и Стрыковский, приметив, Кромера и Бельского обличает. Ч. II, н. 610, 613.

8. Байер в Комментариях Академии Санктпетербурской, части III, хронологию скифскую сочинил, в котором показывает годы когда что скифы знатное учинили. Кирхер 4) преизрядную хронологию татар или калмыков сочинил, которые я на русский перевел. Но так как они обе к нашей истории не относятся, потому оные в Академию императорскую отдал, которая может с другими тому подобными известиями для любопытных напечатает, только здесь таблицу Байерову приобщил.

ПРИМЕЧАНИЯ принадлежат перу неизвестного мне администратора соответствующей страницы в Интернете (на момент подготовки электронного издания страница была уже не доступна – С.Н.).

1 Гассенди Петр (Gassendus Petrus, Gassend Pierre, 1592-1655), французский астроном и математик. Татищев пользовался его Римским календарем ("Calendarium romanum"), напечатанным в собрании сочинений Гассендия "Opera omnia" (Lugduni, 1685).

2 Бланхин (Blanchinus, Blanchini, XV в.), итальянский математик. Составил астрономические таблицы, которые были изданы с дополнением Люка Таурици. (Luca Taurici) в 1562 г. в Венеции.

3 Кальвизий Сетус (Calvisius Sethus, Kallwitz Seth, 1556-1617), немецкий астроном, автор труда о хронологии "Opus chronologicum" (Thiem, 1629, в 4-х томах) (Татищев пользовался изданием: Francoforti, 1635).

4 Кирхер. Кирх Кристоффрид (Kirch Christfried, 1694-1740), немецкий астроном. Его работа была переведена на русский язык К. А. Кондратовичем в 1737 г. под названием "Изъяснение татарской хронологии".

[Вернуться к основному тексту](#)

К главе "Почему и с какой целью вообще возникает историческое летописание?"

Три знаменитых историка XIX века – Густав Дройзен, Якоб Букхардт, Теодор Момзен.

Якоб Букхардт прославился в первую очередь своей двухтомной "Культурой Ренессанса в Италии" (1860).

Йоган Густав Дройзен был не только политизированным историком, но и политком, обосновывавшем идею национального государства. Он видел в военной организации Македонского государства Филиппа и Александра положительный пример для Пруссии. Политке последней он посвятил 14-томный труд (1855 – 1866), в котором пытался доказать, что с XV века Пруссия работала над созданием немецкого государства.

Наконец, гениальный Теодор Момзен, автор несметного количества публикаций, прославился своими многочисленными исследованиями римской истории, за которые и был удостоен Нобелевской премии по литературе. Считал историю частью филологии.

[Вернуться к основному тексту](#)

К главе "Фальшивая история преследования ведьм."

Рис. 4.9. Преследование мудрых женщин, оклеветанных как злых и вредных "ведьм", было делом рук гуманистов. Что может быть гуманнее сжигания живьем носительниц языческого медицинского знания. Одним из самых рьяных инициаторов этого массового преступления был известный историк, юрист и политический философ XVI века Жан Боден (якобы 1529 – 1596). За достоверность его изображения на этом рисунке ручаться не берусь.

[Вернуться к основному тексту](#)

Рис. 5.2. Размер скульптуры Великого Кима в Пхеньяне говорит сам за себя: нет, не было и не будет никогда и нигде более великого кормчего, чем наш любимый упитанный выше среднего Кимчик. Не только недокормленным северокорейским солдатам, копошащимся словно муравьи у ног великого вождя, но и всем нам должно быть ясно, что единственная верная хронология – это отсчет дат со дня рождения Ким Ир Сена. Будем надеяться, что широко распространенная среди историков ошибка не указывать даты от рождения Кима сможет быть со временем устранена путем пересчета коммунистическими их коллегами. Ведь им не пришлось раскачиваться в течение XV – XVI веков с введением новой точки отсчета для эры от рождения основателя новой религии.

[Вернуться к основному тексту](#)

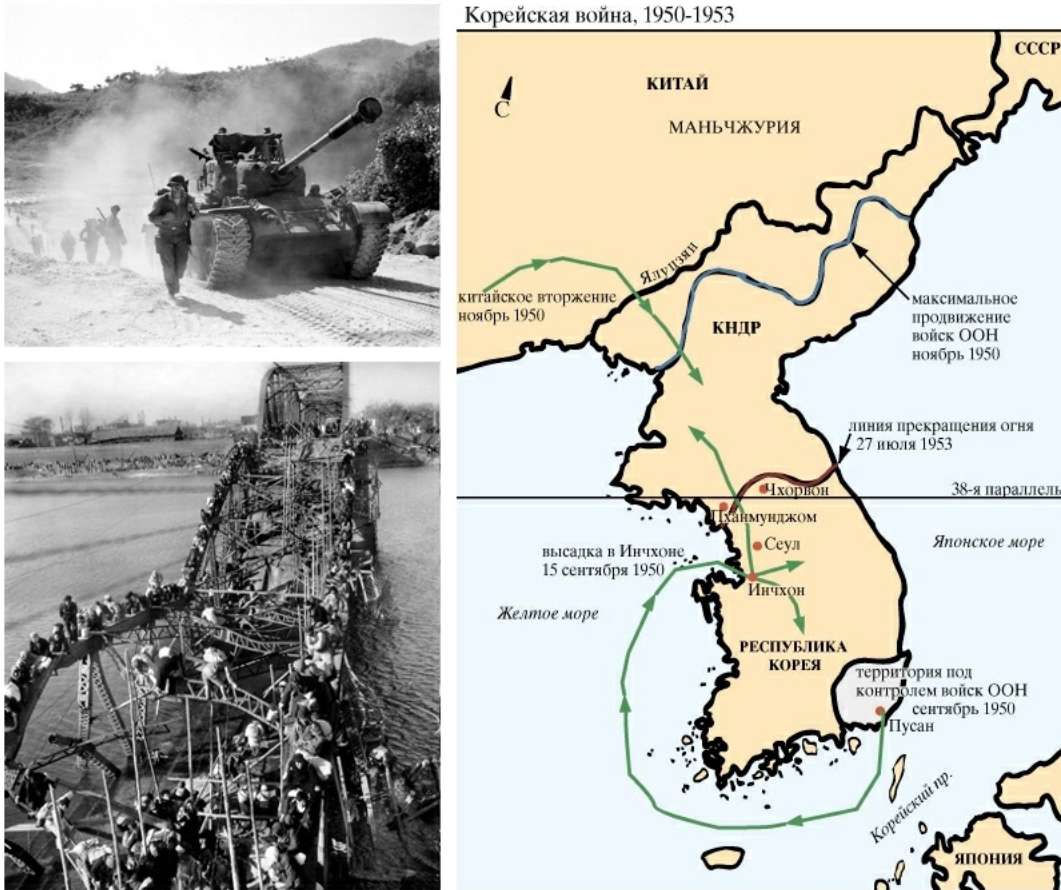

Рисунок 1.1. Война в Корее 1950 – 1953 годов. Сначала КНДР захватила всю Южную Корею, кроме небольшого с трудом обороняемого района вокруг южнокорейского Пусана. Затем войска ООН (в первую очередь США) высадили десанты с западного и восточного берега Кореи, разгромили армию КНДР и отвоевали почти всю территорию Кореи, в том числе и Северной. После этого в октябре 1950 года в войну вступил Китай и война велась с переменным успехом еще два с половиной года.

[Вернуться к основному тексту](#)